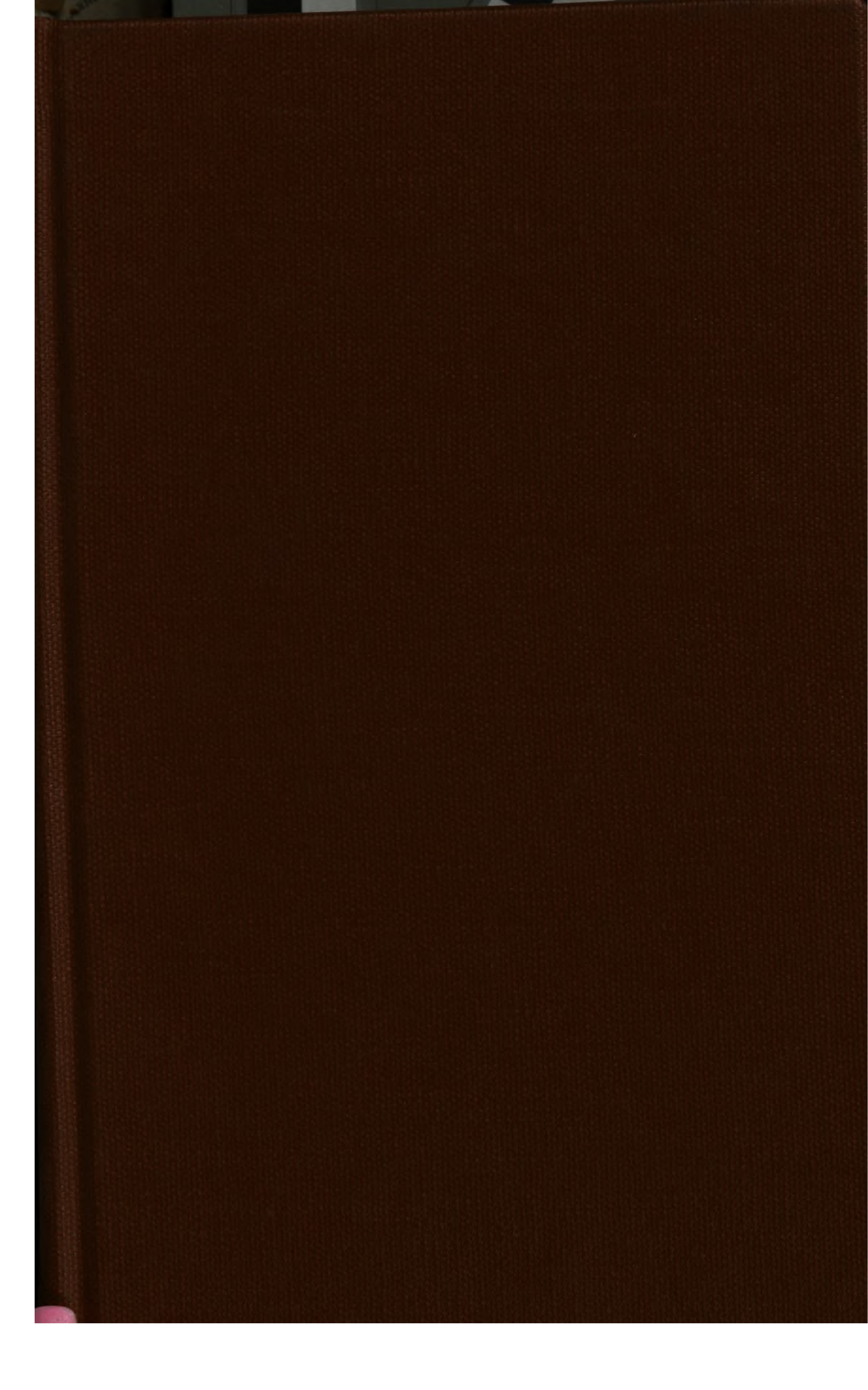


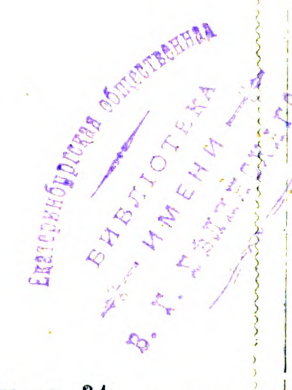
٤

СОВРЕМЕННОСТЬ.

1906.

№ 2 апрѣль.





С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. 34.
1906.

страни.

(*См. 3-ю стр. обложки*).

ИСТОРІЯ МОЕГО СОВРЕМЕННИКА.

Ученіе.— Первые самостоятельные шаги.—Пансіонъ Рыхлинскаго.

Читать меня учили тетки по матери и, конечно, по-польски. Первая прочитанная книга была тоже польская. Затѣмъ меня отдали въ маленькій польскій пансіонъ пани Окрашевской.

Это была очень добрая женщина, которая вынуждена была заняться педагогіей собственно потому, что ее бросилъ мужъ, оставивъ съ двумя дочерьми на произволъ судьбы. Она дѣлала, что могла: у нея я выучился французскому чтенію и „вокабуламъ", а затѣмъ она заставила меня вытверживать на польскомъ языкѣ „историческія пѣсни Нѣмцевича". Мнѣ онѣ нравились, и мой умъ обогатился, между прочимъ, стихотворными свѣдѣніями изъ польскаго гербовника. Но когда добрая женщина, желая сразу убить двухъ зайцевъ,—заставила меня изучать географію по французскому учебнику, то мой дѣтскій мозгъ рѣшительно запротестовалъ. Напрасно она стала уменьшать порціи этихъ полезныхъ знаній,—до полу-страницы, одной четверти, пяти строкъ, одной строки... Я сидѣлъ надъ книгой, на глазахъ моихъ стояли слезы, и опытъ кончился тѣмъ, что я не могъ уже заучить даже двухъ рядомъ стоящихъ словъ...

Вскорѣ послѣ этого я заболѣлъ перемежающейся лихорадкой, а послѣ болѣзни меня отдали въ большой пансіонъ „пана Рыхлинскаго", гдѣ уже учился мой старшій братъ.

Это былъ одинъ изъ значительныхъ переломовъ въ моей жизни...

Въ пансіонѣ Окрашевской учились одни дѣти, и я чувствовалъ себя тамъ ребенкомъ. Меня привозили туда по утрамъ, и по окончаніи урока я сидѣлъ и ждалъ, пока за мной заѣдетъ кучеръ, или зайдетъ горничная. У Рыхлинскаго учились не только маленькіе мальчики, но и велико-

возрастные молодые люди, умѣвшіе уже иной разъ закрутить порядочные усики. Часть изъ нихъ училась въ самомъ пансіонѣ, другіе ходили въ гимназію. Такимъ образомъ, я съ гордостью сознавалъ, что становлюсь членомъ какой-то корпораціи, начинавшейся моими сверстниками, но восходившей почти до зрѣлаго возраста, и мнѣ было лестно подумать, что теперь и я буду шагать, какъ полноправный членъ, въ этой толпѣ, когда она отправится на прогулку или на купаніе.

Затѣмъ, послѣ двухъ-трехъ разъ, когда я хорошо узналъ дорогу,—мать позволила мнѣ идти въ пансіонъ одному...

Я отлично помню это первое свое самостоятельное путешествіе. Въ лѣвой рукѣ у меня была связка книгъ и тетрадей, въ правой—небольшой хлыстъ для защиты отъ собакъ. Въ это время мы переѣхали уже изъ центра города на окраину, и домъ нашъ окнами глядѣлъ на пустырь, по которому бѣгали стаями полу-одичавшія собаки... Я шелъ, чувствуя себя такъ, какъ, вѣроятно, чувствуютъ себя въ дѣвственныхъ лѣсахъ охотники. Сжимая хлыстъ, я зорко смотрѣлъ по сторонамъ, ожидая опасности. Еврейскій мальчикъ, бѣжавшій въ ремесленное училище; сапожный ученикъ, съ выпачканнымъ лицомъ и босой, но съ большимъ сапогомъ въ рукѣ; длинный верзила, шедшій съ кнутомъ около воза съ глиной; наконецъ, бродячая собака, пробѣжавшая мимо меня съ опущенной головой,—всѣ они, казалось мнѣ, знаютъ, что я, маленькій мальчикъ, въ первый разъ отпущенный матерью безъ провожатыхъ, у котораго вдобавокъ въ карманѣ лежитъ сумма въ 3 гроша ($1^1/_2$ копѣйки). И я былъ готовъ отразить нападеніе и еврейскаго мальчика, и мальчика съ сапогомъ. Только верзила,—я сознавалъ это,—можетъ меня легко ограбить, а собака могла быть бѣшеная...

Наконецъ, я подошелъ къ воротамъ пансіона и остановился... Остановился лишь затѣмъ, чтобы продлить ощущеніе особаго наслажденія и гордости, переполнявшей все мое существо. Подобно Фаусту, я могъ сказать этой минутѣ моей жизни: „Остановись, ты прекрасна!“ Я оглядывался на свою короткую еще жизнь и чувствовалъ, что вотъ я уже какъ выросъ и какое, можно сказать, занимаю въ этомъ свѣтѣ положеніе: прошелъ одинъ черезъ двѣ улицы и площадь, и весь міръ признаетъ мое право на эту самостоятельность...

Должно быть, было что-то особенное въ этой минутѣ, потому что она запечатлѣлась навѣки въ моей памяти и съ внутреннимъ ощущеніемъ, и съ внѣшними подробностями. Кто-то во мнѣ какъ бы смотрѣлъ со стороны на стоящаго у воротъ мальчика, и, если перевести словами результаты этого осмотра, то вышло бы приблизительно такъ:

— Вотъ-я! Я тотъ, который когда-то смотрѣлъ на ноч-

ной пожаръ, сидя на рукахъ у кормилицы, тотъ, который колотилъ палкой въ лунный вечеръ воображаемаго вора, тотъ, который обжегъ палецъ и плакалъ отъ одного воспоминанія объ этомъ, тотъ, который замеръ въ лѣсу отъ перваго впечатлѣнія лѣсного шума, тотъ, котораго еще недавно водили за руку къ Окрашевской... И вотъ теперь я тотъ, что безстрашно прошелъ мимо столькихъ опасностей, подошелъ къ самымъ воротамъ пансіона, гдѣ я уже имѣю высокое званіе „пансіонера"; и я смотрю кругомъ и кверху. Кругомъ—улица и дома, вверху—старая перекладина воротъ, и на ней два голубя. Одинъ сидитъ смирно, другой ходитъ взадъ и впередъ по перекладинѣ и воркуетъ какъ-то особенно пріятно и чисто. И все кругомъ чисто и пріятно: дома, улица, ворота и особенно высокое синее небо, по которому тихо, какъ будто легкими толчками, передвигается бѣлое облако.

И все это—мое, все это какъ-то особенно проникаетъ въ меня и становится моимъ достояніемъ.

Отъ восторга я чуть не вскрикнулъ и, сильно взмахнувъ книгами, зашагалъ черезъ дворъ огромными для моего возраста шагами... И мнѣ казалось, что со мною въ пансіонъ Рыхлинскаго вступилъ кто-то необыкновенно значительный и важный... Это, впрочемъ, не мѣшало мнѣ относиться съ величайшимъ благоговѣніемъ ко всѣмъ пансіонерамъ, поступившимъ ранѣе меня, не говоря, конечно, объ учителяхъ...

Къ сожалѣнію, я не могу сказать, чтобы въ этомъ пансіонѣ господствовало послѣднее слово педагогической науки. Самъ Рыхлинскій былъ человѣкъ уже пожилой, на костыляхъ. У него была коротко остриженная квадратная голова, съ мясистыми чертами широкаго лица; плечи, отъ постояннаго упора на костыли, были необыкновенно широки и приподняты, отчего весь онъ казался квадратнымъ и грузнымъ. Когда же, иной разъ, сидя въ креслѣ, онъ протягивалъ впередъ свои жилистыя руки и, вытаращивъ глаза, вскрикивалъ сильнымъ голосомъ:

— Кос-ти пере-ломаю!.. всѣ кости...—то наши дѣтскія души уходили въ пятки... Но это бывало не часто. Старый добрякъ экономилъ этотъ эффектъ и прибѣгалъ къ нему лишь въ крайнихъ случаяхъ.

Языкамъ обучали у Рыхлинскаго очень оригинальнымъ способомъ: съ перваго же дня поступленія я узналъ, что я долженъ говорить одинъ день по-французски, другой—по-нѣмецки. Я не зналъ ни того, ни другого языка, и какъ только заговорилъ по-польски,—на моей шеѣ очутилась веревочка съ привѣшенной къ ней изрядной толщины дубовой линейкой. Линейка имѣла форму узкой лопатки, на ко-

торой было написано по-французски „la règle“, а на другой сторонѣ по-польски „dla bicia“ (для битья). Къ завтраку, когда всѣ воспитанники усѣлись за пять или шесть столовъ, причемъ за среднимъ сидѣлъ самъ Рыхлинскій, а за другими—его жена, дочь и воспитатели, то Рыхлинскій спросилъ по-французски:

— У кого линейка?

— Иди! Иди!—стали толкать меня товарищи.

Я робко подошелъ къ среднему столу и подалъ линейку.

Рыхлинскій былъ дальній родственникъ моей матери, бывалъ у насъ, игралъ съ отцомъ въ шахматы и очень ласково обходился со мною, когда меня иной разъ, по вечерамъ, въ воскресенье привозили въ пансіонъ въ гости. Но тутъ онъ молчаливо взялъ линейку, велѣлъ мнѣ протянуть руку ладонью кверху и... черезъ секунду на моей ладони остался красный слѣдъ отъ удара... Въ дѣтствѣ я былъ нервенъ и слезливъ, но отъ физической боли плакалъ рѣдко; не заплакалъ и этотъ разъ и даже не безъ гордости подумалъ: вотъ уже меня, какъ настоящихъ пансіонеровъ, ударили и „въ лапу“...

— Хорошо,—сказалъ Рыхлинскій.—Возьми линейку и отдай кому-нибудь другому. А вы, гультàи, научите малаго, что надо дѣлать съ линейкой. А то онъ носится съ нею, какъ дурень съ писаной торбой.

Дѣйствительно, я носилъ линейку на виду, тогда какъ надо было спрятать ее и накинуть на шею тому, кто проговаривался польскимъ или русскимъ словомъ... Это походило немного на поощреніе шпіонства, но, при общемъ тонѣ пансіона, превратилось въ своего рода шутливый спортъ. Ученики весело перекидывались линейкой, и тотъ, кто приходилъ съ нею къ столу,—мужественно принималъ крѣпкій ударъ.

За то во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ всякое шпіонство и взаимныя жалобы совершенно искоренялись. Въ тѣхъ случаяхъ, когда какой-нибудь новичекъ приходилъ съ жалобой или доносомъ, Рыхлинскій немедленно вызывалъ виновнаго и производилъ строгое разслѣдованіе. Если доносъ оказывался вѣрнымъ, — слѣдовало наказаніе: шла въ ходъ та же линейка, или виновный ставился на колѣни. Но при наказаніи непремѣнно долженъ былъ присутствовать и доносчикъ. Иной разъ Рыхлинскій спрашивалъ его:

— Ну, что? Тебѣ теперь пріятно?

Но и безъ этого вопроса, донесшій чувствовалъ, что жалоба на товарища осуждается болѣе, чѣмъ самый проступокъ, вызвавшій жалобу. Чувствовалъ онъ и то, что вся масса учениковъ смотритъ сочувственно на стоящаго на ко-

лѣняхъ и съ презрѣніемъ на доносчика. Нѣкоторое время послѣ этого его дразнили звуками, похожими на блеяніе козы, и звали его тоже „козою“...

Впрочемъ, на первыхъ порахъ мнѣ пришлось пережить въ этомъ пансіонѣ нѣсколько тягостныхъ впечатлѣній, виновникомъ коихъ являлся нѣкій панъ Пашковскій, учитель математики.

Это былъ человѣкъ лѣтъ за тридцать, большого роста, худощавый, но сильный и довольно красивый. Я, впрочемъ, тогда плохо цѣнилъ его всѣми признаваемую красоту. Мнѣ казались крайне непріятными его большіе, круглые, какъ у птицы, глаза и острый носъ съ сильной горбинкой, напоминавшій клювъ ястреба. Усы у него были длинные, нафабренные, съ концами, вытянутыми въ ниточку, а ногти на рукахъ онъ отпускалъ и холилъ... Они у него были очень длинные и заостренные на концахъ... Вообще весь онъ былъ какой-то выхоленный, щеголеватый и чистый, носилъ цвѣтныя жилетки, кольца на рукахъ и цѣпочки съ брелоками и распространялъ вокругъ себя запахъ помады, крѣпкаго табаку и духовъ. Во время уроковъ онъ или подчищалъ ногти какой-то костяшкой, или старательно поправлялъ усы концами длинныхъ, костлявыхъ и закуренныхъ до желтизны пальцевъ... Старшіе шутили, что онъ ищетъ себѣ богатую невѣсту и уже потерпѣлъ нѣсколько неудачъ. Впослѣдствіи онъ всетаки, кажется, женился на богатой старухѣ, но въ промежуткѣ мнѣ суждено было воспріять отъ этого красиваго мужчины первыя основы математическихъ познаній...

Дѣло это какъ-то сразу пошло у насъ не настоящей дорогой. Мнѣ казалось почему-то, что этотъ рослый человѣкъ, должно быть, питаетъ неодолимое презрѣніе къ очень маленькимъ мальчикамъ, и я сразу робѣлъ въ его присутствіи. То же испытывалъ и одинъ изъ моихъ товарищей, Суринъ, съ которымъ мы были самые малые ростомъ во всемъ пансіонѣ, и оба не могли почему-то понять ни одного правила и въ особенности ни одной „повѣрки“...

Тогда панъ Пашковскій принимался намъ „объяснять“. Помню до сихъ поръ, какъ онъ въ одинъ изъ первыхъ же уроковъ ласково взялъ меня за талью, поставилъ рядомъ со своимъ стуломъ и положилъ мнѣ на голову лѣвую руку. И я сразу почувствовалъ, что къ поверхности моей коротко остриженной головы прикасаются пять ногтей, острыхъ, какъ иголки.

— Ну, милый мальчикъ, понялъ?.. Понялъ? Ну, хорошо, когда понялъ... Когда понялъ, то объясни теперь намъ...

Въ его большихъ зеленоватыхъ глазахъ на выкатѣ начинала злорадно бѣгать какая-то искорка, которая меня сму-

щала. И по мѣрѣ того, какъ я сбивался и путался, его ногти потихоньку вонзались все глубже въ мою кожу. Разумѣется, послѣдніе проблески пониманія испарялись изъ моей злополучной головы, и я начиналъ присѣдать все ниже, ниже, до самаго пола, а ногти впивались все глубже...

— Ну, этотъ понялъ,—говорилъ тогда Пашковскій,—иди теперь ты, Суринъ...

Къ доскѣ онъ насъ вызывалъ тоже вмѣстѣ. Мы выходили, покорные своей судьбѣ, становились у большой доски и, поднимаясь на ципочки, начинали выводить мѣломъ цифры. Когда наступала минута „объясненія" правила или „повѣрки",—въ глазахъ Пашковскаго, сидѣвшаго невдалекѣ отъ доски опять появлялась искорка...

— Объясни ему, Суринъ!—говорилъ онъ товарищу моихъ бѣдствій... Круглое лицо бѣдняги поворачивалось ко мнѣ, и на меня глядѣли его печальные, глубокіе сочувственные глаза, а въ голосѣ звучала надежда, что я какимъ-то чудомъ пойму то, чего онъ самъ, очевидно, не понималъ...

— Ну что, понялъ?—спрашивалъ Пашковскій.

— Понялъ,—отвѣчалъ я тихо.

— Понялъ?—Вотъ и отлично, такъ объясни теперь ему....

Мы оба смолкали и глядѣли другъ на друга, чувствуя, что въ нашемъ мучителѣ накипаетъ подъ насмѣшкой бѣшенство. И дѣйствительно онъ внезапно схватывалъ съ ближайшей кровати подушку и швырялъ въ насъ. Иной разъ, не довольствуясь одной подушкой, онъ вставалъ и обходилъ весь дортуаръ, и съ каждой кровати въ насъ летѣли подушка за подушкой. Мы давно лежали на полу, а гора подушекъ все вырастала надъ нами, заваливъ до половины и классную доску.

— Ты дышешь?—спрашивалъ меня тихонько товарищъ моихъ бѣдствій.

— Дышу... А ты?

— Ничего... можно...—отвѣчалъ онъ, и оба мы, конечно, были бы не прочь пролежать такъ до конца урока. Скоро, однако, наше благополучное погребеніе кончалось. Пашковскій расшвыривалъ опять подушки по кроватямъ и воскрешалъ насъ для новаго мучительства...

Однажды онъ подошелъ ко мнѣ съ какимъ-то зловѣщимъ выраженіемъ въ лицѣ и, схвативъ за шиворотъ, поднялъ своей сильной рукой на воздухъ. Глаза у него были вытаращены, онъ поводилъ ими изъ стороны въ сторону, какъ бы ища чего-то по стѣнамъ.

— Гдѣ?.. гдѣ?.. гдѣ тутъ хорошій гвоздь?.. Повѣшу негодяя.

Въ другой разъ, такъ же поднявъ на воздухъ и раска-

чивая мое маленькое тѣло, онъ приказалъ открыть окно, выходившее къ сторонѣ рѣки.

— Вотъ... брошу лѣнтяя въ Тетеревъ,—говорилъ онъ, отчеканивая каждое слово: — мама ждетъ: что долго не идетъ сыночекъ. Посылаетъ за сынкомъ кучера Филиппа... Гдѣ тутъ паничъ?... Мать ожидаетъ панича къ чаю... Вонъ ступай туда, внизъ. Лежитъ паничъ въ рѣкѣ... А въ н-ноздряхъ у мерзавца два рака...

И онъ продолжалъ раскачивать меня въ воздухѣ. Пансіонъ въ то время находился на окраинѣ города, на концѣ большаго пустыря... Рѣки, которою мнѣ грозилъ Пашковскій, не было видно, но за обрѣзомъ горы чувствовался спускъ и далеко впереди виднѣлся другой возвышенный берегъ... Все это мелькало, качаясь, передъ моими глазами, и, помню, мнѣ было себя до слезъ жалко. Я жалѣлъ себя, какъ будто какого то другого мальчика, котораго за „повѣрку дѣленія“ дѣйствительно бросили въ рѣку... Онъ лежитъ, ногами на берегу, а въ ноздряхъ у него по раку...

Понятно, что эти слишкомъ ужъ живыя ощущенія совершенно закрывали для меня ариѳметику... По всѣмъ остальнымъ предметамъ я шелъ однимъ изъ первыхъ, и потому меня перевели въ слѣдующее отдѣленіе. Но съ этихъ поръ я прослылъ очень даровитымъ мальчикомъ, только... совершенно неспособнымъ къ математикѣ.

Ариѳметика была у насъ три раза въ недѣлю, и каждое утро въ эти дни я уже просыпался съ ноющимъ сердцемъ и съ сознаніемъ чего-то тяжелаго, неотвратимаго, независящаго ни отъ какихъ моихъ усилій... Это продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, пока пану Пашковскому не отказали...

По остальнымъ предметамъ я шелъ прекрасно, все мнѣ давалось безъ особенныхъ усилій, и основной фонъ моихъ воспоминаній этого періода — радость развертывающейся жизни, шумное хорошее товарищество, нетрудная, хотя и строгая дисциплина, бѣготня на свѣжемъ воздухѣ, и мячи, летающіе въ вышинѣ.

Самое лучшее, что было въ пріемахъ того воспитательнаго режима,—это чувство какого-то особеннаго общенія, почти товарищества съ нашими воспитателями. На урокахъ всегда бывало такъ тихо, что одни голоса учителей, занимавшихся въ разныхъ комнатахъ, раздавались по всему пансіону. За то тѣ же учителя (по большей части молодые) принимали участіе въ игрѣ въ мячъ на обширномъ пустырѣ, или зимою въ городки и снѣжки. И тогда они становились заурядными товарищами, для которыхъ не полагалось никакихъ уступокъ или поблажекъ. Ихъ такъ-же крѣпко били мячами, и расплющить мокрую снѣжку объ лицо мосье

Гюгенена, воспитателя и учителя французскаго языка,— считалось совершенно дозволеннымъ удовольствіемъ...

Меня соблазняетъ теперь одинъ незначительный эпизодъ, который, однако, очень характеренъ для нашихъ взаимныхъ отношеній съ учителями. Каждый день, начиная съ ранней весны, весь пансіонъ отправлялся, на Тетеревъ купаться въ сопровожденіи мосье Гюгенена. Это былъ молодой французъ, живой, полнокровный, подвижной, очень веселый и, какъ всѣ сангвиники, необыкновенно вспыльчивый. Мы слушались его безпрекословно тамъ, гдѣ ему приходилось приказывать, и очень любили его дежурства, которыя проходили необыкновенно весело и живо. Ему наше общество тоже доставляло удовольствіе, а купаться онъ ходилъ съ нами даже не въ очередь...

Для купанья намъ приходилось пройти большіе пустыри Дѣвичьей площади (Plac panienski), которая приводила къ старому дѣвичьему монастырю (кляшторъ). Въ этомъ монастырѣ у монахинь былъ пріютъ для дѣвочекъ. И каждый разъ въ тѣ часы, когда мы веселой ватагой проходили къ Тетереву и обратно,—пріютянки въ длинныхъ, бѣлыхъ накрахмаленныхъ капорахъ, совершенно скрывавшихъ ихъ лица, чинно кружились вереницами по площадкѣ... Впереди и позади шествовали съ ними монахини надзирательницы, а одна старуха, кажется, игуменья, сидѣла на скамьѣ, вязала чулокъ или перебирала четки, то и дѣло поглядывая на гуляющихъ, точно старая насѣдка на стаю своихъ цыплятъ.

Пройдя черезъ эту площадку, мы весело сбѣгали по откосу, густо поросшему молодымъ грабникомъ, и затѣмъ берегъ Тетерева оглашался нашими криками и плескомъ, а рѣка кишѣла барахтающимися дѣтскими тѣлами.

При этомъ мосье Гюгененъ, раздѣтый, садился на откосѣ песчанаго берега и зорко слѣдилъ за всѣми, поощряя малышей, учившихся плавать, и сдерживая излишнія проказы надъ ними старшихъ. Затѣмъ онъ командовалъ всѣмъ выходить и лишь тогда кидался самъ въ воду. При этомъ онъ дѣлалъ съ берега изумительныя сальто мортале, фыркалъ, плескался и уплывалъ далеко вдоль рѣки.

Однажды, сидя еще на берегу, онъ сталъ дразнить моего старшаго брата и молодого Рыхлинскаго, выходившихъ послѣдними изъ воды. Скамеекъ на берегу не было, и, чтобы надѣть сапоги, приходилось скакать на одной ногѣ, обмывъ другую въ рѣкѣ. Мосье Гюгененъ почему-то въ этотъ день расшалился, и, едва они выходили изъ воды, онъ кидалъ въ нихъ пескомъ. Мальчикамъ приходилось опять лѣзть въ воду и обмываться. Онъ повторилъ это много разъ, хохоча

и дурачась, пока они не догадались разойтись далеко въ стороны, захвативъ сапоги и бѣлье.

Когда это кончилось, мосье Гюгененъ самъ безпечно бросился въ воду и долго нырялъ и плавалъ, какъ утка. Затѣмъ, порядочно задышавшійся и усталый, онъ вышелъ на берегъ, но тутъ оба мальчика обсыпали его, въ свою очередь, пескомъ.

Гюгененъ захохоталъ и полѣзъ опять въ воду, но едва подошелъ къ одеждѣ, какъ повторилось то же.

Мосье Гюгененъ дѣлалъ la bonne mine, но было замѣтно, что это ему надоѣдаетъ. Онъ остановился и сказалъ коротко:

— Assez!..

Но когда, послѣ этого, обмывшись, онъ спокойно сталъ натягивать рубашку, — одинъ изъ шалуновъ опять обдалъ его горстью песка.

Французъ внезапно разсвирѣпѣлъ. Онъ быстро сбросилъ свою крахмальную рубашку, и мы увидѣли, что лицо его было красно, а глаза стали дикіе. Не ожидая ничего хорошаго, оба шалуна бросились по горной тропинкѣ наверхъ, а Гюгененъ, голый, пустился въ догонку. И вскорѣ всѣ трое исчезли изъ предѣловъ нашего зрѣнія.

То, что произошло затѣмъ, навѣрное, долго обсуждалось въ угрюмыхъ стѣнахъ монастыря, какъ случай необыкновеннаго бѣсовскаго навожденія. Прежде всего надъ обрѣзомъ горы мелькнули фигуры двухъ испуганныхъ школьниковъ и, пробившись черезъ ряды гуляющихъ пріютянокъ, помчались вдоль по широкой дорогѣ между монастырскими огородами. Едва стихло замѣшательство, произведенное этимъ бѣгствомъ, какъ на гору взлетѣлъ, весь запыхавшійся, дышавшій, какъ паровозъ, и совершеннно голый Гюгененъ. Такъ какъ впереди были еще видны фигуры убѣгавшихъ, то бѣшеный французъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на питомокъ и оберегавшихъ ихъ монахинь и въ свою очередь ринулся черезъ площадку... Монахини, испуганныя, крестясь и читая молитвы, быстро согнали свою встревоженную паству и погнали ее, какъ стаю цыплятъ, въ стѣны монастыря, а Гюгененъ помчался далѣе...

Между тѣмъ мальчики, увидя преслѣдованіе, быстро перелѣзли черезъ заборъ и скрылись въ большомъ монастырскомъ огородѣ, между густыми порослями гороха и фасоли. Гюгененъ подбѣжалъ къ городьбѣ и только тутъ убѣдился, что дальнѣйшее преслѣдованіе совершенно безполезно. Тогда, какъ Адамъ послѣ грѣхопаденія, онъ созналъ, что онъ нагъ, и устыдился. Какъ разъ на серединѣ широкой полосы между огородами, по которой шла дорога къ городу, стояла очень

живописная кучка деревьевъ, густо обросшая у пней молодымъ кустарникомъ. Бѣдный французъ забился туда и, выставивъ голову, сталъ ожидать, что его оставшіеся у рѣки питомцы догадаются принести ему платье.

Но мы не догадались. Внезапное исчезновеніе голаго воспитателя насъ озадачило. Мы не думали, что онъ убѣжитъ такъ далеко, и, поджидая его, стали кидаться камнями и бѣгать по берегу... И только спустя долгое время мы рѣшили оставить двухъ учениковъ въ видѣ стражи у одежды француза, а самимъ отправиться домой...

Между тѣмъ на площадкѣ все успокоилось, и жизнь стала входить въ обычную колею. Сначала выглянули на широкое крыльцо кляштора старыя монахини и, видя, что всѣ слѣды навожденія исчезли, рѣшили докончить прогулку. Черезъ нѣсколько минутъ,—по площадкѣ опять степенно закружились вереницы пріютянокъ въ бѣлыхъ капорахъ, опять впереди и сзади ихъ сопровождали степенныя сестры-бригитки, а на скамьѣ усѣлась старуха съ четками...

Между тѣмъ солнце склонялось, и бѣдный французъ сталъ зябнуть. Соскучившись напраснымъ ожиданіемъ въ своихъ зарosляхъ и видя, что никто не идетъ ему на выручку, а монастырскій птичникъ по прежнему степенно прохаживается передъ монастыремъ,—онъ рѣшился вдругъ на отчаянное предпріятіе и, выскочивъ изъ своего убѣжища, опять ринулся на проломъ къ рѣкѣ...

Бѣднымъ монастырскимъ питомицамъ пришлось пережить вторичное навожденіе... Мы подымались какъ разъ на гору, когда, среди истерическихъ женскихъ воплей и общаго смятенія, французъ промелькнулъ мимо насъ, какъ буря, и, не разбирая тропинокъ, помчался черезъ рощу внизъ, къ рѣкѣ.

Когда мы вернулись въ пансіонъ, оба провинившіеся съ тревогой спрашивали, гдѣ Гюгененъ и въ какомъ мы его оставили настроеніи? На послѣдній вопросъ мы ничего не могли отвѣтить, такъ какъ пришли одни, безъ француза. Но, когда, съ двумя учениками, остававшимися у одежды, онъ, наконецъ, тоже вернулся къ вечернему чаю, то общее напряженіе разрѣшилось: Гюгененъ вошелъ съ веселыми глазами и, видимо, удерживался, чтобы не прыснуть смѣхомъ.

Въ этотъ вечеръ всему пансіону, запоздавшему на купаніи, пришлось нѣсколько дольше сидѣть за книгами. Это дѣлалось такимъ образомъ, что всѣ мы садились въ рядъ за длинными столами и, закрывъ уши, громко заучивали уроки. Шумъ при этомъ стоялъ невоообразимый, а мосье Гюгененъ, строгій и дѣловитый, ходилъ между столами и наблюдалъ, чтобы не было шалостей и чтобы мы не мѣшали другъ другу...

Только уже совсѣмъ вечеромъ, когда всѣ улеглись (мы съ братомъ тоже часто, запоздавъ, оставались ночевать въ пансіонѣ) и въ лампѣ притушили огонь,—съ „дежурной кровати“, гдѣ спалъ Гюгененъ, внезапно раздался хохотъ. Онъ долго сдерживался, но, наконецъ, не выдержалъ, сѣлъ на кровати и хохоталъ, держась за животъ и чуть не катаясь по постели...

Подъ конецъ моего пребыванія въ пансіонѣ, этотъ добродушный французъ какъ-то исчезъ съ нашего горизонта. Говорили, что онъ уѣзжалъ куда-то держать экзаменъ. Я былъ въ третьемъ классѣ гимназіи, когда однажды, въ началѣ учебнаго года, въ узкомъ корридорѣ я наткнулся вдругъ на фигуру, изумительно похожую на Гюгенена, только уже въ синемъ учительскомъ мундирѣ. Я шелъ съ другимъ мальчикомъ, поступившимъ въ гимназію изъ того же пансіона, и оба мы радостно кинулись къ старому знакомому.

— Мосье Гюгененъ!.. Мосье Гюгененъ...

Фигура остановилась и смѣряла насъ холоднымъ, оффиціальнымъ взглядомъ. Оба мы сконфузились и оробѣли.

— Hain?.. Что такой-е? Что надо?—спросилъ онъ и, опять обдавъ насъ высокомѣрнымъ взглядомъ,—новый учитель прослѣдовалъ дальше по корридору, не оборачиваясь и размахивая класснымъ журналомъ.

— Не онъ?—спросилъ, мой товарищъ. Оказалось, однако, что фамилія новаго учителя была всетаки Гюгененъ, но это была уже гимназія, казенное, чопорное учрежденіе, и Гюгененъ проникся сознаніемъ своего чиновничьяго достоинства и „строгой дисциплины“.

Онъ училъ не въ нашемъ классѣ, но я его встрѣчалъ послѣ этого на улицахъ. Въ первый разъ при такой встрѣчѣ мое сердце сильно забилось. Я подумалъ, что Гюгененъ строгъ и чопоренъ только въ гимназіи, какъ бывалъ строгъ въ пансіонѣ во время уроковъ, а здѣсь, на улицѣ, онъ меня признаетъ и заговоритъ опять по прежнему, со смѣхомъ и прибаутками, какъ веселый старшій товарищъ. Поровнявшись съ нимъ, я снялъ свою форменную фуражку и взглянулъ на него съ ожиданіемъ и надеждой. Я былъ увѣренъ, что онъ узналъ меня. Но его взглядъ скользнулъ по моему лицу, онъ сощурился и отвернулся, холодно кивнувъ на поклонъ. Сердце мое сжалось такъ сильно, какъ будто я потерялъ дорогого и близкаго человѣка...

Одинъ годъ пребыванія въ пансіонѣ Рыхлинскаго очень измѣнилъ и развилъ меня. Мнѣ уже странно было вспоминать себя во время перваго самостоятельнаго путешествія. Теперь я отлично изучилъ весь пустырь, всѣ бурьяны, ближайшіе улицы и переулки, дорогу къ рѣкѣ. Теперь

иной разъ мнѣ приходилось возвращаться домой одному даже темными вечерами...

Особенно памятенъ мнѣ одинъ такой вечеръ. Мать захлопоталась и забыла прислать за мною. Часто въ такихъ случаяхъ я просто оставался ночевать въ пансіонѣ, гдѣ всегда были запасныя постели, но этотъ разъ я не захотѣлъ остаться. Мнѣ было страшно уходить, но вмѣстѣ что-то манило на этотъ подвигъ. Наконецъ, я рѣшился и, связавъ книги, пошелъ изъ дортуара, гдѣ ученики уже ложились.

— За тобой пришли?—спросилъ меня воспитатель.

— Пришли,—отвѣтилъ я и торопливо, точно отъ искушенія, выбѣжалъ на крыльцо, а оттуда на дворъ.

Дѣло было осенью, выпалъ снѣгъ и почти весь днемъ растаялъ; остались только пятна, кое-гдѣ неясно бѣлѣвшія въ темнотѣ. По небу ползли тучи, и на дворѣ не было видно ни зги.

Я вышелъ за ворота и съ бьющимся сердцемъ пустился въ темный пустырь, точно въ море. Отходя, я оглядывался на освѣщенныя окна пансіона, которыя все удалялись и становились меньше. Мнѣ казалось, что, пока они видны ясно, я еще въ безопасности... Но вотъ я дошелъ до середины, гдѣ пролегала глубокая борозда, не то канава, указывавшая старую городскую границу, не то оврагъ. Мнѣ было какъ-то особенно страшно подходить къ этому овражку.

Я чувствовалъ, что здѣсь я буду одинаково далекъ отъ пансіона и отъ дома, огоньки котораго уже мелькали гдѣ-то впереди въ сырой темнотѣ.

И вдругъ, сзади меня, немного вправо, раздался рѣзкій пронзительный свистъ, отъ котораго я инстинктивно присѣлъ къ землѣ. Впереди и влѣво раздался отвѣтный свистъ, и я сразу сообразилъ, что это два человѣка идутъ навстрѣчу другъ другу, приблизительно къ тому мѣсту, гдѣ долженъ былъ проходить и я. Въ темнотѣ уже какъ будто мелькала неясная фигура и слышались тяжелые шаги. Я быстро наклонился къ землѣ и заползъ въ овражекъ...

Между тѣмъ, раздался еще третій свистокъ, и вскорѣ три человѣка сошлись на пустырѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ того мѣста, гдѣ я притаился. Сердце у меня стучало такъ сильно, что я боялся, какъ бы эти незнакомцы не открыли по этому стуку моего присутствія... Я вспоминалъ разсказы товарищей о разныхъ пережитыхъ опасностяхъ и думалъ о томъ, куда я побѣгу въ случаѣ, если меня откроютъ... Три человѣка, между тѣмъ, сойдясь вмѣстѣ такъ близко, что я, глядя изъ своего овражка, видѣлъ ихъ неясные силуэты на мглистомъ небѣ,—разговаривали о чемъ-то подозрительно тихо... Затѣмъ они двинулись вглубь

пустыря, а я, почти не переводя дыханія, побѣжалъ къ своему дому... И опять моя дѣтская душенка была переполнена какимъ-то радостнымъ сознаніемъ, что это, уже „почти навѣрное", были настоящіе воры, и что я, значитъ, пережилъ и при томъ довольно храбро настоящую опасность.

Пожалуй, это была правда, если судить по тому, что почти не проходило ночи, чтобы въ этихъ пустынныхъ и совсѣмъ неохраняемыхъ мѣстахъ не случалось грабежей или кражъ. Наши ставни всегда накрѣпко запирались съ вечера, и нерѣдко, когда отецъ уѣзжалъ куда-нибудь по службѣ, по ночамъ у насъ бывали тревоги. Всѣ подымались на ноги, женщины вооружались кочергами и рогачами и становились у оконъ. И когда водворялась тишина,—то ясно слышно было, какъ кто-то снаружи осторожно пробуетъ, не забыли-ли вставить задвижки въ засовахъ и нельзя ли гдѣ-нибудь открыть ставню. Женщины начинали тогда стучать въ рамы и ругать невѣдомыхъ посѣтителей, но и это не всегда сразу останавливало попытки...

Первый спектакль. Польское движеніе.

Первая театральная піэса, которую я увидѣлъ въ своей жизни, была польская и при томъ насквозь проникнутая національно-историческимъ романтизмомъ.

Читатель уже замѣтилъ изъ предыдущихъ очерковъ, что нашу семью нельзя было назвать чисто русской. Жили мы на Волыни, т. е. въ той части правобережной Малороссіи, которая дольше, чѣмъ другія, оставалась во владѣніи Польши. Къ ней всего ближе была желѣзная рука кн. Еремы Вишневецкаго... Вишневецъ, Полонное, Корецъ, Острогъ, Дубно, вообще всѣ волынскіе городки и даже иныя мѣстечки усѣяны и теперь развалинами польскихъ магнатскихъ замковъ или монастырей... Стѣны ихъ обрушились, на проломахъ густо поросли плющи, продолжающіе разъѣдать старые камни, во многихъ бывшихъ „палацахъ" провалились потолки, выбиты окна... Но все же магнатство еще было живо во времена моего дѣтства; въ селахъ помѣщики, въ городахъ—среднее сословіе были тоже поляки или, во всякомъ случаѣ, люди, говорившіе по-польски. Въ деревняхъ звучалъ своеобразный малорусскій говоръ, подвергшійся вліянію и русскаго, и польскаго. Чиновники (меньшинство) и военные говорили по-русски...

На ряду съ этимъ было также и три вѣры (не считая евреевъ): католическая, православная и между ними — уніатская, наиболѣе бѣдная и утѣсненная. Сначала, воспользо-

вавшись ею, поляки всетаки считали ее вѣрой низшей; рѣзали уніатовъ набѣгавшіе изъ Украины казаки и гайдамаки, потомъ ихъ стали тѣснить русскіе, отбирая ихъ скромные храмы и преслѣдуя священниковъ... Такимъ образомъ, религія, явившаяся результатомъ малодушнаго компромисса, пустивъ корни въ сердцахъ нѣсколькихъ поколѣній, стала гонимой и потребовала отъ своихъ послѣдователей преданности и самоотверженія. Я вспоминаю одного изъ этихъ уніатскихъ священниковъ, высокаго старика, съ огромною сѣдой бородой, съ дрожащею головой и большимъ священническимъ жезломъ въ рукахъ. Онъ очень низко кланялся отцу, прикасаясь рукой къ полу, и жаловался на что-то, при чемъ длинная сѣдая борода тряслась, а по старческому лицу бѣжали крупныя слезы. Онъ говорилъ что-то, мнѣ тогда не вполнѣ понятное,—о Богѣ, котораго не хочетъ продать, и о вѣрѣ отцовъ. Мой отецъ съ видимымъ уваженіемъ подымалъ старика, когда онъ пытался земно поклониться, и обѣщалъ сдѣлать все, что возможно. При этомъ отецъ былъ видимо взволнованъ, и по уходѣ старика долго задумчиво ходилъ по комнатамъ, а затѣмъ, остановившись, произнесъ одну изъ своихъ сентенцій:

— Есть одна, правая вѣра... Но никто не можетъ знать, которая именно... Надо держаться вѣры отцовъ, хотя бы пришлось терпѣть за это...

А что по этому поводу говорили „царь и законъ“ — онъ на этотъ разъ не прибавилъ, да, вѣроятно, и не считалъ этого относящимся къ данному вопросу.

Мать моя была католичка. Въ первые годы моего дѣтства въ нашей семьѣ польскій языкъ господствовалъ, но наряду съ нимъ я слышалъ еще два: русскій и малорусскій. Изъ нашей дворни по-малорусски говорили кухарка Будзиньская и кучера—Іохимъ, а послѣ Петро. Лакей-Гандыло предпочиталъ нѣсколько исковерканный русскій, Хумо́ва—польскій.

Первую молитву я зналъ опять по-польски и по-славянски, съ сильными искаженіями послѣдней на малорусскій ладъ. Чистый русскій языкъ я слышалъ отъ сестеръ отца, но онѣ пріѣзжали къ намъ рѣдко.

Это было еще до моего поступленія въ пансіонъ или въ первый годъ по поступленіи. Однажды родители взяли съ кѣмъ-то изъ знакомыхъ ложу въ театрѣ, и мать велѣла одѣть меня получше. Старшій братъ былъ въ театрѣ уже раза три, младшій и сестра были еще слишкомъ малы... Я не зналъ, въ чемъ дѣло, и видѣлъ только, что старшій братъ очень сердитъ за то, что берутъ не его, а меня. Значитъ, онъ лишился чего-то очень хорошаго.

— Да онъ заснетъ тамъ!.. Что онъ понимаетъ, этотъ дуракъ!—говорилъ онъ матери.

— Пожалуй, это правда,—подтвердилъ кто-то еще изъ старшихъ, но я обѣщалъ, что не засну, и былъ очень счастливъ, когда, наконецъ, всѣ усѣлись въ коляску, и она тронулась.

И я, дѣйствительно, не заснулъ. Въ Житомірѣ уже въ то время былъ постоянный каменный театръ, и на этотъ разъ его снимала польская труппа. Давали историческую пьесу неизвѣстнаго мнѣ автора, озаглавленную „Урсула или Сигизмундъ III“...

Когда мы вошли въ ложу, уже началось первое дѣйствіе, и я сразу жадно впился глазами въ сцену...

Содержаніе пьесы я, конечно, понялъ очень плохо. Рѣчь шла о какихъ-то придворныхъ интригахъ во времена Сигизмунда третьяго, въ центрѣ которыхъ стояла куртизанка Урсула. Помню, что она была не особенно красива, подъ ея глазами я ясно различалъ нарисованные синіе круги, лицо было непріятно присыпано пудрой, шея у нея была сухая и жилистая. Но все это не представлялось мнѣ нисколько несообразнымъ. Наоборотъ, я чувствовалъ, что это совсѣмъ скверная женщина, отъ которой страдаетъ какая-то хорошенькая молодая дѣвушка и прекрасный молодой человѣкъ, и то обстоятельство, что она была противна лицомъ,—только усиливало мое нерасположеніе къ этой низкой интриганкѣ...

Дѣйствующія лица были всѣ одѣты въ старо-польскіе костюмы, мужчины походили поэтому на стараго Коляновскаго въ воскресные дни. Вся обстановка, полная блеска, бряцанія шпоръ, лязганья сабель, дуэлей и свалокъ, криковъ виватъ, столкновеній и опасностей, произвела на меня неотразимое впечатлѣніе. Хороша ли, или плоха была эта пьеса,—я теперь судить не могу. Знаю только, что вся она была проникнута особымъ колоритомъ, и на меня сразу пахнуло исторіей, чѣмъ-то романтическимъ, когда-то живымъ, блестящимъ, но утонувшимъ въ туманѣ прошлаго, отошедшимъ туда, куда на моихъ глазахъ ушелъ и послѣдній „старополякъ“, панъ коморникъ Коляновскій. Одинъ старый шляхтичъ на сценѣ—высокій, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, усами,—и лицомъ, и фигурой напоминалъ Коляновскаго до такой степени, что казался мнѣ почти близкимъ и знакомымъ. Если не ошибаюсь, и роль у него была подходящая: онъ грустилъ о временахъ, ушедшихъ въ вѣчность, о временахъ старой доблести и старыхъ подвиговъ... Въ его голосѣ звучала глубокая задушевная печаль, и мнѣ казалось, что я вижу на глазахъ его слезы...

Особенно ярко запомнились мнѣ два-три эпизода, не свя-

завшихся въ моей памяти съ ходомъ дѣйствія... Въ одномъ случаѣ высокій, мрачный злодѣй, орудіе Урсулы, чуть не убиваетъ прекраснаго молодого человѣка, но старикъ, похожій на Коляновскаго (или другой, точно не помню), ударомъ кулака вышибаетъ изъ рукъ его саблю... Сабля, сверкая и звеня, падаетъ на полъ, и я тяжело перевожу дыханіе, а мать наклоняется ко мнѣ и говоритъ:

— Не бойся... Это они не въ самомъ дѣлѣ... Это они только играютъ.

Въ другомъ дѣйствіи два брата Зборовскіе, польскіе предводители казаковъ, воевавшіе во славу короля и Польши въ татарскихъ степяхъ, оскорбленные какимъ-то недостойнымъ дѣйствіемъ безхарактернаго Сигизмунда,—произносятъ передъ его трономъ горячія и очень длинныя рѣчи, а въ заключеніе каждый изъ нихъ снимаетъ свою кривую саблю, прощается съ нею и гордо кидаетъ ее къ подножію трона... И опять гремитъ желѣзо, среди придворной толпы движеніе ужаса и негодованія, а въ центрѣ—гордыя фигуры суровыхъ воиновъ. И мое дѣтское сердце пламенѣетъ мало еще понятнымъ, но заразительнымъ чувствомъ доблести и безстрашія, облеченныхъ въ красиво романтическія формы...

Кончается пьеса смертью короля. У его роскошной постели собираются послы отъ войска, чтобы вытребовать назначеніе короннаго гетмана... Загорѣлые суровые послы отъ войска пробиваются къ королю и во имя отчизны требуютъ у него рѣшенія. Грудь умирающаго короля вздымается и, судорожно задыхаясь, онъ произноситъ:

— Дать имъ... Конецпольскаго...

Придворные говорятъ: король умеръ, а залъ оглашается бурными криками: „виватъ Конецпольскій!..“

Не знаю, имѣлъ ли авторъ въ виду каламбуръ, которымъ звучало послѣднее восклицаніе, но только оно въ моихъ глазахъ усилило дымку какой-то особой печали, сквозь которую и теперь я вижу эту пьесу... Я чувствовалъ, что это опять прошлое родины моей матери, когда-то блестящее, шумное, обаятельное уходитъ, гремя и сверкая послѣднимъ блескомъ,—въ туманъ невозвратнаго прошлаго.

Эта пьеса, точно крѣпкое вино, ударила въ мою голову опьяненіемъ романтизма. Дома я нѣсколько дней разсказывалъ о ней братьямъ и сестрѣ и заразилъ ихъ своимъ увлеченіемъ. Мы сдѣлали себѣ деревянныя сабли, а изъ простынь состряпали фантастическія мантіи. Старшій братъ, въ видѣ короля, возсѣдалъ на высокомъ стулѣ, задрапированный пестрымъ одѣяломъ, или лежалъ на одрѣ смерти; сестренку, которая во всемъ этомъ рѣшительно ничего не понимала, мы сажали у его ногъ, въ видѣ злодѣйки Урсулы,—

а сами, потрясая деревянными саблями, кидали ихъ съ презрѣніемъ къ ногамъ короля или кричали не своими голосами:

— Виватъ Конецпольскій!..

Если бы въ это время кто-нибудь вскрылъ мою дѣтскую душу, чтобы опредѣлить по ней признаки національности, то, вѣроятно, онъ рѣшилъ бы, что я—зародышъ польскаго шляхтича восемнадцатаго вѣка, гражданинъ романтической старой Польши, съ ея беззавѣтнымъ своеволіемъ, храбростью, приключеніями, блескомъ, звономъ чашъ и сабель...

И, пожалуй, онъ былъ бы правъ...

Я очень просилъ родителей когда-нибудь еще взять ложу и свезти въ театръ насъ всѣхъ... Видя наше увлеченіе, отецъ обѣщалъ исполнить эту просьбу, но вскорѣ мы узнали, что труппа уѣхала и что ей подъ конецъ были воспрещены пьесы, требовавшія польскихъ національныхъ костюмовъ. Такимъ образомъ, коморникъ Коляновскій былъ для меня послѣднимъ живымъ типомъ умершей старой Польши, а съ „Урсулой“, она сошла и съ театральной сцены... Послѣ этого надолго польскій театръ смолкъ въ Западномъ краѣ, но съ этихъ поръ романтическое чувство прошлаго поселилось въ моей душѣ, принимая разныя формы. Вначалѣ оно нарядилось въ костюмы старой Польши.

Не помню теперь точно, въ какое именно время отецъ, однажды вернувшись со службы, переговорилъ о чемъ-то съ матерью и сказалъ намъ, когда мы усѣлись за обѣденный столъ:

— Слушайте, дѣти. Вы—русскіе и должны съ этого дня говорить по-русски... Поняли?

Мать не возражала, и съ этихъ поръ впервые въ нашей семьѣ зазвучала обиходная русская рѣчь, и мы, дѣти, довольно беззаботно приняли это первое свѣдѣніе о нашей „національности“.

Господствующимъ языкомъ въ пансіонѣ Рыхлинскаго былъ польскій, и большинство воспитанниковъ были поляки. Однако ни малѣйшей національной розни между нами собственно въ пансіонѣ не было, и всѣ пансіонеры поддерживали этотъ тонъ взаимной терпимости. Было у насъ нѣсколько чистыхъ великороссовъ, въ томъ числѣ два брата Сухановы, изъ которыхъ старшій шелъ всегда первымъ... Однажды съ нимъ или съ другимъ русскимъ воспитанникомъ вышелъ слѣдующій эпизодъ: какой-то юный полякъ, -- узнавъ, что русскій товарищъ вчера причащался, — сталъ смѣяться надъ православнымъ обрядомъ. Для этого онъ сдѣлалъ изъ бумаги подобіе чаши и кривлялся надъ нею, а подъ конецъ плюнулъ въ нее. Русскій нѣкоторое время сдерживался, но затѣмъ

размахнулся и ударилъ обидчика по щекѣ такъ звонко, что звукъ разнесся по всей залѣ, и его услышалъ Рыхлинскій. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ призвалъ обоихъ и при всѣхъ ученикахъ спросилъ у поляка:

— Что бы ты сдѣлалъ, если бы онъ сталъ такъ-же смѣятся надъ „гостіей?“ (католическое причастіе).

Полякъ замялся, но затѣмъ сказалъ, потупясь:

— Я бы его ударилъ.

— Ну, такъ поди стань на колѣни, и это только потому, что часть заслуженнаго ты уже получилъ отъ него.

Мальчикъ всталъ, весь красный, на колѣни въ углу и стоялъ очень долго, пока мы, товарищи, не догадались, чего ждетъ отъ насъ старый Рыхлинскій. Мы посовѣтовались, выбрали депутацію, во главѣ которой сталъ Сухановъ, и пошли къ Рыхлинскому просить прощенія наказанному. Рыхлинскій принялъ насъ съ серьезнымъ видомъ и вышелъ на своихъ костыляхъ въ залъ. Усѣвшись здѣсь на своемъ мѣстѣ, онъ приказалъ наказанному встать и предложилъ обоимъ противникамъ протянуть другъ другу руки.

— Ну, теперь кончено,—сказалъ онъ,—и забыто. А если,— прибавилъ онъ, вдругъ свирѣпо вытаращивъ глаза и протягивая впередъ свои жилистыя руки съ короткими, растопыренными пальцами, — если я еще услышу, что кто-нибудь позволитъ себѣ смѣяться надъ чужой вѣрой... к-кос-сти перре-ломаю... всѣ кости...

Такимъ образомъ, долгое время мы жили очень дружно, зная о разницѣ нашихъ религій, но совершенно не придавая значенія разницѣ національностей...

Но вотъ, подошло время, когда въ эту мирную атмосферу стало вторгаться что-то напряженное и тяжелое...

Началось, собственно для меня, съ одного очень памятнаго мнѣ вечера, вѣрнѣе—ночи. Было это, должно быть, въ субботу, потому что именно по субботамъ мои родители уѣзжали обыкновенно на вечера къ Рыхлинскимъ. Эти вечера проходили всегда очень оживленно, въ кругу близкихъ знакомыхъ, при чемъ первую половину вечера ученики проводили вмѣстѣ съ гостями. Часовъ съ 10 мальчики уходили въ дортуаръ, и въ большой обѣденной комнатѣ, которая на это время превращалась въ гостиную, оставались только семья, гости и нѣкоторые изъ старшихъ учениковъ, по особому приглашенію... Мы съ старшимъ братомъ всегда уѣзжали домой въ 10 часовъ.

Этотъ день былъ для меня памятенъ тѣмъ, что намъ тогда сшили въ первый разъ, вмѣсто блузъ, новыя „чамарки“ въ родѣ казакиновъ, съ рядомъ металлическихъ круглыхъ пуговицъ. Кромѣ этого намъ сдѣлали также высокіе сапоги

и широкія шаровары. Я очень гордился новымъ костюмомъ, дѣлавшимъ меня похожимъ на одного изъ воиновъ, которыхъ я видѣлъ въ „Урсулѣ“. Все это я тщательно уложилъ около своей постели на стулѣ и заснулъ въ сладкомъ сознаніи, что сапоги, шаровары и чамарка лежатъ около меня въ ожиданіи, что я надѣну ихъ завтра утромъ...

Въ дѣтствѣ, отчасти, быть можетъ, влѣдствіе постояннаго ночного страха, я спалъ довольно чутко, часто видѣлъ сны и хорошо ихъ помнилъ. И на этотъ разъ мнѣ приснился какой-то длинный сонъ, который закончился грохотомъ, шумомъ, криками какой-то толпы, которая мчалась на нашъ домъ...

Когда я проснулся, то оказалось, что прогрохотала наша бричка, и мать съ отцомъ входили въ комнаты, о чемъ-то горячо споря... Я въ это время спалъ въ комнатѣ матери, куда на этотъ разъ вошелъ съ нею и отецъ. Оба были взволнованы и продолжали споръ. Мать не раздѣвалась, отецъ не уходилъ къ себѣ, въ кабинетъ, какъ обыкновенно, а прохаживался, опираясь на палку, по спальнѣ, и они продолжали разговоръ, начавшійся, очевидно, у Рыхлинскихъ, который я здѣсь передаю, хотя не дословно, но довольно близко:

— Всетаки... было прежде, — говорила мать,—даже при Николаѣ...

— Было да нѣтъ,—отвѣчалъ отецъ.—При одномъ царѣ было, а другой не хочетъ...

— Согласись всетаки, что это несправедливо.

— Толкуй больной съ подлѣкаремъ... Развѣ это ваше дѣло!.. Вы присягали и должны подчиняться...

Споръ становился все горячѣе, и я, заинтересованный, поднялся на своей постели. Не помню, кто изъ нихъ первый замѣтилъ это, но только черезъ минуту оба были около моей кровати, апеллируя къ моему безпристрастію, при чемъ оба горячились и перебивали другъ друга.

— Постой, дай мнѣ сказать... Ну, вотъ, послушай, малый,—говорилъ отецъ.—Вотъ ты, положимъ, обѣщалъ матери, что будешь ее во всемъ слушаться... Долженъ ты исполнить обѣщаніе?...

— Д-да,—отвѣтилъ я нерѣшительно.—Я долженъ...

— Ты сказалъ, дай теперь мнѣ сказать,—перебивала мать.—Вотъ слушай: у тебя лежитъ новая чамарка... Представь себѣ, что кто-нибудь придетъ и захватитъ ее себѣ... Что,—ты не захочешь ее вернуть?...

Аргументъ былъ мнѣ очень доступенъ. Я кинулъ любовно-тревожный взглядъ на стулъ, и мое сочувствіе переходило на сторону матери...

— Толкуй больной съ подлѣкаремъ...—возразилъ съ раз-

драженіемъ отецъ,—говоришь ты глупство: при чемъ тутъ чамарка?

— Какъ же глупство?.. Какъ-же глупство? У насъ было свое королевство, своя корона, была свобода...

— Когда это было!.. Представь себѣ, малый, что ты самъ отдалъ свою чамарку и обѣщалъ ее не требовать обратно... А потомъ вдругъ кричишь: отдай назадъ...

— Да, обѣщалъ... хорошо обѣщалъ, когда приставили ножъ къ горлу... Скажи просто: отняли силой...

Такъ они спорили глубокой ночью, пока не проснулась и не заплакала сестренка. Тогда отецъ ушелъ къ себѣ, и вскорѣ въ домѣ все успокоилось. Но я долго еще не могъ заснуть, перебирая въ своемъ очень неопытномъ умишкѣ содержаніе спора. Я передалъ его, разумѣется, не дословно, но общій характеръ, и главные доводы (особенно насчетъ чамарки) крѣпко запали въ мою душу... Они присоединились къ тому романтическому настроенію, которое я вынесъ изъ воспоминаній о Коляновскомъ, потомъ изъ „Урсулы“, и въ моемъ воображеніи вставали картины исторической пьесы. Да, все это было именно такъ, какъ говоритъ мать. У ея соотечественниковъ были свои короли въ коронахъ и мантіяхъ, свои коронные гетманы, свои обычаи, своя одежда, своя свобода, о которой такъ страстно говорили казацкіе атаманы Зборовскіе, свои кляшторныя школы, въ которыхъ учился и Ѳома изъ Сандоміра... Была какая то своя особенная, красивая жизнь, полная блеска... Теперь ничего этого нѣтъ... Все отняли силой соотечественники моего отца... И, кажется, соотечественники матери хотятъ теперь вернуть отнятое... И мать съ отцомъ зовутъ меня въ судьи...

Я былъ очень склоненъ принять сторону матери. Потому что... если бы у меня отняли мою чамарку...

Съ этими мыслями заснулъ и я... На утро первая моя мысль была о новой одеждѣ... Она лежала на своемъ мѣстѣ, какъ и вчера. Но за то многое другое было уже не на своемъ мѣстѣ, и знакомый мнѣ міръ, теперь уже значительно расширившій горизонтъ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ,—приходилъ въ какое-то новое движеніе...

Однажды мать взяла меня съ собою въ костелъ. Мы бывали въ церкви съ отцомъ, и иногда въ костелѣ съ матерью. На этотъ разъ я стоялъ съ нею въ какомъ-то боковомъ придѣлѣ, около „сакристіи“, и слушалъ величавые звуки органа, раздававшіеся въ этотъ день съ какой-то особенной торжественностью. Было очень тихо, всѣ будто чего-то ждали... Священникъ, молодой, блѣдный, съ горящими глазами, громко и возбужденно произносилъ латинскіе возгласы... И вдругъ, среди жуткой и глубокой тишины, охватившей на мгновеніе

еще глубже готическіе своды костела бернардиновъ, раздались звуки патріотическаго гимна: „Boze coś Polske przez tak długie wieki...“

Пѣсня начиналась, точно шумъ еще отдаленнаго наводненія, тихо, разрозненно, въ разныхъ мѣстахъ густо набитаго народомъ костела... Были слышны отдѣльные голоса, сливавшіеся постепенно другъ съ другомъ, какъ ручейки. Потомъ ручейки сливались въ ручьи, все ближе, громче, гуще, и, наконецъ, подъ высокими сводами плавно гремѣлъ и катился широкими волнами согласный тысячеголосый хоръ, надъ которымъ, гдѣ-то совсѣмъ въ вышинѣ, носился и плакалъ звучный голосъ органа...

Впечатлѣніе этого вопля, соединившаго всѣхъ въ одномъ потокѣ патріотической скорби,—было громадное. Мать моя не пѣла, а только, стоя на колѣняхъ, плакала, спрятавъ лицо въ платкѣ, а я стоялъ рядомъ съ нею, потрясенный и взволнованный до глубины своей дѣтской души...

— Казаки, казаки...—вдругъ зашептали гдѣ-то близко. Произошло легкое смятеніе,—но пѣсня лилась по прежнему. Теперь пѣли: Z dymem pozarów...

Я все стоялъ рядомъ съ матерью, переживая совершенно небывалыя впечатлѣнія. Должно быть, романтическія представленія и раннее чтеніе пустили уже глубокіе корни въ моемъ дѣтскомъ мозгу, впечатлительномъ и беззащитномъ, и подъ звуки этой пѣсни, при видѣ слезъ матери, въ моемъ воображеніи роились фантастическія картины.

Казаки врываются въ костелъ... Впереди алтаря, на возвышеніи стоитъ священникъ, у его ногъ польскія женщины, и среди нихъ моя мать на колѣняхъ, съ заплаканными глазами... Казаки выстраиваются въ рядъ и цѣлятся... Но въ въ это время маленькій мальчикъ, въ чамаркѣ, красиво усѣянной металлическими пуговицами, вскакиваетъ на ступеньки и, разстегивая чамарку на груди, говоритъ громкимъ голосомъ:

— Стрѣляйте въ меня... Я—православный, но я не могу допустить, чтобы оскорбляли вѣру моей матери...

Казаки спускаютъ курки... Дымъ, огонь, грохотъ... Я падаю, но выходитъ какъ-то такъ счастливо, что никто не убитъ, потому что въ дальнѣйшемъ всѣ жмутъ мнѣ руки, поляки и польки говорятъ: въ немъ благородная кровь... Онъ сынъ судьи, и его мать полька. Благородный молодой человѣкъ...

А русскіе толкуютъ въ свою очередь:

— Этотъ мальчикъ правъ... Нельзя стрѣлять въ костелахъ и оскорблять чужую вѣру...

Не знаю, что было бы, если бы этотъ разъ въ костелъ

дѣйствительно ворвалась полиція и казаки, какъ это бывало впослѣдствіи. Мечтательность, вообще, кажется, противоположна активности. Очень вѣроятно, что, если бы все разыгралось такъ, какъ я воображалъ, т. е. казаки выстроились бы предварительно въ рядъ противъ священника, величаво стоящаго съ чашей въ рукахъ и съ группой женщинъ у ногъ,—и стали бы ожидать, что я сдѣлаю,—то я могъ бы выполнить свою программу. Но жизнь груба и нестройна, дѣйствительность развертывается внѣ программъ, и, увы!—очень вѣроятно, что, если бы казаки просто стали бить нагайками и разгонять толпу, то я бы струсилъ, какъ самый трусливый изъ городскихъ мальчишекъ...

Узнавъ о демонстраціи, отецъ былъ очень недоволенъ. Черезъ нѣсколько дней онъ сказалъ матери:

— Полиціймейстеръ мнѣ говорилъ, что тебя тоже уже записали...

— Что же мнѣ дѣлать?—сказала мать,—я не пѣла сама и не знала, что будетъ это пѣніе...

— А если бы знала?- спросилъ отецъ.

— То... не взяла бы мальчика,—отвѣтила она.—Не могу же я не ходить въ костелъ.

Впослѣдствіи она все время и держалась такимъ образомъ: она не примкнула къ бурному настроенію „девотокъ“, но въ костелъ ходила по обыкновенію, не считаясь съ тѣмъ, попадетъ ли она на замѣчаніе или нѣтъ. Отецъ, видимо, иной разъ нервничалъ и тревожился и за нее, и за свое положеніе, но признавалъ ея право...

Между тѣмъ, событія развертывались, охватывая все окружавшее меня общество точно пожаромъ и, конечно, захватили также нашъ мирный пансіонъ...

Продолженіе возстанія.—Смертная казнь.

Броженіе усиливалось. Пѣніе въ костелахъ продолжалось, ксендзы говорили страстныя проповѣди, ихъ арестовывали, и такимъ образомъ создавались жертвы и мученики. Особенно экзальтировалась молодежь. Послѣ варшавскихъ уличныхъ убійствъ, когда казаки атаковали демонстрантовъ,—польскія женщины надѣли трауръ. Полиція принялась преслѣдовать за трауръ. Черныя платья стали признакомъ преступленія; чтобы нашить бѣлую кайму на юбку и носить плёрезы, нужно было запастись свидѣтельствомъ о смерти близкаго родственника, за „эмблемы“ (сердце, крестъ и якорь, — вѣра, надежда, любовь) тащили въ участки, составляли протоколы, штрафовали... Съ другой стороны —цвѣт-

ныя платья полекъ тоже навлекали на нихъ непріятности: ихъ обливали въ костелахъ кислотой или рѣзали перочинными ножиками. Крестные ходы разгонялись нагайками...

Однимъ раннимъ утромъ наша кухарка, вернувшись съ базара, разсказала, что въ самомъ центрѣ города, на площади около костела Бернардиновъ будочникъ, вставши утромъ, увидѣлъ, къ своему ужасу, огромный черный крестъ, съ траурно бѣлыми каймами, въ пространствѣ отгороженномъ низенькимъ частоколомъ (для будущаго сквера), у самой своей будки... Пока дали знать начальству, пока рѣшали, что дѣлать,—у креста собралась огромная толпа... Наконецъ, явились казаки и полиція, народъ разогнали, крестъ выкопали, взвалили на телѣгу и сволокли въ полицію...

Такимъ образомъ, крестъ оказался арестованнымъ. Это дало новый лозунгъ броженію. Польскія дамы изъ разныхъ слоевъ общества собрались большой толпой и демостративно отправились къ дому губернатора съ просьбой „освободить святой крестъ изъ заключенія"...

Исхода этой просьбы я не помню. Помню только, что таинственное появленіе креста на центральной площади произвело въ городѣ огромное впечатлѣніе. Между прочимъ, у насъ передавали шепотомъ, будто въ этой, очень ловко устроенной продѣлкѣ участвовалъ одинъ приходящій ученикъ пансіона Рыхлинскаго. Фамиліи его я теперь не помню; только смутно встаетъ въ памяти великовозрастная фигура, съ изрядными усиками. До тѣхъ поръ онъ былъ просто запоздалымъ ученикомъ, плохо одолѣвавшимъ ученіе. Теперь въ глазахъ пансіонеровъ онъ сталъ чуть не сказочнымъ героемъ...

Каждый день приносилъ что-нибудь новое: молодыя паненки бѣгали изъ дома въ домъ, сообщая, что такую-то арестовали „за эмблемы", другая успѣла ловко увернуться, ксендзъ Козловскій произнесъ замѣчательную проповѣдь, въ концѣ которой ему стало дурно. Въ костелѣ поднялось страшное возбужденіе съ плачемъ и истерикой... Тюрьма и полицейскіе участки были переполнены, и администрація снимала частные дома для помѣщенія новыхъ узниковъ. На этомъ фонѣ общаго возбужденія и экзальтаціи выдѣлялись отдѣльныя фигуры, обвѣянныя ореоломъ романтическаго героизма.

Особенно много говорили о дѣвицѣ Пустовойтовой. Дочь православныхъ родителей, она выросла экзальтированной польской патріоткой и ревностно вербовала молодежь для повстанскихъ отрядовъ. Ее замѣтили и арестовали. Не могу поручиться за вѣрность этого извѣстія, но тогда у насъ говорили, что арестована она была именно въ нашемъ городѣ,

и одинъ изъ моихъ товарищей водилъ меня впослѣдствіи показывать небольшой бѣлый домикъ на Вильской улицѣ, гдѣ, будто бы, Пустовойтова содержалась вмѣстѣ съ другими подъ карауломъ. Разсказывали, что въ одинъ прекрасный день къ воротамъ подошелъ шарманщикъ съ обезьяной и отвлекъ вниманіе часового ловкими штуками. Въ это время Пустовойтова спустилась въ окно, сѣла въ приготовленную заранѣе коляску и уѣхала. Тогда и шарманщикъ хладнокровно вскинулъ за спину свой инструментъ, посадилъ на плечо обезьяну и тихо удалился.

И опять называли фамилію бывшаго ученика пансіона Рыхлинскаго, молодого человѣка, славившагося тѣмъ, что онъ разгибалъ подковы и могъ, будто бы, остановить на бѣгу за колесо коляски скачущую тройку.

Между тѣмъ, въ городъ вступали новые отряды казаковъ и пѣхоты, которыхъ разставляли на постой въ домахъ и дворахъ. Въ нашей конюшнѣ тоже стояли три или четыре казацкія лошади. Сами казаки устраивались тутъ же, а на кухнѣ и въ сараѣ расположились пѣхотинцы... Этихъ постояльцевъ встрѣчали не очень привѣтливо; домохозяева и квартиранты долго спорили съ „квартирмейстеромъ", не желали отводить помѣщенія, ходили куда-то жаловаться. Но мы, дѣти, вскорѣ освоились съ ними и даже подружились. Казаки иной разъ сажали насъ на лошадей и брали съ собой на рѣчку къ водопою и для купанья. Солдаты снисходительно позволяли чистить суконкой и мѣломъ пуговицы своихъ мундировъ, а жидкія щи, которыя они приносили въ котелкахъ изъ ротной кухни, казались намъ необыкновенно вкусными.

Особенно ярко вспоминается мнѣ фигура одного пѣхотинца, Аѳанасія. Это былъ уже старикъ, съ морщинистымъ лицомъ, щетинистыми сѣдыми усами и сережкой въ лѣвомъ ухѣ. Видъ у него былъ непривѣтливый и суровый. Устроившись въ сараѣ, гдѣ онъ развѣсилъ на гвоздяхъ „аммуницію", а ружье заботливо уставилъ въ уголъ,—онъ оперся плечомъ въ косякъ двери и долго, молча, съ серьезнымъ вниманіемъ смотрѣлъ, какъ мы съ мальчишками сосѣдей продѣлывали на дворѣ „ученіе" съ деревянными ружьями. Черезъ нѣкоторое время онъ не выдержалъ роли сторонняго зрителя, подошелъ къ нашему фронту, взялъ „ружье" и сталъ показывать настоящіе пріемы, поражая насъ отчетливостью и упругостью своихъ движеній. Казалось, при каждомъ такомъ движеніи внутри солдата лязгали и стучали какія-то пружины.

— Вотъ научу васъ, ляшковъ, а вы пойдете бунтовать да меня же и убьете,—сказалъ онъ въ заключеніе, полушутя,

полу-сердито. — Черезъ нѣкоторое время у насъ, однако, установились отличныя отношенія. Много часовъ мы провели вмѣстѣ, въ лѣтнія сумерки, на солдатской койкѣ Аѳанасія, пропахшей пòтомъ, кожаной аммуниціей и кислыми солдатскими щами, — пока его рота не ушла куда-то въ уѣздъ преслѣдовать повстанческіе отряды. Для насъ разставаніе съ нимъ было большой непріятностью, да и старому солдату видимо было не по себѣ. Долгая „николаевская“ служба уже взяла всю его жизнь, порвала всѣ семейныя связи, и старое солдатское сердце пробавлялось хоть временными привязанностями на стоянкахъ...

Изъ казаковъ особенно выдѣляется въ памяти кудрявый брюнетъ, урядникъ. Лицо его было изрыто оспой, но это не мѣшало ему слыть настоящимъ красавцемъ. Для насъ было истиннымъ наслажденіемъ смотрѣть, какъ онъ, почти волшебствомъ, безъ приготовленій, взлеталъ на лошадь. По временамъ онъ напивался, и тогда, сверкая глазами, кричалъ на весь дворъ:

— Эхъ вы, ляшки! Куда вамъ бунтоваться! Вотъ поглядите: когда-нибудь Донъ тряхнетъ матушкой-Москвой... Такъ ужъ тря-я-хнетъ... Не по вашему.

Онъ сжималъ кулакъ и потрясалъ имъ надъ головой, какъ будто въ немъ зажата уже матушка-Москва. Нашъ пріятель, старый солдатъ Аѳанасій, укоризненно моталъ головой и говорилъ:

— Отчаянный народъ, казаки.

Однажды этотъ черноволосый казакъ что-то набуянилъ, и за нимъ пришли по приказанію начальства, чтобы арестовать его. Онъ былъ совершенно пьянъ, но тѣмъ не менѣе вырвался изъ рукъ державшихъ его товарищей, вскочилъ на свою неразсѣдланную лошадь и умчался со двора. Его качало въ сѣдлѣ такъ, что казалось, онъ вотъ-вотъ свалится на мостовую и расшибется вдребезги. Но ничего подобнаго не случилось и, выбѣжавъ за ворота, мы увидѣли его уже далеко. Его конь несся, какъ бѣшеный, а сзади, отставая скакала погоня. На утро, какъ ни въ чемъ не бывало, онъ заботливо чистилъ своего скакуна, пересмѣиваясь съ недогнавшими его товарищами.

Между тѣмъ, возстаніе разгоралось, и надъ всею жизнью нашего города нависала какая-то зловѣщая тѣнь.

Первое время въ польскомъ обществѣ настроеніе было бодрое и самонадѣянное. Говорили о безчисленныхъ бандахъ, ждали какого-то Ружицкаго, надѣялись на вмѣшательство Наполеона.

Въ это время изъ Кіева внезапно пріѣхали три сына Рыхлинскихъ. Это были три молодца, на подборъ, крѣпкіе,

какъ молодые дубы. Всѣ они учились въ кіевскомъ университетѣ. Одинъ, Феликсъ, уже кончалъ курсъ на медицинскомъ факультетѣ, другой, Ксаверій, былъ на второмъ или третьемъ курсѣ, третій, Станиславъ или, какъ его всѣ тогда называли, Стасикъ,—только что окончилъ гимназію и поступилъ на первый курсъ. Это былъ совсѣмъ еще мальчикъ, лѣтъ семнадцати, съ большими, веселыми черными глазами и румянымъ дѣтски-свѣжимъ лицомъ. Два старшіе брата намъ казались уже совсѣмъ взрослыми и недоступными, а Стася мы любили, почти какъ товарища. Всѣ трое провели у насъ послѣ пріѣзда цѣлый вечеръ, при чемъ наши относились къ нимъ съ какимъ-то особеннымъ любовнымъ и жалостнымъ вниманіемъ, а Стась забавлялъ всѣхъ вспышками яркаго, почти дѣтскаго веселья.

Въ ближайшую субботу мать и отецъ поѣхали къ Рыхлинскимъ... На слѣдующій день у матери лицо было печальное, а глаза заплаканы. Отецъ казался озабоченнымъ.

— Глупости и глупости!—говорилъ онъ.—Подурѣли всѣ... А я бы этого Стася просто заперъ на ключъ въ комнатѣ и не пустилъ бы изъ дому...

— Видишь, даже дѣти идутъ биться за отчизну,—отвѣтила мать.

— Идутъ, идутъ! То-то и дѣло что идутъ, сами не знаютъ зачѣмъ...

— Посмотримъ,—сказала мать съ оттѣнкомъ патріотическаго задора.—А Стася... жалко! Милый, милый мальчикъ.

И глаза у нея наполнились слезами...

На слѣдующій день въ пансіонѣ передавали шепотомъ, что молодые Рыхлинскіе ночью уѣхали „до лясу“ прямо съ вечера, на которомъ этотъ разъ присутствовали только самые близкіе люди. На прощаніе отецъ и мать благословили сыновей, при чемъ сыновья кланялись имъ въ ноги. Старикъ не проронилъ ни одной слезы, мать—красивая женщина, съ энергическимъ лицомъ,—заплакала, только обнимая Стася.. Теперь у нихъ оставались дома самый младшій сынъ, учившійся еще въ пансіонѣ, и шестнадцати-лѣтняя дочь, Марыня, экзальтированная черноглазая дѣвушка, сіявшая молодой гордостью и патріотическимъ экстазомъ.

— Мы побѣдимъ!—говорила она въ кучкѣ пансіонеровъ подростковъ, окружившихъ ее утромъ, передъ началомъ урока (она преподавала французскій языкъ)... Вскорѣ послѣ этого дня называли еще нѣсколько молодыхъ людей, ушедшихъ за Рыхлинскими.

Это былъ короткій періодъ общаго увлеченія и надежды. Говорили о побѣдахъ повстанцевъ въ „Крулевствѣ“ и въ Литвѣ, говорили о возстаніи въ самой Россіи, кажется, въ

это же время говорили еще о какихъ-то пожарахъ въ Москвѣ, а разъ „панна Марыня“ пробѣжала съ горящими глазами и вдохновеннымъ лицомъ по всему пансіону, размахивая какимъ-то листкомъ и кидая направо и налѣво извѣстіе о томъ, что:

— Наполеонъ... Наполеонъ идетъ на помощь!..

Въ пансіонѣ среди учениковъ-поляковъ подымался радостный шумъ, точно въ просыпающемся ульѣ...

Въ это время ночью мнѣ приснился очень яркій и тяжелый сонъ. Дѣло какъ будто началось съ игры „въ поляковъ и русскихъ“, которая въ то время замѣнила для насъ всѣ другія. Раздѣлялись обыкновенно не по національностямъ, а по жребію, сражались деревянными саблями и палками, изображавшими ружья со штыками, и иной разъ наносили другъ другу небольшія увѣчья. Не помню теперь, на чьей сторонѣ я былъ на этотъ разъ во снѣ, помню только, что игра вскорѣ перешла какъ будто въ дѣйствительную войну. Было широкое поле, по которому вилась рѣчка, поросшая камышами. Гдѣ-то трещали выстрѣлы, и вѣтеръ уносилъ бѣлые дымки, какъ это мы видѣли на солдатскомъ стрѣльбищѣ. Я отъ кого-то убѣгалъ и скрывался, для чего спустился по обрыву къ рѣчкѣ...

И вдругъ оказалось, что скрываюсь, собственно, не я, а цѣлый отрядъ русскихъ солдатъ, которые притаились надъ обрывомъ, за камышами, по колѣни въ водѣ. Они пригнули головы, ружья держали на перевѣсъ, и впереди всѣхъ, ближе ко мнѣ, стоялъ старикъ Аѳанасій, въ своей круглой шапочкѣ безъ козырька, съ серьгой въ лѣвомъ ухѣ. Онъ смотрѣлъ на меня серьезнымъ, немного суровымъ и укоризненнымъ взглядомъ, и сердце у меня сжалось тоской и страхомъ. Тамъ, въ широкомъ полѣ носились въ дыму поляки, совершая подвиги храбрости и побѣждая русскихъ... Какъ это часто бываетъ во снѣ, нарушающемъ всѣ законы перспективы, я совершенно ясно видѣлъ и Аѳанасія въ камышахъ подъ обрывомъ, и поляковъ, гарцовавшихъ въ дальнемъ полѣ... Вдругъ надъ обрывомъ рѣки появился Стасикъ Рыхлинскій... Онъ стоялъ на берегу, сверкая веселыми черными глазами и улыбаясь своей дѣтской улыбкой. Я замеръ отъ ожиданія, и мнѣ казалось, что на свѣтѣ нѣтъ никого страшнѣе этого милаго юноши, который сейчасъ долженъ открыть притаившихся въ камышахъ русскихъ солдатъ...

Проснулся я со слезами на глазахъ, весь потный и потрясенный точно кошмаромъ... И я чувствовалъ, что эти люди, которыхъ поляки должны истребить, мнѣ близки и дороги и что мнѣ ихъ жаль, какъ родныхъ. Это оттого, —

подумалъ я утромъ, вспоминая этотъ сонъ,—что они русскіе и я русскій. Но я ошибался. Это было только оттого, что они были люди...

Недѣли черезъ двѣ пришло извѣстіе: всѣ три брата Рыхлинскіе участвовали въ стычкѣ гдѣ-то подъ Кіевомъ. Старшій, Феликсъ, раненъ казацкимъ копьемъ въ шею, всѣ трое взяты въ плѣнъ и сидятъ въ кіевской тюрьмѣ.

Старикъ Рыхлинскій по прежнему выходилъ каждый день къ утреннему чаю, по прежнему спрашивалъ: „Qui a la règle?", — по прежнему чинилъ судъ и расправу. Пани Рыхлинская вела хозяйство, Марыня преподавала французскій языкъ, но всѣ мы, глядя на нихъ, замѣчали, что надъ этой семьей нависло тяжкое горе, которое, можетъ быть, не остановится на томъ, что уже случилось.

Возстаніе явно не удавалось. Самонадѣянныя извѣстія о побѣдахъ смѣнились слухами о пораженіяхъ и о жестокостяхъ, которыя совершали надъ панами недавно освобожденные крѣпостные.

Народъ даже въ Польшѣ примыкалъ къ возстанію неохотно, а на Волыни мужики сами ловили пановъ и доставляли въ городъ. Мнѣ пришлось однажды видѣть такой поѣздъ: на длинныхъ возахъ съ „драбинами", въ какихъ возятъ снопы, сидѣли кучей повстанцы, нѣкоторые съ повязанными головами и руками на перевязяхъ. Лица у раненыхъ были блѣдны. У одного на повязкѣ виднѣлись пятна крови. Впереди, на доскѣ сидѣлъ мужикъ, погонявшій лошадей, а по бокамъ верхами скакали такіе же мужики конвоиры. Изъ воротъ выбѣгала прислуга,—горничныя, кухарки, глядѣть, какъ везутъ паничей. Все это дѣйствительно была большею частью молодежь... Сочувствіе городского большинства было на сторонѣ плѣнниковъ, и я хорошо помню, какъ молодыя горничныя плевали въ гарцовавшихъ на своихъ клячахъ побѣдителей и какъ тѣ насмѣшливо потряхивали чупринами и заламывали бараньи шапки.

Тюрьма, помѣщавшаяся на тѣсной узенькой Чудновской улицѣ, скоро была переполнена этими плѣнниками, и для содержанія просто „подозрительныхъ" и „неблагонадежныхъ" нанимали все новыя и новыя помѣщенія у частныхъ лицъ.

Однажды къ нашей квартирѣ подъѣхала извощичья парная коляска, изъ которой вышелъ молодой офицеръ и спросилъ отца. Онъ былъ въ новенькомъ, свѣжемъ синемъ мундирѣ, на которомъ эффектно выдѣлялись бѣлыя аксельбанты. Шпоры его звенѣли на каждомъ шагу пріятнымъ тихимъ звономъ.

— Ка-кой красивый,—сказала моя сестренка. И намъ съ братомъ онъ тоже очень понравился. Но мать, увидѣвъ его,

отчего-то вдругъ испугалась и торопливо пошла въ кабинетъ... Когда отецъ вышелъ въ гостиную, красивый офицеръ стоялъ у картины, на которой довольно грубо масляными красками была изображена фигура бородатаго поляка, въ красномъ кунтушѣ, съ саблей на боку и гетманской булавой въ рукѣ.

Офицеръ поклонился, звякнулъ шпорами и, указывая на картину, спросилъ:

— Мазепа?

— Нѣтъ, это Жолкѣвскій,—отвѣтилъ отецъ.

— А-а, — протянулъ офицеръ съ такимъ видомъ, какъ будто онъ одинаково не одобряетъ и Мазепу, и Жолкѣвскаго,—а затѣмъ онъ съ отцомъ удалился въ кабинетъ. Черезъ четверть часа оба вышли оттуда и усѣлись въ коляску. Мать и тетки осторожно, но съ видимой тревогой, слѣдили изъ оконъ за уѣзжавшимъ. Кажется, онѣ боялись, что отца арестовали... А намъ казалось страннымъ, что такая красивая, чистенькая и пріятная фигура можетъ возбуждать тревогу...

Вечеромъ отецъ разсказывалъ, что, когда они проѣзжали мимо тюрьмы, повстанцы, выглядывавшіе въ окна, тоже подумали, что „судью арестовали“,—и стали громко ругать жандарма...

Отецъ, по должности, принималъ участіе въ коммиссіяхъ, въ которыхъ этотъ красивый офицеръ, съ пріятнымъ ласковымъ звономъ шпоръ, былъ однимъ изъ самыхъ свирѣпыхъ членовъ.

Помню, какъ однажды, вернувшись изъ засѣданія, отецъ разсказалъ матери, что одинъ изъ „подозрительныхъ“, мѣстный обыватель, чуть было не погубилъ себя. Онъ пришелъ еще до начала засѣданія и, бросивъ на столъ только что полученное письмо, сказалъ:

— Кончено. Я не защищаюсь болѣе... Дѣлайте что хотите... Мой сынъ ушелъ въ отрядъ и—убитъ...

И старикъ горько заплакалъ. Жандарма и прокурора еще не было,—поэтому отецъ, взглянувъ на остальныхъ членовъ коммиссіи,—отдалъ старику письмо и сказалъ оффиціальнымъ тономъ:

— Засѣданіе еще не открыто, а частные разговоры здѣсь неумѣстны.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ жандармъ, но старикъ уже овладѣлъ собою и спряталъ письмо. Его личное дѣло окончилось благопріятно, и семья была спасена отъ конфискаціи имущества и раззоренія.

Довольно скоро возстаніе было подавлено, начиналась расправа... И въ это время отецъ опять выполнялъ свое дѣло

съ обычной философіей. Онъ всегда твердо держался „закона“. Законы того времени были строгіе, но расправа побѣдителей всегда стремится стать строже всякаго закона. Поэтому я увѣренъ, что роль отца и тутъ требовала извѣстнаго мужества, и не разъ въ семьѣ были разговоры о томъ, что жандармъ сильно косится на отца и что его служебное положеніе можетъ пошатнуться. Но нашъ край былъ всетаки внѣ вліянія Муравьева-вѣшателя, а репутація отца въ административныхъ сферахъ была давно установлена. Поэтому онъ только „не отличился“ на этихъ очень благодарныхъ дѣлахъ, но и не пострадалъ. Въ коммиссіи, какъ кажется, были и другіе члены, русскіе, проникнутые умѣренностью, и потому особыхъ жестокостей у насъ не было.

Но казни не миновали и нашего города.

Ихъ было, если не ошибаюсь,—три. Мнѣ особенно запомнилось дѣло Стройновскаго, бывшаго офицера русской службы. Законъ въ такихъ случаяхъ былъ непререкаемо ясенъ, приговоръ былъ неизбѣженъ съ момента ареста. Уже приговоренный, Стройновскій почему-то попросилъ свиданія съ отцомъ. Отецъ ѣздилъ въ тюрьму, откуда вернулся сильно разстроенный... Впослѣдствіи онъ разсказывалъ, что Стройновскій просилъ исполнить какія-то интимныя порученія и въ разговорѣ съ большой горечью говорилъ о своей судьбѣ. Это была его первая и послѣдняя стычка. Собравъ свой отрядъ передъ битвой, онъ изложилъ ему всѣ выгоды и невыгоды ихъ позиціи въ лѣсу и спросилъ—рѣшились ли они защищать ее до послѣдней крайности; въ противномъ случаѣ еще было время отступить. Весь отрядъ отвѣтилъ въ одинъ голосъ: погибнемъ, но не отступимъ. Этотъ общій энтузіазмъ далъ Стройновскому надежду на побѣду. Самъ онъ со своимъ старымъ товарищемъ, отставнымъ солдатомъ, помѣстились впереди, за засѣкой изъ деревьевъ и стали усердно отстрѣливаться отъ наступающаго отряда казаковъ и крестьянъ. Черезъ нѣкоторое время онъ замѣтилъ, однако, что выстрѣлы съ польской стороны становятся рѣже, и, оглянувшись, увидѣлъ, что межъ деревьевъ „мелькаютъ хвосты лошадей его кавалеристовъ“ (эту фразу я точно запомнилъ въ передачѣ отца). Увидѣвъ, что дѣло проиграно, Стройновскій кинулся къ своей бричкѣ, оставленной въ лѣсу, и надѣлъ русскій мундиръ; это сначала сбило съ толку окружившихъ его крестьянъ, но всетаки его арестовали... Очень вѣроятно, что энтузіазмъ молодыхъ повстанцевъ до битвы былъ такъ же искрененъ, какъ и ихъ паническое бѣгство... Мнѣ кажется, что тогдашнее настроеніе возставшихъ питалось, главнымъ образомъ, романтическими мечтами о томъ самомъ прошломъ, полномъ блеска и приключеній, которое такъ захватило и

меня въ польскомъ театрѣ. Но это была уже не живая жизнь, а лишь тѣни прошедшей жизни. Однимъ словомъ, это былъ романтизмъ, а романтизмъ—плохая школа для суровой битвы. Наступленіе дикой, грубой и некрасивой толпы мужиковъ ничѣмъ не напоминало историческихъ батальныхъ картинъ, гдѣ польскіе крылатые гусары сами неслись, разсѣкая степной воздухъ, на загоны татаръ... И бѣдняга Стройновскій поплатился жизнью за свое довѣріе къ романтическому одушевленію своего отряда...

Былъ ясный, жаркій день, когда Стройновскаго казнили. Нѣкоторые изъ моихъ сверстниковъ пробрались на мѣсто казни, за городомъ, въ полѣ, по кіевскому шоссе. Они разсказывали впослѣдствіи, будто Стройновскій просилъ не завязывать ему глазъ и не связывать рукъ. Онъ крикнулъ: „Пусть живетъ Польша“ (Niech zyje Polska!) и самъ скомандовалъ солдатамъ стрѣлять... Вѣроятно, все это были легенды, которыми молва украсила смерть этого дѣйствительно мужественнаго человѣка.

Я не видѣлъ этой казни... Съ безпечностью дѣтства мы съ братьями и товарищами играли на воздухѣ, когда до нашего слуха донесся глухой ударъ, прокатившійся среди яснаго дня такъ ощутительно, точно въ уши толкнулъ какой-то тяжелый плотный комокъ. Сердце у меня дрогнуло. Мы точно по уговору бросили игру и прошли по невольному побужденію къ старшимъ, какъ будто ища у нихъ защиты. Вся наша семья собралась на балконѣ въ какомъ-то смущенномъ молчаніи. По лицамъ матери и тетокъ я понялъ, что съ этимъ глухимъ комкомъ звуковъ, толкнувшихъ воздухъ яснаго дня, – надъ нами дѣйствительно пролетѣла смерть...

Обѣдъ въ этотъ день прошелъ въ тяжеломъ настроеніи. У насъ обѣдалъ, между прочимъ, дядя Петръ, но теперь этотъ веселый дядя не шутилъ и не смѣялся... Его живые глаза выдѣлялись на блѣдномъ лицѣ какъ-то особенно глубоко и грустно... Онъ разсказалъ, между прочимъ, что въ городѣ въ то время была мать или жена казненнаго. Ее увезли куда-то, на другой конецъ, гдѣ, думали, не будетъ слышно выстрѣловъ. Но звукъ залпа долетѣлъ до нея, и она сразу упала со стула, какъ подкошенная...

Говорили о Стройновскомъ, о томъ, что онъ недавно женился, что молодая жена ждала его послѣ какой-то разлуки, что она не знала до конца о грозящей ему судьбѣ... Тонъ этихъ рѣчей былъ нѣжно-любовный и печальный. На глазахъ у женщинъ были слезы. Лицо отца было разстроено, какъ въ ту минуту, когда я засталъ его за молитвой въ кабинетѣ послѣ одного изъ приговоровъ...

Я не знаю этого навѣрное, но считаю вѣроятнымъ, что

подпись моего отца стояла и на этотъ разъ подъ смертнымъ приговоромъ Стройновскому... Никто въ нашей семьѣ и въ тогдашнемъ обществѣ не винилъ его. Стройновскій былъ военный, и...

„Законъ былъ ясенъ"...

Мы, дѣти, слушали все это безъ собственныхъ мыслей и безъ выводовъ. Но въ этотъ ясный день, тихая прелесть котораго была нарушена толчкомъ ружейнаго залпа, въ наши души ложились одно за другимъ впечатлѣнія страннаго житейскаго противорѣчія. Этотъ залпъ убилъ Стройновскаго... Стройновскій былъ хорошій... Его уважаютъ, его любятъ... у него остались жена и мать... Мой отецъ жалѣетъ ихъ всѣхъ... Отецъ участвовалъ въ судѣ надъ нимъ... А законъ ясенъ...

Послѣ обѣда мы опять пошли на нашъ дворъ, играли, потомъ готовили уроки... А въ душѣ лежали, какъ сѣмена въ землѣ,—глубоко запавшія впечатлѣнія, связанныя съ глухимъ толчкомъ ружейнаго залпа... Росткамъ суждено было взойти послѣ, смѣшавшись вмѣстѣ съ другими противорѣчіями сложной жизни...

Кто я?

Этотъ вопросъ, въ совершенно осязательной личной формѣ всталъ передо мною именно въ описываемый періодъ моей жизни...

Возстаніе кончалось. Отовсюду приходили извѣстія о неудачахъ поляковъ. Говорили уже не о битвахъ, а о бойняхъ, объ охотѣ на людей и травлѣ, а затѣмъ начиналось преслѣдованіе, грубое, часто совершенно несправедливое, основанное на доносахъ и предательствахъ.

Теперь мои сны были уже другіе. Мнѣ не снился ни скрывающійся Аѳанасій, ни торжествующій Стасикъ. Мнѣ снились темныя поля, овраги, въ которыхъ лежитъ Феликсъ Рыхлинскій съ прострѣленной грудью, грубые крики злобно торжествующей мужицкой толпы. И мое дѣтское сочувствіе переходило теперь на другую сторону. Люди, сражавшіеся и погибавшіе за свою родину, люди, о которыхъ теперь такъ часто плакала моя родная мать,—привлекали мои невольныя симпатіи, а формы, въ которыя выливалось преслѣдованіе всего польскаго или, какъ тогда говорили, ополяченнаго,— внушали еще мало осмысленное, но вполнѣ естественное и справедливое отвращеніе...

Въ пансіонѣ Рыхлинскаго настроеніе было сумрачное. Многіе изъ учениковъ - поляковъ потеряли въ возстаніи

братьевъ или отцовъ, семьи ихъ раззорялись реквизиціями. Вмѣсто прежнихъ торжествующихъ пѣсенъ „Jeszcze Polska nie zginęła“ или „Grzmią pod Stoczkiem harmaty“ („Еще Польша не погибла“ или „гремятъ подъ Сточкомъ пушки“)—теперь польская молодежь пѣла мрачную, полную горечи демократическую пѣсню, обвинявшую въ гибели родины своекорыстіе аристократовъ:

О, честь вамъ, паны и князья, и прелаты
За край нашъ, забрызганный кровью...

Отецъ не измѣнилъ своихъ отношеній ни къ роднымъ матери, ни къ польскому обществу. По крайней мѣрѣ, я помню литературные вечера, на которыхъ второстепенный и теперь уже забытый польскій писатель, Александръ Гроза, читалъ въ нашей семьѣ свою новую драму въ стихахъ, озаглавленную, если не ошибаюсь, „Попель“. Рѣчь шла о борьбѣ простого народа съ рыцарями и княземъ Попелемъ. Этого свирѣпаго князя, согласно легендѣ, съѣли мыши, а простой народъ на его мѣсто поставилъ королемъ крестьянина Пяста. Не могу ничего сказать о достоинствѣ этой драмы, но въ моей памяти осталось нѣсколько сценъ и общій тонъ—противопоставленіе простыхъ добродѣтелей крестьянства заносчивости рыцарей-аристократовъ. Отецъ слушалъ чтеніе очень внимательно и, когда Гроза окончилъ, онъ сказалъ печально:

— Какъ я вамъ завидую... Поэтъ живетъ особою жизнію... Онъ переносится въ другіе вѣка, далекіе отъ нашихъ тяжелыхъ дней...

Это было первое общее сужденіе о поэзіи, которое я слышалъ, а Гроза (маленькій, круглый человѣкъ, съ крупными чертами ординарнаго лица) былъ первымъ видѣннымъ мною „живымъ поэтомъ“... Теперь о немъ совершенно забыли, но, во всякомъ случаѣ, его произведенія были для того времени настоящей литературой.

Нельзя сказать того же о произведеніяхъ русской печати, которыми, по непріятной случайности, въ то время питался мой дѣтскій умъ. Отецъ выписывалъ прежде „Сынъ Отечества“, въ которомъ мы, дѣти, смотрѣли однѣ каррикатуры. Въ періодъ возстанія и въ начавшійся за нимъ періодъ усиленнаго обрусѣнія, администрація сочла нужнымъ издавать оффиціозный органъ „Вѣстникъ Сѣверо-Западнаго края“. Для чиновниковъ подписка была обязательная, и потому отецъ прекратилъ выписку „Сына Отечества“, замѣнивъ его тощими ежемѣсячными книжонками „Вѣстника“. Въ то время я жадно поглощалъ все, что попадалось печатнаго, и потому прочитывалъ въ этомъ журналѣ и стихи, и прозаическіе разсказы. До сихъ поръ у меня осталось отъ

этого чтенія впечатлѣніе какой-то сѣрой безвкусицы. Самое лучшее, что здѣсь было,—это анекдоты, сказки, пустые разсказы о продѣлкахъ солдатъ на постояхъ и тому подобная, пошловато безразличная дребедень, которой редакторы порой заполняли страницы, за неимѣніемъ настоящаго матеріала. „Настоящій“ же матеріалъ, для котораго, собственно, и издавался журналъ,—составляла „обрусительная“ публицистика, а затѣмъ грубо тенденціозныя повѣствованія о доблестяхъ русскихъ и о подлости, трусости, коварствѣ поляковъ...

Я, конечно, не могъ отнестись вполнѣ сознательно къ этой казенной печатной стряпнѣ. Я только инстинктивно чувствовалъ грубую ложь и пошлость этихъ разсказовъ и сопоставленій, тогда какъ попадавшіяся мнѣ произведенія писателей поляковъ: „Ѳома изъ Сандомира“, еще одинъ чисто семейный романъ Корженіовскаго, заглавіе котораго я теперь забылъ, прекрасные задушевные стихи Ленартовича Сырокомли, наконецъ, даже „Попель“ Александра Грозы,—овладѣвали и умомъ, и чувствомъ, и воображеніемъ. Казнь Стройновскаго, образы трехъ Рыхлинскихъ, картина благословенія ихъ родителями на опасность и гибель за отчизну, мужественная покорность судьбѣ, съ какой старики выносили теперь свое горе — все это тоже западало въ душу, вытѣсняя изъ нея внушенія оффиціознаго „Вѣстника“. Послѣднія имѣли скорѣе обратное дѣйствіе... Вообще же, хотя мы въ это время въ семьѣ говорили уже по-русски и знали, что мы „русскіе“, но если бы кто-нибудь сумѣлъ вскрыть мою душу,—то и въ этотъ періодъ моей жизни онъ бы навѣрное нашелъ, что наибольшимъ удѣльнымъ вѣсомъ обладали въ ней тѣ чувства, мысли, впечатлѣнія, какія она получала отъ языка, литературы и вообще культурныхъ вліяній родины моей матери.

Итакъ, кто же—я на самомъ дѣлѣ?.. Этотъ головоломный, пожалуй, даже неразрѣшимый вопросъ сталъ центромъ маленькой драмы въ моей неокрѣпшей душѣ...

Въ то время въ пансіонѣ учился вмѣстѣ со мною сверстникъ мой (или годомъ старше) Кучальскій. Это былъ высокій, худощавый мальчикъ, нѣсколько сутулый, съ узкой грудью и лицомъ, попорченнымъ оспой (вообще—какъ я теперь вспоминаю, въ то время было гораздо больше людей со слѣдами этой болѣзни, чѣмъ теперь). Не смотря на сутулость и оспенное лицо,—въ немъ было какое-то особое прирожденное изящество, а маленькіе, немного печальные, но очень живые черные глаза глядѣли изъ-подъ рябоватыхъ вѣкъ необыкновенно привлекательнымъ и добрымъ взглядомъ. Мнѣ нравилось въ немъ все: и чистенькое, хорошо лежавшее на его

тонкой фигурѣ платье, и походка, какъ будто слегка неуклюжая и, не смотря на это—изящная, и тихая улыбка, и какая-то особенная сдержанность среди шумной ватаги пансіонеровъ, и то, какъ онъ, отвѣтивъ урокъ у доски, обтиралъ бѣлымъ платкомъ свои тонкія руки. Я сразу замѣтилъ его среди остальныхъ учениковъ, и понемногу мы сблизились,—какъ сближаются школьники: то есть оказывали другъ другу мелкія услуги, дѣлились перьями и карандашами; въ свободные часы уединясь отъ товарищей, ходили вдвоемъ и говорили о многомъ, о чемъ не хотѣлось говорить съ другими. Иной разъ мнѣ просто пріятно было смотрѣть на него, ловить его тихую, какъ будто задумчивую улыбку... Онъ былъ полякъ, но это вначалѣ не вносило ни малѣйшей тѣни въ завязывавшуюся между нами дѣтскую дружбу.

Когда началось возстаніе, наше сближеніе продолжалось. Онъ глубоко вѣрилъ, что поляки должны побѣдить, и что старая Польша будетъ возстановлена въ прежнемъ блескѣ. Помню, кто-то изъ русскихъ учениковъ сказалъ при немъ, что Россія—самое большое государство въ Европѣ. Я тогда еще не зналъ этой особенности своего отечества, и мы съ Кучальскимъ тотчасъ же отправились къ картѣ, чтобы провѣрить это сообщеніе. Я и теперь помню тихую, но непреклонную увѣренность, съ которой Кучальскій сказалъ послѣ тщательнаго обозрѣнія карты:

— Это русская карта. Я повѣрю только такой картѣ, которая напечатана за границей...

Этому своему пріятелю я, между прочимъ, разсказалъ о своемъ снѣ, въ которомъ я такъ боялся за судьбу русскихъ солдатъ и Аѳанасія.

— Ты вѣришь въ сны?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.—Мой отецъ говоритъ, что это—пустяки и что сны не сбываются. И я думаю то же. Сны я вижу каждую ночь...

— А я вѣрю,—отвѣтилъ онъ.—И твой сонъ значитъ, что мы непремѣнно побѣдимъ.

Вскорѣ выяснилось, что мой сонъ этого не значилъ, и, когда извѣстіе за извѣстіемъ разбивали увѣренность и надежды поляковъ, я сталъ замѣчать, что Кучальскій становится все печальнѣе и начинаетъ отстраняться отъ меня. Меня это очень огорчало, тѣмъ болѣе, что я не чувствовалъ за собой никакой вины передъ нимъ... Напротивъ: теперь печальный, молчаливый и задумчивый, онъ привлекалъ меня еще болѣе. Однажды, во время перемѣны, когда онъ ходилъ одинъ, въ сторонѣ отъ товарищей,—я подошелъ къ нему и сказалъ:

— Слушай, Кучальскій... У тебя, вѣрно, случилось какое-нибудь горе.

Онъ посмотрѣлъ на меня печальными глазами и, не останавливаясь, сказалъ:

— Да, большое горе...

— Почему ты мнѣ не скажешь?.. И почему ты меня избѣгаешь?..

— Такъ...—отвѣтилъ онъ,—тебѣ до этого не можетъ быть дѣла... Ты—москаль.

Я обидѣлся и отошелъ, съ нѣкоторой раной въ душѣ. Послѣ этого каждый вечеръ я ложился въ постель и каждое утро просыпался съ щемящимъ сознаніемъ непонятной для меня и, какъ мнѣ казалось, безпричинной отчужденности Кучальскаго. Гордость не позволяла мнѣ навязываться: мое дѣтское чувство было оскорблено и доставляло мнѣ истинное страданіе.

Среди учениковъ пансіона былъ одинъ, который питалъ ко мнѣ такое же чувство, какое я питалъ къ Кучальскому. Фамилію его я забылъ и назову его Стоцкимъ. Это былъ низенькій мальчикъ, очень шустрый, шаловливый и добрый, который часто бывалъ третьимъ во время нашихъ прогулокъ съ Кучальскимъ. Теперь онъ подмѣтилъ наше отчужденіе, и я разсказалъ ему объ отвѣтѣ Кучальскаго на мои попытки узнать объ его горѣ. Мальчикъ послѣ этого нѣсколько разъ ходилъ съ Кучальскимъ, обуздывая свою живость и стараясь попасть въ сдержанный тонъ моего бывшаго друга. Наконецъ, онъ вывѣдалъ, что̀ ему было нужно, и сказалъ мнѣ во время одной изъ прогулокъ:

— Онъ говоритъ, что ты—москаль... Что ты во снѣ плакалъ о томъ, что поляки могли побѣдить русскихъ и что ты... будто бы... теперь радуешься...

И онъ прибавилъ, что, повидимому, кто-то изъ близкихъ Кучальскаго убитъ, раненъ или взятъ въ плѣнъ...

Это сообщеніе меня поразило. Итакъ — я лишился друга только потому, что онъ полякъ, а я русскій, и что мнѣ было жаль Аѳанасія и русскихъ солдатъ, когда я думалъ, что они должны погибнуть. Подозрѣніе, будто я радуюсь тому, что теперь гибнутъ поляки, что Феликсъ Рыхлинскій раненъ, что Стасикъ сидитъ въ тюрьмѣ и пойдетъ въ Сибирь,—меня глубоко оскорбляло... Я ожесточился и послѣ разсказа моего маленькаго пріятеля Стоцкаго чуть не заплакалъ...

— Я не радуюсь,—сказалъ я ему,—но... когда такъ... Ну, что-жъ. Я—русскій, а онъ пускай думаетъ, что хочетъ...

И я не дѣлалъ новыхъ попытокъ сближенія къ Кучальскимъ. Какъ ни было мнѣ горько видѣть, что Кучальскій ходитъ

одинъ или въ кучкѣ новыхъ пріятелей,—я крѣпился, хотя не могъ изгнать изъ души какое-то ноющее и щемящее ощущеніе утраты чего-то дорогого, близкаго, нужнаго моему дѣтскому сердцу...

Но вдругъ, въ это время въ положеніи этого вопроса произошла новая перемѣна: пришла еще третья національность, которая предъявила на меня свое право.

Случилось это слѣдующимъ образомъ. Одинъ изъ нашихъ молодыхъ учителей, полякъ панъ Высоцкій, поступилъ въ университетъ или уѣхалъ за границу. На его мѣсто былъ приглашенъ новый, по фамиліи, если память мнѣ не измѣняетъ, Буткевичъ. Какъ ни часто мѣнялись въ пансіонѣ преподаватели, но все же появленіе новаго учителя составляло своего рода событіе, и мы ждали перваго урока съ понятнымъ нетерпѣніемъ.

Дѣло происходило, какъ всегда, въ одномъ изъ дортуаровъ, въ томъ самомъ, гдѣ, года $1^1/_2$ назадъ, панъ Пашковскій производилъ надо мною свои свирѣпости. Мы сидѣли на лавочкахъ, кругомъ длиннаго стола, когда дверь отворилась, и въ дортуаръ вошелъ Буткевичъ.

Это былъ молодой человѣкъ небольшого роста, съ очень живыми движеніями и ласково веселыми, черными глазами. Вся его фигура отличалась многими, непривычными для насъ особенностями.

Прежде всего обращали вниманіе длинные тонкіе усы, съ подъусниками, отпущенные внизъ, по-казацки. Волосы были острижены въ кружокъ. На немъ былъ синій казакинъ, разстегнутый на груди, гдѣ виднѣлась вышитая малороссійскимъ узоромъ рубашка, схваченная красной ленточкой. Широкія синія шаровары были подъ казакиномъ опоясаны цвѣтнымъ поясомъ и вдѣты въ голенищи лакированныхъ мягкихъ сапогъ. Войдя въ комнату, онъ кинулъ на ближайшую кровать сивую смушковую шапку, на одной изъ пуговицъ его казакина болтался кисетъ изъ пузыря, затянутый тонкимъ цвѣтнымъ шнуркомъ...

Я теперь не могу припомнить, какъ онъ провелъ свой первый урокъ, такъ какъ для меня интересъ этой первой встрѣчи сосредоточился на одномъ стороннемъ эпизодѣ, не имѣвшемъ отношенія къ предмету преподаванія.

Въ самомъ началѣ урока онъ взялъ въ руки списокъ и сталъ громко читать фамиліи. Полякъ?—спрашивалъ онъ при этомъ.—Русскій?—Полякъ? Полякъ? Наконецъ, онъ прочелъ и мою фамилію.

— Русскій,—отвѣтилъ я.

Онъ вскинулъ на меня свои живые глазки и сказалъ:

— Брешешь.

Я очень сконфузился и не зналъ, что отвѣтить, а Буткевичъ послѣ урока подошелъ ко мнѣ, запустилъ руки въ мои волосы, шутя, откинулъ назадъ мою голову и сказалъ опять:

— Ты не москаль, а козацькій внукъ и правнукъ, вольного козацького роду... Понимаешь?

— По-нимаю...—отвѣтилъ я, хотя, признаться, въ то время понималъ мало и былъ только озадаченъ. Впрочемъ, слова „вольного казацькаго роду“ имѣли какое-то смутно-манящее значеніе.

— Вотъ погоди,—я принесу тебѣ книжечку,—изъ нея ты поймешь еще больше,—сказалъ онъ въ заключеніе.

На слѣдующій же урокъ Буткевичъ принесъ мнѣ маленькую брошюрку, кажется, кіевскаго изданія. На обложкѣ было заглавіе, если не ошибаюсь: „Про Чупрыну та Чортоуса“, а виньетка изображала мертваго казака, съ „оселедцемъ“ на макушкѣ и огромнѣйшими усами, лежавшаго, раскинувъ могучія руки, на большомъ поваленномъ пнѣ...

Разсказъ велся отъ лица не то дворскаго, не то реестроваго казака, который участвовалъ въ отрядѣ какого-то польскаго магната, преслѣдовавшаго гайдамацкую ватагу, состоявшую подъ начальствомъ двухъ запорожцевъ ватажковъ, Чупрыны и Чортоуса. Гайдамаки сдѣлали набѣгъ, рѣзали пановъ, жидовъ и ксендзовъ, жгли панскіе дворы и замки. Польскій отрядъ съ помощью реестровыхъ казаковъ оттѣснилъ ихъ на какой-то островъ, окруженный рѣкой и болотами. Гайдамаки сдѣлали засѣки и долго отстрѣливались, пока ночью казаки не указали полякамъ какого-то способа перехода черезъ болото... На утро польское войско кинулось на засѣки, гайдамаки отчаянно защищались, но, наконецъ, погибли всѣ до одного; послѣдними пали отъ рукъ своихъ же братьевъ ватажки Чупрына та Чортоусъ; одинъ изъ нихъ былъ изображенъ на виньеткѣ. Кончался этотъ разсказъ соотвѣтствующей моралью: реестровый казакъ внушалъ своимъ товарищамъ, какъ нехорошо было съ ихъ стороны сражаться противъ своихъ братьевъ гайдамаковъ, которые боролись за свободу съ утѣснителями поляками...

Брошюрка эта не произвела на меня того впечатлѣнія, какого ожидалъ Буткевичъ, и ничего, въ сущности, мнѣ не разъяснила. Разсказъ велся отъ имени реестроваго казака, но я не былъ реестровымъ казакомъ и даже не зналъ, что это такое. Мораль состояла въ томъ, что гайдамаковъ не слѣдовало истреблять, а нужно было помогать имъ. Но и гайдамаковъ нигдѣ уже не было. Не было также и яркихъ картинъ и образовъ, захватившихъ мое воображеніе въ польскомъ театрѣ. Былъ только довольно блѣдный разсказъ.

о томъ, что гайдамаки пришли рѣзать пановъ, а паны, при помощи „лейстровыхъ“, вырѣзали гайдамаковъ... Разсказчикъ отъ себя прибавлялъ, что гайдамаки поступали хорошо, а лейстровые плохо, но для меня и разсказъ, и его мораль одинаково остались отвлеченностью...

Одно только послѣдствіе какъ будто вытекало изъ открытія, сдѣланнаго для меня Буткевичемъ: если я не москаль, то, значитъ, моему бывшему другу Кучальскому не было причины меня сторониться. Эта мысль пришла мнѣ въ голову, но оскорбленная гордость не позволила мнѣ сдѣлать какіе-нибудь шаги къ примиренію. Это сдѣлалъ за меня мой маленькій пріятель Стоцкій. Однажды мы проходили съ нимъ по двору, когда навстрѣчу намъ попался Кучальскій, по обыкновенію одинъ. Стоцкій со своей обычной почти обезьяньей живостью схватилъ его за руку и сказалъ:

— Слушай, Кучальскій. Поди съ нами. Вѣдь онъ не москаль. Буткевичъ говоритъ, что онъ малороссъ.

Кучальскій на минуту остановился, какъ будто колеблясь, но затѣмъ взглядъ его принялъ опять свое обычное упрямо печальное выраженіе...

— Это еще хуже,—сказалъ онъ, тихо высвобождая свою руку:—они закапываютъ нашихъ живьемъ въ землю...

Эти простыя слова произвели на меня странное дѣйствіе... Буткевичъ мнѣ нравился. Его старанія просвѣтить именно меня до извѣстной степени льстили моему самолюбію, а слова о вольномъ казачьемъ родѣ шевелили какіе-то смутные романтическіе образы. Нація, къ которой меня привлекалъ новый учитель, рисовалась мнѣ смутно-величавыми, немного таинственными чертами... Теперь Кучальскій одной фразой какъ будто отдернулъ эту завѣсу неопредѣленности, и передо мной съ осязательной ясностью встали недавнія картины: возы съ молодыми повстанцами, ихъ блѣдныя лица, кровавыя повязки, а по бокамъ—торжествующіе всадники съ лихо заломленными шапками...

До этихъ поръ я не относилъ содержанія брошюры ни къ чему реальному въ окружающей меня жизни, и та нація, куда меня причислялъ Буткевичъ, рисовалась мнѣ внѣ времени и пространства. Теперь я понялъ, что рѣчь идетъ о тѣхъ людяхъ, которые живутъ въ деревняхъ, говорятъ помалорусски и теперь хватаютъ и отправляютъ въ городъ, а иногда, какъ говорятъ, закапываютъ живьемъ повстанцевъ... Я ихъ почти не зналъ. Объясненіе ихъ поведенія местью за историческія притѣсненія—мнѣ, конечно, было не доступно, а фактически, въ дѣйствительной жизни притѣсняемой націей являлась, несомнѣнно, польская: поляки сидѣли въ тюрьмахъ; поляка Стройновскаго разстрѣляли, поляковъ чиновниковъ

удаляли со службы, оставляя семьи безъ куска хлѣба... Сыновья Рыхлинскихъ ждали въ тюрьмѣ рѣшенія своей участи, а пансіонъ собирались закрыть...

Къ этому присоединилась и еще одна картина: незадолго до моей встрѣчи съ Буткевичемъ, на большомъ пустырѣ, гдѣ мы тогда жили и гдѣ былъ пансіонъ Рыхлинскаго,—генералъ (кажется, по фамиліи Лонцовъ) производилъ смотръ. Когда войска выстроились, къ нимъ подъѣхалъ въ коляскѣ генералъ, а съ нимъ сидѣлъ простой мужикъ, небольшого роста, въ темной свитѣ и смушковой шапкѣ. На свитѣ виднѣлся приколотый орденъ... Когда коляска остановилась, къ ней подвели двухъ осѣдланныхъ лошадей. На одну, повыше, сѣлъ самъ генералъ, на другую, пониже—мужикъ, и оба подъѣхали къ рядамъ войскъ, такъ что громкое привѣтствіе солдатъ относилось какъ будто къ мужику наравнѣ съ генераломъ. Разсказывали, что это былъ староста одной изъ волынскихъ деревень, отличившійся какимъ-то образомъ въ стычкѣ съ повстанцами. Видъ онъ имѣлъ невзрачный, въ сѣдлѣ сидѣлъ неуклюже и, казалось, гордился необычнымъ для мужика положеніемъ. Впослѣдствіи въ городѣ разсказывали анекдоты объ его поведеніи на генеральскомъ обѣдѣ, гдѣ былъ провозглашенъ тостъ за здоровье „героя“...

Это была какъ бы иллюстрація къ морали, которую проповѣдовала брошюрка про Чупрыну та Чортоуса, но ни во мнѣ, ни въ другихъ (даже въ простонародіи) она ничего, кромѣ юмористическаго отношенія къ себѣ, не вызвала... Въ толпѣ, окружавшей во время смотра войска на площади, надъ „героемъ“, не стѣсняясь, громко смѣялись...

Я, разумѣется, и здѣсь не дѣлалъ опредѣленныхъ выводовъ и заключеній. Всѣ эти впечатлѣнія просто ложились въ мою душу, укладываясь рядомъ или тѣсня другъ друга. Въ результатѣ явился не выводъ, а чувство, которое совершенно парализовало вліяніе и Чортоуса, и самого Буткевича. Когда онъ послѣ этого заговаривалъ со мной, я потуплялся, краснѣлъ и замыкался...

Можетъ быть, отчасти этому способствовало еще одно личное обстоятельство. Въ нашей семьѣ тонъ былъ очень простой: у отца я никогда не замѣчалъ ни одной искусственной ноты, въ матери не было ни одной черты женскаго кокетства, которое бы заставляло ее мѣнять обращеніе въ присутствіи постороннихъ. Отъ этого и мы дѣти были очень чутки ко всему искусственному и дѣланному. Между тѣмъ, въ Буткевичѣ эта искусственность сквозила довольно сильно: одѣтъ онъ былъ такъ, какъ никто не одѣвался ни въ городѣ, ни въ деревнѣ: кисетъ на шнуркѣ, люлька въ карманѣ, ка-

зацкіе подъусники—все это имѣло видъ показной; говорилъ онъ тоже не просто, а такъ, что нѣкоторыя слова и фразы подчеркивались, какъ будто говорящій самъ любуется этими словами или кого-то очень ловко передразниваетъ. Эта искусственность, являвшаяся понятнымъ результатомъ отчужденности малорусской интеллигенціи отъ національнаго языка и нравовъ, въ волынскомъ „украинофильствѣ“ того времени сказывалась сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Однимъ словомъ, хотя самъ Буткевичъ казался мнѣ пріятнымъ, но все его обращеніе представлялось какъ будто не вполнѣ „настоящимъ“, и когда онъ заговаривалъ со мною, кидая подчеркнуто малорусскія фразы, то я почему-то конфузился и отводилъ глаза.

Въ Буткевичѣ это вызывало, кажется, нѣкоторую досаду. Онъ, повидимому, приписывалъ мое упорство „ополяченію“ и однажды сказалъ что-то о моей матери „ляшкѣ“... Это было самое худшее, что онъ могъ сказать. Я очень любилъ свою мать, а теперь, когда она иной разъ плакала и о своей родинѣ, и о страдающихъ родичахъ, это чувство доходило у меня до страстнаго обожанія. На этомъ маленькомъ эпизодѣ мои воспоминанія о Буткевичѣ совсѣмъ прекращаются.

Счастливая особенность дѣтства—непосредственность впечатлѣній и потокъ яркой жизни, уносящій все впередъ и впередъ,—не позволили и мнѣ въ этомъ періодѣ моей жизни остановиться на этихъ національныхъ рефлексіяхъ... Дни бѣжали своей чередой, украинскій прозелитизмъ на сей разъ не удался; я перестрадалъ на этой почвѣ маленькую драму разорванной дѣтской дружбы, и вопросъ о моей „національности“ остался пока въ томъ же неопредѣленномъ положеніи...

Но и неоформленный и нерѣшенный, онъ всетаки, очевидно, лежалъ въ моей душѣ, примѣшиваясь порой къ яркимъ впечатлѣніямъ дѣтства... И однажды это тупое ощущеніе вылилось въ необыкновенно яркомъ снѣ.

Хотя въ нашей семьѣ никто „не вѣрилъ снамъ“, но тѣмъ не менѣе сны играли большую роль въ моей жизни, не какъ предсказанія, а какъ обобщенія и иллюстраціи значительныхъ душевныхъ настроеній.

Этотъ сонъ привидѣлся мнѣ уже утромъ. Я проснулся, когда еще были заперты ставни, и слышалъ, какъ мать говорила въ сосѣдней комнатѣ, чтобы ихъ открыли. Горничная вошла въ спальню, отодвинула задвижку и вышла на дворъ, чтобы исполнить приказаніе. И когда она вышла, скрипнувъ дверью, меня опять тотчасъ же захватилъ еще не разсѣявшійся утренній сонъ. И въ немъ я увидѣлъ себя... Наполеономъ первымъ!

Съ Наполеономъ я былъ знакомъ по французской книгѣ,

которую отецъ купилъ, разочаровавшись въ итальянскомъ языкѣ. Въ ней было много картинокъ, въ томъ числѣ снимки съ извѣстныхъ картинъ Давида: Наполеонъ на Аркольскомъ мосту (съ знаменемъ, выхваченнымъ у оробѣвшаго знаменосца), Наполеонъ въ Сенъ-Клу, гдѣ гвардеецъ закрываетъ его своимъ тѣломъ отъ занесеннаго надъ нимъ кинжала, Наполеонъ въ чумномъ госпиталѣ, Наполеонъ у пирамидъ. Французскій языкъ, хотя и плохо, я всетаки уже немного усвоилъ въ пансіонѣ Рыхлинскаго, и съ помощью этихъ скудныхъ познаній и картинокъ я кое-какъ прослѣдилъ за волшебной карьерой геніальнаго корсиканца...

И вотъ, во снѣ я слился съ этимъ смутнымъ для меня образомъ. У меня было его лицо, я былъ въ его сѣромъ сюртукѣ, въ треугольной шляпѣ, со шпагой. Я пріѣхалъ въ Россію, чтобы сдѣлать здѣсь какое-то важное дѣло и кого-то непремѣнно защитить... Какое это дѣло и кто ждалъ моей защиты,—это было неясно. Въ смутномъ облакѣ неопредѣленно болящихъ ощущеній носились и фигуры Рыхлинскихъ, и солдатъ Афанасій, и моя плачущая мать, и мать Стройновскаго... Гдѣ-то слышались отдѣльные выстрѣлы и крики, и стоны... Я очень долго скитаюсь среди смутной тревоги и опасностей, ища и не находя того, кто мнѣ былъ нуженъ. Наконецъ, кто-то беретъ меня въ плѣнъ и меня сажаютъ въ тотъ самый домикъ на Вильской улицѣ, гдѣ сидѣла въ заключеніи Пустовойтова. Въ немъ еще темно, но въ щели ставней проникаютъ яркіе лучи дня, а у дверей брякаетъ оружіе. И вдругъ въ комнату врываются солдаты. Они выстраиваются въ рядъ. Я становлюсь противъ нихъ и отстегиваю свой мундиръ. Внезапный грохотъ залпа, въ груди ощущеніе удара и теплоты, и ослѣпительный свѣтъ разливается отъ мѣста этого удара...

Я проснулся съ сильно бьющимся сердцемъ. Ставни какъ разъ открывались, комнату заливалъ свѣтъ солнца, а звукъ залпа объяснялся паденіемъ желѣзнаго засова ставни. И я не могъ повѣрить, что весь мой долгій сонъ, съ поисками, неудачами, приключеніями, улегся въ тѣ нѣсколько секундъ, которыя были нужны горничной, чтобы открыть снаружи ставню...

Въ моей груди еще стояло ощущеніе теплоты и удара... Оно, конечно, скоро прошло, но еще и теперь я ясно помню ту смутную тревогу, съ какой во снѣ я искалъ и не находилъ то, что мнѣ было нужно, между тѣмъ, какъ рядомъ, въ спутанномъ клубкѣ сновидѣній кто-то плакалъ, стоналъ и бился...

Я и не пытался тогда, разумѣется, найти объясненіе страннаго сна, но теперь мнѣ кажется, что этотъ клубокъ

былъ завязанъ тремя „націонализмами“, изъ которыхъ каждый заявлялъ право на владѣніе моей беззащитной душой, съ обязанностью кого-нибудь ненавидѣть и преслѣдовать...

Какъ бы то ни было,—вопросъ остался пока не разрѣшеннымъ. Впослѣдствіи я еще разъ пережилъ увлеченіе романтизмомъ и призывами прошлаго, пока передо мной не открылась *настоящая* русская литература: сначала Тургеневъ, потомъ Некрасовъ и Добролюбовъ, а за ними уже вся русская печать того времени открыли мнѣ совершенно новыя области мыслей и чувствъ, гдѣ нашли рѣшеніе и томившія дѣтскую душу противорѣчія.

Но это—исторія уже другого періода моей жизни...

Вл. Короленко.

Муцій Сцевола.

На священный огонь положилъ онъ ладонь
И сурово взглянулъ на царя.
„Видишь: я не дрожу, какъ испуганный конь,
„Предъ огнемъ твоего алтаря.
„Люди нашей страны не боятся войны;
„Триста юношей смѣлыхъ, какъ я,
„Поклялись умереть до заката луны —
„Имъ извѣстна стоянка твоя!
„Прожужжитъ, какъ пчела, роковая стрѣла —
„И тебя ужъ ничто не спасетъ...
„Въ вольный Римъ, какъ въ жилище степного орла,
„Невредимымъ тиранъ не войдетъ.
„И не я, такъ другой—закаленной рукой
„Вырветъ сердце твое изъ груди!
„Помни: я не одинъ, мы слѣдимъ за тобой...
„Мой послѣдній совѣтъ—уходи!“

И надъ краснымъ огнемъ кровь шипящимъ ручьемъ
Орошала жаровню, смердя...
Царь въ тревогѣ внималъ, и съ разсвѣтнымъ лучемъ
Унеслись колесницы вождя.

С. Ивановъ-Райковъ.

О нравственномъ ученіи Н. К. Михайловскаго.

Въ литературной дѣятельности Н. К. Михайловскаго нравственные мотивы—вѣрнѣе, мотивы нравственно-общественные—это внутренній свѣтъ, который широко проникаетъ во всѣ сферы грандіозной сорокалѣтней работы этого замѣчательнаго журналиста-мыслителя. А въ общемъ составѣ міросозерцанія Михайловскаго его ученіе о нравственности есть алмазъ, которымъ исторія русской мысли имѣетъ право гордиться.

Вышедшій недавно переводъ сочиненія Менгера «Новое ученіе о нравственности», съ предисловіемъ г. Рейснера, можетъ служить достаточно нагляднымъ свидѣтельствомъ того, какіе подводные камни лежатъ на пути къ переоцѣнкѣ нравственныхъ цѣнностей и къ обновленію нравственности. Менгеръ, во всеоружіи знаній въ области «новыхъ» нравственно-общественныхъ теченій (онъ авторъ «Ученія о новомъ государствѣ»), сумѣлъ дать только правильную отрицательную оцѣнку «буржуазной» морали. Въ положительной же сторонѣ своей работы онъ пришелъ только къ явной путаницѣ, на что съ полнымъ основаніемъ и указываетъ г. Рейснеръ. Произошло это оттого, что для правильной постановки задачъ этой категоріи мало имѣть хорошо продуманную теорію общественно-историческую, а нужно обладать цѣльнымъ міросозерцаніемъ, которое полностью охватывало бы собой не только общество, но и личность. Сила Михайловскаго въ томъ и заключалась, что у него такое міросозерцаніе было, и поэтому его ученіе о нравственности даетъ не одну отрицательную критику, но и яркое освѣщеніе положительныхъ устоевъ грядущей морали.

Я позволяю себѣ утверждать, что дальнѣйшая работа мысли въ этой области необходимо должна будетъ считаться съ нравственнымъ ученіемъ Михайловскаго. Задача настоящей статьи сводится къ тому, чтобы обратить вниманіе читателя на основныя черты этого ученія. Мы коснемся трехъ главныхъ пунктовъ, которые занимали Михайловскаго въ данномъ вопросѣ. Первый пунктъ — это глубокія внутреннія противорѣчія морали аскетической и род-

ственныхъ съ нимъ ученій о личномъ самоусовершенствованіи. Второй пунктъ—на которомъ онъ очень любилъ останавливаться—это мораль, которая хочетъ опереться на стремленіи подчинить интересы личные интересамъ общества. И третій кардинальный пунктъ—это тема объ отвѣтственности, личной и общественной.

I.

Въ основѣ всѣхъ аскетическихъ стремленій неизмѣнно лежитъ внутреннее раздвоеніе, слѣдствіемъ котораго являются—нравственное шатаніе и нравственная обезсиленность.

Какъ и всякая личная мораль, нравственныя ученія аскетизма возникаютъ тамъ, гдѣ общественныя неурядицы и всякія неустройства глубоко подорвали довѣріе къ общественности. Въ результатѣ такого недовѣрія личность ищетъ нравственной опоры не въ томъ, что соединяетъ людей, а въ усиліяхъ единицъ, стоящихъ особнякомъ другъ отъ друга. Въ аскетизмѣ это отрицаніе общихъ для всѣхъ мѣръ неизмѣнно разрѣшается побужденіями, болѣзненно разрозниваюшими самый душевный строй личности и тѣмъ самымъ подкашивающими то, что составляетъ ея внутреннюю опору. И именно поэтому у расшатанной такимъ путемъ личности является та странность, что нравственныя тенденціи вырождаются въ стремленія противообщественныя и враждебныя самой природѣ человѣка.

Исторія знаетъ цѣлыя эпохи и общественныя теченія, окрашенныя этой тенденціей, когда разбитые и измученные жизнью не только подчиняются невзгодамъ, но идутъ навстрѣчу страданіямъ, страстно ищутъ ихъ.

Совершенно естественно, что крупныя общественныя бѣдствія и непорядки возбуждаютъ стремленіе искать виновныхъ. Но взбудораженныя чувство и мысль взволнованныхъ и растерянныхъ народныхъ массъ сплошь и рядомъ склонны искать ихъ непремѣнно въ какой-то винѣ людей, которую они должны искупить.

Знаменитое лиссабонское землетрясеніе 1775 г., въ пять минутъ погубившее 2000 человѣкъ подъ развалинами цвѣтущаго города, заставило призадуматься, между прочимъ, и такихъ людей, какъ Гете (тогда шестилѣтняго ребенка), Канта и Вольтера. Гете разсказываетъ о тѣхъ скептическихъ мысляхъ, которыя его одолѣвали по тому поводу, что гибели подверглись безъ разбору добрые и злые. Зрѣлый философскій умъ Канта вывелъ изъ этой гибели, что нельзя «смотрѣть на подобные случаи, какъ на божественную кару, а на несчастныхъ страдальцевъ, какъ на цѣль божьей мести за грѣхи», и что, вообще, «если въ природѣ совершается нѣчто невыгодное для человѣка, то это не должно быть объясняемо карою, местью, угрозой». Вольтеръ написалъ по этому же поводу поэму, въ которой, между прочимъ, задается вопросомъ:

неужели Лиссабонъ былъ болѣе грѣховенъ, чѣмъ Лондонъ, или Парижъ. А между тѣмъ Лиссабонъ уничтоженъ, а въ Парижѣ пляшутъ.

Но если люди, какъ Гете, Вольтеръ и Кантъ, разсуждаютъ такъ, то массы, взволнованныя бѣдствіемъ, относятся къ этому иначе. Даже къ чисто стихійнымъ бѣдамъ, какъ землетрясенія, бури, грозы и т. п., они склонны пріурочивать идеи грѣха и наказанія или угрозы. Такъ, въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ бурный разгулъ Волги-матушки указываетъ на присутствіе тяжкаго грѣшника среди добрыхъ молодцевъ, плывущихъ по рѣкѣ. Тѣмъ болѣе при бѣдствіяхъ, которыя зависятъ отъ человѣка, т. е. могли бы быть предотвращены или смягчены человѣкомъ. Таковы—неурожаи, голодовки, повальныя болѣзни, пожары, смуты отъ нашествія иноплеменниковъ или отъ внутреннихъ непорядковъ. При этомъ возникаетъ сокрушеніе о грѣхахъ, требующее искупленія и прежде всего со стороны того, кто страдаетъ. Въ XV и XVI столѣтіяхъ значительная часть тогдашней Руси, а именно обширныя области Псковская и Новгородская, не разъ подвергались тяжелымъ бѣдствіямъ: неурожаю, голоду, повальному мору, истреблявшему десятки тысячъ людей, такъ что трупы валялись непогребенными. Къ этому еще присоединились гражданскія неурядицы, и дѣло дошло до того, что ожидали конца міра. Обезумѣвшій отъ бѣдъ народъ бѣжалъ въ монастыри и пустыни спасать душу изможденіемъ плоти и покаяніемъ во грѣхахъ. Аналогичныя общественныя состоянія вызывали и въ другихъ странахъ подобные же пріемы борьбы со зломъ. Въ нихъ съ общественной точки зрѣнія любопытно то, что протестъ является здѣсь не противъ тѣхъ, кто давитъ, а прежде всего противъ тѣхъ, кто терпитъ и страдаетъ, хотя бы это было противъ себя, противъ своихъ собственныхъ потребностей, противъ своей собственной природы.

Но замѣчательная вещь. Этого рода протестъ таитъ въ себѣ по самой природѣ вещей источникъ глубокаго раздвоенія. Жестокое насиліе надъ человѣческой природой встрѣчаетъ въ личности не одно только чувство покорности. Чувство это поразительнымъ образомъ переплетается съ самымъ необузданнымъ чувствомъ протеста. Отказъ отъ благъ земныхъ и стремленіе вмѣнить себѣ всякія желанія въ тяжелый грѣхъ сочетаются съ взрывами обостренной жажды счастья, и очень часто—жажды власти и насилія. Бурные переходы отъ крайняго изможденія плоти къ крайней разнузданности ея и обратно хорошо знакомы какъ исторіи, такъ и психіатріи. Объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ Ѳукидидъ въ описаніи аттической моровой язвы 430—425 г.г. и Боккачіо въ описаніи флорентійской чумы 1348 г. Извѣстно, что многіе аскетическія секты предаются иногда крайнему распутству.

Въ жизни народныхъ массъ на почвѣ глубокой неудовлетворенности эти два побужденія выражаются въ формѣ двухъ движеній,

которыя повидимому противоположны, но въ дѣйствительности не только вытекаютъ изъ одного источника, но весьма часто сливаются. Это то, что Михайловскій обозначилъ именемъ «вольницы и подвижниковъ». Подвижники стремятся заглушить свои потребности и довести ихъ до minimum'а. Вольница, напротивъ того, стремится во что бы то ни стало, не останавливаясь ни предъ какими крайними средствами, добыть себѣ удовлетвореніе всѣхъ потребностей. «Не смотря на кажущуюся противоположность, говоритъ Михайловскій, эти два теченія вполнѣ родственны. Они всегда возникаютъ одновременно, рекрутируютъ свой персоналъ изъ однихъ и тѣхъ же слоевъ общества, имѣютъ однихъ и тѣхъ же враговъ и легко переходятъ другъ въ друга». Въ нѣмецкомъ крестьянскомъ движеніи XVI-го столѣтія, которое характеризуется выступленіемъ цвиккаускихъ пророковъ, лже-мессій, секты перекрещенцевъ, анабаптистовъ, съ одной стороны, выступилъ фанатикъ-перекрещенецъ Матисонъ. Центромъ его дѣятельности былъ Мюнстеръ. И тутъ же по прошествіи нѣкотораго времени объявился и «Царь Сіона»—Янъ Бокельсонъ, онъ же Іоаннъ Лейденскій. Первый изъ нихъ былъ типичный представитель подвижниковъ, второй—вольницы.

Стенька Разинъ былъ въ свое время аскетъ, знакомый съ Соловецкимъ монастыремъ, а вождь гайдамаковъ, Желѣзнякъ, побывалъ когда-то въ кіевскомъ монастырѣ. Въ Запорожской сѣчи буйный разгулъ и пьяное веселье нерѣдко кончались торжественнымъ прощаньемъ со свѣтомъ, при которомъ, напившись, наплясавшись и нащеголявшись въ послѣдній разъ, казакъ поступалъ въ монастырь. Во времена Екатерины, рядомъ съ Пугачевымъ, манившимъ къ себѣ волей и всякими земными благами, выступилъ скопческій лже-христосъ Кондратій Селивановъ. При этомъ и пугачевщинѣ, и селивановщинѣ предшествовали два параллельныхъ и единовременныхъ броженія. Пугачевщинѣ—многочисленныя мелкія вспышки, скопчеству—разныя мистическія секты, въ особенности люди Божіи, хлысты.

Въ своеобразной комбинаціи побужденій, лежащихъ въ основѣ этихъ двухъ могучихъ теченій, Михайловскій видѣлъ несомнѣнное присутствіе стремленія къ какой-то справедливости, какую-то страстную жажду правды. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти побужденія осложняются въ нихъ мотивами, не имѣющими ничего общаго съ требованіями нравственнаго порядка. Въ основѣ всякаго нравственнаго мотива лежитъ побужденіе къ чему-то высшему, предъ чѣмъ естественно склоняются всѣ остальныя душевныя побужденія и что поэтому вноситъ въ душевный строй согласіе и единство. Но у аскетовъ это высшее—если только оно есть еще—какъ-то отходитъ на задній планъ предъ обнаженнымъ отъ всего прочаго стремленіемъ властвовать надъ низшими чувствами, предъ потребностью устранить и сокрушить эти низшія чувства. «Норма требуетъ, говоритъ Михайловскій, чтобы для правильнаго удовлетворенія выс-

шихъ потребностей предварительно были удовлетворены низшія, наиболѣе элементарныя и общія». Аскеты же, какъ и моралисты, «предлагаютъ человѣчеству оборвать естественную гамму потребностей и, подавивъ въ себѣ низшія, культивировать лишь высшія». Съ точки зрѣнія Михайловскаго, достоинство высшихъ потребностей основано вовсе не на томъ, что онѣ безпредѣльно властвуютъ надъ низшими. Самое ихъ право считаться высшими основано въ его глазахъ только на томъ, что имъ больше, чѣмъ другимъ, свойственно служить интересамъ человѣческой личности, быть наиболѣе полнымъ ея представителемъ. Что это значитъ—на это даетъ опредѣленный отвѣтъ основное ученіе нашего мыслителя о «борьбѣ за индивидуальность».

Согласно этому ученію, высшее есть всегда то, что способствуетъ побѣдѣ человѣческой индивидуальности надъ всевозможными другими «индивидуальностями». Къ этимъ другимъ, враждебнымъ человѣческой индивидуальностямъ принадлежатъ, съ одной стороны, отдѣльныя составныя ея части, а съ другой стороны—всевозможныя общественныя группы, поскольку тѣ и другія способны ослаблять единство и цѣлостность личности. Многочисленныя данныя біологіи свидѣтельствуютъ, что «каждый индивидуальный организмъ состоитъ изъ индивидуальностей низшаго порядка, сохраняющихъ извѣстную степень самостоятельности и, пожалуй, зачастую форму сознанія. Въ свою очередь, индивидуальный организмъ можетъ входить въ составъ высшей, общественной индивидуальности или цѣлой системы таковыхъ, составляющихъ предметъ соціологіи». То же самое относится и къ человѣку: человѣческая личность тоже представляетъ собою одну изъ ступеней индивидуальности (по классификаціи Геккеля—пятую). Въ составъ ея входятъ и индивидуальности низшихъ порядковъ, а надъ ними высится общество, различныя формы котораго опять представляютъ собою систему обнимающихъ одна другую степеней индивидуальности.

При этомъ, по основному закону развитія, открытому Бэромъ, всякій организмъ тѣмъ выше, тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе ему, какъ цѣлому, подчинены его части. Въ силу закона развитія, всякій организмъ тяготѣетъ все къ большей сложности и цѣльности, то есть—къ количественному увеличенію и качественной подчиненности частей, и въ этомъ стремленіи своемъ всякая индивидуальность поневолѣ должна враждебно сталкиваться съ входящими въ ея составъ, равно какъ и съ тѣми, въ составъ которыхъ она сама входитъ. Михайловскому представлялось, что «исторія жизни во всемъ ея разнообразіи, со всей ея красотой и безобразіемъ, состоитъ изъ ряда возникающихъ отсюда побѣдъ и пораженій. Борьба, говоритъ онъ, ведется съ перемѣннымъ счастьемъ: одолѣваетъ то одна, то другая ступень индивидуальности. Но борьба не прекращается. Пораженная, разбитая сторона или какъ бы выжидаетъ благопріятныхъ обстоятельствъ для заявленія себя, или, наталки-

ваясь на неодолимую преграду для своего развитія, ищетъ, по крайней мѣрѣ, какого-нибудь обхода». Эта «борьба за индивидуальность» есть неизбѣжный, естественный результатъ того положенія, которое человѣческая личность занимаетъ въ природѣ. И она обязываетъ личность, съ одной стороны, безпощадно подчинять себѣ, какъ цѣлому, всѣ входящія въ ея составъ низшія индивидуальности; личность должна, слѣдуя старому девизу—divide et impera, строго проводить раздѣленіе труда между своими органами, требуя отъ нихъ подчиненія личности въ ея цѣломъ. А съ другой стороны, она должна противодѣйствовать тому, чтобы девизъ divide et impera прилагался къ ней самой со стороны какой бы то ни было общественной индивидуальности. Этими двумя требованіями опредѣляется—какъ въ буквальномъ, такъ и въ условномъ смыслѣ слова—гуманная точка зрѣнія на міръ: «всякія другія точки зрѣнія будутъ лишь попытками стать либо выше, либо ниже той ступени индивидуальности, на которой человѣкъ стоитъ по природѣ своей, а слѣдовательно, не приличествуютъ человѣческой мысли».

И съ точки зрѣнія этого ученія высшія потребности это тѣ, которыя даютъ человѣческой личности побѣду именно въ этой борьбѣ за ея интересы, взятые въ ихъ совокупности, въ противоположность всему, что дробитъ личность и обращаетъ ее въ общественную пыль. Съ этой точки зрѣнія высшими потребностями, и вмѣстѣ мѣриломъ личнаго достоинства человѣка, являются тѣ потребности, которыя даютъ личности единство побужденій. Въ сознаніи и ощущеніи этой объединяющей силы высшихъ мотивовъ заключается не столько средство полнаго сокрушенія и уничтоженія низшихъ, сколько способность отводить имъ подходящее мѣсто въ общей перспективѣ человѣческаго строя жизни, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, чего требуютъ интересы личности въ ея борьбѣ за свою индивидуальность. Въ интересахъ этой борьбы можно отказаться отъ тѣхъ или другихъ частныхъ требованій, сократить ихъ,—«наложить узду» на тѣ или другія страсти и побужденія. Но существо дѣла не въ этомъ отказѣ и сокращеніи, а въ томъ, во имя и ради чего это дѣлается. Суть дѣла въ возможно ясномъ сознаніи тѣхъ требованій, которыя обладаютъ спеціальной способностью вносить въ различныя области существованія ощущенія согласія и единства, распредѣляя ихъ согласно требованіямъ человѣческаго достоинства.

Ницше даетъ остроумное объясненіе аскетизму, утверждая, что когда человѣку, жаждущему власти и проникнутому потребностью мучить другихъ, некого мучить и не надъ кѣмъ тиранствовать, онъ мучитъ самого себя, чтобы только удовлетворить свою жажду власти. При этомъ онъ, щеголяя своей властью надъ собой, наслаждается сознаніемъ своего превосходства надъ другими. Въ этой идеѣ заключается очень мѣткое указаніе на связь между аскетизмомъ и общественными отношеніями, тиранизирующими и принижающими человѣческую личность. И, надо прибавить, въ этой связи заклю-

чается указаніе на параллелизмъ между элементами анархіи въ обществѣ и душевнаго раздвоенія въ личности. Анархія въ обществѣ естественна и неизбѣжна тамъ, гдѣ личность притѣсняется и принижается, вслѣдствіе того, что силой обстоятельствъ требованія ея разбиваются и теряются среди разнородныхъ и противорѣчивыхъ требованій различныхъ общественныхъ группъ. И при этихъ же обстоятельствахъ неизбѣжно нравственное раздвоеніе въ личности.

Въ общественной перспективѣ явленій проповѣдь аскетизма и морали подчиненія съ особенной безпощадностью обрушивается на тѣхъ, кто и безъ того долженъ терпѣть: воздержаніе и повиновеніе предписываются тѣмъ, кто и безъ того волей-неволей воздерживается и повинуется, принуждаемый обстоятельствами. Но аскетъ и смиренникъ поневолѣ рано или поздно мститъ за себя, за свою раздвоенность, опрокидывая все, что попадетъ подъ руку, ничѣмъ не дорожа, въ томъ числѣ и собой. И именно потому, что онъ не дорожитъ ни собой, ни человѣческой личностью вообще, онъ такъ неразборчиво готовъ перешагнуть черезъ что угодно, опрокинуть что попадется; онъ способенъ увидѣть врага въ комъ попало, не различая дѣйствительныхъ враговъ отъ друзей, лишь бы дать исходъ безпредметному, не находящему нормальнаго, осмысленнаго исхода раздраженію. Въ предѣлахъ личности происходитъ аналогическій процессъ. Инстинкты, подавляемые какъ безусловные источники зла, со временемъ требуютъ своихъ правъ въ общей совокупности человѣческаго существованія. Придавленные инстинкты, которыхъ никакими силами нельзя совсѣмъ уничтожить, раньше или позже возстаютъ и требуютъ своихъ правъ и участія въ жизни. Жертвы равнодушія къ своимъ естественнымъ правамъ и жестокаго угнетенія, они мстятъ за себя, внося въ душевный строй взаимную отчужденность и равнодушіе между побужденіями. Отсюда—глубокое раздвоеніе, которое подкашиваетъ въ нравственномъ строѣ личности главную ея силу: вѣру въ справедливость и законность «высшихъ требованій». При такихъ условіяхъ побѣда «высшихъ» требованій не есть вовсе нравственная побѣда. Личность не можетъ признать нравственной силы за всякимъ, кто побѣждаетъ почему бы то ни было. Ей надо еще знать, какъ дается побѣда, какой цѣной и во имя чего: ведется ли борьба во имя требованій, которымъ личность можетъ подчиняться, какъ своимъ собственнымъ,—во имя интересовъ, которые она признаетъ за высшіе между остальными—по свободному выбору и соглашенію, или же въ этой борьбѣ побѣждаютъ интересы, случайно попавшіе въ милость у слѣпой судьбы. Теорія Дарвина, давшая такой богатый матеріалъ для освѣщенія процессовъ борьбы въ органическомъ мірѣ, отмѣчаетъ то замѣчательное обстоятельство, что въ этой борьбѣ побѣждаютъ не только не лучшіе, но даже—не сильнѣйшіе организмы.

Въ дарвиновской борьбѣ за существованіе основнымъ двигате-

лемъ является подборъ «сильныхъ» и плодовитыхъ и гибель «слабыхъ» и безплодныхъ или мало плодовитыхъ. Но при этомъ силу и совершенство сильныхъ надо понимать въ совсѣмъ условномъ смыслѣ. Это не дѣйствительно сильные и лучшіе, а наиболѣе приспособленные къ даннымъ условіямъ. Приспособленіе же можетъ потребовать не величія и совершенства, не благородства и ума, а, напротивъ, ничтожества, низости, тупости. Оно въ дѣйствительности часто такъ и бываетъ. Въ органическомъ мірѣ въ борьбѣ за существованіе высокія формы жизни сплошь и рядомъ отступаютъ «не передъ высшими, а побѣждены ничтожными, но сильными своимъ ничтожествомъ врагами—микробами, паразитами». При извѣстныхъ условіяхъ безкрылые постоянно побѣждаютъ крылатыхъ, слѣпые зрячихъ и т. п. Точно также и въ человѣческомъ обществѣ пошлость и ничтожество и безсиліе духовное могутъ служить залогомъ успѣха, а величіе—причиной пораженія въ дарвиновской борьбѣ за существованіе. Французскій ученый Лапужъ, сторонникъ примѣненія дарвинизма или, какъ онъ предпочитаетъ выражаться, селекціонизма (отъ selection—подборъ) къ соціологіи, напримѣръ, рисуетъ съ этой точки зрѣнія такія явленія современной европейской жизни, какъ милитаризмъ, урбанизмъ и многое другое. Въ центральной Африкѣ идетъ непрестанная междуплеменная бойня. Вся жизнь негритянскихъ племенъ проходитъ въ войнѣ, кровь негровъ льется рѣкой, цѣлыя области опустошаются, цѣлыя племена исчезаютъ и обращаются въ рабство. По разсчету Лапужа, въ теченіе пяти тысячъ лѣтъ цивилизаціи количество непосредственныхъ жертвъ войны равняется $2^1/_2$ милліардамъ. Революція стоила французамъ 1.800.000 жизней, а прочимъ европейскимъ народамъ—2.500.000; войны имперіи обошлись Европѣ въ 5.100.000 людей. Такимъ образомъ, въ теченіе двухъ десятилѣтій война убила около 10 милліоновъ людей. А затѣмъ девятнадцатый вѣкъ опять даетъ рядъ кровавыхъ войнъ—крымскую, американскую междоусобную, прусско-австрійскую, французскія экспедиціи въ Мексику и Китай, франко-германскую, русско-турецкую, англійскія войны въ Африкѣ и Азіи. Дѣлая обзоръ всей этой рѣзнѣ и предвидя въ дальнѣйшемъ кровавыя столкновенія не менѣе кровопролитныя, Лапужъ восклицаетъ: «Счастливы сильные и плодовитые, будущее принадлежитъ имъ»! Но кто же эти «сильные и плодовитые», которые «счастливы»? спрашиваетъ Михайловскій. Не касаясь вліянія военнаго подбора у дикарей и въ древности, остановимся на современности. Отъ солдатъ требуется извѣстный минимумъ физическихъ качествъ: ростъ, объемъ груди, состояніе зрѣнія, слуха, отсутствіе болѣзней. Эти-то лучшіе экземпляры націи и имѣютъ наиболѣе шансовъ погибнутъ жертвами войны. А малорослые, узкогрудые, хроническіе больные и проч. остаются дома и получаютъ лишніе шансы оставить подобное себѣ потомство. Такимъ образомъ, война, съ одной стороны, устраняетъ лучшихъ, дѣйствительно сильныхъ, а съ дру-

гой—даетъ просторъ наслѣдственному укрѣпленію физическихъ недостатковъ и слабостей. А вооруженный миръ, какъ онъ практикуется за послѣднія десятилѣтія, благодаря своей экономической тягости, въ свою очередь вноситъ свою долю въ подборъ слабыхъ.

Подобное же вліяніе оказываетъ и стремленіе къ переселеніямъ изъ деревень въ города, столь характерное для нашей цивилизаціи: напримѣръ, городское населеніе Франціи съ 1846 г. до 1891 г. поднялось съ 24,4% до 37,4%. При этомъ въ города стягиваются наиболѣе сильные и наиболѣе дѣятельные элементы, предпріимчивые, ищущіе простора, жаждущіе пробиться впередъ. А между тѣмъ, какъ доказываетъ Лапужъ, «изъ всѣхъ бичей, которые называются соціальными подборами—самый сильный есть городской подборъ... Урбанизмъ уничтожаетъ все, что намъ осталось жизненнаго послѣ цѣлыхъ вѣковъ невыгодныхъ подборовъ» (См. Отклики. II, 252).

Нравственность аскетовъ и моралистовъ дѣйствуетъ въ томъ же направленіи. Какъ въ борьбѣ за существованіе личность отстаиваетъ свои интересы цѣликомъ на почвѣ данной случайной комбинаціи условій, совершенно не считаясь съ возможностью ихъ измѣненія, точно такъ же для аскетовъ и моралистовъ данныя общественныя формы составляютъ нѣчто лежащее внѣ видимаго горизонта. Для нихъ общества какъ будто нѣтъ. Но, какъ это ни странно, и благодаря именно этому, оно же оказывается чѣмъ то непререкаемымъ, не подлежащимъ ни малѣйшимъ измѣненіямъ. Вслѣдствіе этого, во всѣхъ нравственныхъ конфликтахъ, на личность, игнорирующую общественныя условія, сама собой падаетъ отвѣтственность за все зло и, въ концѣ концовъ, — обязанность поступаться своими побужденіями. Вся тяжесть нравственныхъ противорѣчій обрушивается на личность, когда она не знаетъ другого исхода изъ этихъ противорѣчій внѣ личнаго самоусовершенствованія, и это—сплошь и рядомъ цѣной принесенія въ жертву своей природы и человѣческаго достоинства.

Чему приносятся эти жертвы? Какимъ высшимъ требованіямъ? Ни чему иному, какъ равнодушію къ общественности. Это слѣдствіе разочарованія въ жизненности общественной среды, въ способности общаго ея склада пристроить личность и ея живыя стремленія. И результатъ этого, какъ видимъ, очень парадоксальный: полное преклоненіе предъ данными случайными общественными комбинаціями, признаніе ихъ неприкосновенными, какъ бы онѣ ни уродовали личность, и тиранническое сокращеніе природы человѣка. Тутъ нѣтъ побѣды личности надъ обществомъ и надъ своими страстями. Побѣда самой личности надъ обществомъ заключалась бы въ подчиненіи общественныхъ задачъ совокупной полнотѣ живыхъ интересовъ личности. Точно такъ же, побѣда надъ своими страстями состояла бы въ томъ, чтобы отвести имъ соотвѣтствующее мѣсто въ общей перспективѣ законченнаго и сильнаго своей законченностью человѣческаго существованія. А тутъ, если можетъ быть

рѣчь о побѣдѣ, то она дается цѣной обезсиленія собственной природы и собственной личности. Атомы распыленнаго общества и по отношенію къ обществу, и по отношенію къ собственному душевному строю обезсилены тѣмъ, что даже въ стремленіи отстаивать свое нравственное достоинство ищутъ опоры не въ цѣльной совокупности человѣческой личности и не въ широкой общественности. Они ее разыскиваютъ въ отгороженныхъ отъ общенародныхъ условій и отъ коллективной работы, вдали отъ общихъ интересовъ—мелкихъ, узко личныхъ или узко сектантскихъ тенденціяхъ. Даже въ случаяхъ сравнительнаго успѣха, эта борьба въ нравственномъ смыслѣ безнадежна. Не можетъ быть рѣчи о дѣйствительной побѣдѣ, гдѣ верхъ беретъ обезсиленная жертва исключительности и розни въ обществѣ, жертва розни внутри душевнаго міра самой личности. Торжество безсилія никоимъ образомъ нельзя считать побѣдой въ нравственномъ смыслѣ; тутъ можно говорить только объ узурпаціи, въ самой себѣ несущей ферменты разложенія и внутренніе задатки пораженія.

II.

Въ атмосферѣ, въ которой нѣтъ общественной перспективы общихъ и, вслѣдствіе своей общности, близкихъ интересовъ, происходятъ удивительныя аберраціи нравственныхъ побужденій и понятій. Вообще, тамъ, гдѣ общественная перспектива, вслѣдствіе значительной общественной розни и взаимнаго непониманія, затемнена, вся нравственная атмосфера проникнута глубокими недоразумѣніями. И недоразумѣнія эти нарушаютъ и разрушаютъ требованія общественной справедливости, съ одной стороны, и нравственную силу личности—съ другой. Любопытную въ этомъ отношеніи картину представляетъ міросозерцаніе Ренана, — характерную не только для него самого, но и для всего нашего переходнаго времени. Этимъ объясняется то особое вниманіе, которое оказывалъ ему Михайловскій *).

Среди идей этого блестящаго писателя Михайловскаго особенно интересовало необычайно смѣлое отрицаніе демократическаго требованія равенства людей. Ренанъ въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ тѣмъ, что не боялся самыхъ крайнихъ выводовъ, какъ это, напримѣръ, выразилось въ его утопіи о будущемъ, нарисованной имъ въ формѣ бесѣды философовъ въ Dialogues et fragments philosophiques. Какъ извѣстно, по всему своему складу, онъ былъ по преимуществу представитель разума. По словамъ Фаге, «Ренанъ какъ будто былъ нарочно созданъ — употребляя его же

*) См. Соч. III, 164—5, 182, 207—230, 251—4, 457, 486. Лит. Восп. II, 297—8, Посл. Соч. I, 60, II, 482— 504.

выраженіе—«по именному указу Провидѣнія», чтобы показать людямъ, что такое разумъ». Соотвѣтственно этому онъ отводилъ представителямъ разума особенно высокое мѣсто въ жизни. А въ утопіи, о которой у него идетъ рѣчь, онъ мечтаетъ о «царствѣ разума», которымъ будутъ управлять «тираны-позитивисты»,—люди, наслѣдственно монополизировавшіе умъ, знаніе, таланты, при чемъ остальная масса человѣчества будетъ имъ покорно и даже любовно повиноваться.

При этомъ Ренанъ предвидитъ тотъ случай, что масса можетъ и не согласиться на покорность. Въ такомъ случаѣ у тирановъ-позитивистовъ есть средство справиться. Во-первыхъ, они могутъ держать гдѣ-нибудь въ глубинѣ Азіи орды дикихъ «башкиръ и калмыковъ», лишенныхъ всякаго нравственнаго чувства и готовыхъ на всякія жестокости, которыхъ и можно въ случаѣ надобности призывать на защиту и для поддержки «царства разума». А во-вторыхъ, въ ихъ власти будутъ всѣ средства науки и техники, при помощи которыхъ они могутъ терроризировать весь міръ, потому что можетъ быть изобрѣтено даже такое средство, при помощи котораго можно будетъ взорвать всю нашу планету.

При всей кажущейся парадоксальности этой утопіи Ренана, вся ея тенденція по самому своему существу не представляетъ ничего особенно новаго. Вѣдь «просвѣщенный абсолютизмъ» испытанъ и переиспытанъ исторіей во всевозможныхъ формахъ и разновидностяхъ, вплоть до разновидности совсѣмъ не просвѣщенной. Исторія знаетъ всевозможныя комбинаціи власти и подчиненія не только во имя просвѣщенія, но и во имя всевозможныхъ высокихъ и идеальныхъ интересовъ. Согласно Ренану, «большинство должно мыслить и наслаждаться посредственно, черезъ представителей (par procuration). Средневѣковая идея людей, молящихся за тѣхъ, кому некогда молиться, очень вѣрна. Масса работаетъ, нѣкоторые исполняютъ за нее высшія функціи жизни — вотъ картина человѣчества. Результатомъ темной работы тысячъ крѣпостныхъ крестьянъ какого-нибудь аббатства былъ готическій храмъ въ прекрасной долинѣ, осѣненный высокими тополями, куда благочестивые люди ходили шесть-восемь разъ въ день пѣть хвалу Вѣчному. Эта долина, эти виды, деревья, скалы хотѣли пѣть Богу, но у нихъ не было голоса; аббатство давало имъ голосъ. У грековъ, расы болѣе благородной, это лучше достигалось свирѣлью и играми пастуховъ. Со временемъ будетъ еще лучше, если химическая или физическая лабораторія замѣнитъ аббатство. Но въ наши дни тысячи бывшихъ крѣпостныхъ, а теперь свободныхъ крестьянъ предаются, можетъ быть, насчетъ земель того самаго аббатства грубому чревоугодію безъ какого бы то ни было идеальнаго результата. Только подати, уплачиваемыя съ этихъ земель, нѣсколько облагораживаютъ ихъ, заставляя ихъ служить нѣкоторой высшей цѣли. Нѣкоторые живутъ за всѣхъ. Если хотите измѣнить

этотъ порядокъ — никто не будетъ жить. Египтянинъ, подданный Хефрена, надорвавшійся надъ постройкой пирамиды, больше жилъ, чѣмъ тотъ, кто безполезно проводилъ время подъ своими пальмами. Вотъ благородство народа, другого ему не нужно, онъ никогда не удовлетворится эгоизмомъ. Если онъ самъ не наслаждается, такъ хочетъ, чтобы существовали наслаждающіеся. Онъ охотно умираетъ ради славы вождя, то есть ради чего-то такого, въ чемъ нѣтъ никакой прямой выгоды для него. Я говорю о настоящемъ народѣ, о безсознательной массѣ, которой рефлексія еще не внушила, что погибнутъ за что бы то ни было — значитъ сдѣлать величайшую глупость въ мірѣ» (Соч. III, 217—8).

Какъ видимъ, въ утопіи Ренана, не смотря на всю ея кажущуюся эксцентричность, не все ужъ такъ фантастично, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Онъ весьма основательно опирается на исторію, свидѣтельствующую яркими фактами о готовности человѣка не наслаждаться, даже не жить, предоставивъ за себя другимъ и наслаждаться, и жить, добывать славу и пѣть хвалу Богу. По мнѣнію Ренана, самая важная ошибка демократовъ состояла въ отрицаніи естественнаго неравенства расъ и породъ. Правда, теперешнее французское дворянство не можетъ выставлять себя высшей расой: три четверти его—узурпаторы, а изъ остальной четверти большинство принадлежитъ къ пожалованному дворянству. Но когда дворянство свои права завоевывало, оно, несомнѣнно, было высшей расой. И въ будущемъ народится опять столь же несомнѣнно высшая порода людей, для которой человѣчество должно жить. Созданіе высшей породы, великихъ людей,—есть, въ концѣ концовъ, цѣль человѣчества. Страны, производящія только утонченное, фабрикующія кружева, а не грубое полотно, наиболѣе служатъ прогрессу. «Важны не столько просвѣщенныя массы, сколько великіе геніи и публика, способная ихъ понять. Если невѣжество массъ есть необходимое условіе для этого—тѣмъ хуже. Природа не останавливается передъ такими препятствіями, она уничтожаетъ цѣлые виды для предоставленія другимъ необходимыхъ условій развитія». «Что за бѣда, что милліоны ограниченныхъ существъ, населяющихъ землю, не знаютъ истины или отрицаютъ ее, если мудрые ее видятъ и обожаютъ? Зачѣмъ стѣснять другихъ непосильными для нихъ умозрѣніями? Теоремы Абеля и Коши ничего не теряютъ въ своей достовѣрности отъ того, что ихъ понимаетъ только какая-нибудь сотня людей. Достаточно, чтобы эти высокія истины были познаны и записаны въ книгахъ въ виду тѣхъ, кто когда-нибудь пожелаетъ ихъ узнать. Для полнаго существованія разума нѣтъ необходимости, чтобы весь міръ къ нему обратился. Во всякомъ случаѣ, этого нельзя ожидать отъ низкой демократіи, которая, повидимому, тяготѣетъ, напротивъ, къ устраненію высшихъ научныхъ дисциплинъ и трудныхъ умственныхъ задачъ. Идеалъ американскаго общества, быть можетъ, наиболѣе

удаленъ отъ идеала общества, управляемаго наукой. Тотъ принципъ, что общество существуетъ только для благополучія и свободы составляющихъ его индивидовъ, повидимому, не согласенъ съ планами природы, въ которыхъ недѣлимое приносится въ жертву виду и роду».

Такимъ образомъ, какъ видимъ, мало по малу, мечта мыслителя, увлеченнаго своей любовью къ задачамъ разума, пріобрѣтаетъ болѣе общій характеръ. Мыслитель-спеціалистъ, для котораго культъ разума, какъ онъ самъ выражался, составлялъ его религію, возводитъ задачи служенія излюбленной спеціальности на уровень «плановъ природы». Для «плановъ природы» надо, чтобы недѣлимое приносилось въ жертву виду и роду. Ренанъ даже выражается такъ, что «нація, церковь, городъ существуютъ болѣе, чѣмъ индивидъ (existent plus que l'individu)». И поэтому «животныя, которыми питается геніальный или добродѣтельный человѣкъ, были бы счастливы, если бы понимали, чему они служатъ».

Останавливаясь на этихъ своеобразныхъ и интересно выраженныхъ воззрѣніяхъ Ренана, Михайловскій говоритъ: «Идея личности, правомѣрно закланной на алтарѣ нѣкотораго цѣлаго (въ частности общества), едва ли развита въ какомъ-нибудь нравственно-политическомъ ученіи съ такою если не послѣдовательностью, то смѣлостью, какъ въ утопіи Ренана. Оттого-то она и поучительна, оттого-то она и имѣетъ видъ сатиры на цѣлый циклъ нравственно-политическихъ ученій... Едва ли кто другой осмѣлится въ настоящее время сказать, напримѣръ, что наука должна изобрѣсти средства для держанія непросвѣщенной черни въ страхѣ и что только налоги, употребляемые на чуждыя крестьянамъ цѣли, облагораживаютъ ихъ земли, обезчещенныя мужицкимъ чревоугодіемъ, или что человѣкъ долженъ радоваться, если его убиваютъ ради высшихъ и непонятныхъ ему цѣлей и т. п. А между тѣмъ, все это очень легко привести въ связь со множествомъ ходячихъ мыслей, провозглашаемыхъ съ каѳедръ, трибунъ, въ книгахъ, газетахъ, никого не поражая и не шокируя». (III, 200).

Предлагая личности отдавать себя въ жертву цѣлому, цѣли котораго она даже не должна понимать, Ренанъ видѣлъ въ этомъ самоотверженномъ служеніи какую-то высшую нравственную заслугу, источникъ высшаго нравственнаго достоинства. Съ этой точки зрѣнія ему, напримѣръ, представлялась побѣда Германіи или, какъ любилъ выражаться Ренанъ, Пруссіи, какъ побѣда нравственности надъ распущенностью. Пруссія, съ его точки зрѣнія, сохранила, вмѣстѣ со старинной грубостью и дикостью, старинныя добродѣтели, способность къ дисциплинѣ, преданность извѣстнымъ идеальнымъ началамъ, каковы: семья, государство, отечество, готовность страдать и умирать ради этихъ общественныхъ совокупностей, возвышающихся надъ одинокой личностью. Франція же со времени революціи все болѣе и болѣе утрачивала эти качества.

Она разорвала всѣ узы, связывавшія и обязывавшія людей стараго порядка, и могла противоставить Пруссіи только индивидовъ, разрозненныхъ и неспособныхъ къ дисциплинѣ, самоотверженію, слишкомъ преданныхъ исключительно личнымъ интересамъ.

Но если присмотрѣться ближе къ той дисциплинѣ и къ тому самопожертвованію личныхъ интересовъ общимъ, которыхъ требовалъ Ренанъ, то что мы видимъ?

Ренанъ далъ въ этомъ отношеніи поразительно смѣлыя рѣшенія. Требованія дисциплины, самопожертвованія и вообще нравственно общественной солидарности, опирающіяся на неравенствѣ, охарактеризованы у него такими чертами, что можно принять его слова за сатиру.

По словамъ Просперо въ драмѣ «Живая вода», «безупречная нравственность должна быть удѣломъ только тѣхъ, у кого существуетъ опредѣленная миссія, какъ у насъ, напримѣръ. Человѣкъ, который подобно намъ занимаетъ особое мѣсто среди остальныхъ людей, долженъ, взамѣнъ полученныхъ имъ привилегій, возложить на себя строгія обязанности, вести аскетическую жизнь, связанную со многими трудностями. Но бѣднымъ людямъ, людямъ толпы, зачѣмъ это? Они бѣдны, а вы хотите, чтобы они еще вдобавокъ были добродѣтельны! Это слишкомъ большое требованіе... Только простымъ людямъ и доступны удовольствія!» На вопросъ: «Слѣдовательно, вы не думаете, чтобы общества воздержанія спасли міръ отъ опасностей, которыя ему угрожаютъ»? Просперо отвѣчаетъ: «Эти учрежденія — настоящая гнусность. Лишать простыхъ людей единственной радости, обѣщая имъ взамѣнъ несуществующій рай! Бѣдныя обворованныя жизни!» Съ этой точки зрѣнія Просперо съ чистой совѣстью предоставляетъ Калибану-народу, въ качествѣ законной единственной радости простыхъ людей, даже пьянство. И это не только взглядъ Проспера, но и самъ Ренанъ отъ себя въ статьѣ объ Аміелѣ говоритъ: «Средства спасенія не одинаковы для всѣхъ. Для одного—добродѣтель, для другого—исканіе истины, для третьяго—любовь къ искусству, для остальныхъ—любознательность, путешествіе, роскошь, женщины, богатство, а на низшей ступени культурности—морфинъ и алкоголь. Добродѣтельные люди находятъ себѣ награду въ самой добродѣтели, другіе — въ удовольствіяхъ... Массы должны развлекаться. У обществъ умѣренности превосходныя намѣренія, но они основаны на недоразумѣніи. Вмѣсто того, чтобы подавлять пьянство, не лучше ли постараться сдѣлать его пріятнымъ, симпатичнымъ, сопровождаемымъ моральными чувствами?»

Выходитъ, что даже пьянство, на извѣстной ступени общественной пирамиды, можетъ войти въ общую систему служенія возвышенному цѣлому. Какъ мы видѣли выше, животныя, которыми питается геніальный или добродѣтельный человѣкъ, были бы счастливы, если бы понимали, чему они служатъ. Съ этой же точки

зрѣнія и Калибанъ-народъ, когда онъ предается пьянству, долженъ испытывать нравственное удовлетвореніе и быть счастливымъ, вслѣдствіе сознанія, что каждому свое: однимъ грубыя удовольствія, а другимъ—высшія, однимъ, наверху общественной пирамиды — разумъ и добродѣтель, а другимъ — тьма, невѣжество, пьянство. И какъ цементъ этого удивительнаго зданія—абсолютная и вооруженная внѣшними средствами власть однихъ надъ другими, — людей разума надъ Калибанами.

Однако, въ этой идеѣ служенія личности высшему постороннему ей цѣлому коренятся глубокія противорѣчія противъ элементарныхъ требованій справедливости, противъ общественной и личной правды. По словамъ Михайловскаго, «дикія азіатскія орды, прямо или косвенно вліяющія на ходъ дѣлъ въ цивилизованномъ мірѣ, совсѣмъ не такая невѣроятность, какъ можетъ показаться на первый взглядъ». Но при этомъ—«что касается сосредоточенія въ рукахъ тирановъ-позитивистовъ страшныхъ средствъ разрушенія, то эта дикая мечта не такъ давно еще могла казаться возможной. Оказалось, однако, что страшныя средства разрушенія не могутъ составить секретъ ренановскихъ владыкъ «царства разума», что пускаютъ ихъ въ ходъ совсѣмъ иные люди, и именно люди, доведенные до одичанія, до полнаго презрѣнія къ своей и чужой жизни» (Лит. Восп. II, 298). Строй, ищущій опоры въ общественныхъ контрастахъ и неравенствахъ, не въ силахъ окончательно перегородить жизнь непроходимыми перегородками. И въ результатѣ власть и насиліе, поддерживаемыя угрозами прибѣгнуть къ средствамъ разрушенія, оказывается невозможнымъ защитить покровомъ какихъ бы то ни было привилегій или секретовъ. Ими могутъ овладѣть кто угодно. Вообще можно сказать—цементъ, связывающій при подобныхъ условіяхъ общественное зданіе въ одно цѣлое, на самомъ дѣлѣ ничего въ сущности не связываетъ. Меньше всего при этомъ можетъ быть рѣчи о нравственныхъ связяхъ, т. е. о такихъ, которыя соединяютъ общество въ одно цѣлое — вѣрой въ общія для всѣхъ высшія задачи, одинаково для всѣхъ святыя. Чѣмъ больше «солидарность» общества зиждется на такой группировкѣ интересовъ, которая разобщаетъ людей въ несходныя общественныя группы, тѣмъ меньше условій для такой нравственно объединяющей атмосферы. При такой разобщенности въ представленія о нравственности очень легко проникаютъ глубокія противорѣчія, въ корнѣ подрывающія основу какой бы то ни было нравственности. При общественной разобщенности, требованія того цѣлаго, которому личность должна приносить въ жертву свои интересы, запутываются и затемняются: каждая каста, каждое сословіе, каждый классъ есть своего рода особое цѣлое. Каждое изъ нихъ представляетъ, согласно термину Михайловскаго, свою особенную общественную «индивидуальность». И соотвѣтственно этому совокупность ихъ предъявляетъ очень разнорѣчивыя требованія. Отсюда и происходитъ двойственная мораль,

которая по самому своему существу есть отрицаніе нравственности, такъ какъ не объединяетъ душевный міръ въ служеніи чему-то высшему, а, напротивъ того, разбиваетъ его на множество частей и расшатываетъ, подрываетъ вѣру въ высшее. Мало того, при общественной разобщенности и розни, тѣ общественныя индивидуальности, которымъ личность подчиняетъ свои интересы, не только покоряютъ личность, но и уродуютъ ее. Въ этихъ условіяхъ общество усваиваетъ отдѣльнымъ группамъ индивидовъ ту или другую способность и атрофируетъ остальныя. При этомъ отдѣльныя группы человѣческихъ интересовъ пріобрѣтаютъ въ общемъ жизненномъ строѣ человѣка не подобающее имъ мѣсто. Онѣ занимаютъ значительное пространство жизни, которое по природѣ человѣка принадлежитъ всей совокупности его силъ и способностей: одна функція человѣческаго организма, одна какая-нибудь доля человѣка превращается въ идола, которому должно служить все остальное. Такими идолами являются различные сословные интересы—ученыхъ, жрецовъ, военныхъ, промышленниковъ и проч. Подчиняя свои личные интересы этимъ узкимъ и обособленнымъ кастовымъ задачамъ, личность служитъ не столько цѣлому обществу, сколько отдаетъ свою природу въ жертву отдѣльнымъ функціямъ этой природы, въ жертву какимъ-то дробямъ личности. И когда общество состоитъ все изъ такихъ дробей, не похожихъ другъ на друга и не понимающихъ другъ друга, то не только въ обществѣ ослабѣваютъ объединяющія нравственныя связи, но и въ предѣлахъ личности.

По словамъ Ренана, «грубость многихъ есть условіе воспитанія одного, потъ многихъ позволяетъ немногимъ вести благородную жизнь, но, — прибавляетъ онъ, — нельзя сказать, чтобы одни были привилегированные, а другіе — обдѣлены, ибо дѣло человѣчества нераздѣлимо: цѣлыя массы должны жить славою и наслажденіемъ другихъ». Съ точки зрѣнія Михайловскаго, точно также «дѣло человѣчества нераздѣлимо». Нравственное торжество надъ необузданными и разнузданными эгоистическими страстями неразрывно связано съ господствомъ общественной солидарности. Но съ точки зрѣнія Михайловскаго нельзя говорить объ этой солидарности, какъ о результатѣ побѣды общественныхъ интересовъ надъ личными. Много разъ возвращаясь къ этой темѣ, Михайловскій не уставалъ настаивать на томъ, что интересы личности надо сопоставлять не съ требованіями общества вообще, какъ единаго цѣлаго, а съ цѣлой лѣстницей общественныхъ группъ (индивидуальностей). Требованія семьи, общины, цеха, профессіи, города, сословія, государства, націи—образуютъ очень сложный переплетъ интересовъ, которые то сходятся между собой, то сталкиваются. Интересы человѣческой индивидуальности при этомъ идутъ объ руку то съ одной, то съ другой изъ этихъ группъ. Въ то же время они сталкиваются съ тѣми или другими категоріями этихъ группъ. Поэтому требованіе, чтобы личность жертвовала собой обществу, такъ неопредѣленно

и такъ полно недоразумѣній. Какому обществу, какимъ общественнымъ группамъ? Вотъ въ чемъ вопросъ.

Для сторонниковъ обязательной гармоніи интересовъ личности и общества этотъ вопросъ не существуетъ. Таковы представители утилитарнаго ученія о морали школы Бентама. Имъ представлялось, что если каждый будетъ заботиться исключительно о самомъ себѣ, то изъ этого само собой должно составиться наивозможно большее счастье наивозможно большаго числа людей. Они твердо вѣрили въ гармонію интересовъ, въ силу которой личное счастье и личная добродѣтель совершенно совпадаютъ съ благомъ цѣлаго. Но еще Мандевиль въ своей знаменитой «Баснѣ о пчелахъ» противопоставилъ этому благодушному воззрѣнію совершенно иную картину. Въ ней «благо цѣлаго» требуетъ болѣе чѣмъ умѣреннаго счастья единицъ. «Если рабочихъ надо предохранить отъ голодной смерти, — говоритъ онъ, — то, съ другой стороны, они ничего не должны получать, что стоило бы сбереженія. Если кто-нибудь изъ низшихъ классовъ общества необыкновеннымъ прилежаніемъ и воздержаніемъ возвышается изъ того состоянія, въ которое былъ поставленъ, то этому никто не долженъ препятствовать: несомнѣнно, что каждому частному лицу, каждому отдѣльному семейству въ обществѣ всего благоразумнѣе быть бережливымъ, но интересъ всѣхъ богатыхъ націй требуетъ, чтобы большая часть бѣдныхъ никогда не оставалась безъ дѣла и чтобъ они всегда проживали то, что они получаютъ. У тѣхъ, кто живетъ поденнымъ трудомъ, нѣтъ ничего, что бы подстрекало ихъ быть услужливыми, кромѣ ихъ нуждъ, смягчать которыя благоразумно, но удовлетворять вполнѣ было бы глупо. Единственная вещь, которая можетъ сдѣлать прилежнымъ рабочаго человѣка, это умѣренная рабочая плата. Слишкомъ малая дѣлаетъ его, смотря по характеру, малодушнымъ или повергаетъ въ отчаяніе, слишкомъ же большая—лѣнивымъ и безпечнымъ. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что въ свободной націи, гдѣ рабство запрещено, самое вѣрное богатство заключается во множествѣ трудолюбивыхъ бѣдныхъ. Кромѣ того, что они образуютъ неисчерпаемый источникъ для пополненія арміи и флота, безъ нихъ не было бы наслажденій, и произведенія страны не могли бы пріобрѣтать стоимость. Чтобы сдѣлать общество счастливымъ, а народъ довольнымъ даже своимъ жалкимъ положеніемъ, необходимо, чтобы громадное большинство оставалось какъ въ бѣдности, такъ и въ невѣжествѣ». Въ связи съ этимъ Мандевиль говоритъ на тему о нравственности: «Понятія о благородствѣ и неблагородствѣ, честности и безчестности не болѣе, какъ произведенія мудрыхъ людей, преслѣдующихъ свои личные интересы. Обѣщая идеальныя блага, въ родѣ чести и похвалы со стороны другихъ, мудрецы убѣдили простодушныхъ людей отказаться отъ своего личнаго блага въ пользу цѣлаго общества».

Эти остроумныя соображенія представляютъ въ высокой степени

интересные комментаріи къ идеѣ о необходимости жертвовать личными интересами интересамъ цѣлаго. Къ нимъ, въ примѣненіи къ нравственности, въ новѣйшее время вернулся въ своемъ ученіи о нравственности Ничше. Съ совершенно особой стороны освѣщаются тѣ же явленія ученіемъ о борьбѣ за индивидуальность. Съ этой точки зрѣнія, личности, въ ея столкновеніяхъ съ обществомъ, приходится жертвовать тѣмъ или другимъ изъ своихъ побужденій не обществу, не «цѣлому» вообще, а тѣмъ или другимъ обособленнымъ отъ другихъ общественнымъ группамъ. Это спеціальные интересы тѣхъ или другихъ сословій, кастъ, профессій, общественныхъ классовъ, спеціальныя требованія семьи или государства. Казалось бы, изъ всѣхъ общественныхъ группъ самая всеобъемлющая есть государство, и поэтому тутъ не можетъ быть рѣчи о какихъ нибудь спеціальныхъ, обособленныхъ интересахъ и задачахъ. Но для точки зрѣнія Михайловскаго и его ученія о борьбѣ за индивидуальность очень характерны и примѣчательны его соображенія на эту тему. Въ одной изъ своихъ послѣднихъ статей онъ останавливается на разсужденіяхъ Герберта Спенсера о патріотизмѣ въ сборникѣ «Факты и комментаріи». Спенсеръ, между прочимъ, говоря о возникшемъ въ англійскомъ обществѣ духѣ имперіализма, объясняетъ это явленіе тѣмъ, что «страсть къ господству беретъ у англичанъ верхъ надъ всѣмъ остальнымъ» и что они «даже рискуютъ жизнью для того, чтобы взять верхъ надъ противникомъ». На это Михайловскій возражаетъ, что, можетъ быть, дѣйствительно въ Англіи есть люди, которымъ свойственны эти мотивы и которые готовы претерпѣть убытки подъ вліяніемъ честолюбивыхъ стремленій. Но въ общемъ дѣло обстоитъ иначе. Въ дѣйствительности англичане отнюдь не всѣ и каждый терпятъ эти убытки. Колоніи, факторіи, протектораты представляютъ собой новые рынки для сбыта англійскихъ товаровъ или же, какъ бывшія бурскія республики, поприще для эксплуатаціи огромныхъ мѣстныхъ богатствъ. Всякаго рода поставщики оружія, одежды, пищевыхъ продуктовъ наживаютъ въ военное время колоссальныя состоянія. Вообще, существуютъ группы, и при томъ наиболѣе вліятельныя, лицъ, извлекающихъ изъ имперіалистской политики крупныя выгоды. Что они руководствуются совсѣмъ не жаждой господства, это видно изъ примѣра англійскихъ и германскихъ торговыхъ фирмъ, снабжавшихъ Китай оружіемъ и передъ минувшей войной съ Китаемъ, и передъ вѣроятной будущей. Среди нихъ и надъ ними могутъ быть и мечтатели-честолюбцы (какъ, напримѣръ, прозванный африканскимъ Наполеономъ Родсъ), признающіе правильнымъ мнѣніе Людовика XIV, что первое удовольствіе королей состоитъ въ расширеніи владѣній. А ниже ихъ— слѣпая масса, сама по себѣ мирная и ни о какомъ господствѣ не думащая, но легко воспламеняемая злыми словами о чужихъ людяхъ, которыхъ слѣдуетъ покорить, подчинить, хотя подчинены эти

чужіе люди будутъ во всякомъ случаѣ не этой слѣпой массѣ, а тѣмъ, кому она и сама подчинена *).

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ и въ данной комбинаціи государство является представителемъ не общихъ интересовъ всѣхъ или большинства, а отдѣльныхъ общественныхъ группъ, руководимыхъ обособленными отъ прочихъ интересами и задачами. И личность въ этой комбинаціи, жертвуя своими интересами государству, закалываетъ себя не на алтарѣ высшаго цѣлаго, а на пользу небольшой части цѣлаго, узурпаторски присваивающей себѣ роль цѣлаго. Изъ этого не слѣдуетъ, что роль государства непремѣнно всегда такова. Мысль Михайловскаго сводится къ тому, что значеніе государства, какъ высшаго общественнаго цѣлаго, зависитъ отъ того, въ какой степени оно есть дѣйствительно цѣлое, т. е. въ какой степени оно покоится не на общественныхъ неравенствахъ, разнородности и розни общественной, а, напротивъ, проводитъ во взаимныя отношенія условія равенства и сходства и тѣмъ самымъ пробиваетъ дорогу для сочувственнаго опыта. Только при этихъ условіяхъ можетъ быть рѣчь о дѣйствительной общественной солидарности и о нравственныхъ мотивахъ жертвъ, которыя личность приноситъ обществу. Помимо этого нѣтъ мѣста для нравственныхъ побужденій, и всякое добровольное подчиненіе личности обществу является плодомъ,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и источникомъ,—всевозможныхъ недоразумѣній и путаницы. Оно—результатъ побѣды индивидуальности общественной надъ личной, простое заглушеніе въ личности тѣхъ или другихъ изъ ея функцій и сокращеніе круга ея сочувственнаго опыта. Личность при этомъ приноситъ въ жертву тѣ или другія изъ своихъ требованій не ради чего то высшаго съ ея собственной точки зрѣнія, не ради того, что могло бы объединить ее съ другими общимъ «сочувственнымъ опытомъ» на основахъ солидарности одинаковыхъ или сходныхъ положеній, вкусовъ, чувствъ. Ею руководитъ преклоненіе предъ чѣмъ-то, что ей въ значительной степени не знакомо и потому чуждо. Естественно, что служеніе такому «высшему» таитъ въ себѣ задатки всевозможныхъ недоразумѣній и конфликтовъ, способныхъ совершенно извратить основной смыслъ этого высшаго, даже подмѣнить фальшивой монетой то, что даетъ ему право считаться высшимъ. Въ общественной перспективѣ неравенствъ и розни общественной жестоко расшатывается не только духовная солидарность общества, но и нравственныя основы личности.

III.

«Право нравственнаго суда,—говоритъ Михайловскій,—есть вмѣстѣ съ тѣмъ и право вмѣшательства въ ходъ событій, которому со-

*) Посл. Соч, II, 461.

отвѣтствуетъ обязанность отвѣчать за свою дѣятельность. Живая личность со всѣми своими помыслами и чувствами становится дѣятелемъ исторіи на свой собственный страхъ. Она, а не какая-нибудь мистическая сила (рѣчь идетъ объ исторической теоріи Л. Н. Толстого), ставитъ цѣли въ исторіи и движетъ къ нимъ событія сквозь строй препятствій, поставляемыхъ ей стихійными силами природы и историческихъ условій» (Соч. III, 448). Соотвѣтственно этому основа всего, чѣмъ обусловлено содержаніе жизни для человѣка, опредѣляется отношеніемъ личности «къ стихійнымъ силамъ природы и историческихъ условій». Казалось бы, что можетъ подѣлать личность противъ роковыхъ стихій? Однако,—«бунтъ личности противъ роковыхъ стихійныхъ силъ—пусть онъ безуменъ, но съ тѣхъ поръ, какъ зародилась въ человѣчествѣ уязвленная совѣсть и оскорбленная честь, этотъ бунтъ былъ, есть и будетъ для мыслящаго человѣка интереснѣйшимъ моментомъ жизни».

Основная особенность въ взаимномъ отношеніи личности, съ одной стороны, стихійныхъ и историческихъ условій,—съ другой, состоитъ въ томъ, что все стихійное и независящее отъ человѣка, слѣпая судьба—или какъ бы мы ее ни называли: необходимая причинная связь всѣхъ явленій, естественный ходъ вещей—не отвѣчаетъ за содержаніе жизни и за ея достоинство. Господство случайности, отсутствіе логики, нравственности, униженіе того, что человѣкъ цѣнитъ и уважаетъ, вся безсмыслица дѣйствительности—во всемъ этомъ судьба «не другъ и не врагъ людей, не злодѣйка и не благодѣтельница и ни за что не отвѣтствена... Она не знаетъ вопроса, зачѣмъ жизнь оскорбляетъ и мучитъ людей. Она даетъ отвѣтъ только на вопросъ: почему? Но люди, «вторгаясь въ причинную связь явленій со своими цѣлями, берутъ на себя отвѣтственность, связанную съ вопросомъ: «зачѣмъ?» Тяжелая и страшная это бываетъ отвѣтственность, но человѣкъ беретъ ее охотно и готовъ ей принести многое въ жертву—въ тѣхъ случаяхъ, когда въ немъ даетъ себя знать потребность быть самимъ собой, а не дѣйствовать и не жить тѣмъ, что ему навязывается со стороны, извнѣ.

Въ «Воскресеніи» Л. Н. Толстой, характеризуя Симонсона, такъ опредѣляетъ эту потребность: «Всѣ люди живутъ и дѣйствуютъ отчасти по своимъ мыслямъ, отчасти по мыслямъ другихъ людей. Въ томъ, насколько люди живутъ по своимъ мыслямъ и насколько по мыслямъ другихъ людей, состоитъ одно изъ главныхъ различій людей между собою. Одни люди, въ большинствѣ случаевъ, пользуются своими мыслями, какъ умственной игрой, обращаются со своимъ разумомъ, какъ съ маховымъ колесомъ, съ котораго снятъ передаточный ремень, а въ поступкахъ своихъ подчиняются чужимъ мыслямъ—обычаю, преданію, закону; другіе же, считая свои мысли главными двигателями всей своей дѣятельности, почти всегда прислушиваются къ требованіямъ своего разума и подчиняются ему,

только изрѣдка и то послѣ критической оцѣнки слѣдуя тому, что рѣшено другими». Къ первымъ, какъ отмѣчаетъ Михайловскій, принадлежитъ главная масса лицъ, изображенныхъ въ «Воскресеніи». Они, разъ усвоивъ себѣ изъ чужихъ рукъ извѣстныя правила, «уже не задумываются и шествуютъ по пути жизни безъ колебаній, безъ сомнѣній, безъ упрековъ совѣсти, безъ оглядки». Эти люди образуютъ собой плоскій и сѣрый фонъ, на которомъ выдѣляются узоры душевной жизни Неклюдова и Кати. Эти главные герои «Воскресенія» также не чужды подчиненія чужимъ мыслямъ, но они имѣютъ и свои мысли, и главный психологическій интересъ романа сводится къ происходящей въ нихъ борьбѣ чужихъ мыслей съ голосомъ ихъ собственнаго разума и сердца. Неклюдову эта борьба и ея обаяніе знакомы уже давно. Такъ, въ то лѣто, когда онъ впервые увидалъ Катю въ деревнѣ у тетушекъ, онъ «переживалъ то восторженное состояніе, когда въ первый разъ юноша не по чужимъ указаніямъ, а самъ по себѣ познаетъ всю красоту и важность жизни и всю значительность дѣла, предоставленнаго въ ней человѣку, видитъ возможность безконечнаго совершенствованія и своего, и всего міра, и отдается этому совершенствованію не только съ надеждой, но съ полной увѣренностью достиженія всего того совершенства, которое онъ воображаетъ себѣ». Именно отъ этого ряда настроеній зависитъ весь рядъ его поступковъ, которые дѣлаютъ его предметомъ насмѣшекъ и укоровъ и причиной ужаса всѣхъ его родственниковъ. Толстой не одинъ разъ въ изображеніи поступковъ Неклюдова подчеркиваетъ то обстоятельство, что побужденія, влекущія къ безоглядному удовлетворенію низменныхъ животныхъ страстей, находили поддержку въ томъ, какъ всѣ дѣлаютъ. Онъ развращался и падалъ низко, когда, по выраженію Толстого, «переставалъ вѣрить себѣ, а вѣрилъ другимъ». Жить, вѣря себѣ—слишкомъ трудно, потому что всякій вопросъ надо рѣшать и при томъ не въ пользу своего животнаго я; вѣря же другимъ, рѣшать нечего, все уже рѣшено, и рѣшено противъ духовнаго и въ пользу животнаго я. Кромѣ того, вѣря себѣ, Неклюдовъ всегда подвергался осужденію людей,—вѣря другимъ, онъ получалъ одобреніе людей, окружающихъ его.

У Толстого въ приведенныхъ сужденіяхъ опора въ самомъ себѣ, вѣра въ себя основывается, главнымъ образомъ, на противоставленіи «всѣмъ»—собственныхъ мыслей, сужденій. Михайловскій по этому поводу дѣлаетъ оговорку, что вообще «безъ чужихъ мыслей прожить нельзя, дѣло только въ томъ,—провѣряетъ ли ихъ человѣкъ «самъ по себѣ», мѣркою собственнаго разума и сердца, и готовъ ли онъ противопоставить принятое рѣшеніе враждебнымъ чужимъ мыслямъ» (Посл. Соч. I, 275).

Такимъ образомъ, въ основѣ потребности быть самимъ собой онъ ставитъ не абсолютную самостоятельность, о которой нечего и думать, а провѣрку чужого своимъ собственнымъ «разумомъ и

сердцемъ». Провѣривъ чужое и усвоивъ его только послѣ провѣрки, личность уже сама является отвѣтственной за то, что она пріобрѣла этимъ путемъ. Она становится естественной закономѣрной личной представительницей данныхъ общихъ требованій и стремленій. Она налагаетъ на общее, «чужое» печать личнаго достоинства и тѣмъ самымъ даетъ ему высшую санкцію. Въ этомъ и состоитъ ея «отвѣтственность».

Разбираясь въ различныхъ проявленіяхъ этого стремленія «собственнаго разума и сердца» къ провѣркѣ чужого и представительства за него, Михайловскій съ теченіемъ времени пришелъ къ убѣжденію, что всѣ пріемы этой провѣрки общаго личнымъ примыкаютъ къ душевнымъ мотивамъ двухъ категорій: побужденіямъ уязвленной «совѣсти» и требованіямъ оскорбленной «чести» или— что то же самое—сознанію вины и заслуги.

Въ статьѣ объ Успенскомъ (1888 г.) Михайловскій обращаетъ особенное вниманіе на то, что Успенскій считалъ центральнымъ пунктомъ русской жизни за послѣднія десятилѣтія «болѣзнь сердца», «болѣзнь мысли», «болѣзнь совѣсти», при чемъ у Успенскаго эти три выраженія являются синонимами. Протестъ личности противъ всевозможныхъ неустройствъ жизни концентрировался для него въ протестѣ совѣсти. «Мысль и чувство», безжалостно и неподкупно сверлящія душу, принимаютъ для него почти исключительно форму совѣсти, то есть сознанія виновности и жажды соотвѣтственнаго искупленія и покаянія. Но въ чистомъ видѣ—говоритъ Михайловскій—работа совѣсти встрѣчается рѣдко, хотя бываютъ цѣлыя историческія эпохи, ею окрашенныя. Обыкновенно же коррективомъ ея является работа чести»... въ томъ условномъ и при томъ расширенномъ смыслѣ, какой Михайловскій придалъ этому понятію. «Работа совѣсти и работа чести, говоритъ онъ, отнюдь не исключаютъ другъ друга. Между ними возможно практическое соглашеніе, онѣ могутъ уживаться рядомъ, пополняя одна другую. Но онѣ всетаки типически различны. Совѣсть есть сознаніе виновности, преступности; она ставитъ предъ человѣкомъ образы замученныхъ, оскорбленныхъ, притѣсненныхъ имъ, картины насилій, обмановъ... и требуетъ искупительной жертвы— лишеній. Честь, напротивъ того, есть сознаніе напрасно претерпѣнныхъ обидъ и оскорбленій. Человѣку проснувшейся чести не въ чемъ винить себя: онъ ни передъ кѣмъ не виноватъ, а передъ нимъ, можетъ быть, и есть виноватые. Проснувшаяся честь терзаетъ его картинами вынесеннаго имъ срама и насилія, и для утоленія этихъ терзаній нужны не лишенія какія-нибудь, не жертвы, а, напротивъ, просторъ всѣмъ сдавленнымъ дотолѣ силамъ, удовлетвореніе всѣхъ притиснутымъ насиліемъ и обманомъ запросовъ души. Онъ могъ терпѣть и жаться, пока сознаніе не освѣтило унизительности этого положенія, но сознательно выносить его онъ не можетъ» (V, 181). Такимъ образомъ, «совѣсть требуетъ сокращенія бюджета личной жизни и потому въ крайнемъ своемъ развитіи успокаивается ли-

шеніями, оскорбленіями, мученіями; честь, напротивъ, требуетъ расширенія личной жизни и потому не мирится съ оскорбленіями и бичеваніями» (V, 115). «Совѣсть... убиваетъ ея носителя, если онъ не въ силахъ принизить, урѣзать себя до извѣстныхъ предѣловъ. Честь—напротивъ, убиваетъ, если униженія и лишенія переходятъ извѣстные предѣлы»...

Обозрѣвая литературную дѣятельность Глѣба Успенскаго, Михайловскій видѣлъ большой пробѣлъ въ ней въ его пристрастіи къ явленіямъ уязвленной совѣсти, въ ущербъ проявленіямъ оскорбленной чести. Михайловскій замѣчаетъ, что, между прочимъ, къ анализу именно «больной совѣсти», даже въ ущербъ всему прочему, Успенскаго влекла «родственность его художественнаго аскетизма съ аскетизмомъ житейскимъ. Самъ онъ суживаетъ свои права, какъ художника, до послѣдней возможной степени и отказывается отъ всякой роскоши красокъ, линій, образовъ. Поэтому и въ жизни ему симпатичнѣе или, по крайней мѣрѣ, интереснѣе то возстановленіе, которое достигается со стороны совѣсти, то есть при помощи лишеній и отказа отъ всего яркаго и цвѣтного» (V, 117). И Михайловскій выражалъ надежду (это было въ 1888 г.), что Успенскій со временемъ отдастъ должное вниманіе также и явленіямъ оскорбленной чести.

Такого же характера пристрастіе отмѣчаетъ Михайловскій у гр. Л. Толстого по поводу «Воскресенія». И, какъ на исключеніе изъ его обычной манеры изображать гнетущую работу взволнованной совѣсти, онъ указываетъ, какъ на замѣчательный эпизодъ, на бесѣды Масловой съ Неклюдовымъ въ тюрьмѣ, въ которыхъ съ особенной рѣзкостью выступаютъ иные мотивы: мотивы законнаго чувства полученной обиды, праведнаго гнѣва, праведнаго мстительнаго чувства. Не смотря на то, что эти мотивы выражаетъ осужденная на каторгу проститутка, да еще полупьяная, они не отталкиваютъ читателя отъ Кати: «да, она права, эта пьяная публичная женщина, въ своемъ гнѣвѣ» (Посл. Соч. I, 278—9).

Мотивъ чести Михайловскому удалось подробнѣе иллюстрировать отчасти на произведеніяхъ Щедрина и особенно—на образахъ Ибсена, въ двухъ большихъ статьяхъ, которыя онъ посвятилъ датскому драматургу *).

Отстаивая во всѣхъ этихъ случаяхъ рядомъ съ совѣстью особенное значеніе мотивовъ «чести», Михайловскій въ ихъ сочетаніи искалъ ту комбинацію, которая даетъ личности возможность отстаивать себя, быть «самой собой» въ столкновеніи съ внѣ-личными вліяніями. Комбинація этихъ мотивовъ привлекала его, какъ воплощеніе двухъ тенденцій, которыя съ двухъ разныхъ сторонъ подходятъ и опредѣляютъ собой границы и сумму «человѣческаго», «гуманнаго» содержанія жизни. Одна—есть сила, стремящаяся

---

*) О Щедринѣ см. Соч. V, 137—303, объ Ибсенѣ—Отклики, I, 432—492.

устранить лишнее и оградить это содержаніе рамками отъ всего внѣчеловѣческаго, другая—возможно совершеннѣе заполнить эти рамки въ предѣлахъ человѣческаго. Въ обоихъ этихъ стремленіяхъ личность встрѣчаетъ препятствія, съ одной стороны, въ гипертрофіи составныхъ частей своего «я»—въ узурпаціи индивидуальностей низшаго порядка, а съ другой—въ чрезмѣрной силѣ общаго. Оба эти элемента нарушаютъ основныя требованія существованія человѣческой личности, и основная задача послѣдней сводится къ тому, чтобы отстоять свою самостоятельность въ обоихъ направленіяхъ—не быть рабомъ ни общества, ни частей собственнаго «я». Михайловскій утверждалъ, и въ этомъ центръ его ученія, что это одно и то же. Личность перестаетъ быть сама собой—развинчивается и разнуздывается—въ той степени, въ какой она побѣждается какой бы то ни было посторонней ей индивидуальностью: высшей ли (обществомъ, обычаемъ, закономъ, традиціей), или низшей—это все равно, потому что побѣждаемая высшей, она въ то же время становится жертвой низшихъ.

«Обыкновенно думаютъ,—говоритъ гр. Л. Толстой въ «Воскресеніи»,—что воръ или убійца, признавая свою профессію дурною, долженъ стыдиться ея. Происходитъ же совершенно обратное. Люди, судьбою и своими грѣхами - ошибками поставленные въ извѣстное положеніе, какъ бы оно ни было неправильно, составляютъ себѣ такой взглядъ на жизнь вообще, при которомъ ихъ положеніе представляется имъ хорошимъ и уважительнымъ». И соотвѣтственно этому Катя Маслова даже въ самомъ унизительномъ положеніи считала, что она именно въ данной роли важный и нужный человѣкъ.

Въ данномъ случаѣ профессія, т. е. положеніе, цѣликомъ навязанное общественными комбинаціями, опредѣляетъ собой вѣру въ свое назначеніе. Смыслъ и направленіе жизни, какъ они въ данномъ случаѣ ни низки, опредѣляются мотивами, внушенными личности, которая совершенно побѣждена и раздавлена общественнымъ строемъ, который, раздробивъ ее, отвелъ ей самыя жалкія отправленія. Въ то же время, этотъ же общественный процессъ дѣлаетъ изъ личности жалкую жертву ея собственныхъ интересовъ, имѣющихъ въ общей суммѣ человѣческихъ задачъ свое весьма ограниченное мѣсто. Маслова прониклась убѣжденіемъ, что «главное благо всѣхъ мужчинъ безъ исключенія,—старыхъ, молодыхъ, гимназистовъ, генераловъ, образованныхъ, необразованныхъ—состоитъ въ общеніи съ привлекательными женщинами, и потому всѣ мужчины, хотя и притворяются, что заняты другими дѣлами, въ сущности желаютъ одного этого. Она же—привлекательная женщина, можетъ удовлетворять или не удовлетворять это ихъ желаніе, и потому она важный и нужный человѣкъ». Въ данномъ случаѣ жертва общества побѣждена не только обществомъ, но и элементами своего я, страдающими гипертрофіей—чрезмѣрнымъ усиленіемъ однѣхъ

функцій на счетъ другихъ—и поэтому занимающими не подобающее имъ мѣсто въ общей экономіи жизни. То же самое положеніе является, напримѣръ, тогда, когда представитель науки возводитъ въ универсальный законъ природы какой-нибудь кулачный или лавочническій принципъ. Педантъ Вагнеръ въ «Фаустѣ»—жертва общественной дифференціаціи и крайняго раздробленія интересовъ—доходитъ до того, что мечтаетъ объ отдѣленіи отъ человѣка даже функціи продолженія рода человѣческаго. И онъ же—рабъ одной изъ спеціальныхъ функцій человѣческой личности—жажды познанія.

«Человѣкъ-ли Вагнеръ?—спрашиваетъ Михайловскій.—Нѣтъ, ему чуждо все человѣческое. Это—поршень, водокачальная машина, и въ общественномъ организмѣ онъ представляетъ собою не цѣлое, а часть». «И въ то же время самъ онъ не недѣлимое, а органъ, и именно органъ добыванія фактическаго знанія» (Соч. VI, 46). То же самое рабочій, который только трудится, но чуждъ знанія и умственной работы. Онъ—жертва общественныхъ распредѣленій и въ то же время рабъ наиболѣе элементарныхъ потребностей личности. Точно также рабъ авторитетовъ, общественнаго мнѣнія, общепринятыхъ непровѣренныхъ модныхъ идей—въ то же время всегда рабъ какой-нибудь одной стороны своего существа, одной умственной складки или страсти, въ ущербъ полнотѣ жизни. Въ немъ личность подавляется ея же собственными элементами.

Во всѣхъ этихъ явленіяхъ пораженія личности (обществомъ, съ одной стороны, собственными ея элементами—съ другой), внушенія, которымъ она подвергается, тянутъ личность въ разныя стороны. Если въ самой личности нѣтъ объединяющаго ее высшаго начала, которое являлось бы верховнымъ судьей въ случаяхъ всевозможныхъ столкновеній, то о самообладаніи, о томъ, чтобы быть «самимъ собой» при подобныхъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи.

Въ этихъ условіяхъ процессъ дробленія интересовъ личности, съ одной стороны, урѣзываетъ у нея часть нужныхъ ей составныхъ частей ея существованія, а съ другой—чрезмѣрно, ненужно усиливаетъ другія части ея существа. Представляя себѣ положеніе нѣсколько схематически, можно сказать, что противъ перваго призваны бороться требованія «чести», а противъ второй—требованія «совѣсти». Въ этомъ заключается смыслъ словъ Михайловскаго: «Думаю, что пора, давно пора воздать должное совѣсти, но не въ ея парализующей (рѣчь идетъ о формѣ, парализующей дѣятельное отношеніе къ жизни) формѣ, а въ ея сочетаніи съ честью... Можетъ быть, это и значитъ «быть самимъ собой» (Отклики, I, 492). Какъ извѣстно, внутренняя свобода человѣка (а въ зависимости отъ этого и вмѣненіе) означаетъ, что дѣйствія его обусловливаются собственной личностью, а не посторонними ей обстоятельствами. Ученіе о борьбѣ за индивидуальность говоритъ намъ, что въ этомъ отношеніи все зависитъ отъ того, въ какой степени личность про-

тивостоитъ стремленіямъ другихъ индивидуальностей—высшихъ и низшихъ—раздробить ее на части, слабо объединенныя и неустойчивыя, какъ цѣлое. Въ этомъ стремленіи заключаются всѣ ея шансы быть «самой собой», всѣ ея шансы на свободу и вся возможность нести на себѣ отвѣтственность за содержаніе своей жизни. И на стражѣ этого стремленія стоятъ «совѣсть» и «честь»—эти два представителя личнаго достоинства, верховные защитники этого достоинства противъ всевозможныхъ враждебныхъ условій. При этомъ, въ сложномъ переплетѣ всевозможныхъ вліяній и мотивовъ, среди которыхъ личности приходится дѣйствовать, ей часто навязывается отвѣтственность за то, въ чемъ она собственно не участвуетъ, и въ чемъ она не повинна ни тѣломъ, ни душой. Отсюда цѣлый рядъ драмъ,—когда личность не въ силахъ отрѣшиться отъ побужденій и вліяній, по существу чуждыхъ ей, и въ то же время должна за нихъ отвѣчать. Коллизіи этого разряда Михайловскій характеризуетъ, между прочимъ, въ анализѣ житейскихъ драмъ на фонѣ войны за освобожденіе Болгаріи *).

То же положеніе онъ отмѣчаетъ въ драмахъ Ибсена и въ произведеніяхъ Щедрина. Исходъ изъ этихъ коллизій онъ видѣлъ только въ способности личности разграничивать требованія личности отъ требованій всевозможныхъ другихъ индивидуальностей и подчинять эти послѣднія первымъ. Отъ этого зависитъ способность личности быть самой собой, ея право вмѣшательства въ ходъ событій и ея обязанность отвѣчать за свою дѣятельность.

Но въ этомъ подчиненіи интересамъ личности интересовъ другихъ категорій никоимъ образомъ не скрывается безразличное отношеніе къ общественной точкѣ зрѣнія. Напротивъ, въ вопросѣ объ отвѣтственности, какъ и въ остальныхъ вопросахъ нравственнаго порядка, Михайловскій не видѣлъ никакого рѣшенія внѣ общественнаго. Всякая отвѣтственность есть по существу элементъ глубоко личный. Но въ представленіи Михайловскаго, задача должна быть сведена, какъ онъ выражается, къ «чувству личной отвѣтственности за свое общественное положеніе» (IV, 279). Въ виду этого, стремленіе личнаго дѣятельнаго вмѣшательства въ ходъ событій должно направляться не на прямую борьбу за интересы личности въ одиночку. Оно должно быть направлено на отстаиваніе тѣхъ общественныхъ отношеній, которыя благопріятствуютъ личности вообще. Усилія въ одиночку, когда они лишены поддержки въ соотвѣтственной общественной организаціи, разбиваются въ разсыпную и, обезсиленныя своей рознью, по-рабски служатъ тѣмъ общественнымъ комбинаціямъ, какія въ каждый данный моментъ имѣютъ перевѣсъ. Поддаваясь тому, какъ они въ данный моментъ складываются, личность тѣмъ самымъ оказывается вынужденной бросаться изъ стороны въ сторону. И это чувствуется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ

*) См. Житейскія и художественныя драмы, Соч. III, 641—685.

больше данныя общественныя отношенія дѣйствуютъ въ разсыпную, т. е. чѣмъ больше они дробятъ общество на несходныя группы, взаимно чуждыя и мало способныя къ взаимному пониманію.

Лишенная общественной перспективы съ достаточно широкимъ кругомъ сочувственнаго опыта, основаннаго на одинаковости положенія и сходствѣ интересовъ, личность плохо отстаиваетъ свою самостоятельность. Атмосфера общественныхъ контрастовъ и неравенствъ есть обстановка, въ которой борьба за личное достоинство, требованія личной отвѣтственности и, вообще, стремленія нравственнаго порядка теряютъ силу истинно нравственныхъ началъ. Преломляясь въ этой атмосферѣ, нравственныя требованія обращаются въ общественномъ смыслѣ въ орудіе произвола, угнетенія и рабства личности; а въ предѣлахъ душевнаго міра личности—въ источникъ нравственной безпомощности, растерянности и распущенности побужденій. Источникъ силы нравственныхъ началъ всегда въ наличности чего-то, признаваемаго высшимъ. Высшее же рушится, когда ослаблено то, что объединяетъ общество—а въ зависимости отъ него и личность—связью сочувственнаго опыта между близкими: оно рушится, когда общество перестаетъ быть союзомъ людей, объединяемыхъ близостью сходныхъ задачъ, и обращается въ стадо, въ «толпу», въ пыль, состоящую изъ атомовъ *). Въ обществѣ, живущемъ не какъ общество, а какъ толпа, дѣйствуютъ двѣ прямо противорѣчащія и мѣшающія другъ другу тенденціи: склонность къ стадности и въ то же время—глубокая взаимная отчужденность. О нравственной силѣ и о высокомъ личномъ достоинствѣ при этихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи.

Ренанъ, какъ мы видѣли, полагалъ, что «большинство должно мыслить и наслаждаться посредственно, черезъ представителей». Масса работаетъ, лишена досуга, а нѣкоторые молятся за нее и исполняютъ за нее «высшія функціи жизни». А лишенные досуга облагораживаются и служатъ высшимъ цѣлямъ, «платя подати». Вообще, нѣкоторые живутъ за всѣхъ—такова картина человѣчества, категорично утверждаетъ Ренанъ. Народъ, если самъ не наслаждается, такъ хочетъ, чтобы существовали наслаждающіеся. Если же хотите измѣнить этотъ порядокъ, никто не будетъ жить.

---

*) Характеристика стадной „толпы“ и отличія ея отъ общества представляли для Михайловскаго предметъ особаго интереса и составили тему для спеціальныхъ и въ высокой степени оригинальныхъ изслѣдованій: см. Соч. II, статьи „Герои и толпа“, „Научныя письма“, „Къ вопросу о герояхъ и толпѣ“, „Еще о толпѣ“, а также Отклики I, 23 и 483. Опять таки и тутъ ученіе его съ чрезвычайной ясностью устанавливаетъ связь между общественностью и личнымъ душевнымъ міромъ. Сюда относятся многочисленныя работы его [illegible]ленiи труда—общественномъ и физіологическомъ: см [illegible], [illegible]—54, 56—61, 78—109, 150—151, 165—182, 191—194. [illegible]—270, 276—281, 286—300, 459—462, 477—479, 554—6, III, 526, 722—6. 737—8, Лит. Восп. I, 360—1, Отклики II, 62—99.

Въ глазахъ Михайловскаго дѣло обстоитъ иначе. Съ его точки зрѣнія, высшія функціи жизни перестаютъ быть высшими съ той минуты, когда «народъ», за счетъ котораго эти функціи исполняются «по порученію», не знаетъ и не понимаетъ, за что собственно онъ «платитъ подати». Знать и понимать это возможно только при общественной взаимной близости обѣихъ сторонъ: той стороны, которая живетъ и наслаждается за другихъ въ качествѣ представителя другихъ, и той, которая отказывается отъ прямого участія въ общей суммѣ жизни и согласна жить чрезъ «посредство» другихъ. Безъ такого «представительства», какъ бы оно ни казалось на первый взглядъ страннымъ, во многихъ случаяхъ не возможно обойтись. Не возможно каждому дѣлать и испытывать все, что доступно человѣку. Но дѣйствительное «представительство» имѣетъ смыслъ только между общественно близкими категоріями людей. А это возможно только въ атмосферѣ общественной «однородности».

Михайловскому, по его словамъ, часто дѣлали съ очень побѣдоноснымъ видомъ такого рода возраженія противъ его требованія «общественной однородности»: «что же, вы хотите соединить въ одномъ лицѣ профессію, напримѣръ, писателя, каменно-угольнаго рабочаго, земледѣльца, мясника и т. д., развѣ это возможно»? «Нѣтъ, не возможно,—отвѣчаетъ Михайловскій,—да и не нужно, не требуется теоріей прогресса. Общественная разнородность выражается въ рѣзкой разницѣ матеріальной и духовной атмосферы, окружающей людей разныхъ племенъ, нарѣчій, состояній, мужчинъ и женщинъ, податныя и неподатныя сословія, богачей и нищихъ, сытыхъ и голодныхъ, патріотовъ своего очечества и мерзавцевъ своей жизни, ученыхъ и невѣждъ, рабочихъ и работодателей, ростовщиковъ и платящихъ ростъ, разныхъ «филовъ» и «фобовъ» и т. д., и т. д.“ (Лит. Восп. I, 360). Именно въ этой «рѣзкой разницѣ матеріальной и духовной атмосферы» онъ видѣлъ то зло, съ которымъ и можно, и должно бороться каждому, кому дорого нравственное достоинство личности. Въ этихъ рѣзкихъ разграниченіяхъ общественной атмосферы, въ сосуществованіи взаимной отчужденности и стадности онъ видѣлъ источникъ того «пораженія личности», которое въ нравственномъ отношеніи выражается въ своеобразныхъ противорѣчіяхъ «двойной морали» и въ не менѣе удивительныхъ противорѣчіяхъ возстанія личности противъ общества, рука объ руку съ ослабленіемъ ея способности быть самой собой. Ученіе Михайловскаго мѣтко подчеркиваетъ эти противорѣчія и въ то же время ярко освѣщаетъ роковую связь между рознью и отчужденностью среди общества и нравственной рознью и путаницей внутри личности. Въ чеховскомъ «Дядѣ Ванѣ» жена профессора говоритъ дядѣ Ванѣ: «ваше бы дѣло не ворчать, а мирить всѣхъ». А дядя Ваня на это отвѣчаетъ: «сначала помирите меня съ самимъ собою»!—Помирите меня съ самимъ собою—таково, съ точки зрѣнія ученія Михайловскаго, неизбѣжное

требованіе личности, которая въ борьбѣ за индивидуальность сдѣлалась жертвой общественной разнородности. Въ освѣщеніи этого ученія нравственныя противорѣчія и общественные контрасты, это— двѣ стороны одного и того же процесса, который гнететъ и общество, и личность.

А. Красносельскій.

---

* * *

Серебрянымъ свѣтомъ горятъ водяныя чешуйки,
Веселая рѣчка скользитъ изъ-подъ стараго моста.
Бѣгутъ и смѣются пѣвучія быстрыя струйки.
Ихъ сдержанный лепетъ звучитъ мелодично и просто.

На высохшемъ камнѣ русалочка-дѣвочка плачетъ:
Темно ей и скучно подъ бревнами въ тихой запрудѣ.
Прозрачное тѣло отъ солнца въ тѣни она прячетъ,
Рукой прикрываетъ стыдливыя дѣтскія груди...

И смотритъ на синее небо нѣмыми глазами,
Не смѣя взглянуть на покатыя полосы поля,
Гдѣ вѣтеръ играетъ въ зеленомъ овсѣ съ васильками,
Гдѣ яркое солнце и свѣтлая, вольная воля.

О чемъ-то подумалъ пушистый ячмень за дорогой:
Вздохнулъ, прошумѣлъ и стоитъ, какъ ни въ чемъ не бывало...
Потомъ поклонился деревнѣ больной и убогой
И ветхимъ березамъ, съ жары задремавшимъ устало.

И снова все тихо... Однѣ говорливыя струйки
Поютъ безъ умолку, что здѣсь ничего имъ не жалко,
Что въ дальнемъ краю еще ярче горятъ ихъ чешуйки,
Что въ дальней рѣкѣ ихъ другая полюбитъ русалка.

В. Башкинъ.

ХИМЕРА.

(Разсказъ военнаго врача).

Всякій разъ, какъ я вспоминаю о послѣдней войнѣ, передъ моими глазами выплываетъ фигура генерала, командовавшаго тѣмъ, довольно значительнымъ, отрядомъ, при которомъ я находился. Иногда даже самое слово „война“ ассоціируется въ моемъ мозгу съ этой дородной и пошлой фигурой, грязно-желтымъ пятномъ выступающей на фонѣ труповъ, крови, языковъ пламени... Быть можетъ, я слишкомъ идеализирую своего героя, но если бы мнѣ пришла фантазія нарисовать символическую картину, изображающую нашу послѣднюю войну, отличительными чертами которой были—пошлость и глупость, я бы нарисовалъ именно эту генеральскую фигуру.

Самымъ характернымъ и оригинальнымъ въ ней были глаза,—неподвижные, большіе, слегка на выкатѣ, отчетливо голубые, фарфоровые. Если бы мнѣ сказали, что они у него искусственные, я бы не удивился и только подумалъ, что мастеръ, сдѣлавшій ихъ,—скверный мастеръ. Правда, онъ очень старательно вывелъ голубые кружочки, очень аккуратно и добросовѣстно поставилъ точки какъ разъ въ ихъ центрахъ, но когда глаза вставили въ орбиты, они вдругъ получили выраженіе, совсѣмъ не входившее въ разсчетъ заказчика. Глаза выражали непріятное, глупое и совершенно безжизненное, кукольное, добродушіе... А надъ ними нависли густыя воинственныя брови, ниже ихъ сидѣлъ тоже воинственный, багровый, съ синими жилками носъ, потомъ—уже совсѣмъ геройскіе усы-бакенбарды, выпяченныя впередъ губы и бритый щетинистый подбородокъ. И всѣ эти такъ хорошо знакомые, почти родные аксессуары физіономіи нашего россійскаго Держиморды, получили отъ безжизненныхъ и странно-добродушныхъ голубыхъ фарфоровыхъ глазъ новый колоритъ, безнадежный и жуткій...

Онъ былъ высокаго роста и полный, съ генеральскимъ

брюшкомъ, отчетливо выступавшимъ подъ походной рубахой грязно-желтаго цвѣта. Надъ брюшкомъ въ складкахъ рубахи вырисовывалось продолговатое четыреугольное возвышеніе отъ бумажника, который на войнѣ всѣ носили на груди. А надъ бумажникомъ можно было различить еще одинъ маленькій четыреугольникъ—это была иконка, вѣроятно, съ изображеніемъ какого-нибудь спеціально военнаго святого. И, вѣроятно, иконка у него, какъ у всѣхъ, была мѣдная—развѣ мало было даже историческихъ случаевъ, когда пуля, и т. д., и т. д.... На грязномъ фонѣ рубахи съ скромнымъ достоинствомъ бѣлѣли, не блестя, два простыхъ крестика, имѣвшихъ каждый свою кровавую исторію...

Голосъ у него былъ скрипучій, непріятный и тоже какой-то безжизненный, будто искусственный. Въ немъ совсѣмъ не было интонацій и—командовалъ ли генералъ, сердился или объявлялъ благодарность, все равно изъ его рта вылеталъ лишь рѣзкій и непріятный скрипъ безъ всякаго выраженія, но съ удивительной отчетливостью отчеканивающій слова.

Разумѣется, нелѣпая внѣшность соотвѣтствовала внутреннему содержанію. Всѣ его распоряженія въ большихъ бояхъ были безтолковы, всегда онъ заблаговременно „очищалъ позиціи“, но всегда гдѣ-нибудь часть его отряда застревала и потомъ спасалась въ паническомъ бѣгствѣ, бросая обозы, ружья, шинели... А въ промежуткахъ между сраженіями онъ занимался развѣдками: разъ въ мѣсяцъ отправлялся на-авось, безъ карты (онъ говорилъ: „безъ модныхъ предразсудковъ“) въ сторону японцевъ, неожиданно натыкался на нихъ и, неизмѣнно констатировавъ ихъ подавляюще-превосходныя силы, спѣшно шелъ назадъ. И все это такъ гармонировало съ общей картиной безтолковой и глупой войны, что казалось естественнымъ и даже понятнымъ.

Въ началѣ войны онъ казался мнѣ неинтереснымъ: физіономія Держиморды, деревянный голосъ, фарфоровые глаза, безысходная глупость... Но чѣмъ больше я съ нимъ сталкивался, тѣмъ становилось яснѣе, что его глупость имѣетъ особыя, ему одному только присущія черты... Такъ, вопреки моимъ ожиданіямъ и общему типу манчжурскихъ генераловъ, оказалось, что онъ очень храбръ: я видѣлъ, какъ онъ въ сопровожденіи двухъ офицеровъ зачѣмъ-то проѣзжалъ по густо обстрѣливаемой долинѣ. Офицеры, пригнувшіеся къ сѣдламъ и втянувшіе головы въ плечи, видимо, были ни живы ни мертвы, а онъ сидѣлъ въ сѣдлѣ обычной грузной посадкой, точно не слыша свиста пуль и по привычкѣ сдерживая рвавшуюся лошадь, и что-то говорилъ деревяннымъ голосомъ, безъ интонацій. Впрочемъ, это

равнодушіе къ опасности, какъ я убѣдился впослѣдствіи, скорѣе объяснялось какимъ-то дефектомъ его убогой и невоспріимчивой психики.

Во-вторыхъ, несмотря на фарфоровое добродушіе своихъ глазъ, онъ былъ чрезвычайно жестокъ, но жестокость его имѣла какой-то наивный, совсѣмъ не злой, почти добродушный характеръ. Повидимому, въ кругу его понятій совершенно не было понятія „человѣкъ“: было „я“, потомъ „господа офицеры“, „нижніе чины“, непріятель, китайцы и прочіе одушевленные, т. е. способные самостоятельно двигаться, предметы. И, можетъ быть, его жестокость тоже нуждалась въ иномъ названіи и тоже исходила изъ дефектовъ психики... Въ самомъ дѣлѣ,—развѣ можно серьезно говорить о жестокости мальчика, отламывающаго головки у своихъ оловянныхъ солдатиковъ?..

Мнѣ не забыть одной сцены, въ которой первый разъ проявилась на моихъ глазахъ эта наивная и страшная жестокость. Послѣ утомительнаго и длиннаго перехода отрядъ остановился на бивакъ въ уютной зеленой долинѣ, обставленной со всѣхъ сторонъ ласковыми кудрявыми „сопками“ съ мягкими, округлыми очертаніями. Въ долинкѣ стояла одинокая фанза, около которой и расположился отрядъ. Изъ нея казаки волокли скудную мебель, какіе-то мѣшки, а хозяинъ, пожилой китаецъ съ серебряными нитями въ черной толстой косѣ, суетливо бѣгалъ между расхищавшими его добро и что-то лопоталъ безпомощно, должно быть, просилъ не трогать, не надѣясь на успѣхъ своей просьбы... Задымились костры—по всей долинѣ и возлѣ самой фанзы—и вдругъ по ея стѣнѣ пробѣжалъ огонь, и она быстро вспыхнула вся. Старый китаецъ, внѣ себя отъ ужаса и горя, закричалъ... Я никогда не слышалъ болѣе отчаяннаго, болѣе безпомощнаго крика. Въ этотъ самый моментъ мимо фанзы проѣзжалъ генералъ.

— Что значитъ?—проскрипѣлъ онъ, обращаясь къ своей свитѣ и указывая на фанзу.

— Гм... Не сигналъ ли японцамъ?—догадался кто-то.

Китаецъ понялъ, что проѣзжаетъ самъ генералъ, съ дикимъ крикомъ бросился къ нему и схватилъ его за ногу. Генералъ равнодушно дернулъ ногой. Китаецъ упалъ на землю, все продолжая кричать.

— Повѣсить,—съ удивительной отчетливостью сказалъ генералъ, не обращаясь ни къ кому и продолжая свой путь.—Кричитъ, будто его рѣжутъ,—добавилъ онъ, оглянувъ свиту наивно-добродушными, выпуклыми, голубыми глазами.

Казаки подняли кричавшаго китайца съ земли и, уго-

щая дружескими подзатыльниками и пинками, повели вѣшать. Все это было такъ наивно, такъ просто... Устами генерала произнесла свой приговоръ надъ китайцемъ сама судьба, безсмысленная и слѣпая, и у людей не мелькнуло и тѣни сомнѣнія въ томъ, что этого приговора уже ничто не измѣнитъ.

А генералъ, невозмутимый, тоже какъ судьба, и уже позабывшій о китайцѣ, не оставившемъ, вѣроятно, никакого слѣда въ его сознаніи, ѣхалъ дальше и что-то говорилъ скрипучимъ, ничего не выражающимъ, голосомъ безъ интонацій...

И только два раза за все время походной жизни я видѣлъ, какъ въ его фарфоровыхъ глазахъ и деревянномъ голосѣ проскользнуло что-то похожее на чувство. Первый разъ—это была не то жалость, не то чувство обиды, когда ему сказали, что въ обозѣ, отбитомъ у насъ японцами, была и его любимая лошадь... А второй разъ... Но объ этомъ второмъ случаѣ я и хочу разсказать.

Это было послѣ мукденскаго погрома, когда отрядъ нашего генерала, въ два дня „отошедшій" отъ прежней базы на 150 верстъ, базировался въ живомъ торговомъ городкѣ X. За полтора года безсмысленной и жестокой войны въ отрядѣ произошли значительныя перемѣны: больше половины его „выбыло изъ строя" и замѣнилось новыми казаками; уцѣлѣвшая часть казалась износившейся и постарѣвшей на десять лѣтъ. Не измѣнился лишь нашъ генералъ: то же брюшко, тѣ же добродушные глаза, ничего пе выражающій голосъ. Что ему? У него, какъ и у всѣхъ профессіональныхъ воиновъ, съ войной связывались лишь двѣ идеи, двѣ задачи,—сдѣлать карьеру и сколотить деньгу. И то, и другое ему удалось: на его погонахъ появилась новая звѣздочка, а на грязно-желтой рубахѣ новый, краснаго цвѣта, точно налитый кровью, крестикъ. О деньгахъ можно и не упоминать: онъ продовольствовалъ свой отрядъ реквизиціями.

Рѣшеніе генерала „базироваться" въ такомъ-то городѣ всегда звучало, какъ неотвратимый и ужасный приговоръ для города: скоро, самое большее черезъ двѣ недѣли, онъ будетъ непоправимо раззоренъ, и жители его будутъ проклинать часъ своего рожденія. Передъ опустошеніями, которыя производилъ на своемъ пути отрядъ нашего генерала, блѣднѣли всякіе „трусы и потопы"... Для города X. дѣло началось съ того, что генералъ, только что пріѣхавъ въ него, публично и жестоко, до полусмерти, выпоролъ нагайками мѣстнаго фудутуна, не успѣвшаго во время узнать о приближеніи русскихъ и не выѣхавшаго къ нимъ на встрѣчу засвидѣтельствовать почтеніе генералу. А на другой день появился

приказъ русскаго коменданта города, и въ этомъ приказѣ, между прочимъ, назначались „впредь до измѣненія“ три дня въ недѣлю „на предметъ производства казней“ китайцевъ, заподозрѣнныхъ въ шпіонствѣ, оказавшихъ сопротивленіе при реквизиціяхъ или выражавшихъ бранное сужденіе о русскомъ знамени. Скоро послѣдовало и измѣненіе этого установленія: трехъ дней въ недѣлю оказалось мало, и въ число преступленій, заслуживающихъ смертной казни, были включены также попытки увезти изъ города свое имущество.

Рядомъ съ фанзой, гдѣ помѣстились мы, врачи и санитары Краснаго Креста, находилась маленькая бумажная фабрика. Оттуда постоянно, съ ранняго утра до поздняго вечера, доносилось монотонное пѣніе въ нѣсколько голосовъ, сопровождавшееся глухими ритмическими ударами какой-то машины. Когда я зашелъ посмотрѣть, какъ тамъ фабрикуютъ бумагу, оказалось, что тамъ никакой машины не было, а ритмическіе глухіе звуки производились людьми, мѣшавшими въ большихъ врытыхъ въ землю колодахъ бумажную массу. Ихъ было шестеро, и они, согнувшись, блестя въ полутьмѣ голыми потными спинами, тянули монотонный гортанный мотивъ и въ тактъ ему, всѣ сразу, съ правильностью машины, двигали своими мѣшалками. Масса была густая, съ трудомъ раздвигавшаяся подъ мѣшалкой, и мѣшать, видимо, было очень трудно. Но мѣшалки, въ тактъ пѣнью, двигались легко и свободно, и люди, двигавшіе ими, работали цѣлый длинный день. Мы вставали съ постели подъ звуки пѣнья и ритмическихъ ударовъ, дѣлали свое дѣло, обѣдали, гуляли, возвращались назадъ, а удары все звучали съ прежней правильностью и стоналъ въ воздухѣ монотонный напѣвъ. Вечеромъ, когда на землю спускались задумчивыя и нѣжныя сумерки, мы шли слушать полковую музыку, а китайцы все еще хлопали своими мѣшалками... Они походили на машины, и казалось, что на ночь останавливаютъ ихъ лишь потому, что надсмотрщику нуженъ отдыхъ. А въ смежномъ отдѣленіи такъ же спокойно и размѣренно цѣлый день ходилъ кругомъ столба слѣпой осликъ, приводившій въ движеніе колесо съ большими крыльями, машущими на просыхавшіе уже готовые листы. Ослика запрягали рано утромъ, толкали легонько,— и онъ, какъ заведенная машина, дѣлалъ одинъ за другимъ безконечные обороты до тѣхъ поръ, пока не приходилъ надсмотрщикъ и не останавливалъ его за ухо.

Мы скоро привыкли къ звукамъ бумажной „фабрики“ и даже перестали замѣчать ихъ,—какъ не замѣчаешь тиканья часовъ въ рабочей комнатѣ, шума вентилятора въ лабора-

торіи... И вдругъ, въ одно утро, насъ поразила странная тишина, отсутствіе чего-то очень знакомаго и, пожалуй, необходимаго для обычнаго настроенія. Я нѣсколько минутъ соображалъ, чего именно не хватаетъ, и, наконецъ, догадался, что странная тишина объясняется молчаніемъ бумажной „фабрики". Это было неожиданно и странно, и я пошелъ посмотрѣть, что тамъ случилось. На фабрикѣ не было ни души; мѣшалки плавали въ бумажной массѣ, слѣпой осликъ стоялъ, уткнувшись лбомъ въ уголъ и поводя длинными ушами. На дворѣ плакалъ китайченокъ лѣтъ 12, всхлипывая и утираясь грязнымъ рукавомъ. Я попробовалъ было разспросить его, что произошло, но онъ, увидѣвъ, что я иду къ нему, быстро шмыгнулъ куда-то за уголъ.

Поздно вечеромъ, когда мы уже укладывались спать, пришелъ къ намъ вахмистръ, бравый и загорѣлый казакъ, и доложилъ:

— Ваше благородіе. Вы, може быть, переѣдете въ другую фанзу?

— Почему? Зачѣмъ?

— Да вотъ эту ихнюю фабрику приказано сжечь, а я поопасался: вѣтеръ какъ разъ на васъ. Какъ бы, молъ, не задѣло... Лучше ужъ загодя перебраться.

Намъ оставалось покориться судьбѣ; казаки, присланные выполнить приговоръ, помогли намъ собраться.

— Почему же приказано сжечь фанзу?—спросилъ я вахмистра.

— Да будто бы подозрѣніе на нихъ, что шпіона скрывали. Може, правда, може—нѣтъ. Время военное—не до разбору, а безъ острастки тоже нельзя. И то сказать,—сволочь вѣдь и народъ-то...

Причина, почему „фабрика" остановилась, была теперь ясна: всѣхъ, имѣющихъ отношеніе къ ней, начиная съ хозяина и кончая автоматами-мѣшальщиками, посадили, очевидно, въ тюрьму, гдѣ они ждутъ очереднаго дня казней, ибо изъ тюрьмы не было иного выхода, какъ на площадь казней.

Наше имущество перевезли въ другую фанзу, и я остался посмотрѣть на пожаръ. Онъ занималъ казаковъ, какъ маленькихъ дѣтей: они долго спорили, съ какого угла лучше поджечь, потомъ сошлись на томъ, что надо зажечь внутри фанзы, натаскали туда соломы, зажгли, и всѣ вышли на улицу посмотрѣть, что будетъ. На бумажныхъ окнахъ фанзы появилось быстро усиливавшееся трепещущее отраженіе огня. Были видны и клубы дыма, темными силуэтами двигавшіеся по освѣщенному фону,—можно было подумать, что тамъ, внутри, ходятъ люди. Наконецъ, бумага одного окна

вспыхнула — и изъ него выскочилъ цѣлый снопъ искръ, огня и дыма, быстро перескочившій на соломенную крышу и охватившій ее. Вѣтеръ рвалъ и разбрасывалъ солому — и при общемъ восторгѣ казаковъ и крикахъ „гляди! гляди"!.. вспыхнула крыша сосѣдней фанзы.

И вдругъ со двора „фабрики" послышался дикій и отчаянный ревъ, — то кричалъ забытый на дворѣ маленькій слѣпой осликъ.

Эту ночь я никакъ не могъ заснуть. За время войны я уже видѣлъ много отвратительныхъ и ужасныхъ нелѣпостей, но эта послѣдняя нелѣпость почему-то тяжелѣе давила мой умъ и настойчивѣе требовала объясненія. Тысячи лѣтъ назадъ промышленная культура остановилась у этихъ людей передъ неразрѣшимой почему-то для нея проблемой,—замѣнить животную силу силой иной,—и вотъ теперь, въ возмездіе за это, судьба съ жестоко-добродушными фарфоровыми глазами наложила на этихъ людей-автоматовъ свою тяжелую руку... Они, эти автоматы, эти блестящія изгибающіяся потныя спины съ двигающимися въ тактъ гнусавому пѣнью лопатками, всю жизнь провели за своимъ машиннымъ одуряющимъ занятіемъ, и вотъ теперь, завтра или послѣзавтра, другіе люди, такіе же, какъ они, отрубятъ имъ головы. И это неизбѣжно, какъ то, что завтра взойдетъ и сдѣлаетъ свой путь по небу солнце... Я зналъ тѣ историческіе законы, съ помощью которыхъ легко или трудно, но можно объяснить всякій фактъ человѣческой жизни, но никогда я не чувствовалъ такъ больно и ясно, что эти законы представляютъ лишь формальную, внѣшнюю правду и что за ихъ плотнымъ, непроницаемымъ покровомъ скрывается другая, страшная, какъ пропасть, „настоящая" правда. Я понималъ историческій смыслъ совершавшагося злодѣянія, но я весь дрожалъ отъ сознанія его ужаса и нелѣпости. Я всей мыслью, всѣмъ тѣломъ чувствовалъ, что казни не должно, не можетъ быть, и въ то же время зналъ, что она неизбѣжна, что она съ каждой минутой становится все ближе и ближе, и ея приближенія нельзя остановить, нельзя замедлить, какъ нельзя замедлить движеніе солнца.

Иногда мнѣ казалось, что я почти угадываю страшную истину, на которую намекали законы исторіи, что еще усиліе—и она будетъ моей, но острыя, жгучія мысли неожиданно сглаживались, расходились, надвигалась темнота, и чуть брезжившій, чуть намѣчавшійся огонекъ погасалъ... Я въ безсиліи вскакивалъ съ постели и выбѣгалъ на дворъ На небѣ трепетало розовое зарево, по соломенной крышѣ

фанзы порывами шумѣлъ вѣтеръ, и гдѣ-то въ углу храпѣлъ спящій человѣкъ.

Утромъ я пошелъ посмотрѣть тюрьму, въ которой сидѣли осужденные на смертную казнь китайцы. Я хотѣлъ увидѣть арестованныхъ вчера мѣшальщиковъ. Зачѣмъ? — не знаю... Когда я шелъ, мнѣ казалось, что я встрѣчу настроеніе, близкое къ тому, которое должны испытывать знающіе свою судьбу пассажиры поѣзда, съ головокружительной быстротой мчащаго ихъ къ краю бездонной пропасти... Могутъ ли быть въ такомъ поѣздѣ здоровые умомъ люди?

Это былъ темный, съ высокими каменными стѣнами, крытый дворъ, наполненный одуряющимъ зловоніемъ. Возлѣ одной стѣны, на сажень отъ нея были вбиты частые и толстые колья,—это и была тюрьма. За кольями сидѣли и лежали грязные, смуглые люди съ громадными четыреугольными колодками на ногахъ. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли у самыхъ кольевъ и, охвативъ колѣни руками, созерцали происходящее на дворѣ. Меня они встрѣтили любопытными и насмѣшливыми взглядами; одинъ изъ нихъ сказалъ что-то, улыбнувшись, и всѣ засмѣялись. Въ углу двое поочередно бросали кверху камешки и ловили ихъ, и когда одинъ изъ нихъ не могъ схватить всѣхъ камешковъ вмѣстѣ, другой захлопалъ въ ладоши и засмѣялся. Первый вытащилъ изъ-за пазухи лепешку, далъ товарищу откусить и спряталъ обратно. Потомъ опять стали бросать камешки, на этотъ разъ промахнулся второй и тоже вытащилъ изъ-за пазухи лепешку... Къ нимъ присоединился третій, и азартная игра пошла во всю... Знали ли эти люди, куда несется ихъ поѣздъ? Да, безусловно знали...

Тѣхъ, кого я хотѣлъ узнать среди этихъ людей, я такъ и не узналъ: всѣ они были одинаково грязны, смуглы, съ одинаковыми лицами, одинаковаго неопредѣленнаго возраста... Я обратился за помощью къ солдату, зачѣмъ-то „прикомандированному“ къ китайской администраціи тюрьмы и мирно покуривавшему трубку у ея воротъ, и попросилъ его указать тѣхъ, кого привезли вчера.

— Чортъ ихъ разберетъ,—ухмыльнулся онъ.—Они всѣ одной роты, на чорта похожи... Поди разбери...

— Ну, а китайцы? Тѣ, вѣроятно, знаютъ, могутъ указать? Вѣроятно, имена записаны?..

— У насъ не по фамиліямъ. У насъ просто: счетомъ. Приведутъ тамъ сколько, сейчасъ бумага: „препровождается при семъ столько-то китайскихъ подданныхъ“. Я расписываюсь: „столько-то китайскихъ подданныхъ принялъ старшій унтеръ-офицеръ такой-то“... И вся недолга. Тутъ главный— я, а эти китайскіе надзиратели только для виду.

— А какъ же ихъ казнить-то водятъ?—спросилъ его стоявшій съ нимъ рядомъ другой солдатъ.

— Ну?

— Безъ фамилій-то? Чай, чередъ какой-ни-есть соблюдаютъ?

— Какой тамъ чередъ... Кто ближе къ двери сидитъ, тѣхъ и берутъ... Сколько тамъ надо по комплекту...

— А...а... На выборъ, значитъ, дороже... Такъ, такъ.

Я спросилъ, когда ближайшій день казней. Оказалось, что завтра. Я пошелъ было прочь.

— А халтуришки не будетъ съ вашего благородія?—спросилъ въ догонку солдатъ.

— Чего?—остановился я.

— А за посмотрѣніе звѣринца...

Какъ-то само собой создалось въ моей душѣ рѣшеніе, что я непремѣнно пойду на казнь. Меня тянуло туда, и мнѣ *нужно было* видѣть, какъ этимъ людямъ, что позавчера гнусили дикую пѣсню и мѣсили бумажное тѣсто, а теперь играютъ въ камешки, живымъ людямъ, виноватымъ только въ томъ, что они жили въ навлекшей на себя подозрѣніе фанзѣ, будутъ завтра отрубать головы. Я сознавалъ, что это влеченіе увидѣть казнь некрасиво, можетъ быть, даже отвратительно, но у меня не было ни силъ, ни желанія противиться ему.

Въ день казни я проснулся очень рано съ мыслью о томъ, что сегодня увижу. Казнь была назначена въ двѣнадцать часовъ, и время въ началѣ шло чрезвычайно медленно. Семь часовъ, потомъ половина восьмого, потомъ безъ четверти, потомъ восемь... Я садился, бралъ книгу, вставалъ, ходилъ и, помнится думалъ все о какихъ то ничтожнѣйшихъ пустякахъ. Но послѣ 10 часовъ время почему-то полетѣло ужъ очень быстро... Въ половинѣ двѣнадцатаго было пора идти, и я вышелъ уже за ворота, но вдругъ мнѣ показалось жутко идти туда одному. Я торопливо вернулся и, увидѣвъ добродушнаго и глупаго санитара, копошившагося надъ чѣмъ-то въ углу двора, подошелъ къ нему.

— Слушай, Крыловъ, пойдемъ смотрѣть, какъ китайцевъ казнятъ.

— Ну, что-жъ,—флегматически отвѣтилъ онъ.—Пойдемъ... Только вотъ... сѣдло мнѣ надо за сегодня починить.

— Успѣешь, починишь. Идемъ скорѣй, а то опоздаемъ.

— Ну, что-жъ... Пріѣду домой, буду разсказывать...

У воротъ тюрьмы толпилась довольно большая, человѣкъ въ сто, кучка китайцевъ. Они болтали, смѣялись, выражали свое нетерпѣніе, что-то жевали,—словомъ, чувствовали себя

совсѣмъ какъ въ театрѣ, въ ожиданіи интереснаго представленія. Я зналъ, что занятіе палача у китайцевъ считается чѣмъ-то артистическимъ, и отдѣльные округи хвастаются другъ передъ другомъ искусствомъ своего палача... И всетаки видъ этой безпечной толпы показался мнѣ дикимъ и безсмысленнымъ, похожимъ на сонъ...

Ворота тюрьмы медленно отворились. Разноголосый шумъ на минуту притихъ, и всѣ поднялись на ципочкахъ. Изъ воротъ вышли полицейскіе въ синихъ хламидахъ, съ красными письменами на спинѣ и быстро расчистили путь среди толпы, яростно лупя толстыми бамбуковыми палками по головамъ хохочущихъ и горланящихъ китайцевъ. Потомъ показались два человѣка съ длинными прямыми трубами въ рукахъ, за ними трое толстыхъ людей въ красныхъ хламидахъ тоже съ красными письменами, потомъ несли знамя съ изображеніемъ дракона, а за нимъ двигалась двухколесная неуклюжая арба, на которой сидѣли шестеро преступниковъ, въ однихъ штанахъ, съ громадными колодками на ногахъ и связанными назадъ руками... Толпа молчала, трубачи подняли свои трубы и затрубили что-то тягучее, но мелодичное, напоминавшее какой-то родной, но давно забытый мотивъ...

„Преступники" спокойно разсматривали со своей колесницы народъ и о чемъ-то тоже спокойно и просто переговаривались между собой. Одинъ изъ нихъ вдругъ заулыбался и закивалъ кому-то въ толпѣ.

— Хоа!.. хоа!—раздалось изъ толпы привѣтственное восклицаніе.

— Хоа!.. Хоа!..—крикнулъ „преступникъ".

Изъ толпы тотъ-же голосъ весело и возбужденно прокричалъ ему нѣсколько фразъ, а онъ слушалъ, улыбаясь во всю физіономію и болтая головой. Крыловъ дернулъ меня за рукавъ, кивнулъ головой въ сторону кричавшаго и сказалъ:

— Дескать: мое вамъ почтеніе, далеко-ли изволите ѣхать?.. Ахъ, и собаки-же!..

Трепетъ прошелъ по моему тѣлу... Какой, въ самомъ дѣлѣ, удивительный народъ! Всѣ они, я зналъ это, трусливы, какъ зайцы: ихъ солдаты дрожатъ и прячутся при одномъ намекѣ на появленіе врага, ихъ хунгузы могутъ нападать лишь толпой на двухъ-трехъ человѣкъ, да и то изъ-за угла, и при первыхъ же отвѣтныхъ выстрѣлахъ бѣгутъ въ дикомъ страхѣ, бросая свои ружья и скидывая по дорогѣ мѣшающую имъ одежду... А тутъ вотъ тѣ-же китайцы ѣдутъ на казнь, спокойные и даже веселые, и толпа бѣжитъ за ними насладиться искусствомъ палача, что будетъ сносить имъ головы. Странная, непонятная психологія...

На площади, гдѣ было приготовлено мѣсто казни—небольшая, плотно утоптанная площадка,—ждала другая толпа китайцевъ, еще больше первой. Полицейскіе опять ринулись впередъ, размахивая толстыми палками, и быстро расчистили дорогу. Когда процессія подошла къ площадкѣ, толпа тѣснымъ кругомъ сомкнулась вокругъ нея. Насъ съ Крыловымъ, изъ уваженія къ повязкамъ Краснаго Креста, пропустили впередъ, къ самой площадкѣ.

„Преступники“ одинъ за другимъ спрыгнули съ арбы и быстро, громыхая колодками и вытягивая шеи, запрыгали по направленію къ площадкѣ. Сейчасъ они напоминали ощипанныхъ пѣтуховъ, съ связанными ногами и крыльями. Къ нимъ подошелъ солидный, хорошо одѣтый китаецъ и разставилъ ихъ въ рядъ, аршина на два одинъ отъ другого. Потомъ онъ имъ сказалъ что-то, и они всѣ сразу, какъ по командѣ, опустились на колѣни. Вышелъ человѣкъ въ красномъ и монотонно, торопливо прочиталъ какую-то бумагу. Трубачи протрубили грустную мелодію, опять показавшуюся мнѣ знакомой, родной, но давно уже забытой.

Галдѣвшая толпа, видимо, совершенно не интересовалась всѣми этими процедурами. Что интереснаго въ томъ, какъ приготовляютъ арену для выхода артиста?.. Шумъ въ толпѣ немного утихъ, когда мальчикъ вынесъ на площадку громадный, широкій блестящій мечъ и съ легкимъ звономъ положилъ его на низенькую подставку... По ряду стоявшихъ на колѣняхъ пробѣжало какое-то движеніе,—они всѣ покосились на мечъ и тотчасъ-же отвернулись. Только одинъ изъ нихъ повернулъ голову къ публикѣ, потомъ кивнулъ на мечъ и состроилъ гримасу. Изъ толпы отвѣчали обычнымъ, живымъ и веселымъ: „Хоа!.. Хоа!..“

Наконецъ, вышелъ палачъ,—довольно высокій и плотный, въ синихъ штанахъ, безъ рубахи. Толпа привѣтствовала его бурей дико - восторженныхъ криковъ: „Хоа! Хоа!“... Палачъ чуть-замѣтно самодовольно улыбнулся... У него было широкое, плоское лицо, съ плоскимъ носомъ и узенькими черными глазами. Онъ нѣсколько разъ двинулъ плечами, точно расправляя мускулы, потомъ быстро, искусственно размѣреннымъ шагомъ прошелся вдоль ряда преступниковъ, туда и обратно. Одного изъ нихъ онъ зачѣмъ-то хлопнулъ рукой и, весело оскаливъ черные зубы, что-то крикнулъ—должно быть, все то же „Хоа!“ Преступникъ мотнулъ головой и отвѣтилъ что-то.

Палачъ опять подвигалъ плечами, поднялъ и положилъ мечъ, и опять пошелъ къ ряду преступниковъ. На этотъ разъ онъ тоже размѣренными, привычными движеніями бралъ у каждаго толстую косу, черной полосой тянувшуюся по

спинѣ, и бросалъ ее внизъ, въ лицо. Преступникъ ловилъ ее зубами и удерживалъ... И такъ всѣ они стояли на колѣняхъ, нагнувшись впередъ, вытянувъ голыя шеи и держа свои косы въ зубахъ...

Толпа теперь совершенно затихла. Я слышалъ только, какъ стучитъ мое сердце и какъ сопитъ у меня надъ самымъ ухомъ Крыловъ, вытянувшійся на цыпочки и выглядывавшій изъ-за моего плеча. Время шло опять съ удивительной медленностью...

Вышелъ опять человѣкъ съ бумагой и еще прочиталъ что-то. Потомъ одинъ изъ красныхъ китайцевъ сказалъ что-то палачу, и тотъ быстро и неожиданно схватилъ мечъ. Я вздрогнулъ... Палачъ однимъ прыжкомъ очутился у ряда осужденныхъ; высоко, обѣими руками занесъ мечъ, качнулся всѣмъ туловищемъ назадъ... На мгновеніе замеръ въ этой позѣ... Мечъ съ металлическимъ свистомъ блеснулъ... Кто-то отрывисто ахнулъ... Голова отскочила далеко впередъ, за ней брызнули дугою вверхъ двѣ толстыхъ красныхъ струи, туловище судорожно прыгнуло за головой и ткнулось плечами въ землю... А палачъ уже снова занесъ свой мечъ, опять онъ красной полосой мелькнулъ въ воздухѣ—и опять отлетѣлъ впередъ круглый предметъ, брызнули дугой двѣ красныхъ струи, и тѣло судорожно рванулось впередъ... И послѣ каждаго удара толпа съ дикимъ восторгомъ кричала:

— Хоа! хоа!

Вдругъ что-то случилось: мечъ, поднятый кверху, опустился не рѣзкимъ ударомъ, а тихо и въ сторону. Третій въ ряду смотрѣлъ на палача и что-то кричалъ ему,—и его лицо выражало какую-то страшно-дѣловую, спѣшную заботу. Палачъ наклонился надъ нимъ, тотъ вытянулъ впередъ шею и взялъ въ зубы выпавшую изъ нихъ и снова поданную палачомъ косу. Остановка произошла только изъ-за того, что она вывалилась... И опять пластическая поза съ занесеннымъ мечомъ, красная полоса, мелькнувшая передъ глазами...

Я стоялъ и чувствовалъ, какъ дрожитъ прижавшійся къ моему плечу Крыловъ.

... Произошло какое-то замѣшательство: толпа какъ будто двинулась въ сторону, красный китаецъ крикнулъ что-то палачу, и тотъ опять замеръ съ поднятымъ мечомъ и тихо опустилъ его. Я оглянулся: сквозь толпу къ центру ея продирался казакъ верхомъ, хлеща плетью направо и налѣво. Онъ привезъ распорядителямъ казни приказаніе генерала—подождать немного, такъ какъ сейчасъ онъ самъ

явится посмотрѣть искусство палача. Какъ я потомъ узналъ, въ этотъ день пріѣхалъ въ отрядъ американскій военный агентъ и, узнавъ о частыхъ казняхъ, просилъ генерала показать ему эту церемонію...

Палачъ отошелъ въ сторону, толпа зашумѣла, заговорила, а двое оставшихся преступниковъ стояли по прежнему на колѣняхъ, вытянувъ шеи и держа въ зубахъ косы. Возлѣ нихъ валялись уткнувшіяся плечами въ лужи крови поблѣднѣвшія тѣла ихъ товарищей — и противъ каждаго туловища лежала мертвая голова.

Прошло нѣсколько минутъ—можетъ быть, четверть часа. Наконецъ, по внезапно стихшей толпѣ опять пробѣжало движеніе: пріѣхали. Генералъ шелъ подъ руку съ американцемъ и что-то разсказывалъ ему деревяннымъ скрипучимъ голосомъ. Американецъ, еще молодой, высокій и стройный, съ умнымъ и тонкимъ лицомъ и печальными сѣрыми глазами, молча, улыбался ему въ отвѣтъ... Выйдя на площадку, генералъ небрежно кивнулъ краснымъ китайцамъ и, подойдя къ палачу, звучно хлопнулъ его ладонью по голой спинѣ:

— Молодчина!.. Это, смѣю вамъ рекомендовать, большой артистъ своего дѣла,—сказалъ онъ американцу. Тотъ улыбнулся въ отвѣтъ и ничего не сказалъ. Понималъ ли онъ по-русски?..

Физіономія палача расплылась въ блаженную улыбку; онъ закивалъ головой и, показывая генералу въ знакъ своего крайняго уваженія большой палецъ, забормоталъ:

— Капитанъ, капитанъ... Татада капитанъ... О!..

Генералъ подошелъ къ уцѣлѣвшимъ „преступникамъ“ и взялъ ближайшаго къ себѣ за жилистую шею. Американецъ, шагая черезъ полосы крови, брезгливо морщась и улыбаясь любезно въ одно и то же время, ходилъ за нимъ. Пощупавъ шею, генералъ легонько толкнулъ „преступника“ и сказалъ, засмѣявшись:

— Шанго, братъ, шанго...

Потомъ отошелъ къ краснымъ китайцамъ и остановился. Его лицо было обращено въ нашу сторону... На немъ было написано самое широкое добродушіе: на губахъ дрожала улыбка, густыя брови были подняты, и голубые фарфоровые глаза такъ и сіяли. Онъ чувствовалъ себя въ роли любезнаго хозяина, доставляющаго своему гостю рѣдкое и невиданное еще удовольствіе. А гость стоялъ рядомъ съ нимъ, смотрѣлъ кругомъ печальными и испуганными глазами и изображалъ на лицѣ любезную улыбку.

— Ну, начинайте,—сказалъ генералъ.

Палачъ схватилъ свой мечъ, быстро подошелъ къ осуж-

деннымъ и, замахнувшись, на мгновеніе замеръ. И въ этотъ моментъ лицо генерала странно измѣнилось: радушіе исчезло, глаза потемнѣли, онъ судорожно схватился рукой за шашку и наполовину вытащилъ ее изъ ноженъ. Красная полоса мелькнула въ воздухѣ,—и генералъ со стукомъ толкнулъ шашку обратно. Брызнули двѣ красныхъ струи, рванулось впередъ тѣло... Палачъ замахнулся опять.

— Погоди!.. Погоди!..—крикнулъ генералъ. И его голосъ уже не былъ обычно-деревяннымъ,—въ немъ звучало какое-то желаніе, нетерпѣніе...

Генералъ, съ потемнѣвшимъ лицомъ, тяжело дыша, опять вытащивъ на половину шашку, нерѣшительно сдѣлалъ два шага впередъ. Видимо, ему хотѣлось самому отрубить голову... Нерѣшительно оглянувшись кругомъ, онъ остановился и вдругъ, махнувъ рукой и воткнувъ шашку, сказалъ упавшимъ голосомъ:

— Фу, чортъ... Валяй самъ...

Американецъ испуганно, съ искаженнымъ лицомъ, забывъ о любезной улыбкѣ, смотрѣлъ на генерала...

Палачъ кончилъ и бросилъ на землю зазвенѣвшій мечъ. Генералъ, все еще тяжело дыша, подошелъ къ нему и снова хлопнулъ по плечу:

— Молодчина, братъ!—сказалъ онъ прежнимъ командующимъ деревяннымъ голосомъ.—Слышишь: шанго, шибко шанго!.. Эй, кто тамъ! выдать ему цѣлковый на водку...

Китаецъ кивалъ головой, улыбался и бормоталъ...

Мы шли назадъ. Я ни о чемъ не думалъ, и въ моихъ глазахъ все еще стояли эти прыгающія впередъ туловища безъ головы... Крыловъ шелъ и поминутно плевался.

— Фу-ты, пакость какая,—сказалъ онъ, немного успокоившись.—Теперь недѣлю жрать не будешь...

За нами послышался топотъ лошадиныхъ копытъ. Я оглянулся: то ѣхали генералъ и американецъ.

— А, докторъ!—крикнулъ генералъ, глядя на меня сіяющими радушіемъ глазами.—Здравія желаю... Докторъ Краснаго Креста,—показалъ онъ на меня рукой американцу.

Тотъ любезно улыбнулся. Я поклонился. Генералъ проѣхалъ нѣсколько шаговъ рядомъ со мной. Видимо, его такъ и распирало отъ радушія и желанія сказать любезность:

— Ну, что, докторъ?—спросилъ онъ.—Каковъ ударъ! а?

Я вздрогнулъ... Отвѣта у меня не нашлось.

— Фу, какой нервный!—закричалъ генералъ.—Какой же вы послѣ этого хирургъ? Вы—баба, а не хирургъ!

Недавно я прочелъ въ газетахъ, что „генералу NN поручено водворить спокойствіе“ въ двухъ большихъ округахъ...

Надъ кѣмъ повисъ этотъ неотвратимый, неизбѣжный приговоръ судьбы съ жестоко-добродушными фарфоровыми глазами?..

Григорій Бѣлорѣцкій.

---

* * *

Вашъ я буду пѣвецъ, изможденныя руки;
Къ вамъ приду я на страстный вашъ зовъ;
Съ вами выпью страданье, чтобъ новые звуки,
Пламенѣя отъ жгучести выпитой муки,
Пѣли ненависть къ звону оковъ.

Вашъ я буду пѣвецъ, крикомъ вашего горя
Я всѣ пѣсни мои напою.
И живому прибою возставшаго моря
Съ беззавѣтной и страстною вѣрою вторя,
Буду пѣть я отвагу въ бою.

Вашъ я буду пѣвецъ... Вспыхнетъ солнце сквозь тучи,
Засіяютъ безстрастно знамена въ рукахъ,
Рухнутъ рабства оковы, твердыни и кручи...
И свободному брату рой свѣтлыхъ созвучій
Я тогда пропою о свободныхъ сердцахъ.

Билитъ.

Шила въ мѣшкѣ не утаишь *).

(Изъ частнаго письма **).

Г. Тъстотдинскъ.

...Не ждите, чтобы я писалъ вамъ что-нибудь о „молодежи", о ея цѣляхъ, планахъ, дѣлахъ... Ни дѣлъ, ни плановъ, ни цѣлей—нѣтъ, потому что нѣтъ молодежи: она вся сидитъ по тюрьмамъ, по острогамъ. Можно съ увѣренностью сказать, что все, мало-мальски желающее „новыхъ" порядковъ, удалено со сцены дѣйствія, на которой поэтому совершенно свободно дѣйствуетъ „обыватель", обыватель покупающій, продающій, дармоѣдствующій и почитающій свое начальство. Дѣйствительно, обывателю просторъ, раздолье, и можно бы положительно было потерять голову, если бы,—по счастливой русской пословицѣ *„шила въ мѣшкѣ не утаишь"*—то „новое", которое казалось совершенно удаленнымъ со сцены въ лицѣ русской молодежи,—не прорывалось тамъ и сямъ, какъ шило изъ мѣшка, въ самыхъ, повидимому, не подходящихъ для этого „новаго" людяхъ и дѣлахъ...

Вотъ объ этихъ-то проявленіяхъ „новаго" или шила, высовывающагося изъ корявaго, сквернаго и дурно пахнущаго провинціальнаго мѣшка,—я и намѣренъ писать вамъ возможно чаще. По моему, эти проявленія должны непремѣнно радовать всѣхъ васъ, скитающихся за границей съ постоянной мыслью о Россіи и съ постоянно сознаваемой невозможностью быть въ ней и трудиться для нея. Неужели, въ самомъ

---

*) Настоящее письмо Гл. Ив. Успенскаго напечатано было 30 лѣтъ тому назадъ, безъ имени автора, въ фельетонѣ журнала „Впередъ", издававшагося за границей П. Л. Лавровымъ (въ № 95 отъ 15 января 1876 г.). Такъ какъ большинству читающей публики письмо это совершенно не извѣстно, то—съ разрѣшенія семьи покойнаго—мы перепечатываемъ его въ нашемъ журналѣ. *Ред.*

**) Нѣкоторыя обстоятельства принудили меня замѣнить какъ названіе города, такъ и имена упомянутыхъ въ статьѣ лицъ вымышленными именами. *Авт.*

дѣлѣ, васъ не порадуетъ хотя слѣдующій фактъ изъ нашей тѣстоѣдинской... ну, ужъ такъ и быть!... жизни. Этотъ фактъ— изъ поповскихъ дѣлъ, и все письмо посвящено имъ.

Вы знаете, конечно, что такое проповѣдь, слово, рѣчь, которыя обыкновенно выгоняли слушателей изъ церкви, по причинѣ своей догматической суши, и были вообще сигналомъ къ „шапочному разбору“ и къ рюмочкѣ „послѣ обѣдни“. Обыкновенно ораторъ—архіерей ли, простой ли попъ—бралъ какой-нибудь текстъ изъ Св. Писанія, напр.: „И шедъ,—удавися“ и, виляя часа полтора лисьимъ хвостомъ риторики, кое-какъ приплетался къ царской фамиліи или къ благодѣтелю храма сего. Словомъ, это вообще была риторическая чепуха... Судите же, до какой степени я долженъ былъ изумиться, когда на той самой каѳедрѣ, гдѣ сотни лѣтъ кряду іереями и архіереями плелась эта чепуха,—раздаются, и при томъ съ явнымъ неподдѣльнымъ гнѣвомъ, такія слова, какъ „коммунизмъ“, „уничтоженіе существующаго порядка“, „реализмъ“, „вредный матеріализмъ“... Шило вылѣзло—вонъ гдѣ! изъ-подъ поповской рясы, при всемъ честномъ народѣ!—это ли не ново и не пріятно? За послѣднее время въ Тѣстоѣдинскѣ было произнесено штукъ пять—шесть проповѣдей, въ промежуткѣ нѣсколькихъ дней. Говорилъ и архіерей, и простые попы, говорили тоже по случаю праздниковъ и царскихъ дней, начиная также съ текста: „и шедъ,—удавися“, путаясь въ небѣ и въ грязи... точно въ длинныхъ полахъ своей рясы, когда пьяныя ноги не дѣйствуютъ—и вездѣ, во всей этой чепухѣ, изъ кучи, сложенной изъ текстовъ, доброхотныхъ дателей, царей, царицъ, ихъ супруговъ и супругъ и т. д.,—вылѣзало шило острое и колючее, вылѣзало то грозное будущее, котораго не утаишь.

Это фактъ радостный!

Рты тѣстоѣдинскихъ ораторовъ раскрылись съ легкой руки высокопреосвященнаго Варсонофія... 7-го октября было открытіе реальнаго училища. Его высокопреосвященство сказалъ слово *).

„...Привѣтствую васъ, гг. граждане г. Тѣстоѣдинска, съ открытіемъ новаго источника просвѣщенія, желаннаго вами, въ которомъ дѣти ваши могутъ получить образованіе, доступное для всѣхъ, по ихъ силамъ. Васъ же, гг. начальники

*) Эта и нижеслѣдующія рѣчи и слова приведены съ буквальной точностью. *Авт.*

и наставники училища сего, привѣтствую съ новымъ поприщемъ для вашей просвѣтительной дѣятельности...“

Тутъ бы, кажется, прямой переходъ къ начальству, которое споспѣшествовало... Такъ бы именно и поступилъ старинный риторъ-ораторъ, но тутъ нѣтъ! Его высокопреосвященство морщится и пятится въ оглобляхъ благодаренія и радованія.

„... Правда,—кисловато говоритъ онъ,—просвѣщеніе предполагается здѣсь реальное, значитъ (?) вещественное, житейское, пригодное только для жизни настоящей, временной, которое посему апостолъ Павелъ называетъ *„тѣлеснымъ и полезнымъ въ малѣ“*, т. е. на малое время жизни земной, мимолетной...“

Его высокопреосвященство не любитъ „тѣлеснаго просвѣщенія“ и особенно чего-нибудь „реальнаго, мимолетнаго“... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ гулялъ онъ по саду у себя и вдругъ наткнулся на какого-то семинариста, надъ которымъ владыка передъ этимъ попробовалъ показать всю ширину ввѣреннаго ему Богомъ и царемъ деспотизма,—и этотъ-то семинаристъ, встрѣтивъ его въ саду, поистинѣ „мимолетно“, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ „реально“, т. е. „вещественно“ и „тѣлесно“ ударилъ его по щекѣ...

И вотъ, вмѣсто того, чтобы попривѣтствовать гражданъ и начальниковъ, расточиться по древу въ восхваленіяхъ царя, владыка начинаетъ плести какую-то ахинею о реальномъ, уничтожать его, рыться въ текстахъ, чтобы раздобыть словечко „вмалѣ“ и, сохраняя видимый обликъ кротости, елико возможно ухищряться, чтобы подавить это реальное, это „вмалѣ“.

„... Но добрые христіане, всегда помнящіе Бога, всѣ дѣла свои совершаютъ не иначе, какъ съ мыслію о Богѣ, творцѣ *вещества* (подбирается!) и всего сущаго (подобрался!)...“

Тутъ владыка, очевидно, сцѣпилъ послѣ разныхъ маневровъ вещество съ Богомъ,—и, какъ локомотивъ, задулъ по текстамъ, какъ по шпаламъ, уничтожая самую сущую правду... Мы за нимъ не послѣдуемъ. Задача владыки была въ томъ, чтобы опрокинуть на вещество что-нибудь такое, что бы его раздавило... Что такое онъ опрокинулъ, намъ не интересно: интересно, что ему надо было толковать о реальномъ, объ этомъ „вмалѣ“, тогда какъ пять лѣтъ тому назадъ онъ бы бормоталъ только о Богѣ, губернаторѣ, да купцѣ Кривокубышкинѣ...

Но едва владыка укатилъ благополучно по текстамъ отъ „тѣлеснаго просвѣщенія“, какъ выступилъ простой тѣстоѣдгенскій попъ, священникъ І. Хлѣбонасущенскій, и произнесъ длинное слово. Это слово, во-первыхъ, длинно; во-вто-

рыхъ—самое поповское слово, именно такое, гдѣ надо и о Богѣ, и о купцѣ, и о губернаторѣ, и о предсѣдателѣ земской управы, и такъ, чтобы все это слилось съ царскимъ днемъ, или съ рожденіемъ у Владиміра Александровича сына,—словомъ, самая обыкновенная, растопыренная ахинея, за которую городской голова даритъ обыкновенно гуся или поросенка...

Но вдругъ, въ этакой-то пошлости, этакій-то пошлый языкъ не можетъ, чтобы не затянуть совсѣмъ не подходящую къ этому радостному вранью рѣчь. Воздавъ и царю, и земству, и въ особенности купцу Кривокубышкину (идіотъ!), ораторъ обращается къ юношамъ, готовящимся поступить въ училище, съ предостереженіемъ, чтобы они не очень думали о выгодахъ реальныхъ знаній, что мысль о выгодѣ такихъ знаній вредитъ душѣ. И вдругъ произноситъ:

„Ваше занятіе реальными науками откроетъ вамъ на дѣлѣ, что *велика вещь человѣкъ* (вотъ-те „вмалѣ“!), что онъ—властелинъ земли, можетъ господствовать надъ вещественною природою, пользоваться ея силами по желанію...“

Ошарашивъ такимъ образомъ владыку вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ, бѣдный попъ начинаетъ тоже вилять хвостомъ и, по примѣру владыки, торопится поскорѣй отобрать отъ реальнаго знанія все, что такъ неожиданно сорвалось съ языка, начинаетъ молоть о томъ, что власть человѣка надъ природой есть „отображеніе“ премудрости Творца, и, прицѣпившись къ поѣзду съ текстами,—кое какъ по ухабамъ уплетаетъ ноги...

Что же заставляетъ этихъ поповъ и архіереевъ, этихъ покойныхъ, никѣмъ и ничѣмъ еще такъ недавно не смущаемыхъ служителей алтарей и доброхотныхъ дателей изъ купечества, вплетать въ свои заученныя, задолбленныя пустыя фразы новыя понятія, новыя слова и мысли?

Шила въ мѣшкѣ не утаишь! Оно лѣзетъ прямо къ самой бородѣ высокопреосвященнаго!..

Но это еще только цвѣточки, ягодки будутъ впереди, и одну изъ такихъ ягодъ съ удовольствіемъ предлагаю странствующему соотечественнику.

30 августа, въ день царскихъ именинъ, священникъ Д. Богобоязненскій произнесъ слово въ кафедральномъ соборѣ: слово это—перлъ!.. Въ день царскихъ именинъ толковать о коммунистахъ, о ниспровергающихъ порядокъ людяхъ,—да когда-жъ это бывало, православные!

«*Кійждо въ званіи, въ немъ же призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ* (*Кор. 7,20*).

„Нынѣ, христоименитые *) слушатели, память св. благо-

*) Батюшка! Надо говоритъ „Во Христѣ именитые“, а не христоиме-

вѣрнаго князя Александра Невскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ тезоименитство"...

Идетъ длинная вѣрноподданная, поддѣланная подъ благоговѣніе чепуха.

„Но при моленіи своемъ о царѣ нашемъ мы должны помнить, что здравіе и благоденствіе его много зависитъ отъ поведенія подданныхъ его. Извѣстно, что здоровье и благополучіе всякаго человѣка находится въ большой зависимости отъ спокойнаго и веселаго состоянія его сердца".

Такъ вотъ, чтобы царю быть веселымъ, надобно, чтобы всѣ подданные исполняли хорошо свои обязанности и старались „о ревностномъ прохожденіи званія своего, такъ какъ каждое званіе отъ Бога".

„... Объ иномъ человѣкѣ говорятъ: „онъ и родился для этой должности". Что это значитъ? То, что Богъ, которому извѣстны его тѣлесныя силы и душевныя способности и расположенія (не отвѣчаемъ за смыслъ), поставилъ его на мѣстѣ, вполнѣ соотвѣтствующемъ его способностямъ и силамъ" (напр., въ помощники исправника, въ шпіоны III отдѣленія и т. д.).

Но вотъ явились какія-то новыя должности, *„прохожденіе* которыми своего званія" ничего не представляетъ пріятнаго...

„Не тайна для насъ, братіе, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего отечества скрываются такія лица, которыя не хотятъ исполнять заповѣди апостола, т. е. пребывать въ томъ званіи (и т. д.). Таковые, будучи недовольны, какъ лично своимъ настоящимъ званіемъ и состояніемъ, такъ и вообще существующимъ въ нашемъ отечествѣ положеніемъ о различныхъ состояніяхъ и званіяхъ, стараются въ мечтахъ своихъ о равенствѣ всѣхъ людей, состояній и званій, распространить, особенно между простымъ народомъ и юношествомъ, клонящееся къ ниспроверженію всего государственнаго строя, такъ называемое ученіе коммунистическое, внушающее общеніе имуществъ въ государствѣ,—то есть, чтобы никто ничего не признавалъ своимъ, но все у всѣхъ было общее, и чтобы плоды общихъ трудовъ были дѣлимы между всѣми поровну..."

(„Что-жъ? — подумалъ мужичокъ въ уголкѣ. — Ничего! дѣло правильное! Ничего, можно!..").

Очертивъ довольно ярко такую небывалую должность, „чтобы всѣмъ поровну", батюшка начинаетъ опровергать...

„Но такое общеніе имуществъ, такое равенство состояній не согласно ни съ здравымъ разумомъ, ни съ ученіемъ слова

нитые. Если можно говорить „христоименитые", то можно говорить и боголисьи шубы съ христобобровыми воротниками! Это даже правильнѣе, ибо слушатели, дѣйствительно, лисьи шубы. *Авт.*

Божія. Слово Божіе нигдѣ не учитъ равенству (смотри, попъ!)... Возможно ли равенство состояній, сообразно ли съ закономъ правды равномѣрное между всѣми распредѣленіе „плодовъ труда“, имущества, когда не всѣ могутъ или хотятъ трудиться, когда одинъ трудолюбивъ, а другой лѣнивъ, одинъ благоразуменъ и искусенъ, а другой не дальновиденъ и маловѣдущъ... одинъ бережливъ, а другой расточителенъ?“.

(„Именно вѣрно! — говоритъ про себя старичокъ. — Всю-то жизнь господа ничего не дѣлали наши, а все мы хребты гнули... За что-жъ имъ-то? Именно, что не возможно этого... Поровну! Да имъ копѣйки не стоитъ дать, а не то что!“)

„Тогда (т. е. при общеніи имуществъ) — продолжаетъ батюшка, выдвигая самый сильный для боголисьихъ шубъ доводъ противъ новой должности,—тогда богатые невинно бы лишились законной собственности, *а бѣдные сдѣлались бы богатыми!*“...

Ну, когда кто-нибудь изъ васъ добьется счастья говорить публично, при толпѣ народу въ храмѣ, что при коммунизмѣ *бѣдные сдѣлаются богатыми!* Да вы давно бы ужъ мчались на тройкѣ въ столь отдаленныя губерніи, что и сказать нельзя. А простодушный попъ, которому шило впилось въ рыхлое бѣлое тѣло,—публично и безнаказанно проповѣдуетъ это.

(„Ужъ вотъ такъ хорошо!—говоритъ старичокъ въ углу.— Ахъ, какъ чудесно... Ну, такъ ужъ, та-акъ! Ат-лично“!)

Попъ, очевидно, шибко накололся на эту штуку, ибо тотчасъ же торопится вывернуться и поправиться.

„Напрасно,—продолжаетъ онъ,—коммунисты ищутъ оправданія ученію своему въ примѣрѣ первыхъ христіанъ іерусалимскихъ, у которыхъ *никто*, по свидѣтельству книги дѣяній апостольскихъ, *ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее* (Дѣянія 4,32)“.

Какова смѣлость—идти противъ такого факта, противъ такихъ дѣяній, да еще чьихъ же—апостоловъ Христовыхъ! Что ни шагъ, то рожонъ! Но попу надо и апостоловъ, которые оказываются очень похожими на нашихъ людей, „недовольныхъ своимъ званіемъ и вообще существующимъ порядкомъ“,—и ихъ отстранить съ дороги, чтобы дать дорогу купцамъ, и онъ, плюгавый попъ, бормочетъ слѣдующее:

„Это общеніе имуществъ, какъ вызванное особымъ положеніемъ церкви іерусалимской, продолжалось не долго: ибо въ самыя времена апостольскія упоминается уже о собираніи милостыни въ пользу бѣдныхъ христіанъ іерусалимскихъ“...

Но тутъ шило впивается ему прямо въ бороду:

„... *Чего* (т. е. милостыни) *было бы не нужно, если бы продолжалось это общеніе имуществъ!*“

(„И въ поминѣ бы не было!..—говоритъ старичокъ.—Ахъ, какъ справедливо!“).

Довольно покуда. Объ ораторскомъ искусствѣ нашихъ поповъ не будетъ больше, такъ какъ то, что уже сказано, на мой взглядъ, хорошо! Дѣлайте ваше дѣло, не отчаивайтесь! Видите, противъ васъ борются публично, всенародно; борется казенная церковь, а какъ борется—вы видите. Великая бѣда ея, что ей приходится, въ борьбѣ съ вами, имѣть дѣло съ Христомъ и съ апостолами... И Тотъ, и другіе вовсе на бѣду не похожи на городовыхъ, мнѣнія которыхъ о человѣческомъ обществѣ были бы для нихъ самыми подходящими.

Гл. Успенскій.

Изъ „Шлиссельбургскихъ мотивовъ“.

I.

* * *

(Передъ клочкомъ звѣзднаго неба, видимымъ изъ окна каземата).

Въ стройномъ движеньи
Вѣчныхъ свѣтилъ міровыхъ
Нѣтъ треволненья
Бурь и страданій земныхъ!

Только народы
Тщетно, въ слезахъ и въ крови,
Ищутъ свободы,
Правды, добра и любви...

II.

(Людмилѣ Александровнѣ Волькенштейнъ).

Полна участья и привѣта,
Среди безмолвія и тьмы,

Она сошла, какъ ангелъ свѣта,
Подъ своды мрачные тюрьмы.

Была чарующая сила
Въ душѣ прекрасной и живой.
И жизнь она намъ обновила
Своей сердечной чистотой.

Въ глухой тюрьмѣ она страдала,
Среди насилія и зла...
Потомъ ушла—и не узнала,
Какъ много свѣта унесла!
Есть въ мірѣ души—ихъ узнаешь
Лишь въ дни гоненій и утратъ,—
Но міръ за нихъ благословляешь
И жизнь за нихъ отдать бы радъ!

Н. А. Морозовъ.

---

* * *

Надъ шапками сѣдыми
Привольныхъ синихъ горъ,
Гдѣ небо голубое
Раскинуло шатеръ,
Гдѣ тучи золотыя,
Далеко отъ земли,
Безъ грусти, безъ заботы
Играючи плыли, —
Неслись стада свободныхъ
Могучихъ лебедей
Искать завѣтной доли —
У солнца ясныхъ дней!
На бѣлыхъ крыльяхъ мощно
Они на югъ неслись —
И я смотрѣлъ за ними
Въ синѣющую высь...
Какъ вспугнутое стадо
Разбитыхъ лебедей,

Безрадостныя думы
  Вились въ душѣ моей.
Онѣ не знали счастья...
  Не видѣть имъ весны
Далекой, лучезарной,
  Свободной стороны!
Закованныя въ цѣпи
  Желѣзною судьбой,
Онѣ раздавятъ сердце
  Безплодною борьбой,
И не искать имъ доли —
  У солнца ясныхъ дней,—
Какъ тѣмъ стадамъ свободныхъ,
  Могучихъ лебедей!

Ѳ. Н. Вербицкій.

МОСКАЛЕВЫ.

I.

Въ соборѣ, раздѣлившемъ Александровскій проспектъ на двѣ половины,—аристократическую и купеческую,—въ первое мартовское воскресенье настоятель отецъ Николай Фундаментскій, желчный и порывистый человѣкъ, возбужденно приглашалъ прихожанъ уважать установленные самимъ Богомъ законы и призывалъ громъ небесный на непокорныхъ... Онъ обрисовалъ трудное положеніе государства, не окончившаго еще войны съ коварнымъ и сильнымъ врагомъ и въ то же время, какъ гангреной, охваченнаго внутренней междоусобицей, показавшей свое ядовитое клеветническое жало даже здѣсь, въ мирномъ и патріархальномъ городѣ, искони вѣковъ преданномъ царскому дому и православной вѣрѣ. Настоятелю нравилось то, что онъ говорилъ, и, подчеркивая наиболѣе сильныя мѣста своей проповѣди, онъ дѣлалъ свирѣпое лицо, билъ себя въ грудь и сердито развѣвалъ просторную шелковую рясу... Минутами онъ вдохновлялся до такой степени, что казалось, будто рѣчь его полна сухого трескучаго огня, яростно сжигавшаго всѣ ложныя обольщенія, которыми смута старалась прельстить слабое человѣческое сердце.

Веселый новый соборъ, съ высокими стрѣльчатыми окнами, массой воздуха и свѣта, удивленно слушалъ эту проповѣдь... Тихо и лѣниво колыхался синій дымъ ладона, поднявшійся надъ головами многочисленной публики красивой туманной завѣсой... Широкими косыми полосами застыли лучи солнца... Оживленно пестрѣли свѣтлыя платья молоденькихъ барышенъ... Искрились глаза, горѣли щеки... Недавно выстроенный соборъ ни разу еще не слыхалъ грубыхъ, жесткихъ словъ, и было похоже на то, что онъ не зналъ, какъ къ нимъ относиться: принимать ли ихъ серьезно, или прослушать и забыть, какъ онъ забывалъ жизнерадостные возгласы дья-

кона, веселое чтеніе апостола и частыя перебранки между регентомъ и басами.

Старухи въ убогихъ заплатанныхъ пальтишкахъ и ветхіе, точно обросшіе мохомъ, старики внимательно слушали горячія обличенія, упиваясь каждымъ непонятнымъ словомъ и поражаясь злобнымъ духомъ проповѣди, какъ грознымъ суровымъ откровеніемъ. Они шевелили безцвѣтными сморщенными губами и принимали печальный покаянный видъ, будто отецъ Николай громилъ ихъ, и они признавались во всѣхъ обвиненіяхъ. Бабы были покорны, какъ всегда, тайнѣ совершавшейся въ свѣтлой и чистенькой, какъ новая клѣтка, церкви, радостной, когда раздавалось звонкое пѣніе дѣтскихъ голосовъ, и сконфуженной и обиженной во время мрачнаго великопостнаго богослуженія, сохранившаго въ себѣ ужасъ далекихъ вѣковъ, полныхъ отчаянной слѣпой вѣры и унылыхъ растерянныхъ молитвъ. Мужики въ поддевкахъ, прифрантившіеся для праздника, приказчики и купцы въ толстыхъ пальто слѣдили за отцомъ Николаемъ недоумѣлыми, но послушными глазами, и только нѣкоторые жались виновато и неловко, переминались съ ноги на ногу и точно старались не думать о томъ, что происходитъ.

Церковный староста Петръ Сидоровичъ Москалевъ, бодрый и веселый старикъ съ мягкимъ розовымъ цвѣтомъ лица, стоялъ въ принужденной позѣ, поглаживалъ густые серебряные бакенбарды и бродилъ скучающимъ взглядомъ по публикѣ, переполнившей соборъ, какъ въ очень большіе праздники. Онъ отыскивалъ своихъ знакомыхъ, ихъ дѣтей, мысленно говорилъ себѣ, у кого изъ нихъ дѣла идутъ хорошо, у кого худо и по какимъ причинамъ... Недалеко отъ него въ притворѣ пестрой кучкой жалась компанія гимназистовъ и гимназистокъ старшихъ классовъ, пришедшихъ послушать своего законоучителя... Этимъ, очевидно, было и уютно, и весело, потому что они громко переговаривались между собою, указывали смѣющимися глазами на каждый смѣшной жестъ Фундаментскаго и не обращали никакого вниманія на протесты окружающихъ... До Петра Сидоровича нѣсколько разъ долетали шуточныя замѣчанія и взрывы сдержаннаго смѣха, которымъ молодежь встрѣчала самыя патетическія восклицанія отца Николая... Особенно старался толстый усатый гимназистъ въ синихъ очкахъ, предлагавшій потягать попа на урокѣ за козлиную бороденку и, въ назиданіе, дабы впредь не болталъ глупостей, заставить прослушать за одинъ присѣстъ всѣ номера „Московскихъ Вѣдомостей"... Разглядывая лицо этого гимназиста, Москалевъ вспомнилъ, что онъ гдѣ-то его видѣлъ, и ему говорили, будто онъ племянникъ директора гимназіи, потомъ

грустно подумалъ о собственномъ сынѣ-студентѣ Яковѣ, котораго всѣ считаютъ соціалистомъ и безбожникомъ, и невольно вздохнулъ. Его сосѣдъ, купецъ Братинъ, поймалъ этотъ вздохъ, насмѣшливо посмотрѣлъ на Петра Сидоровича и нарочно, чтобы тотъ замѣтилъ, подозвалъ сторожа Филиппа и приказалъ ему идти къ гимназистамъ сказать, чтобы они перестали шумѣть или убирались вонъ, потому что церковь—не базаръ. И когда плюгавый маленькій Филиппъ въ длиннополомъ казакинѣ нырялъ въ толпѣ, Братинъ слѣдилъ за нимъ тяжелымъ угрюмымъ взглядомъ, точно опасаясь, чтобы робкій и стѣснительный Филиппъ какъ-нибудь не увильнулъ отъ сдѣланнаго ему порученія.

Веселое солнце играло на паперти собора, и широкая каменная лѣстница съ круглыми, выкрашенными въ бѣлую краску колоннами застыла въ утреннемъ покоѣ, точно ей безразлично было, что дѣлается за огромной чугунной дверью, охранявшей соборъ отъ уличнаго шума. На этой двери, вмѣсто украшеній, до самаго верху были насажены маленькія дѣтскія головки съ крылышками, придѣланными, вѣроятно, для того, чтобы придать этимъ головкамъ подобіе херувимовъ, но на самомъ дѣлѣ придававшими имъ какое-то нелѣпое сходство съ сытыми толстыми мухами. Рядомъ, въ саду, стояли старыя деревья, грѣвшія непокрытыя листвой вершины въ прозрачныхъ, слегка затуманенныхъ лучахъ и довѣрчиво смотрѣвшія въ тихое и кроткое небо. На покатыхъ дорожкахъ таялъ посыпанный крупнымъ желтымъ пескомъ снѣгъ... Возбужденно и радостно чирикали воробьи, сегодня, точно въ первый разъ, узнавшіе, что весна непремѣнно будетъ, и спѣшившіе передавать эту пріятную новость другъ другу. На площади ожидали конца обѣдни нищіе, казавшіеся такимъ же необходимымъ дополненіемъ къ идиллическому настроенію картины, какъ и неуклюжіе глупые херувимчики... Босоногій юродивый Николка ковырялъ ногой въ кучкѣ побурѣвшаго снѣга и улыбался небу, веснѣ и своей дурости... Неряшливая и больная нехорошей болѣзнью, Марья злобно ругала какого-то Андрея, пообѣщавшагося намять ей бока, но всѣ были заняты своими думами, и ея никто не слушалъ... Отъ этого обида росла въ ней все сильнѣе, и хриплыя бранныя слова, грязнившія звонкій весенній воздухъ, вырывались отчаянно и больно и хотѣли уже жалить не одного этого Андрея, а и всѣхъ другихъ, кто отказывалъ Марьѣ въ участіи и утѣшеніи и не сказалъ, въ отвѣтъ на ея жалобы, какого-нибудь сочувственнаго слова.

По окончаніи обѣдни шумно и бойко затрезвонили уставшіе молчать колокола. Они, должно быть, обрадовались, что

скучныя обязанности исполнены, и теперь можно вести себя, какъ хочется, потому что въ перезвонѣ ихъ было что-то задорное, дѣтское и свѣжее... Одинъ изъ нихъ, выдѣлявшійся густымъ басомъ, началъ важно увѣрять, что онъ всѣхъ солиднѣе и больше. Другимъ эта хвастливость показалась забавной, они ухватились за нее и торопливо и весело засмѣялись, безпрестанно повторяя, что не вѣрятъ еще и, какъ бы онъ ни гудѣлъ, все равно вѣрить не будутъ.

Нищіе, какъ по командѣ, выстроились въ два ряда, и лица ихъ приняли терпѣливыя и жалкія выраженія.. Марья замолчала, а Николка улыбался по прежнему и, замѣтивъ въ выходящей изъ собора толпѣ знакомыхъ, покровителей, строилъ имъ потѣшныя привѣтственныя гримасы... Милостыня раздавалась на этотъ разъ необычно-щедро, что слѣдовало приписать вліянію проповѣди отца Фундаментскаго... Только на долю Марьи почти ничего не выпадало, и она стояла сѣрая и грустная, не дѣлая никакихъ попытокъ обратить на себя вниманіе.

Вышли приказчики Братина, всѣ, какъ на подборъ, рослые и здоровые, одѣтые въ синіе суконные зипуны и новыя съ ярко блестѣвшими козырьками фуражки... Одинъ изъ нихъ, съ русыми кудрями, подстриженными въ кружокъ, самый высокій и здоровый, выдѣлявшійся грубой и сильной красотой, показывая крупные бѣлые зубы и молодцевато откидывая плечи, громко, чтобы слышали гимназисты, говорилъ:

— Покажу я себя когда-нибудь этимъ политикамъ, безпремѣнно покажу. Головы, какъ капуста, подъ кулаками захрустятъ... Ей-Богу! Потому—что̀ они въ нашемъ отечествѣ дурака ломають... Кто ихъ просилъ, слѣдовательно? Пусть въ свои заграницы ѣдутъ, если въ Россіи не ндравится.

Въ голосѣ его звучало какое-то злобное сладострастіе, и тѣмъ же сладострастіемъ свѣтились сытые животные глаза.

Мимо проходили два мужика: одинъ сосредоточенный, угрюмый, другой высокій, черный, производившій впечатлѣніе громадной и громоздкой машины, которую опасно пускать въ ходъ... Они прислушались къ словамъ молодого приказчика, и черный, обращаясь къ нему, сочувственно сказалъ:

— Позволили бы только... Страху на нихъ нагнать можно сколько угодно. Народъ хлибкій... Вотъ, ребята, что... рыбники тоже согласны... Вчера промежъ нихъ разговоръ былъ... Со всѣхъ садковъ придутъ.

Братинскій молодецъ самодовольно улыбнулся.

— Да мы и одни накостыляемъ. Приходи, дядя, посмо-

трѣть... Ни одного студента въ живыхъ не будетъ... Мясо, братъ, рубить умѣемъ за первый сортъ. Слава Тебѣ, Господи, съ измалѣтства у этихъ дѣлъ.

Въ церкви постепенно водворялась тишина, и теперь она глядѣла просто и уютно... Безъ всякой важности смотрѣли со стѣнъ образа, и ветхіе угодники, нарисованные на нихъ, казались старенькими и очень добрыми... Краски на большинствѣ иконъ были еще такъ свѣжи, что ихъ жирная ярость невольно вызывала представленіе о густой и зеленой травѣ въ озаренномъ солнцемъ тучномъ полѣ.

Братинъ подошелъ къ Петру Сидоровичу и, поздравивъ его съ праздникомъ, заговорилъ о проповѣди отца Николая.

— Рѣшительный человѣкъ, съ характеромъ... Не пойдетъ, куда вѣтеръ дуетъ. На своемъ поставитъ... Говорятъ: лучшій пастырь во всей епархіи. Слушалъ все время и поражался: откуда у него слова такія... И скажетъ вѣдь не просто, не такъ, какъ мы съ вами, а величественно. У меня въ головѣ все осталось. Сейчасъ повторить могу, какъ онъ началъ: „Настало время, когда требуются Сусанины, Діонисіи и Гермогены. Надо кликнуть кличъ по всей землѣ русской... Государя держатъ въ обманѣ... Врагъ пробирается всюду, какъ тать". Епископу лучше не сумѣть...

Петръ Сидоровичъ опять подумалъ про своего старшаго сына, и ему вообразилось, что Братинъ говоритъ все это потому, что не любитъ Якова. Онъ хотѣлъ разъяснить, что Яковъ вовсе не такой дурной и испорченный человѣкъ, что въ гимназіи онъ прекрасно учился, а юныя увлеченія бываютъ у всѣхъ... вотъ даже у племянника директора гимназіи; но, пока онъ такъ думалъ, Братинъ успѣлъ подозвать отца Фундаментскаго, и они, всѣ трое, направились къ выходу.

— Отъ дѣтей родныхъ отказался бы...—сверкая глазами, говорилъ Братинъ.—Страхъ не люблю я этого озорства. Хуже, чѣмъ ножемъ рѣжетъ, если слышу про такія дѣла...

Фундаментскій шелъ быстро и въ тонъ Братину наклонялъ голову, точно повторялъ: „такъ... такъ". Потомъ замѣтилъ:

— Будемъ всѣ держаться одного стада и одного пастыря... Тогда волки не страшны.

— Истинно, что волки...—злобно согласился Братинъ.

Москалевъ едва поспѣвалъ за своими спутниками... Тоскливое настроеніе смѣшивалось у него съ темнымъ чувствомъ, что оба—и Братинъ, и Фундаментскій—относятся къ нему враждебно и считаютъ его чужимъ, а можетъ быть, даже опаснымъ человѣкомъ... Разубѣждать ихъ въ этомъ

Петръ Сидоровичъ не считалъ себя въ правѣ, да и былъ увѣренъ, что всѣ его слова будутъ истолкованы по другому, въ обратную сторону... Такіе люди понимаютъ только себя. И почему-то еще тоскливѣе становилось оттого, что небо яснѣло по весеннему радостно и довѣрчиво, что возбужденно шумѣла улица и кругомъ разливалась мягкая и бодрящая теплота.

— Молодежь,—убого и нерѣшительно произнесъ онъ:— Тоже, какъ судить ее... У насъ одни интересы, у нихъ другіе... И тамъ, и здѣсь много хорошаго есть... Къ Якову товарищи ходятъ, такъ я наблюдалъ.

Братинъ усмѣхнулся и посмотрѣлъ на отца Николая... Тотъ зашагалъ еще быстрѣе... Петру Сидоровичу стало совсѣмъ не по себѣ, и онъ, сославшись на ожидающій дома пирогъ, нанялъ извозчика.

— Правда-то глаза колетъ,—ясно донеслось до него.

Должно быть, это было сказано Братинымъ на его счетъ.

Расходились послѣдніе богомольцы... Старухи мѣнялись впечатлѣніями по поводу проповѣди и соглашались со всякими выводами, какіе-бы кто ни предлагалъ... Одна изъ нихъ, мать москалевскаго дворника Настастья Рубашкина, женщина очень религіозная, ежегодно ѣздившая на поклоненіе разнымъ мощамъ, шла въ сторонѣ отъ товарокъ и имѣла видъ суровой пророчицы. Съ ней происходило что-то странное, и замѣтно было, какъ въ ея высохшемъ сжавшемся въ комокъ тѣлѣ, трепетала порывистая и судорожная злоба, которую она бережно несла къ себѣ въ домъ, съ сознаніемъ нообходимости сохранить ее для важнаго и неизбѣжнаго дня, когда исполнятся предсказанія отца Николая—и всѣмъ придется встать на защиту вѣры и престола. Глаза ея горѣли рѣзкимъ воспаленнымъ огнемъ, и безцвѣтныя губы съ наслажденіемъ повторяли про себя слова проповѣди, что нѣтъ тому спасенія, кто соблазнитъ неразумнаго... И когда она говорила: „нѣтъ прощенія“,—порывъ огненнаго вдохновенія охватывалъ ее всю, точно у нея выростали стремительныя крылья, и она, не дыша, летѣла въ черное пространство, и была уже въ чужой власти—страшная и сильная этой властью и мрачнымъ неудержимымъ порывомъ.

По дорогѣ она встрѣтила больничнаго доктора Лившица, вылѣчившаго ея сына отъ брюшного тифа. На минуту она остановилась, сдѣлала что-то въ родѣ поклона, но когда докторъ улыбнулся, разомъ сообразила, что онъ—еврей и потому врагъ Христа, загорѣлась ненавистью и, что было силъ, надорванно крикнула:

— Проклятый дохтуръ!..

На улицѣ, кромѣ нихъ, никого не было... Настасья, въ жгучемъ ожиданіи чего-то особеннаго, слѣдила, что сдѣлаетъ Лившицъ, и приготовилась отвѣчать ему упреками и бранью. Но докторъ перешелъ улицу и поспѣшно, не взглянувъ на нее, свернулъ въ ближайшій переулокъ.

Настасья дала себѣ немного отойти и опять пошла тихимъ, степеннымъ шагомъ, покорная чему-то наложенному на нее свыше—наложенному оттуда, откуда она давно уже ждала указаній на предназначенный ей крестъ и послѣднее самое главное испытаніе, приготовленное ей Богомъ за ея вѣру и вѣчное хожденіе по церквамъ и монастырямъ.

Можетъ быть, въ эти минуты ей смутно вспомнилась ея темная и неинтересная жизнь съ бранью, побоями, недоѣданьемъ и строгими Божьими угодниками, которые терпѣли еще больше и передъ которыми она часто—затравленная и загнанная—стояла на колѣняхъ, прося хоть у нихъ вниманія къ ея никому не нужной душѣ, къ порывистому отчаянью и чувствамъ, оставшимся безъ отвѣта и наболѣвшимъ до такой степени, что сдерживаться уже не хватало силъ.

Въ ней жила и болѣла огромная обида, и она никому ни за что не хотѣла отдать свои угрюмые дни, схоронившіе жажду теплоты счастья, потому что эти дни стали ея добровольной могилой и творчествомъ ея духа. На эту могилу хотятъ придти чужіе незнакомые люди, которыхъ не было, когда она только что начала зарывать себя въ мерзлую тяжелую землю, когда она могла растерянно улыбнуться и повѣрить первому встрѣчному... Они несутъ смѣхъ, пѣсни и веселую, суетливую работу въ чащу вѣкового лѣса, въ глушь, куда не смѣютъ заглядывать даже солнечные лучи, потому что все тамъ, кромѣ отчаянья и страстной бичующей тоски, давно умерло. Они хотятъ отнять послѣднюю тоску, послѣднія судороги жизни.

Эта глушь—ея. Въ темный лѣсъ никто не будетъ пущенъ, чего бы это ей ни стоило. Тамъ останется все по прежнему, какъ говорилъ отецъ Николай, сравнивавшій уцѣлѣвшіе отъ смуты дома со скитами, куда подвижники и вѣрные Богу люди спасались во времена суровыхъ гоненій.

„Нашъ скитъ уцѣлѣетъ, великій скитъ православія... Чада церкви, порадѣйте Богу истинному... Отпавшихъ и измѣнившихъ проклинаю!..“

— Проклинаю!..—шептала Настасья.

Слова Фундаментскаго горѣли въ ней, и она несла ихъ сыну, сосѣдямъ, знакомымъ и незнакомымъ людямъ.

У собора стало совсѣмъ пусто. Надъ его куполомъ столпились небольшія веселыя облака, своей бѣлизной оттѣняв-

шія синеву весенняго неба. Уютный соборъ на голубомъ фонѣ смотрѣлъ еще уютнѣе и спокойнѣе. Казалось, онъ размечтался, и мечты эти были о первыхъ вѣкахъ христіанства, когда люди носили бѣлыя одежды и держали въ рукахъ пальмовыя вѣтви, а небо надъ ними раскрывалось по утрамъ, довѣрчивое и радостное, какъ первая молитва, придуманная ребенкомъ... И солнце ласково освѣщало пришедшихъ слушать проповѣдь мира и прощенія. И глубокія синія озера, и рощи вѣчно-зеленыхъ деревьевъ, какъ и столпившіеся кругомъ люди въ бѣлыхъ одеждахъ, свѣтло вѣровали въ возможность наступленія золотого дѣтства земли.

Движенія на площади почти не было... Городъ точно старался не мѣшать собору думать о прошломъ... Свободно и широко дышалъ первый весенній день. И представлялось, что пришелъ кто-то молодой и свѣжій, съ здоровой грудью, съ теплымъ румянцемъ и свѣтлыми мечтами, и что мечты его струились въ солнечныхъ лучахъ, были въ голубомъ небѣ и позлащенныхъ домахъ, и только одни люди сторонились ихъ и жили такъ же, какъ вчера, когда не взошло еще солнце и не распустились весеннія думы, похожія на полевыя ромашки, бѣлыми пятнами оживляющія бархатное море травы въ яркій лѣтній день.

II.

Домъ Петра Сидоровича Москалева выходилъ лицевымъ фасадомъ на вторую городскую площадь, носившую названіе Комендантской... Окрашенный въ веселую розовую краску, новенькій, съ блестѣвшей на солнцѣ желѣзной крышей и небольшими, аккуратными окнами, домъ этотъ мало подходилъ къ сосѣднимъ казарменнымъ зданіямъ и большому пустырю, служившему предметомъ нареканія для губернатора, желавшаго, чтобы подвѣдомственный ему городъ обладалъ культурнымъ видомъ. Семья Москалевыхъ занимала весь второй этажъ, а внизу находились колбасная, освѣтительный магазинъ и лучшая во всемъ городѣ парикмахерская. Два среднихъ окна, между которыми прилѣпился крошечный уютный балкончикъ, освѣщали, какъ было извѣстно мѣстнымъ обывателямъ, не очень просторную, но за то удобную и располагающую къ аппетиту столовую... Рядомъ находилась зала... Въ ней скучали и пылились комнатныя пальмы и другія растенія; по утрамъ, не переставая, трещали канарейки, а на Рождественскихъ и Пасхальныхъ каникулахъ—и бѣдная племянница Петра Сидоровича, Катя Воронцова, учившаяся въ Петербургѣ въ институтѣ и считавшая своимъ призваніемъ игру на роялѣ.

Жизнь въ домѣ съ внѣшней стороны шла однообразно-добродушная, лѣнивая и апатичная, точно воплотившая въ себѣ характеръ Петра Сидоровича, человѣка мягкаго и нерѣшительнаго. Если не было постороннихъ, въ комнатахъ стояла тягучая сонная тишина, нарушаемая отъ времени до времени гулкимъ боемъ часовъ, осторожными шагами жены Москалева, Марьи Ѳедоровны, и короткими перекличками канареекъ, послѣ полудня почему-то прекращавшими пѣніе.

Дѣтей Москалева утромъ и днемъ, обыкновенно, не было видно. Они сидѣли у себя или куда-нибудь уходили. А такъ какъ ихъ никто не разспрашивалъ, что они дѣлаютъ и куда ходятъ, то создавалось впечатлѣніе, будто они показывались только къ утреннему и вечернему чаю, обѣду и ужину. Петръ Сидоровичъ иногда освѣдомлялся у жены, гдѣ Яковъ или Лиза, но, получая постоянно одинъ и тотъ же отвѣтъ: „не знаю", ничего другого и не добивался, предполагая, что, разъ жена не безпокоится,—значитъ, все обстоитъ благополучно.

Дѣтей было трое: Яковъ, Лиза и Варя.

Лизѣ недавно исполнилось двадцать три года. Она была крупная, хорошо развитая физически дѣвушка, съ милымъ, задумчивымъ лицомъ, медленными движеніями и ласковымъ спокойнымъ голосомъ. Говорила она рѣдко и мало, читала одни романы и стихи, не могла разобраться, какъ сама выражалась, въ разныхъ тамъ непонятныхъ теоріяхъ и соглашалась съ каждой, если только эта теорія обѣщала окончательное уничтоженіе грубости, насилія и нищеты, но во всемъ, что бы она ни говорила и ни дѣлала, было столько женственной мягкости и нѣжности, что одинъ изъ товарищей Якова, безнадежно застрявшій на второмъ курсѣ Технологическаго института, студентъ Петровъ, полу-шутя, полусерьезно увѣрялъ своего сожителя Игнашкина, что ни на комъ другомъ, кромѣ Лизы Москалевой, онъ не женился бы, и что она будетъ, какъ ему кажется, очень доброй и хорошей матерью. Этотъ Петровъ чуть ли не съ одиннадцати лѣтъ былъ предоставленъ собственнымъ силамъ,—сначала реагировалъ на непріятности жизни бодро и весело, а потомъ залегъ въ свою конуру на диванъ, повѣсилъ надъ нимъ портретъ Ничше и рѣшилъ, что „добро и зло—однѣ мечты"...

Варя была моложе Лизы года на два, но казалось, что она старшая, и въ домѣ голосъ ея пользовался большимъ авторитетомъ. Про нее говорили, будто она вышла характеромъ въ тетю Таню, энергичную и свободолюбивую женщину, бросившую мужа и уѣхавшую за границу искать шума и пестроты жизни, которыхъ не было въ сонномъ губернскомъ

городѣ, занимавшемся свадьбами, обѣдами и сплетнями; Варя училась на курсахъ, откуда была уволена безъ права поступленія, и слегка презирала старшую сестру за ея ничегонедѣланіе. Разговаривая съ Лизой, она сводила хорошо очерченныя черныя брови и дѣлала едва уловимое движеніе ноздрями, читала, главнымъ образомъ, книги по общественнымъ вопросамъ, называла Петрова „скулящей душой", а Ничшеанство раковиной, необходимой для мягкотѣлаго существа, не сумѣвшаго приспособиться къ окружающей жизни. И если Петровъ, усмѣхаясь, спрашивалъ, что, собственно, она подразумѣваетъ подъ понятіемъ приспособленія, она сердилась, дѣлала то же движеніе ноздрями, что и въ разговорѣ съ Лизой, и капризно съ выжимомъ произносила:

— Съ вами совсѣмъ говорить нельзя... Это очень удобная манера—притворяться, что ничего не понимаешь. Но меня ею вы не проведете... Знайте, что разжевывать для васъ самыя простыя вещи я никогда не стану, а ваши насмѣшки мнѣ абсолютно безразличны.

Петровъ, дѣйствительно, любилъ подтрунивать надъ Варей и часто наединѣ самъ съ собою, лежа на диванѣ, говорилъ вслухъ „абсолютно", „конкретно" и другія иностранныя слова, которыми злоупотребляла Варя. Его занимало, что эта дѣвушка въ то время, какъ онъ рѣшилъ—онъ, испытавшій „въ предѣлахъ земныхъ все земное", — что жизнь собственно не стоитъ понюха табаку, считаетъ себя въ правѣ презирать его взгляды и относится къ нему, какъ къ погибшему человѣку.

Варя больше дружила съ Яковомъ, чѣмъ съ сестрой. Это объяснялось тѣмъ обстоятельствомъ, что братъ сыгралъ важную роль въ ея жизни, открывъ ей глаза на отношенія между людьми, и создалъ кругомъ новый міръ живыхъ и бодрыхъ интересовъ, серьезнаго труда и порывистыхъ увлеченій... Они оба работали въ мѣстной организаціи соціалъ-демократической партіи и, не смотря на то, что Варя пріучила себя трезво смотрѣть на вещи, она и сейчасъ еще не совсѣмъ освободилась отъ вліянія брата, умѣвшаго зажигать другихъ и никогда не считавшагося ни съ какими послѣдствіями своихъ поступковъ... По вечерамъ она ходила къ нему въ комнату и слушала, какъ онъ взволнованно говорилъ, что дѣло идетъ слишкомъ медленно; что, въ концѣ концовъ, его вынудятъ проклясть планомѣрность, и онъ сдѣлается террористомъ.

Слова у Якова подбирались жгучія и красивыя, и Варѣ казалось, что у нея загорается сердце, и что она и Яковъ какъ разъ тѣ люди, которые оживятъ черезчуръ медленную работу и ускорятъ приходъ настоящей открытой борьбы,

когда на улицы и площади пойдутъ стройныя массы рабочихъ, впереди замелькаетъ красное знамя возстанія, и будетъ хорошо отдавать свою молодую жизнь за вѣрную блестящую побѣду.

И послѣ этихъ разговоровъ ей не хотѣлось идти въ столовую къ вечернему чаю; она смотрѣла на брата и ждала, что онъ скажетъ что-нибудь о будничныхъ мелочахъ, постоянно вмѣшивающихся въ ихъ жизнь и мѣшающихъ отдаться этой жизни цѣликомъ, такъ, чтобы каждая минута, каждая мысль принадлежали только одной работѣ и не было ничего посторонняго, ненужнаго и лишняго.

Но братъ, глядя на часы, замѣчалъ:

— Что-жъ, Варя, пойдемъ—займемся прозой жизни... Насъ, поди, уже ждутъ. А то мама опять начнетъ ныть.

Длинно и болтливо разсказывалъ разныя исторіи широкобокій никкелированный самоваръ. Марья Өедоровна умѣло и съ видимымъ удовольствіемъ хозяйничала... Петръ Сидоровичъ шутилъ надъ Лизой, что ей пора замужъ, шутливо называлъ Варю „букой“, говорилъ Якову о Фундаментскомъ и Братинѣ, что они непремѣнно устроятъ погромъ, и барабанилъ по столу мягкими, длинными пальцами. Яковъ долго сидѣлъ надъ стаканомъ, что̀ вызывало замѣчанія со стороны Марьи Өедоровны, не понимавшей, какъ это можно пить остывшій чай. У Лизы было красивое, мечтательное лицо, и чувствовалось, что ей хорошо и спокойно въ домашней обстановкѣ, гдѣ среди близкихъ людей растетъ ея добрая душа, которая потомъ отдастъ, не задумываясь, свою любовь первому симпатичному человѣку, если только онъ сумѣетъ пробудить въ ней сочувствіе и жажду помочь и приласкать. Яковъ, когда вглядывался въ Лизу, понималъ все это, жалѣлъ сестру за такую скромную участь и собирался поговорить съ ней серьезно и основательно, что нельзя жить, какъ живетъ она, и что необходимо измѣнить себя кореннымъ образомъ.

„Какъ это можно повиноваться судьбѣ?..“ сердился онъ про себя и мысленно придумывалъ, съ чѣмъ бы обратиться къ сестрѣ, чтобы затронуть ея самыя завѣтныя чувства. Онъ приготовлялъ цѣлое обращеніе то къ ея совѣсти, то къ нѣжности и ласковости, разъясняя, что послѣднія наиболѣе цѣнны въ жизни, а поэтому нужно ихъ особенно беречь, а не раздавать направо и налѣво. „Мы тоже нуждаемся во всемъ этомъ... посуди сама“... складывалась у него рѣчь, но что-то не укладывалось въ ея рамки... И Яковъ еще больше жалѣлъ Лизу, которую онъ понималъ и которой не могъ сказать почти ничего... „Такъ будетъ съ ней въ продолженіе всей ея жизни... Тѣ, кто любятъ по настоящему, не помо-

гутъ—уйдутъ, и останется она одна, чуткая и любящая въ кругу сѣрыхъ заботъ, мелкихъ дрязгъ и тому подобнаго“... И онъ начиналъ любить представлять себѣ Лизу, надѣленную Вариными достоинствами... Это былъ милый, удивительно привлекательный образъ, точно призракъ далекой жизни, той жизни, когда исполнятся лучшія мечты человѣчества.

Марья Өедоровна торопила мужа и сына, чтобы скорѣе кончали съ чаемъ. Было пора убирать со стола. Лиза поднималась первой и помогала Марьѣ Өедоровнѣ мыть посуду, что въ семьѣ Москалевыхъ, по разъ заведенному правилу, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда собирались гости, никогда не поручалось дѣлать прислугѣ. Марья Өедровна терпѣть не могла сидѣть, сложа руки, и если бы не было хлопотъ около стола, то извелась бы отъ вѣчныхъ тоскливыхъ думъ о судьбѣ дѣтей, поступавшихъ во всемъ противъ ея желанія.

Старики ложились спать. Лиза не надолго уходила въ залу, сидѣла тамъ въ темнотѣ у рояля и медленно перебирала клавиши. Въ столовой оставались Яковъ и Варя... Оттуда шелъ мягкій ровный свѣтъ и долетали сдержанные звуки разговора.

У Вари и Якова были постоянно дѣла, обсужденія разныхъ вопросовъ и иногда споры... Въ ихъ дѣла Лиза не входила и не высказывала желанія узнать, что собственно такое они дѣлаютъ... Она знала, что братъ и сестра занимаются „политикой“, и этого ей было достаточно.

Лизѣ, вообще, нравилось все другое, чѣмъ, напримѣръ, Варѣ. Она не стѣснялась и не печалилась, что ея вкусы и привычки были предметомъ насмѣшекъ для сестры, особенно преслѣдовавшей Лизу за ея симпатію къ Петрову... И подъ плавные мечтательные аккорды ее охватывала жуткая грусть о тихой жизни, которая ни въ какомъ случаѣ и ни къ кому, даже къ самымъ плохимъ людямъ, не должна быть жестокой... Когда эта грусть щемила ее очень сильно, она закрывала рояль, ходила по залѣ, а потомъ шла въ столовую и, немного конфузясь, говорила:

— Яша, отчего я не могу вѣрить, что въ будущемъ для всѣхъ найдется мѣсто, что Петровъ станетъ когда-нибудь такимъ человѣкомъ, какъ вы и всѣ мы: я, ты, наши старики будутъ счастливы. Когда я думаю, мнѣ только становится еще грустнѣе и вовсе не хочется идти къ рабочимъ и крестьянамъ. Ты, пожалуйста, извини меня, что я вамъ помѣшала. И, знаешь, я даже мечтаю остаться здѣсь въ нашемъ домѣ, чтобы утѣшать отца, неуклюжаго Петрова и маму... Пойми,—они не жили, совсѣмъ ни разу не жили... Надо дать и имъ что-нибудь. Пусть хоть спокойно отдохнутъ.

Она срывалась съ голоса и краснѣла... Совѣстно было не-

ловкаго порыва, и, точно, не хватало воздуху. Яковъ молчалъ, обдумывая, что бы отвѣтить. Этимъ пользовалась Варя, начинавшая распекать сестру.

— Ты, Лиза, слишкомъ сентиментальна. Говоришь и думаешь объ одной жалости, когда надо поступать какъ разъ наоборотъ... Жалѣть могутъ сердобольныя дамы изъ высшаго общества, которымъ нечего дѣлать, благотворительныя общества и сытые буржуи. А мы—мы работники. Намъ некогда; времени и такъ не хватаетъ... И потомъ противно возиться со всѣмъ этимъ!

Въ глазахъ у Вари мелькали быстрые огоньки, и говорила она такимъ тономъ, чтобы сестра разъ навсегда могла понять, что ея чувствительныя разсужденія никуда не годятся.

Яковъ хмурился. Онъ не долюбливалъ рѣзкости младшей сестры. Даже если она права, такъ нельзя... И потомъ, въ словахъ Лизы есть что-то такое, только говорить она не умѣетъ... Дѣло вовсе не въ одной жалости... Такъ было бы очень просто... Но, углубляясь въ эти соображенія, онъ начиналъ чувствовать въ себѣ какую-то раздвоенность и продолжалъ молчать.

— Яковъ, скажи ей, что я права... Мнѣ она не довѣряетъ,— говорила брату Варя и смотрѣла на него прямыми строгими глазами.

И онъ запутанно разъяснялъ, что, конечно, спорить противъ ея словъ не возможно, но есть характеры, нуждающіеся, кромѣ умственной логики, еще въ логикѣ чувства, и вотъ въ Лизѣ эта логика и говоритъ. Варя горячилась, укоряла брата за неясность и убѣжденно доказывала, что думать иначе, чѣмъ она думаетъ, значитъ—обнажать скрытое мѣщанство.

— Самъ знаешь, что не то говоришь... Приперла я тебя къ стѣнѣ? Признавайся.

И Варя была довольна неумолимой строгостью своей мысли, для которой не существовало никакихъ препятствій.

Лиза наблюдала за сестрой, и новое чувство росло въ ней по отношенію къ Варѣ. Варя въ ихъ семьѣ совсѣмъ чужая; эта тонкая, гибкая дѣвушка съ густыми черными волосами и сильнымъ стальнымъ блескомъ глазъ, никогда къ ней не приблизится и не станетъ ей родной и понятной... Все это можно сказать навѣрное.

Она присмотрѣлась къ Якову.

Вотъ про этого, пожалуй, не скажешь... Въ душѣ онъ скрываетъ многое... Недаромъ все послѣднее время былъ молчаливъ и печаленъ.

Лиза вспомнила, что какъ-то у брата вырвалась фраза, что родительскій домъ навѣваетъ на него иногда отчаянное

настроеніе, точно онъ чувствуетъ на себѣ скорбный, умоляющій взоръ, понимаетъ, что отъ него хотятъ, чтобы онъ чего-то не дѣлалъ, и что ни отвернуться, ни послушать этого взора у него нѣтъ силъ. Такъ и сказалъ:

— Нѣтъ силъ!..

Но сразу же спохватился, началъ быстро ходить, сосредоточивая мысли и, видимо, желая себя въ чемъ-то убѣдить. Это была одна изъ вспышекъ, которыя у него иногда прорывались и которымъ онъ, по крайней мѣрѣ, на словахъ не придавалъ серьезнаго значенія.

Ночью въ домѣ Москалевыхъ царила пріятная уютная тишина, похожая на ровную и спокойную колыбельную пѣсню. Мирно горѣли лампады передъ большими блестѣвшими серебряными ризами иконъ, освѣщая кисейныя занавѣски, бѣлые потолки и старательно натертый паркетъ. Двери всѣхъ комнатъ были полураскрыты, и свѣтъ лампадокъ проникалъ даже въ корридоръ, гдѣ горѣла маленькая кухонная лампочка... Марьѣ Ѳедоровнѣ, если она выходила ночью изъ спальни, вспоминалась, благодаря тишинѣ и ласкавшему глазъ свѣту, дѣтская, въ которой она выростила Якова, Лизу и Варю, и она долго потомъ не давала себѣ уснуть, полная грустныхъ и въ то же время сладкихъ думъ.

У одного Якова часто бывала безсонница, но про нее онъ никому не говорилъ. Обыкновенно ждалъ, когда всѣ улягутся, и тогда выходилъ изъ своей комнаты, бродилъ въ столовой и залѣ, подходилъ къ окну и, отодвинувъ штору, смотрѣлъ на окутанныя тьмой крыши домовъ.

За нѣсколько лѣтъ студенческой жизни у него появилось тоскующее ощущеніе неопредѣленной усталости, и, чтобы чувствовать себя по прежнему бодрымъ, ему приходилось подвинчиваться или, какъ онъ говорилъ,—„брать бразды правленія въ твердыя руки“.

Спокойная тишина, водворявшаяся до утра въ домѣ и производившая на него впечатлѣніе ровнаго и сдержаннаго дыханія молодой груди, увѣренность, что никто не станетъ наблюдать, и возможность долго и безпрепятственно думать дѣйствовали на Якова подкрѣпляюще, и онъ позволялъ подниматься со дна души каждому сомнѣнію, каждой мысли, нарочно дѣлая ихъ острѣе и опредѣленнѣе, чтобы расправиться съ ними на возможно большій срокъ времени.

„Я вѣрю въ борьбу, я буду бороться (съ рѣшимостью пересилить себя, во что бы то ни стало, говорилъ онъ вслухъ) и даю клятву, торжественную клятву—идти на все... Можетъ быть, на проклятія любимыхъ людей, на смерть, на кошмарный ужасъ“.

Угловато и больно въ его представленіи возникалъ вы-

сокій деревянный помостъ и на немъ висѣлица... Было точно раннее сѣренькое утро, легкій холодокъ и непріятный убогій дождь... Сырыя кирпичныя стѣны, за ними свинцовая мрачная рѣка. И вокругъ безлюдно, мертво и навсегда безлюдно... не на одинъ этотъ день, а на многіе дни... на рядъ годовъ.

„Что же, и такъ могу... Честное слово, могу"...

И онъ, совсѣмъ спокойный, освоившійся съ темнотой, садился куда-нибудь въ уголъ и оглядывалъ грузную старинную мебель, точно прощался съ родительскимъ домомъ.

„Вотъ Варя этого не понимаетъ... говоритъ: поэтическія бредни... А это тоже важно".

Онъ не признавался себѣ, что для него это становилось важнѣе остального.

III.

Сумеречно, тоскливо... Наступалъ вечеръ. Въ домѣ не зажигали лампъ, потому что Марья Ѳедоровна не любила, когда въ это время освѣщали залу и столовую; дожидались наступленія полной темноты, и каждый сидѣлъ у себя. Петра Сидоровича, обычно, не было дома: онъ ходилъ по дѣламъ и по очереди пилъ чай въ своихъ лавкахъ, которыя находились въ разныхъ мѣстахъ города, и возвращался не раньше девяти часовъ.

Дуня, молоденькая горничная, на ципочкахъ обходила комнаты и оправляла лампадки. Въ небольшой и жарко-натопленной спальнѣ стариковъ она старалась вести себя какъ можно тише, чтобы Марья Ѳедоровна не замѣтила ея присутствія... Она опускала даже глаза, изъ-за чего проливала изъ лампадокъ масло, и сдерживала дыханіе до того, что потомъ трудно было отдышаться. Руки у нея дрожали, и сильно и часто колотилось сердце...

Дуня знала, что барыня сидитъ въ креслѣ у туалета и вспоминаетъ своего голубчика Колю, послѣдняго ребенка, умершаго нѣсколько лѣтъ назадъ отъ воспаленія легкихъ На туалетѣ передъ барыней стояла Колина фотографическая карточка, снятая съ него передъ болѣзнью, точно предчувствовали, что онъ долго не проживетъ, и поторопились... Марья Ѳедоровна часто брала карточку въ руки и прижимала къ груди... На колѣняхъ у нея лежалъ скомканный носовой платокъ, и, когда она потомъ приходила въ кухню, няня и кухарка говорили, что барыня опять плакала... Дунѣ думалось, что это происходило послѣ того, какъ лампадки были оправлены, и что Марья Ѳедоровна плакала такъ же долго и безпомощно, какъ въ ту ночь, когда въ первый

разъ арестовали Якова и увезли неизвѣстно куда, никому ничего не разъяснивъ, въ большой закрытой каретѣ.

Дуня и сама немного помнила Колю: онъ былъ весь бѣленькій и такой смѣшной, что всѣ его тормошили, часто прибѣгалъ къ нимъ на кухню и говорилъ, что когда сдѣлается такимъ богатымъ, какъ папа, то накупитъ много гостинцевъ, Дунѣ подаритъ шляпу, а нянѣ шелковой матеріи на платье и пошлетъ ея брату въ деревню цѣлую пачку денегъ.

Онъ щебеталъ цѣлый день, какъ птичка, за что барыня звала его „колокольчикомъ"... Въ домѣ тогда было веселѣе, шумнѣе, и смѣялись гораздо больше, чѣмъ теперь... Яковъ Петровичъ кончалъ гимназію и, когда спрашивали, что будетъ дѣлать дальше, отвѣчалъ, что пойдетъ въ доктора. Часто устраивались танцы, и обѣ барышни были такія красивыя и нарядныя, что за ними всѣ ухаживали.. Знакомые Петра Сидоровича завидовали новому свѣтлому дому, умнымъ и послушнымъ дѣтямъ, а самъ баринъ разводилъ руками:

— Не понимаю, за что это Богъ посылаетъ... Не случилось бы впослѣдствіи несчастья въ родѣ, какъ съ Іовомъ.

Началось со смерти Коли, и непріятности пошли одна за другой безъ конца. На лѣто пріѣхалъ домой Яковъ... Его нельзя было узнать, до того онъ измѣнился... Шепотомъ передавали, что ученье его кончено, участвовалъ въ бунтѣ, и начальство, конечно, узнало, и исключило... Лиза отказала хорошему жениху... Подросла Варя, приняла сторону молодого барина и стала вести себя такъ, точно она въ домѣ была самая старшая, и всѣ должны были ее слушаться... Скоро Якова арестовали; увезли въ Петербургскую тюрьму... Потомъ онъ снова пріѣхалъ, и въ домъ ходилъ околодочный... И опять былъ обыскъ, слезы и неуклюжая карета у подъѣзда.

Такъ шло въ продолженіе четырехъ-пяти лѣтъ. Старшій баринъ рѣдко бывалъ дома и пересталъ засиживаться за обѣдомъ и чаемъ, придумывая разныя дѣла... Ни Варю, ни Якова Петровича никто не останавливалъ... Только разъ Дуня подслушала, какъ баринъ съ барыней въ запертой спальнѣ проговорили цѣлую ночь напролетъ... Дуня стояла босикомъ у двери, одѣтая въ одно нижнее бѣлье... Ей было холодно и немного страшно... но ее послали няня и кухарка, постоянно спорившія между собой—кто правъ: старики или дѣти, при чемъ няня стояла за Якова и Варю, а кухарка за барыню—и Дуня не смѣла уйти. Она жадно ловила каждое слово и старалась запомнить рѣшительно все, что ни говорили, чтобы потомъ Аксинья (такъ звали кухарку) не подняла ее на смѣхъ.

Сначала Дуня ничего не понимала, но когда барыня сказала, что, по ея мнѣнію, если сынъ ни въ чемъ не слушаетъ родителей, то онъ уже не сынъ, она вся превратилась въ слухъ. Баринъ отвѣтилъ не сразу, и голосъ у него былъ разсерженный и недовольный: Яковъ не маленькій, самъ отлично понимаетъ, что дѣлаетъ, и вмѣшиваться въ его жизнь онъ даже, какъ отецъ, никогда себѣ не позволитъ... Пусть хоть на головѣ ходитъ... Они его выростили, дали образованіе, а дальше толковать не о чемъ. Марья Ѳедоровна разгорячилась и вступила въ споръ, доказывая, что потакать-то во всякомъ случаѣ ничего хорошаго нѣтъ... Только подъ самое утро они успокоились... Петръ Сидоровичъ началъ хвалить Якова за то, что онъ не пьетъ и во всякомъ обществѣ можетъ вести себя, какъ слѣдуетъ, а барыня вспоминала Колю, повторяла его смѣшныя фразы и увѣряла, что лично ей за Якова не такъ больно, а, главнымъ образомъ, безпокоитъ Варя... Сразу видно, что человѣкъ набилъ голову разной ерундой и ни о чемъ больше не думаетъ.

Утромъ няня и Аксинья пили чай, а Дуня, радостно взволнованная, что имѣетъ много новостей, захлебываясь отъ удовольствія, разсказывала, какъ баринъ переспорилъ барыню... Аксинья слушала внимательно и, откусывая сахаръ, медлила надъ широкимъ плоскимъ блюдечкомъ, отъ котораго поднимался горячій паръ. Дуня путалась, сбивалась, начинала снова... Она не долюбливала Аксинью и хотѣла доказать ей, что няня была куда правѣе ея, защищая молодыхъ господъ; поэтому она особенно упирала на то, какъ велъ себя старый баринъ, и преувеличивала рѣзкость его поведенія въ свою пользу.

Аксинья или не понимала, или притворялась, что не понимаетъ.

— Вотъ и я говорю то же самое,—упрямо твердила она...— Извѣстно, мать худа своимъ дѣтямъ не пожелаетъ... И приголубитъ, и приласкаетъ. Кабы матери-то не было, Яковъ нашъ, поди, всю жизнь въ острогѣ бы сидѣлъ. Шальной онъ...

Дуня раскраснѣлась отъ обиды... Толкуй, толкуй—и ровно объ стѣну горохъ. Потомъ сердито подумала про себя, что Аксинья сидитъ барыней, и злорадно напомнила:

— Пора ставить самоваръ... Смотри: я въ отвѣтѣ не буду.

И, накрывая на столъ, звенѣла посудой такъ, чтобы въ кухнѣ было слышно, даже нарочно уронила подносъ.

Послѣднее время всѣ, какъ будто, успокоились... Дунѣ это было пріятно. Она держала сторону Якова Петровича, и на нее часто нападалъ страхъ, что съ нимъ непремѣнно что-нибудь случится: или его выгонятъ изъ дому, или опять

ночью придетъ полиція. Она догадывалась, что онъ главный зачинщикъ, а барышни только подражаютъ: Лиза, чтобы не разсердить брата, а младшая барышня изъ упрямства; хочетъ показать, что больно умная. Дуня была даже немножко влюблена въ Якова Петровича. Онъ носилъ красивую сѣрую тужурку, важно дымилъ папиросами, а въ сюртукѣ казался просто прелесть какимъ, какъ молоденькій офицеръ. И щеки Дуни, когда она думала о молодомъ баринѣ, всегда оживленно и весело вспыхивали; она улыбалась сама себѣ и старалась ходить, какъ ходитъ Варя, высоко поднявъ голову.

Правда, все же въ домѣ было скучно; не раздавалось быстраго топанья ногъ, на роялѣ играли печальныя и тихія вещи, перестали ходить нарядные молодые люди, и если заходилъ кто-нибудь изъ знакомыхъ Петра Сидоровича, то обыкновенно скоро отговаривался недосугомъ и прощался. Баринъ провожалъ въ переднюю своего гостя и растерянно жалъ руку... Марья Ѳедоровна привыкла сумерничать и завела обыкновеніе зажигать лампы, какъ можно позже... Въ глазахъ у нея было выраженіе, будто она покорилась чему-то и дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ, чѣмъ занимаются дѣти. Лиза совѣстливо ухаживала за отцомъ и матерью и увѣряла, что ей не хочется выходить замужъ, потому что она не можетъ представить себѣ, какъ будетъ жить въ другомъ мѣстѣ. Варя ходила строгая и молчаливая, со складкой на лбу, и когда смѣялась отрывистымъ сухимъ смѣхомъ, то нельзя было сказать: смѣется ли она на самомъ дѣлѣ, или на что-нибудь обижается. Одинъ Петръ Сидоровичъ улыбался, затѣвалъ иногда общіе разговоры и все говорилъ, что назоветъ гостей, чтобы вспомнить старинку... Но Яковъ не вѣрилъ показному спокойствію старика; наединѣ съ сестрами хмурился и увѣрялъ, что отецъ только по мягкости характера не выдаетъ себя.

— По моимъ наблюденіямъ, у него кошки на душѣ скребутъ... Жаль старика, а ничего не попишешь.

Варя иронически взглядывала на брата... Она считала, что у него есть „струна", и относилась къ этой струнѣ съ шутливымъ покровительствомъ.

— Елизавета Петровна, у васъ въ квартирѣ пахнетъ покойникомъ... Ей-Богу!..—скулилъ какъ-то Петровъ, забѣжавшій на минуту къ Москалевымъ, когда старика, Вари и Якова не было дома.—Пришелъ къ вамъ повеселѣть, а тутъ такая мертвечина, что слова Соломона о суетѣ суетъ пронзаютъ каждую мысль насквозь.

Петровъ, за неимѣніемъ денегъ, носилъ ветхую, порыжѣвшую отъ времени и всяческихъ невзгодъ, тужурку; и въ

опрятной залѣ съ блестящими бѣлыми обоями фигура его казалась неуклюжей и угловатой... Онъ самъ чувствовалъ это, убого оправлялъ непослушные вихрастые волосы и, вытягивая ноги, смотрѣлъ на высокіе нечищенные сапоги...

— Собрались бы вы, Елизавета Петровна, ко мнѣ... А то мои сапоги наводятъ на меня отчаянье... Все кажется, что коверъ и кресло брезгаютъ и боятся, что я къ нимъ прикоснусь... И потомъ голосъ скрипитъ такъ, что ваша буржуазная квартира можетъ думать: зачѣмъ сюда впустили эту грязную скотину?

Лиза слушала болтовню Петрова, все время ожидая, что онъ заговоритъ по другому—серьезно и просто, и тогда и она, въ свою очередь, скажетъ, что ей самой бываетъ очень грустно, и что на землѣ, вѣроятно, нѣтъ ни одного счастливаго человѣка, которому было бы хорошо или даже только спокойно. Но Петровъ продолжалъ говорить ерунду... Концомъ сапога онъ то сгибалъ, то разгибалъ коверъ и избѣгалъ ея вопрошающихъ взглядовъ.

Лиза подошла къ роялю, открыла, было, крышку, но, раздумавъ, съ молчаливымъ печальнымъ лицомъ, недовольная, сѣла на диванъ.

— Лучше бы вы молчали, несносный человѣкъ; а то, на самомъ дѣлѣ, говоритъ, говоритъ, точно сердце ножемъ точитъ, и думаетъ, что это очень хорошо.

Петровъ нахмурился, взялъ со стола альбомъ съ открытыми письмами и началъ разсматривать красивыя лица балетныхъ и оперныхъ артистокъ, но ему не удалось осилить волненіе, онъ быстро положилъ альбомъ на мѣсто и заговорилъ другимъ тономъ.

— Милая! Когда я былъ мальчикомъ, учился въ гимназіи, твердилъ латинскіе глаголы, алгебраическія формулы и дрался съ одноклассниками... Въ свободное время игралъ на балалайкѣ, читалъ Жюля-Верна и мечталъ сдѣлаться взрослымъ. Обо мнѣ никто не заботился, и никто меня не любилъ. Стало даже обидно, и я весь ушелъ въ зубрежъ, чтобы къ двадцати годамъ сдѣлаться инженеромъ, хватать куши и смотрѣть на міръ съ презрѣніемъ умнаго, ни за что обиженнаго человѣка... Конечно, планъ этотъ оказался впослѣдствіи недостойнымъ: я, какъ слѣдуетъ по Шиллеру, выросъ въ мужа и взялся за великія задачи... А теперь, видите, плюю въ потолокъ... Вотъ схема моей жизни... „Не пойметъ и не оцѣнитъ гордый взоръ иноплеменный“, поэтому даю короткое разъясненіе: чѣмъ бы я ни увлекался, что-бы ни любилъ, это „что-то“ держало меня при себѣ развѣ до тѣхъ поръ, пока не являлись другіе болѣе умѣлые люди... Разсказывать вамъ дальше?..

Лиза утвердительно мотнула головой.

— Повѣрьте: набѣдокурилъ я на своемъ птичьемъ вѣку достаточно; хватило бы и на троихъ. Объ этомъ довольно много знаютъ департаментъ полиціи, инспекція и педеля технологическаго института, петербургскія пивныя и одна очень симпатичная и добрая дѣвица, вздумавшая меня спасать отъ самого себя... Хватался я, какъ голодный, рѣшительно за все,—только подавай... Не давалъ себѣ опомниться, летѣлъ, какъ экспрессъ, на всѣхъ парахъ, безъ остановокъ на маленькихъ станціяхъ, торопясь въ Парижъ, въ тотъ самый Парижъ, о которомъ такъ ярко разсказали книги, пѣвцы напѣли мечты и прожужжали уши ораторы на партійныхъ сходкахъ. Чуть появится сомнѣніе—я, какъ бабушка Ненила у Некрасова: „вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ". И было форменное помѣшательство на Парижѣ и на баринѣ... Но бабушка Ненила никогда не дождется настоящаго барина, это—законъ судьбы. Не дождался и я... Вѣдь ни разу, понимаете—ни разу не было у меня человѣка, которому бы я былъ нуженъ такъ, какъ онъ мнѣ... Опять обида взяла, и снова, какъ въ дѣтствѣ, гордое рѣшеніе... Ты, дескать, жизнь отказалась отъ моей руки и сердца, ну, что же, притворимся и мы, что наша персона къ вамъ равнодушна. Забралъ я, значитъ, всѣ свои пожитки и наблюдаю побѣдное шествіе другихъ... Вотъ и все...

Лиза слушала Петрова съ захватывающимъ вниманіемъ, и передъ ней былъ тотъ самый человѣкъ, какимъ она хотѣла его видѣть... Конечно, она была права, увѣряя себя, что Петровъ вовсе не пустъ и не безсодержателенъ... Онъ скромнѣе многихъ, и это ему вредитъ. У нея забилось сердце, и внутренняя тревога, переполнявшая ее сегодня съ утра, сдѣлалась острой, жуткой и стремящейся впередъ. Она не могла больше сидѣть, прошлась по залѣ, а потомъ подошла къ зеркалу и долго оправляла упавшіе на виски локоны темныхъ золотистыхъ волосъ. Щеки ея горѣли, и, когда она выдыхала воздухъ, этотъ воздухъ былъ такимъ сухимъ и горячимъ, что губы тоже стали сухими...

— Не смотрите на меня, — почему-то попросила она Петрова.

И хотя стояла она къ нему спиной, у нея была увѣренность, что глаза Петрова печальны и строги, и что онъ, пожалуй, любитъ ее, потому что иначе не сталъ бы говорить такъ откровенно... На минуту она остановила лихорадочную работу мысли, вздохнула и по другому переставила брошку.

Потомъ Лиза подошла къ Петрову и положила ему руки на плечи.

— Михаилъ Ивановичъ, я думаю, что понимаю васъ... Голубчикъ, если бы я попросила... Сдѣлайтесь такимъ, какимъ васъ знала другая дѣвушка... Ну, хоть ненадолго.

Голосъ ея звучалъ отчетливо, и она ясно понимала, что беретъ за свои поступки въ будущемъ какую-то отвѣтственность, что она теперь не совсѣмъ уже свободна.

Мысленно она успѣла задать себѣ вопросъ: „выдержу ли?“—и ей сдѣлалось легко и свѣтло, когда отвѣтъ получился утвердительный.

— Михаилъ Ивановичъ, что же вы молчите? Васъ спрашиваютъ... Я говорю: можете вы больше не лежать на своемъ диванѣ... для меня? Слышите?

Петровъ двинулся всѣмъ тѣломъ, кашлянулъ и глухо отвѣтилъ:

— Хорошо.

Больше они ни о чемъ серьезномъ не разговаривали... Лиза играла на роялѣ и вполголоса напѣвала. Была она особенная, не похожая на прежнюю Лизу. Глаза жили точно не здѣсь, не въ этой комнатѣ, а сама она не находила себѣ мѣста, зачѣмъ-то укладывала ноты на роялѣ и, проходя, трогала широкіе листья пальмъ.

„Это жизнь, настоящая жизнь, а потомъ этой настоящей жизни будетъ гораздо больше“—улыбаясь, шептала она про себя и съ любопытствомъ присматривалась и прислушивалась ко всему тому, что совершалось внутри ея существа... Казалось, что сердце бьется не такъ, какъ всегда, что и тѣло, и душа живутъ по другому, какъ никогда еще не жили. Точно она вышла въ одномъ легкомъ платьѣ ночью изъ маленькаго освѣщеннаго домика, гдѣ много было людей, гдѣ танцовали, ѣли и пили, на крыльцо, и ея горячія щеки обвѣялъ серебряный морозъ.—И снѣжное поле сверкало впереди, а надъ нимъ въ темно-синей бархатной высотѣ горѣли крупныя яркія звѣзды... Ничего не надо было говорить, ничего не надо было думать... Застыла чарующая своей красотой ночь, и деревья, украшенныя прихотливымъ инеемъ, залюбовались на ея красоту... И странно-пріятно было ощущать на разгорѣвшемся тѣлѣ шелковое бальное платье—бѣлое и красивое, какъ снѣгъ, но живое, теплое и точно вмѣстѣ съ ней вдыхающее прохладу зимней ночи.

Петровъ скоро ушелъ, и Лиза его не задерживала... Ей надо было остаться наединѣ, чтобы ничто не мѣшало тихому счастливому настроенію... Что это была любовь—она почти не думала. Любить она неспособна: недаромъ Варя говорила, что у нея нѣтъ даже темперамента... Пусть другіе предполагаютъ, что хотятъ... Только это не то, не то...

Пришла Марья Өедорова, сдѣлала замѣчаніе, что лампа горитъ плохо, сѣла напротивъ.

— Ушелъ этотъ? Не люблю я его,—сказала она, чтобы выразить неудовольствіе, а чѣмъ—она и сама, какъ слѣдуетъ, не знала.

Говорить она могла съ одной Лизой, потому что эта была всѣхъ уступчивѣе и на словахъ наперекоръ не шла... Марья Өедоровна посвящала ее во многія свои огорченія и, кутаясь въ платокъ, любила повторять, что лучше бы остался жить одинъ Коля... Онъ былъ такой ласковый и послушный мальчикъ, и она уѣхала бы съ нимъ куда-нибудь далеко отъ всѣхъ ихъ.

У Марьи Өедоровны были пышные серебряные волосы, и она носила ихъ совсѣмъ гладко, не признавая никакихъ новыхъ причесокъ... Говорила она печально и беззвучно, точно нарочно хотѣла показать, какъ много непріятностей пришлось ей испытать на своемъ вѣку.

И сейчасъ Лиза поняла, что мамѣ тяжело и скучно, что она разстроена изъ-за того, что Петровъ, котораго всѣ считаютъ пропащимъ человѣкомъ, просидѣлъ съ дочерью цѣлый вечеръ.

Лизѣ захотѣлось ее утѣшить.

— Мама, вы всегда такая грустная, что на васъ больно смотрѣть... Я знаю, что вамъ все кажется, будто я, Варя и Яша васъ не слушаемъ... Вотъ, вы и опять нахмурились... У васъ глаза стали, точно я говорю вамъ что-нибудь обидное... Не стоитъ такъ, мамочка... Будемъ лучше друзьями и не станемъ коситься одинъ на другого... Повѣрьте: все идетъ къ лучшему, и когда-нибудь намъ всѣмъ станетъ хорошо... Соберемся вмѣстѣ, и ни у кого не будетъ на душѣ вражды... Теперь того, чего вы хотите, нельзя... Вы сами не можете... Только, ради Бога, довѣряйте намъ, мама... Не бойтесь за насъ... Я понимаю, что вамъ трудно.

Марья Өедоровна вздохнула.

— Гдѣ ужъ понимать-то.

— Ну, въ послѣдній разъ, слышите, я даю вамъ слово... по крайней мѣрѣ, за себя и за Якова, что ничего сквернаго съ вашей точки зрѣнія мы не сдѣлаемъ. Довольны теперь?..

Марья Өедоровна не отвѣтила. Она смахнула съ глазъ набѣжавшую слезинку... Лиза тоже замолчала.

Раздался звонокъ. Вернулся Петръ Сидоровичъ.

IV.

Хандра у Якова смѣнялась запойной работой... Онъ веселѣлъ, много смѣялся и говорилъ, и каждому становилось

съ нимъ свободно и весело... Глаза у него блестѣли; онъ рано вставалъ и по утрамъ обтирался холодной водой, чтобы сразу прогнать послѣдніе остатки сна.

Ему начинало казаться, что онъ попросту не понималъ себя, что ничего серьезнаго въ недавнихъ его настроеніяхъ не было: заскучалъ отъ бездѣлья—только и всего. Онъ чувствовалъ себя пьянымъ отъ безсознательной радости и подъема силъ, удивлялся яркому синему небу, точно видѣлъ его въ первый разъ, и ругалъ себя дуракомъ за прежнія лимонныя теоріи.

Въ домѣ вмѣстѣ съ Яковомъ пріободрялись всѣ... Съ лица Дуни не сходила масляная улыбка, и она цвѣла, какъ яркій полевой цвѣтокъ, немного грубый, но за то крѣпкій и выносливый... Лиза получала прозвище „старой дѣвы“, чаще гуляла съ Петровымъ и приносила съ прогулки домой свѣтлое молодое счастье, горѣвшее на свѣжемъ личикѣ и думавшее ясно и мечтательно, какъ думаетъ весенняя ночь, когда распускаются черемухи. Марья Ѳедоровна придумывала разныя вкусныя кушанья, доставала изъ старинныхъ сундуковъ и комодовъ свои приданыя вещи и, длинно разсказывая, какія прежде были моды, показывала ихъ Лизѣ и въ минуты особенно хорошаго расположенія духа дарила ей ту или иную вещь, правда, съ ворчаньемъ, что вотъ у нея эта вещь хранилась десятки лѣтъ, а у Елизаветы, какъ она звала дочь, года, поди, не пролежитъ.

Петра Сидоровича—того просто нельзя было узнать, такъ онъ мѣнялся. Марья Ѳедоровна, смѣясь, увѣряла, что онъ становился похожимъ на молодого безусаго приказчика, приходившаго въ домъ ея отца сначала въ качествѣ знакомаго, а потомъ вѣжливаго и робкаго жениха. И Яковъ не могъ удерживаться отъ смѣха, когда Марья Ѳедоровна изображала его прежнія изысканныя манеры, какъ онъ расшаркивался, какъ приглашалъ на танцы и сладенькимъ голоскомъ звалъ ея отца „папашей“.

Варя къ семейнымъ радостямъ относилась свысока и пренебрежительно пожимала плечами, если Яковъ дѣлалъ попытки ввести ее въ атмосферу общаго благополучія. Въ этомъ у нея вовсе не было ничего искусственнаго и показного... Иначе она не могла, да и никогда не приходило ей въ голову попробовать быть такой, какъ Лиза или Яковъ... Вся она цѣликомъ ушла отъ жизни семьи, создала себѣ особый міръ, гдѣ кипѣла борьба классовъ, рушились старые порядки, и возводилось новое царство осмысленнаго, строгаго и красиваго труда. Это царство не могло оскверняться ни будничнымъ смѣхомъ, ни маленькой личной радостью, какъ нельзя покрывать мраморную статую богини

матеріей, купленной на рынкѣ кому-нибудь на платье. Она хоть и не признавала аскетизма, но, на самомъ дѣлѣ, была настоящей аскеткой, и въ ея воображеніи рисовалось, что скоро и она, дѣвственная и ничѣмъ незапятнанная, войдетъ въ процессъ великой борьбы двухъ силъ—труда и капитала—и будетъ дышать одной этой борьбой, безпощадно порвавъ со всѣми житейскими мелочами.

Ей не приходилось еще задумываться, что человѣкъ—вездѣ человѣкъ, и она шла на встрѣчу неизвѣстному, но прекрасному будущему съ такимъ порывомъ, что не замѣчала жизни своихъ близкихъ... Отецъ, мать и сестра были для нея посторонними неинтересными людьми... Ихъ она видитъ только теперь, потому что такъ сложились условія ея существованія... А тамъ ихъ не будетъ,—а разъ не будетъ значитъ, они другъ другу не нужны.

Она даже выучивала наизусть отрывки изъ стиховъ, гдѣ говорилось о гордой, не знающей сожалѣнія силѣ... И поэтому, когда Яковъ разъяснилъ ей сущность марксизма, она съ восторгомъ повѣрила этому ученію—простому, какъ геометрическая теорема и, какъ геометрическая теорема, не допускавшему никакихъ отклоненій... Это ученіе придало увѣренность и опредѣленность ея мечтамъ и поступкамъ, она вступила на твердую почву и отдалась своимъ влеченіямъ навсегда и безповоротно.

Скоро въ домѣ Москалевыхъ стали появляться новыя личности... Приходилъ господинъ въ барашковой шапкѣ и золотомъ пенснэ, заботливо ставившій свои калоши въ уголъ, чтобы онѣ не смѣнялись съ чужими... Онъ, очевидно, очень боялся простуды, потому что, уходя, медленно повязывалъ горло платкомъ, тщательно застегивалъ пальто на всѣ пуговицы, и въ ушахъ у него постоянно были заложены кусочки ваты. Кромѣ него, часто бывали двѣ низенькія женщины: одна еврейскаго типа съ сухимъ непріятнымъ голосомъ и другая, конфузливая и стѣснительная, бѣдно-одѣтая, извѣстная Дунѣ подъ именемъ „отвѣтственнаго техника", какъ шутливо называлъ ее, встрѣчая въ дверяхъ своей комнаты, Яковъ Петровичъ.

Приходили и многіе другіе... Одинъ грубый съ длинными волосами въ широкополой шляпѣ съ проломомъ и въ высокихъ сапогахъ, оставлявшій въ передней и корридорѣ послѣ своего ухода грязные большіе слѣды. Этого Дуня прямо ненавидѣла и съ дѣтской нескрываемой радостью захлопывала передъ его носомъ двери, когда молодого барина не было дома, не вступая ни въ какія объясненія. Точно такъ же Дунѣ не нравилось, что по инымъ днямъ звонокъ раздавался за звонкомъ то по черному ходу, то по парадному, и набиралось

человѣкъ двадцать—тридцать народу, изъ которыхъ много было фабричныхъ, и при томъ нѣкоторые совсѣмъ мальчишки, а видъ строили такой, что любому студенту въ пору.

Въ домѣ знали, что это „политическіе", но ни Петръ Сидоровичъ, ни Марья Ѳедоровна не высказывали никакого неудовольствія. Оба они держали себя такъ, будто ничего не видѣли, не слышали. Разъ, правда, Марья Ѳедоровна вскользь замѣтила,—выйдетъ ли какой толкъ изъ „форштадскихъ" (этимъ именемъ въ городѣ называли фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ), но Варя отвѣтила суровой отповѣдью, что не всѣ люди толстокожи, и что, слава Богу, городъ состоитъ не изъ однихъ обывателей и наивныхъ деревенскихъ дикарей. Марья Ѳедоровна не поняла, что говоритъ дочь, испугалась ея строгаго тона и замолчала.

Яковъ по такимъ вечерамъ бывалъ возбужденъ, часто выходилъ распорядиться насчетъ чаю и закуски и выбѣгалъ къ каждому звонку. Онъ имѣлъ очень живописный видъ въ тужуркѣ на распашку, съ откинутой назадъ головой, быстрыми движеніями и красивымъ молодымъ лицомъ, разгорѣвшимся отъ волненія.

Марья Ѳедоровна удивлялась, чему онъ радуется, и думала про себя, что все идетъ, какъ по писанному. Сынъ, не слушая родителей, натворитъ такой каши, что придется покаяться, да поздно... Наблюдая, какъ онъ хлопочетъ, она смутно представляла себѣ почему-то, что Варя похожа на Перовскую, что мужчина среднихъ лѣтъ, заботливо оберегавшій свои калоши, что-нибудь въ родѣ Желябова, а бѣдный Яша вертится между ними и самъ не знаетъ зачѣмъ: опутали его по простотѣ, а онъ добрый и отказать не можетъ!

Какъ-то она нарочно подкараулила Петрова въ то время, какъ у Якова шло засѣданіе, и позвала на минутку въ спальню.

— Скажите, Михаилъ Иванычъ, о чемъ они тамъ говорятъ?

Петровъ сдѣлалъ серьезное лицо и, чтобы придать своимъ словамъ надлежащій вѣсъ, выразительно посмотрѣлъ на Марью Ѳедоровну. Она смутилась и попросила его говорить тише.

— Какъ бы вамъ пояснить,—началъ Петровъ...—Хотятъ жизнь по другому устроить, чтобы не было скучныхъ сонныхъ городовъ и голодныхъ деревень... Скверно и грязно показалось жить имъ, какъ всѣ живутъ, потому что губернаторъ грубъ и необразованъ, больница похожа на покойницкую, и въ кухняхъ, гдѣ стряпается обѣдъ, крысы и тараканы; тотъ, кто работаетъ, наживаетъ чахотку, а кто слѣдитъ за работами—каменный домъ. Понимаете: у нихъ не будетъ ни тюрьмы, ни войны, ни мужиковъ. Всѣ люди ста-

нутъ такими, какъ Варя и Яковъ, у всѣхъ будутъ осмысленныя лица, чистыя руки, новая одежда... Что-то въ этомъ родѣ, а толкомъ разъяснить не могу.

Марья Θедоровна, конечно, ничего не поняла.

— А это не страшно?

Петровъ подумалъ.

— Кому какъ... Мнѣ, напримѣръ, нисколько...

— И они никого убивать не будутъ?

Марья Θедоровна сама испугалась своего вопроса, вздрогнула всѣмъ тѣломъ и выпрямилась, точно застыла. Петровъ догадался, что это самое главное, чего она хочетъ допытаться, внимательно посмотрѣлъ на нее и уклончиво отвѣтилъ:

— Они, пока, будутъ только защищаться... Есть и такіе, что нападаютъ... Но то другая партія... А кровь все же будетъ... Стрѣляютъ теперь.

Оба они встали.

— Слушайте, скажите имъ, что все можно... Но этого я не хочу и боюсь... Неужели и вы имъ сочувствуете, и Лиза, и вся молодежь? Мнѣ кажется, что Яшу бить будутъ, постоянно такое предчувствіе... А я не могу, не могу, чтобы моего сына били. Все вынесу, а этого нѣтъ... Голубчикъ мой, попросите, чтобы они какъ-нибудь иначе!

Марья Θедоровна вздохнула.

— Ну, идите... попросите ихъ, только какъ будто вы сами отъ себя, про меня молчокъ...

Она сидѣла у себя и думала: „Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, до самаго конца идти... Хоть бы посовѣтовались или предупредили, если не хотятъ... По крайней мѣрѣ, пожалѣть и приласкать можно. А въ случаѣ чего, и отецъ пригодится. Онъ съ губернаторомъ знакомъ... Все легче, чѣмъ другимъ, будетъ“.

Въ короткихъ фразахъ, которыми мѣнялись за столомъ Яковъ и Варя, появились новыя слова: комитетъ, кооптація, техника, типографія. Марья Θедоровна не любила этихъ словъ, и ей казалось, что комитетъ и типографія находятся въ какихъ-нибудь очень потаенныхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ опутавшіе Яшу люди: верзила въ шляпѣ съ проломомъ, человѣкъ, похожій на Желябова, еврейка и другая маленькая барышня.

Яковъ обѣдалъ на спѣхъ и выходилъ изъ-за стола раньше другихъ, слѣдомъ за нимъ поднималась Варя... Старики Москалевы молча переглядывались... Но Петръ Сидоровичъ обыкновенно не выдерживалъ и съ покорнымъ видомъ начиналъ говорить, что студентовъ многіе обвиняютъ, а они хотятъ народу одного добра.

— Только у насъ не Францiя... И, пожалуй, ничего не выйдетъ.

Лиза смотрѣла на отца: теперь ему не надо было показывать Якову, что онъ безпокоится, и онъ казался старымъ и утомленнымъ... Видно, что человѣкъ измучился, что Францiя, о которой онъ говоритъ, будто тамъ хорошо и свободно, совсѣмъ его не касается, и лучше бы всего для него было, если бы Яковъ сдѣлался военнымъ докторомъ, какъ мечталъ раньше, приходилъ домой въ сѣромъ офицерскомъ пальто и разсказывалъ отцу, что такая-то болѣзнь излѣчима, а такая-то нѣтъ, что въ полку всѣ его любятъ, и скоро онъ будетъ произведенъ въ слѣдующiй чинъ.

Послѣ обѣда Петръ Сидоровичъ уходилъ отдохнуть, а Лиза провожала его сгорбленную фигуру грустными глазами. А потомъ шла къ себѣ, сидѣла неподвижно и думала о себѣ, о Петровѣ, о Яковѣ.

Думы приходили все смутныя, неопредѣленныя... Она спохватывалась, что ничего не дѣлаетъ... Брала книгу, но больно было разстаться съ задумчивымъ настроенiемъ, и книга не раскрывалась.

— Все равно жить надо,—шепотомъ говорила она себѣ, накидывала на плечи мягкую пуховую косынку, долго ходила взадъ и впередъ по комнатѣ и опять шептала:

— Все равно жить надо.

И было обидно, и вмѣстѣ съ тѣмъ необычно, что ничего не передѣлаешь, что папа, Петровъ и она—сами не знаютъ, чего хотятъ... Холодокъ пробѣгалъ по рукамъ и спинѣ. Она подходила къ зеркалу и смотрѣла на свое лицо, въ свою очередь глядѣвшее на нее вдумчиво и строго... И это смотрѣвшее на нее лицо казалось ей нѣмымъ глубокимъ вопросомъ, устремленнымъ вдаль, можетъ быть, къ усталому небу, можетъ быть, къ тихому трусливому городку, притаившемуся на извилинѣ большой холодной рѣки, уходившей, не замѣчая неуклюжихъ и унылыхъ построекъ, въ холодный туманъ безконечнаго непригляднаго поля.

„Я выйду за Петрова замужъ...“—пришло Лизѣ въ голову.

Она не удивилась этой мысли, не обрадовалась ей, несмотря на то, что было въ этой мысли что-то нѣжное, привлекательное и теплое. Чтобы овладѣть собой, она открыла форточку... Свѣжiй воздухъ ударилъ въ лицо... Волосы на лбу и вискахъ стали холодными.

Дымила труба на сосѣдней крышѣ... За заборомъ спалъ пустырь, наводившiй губернатора на непрiятныя размышленiя объ отсутствiи въ Россiи людей, инициативы и культуры. Гдѣ-то подвывала собака, должно быть, голодная, по-

тому что непрерывный жалобный вой выражалъ убогую тоску живого существа, не понимавшаго, почему люди не даютъ ему ѣсть, когда они могутъ все.

На душѣ у Лизы было покорно и покойно, хотя она навсегда отказывалась отъ яркаго сильнаго свѣта, слѣпящаго глаза и бросающаго кругомъ стоцвѣтную переливную радугу, которая озаряла прежде ея дѣвичьи мечты, ея надежды на большую счастливую долю.

Сегодня она можетъ мечтать въ послѣдній разъ.

Закуталась въ платокъ и закрыла форточку. Начинало лихорадить. Опять пробѣгалъ холодокъ... Горѣли щеки...

Она будетъ любить Петрова и тоже принесетъ свою пользу, другую пользу, не ту, о которой говорятъ Яковъ и Варя... но, какъ ей кажется, нужную нисколько не меньше... Она не виновата, что все такъ тоскливо, и непремѣнно приходится дѣлать что-нибудь, и нельзя оставлять безъ отвѣта чужую печаль, чужое убожество. Отецъ и мать не хотятъ этого, но по ихъ жить она все равно не можетъ.

И что она права, она докажетъ всѣмъ своимъ будущимъ... Пусть теперь обвиняютъ!

Лиза обхватила колѣни руками.

А для Якова и Вари она тоже сдѣлаетъ что-нибудь и Петрова попроситъ. „Значитъ, сдаюсь?..“ Подумала, повторила этотъ вопросъ и ничего не отвѣтила.

Около семи часовъ вечера въ столовой сидѣли Лиза, Варя и Петровъ. Варя читала газету; Петровъ, противъ обыкновенія, не шутилъ... Лиза молчала, и глаза ея медленно бродили по широкой красной каймѣ, окружавшей скатерть.

— Когда вы предполагаете назначить демонстрацію?— глухо спросилъ Варю Петровъ и началъ передвигать коробокъ спичекъ отъ одного конца стола къ другому.

Варя, недовольная, что ее отрываютъ, пробурчала:

— Окончательно еще не рѣшено.

Но потомъ ей захотѣлось показать Петрову, что затронутый имъ вопросъ очень важенъ, и она медленно и серьезно добавила:

— Отъ нея, можетъ быть, придется отказаться... Существуетъ много обстоятельствъ противъ... Легкомысленно здѣсь поступать нельзя...

Петровъ рѣшилъ договорить до конца; но ему было совѣстно, что раньше онъ обращался съ Варей, какъ съ ребенкомъ, а теперь положеніе измѣнилось, и ему приходится просить ее уже, какъ старшую...

— Варвара Петровна, отнеситесь ко мнѣ серьезно... Вотъ что... Я хочу вмѣстѣ съ вами работать... Дайте что-нибудь.

Онъ продолжалъ вертѣть коробокъ спичекъ. Лиза вспыхнула отъ радости. Она не успѣла еще сообщить Петрову своего желанія; онъ догадался самъ.

— Можетъ быть, вамъ по просту некуда дѣваться?..— спросила Варя...—Тогда предупреждаю, что это вы напрасно... У насъ не увеселительное заведеніе. Говорите откровенно.

Петровъ слегка поморщился, но пересилилъ себя и со странной, необычной для себя торжественностью, произнесъ:

— Ей-Богу, вы считаете меня хуже, чѣмъ я есть... На столько-то я уважаю ваше дѣло, чтобы не лѣзть въ него, позѣвывая и почесываясь... Варвара Петровна, я вѣрю въ васъ, и это вы надо мной сдѣлали... Слышите... Раньше совѣстно было признаться... Хотѣлъ уѣзжать въ другой городъ и начинать тамъ... Да убѣдилъ себя, что конфузъ въ такихъ положеніяхъ не къ мѣсту...

— Вы это серьезно?

Варя точно испытывала его долгимъ внимательнымъ взглядомъ.

— Совершенно серьезно.

— Тогда давайте руку.

Оба они покраснѣли... Въ глазахъ у Петрова мелькнуло: „приходится разыгрывать чувствительную сценку“. Онъ замѣтилъ, что Лизѣ это не понравилось, и въ оправданіе сказалъ:

— Старая привычка... Еще не отучился... Дайте, милая, срокъ.

„И замужъ, можетъ быть, за него выходить не надо... Обойдется и такъ“, подумалось Лизѣ, когда она увидѣла довольные, счастливые глаза Петрова.

Когда вернулся домой Яковъ и узналъ, что случилось, онъ такъ и остался сидѣть въ фуражкѣ и пальто... Ужъ если къ нимъ пошли каяться такіе люди, какъ Петровъ, то ему размышлять одинъ стыдъ...

Идти, такъ идти напроломъ... И онъ былъ очень веселъ. До лѣта проработаетъ здѣсь, потомъ его замѣститъ кто-нибудь; теперь розни вносить не стоитъ.

V.

Варя, разбираясь въ своихъ вещахъ, нашла нѣсколько писемъ на бумагѣ особой формы и разныхъ цвѣтовъ. Отъ нихъ еще пахло духами, и были они полинявшія и блѣдныя, точно высохшіе цвѣты. Одно изъ писемъ она прочитала и нахмурилась. Коля Карауловъ писалъ, что любитъ

ее, и просилъ, чтобы она непремѣнно пріѣхала на балъ кадетскаго корпуса.

Варя до сихъ поръ еще помнила этотъ балъ... Толстый генералъ съ отекшимъ лицомъ и бравой выправкой, папинъ знакомый, ухаживалъ за ней, поилъ ее лимонадомъ и разсказывалъ невѣроятные случаи изъ своей жизни... Коля сидѣлъ недалеко отъ нихъ въ разочарованной позѣ, неумѣло притворяясь равнодушнымъ, а когда она пошла съ нимъ танцовать, держался лѣниво и небрежно и совѣтовалъ читать Шопенгауэра, ненавидѣвшаго всѣхъ женщинъ. Онъ пощипывалъ едва замѣтные усики и обижался, что Варя любовалась на красиваго и стройнаго студента Веселовскаго, затянутаго въ щегольской мундиръ... Варя сердилась на Колю, что онъ все вертится рядомъ, и на зло ему говорила, что жить, какъ нищая, не желаетъ, и что, когда она станетъ самостоятельной,—у нея будетъ вилла въ Крыму, знакомые—извѣстные артисты и гвардейскіе офицеры, и изъ дому она будетъ выѣзжать только на парѣ собственныхъ лошадей.

— За такого, какъ вы, замужъ я никогда не пойду... У меня есть планъ жизни, и я не измѣню его ни на капельку.

Коля опять разсказывалъ про Шопенгауэра и приписывалъ ему свои мысли. Военный оркестръ игралъ веселые вальсы... Ярко, но слѣпо горѣло электричество. Генералъ, чтобы доставить Варѣ удовольствіе, познакомилъ ее съ Веселовскимъ. Варя разгорѣлась, чувствовала себя очень хорошенькой, и ей нисколько не было жаль Коли, когда она проходила мимо него подъ руку съ красивымъ и фатоватымъ студентомъ. И послѣ, дома, раздѣваясь, она почти не слушала, что говорила ей Лиза, или отвѣчала невпопадъ, думая про себя, что Карауловъ очень неинтересный и скучный мальчикъ.

Было все это года четыре назадъ, и Варя, конечно, не вспомнила бы о такихъ пустякахъ, если бы не случилось одного, положимъ, тоже пустяшнаго обстоятельства. Утромъ къ ней въ комнату пришелъ отецъ, взялъ за руку и потащилъ въ столовую, увѣряя, что тамъ ждетъ ее какой-то сюрпризъ. Навстрѣчу имъ вышелъ стройный, одѣтый во все новенькое офицеръ, и Петръ Сидоровичъ, представляя его, отчетливо выговорилъ:

— Подпоручикъ Карауловъ.

Офицеръ также отчетливо сказалъ:

— Чуть утро, на ногахъ, и я у вашихъ ногъ... Видите, Варвара Петровна, старое забывается не такъ скоро, какъ можно думать, и, посѣтивъ родину, я первымъ долгомъ счелъ...

Варя, пока онъ говорилъ эту видимо заранѣе приготовленную фразу, разсерженная, что ее привели сюда чортъ знаетъ для чего, нарочно смотрѣла въ окно и приняла такой видъ, какъ будто зашла на одну минутку.

Карауловъ проглотилъ послѣднія слова и изъ новенькаго, блестящаго и ловкаго сразу сталъ убогимъ и жалкимъ. Петръ Сидоровичъ, чтобы замять не тактичное поведеніе дочери, пустился въ разспросы, какъ обстоитъ дѣло на войнѣ и не пошлютъ ли Караулова туда... Офицеръ виновато и грустно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, вѣроятно, не пошлютъ... У меня такая увѣренность... Мнѣ вѣдь ни въ чемъ не везетъ.

Это былъ уже неумѣстный намекъ. Варя вспыхнула и, не прощаясь, ушла, и только маленькая сосущая боль была гдѣ-то глубоко въ сердцѣ... Она приписала ее тому, что побезпокоили зря, и что Карауловъ ничего не можетъ понять, достала изъ плюшевой шкатулки всѣ старыя письма, пожала плечами: такъ въ нихъ все было глупо и смѣшно, и вмѣстѣ съ визитной карточкой Веселовскаго, украшенной дворянской короной, бросила ихъ въ топившуюся печку.

Днемъ она ходила съ „отвѣтственнымъ техникомъ"— маленькой и словно засушенной барышней—по дѣламъ. Онѣ спорили о конспираціи. Варя говорила, что держаться ея необходимо какъ можно строже, и всѣхъ, кто подводитъ, безъ сожалѣнія слѣдуетъ исключать изъ партіи. По ея мнѣнію, пусть лучше народу будетъ меньше, но за то не придется имѣть дѣла со всякой дрянью. Барышня возражала тоненькимъ голоскомъ, ссылаясь на идейную точку зрѣнія, что хорошо всегда поступать открыто и геройски... Варя на это отвѣтила: ея убѣжденіе—дѣло должно быть поставлено выше идеи, выше всего.

Барышня смолкла, сощурила безцвѣтные глаза и посмотрѣла на Варю съ простодушнымъ восхищеніемъ, точно конфузливый, сбитый съ толку ребенокъ на своего находчиваго товарища... Потомъ схватила ее за руку и тѣсно къ ней прижалась.

— Дорогая, милая Варичка, я просто влюблена въ васъ... Въ нашемъ комитетѣ вы самый... самый цѣнный человѣкъ. Я люблю васъ за дѣло и за все рѣшительно...

Ей хотѣлось еще сказать, что особенно она любитъ Варю за то, что она такая красивая и избалованная, пришла къ нимъ, незначительнымъ и неяркимъ людямъ, дѣлавшимъ серьезное и опасное дѣло, какъ рудокопы, въ вѣчномъ молчаньи и мракѣ. Но это было неловко... Варя могла обидѣться. Съ самаго начала она выставила требованіе, чтобы на нее

смотрѣли, только какъ на товарища. Барышня больше ничего не сказала и прижалась къ Варѣ еще тѣснѣе.

Шелъ частый мокрый снѣгъ... Темнѣло, и въ сумракѣ создавалось впечатлѣніе, что дома ежатся отъ холода, что снѣжные хлопья не пріятны панели и мостовой, а городъ ждетъ, когда въ окнахъ зажгутся огни, и до тѣхъ поръ, что бы ни случилось, все равно будетъ скучнымъ и молчаливымъ.

Скоро пошли скользкіе деревянные мостки, и надо было уменьшать шагъ... Поднялся вѣтеръ, чаще замелькалъ снѣгъ, и небо стало чернымъ и далекимъ. У одного изъ небольшихъ окраинныхъ домиковъ Варя и барышня, которую звали Еленой Дмитріевной, остановились. На среднемъ окошкѣ лежала гитара—условленный знакъ, что все обстоитъ благополучно. Но надо было еще осмотрѣться: не привели ли онѣ съ собой „глаза"... Варя внимательно вглядѣлась въ даль. Ничего подозрительнаго не оказалось... Тогда дѣвушки, ни слова не говоря другъ съ другомъ, осторожно вошли на темный дворъ. У каждой было такое чувство, что домъ съ крохотнымъ крыльцомъ, запущенный дворъ безъ всякихъ признаковъ какого-либо хозяйства и онѣ сами одиноки въ молчаливомъ и враждебномъ городѣ, который все отлично видитъ и потомъ въ темную и холодную ночь, такую же, какая будетъ сегодня, не пуститъ ихъ къ теплу и свѣту...

Варя дернула за дверную ручку... Послышались шаги, и мужской голосъ таинственно спросилъ: „Кто тамъ?" Она недовольно и быстро прошептала: „Свои, свои..." Спрашивать было совершенно излишне... Согласились еще вчера, что троекратный стукъ означаетъ пароль... И внесъ это предложеніе какъ разъ Соловьевъ, обитатель домика и владѣлецъ гитары,—тотъ высокій человѣкъ въ шляпѣ съ проломомъ, котораго Дуня такъ не любила.

— Ротаторъ принесенъ, работаетъ здорово, и въ квартирѣ ни одной души,—успѣлъ онъ шепнуть дѣвушкамъ, когда онѣ раздѣвались.

Повелъ онъ ихъ въ самую заднюю комнату—свое логовище... По серединѣ стоялъ столъ съ ротаторомъ; пахло чѣмъ-то кислымъ; на полу неразобранной грудой лежали старые журналы.

Варя подумала, что здѣсь могутъ быть крысы, брезгливо сморщилась и сѣла на табуретку. Мысль ея съ убогой обстановки Соловьевскаго пристанища невольно перешла на то, что у нихъ партійная работа обставлена нищенски и поэтому приходится дѣлать мало... Этотъ ротаторъ единственная солидная вещь, а остальное все—точно они кустари; нѣтъ даже подходящихъ помѣщеній... Одинъ день сойдетъ

еще прилично, такъ за то другой изъ рукъ вонъ плохо.— „Нужны другіе люди,—подумала она...—Примусь я за очистку Авгіевыхъ конюшенъ.“

Соловьевъ и Елена Дмитріевна возились у ротатора.— Онъ показывалъ ей, вѣрно ли постигъ науку, увѣряя, что механика изъ него никогда не выйдетъ, хоть озолоти... Елена Дмитріевна дѣлала добродушныя замѣчанія, тихо смѣялась и суетилась, какъ сѣрый воробышекъ на дворѣ, гдѣ разсыпанъ овесъ.

— Вотъ вамъ, сударыня, и наше первое произведеніе... Полюбуйтесь...

Соловьевъ передалъ Варѣ свѣже отпечатанную прокламацію, подулъ на руки, точно она была горячая, и сталъ ждать, что Варя скажетъ.

— Это Яковъ писалъ?

— Имѣю вещественныя доказательства, что онъ... А вѣдь недурно?

— Очень хорошо...—отвѣтила Варя.

У Якова была особенная манера письма... Въ каждой фразѣ что-то горѣло и звенѣло... И Варѣ казалось, когда она читала его обращенія къ рабочимъ или обществу,—что будто это онъ говоритъ... Она даже слышала его голосъ.

— У вашего брата литературный талантъ... Онъ и ротаторъ—вотъ главное наше оружіе,—продолжалъ говорить Соловьевъ:—да еще вашъ гнѣвъ, который, по крайней мѣрѣ на меня, дѣйствуетъ, какъ хорошій кнутъ на плохую лошадь.

Соловьевъ принесъ откуда-то цѣлую кипу бумаги... Варя спросила, что ей дѣлать. Рѣшили послѣ обсужденія, что она будетъ вынимать свѣже отпечатанные экземпляры и складывать ихъ въ пачки... Елена Дмитріевна вертѣла ручку ротатора, а Соловьевъ „подкидывалъ топливо“, т. е. вкладывалъ чистые листы.

Онъ острилъ, дѣлалъ свое дѣло ловко и смотрѣлъ на Варю глазами, очень прозрачно говорившими, что и негодные типы, въ родѣ него, въ общемъ механизмѣ работы сходятъ, какъ нельзя лучше... Она часто его распекала, и онъ въ отместку превосходилъ самого себя.

Пачки прокламацій все увеличивались... Отъ быстрыхъ движеній въ комнатѣ стало теплѣе, и она не производила прежняго тяжелаго впечатлѣнія... Щеки у Вари покрылись темнымъ румянцемъ. Разгорѣлись глаза... Въ душѣ поднималось бодрое и радостное ощущеніе, точно она утромъ открыла окно, стояла у него и дѣлала продолжительные глубокіе вздохи.

— Простите, товарищи. Курить хочу...

Сдѣлали короткій перерывъ. Варя ходила отъ стѣны къ

стѣнѣ, разсматривая запачканныя краской руки... Елена Дмитріевна, молча, отдыхала въ уголкѣ. Соловьевъ поспѣшно затягивался папиросой, будто наскоро пилъ горячій чай.

Онъ былъ простой и добродушный человѣкъ... Яковъ говорилъ про него, что только насчетъ оцѣнки своей личности плохъ. Скажи ему: бросайся съ моста!—и, если онъ на минуту повѣритъ, что это нужно, однимъ махомъ въ воду съ самой головокружительной высоты...

Часа черезъ три на ротаторъ былъ надѣтъ деревянный чехолъ. Варя и Елена Дмитріевна начали нагружаться. Свертковъ и пакетовъ изъ предосторожности не носили, поэтому приходилось прятать все на себѣ... Варя умѣла справляться съ такой процедурой очень ловко, и ея фигура почти не измѣнялась, но съ Еленой Дмитріевной выходило не совсѣмъ ладно: то одна рука у нея оказывалась толще другой, то грузъ изъ кофточки выпадалъ наружу. Она торопилась, быстро распаковывалась... Опять ничего не выходило. Тогда Варя дѣланно-сурово приказывала стоять ей смирно, руки по швамъ,—съ трудомъ стаскивала жакетъ и кофточку и просила Соловьева отвернуться.

Ей совѣстно было касаться некрасивыхъ безкровныхъ рукъ и тощей, высохшей груди, боязливо вздрагивавшихъ отъ каждаго прикосновенія, и ту же совѣстливость ловила она во взглядахъ маленькой подруги, позволявшей распоряжаться собою, какъ угодно. Варѣ казалось, что она солидный докторъ, а Елена Дмитріевна—ея паціентка, растерявшаяся отъ неожиданнаго осмотра... И ее веселило, что пожилая дѣвушка, имѣвшая въ революціи столько заслугъ, боится и дрожитъ передъ нею, какъ ребенокъ, стыдясь своей непрактичности. Въ глазахъ у Вари мелькало что-то нѣжное и ласковое, она помогала Еленѣ Дмитріевнѣ застегивать пуговицы на кофточкѣ и жакетѣ и вмѣстѣ съ ней облегченно вздыхала, когда все было готово.

— Ну, кубышка, вы можете дышать... Мытарство окончилось... Говорите громко: „Слава Богу“...

— Слава Богу, — повторила, какъ малолѣтняя дѣвочка, Елена Дмитріевна.

Обратно онѣ шли молча... На улицахъ горѣли фонари... Ночь была сырая и темная... Хотѣлось скорѣе попасть въ освѣщенныя и теплыя комнаты. Вѣтеръ дулъ рѣзко, и трудно было смотрѣть передъ собой. У Елены Дмитріевны скоро промокли ноги... Она озябла, прятала руки въ муфту и, напрягая послѣднія силы, старалась не отставать отъ Вари.

— Ужасно скверно,—вырвалось у нея.

Но Варя точно забыла о существованіи подруги, не умень-

шала шага, и Еленѣ Дмитріевнѣ даже казалось, что она дѣлаетъ это нарочно, потому что не любитъ, когда приходится медлить изъ-за пустяковъ...

Недалеко отъ Александровскаго проспекта онѣ распростились.

Варю окликнули съ извозчика. Она оглянулась и увидала сѣрое офицерское пальто... Опять этотъ Карауловъ... Вотъ ужъ начнетъ приставать, такъ не дай Богъ, всю жизнь, кажется, не отвяжешься.

Офицеръ наскоро расплатился съ извозчикомъ и подошелъ къ Варѣ.

— Вы идете домой?

— Домой.

Варя старалась идти отъ него нѣсколько поодаль.

Карауловъ шагалъ прямымъ военнымъ шагомъ, и вся его фигура была переполнена убогой грустью. Голосъ его звучалъ мрачно и непріятно... Это раздражало.

— Я поступаю въ академію...

— Мнѣ не интересно, куда вы поступаете.

Наступила длинная пауза... Варя заторопилась, и Карауловъ отсталъ.

— Мнѣ, можетъ быть, уйти?

— Уходите.

— Хорошо... Вотъ только одно... Остановитесь на минуту... Или, пожалуй, ничего... Прощайте...

Онъ сдѣлалъ подъ козырекъ и перешелъ на другую сторону... Варю кольнуло чувство, похожее не то на обиду, не то на сожалѣніе... „Вотъ же есть люди“—зародилась въ ней недовольная мысль, но она очень устала и скоро забыла сѣрую прямую фигуру съ мрачнымъ, покорнымъ голосомъ.

Въ комнатѣ у нея бурно ходилъ Яковъ... Чтобы привести себя въ порядокъ, она попросила его на минуту выйти, но братъ только отвернулся къ окну...

— Слушай, Варя... Разскажу тебѣ любопытную вещь... Можетъ быть, ты и сама замѣчала... Во дворѣ у насъ есть удивительный экземпляръ... старуха... мать Матвѣя. Понимаешь, куда я ни пойду, всюду она выслѣживаетъ, какъ кошка. Глаза горятъ, дрожитъ, такъ и кажется, что вцѣпится. Не удержался я, подхожу сегодня къ ней прямо, глазъ не спускаю и спокойно, точно вотъ тебѣ сейчасъ, говорю: „бабушка, чего ты отъ меня хочешь?“ Она молчитъ, отошла немного въ сторону и пронзаетъ всего безумнымъ взглядомъ... Я во второй разъ... Результатъ тотъ же самый... Пожимаю плечами, ухожу... Оглянулся нарочно... Она тоже за воротами... Смотритъ на меня... Чортъ знаетъ, что такое...

Разозлился и плюнулъ, какъ мальчишка, почти передъ самымъ лицомъ.., И домой.

— Навѣрное, полиція слѣдить поручила.

— По моему, больше, чѣмъ полиція... Ненавидитъ она меня... Раньше не обращалъ вниманія, думалъ, что воображеніе. А сегодня убѣдился.

— У тебя всегда фантазіи. Ну, завтра поговоримъ. Уходи. Я спать смертельно хочу.

Якова происшествіе со старухой взволновало серьезно, и у него опять была безсонница. Въ домѣ всѣ давно спали. Онъ ходилъ въ столовой, заглядывалъ въ залу и не могъ успокоиться... Вражда всегда дѣйствовала на него непріятно и оскорбительно, а здѣсь еще отъ человѣка, съ которымъ онъ никогда не сказалъ ни слова... „И что ей до меня?“— думалось ему. Грудь давило тяжелое чувство, и хотѣлось что-то осмыслить, отъ чего-то избавиться.

Но онъ зналъ, что иначе, чѣмъ теперь поступаетъ,—поступать не въ силахъ... И шагъ у него былъ твердый и увѣренный... И когда онъ останавливался у окна и отодвигалъ штору, ему казалось, что онъ могъ, не задумываясь, одѣться сейчасъ, идти по безлюднымъ улицамъ и никогда уже не возвратиться въ знакомый и въ иныя минуты такой милый домъ.

Хотѣлось отдать всѣ чувства, весь умъ, всего себя тому дѣлу, которое другіе ненавидѣли; хотѣлось потому, что эта ненависть была у этихъ другихъ болѣзненной и фанатичной, хотѣлось разорвать со старой жизнью круто и опредѣленно, не смотря на то, что онъ любилъ въ этой старой жизни ея домашнюю мирную поэзію и грустные дѣвичьи глаза, похожіе на глаза Лизы, устремленные вдаль съ такимъ тоскующимъ вопросомъ.

У нихъ будетъ своя поэзія, свое счастье, своя красота... Правда, больно и тяжело очутиться въ непривычной обстановкѣ. Но все говоритъ, что это необходимо. На ненависть надо отвѣтить подвигомъ, или никакъ не отвѣчать... У тѣхъ людей есть какое-то право ненавидѣть. И самая большая побѣда—побѣда духа.

Передъ Яковомъ вставали другіе глаза, не Лизины, но тоже женскіе, горящіе страстно, замозабвеніемъ и жуткой нечеловѣческой силой.

Имъ овладѣло радостное одушевленіе. Они пойдутъ всѣ вмѣстѣ... всѣ... никто не отстанетъ: Лиза отдастъ свою любовь, Варя будетъ работать, какъ умѣлый и внимательный механикъ, а онъ—жить сполна, дышать, мучиться и наслаждаться.

И онъ глядѣлъ на тусклую ночь, такую жалкую и растерянную передъ его яснымъ и безповоротнымъ рѣшеніемъ.

на стосковавшіеся фонари и далекое небо, посылая этому небу, какъ вызовъ, порывистыя возбужденныя думы, заполнявшія темноту ночи восторгомъ и ослѣпительнымъ свѣтомъ.

Вспомнился короткій разговоръ, который онъ велъ съ Карауловымъ послѣ обѣда. Этотъ офицеръ поймалъ его на улицѣ и затащилъ въ кондитерскую... Они пили кофе и говорили о знакомыхъ. Потомъ вдругъ Карауловъ перешелъ на общее недовольство, сталъ увѣрять, что интересуется соціальнымъ вопросомъ, и далъ слово, когда произойдетъ революція, повязать свою шашку красной лентой и стать въ ряды рабочихъ и студентовъ. У него были высоко поднятыя плечи, онъ долго мѣшалъ сахаръ въ стаканѣ и, видимо, стѣснялся.

„Пора, пора...“—шепталъ Яковъ, откидывалъ назадъ голову и точно рисовался своей рѣшимостью.

Съ радостнымъ возбужденіемъ не было силъ справиться... Безотчетно прошелъ онъ къ себѣ въ комнату, выдвинулъ ящикъ письменнаго стола, досталъ револьверъ и приложилъ его дуломъ къ правому виску.

Стало еще радостнѣе.

Можетъ застрѣлиться хоть сію минуту, и это будетъ счастливая молодая смерть, полная восторга и свѣтлыхъ думъ. Мелькнулъ образъ другой смерти, мечтательной и прекрасной, такъ властительно зовущей его за собой.

Онъ положилъ револьверъ обратно.

VI.

Было опять воскресенье, свѣтлое и нарядное. На небѣ кудрявились облака. Оживленно пѣлъ церковный звонъ и плылъ, возбужденный и радостный, полный весенней свѣжести, надъ крышами озаренныхъ солнцемъ домовъ. Отчетливо вырисовывались тѣни на снѣгу; на мостовой обнажились камни... Съ подъѣздовъ и водосточныхъ трубъ падали тяжелыя прозрачныя капли. Хотѣлось цѣлый день проводить на улицѣ, дышать теплымъ густымъ воздухомъ... Точно все засмѣялось, заискрилось... И было ясное голубое небо надъ городомъ... И чудилось, что хорошо въ этомъ небѣ свѣтлымъ кудрявымъ облакамъ, купавшимся въ золотомъ свѣтѣ и вдыхавшимъ золотое тепло.

Дуня бойко сбѣжала съ лѣстницы, поскользнулась, но успѣла удержаться, засмѣялась сама надъ собой и весело разсердилась на выбѣжавшаго ей на встрѣчу лохматаго двороваго пса „Кудеяра“.

— Пошелъ вонъ, противный!..—прикрикнула она на него

подчеркнуто-громко и, подобравъ юбку, наципочкахъ пошла по направленію къ дворницкой, приткнувшейся возлѣ длиннаго покосившагося забора, ограждавшаго пустопорожнее мѣсто дворянина Капустина, давно уѣхавшаго за границу и забывшаго тамъ, что гдѣ-то существуетъ мирный россійскій городъ съ новымъ соборомъ, съ праздничнымъ колокольнымъ звономъ и милой и красивой юностью.

Дунѣ надо было передать дворнику Матвѣю выговоръ отъ старика Москалева, что со двора до сихъ поръ еще не свезенъ снѣгъ.

И когда Дуня стояла у входа въ дворницкую, въ ея горлѣ переливались строгія и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣющіяся слова этого выговора. Ей нравилось шутить надъ постоянно растеряннымъ и не сразу понимавшимъ дѣло Матвѣемъ, дожидавшимся, что вотъ-вотъ его прогонятъ съ мѣста, и онъ больше не будетъ имѣть права жить въ своей дворницкой, трепать „Кудеяра“ и видѣть Дуню и барина Петра Сидорыча, къ которымъ привыкъ и съ которыми сжился, какъ истый крестьянинъ сживается съ убогимъ костлявымъ конемъ, тѣсной избой и шумными крикливыми сходами...

Матвѣя не оказалось дома, и Дуню встрѣтила только что вернувшаяся изъ церкви Настасья... Эта старуха ничѣмъ не занималась, и у нея постоянно шевелились губы, точно она говорила сама съ собой о чемъ-нибудь таинственномъ и страшномъ... Дунѣ казалось, что Настасья колдуетъ, и что ей все извѣстно: извѣстно—кто о чемъ думаетъ, какіе у кого грѣхи и кто будетъ наказанъ Богомъ и многое другое, такое же мрачное и загадочное.

Настасья не оказывала никакого почтенія не только молодымъ, но и старымъ господамъ и никогда не кланялась первая Петру Сидоровичу. Съ няней и кухаркой она вѣчно находилась во враждебныхъ отношеніяхъ и, разговаривая съ ними, желчно говорила, что онѣ служатъ въ домѣ, гдѣ не соблюдается ни одинъ постъ, и что въ аду ихъ будутъ жарить на сковородахъ. Она не оставляла имъ никакой надежды на спасеніе и увѣряла, что имъ не къ чему молиться, ходить въ церковь и исповѣдываться, потому что все равно прощенія не будетъ... Няня считала Настасью божьей старушкой, уважала ее и, когда замѣчала изъ кухни, что Матвѣева мать на дворѣ, удерживала Дуню отъ громкаго разговора и веселаго смѣха, точно боялась, что Настасья услышитъ и разскажетъ кому-то неизвѣстному и суровому, какъ нечестиво живутъ въ семьѣ Москалевыхъ. Дуня удивлялась, что господа все позволяютъ злой и сердитой старухѣ и не понимала, почему няня и старики Москалевы въ разговорѣ про Настасью произносятъ ея имя особеннымъ голосомъ,

будто она опасный человѣкъ и не хорошо говорить о ней громко, какъ о другихъ.

Но и сама Дуня въ присутствіи Настасьи чувствовала себя не по себѣ, душа замирала, и она торопилась скорѣе отговориться недосугомъ... И долго еще потомъ билось ея сердце, и радовалась она свѣтлымъ и веселымъ комнатамъ Москалевскаго дома, какъ чему-то доброму и мягкому, гдѣ не случится ничего худого и гдѣ даже святые въ блестящихъ серебряныхъ ризахъ кажутся такими простыми и давно знакомыми, что при нихъ не страшно думать о смѣшномъ и быть такой, какъ всегда.

Разъ она поинтересовалась и спросила у няни: не колдунья ли Настасья, но няня разсердилась и, вмѣсто отвѣта, сурово сказала, чтобы она никогда не смѣла говорить этого слова.

— Этого человѣка трогать нельзя... Смѣшки свои строй надъ кѣмъ хочешь. А Настасья тебя не касается.

И у Дуни окончательно образовалась увѣренность, что пусть Матвѣева мать самая что ни на есть святая женщина, но все же она въ родѣ колдуньи, что она злая, страшно злая... И Дуня жалѣла Матвѣя, что ему приходится жить съ такой матерью, при которой нельзя чувствовать себя свободно, шутить и смѣяться... Навѣрное, она бранитъ Матвѣя, а тотъ молчитъ и со всѣми ея разсужденіями соглашается.

„Дуракъ",—подумала Дуня...

— Тебѣ, Авдотья, меня?

Настасья смотрѣла на Дуню безмолвными жадными глазами и точно ненавидѣла ее и наслаждалась этой ненавистью.

— Матвѣю два слова сказать... Баринъ велѣлъ безпремѣнно снѣгъ къ послѣзавтраму свезти... Строго наказывалъ.

Выговорила эти слова Дуня быстро, однимъ духомъ, и хотѣла уже уходить, но старуха съ таинственнымъ видомъ поманила ее къ себѣ и глухо спросила:

— Будто у Москалевыхъ раньше этого не водилось, чтобы къ нимъ, какъ въ гости, ходилъ черный народъ... Якову они не товарищи... Какія такія дѣла у васъ завелись? Знаешь, поди?

— Откуда мнѣ знать... Ходятъ, да и все тутъ. У меня позволенія не спрашиваютъ.

Дуня, услышавъ про Якова, сразу вскипѣла... Про молодого барина она не имѣетъ права... Онъ ея не касается... „Покажу я тебѣ, какая я доносчица... Жди"... И глаза у Дуни сдѣлались смѣлыми. Она прямо смотрѣла въ лицо старухи, и было похоже на то, что молодая птица готовилась защищаться отъ старой и хищной...

— Постой, глупая... Чего уставилась на меня? Спрашивать ничего худого нѣтъ, къ тебѣ не придираются, а говорятъ толкомъ, желая добра... Дура, такъ дура и есть. Не хочешь—не надо... Силкомъ отвѣчать не заставлю... Всякому извѣстно, что Яковъ вашъ за человѣкъ... Такихъ дѣловъ не скроешь.

Настасья замолчала, задумалась, а потомъ опять заговорила вкрадчивымъ, таинственнымъ тономъ, стараясь не смущать раскраснѣвшуюся и взволнованную Дуню:

— Мнѣ ничего отъ тебя не надо, дѣвушка... Старуха и такъ все знаетъ. Глаза-то за шестьдесятъ лѣтъ научились видѣть... Зрячій другой не увидитъ того, что я вижу... И слышу, хоть ослабла на слухъ, дай Богъ—всѣмъ такъ слышать... Думы чужія слышу, понимаю, гдѣ что дѣлается, гдѣ что случится... Сижу у окна—и вся ваша жизнь, какъ на ладони... О тебѣ, дурочка, забочусь я... вотъ что... Была сама молодой, рѣзвилась и бѣгала... Бѣду нажила... Ну, и жаль мнѣ теперь такихъ, какъ ты, несообразительныхъ... Плохо Москалевское дѣло... слышь ты. Нехорошее въ домѣ у васъ творится... Воронье черное тамъ: Яковъ воронъ, Варя—воронъ... Бѣсу празднуютъ... Отчаянные они...

Лицо Настасьи перемѣнило прежнее жесткое выраженіе на тихое и покорное... Можно было думать, что она жалѣетъ гибнущій домъ, но въ глазахъ нѣтъ-нѣтъ, да и мелькали злые рѣшительные огоньки. Дуня приготовлялась расплакаться, но потомъ, точно сообразивъ, что этимъ она себя выдастъ, задорно прервала старуху.

— Что ты по мнѣ, какъ по покойницѣ? Просили тебя...

Старуха рѣзко выпрямилась и сдѣлала руками въ воздухѣ страшный проклинающій жестъ.

— Пропадайте вы всѣ пропадомъ... Мерзость на васъ. Хуже раскольниковъ вы, смутьяны поганые...

У Дуни захватило дыханіе...

— А ты колдунья, колдунья!—со всей силы крикнула она и стремглавъ бросилась бѣжать.

— Что ты, ровно помѣшанная?—спросила ее няня.

— Ничего... Испугалась я одной причины.

Дуня такъ никому и не разсказала о своемъ подвигѣ... Весь день она ходила молчаливая и необычная, чувствуя въ душѣ какую-то тайну... Почему-то избѣгала смотрѣть на Якова Петровича, а когда видѣла Варю, то ей казалось, что съ барышней скоро случится что-нибудь неожиданное и непріятное... Вечеромъ она на нее гадала: Варѣ вышла болѣзнь и письмо изъ дальней дороги... Карты были все нехорошія... Дуня думала, что въ этомъ виновата старуха.

Въ кухнѣ пріятно пахло свѣже-испеченнымъ пирогомъ, и

этотъ возбуждающій аппетитъ запахъ шелъ во всѣ комнаты, напоминая, что сегодня праздникъ Въ три часа звонко застучали ножами, вилками и ложками. Обѣдалъ изъ посторонних одинъ Петровъ, одѣтый въ только что сшитый статскій костюмъ. Петръ Сидоровичъ вслухъ читалъ газету, разносившую мѣстную думу за санитарные порядки, „или, вѣрнѣе, безпорядки", какъ острилъ хроникеръ. Старому Москалеву нравилось, что въ газетѣ попадало Братину и другимъ представителямъ черной сотни, онъ дѣлалъ семьѣ разъясненіе и, подвязанный салфеткой, добродушно и весело улыбался... Всѣ, кромѣ Вари, дѣлали видъ, что слушаютъ и интересуются.

— Вотъ, молодые люди, какіе гласные у насъ въ думѣ... А попробуйте что-либо возразить—сейчасъ въ крамольники запишутъ. Я и то у нихъ на скверномъ счету: либераломъ называютъ.

Обѣдъ кончился, и молодежь собралась въ залѣ... Пришла и Варя, рѣшившая одинъ день отдохнуть. Яковъ, заявивъ, что черезъ полчаса вернется, куда-то скрылся.

Петровъ сидѣлъ рядомъ съ Лизой и вполголоса говорилъ ей, что скорѣе сочувствуетъ соціалистамъ-революціонерамъ, чѣмъ соціалъ-демократамъ, и что давнишняя мечта его работать въ деревнѣ—нѣтъ-нѣтъ, да и заявитъ снова о своемъ существованіи, какъ бы онъ себя по другому ни устраивалъ.

— Въ теоріяхъ я — настоящій сапогъ, долженъ признаться... Изъ-за этого ваша сестрица меня и презираетъ.. Геометріей меня не прошибешь... Знаю я самыя простыя вещи: крестьянину нужна земля, онъ пухнетъ отъ голода, и всѣ мы живемъ по инерціи... Нарушить эту инерцію можетъ только толчокъ... Значитъ, необходимо напрячь всѣ свои силы въ этомъ направленіи и перебить возможно больше старыхъ скрижалей. Кто на что гораздъ, каждому найдется мѣсто, и нечего спорить и горячиться. Экономика силъ требуетъ только одного: иди, куда тебя зоветъ чувство и врожденныя симпатіи, тамъ ты и больше, и лучше пригодишься. Ну, вотъ, милая, разсуждая такимъ образомъ, пришелъ я къ одному существенному выводу: рыба живетъ въ водѣ, а на воздухѣ дохнетъ.

Лизѣ становилось грустно... Петровъ не хочетъ чего-то договорить до конца. Все послѣднее время онъ дѣлаетъ разные намеки... Она подумала сказать ему объ этомъ, но постѣснялась Вари.

Варя усѣлась напротивъ въ кресло.

— Петровъ, вы никакъ опять скулите?

— Не совсѣмъ такъ... На васъ жалуюсь—это правда...

Жмете вы всѣхъ насъ, сударыня, а возраженій выслушивать не привыкли.

— Пожалуйста...

Варя гордо подняла голову и съ видомъ снисходительнаго превосходства ждала, какую глупость скажетъ Петровъ. Наперекоръ ея первоначальному мнѣнію, онъ оказался очень нужнымъ для нихъ человѣкомъ, и поэтому она позволяла себѣ дѣлать для Петрова разныя мелкія поблажки въ родѣ участія въ безпорядочныхъ спорахъ.

Петровъ не торопился. Онъ любилъ говорить съ Варей красивѣе и умнѣе, чѣмъ съ другими, и мысленно обдумывалъ, какъ бы получше начать... Лиза встрепенулась: съ недавняго времени ей уже не удавалось, какъ раньше, улавливать его настроеніе: они словно потеряли связь, установившуюся между ними съ того дня, когда Петровъ далъ слово измѣнить свой образъ жизни. Лиза смутно догадывалась, что въ немъ назрѣваетъ какое-то рѣшеніе. Видѣла это она по глазамъ Петрова, по новой манерѣ говорить... У него была привычка приводить кстати и некстати какую-нибудь фразу, и фраза эта обыкновенно совпадала съ его основнымъ настроеніемъ. Прежде онъ на всѣ упреки въ лѣни и ничегонедѣланіи обыкновенно отвѣчалъ: „Любить... Но кого же? На время не стоитъ труда, а вѣчно любить не возможно“... Теперь его излюбленнымъ афоризмомъ стало: „Безумство храбрыхъ—вотъ мудрость жизни“. Лиза сопоставляла оба эти выраженія, вдумывалась въ нихъ, и для нея было ясно, что Петровъ собирается совершить что-то для нея неожиданное... Оттого, что онъ не говорилъ съ ней объ этомъ иначе, какъ намеками, она понимала, что онъ не хочетъ ея вмѣшательства. И она толковала, что Петровъ непремѣнно сдѣлаетъ грустную и непоправимую ошибку, но удерживать его отъ неизвѣстнаго еще рѣшенія не хотѣла, потому что разъ навсегда убѣдила себя, что каждый воленъ дѣлать, что ему угодно, хотя бы это былъ самый близкій и дорогой человѣкъ; необходимо только одно, а именно, чтобы онъ самъ считалъ свой поступокъ нужнымъ и дѣлалъ его искренно, безъ насилія надъ собой... А на Петрова въ этомъ отношеніи она полагалась не меньше, чѣмъ на себя...

Петровъ пустилъ густой клубъ дыма и слѣдилъ за нимъ сосредоточенными глазами, нарочно напуская на себя небрежный и безразличный тонъ.

— Начинаю. И примите во вниманіе, что это не шутки и не штуки, а въ серьезъ. Иначе не стоитъ мнѣ говорить, а вамъ слушать... Пускай ты умеръ о, гордый соколъ!.. Вотъ, Варвара Петровна, я хочу быть соколомъ, а вы меня заставляете быть въ положеніи муравья... Не думайте, что

мнѣ наскучила ваша планомѣрная работа съ учениками старшихъ классовъ, какъ у васъ зовутъ фабричныхъ рабочихъ... То, что дѣлаете вы, умно и необходимо, признаю и расписываюсь въ сотый разъ... Но для меня это—не воздухъ, и легкія хотятъ другого. Имъ, понимаете, нуженъ кислородъ, одинъ только кислородъ... Жизнь стучитъ въ окно и двери, зоветъ меня... И мнѣ все время кажется, что я долженъ одѣться, встать и пойти,—все равно куда, но только вонъ изъ дому, гдѣ недопитый чай на столѣ и пукъ прокламацій на этажеркѣ... Хотя я, ей-Богу, признаю вашу правду и Лизину въ свою очередь... Но, прежде всего, познай самого себя, а потомъ уже окружающее. Въ моемъ мозгу какой-то дуракъ вырѣзалъ слѣдующія слова: „Честь безумцу, который навѣетъ человѣчеству сонъ золотой"... Простите, что такъ много стиховъ... Но они хороши для иллюстраціи... Короче: я буду соколомъ, или никѣмъ не буду... И, если случится послѣднее, то, чтобы показать вамъ, какая я дрянненькая натура, приду на ваши баррикады въ одеждѣ санкюлота и постараюсь умереть отъ какой-нибудь шальной и глупой пули, выпущенной растеряннымъ и трясущимся молодымъ солдатомъ... Непремѣнно отъ шальной, настоящей не буду достоинъ... Вы не сердитесь на меня за насмѣшливый тонъ... Насмѣшка относится исключительно ко мнѣ одному... А вмѣсто заключенія добавлю, съ чего бы, собственно, слѣдовало начать: сегодня ночью я уѣзжаю.

Варя остановила на немъ испытующій взглядъ и медленно со вздохомъ сказала:

— Вы неисправимы, но всетаки огонь въ васъ есть... Мнѣ жаль, Петровъ, что вы не умѣете забрать себя въ руки.

— Варвара Петровна, я беру себя въ руки... Объ этомъ-то и весь разговоръ.

Петровъ даже приподнялся, чтобы подчеркнуть значеніе послѣднихъ словъ.

Его никто не провожалъ... Такъ хотѣлось ему самому. Лизѣ наединѣ съ нимъ пришлось пробыть не больше часа. Они молчали, перекидываясь короткими замѣчаніями, но въ этихъ замѣчаніяхъ, не смотря на кажущуюся незначительность, было сказано все, что нужно... Минутами Лизѣ становилось такъ больно, что она едва удерживалась, чтобы не расплакаться... Неожиданный отъѣздъ Петрова представлялся ей началомъ большой и тяжелой печали...

— Повѣрьте, Лиза, такъ лучше...—грустно сказалъ Петровъ.

— Вѣрно,—согласилась она и смотрѣла на него ласковыми любящими глазами, точно стараясь запомнить на очень

долгое время дорогое лицо... Потомъ взяла руку Петрова и стала ее тихо гладить.

— Мнѣ кажется, больше мы съ вами не увидимся. Вы уѣзжаете ночью и неожиданно.

— Не надо быть суевѣрной, милая... Ночью и неожидано ѣздилъ я всю жизнь.

Онъ собирался добавить что-то еще, но вернулся Яковъ, обѣщавшій придти черезъ полчаса и скрывшійся, по своему обыкновенію, на цѣлый день... Узнавъ, что Петровъ уѣзжаетъ, онъ взволнованно прошелся взадъ и впередъ и задумчиво сказалъ:

— Счастливый человѣкъ... Меня тоже тянетъ... Къ буйной волѣ, Михаилъ, такъ?

— Къ буйной волѣ...

— Пора... всѣмъ пора.

Лиза вмѣстѣ съ Яковомъ довели Петрова до воротъ... Петровъ торопливо простился и, не оглядываясь, пошелъ по просторной безлюдной улицѣ. На небѣ горѣли звѣзды... Ночь была ясна и безтревожна... Недалеко прогремѣла извозчичья пролетка.

— Первая...—словно на что-то намекая, замѣтилъ Яковъ.

Лиза смотрѣла на звѣзды, и ей было грустно, что наступаетъ весна и съ мостовой уже сошелъ снѣгъ.

„Боже мой, какъ быстро бѣжитъ время...“

У себя въ комнатѣ она заплела волосы въ косу, которой давно не носила, и, ни о чемъ не думая, странная, чужая сама себѣ, долго лежала на кушеткѣ, шепотомъ повторяя:

„Безумство храбрыхъ—вотъ мудрость жизни“...

Форточку она нарочно не закрывала... Ей нравилось ощущеніе холода... Точно въ комнату съ улицы входила ночь... Стѣны раздвигались... И зябли, и холодѣли подушка и одѣяло на кровати, маленькій кокетливый туалетъ и другія вещи, связанныя съ ея завтрашнимъ, тоскливымъ и ненужнымъ ей днемъ.

Со станціи желѣзной дороги донесся короткій, заглушенный разстояніемъ звонокъ и свистокъ локомотива... Она потянулась, встала, распустила волосы и причесалась, какъ всегда.

Потомъ взяла съ туалета любимую статуетку, нарисовала на ней чернилами усы и поставила ее мерзнуть за окно.

VII.

Яковъ узналъ первымъ, что подпоручика Караулова арестовали и отправили подъ сильнымъ конвоемъ въ военную крѣпость... Потомъ эта вѣсть разошлась по всему городу.

Говорили, что молодой офицеръ поступилъ глупо, какъ ребенокъ, и что жалѣть его не за что... Въ чужомъ полку собрать около себя незнакомыхъ солдатъ и говорить имъ бунтарскія рѣчи—могъ только или помѣшанный, или фанатикъ, которому все равно не удержаться. Находили, что по самой снисходительной оцѣнкѣ поступокъ Караулова не выдерживаетъ никакой критики. Никто не называлъ его порыва геройствомъ, а старикъ Москалевъ, прислушиваясь къ разнообразнымъ мнѣніямъ, только покачивалъ головой:

— Всего ожидалъ... но этого... признаюсь. Даже и сейчасъ не вѣрится.

На Якова эта больная и печальная исторія произвела сильное впечатлѣніе... Съ Варей, находившей, что Карауловъ доказалъ свою негодность въ жизни, онъ не пытался спорить; про себя же думалъ, что здѣсь нѣчто совсѣмъ особое, не подходящее подъ обычную мѣрку. Онъ строилъ разныя предположенія, то останавливался на одиночествѣ и впечатлительности Караулова и старательно припоминалъ всѣ мелочи послѣдняго разговора въ кондитерской, то, увлекаясь, фантазировалъ относительно причудливыхъ формъ русской революціи, которая развертывается совсѣмъ не такъ, какъ ожидали и предсказывали. Смутнымъ, тоскливымъ упрекомъ у него мелькало сознаніе, что, оттолкнувъ Караулова отъ своей среды, они нанесли себѣ довольно значительный ущербъ, и, кромѣ того, у него ныло сердце, что горячій, порывистый офицеръ въ самую человѣческую минуту своей жизни оказался безъ всякой поддержки. Якову было непріятно и до боли обидно, что эту одинокую, пусть даже дѣтскую натуру, постараются затравить, унизить, и думы о Караулов̀ѣ были настолько щемящи, что онъ давалъ себѣ слово никогда не быть близорукимъ и невнимательнымъ при самыхъ пустяшныхъ случайныхъ встрѣчахъ.

Лиза ничего не говорила, но прислушивалась ко всѣмъ разговорамъ внимательно. Арестъ Караулова она невольно сопоставляла съ неожиданнымъ отъѣздомъ Петрова и, когда думала объ одномъ изъ нихъ, память невольно вызывала образъ другого, и ихъ обоихъ любила она грустной безпомощной любовью, какъ Марья Ѳедоровна своего ушедшаго къ Богу Колю... Теперь Лиза уже совсѣмъ замкнулась въ себѣ, и дни шли точно мимо нея, неинтересные, однообразные и скучные.

Петровъ ушелъ къ своимъ людямъ, къ другимъ, чѣмъ Варя... Но Лиза понимала, что его отъѣздъ, это—отказъ отъ той жизни, которой хочетъ она, и что ея, Лизиной, жизни Петровъ не понимаетъ еще больше, чѣмъ Вариной... По Варину жить онъ не умѣлъ и не могъ, а ея жизни прямо

не хотѣлъ и сразу оборвалъ. Значитъ, въ ней что-то не такъ... А онъ милый: чтобы не обидѣть, ничего не объяснилъ и принялъ все на себя.

Ихъ осталось только трое: папа, мама и она... Всего трое. И Яковъ тоже никогда не вернется къ нимъ... Можетъ быть, впослѣдствіи онъ перемѣнится, не будетъ такимъ, какъ сейчасъ, но что бы ни случилось, пусть даже очень большое несчастье, спокойнымъ и покорнымъ онъ все равно не станетъ... Уѣдетъ, какъ Петровъ, и, чтобы не обидѣть, ничего не объяснитъ. Или, въ родѣ Караулова, будетъ тайно отправленъ въ какую-нибудь особенно мрачную тюрьму.

Вѣроятно, въ будущемъ,—еще очень не скоро, когда кончится революція,—можно будетъ всѣмъ жить по другому... А теперь нельзя... Такіе люди, какъ Яковъ, Варя и Петровъ, ни за что не уступятъ... Они или умрутъ, или поставятъ на своемъ.

Ей тоже надо идти за ними, чтобы только скорѣе, какъ можно скорѣе, кончилось тяжелое больное время... Она будетъ печатать ихъ прокламаціи, дѣлать все, что дадутъ, вышьетъ красное знамя красивыми бѣлыми буквами и научится пѣть ихъ пѣсни, то строгія, какъ Варино лицо, то порывистыя, взволнованныя, похожія на разсужденія Якова когда онъ горячится.

Лиза разсказала о своемъ желаніи Якову. Но тотъ, совершенно неожиданно для нея, не обрадовался, а напротивъ—принялся разубѣждать, настаивая, главнымъ образомъ, на томъ, что она человѣкъ другого склада, и ей слѣдуетъ оставаться такой, какая она есть...

Лиза улыбнулась и не согласилась... Она знала, чѣмъ подѣйствовать на брата, и поставила на своемъ.

— Я и не предполагала, Яковъ, что ты обо мнѣ такого плохого мнѣнія... Подумай самъ... По твоему, выходитъ такъ: или участвовать въ вашей работѣ могутъ одни нечуткіе и грубые люди, или я, въ самомъ дѣлѣ, ни на что не годна. Твердишь вѣчно одно: „сидѣть, сложа руки, преступленіе"... А меня, видно, не хочешь считать преступной по протекціи... Запутался ты что-то.

Яковъ не спорилъ.

— Да, пожалуй, ты, Лизутка, права. Во всякомъ случаѣ, оказалась справедливѣе меня... Не могу я еще освоиться со всѣмъ этимъ. Петровъ, Карауловъ, ты... Кто васъ настраиваетъ такимъ образомъ?.. Спасибо за науку... Еще одинъ рубиконъ перейденъ... Ну, была не была, будешь и ты вмѣстѣ съ нами.

Отъ Петрова Лиза получила письмо... Онъ писалъ, что дѣлаетъ послѣднюю попытку стать человѣкомъ, и что на эту

попытку натолкнула его сама Лиза. „Увидѣлъ, милая, свѣтлый, нѣжный призракъ,—писалъ онъ,—ну, и стыдно стало мерзости запустѣнія, царившей въ душѣ столько времени... Открыли весной, чтобы провѣтрить, амбаръ... Скверно тамъ оказалось: и солома гніетъ, и мыши всякой тамъ наплодилось больше, чѣмъ у другого человѣка скверныхъ мыслей. Выходитъ, что надо себя освѣжить, очистить отъ паутины и плѣсени... А то говоришь одно: бре-ке-ке, и самъ думаешь, и другихъ убѣждаешъ, что въ этомъ бре-ке-ке вся премудрость земли. Пролежать два года безъ движенія—не шутка... Теперь тороплюсь жить, и вы меня, пожалуйста, не браните... Чувствую, какъ обвѣтривается кожа на лицѣ, и пока очень не дурно. А вашъ голосъ, дорогая, ваши взгляды - все это со мною... Засыпаю съ думами о васъ и просыпаюсь съ ними же... И, вѣроятно, во снѣ дурацки улыбаюсь“...

Онъ не приложилъ своего адреса и прямо не высказалъ, что любитъ ее и будетъ любить долго и много... Лиза перечитывала письмо или, просто не читая, смотрѣла на крупныя, неровныя строчки... Милый Петровъ! Милый Миша! онъ стѣснителенъ въ письмахъ такъ же, какъ въ разговорахъ.

„Славный, хорошій человѣкъ...“—продолжала она думать о немъ и представляла Петрова въ большомъ чужомъ городѣ. въ комнатѣ на самомъ верху громаднаго каменнаго дома... И глаза у него прежніе, и самъ онъ такой же безтолковый и добрый, какимъ бывалъ у нихъ...

Да... все идетъ не такъ, какъ ей хотѣлось... И это только начало... Недаромъ Яковъ сталъ упираться, когда она предложила свои услуги... Ждать теперь можно всего... Сидишь вотъ съ закрытыми глазами, ничего не видишь, ни о чемъ не думаешь, и вдругъ откуда-то издали позоветъ милый, грустный голосъ... Даже не успѣешь проститься со своей комнатой, взглянуть въ окно, наскоро одѣнешься и—въ путь-дорогу! Все равно куда, только скорѣе, какъ можно скорѣе!

Толки объ арестѣ Караулова смѣнились другими толками. Въ сосѣдней губерніи случился страшный погромъ интеллигенціи. Чернь напала на земцевъ, евреевъ и учащуюся молодежь. Ходили слухи, что много было убитыхъ, что одну молодую дѣвушку погромщики, держа за ноги, разорвали пополамъ... Говорили, что безжалостно избивали дѣтей, и, будто, одинъ совсѣмъ маленькій гимназистъ перваго класса лежитъ въ больницѣ при смерти, пугаясь врача и сестеръ милосердія, какъ страшныхъ внушающихъ ужасъ видѣній... Головы убитыхъ топтали ногами, и нѣжный мягкій мозгъ приставалъ къ одеждѣ погромщиковъ... Двухъ пойманныхъ

въ земской управѣ студентовъ приговорили за измѣну царю къ смертной казни, и одинъ изъ нихъ, у котораго была смѣшная фамилія Синебрюховъ, посѣдѣлъ въ какіе-нибудь четверть часа. Трудно было создать всю кошмарную картину, и упоминалось обыкновенно о какомъ-нибудь частномъ случаѣ, иногда какъ будто незначительномъ, но на самомъ дѣлѣ имѣвшемъ грозный и трагическій смыслъ. Толковали много о томъ, что полиція держала сторону погромщиковъ, и приставъ Колышко принималъ въ буйствахъ толпы самое дѣятельное участіе, указывая на нѣкоторыхъ опредѣленныхъ лицъ и обѣщая награду и благодарность отъ губернатора за вѣрную службу.

Слухи эти сгустили и безъ того тревожную и напряженную атмосферу перепуганнаго обывательскаго городка, недовольно и съ безпокойствомъ озиравшагося на приходившія отовсюду волны судорожно бьющейся жизни... Ночи омрачились и потемнѣли, и по вечерамъ движенія стало значительно меньше... Фигуры, выроставшія въ сумракѣ глухихъ улицъ передъ запоздавшими прохожими, пріобрѣли необычный жуткій колоритъ таинственнаго заговора и злобной, пока еще скрытой вражды... Нѣсколько семействъ поспѣшно уѣхали. Въ думѣ одинъ изъ гласныхъ, представитель города на земскихъ съѣздахъ, заговорилъ о необходимости учредить городскую милицію... Газета ловила тревожные слухи, укоряла мѣстную власть въ попустительствѣ и обращала вниманіе своихъ читателей на дѣятельность настоятеля собора Фундаментскаго и купца Братина, открыто принявшихся за агитацію погрома среди приказчиковъ и другого темнаго люда, не умѣвшаго разбираться въ явленіяхъ окружающей жизни. На черныхъ лѣстницахъ находили „братскіе“ листки, злобно и безграмотно написанные... И чувствовалось, какъ росла зависть и ненависть, точно гдѣ-то далеко внѣ города произошло изверженіе вулкана, и огненная лава, полная ѣдкихъ удушливыхъ паровъ, накатывалась на него со всѣхъ сторонъ, готовясь сжечь высокіе и новые дома...

И казалось, что слѣпая и бездушная, какъ кошмаръ, злоба выползала по ночамъ изъ темныхъ переулковъ и дворовъ и внимательно и сладострастно присматривалась къ окнамъ, гдѣ горѣлъ ясный вечерній свѣтъ и раздавались молодыя, взволнованныя рѣчи... Будто она намѣчала себѣ жертвы, предвкушала, что скоро прольется теплая кровь... И въ темнотѣ сверкали глаза этой злобы, отравленные и горящіе острымъ, больнымъ пламенемъ животной вражды.

Говорили, что назначенъ опредѣленный день для погрома, и днемъ этимъ называли пасхальный понедѣльникъ... И до

того привыкли къ разговорамъ о предстоящемъ избіеніи, что даже не удивлялись преступному желанію кучки тупыхъ и ограниченныхъ людей отомстить низко и грязно... Создавалось впечатлѣніе, что изъ мрака ночи появились вдругъ некрасивые страшные духи... Насупились трусливые дома... Кто-то нѣжный и тихій ронялъ юныя первыя слезы... И медленно уплывали бѣлыя весеннія облака, и робко грустили апрѣльскіе дни.

Точно черная тѣнь отъ неизвѣстнаго крылатаго чудовища легла на растерявшійся городъ въ вербную и страстную недѣли; и дѣлалась все гуще и темнѣе, выростала у всѣхъ на глазахъ, днемъ сливалась съ прозрачнымъ блѣдно-голубымъ небомъ и уходящей далью, а вечеромъ сливалась, какъ змѣя, и ползла изъ переулка въ переулокъ, изъ улицы въ улицу, стараясь всюду заглянуть слѣпыми что-то нащупывающими глазами.

Молодежь, какъ стая птицъ, готовившихся къ отлету, держалась все время вмѣстѣ... Она ни въ чемъ себѣ не измѣнила... Были у нея тѣ же думы, тѣ же рѣчи, что и раньше... И прежнія пѣсни раздавались по вечерамъ въ освѣщенныхъ комнатахъ, когда дѣловые разговоры кончались, а расходиться не хотѣлось... Только сблизились еще тѣснѣе, больше полюбили одинъ другого и избѣгали мелкихъ столкновеній.

У Москалевыхъ въ домѣ стало уныло и тихо... Петръ Сидоровичъ конфузливо упрашивалъ Якова не носить студенческой формы и увѣрялъ, что снять ее на нѣсколько дней—сущіе пустяки... Марья Ѳедоровна бывала разстроенной, когда кто-нибудь изъ дѣтей выходилъ на улицу... Она придумывала разные предлоги, чтобы хотя не надолго задержать ихъ около себя, задавала ненужные вопросы и горько жаловалась, что никто изъ дѣтей не любитъ сидѣть дома. Яковъ не слушалъ уговоровъ отца, не снималъ формы и, будто нарочно, показывался всюду, гдѣ только могъ... На Петра Сидоровича поведеніе сына производило впечатлѣніе, точно Яковъ поставилъ себѣ цѣлью намозолить всѣмъ глаза.

— Хочетъ, чтобы избили... Что ты тутъ подѣлаешь?—жаловался онъ не разъ Марьѣ Ѳедоровнѣ...—И чѣмъ больше просишь, тѣмъ хуже... Заладилъ одно, что прятаться не хочу... Ровно маленькій...

Какъ-то при встрѣчѣ полицеймейстеръ посовѣтовалъ Петру Сидоровичу отправить сына недѣли на двѣ въ другой городъ.

— Вѣроятно, у насъ ничего не будетъ... Я, по крайней мѣрѣ, противъ... Но быть осторожнымъ, знаете, никогда не мѣшаетъ.

Старикъ Москалевъ безпомощно развелъ руками.

— Не слушаетъ... Подите, поговорите сами. Позоръ для него даже одежду снять, не только что уѣхать... И они всѣ такіе... увѣряю васъ.

— Ну... тогда...

И полицеймейстеръ молодцовато закрутилъ длинные кавалерійскіе усы. Разговоръ перешелъ на другую тему.

Въ кухнѣ разныхъ толковъ было прямо безъ конца. Тамъ имѣлись связи съ темнымъ, озлобленнымъ міромъ, который готовился заговорить о своемъ существованіи насиліемъ и убійствами... И кухня, точно, понимала напряженную безумную логику предстоящаго кошмара, безсмысленнаго надругательства и тупого остервенѣнія... Она, пожалуй, даже сочувствовала наступающимъ ужасамъ и выразила бы это сочувствіе, если бы не боялась, что пострадаютъ Москалевы... Ихъ господа—хорошіе люди, и они должны остаться въ сторонѣ. Другое дѣло остальные... Неизвѣстно—можетъ, они и хуже того, что про нихъ говорятъ. Зря болтать никто не будетъ... Дуня, бесѣдуя съ знакомымъ городовымъ, поддакивала, когда онъ ругалъ студентовъ, и думала въ это время про Соловьева, котораго теперь прямо не выносила; а няня и кухарка, обѣ сошлись на томъ, что бунты и безпорядки давно пора прекратить, потому что пользы отъ нихъ никому нѣтъ; семьи сидятъ безъ хлѣба, народъ голодаетъ, а новые законы—когда еще будутъ, да и кто на нихъ согласится.

— Что и говорить?—разсуждала няня...—Молодымъ все легко... Горюшка-то въ жизни терпѣть не приходилось... Сами хотятъ управляться; хозяевъ имъ не надо. А безъ хозяина въ домѣ какой толкъ... Одинъ одно возьметъ, другой другое. И пойдутъ пересуды, да споры.

Кухарка, въ свою очередь, прибавляла что-нибудь очень глубокомысленное, и обѣ вздыхали...

За идею самообороны въ кружкѣ молодежи первой ухватилась Варя и принялась за это дѣло во всю... Каждый членъ мѣстной организаціи получилъ револьверъ.—Условились—ничего не мѣнять въ образѣ жизни, чтобы показать, что не боятся рыночныхъ и церковныхъ угрозъ... Издана была прокламація, въ которой переименовывались дѣятели черной сотни... Соловьевъ пустилъ въ обращеніе шуточную каррикатуру на Фундаментскаго.

На собраніяхъ о погромщикахъ Варя говорила съ нескрываемымъ отвращеніемъ и горячилась, когда Яковъ пытался оправдать нѣкоторыхъ изъ нихъ темнотой и естественнымъ недовѣріемъ ко всему, нарушающему обычный ходъ жизни.

— Ты пойми одно: я ихъ ненавижу... Они хуже самыхъ послѣднихъ рабовъ... Тѣ хоть молчатъ... А эти лѣзутъ защи-

щать оковы и тюрьмы. Они не только холопы, но и самые подлые убійцы въ мірѣ... Я бы всѣхъ ихъ безъ сожалѣнія казнила: и поповъ, и лавочниковъ, и всякихъ тамъ молодцовъ... Сдѣлала бы громадный костеръ на площади и пришла полюбоваться, какъ трещатъ жирныя красныя тѣла... Яковъ, ты знаешь меня,—знаешь, что я умѣю управлять собой при всякихъ обстоятельствахъ и ни въ чемъ не даю себѣ воли... А вотъ здѣсь не могу, будто совсѣмъ другой человѣкъ. Какъ тебѣ въ другой разъ хочется крикнуть на весь міръ: „долой тиранню!"—такъ я хочу закричать имъ, что ненавижу и презираю ихъ всѣхъ до одного... Въ этой черной сотнѣ собралась вся пугачевщина, весь ужасъ старой жизни... Она бросаетъ намъ подлый вызовъ... Мы должны принять его, или я пойду одна отдѣльно ото всѣхъ.

Елена Дмитріевна опять съ восторгомъ смотрѣла на Варю... Соловьевъ на этотъ разъ былъ доволенъ ею больше, чѣмъ когда-либо... „Вотъ, это я люблю",—шепталъ онъ сидѣвшему рядомъ Якову... Яковъ тоже восхищался... Въ Варѣ проснулась страсть... Она теперь покажетъ, какова она есть... И Яковъ радостно улыбался. Только господинъ въ пенснэ рекомендовалъ осторожность, напирая на малочисленность сознательнаго элемента, но голосъ его былъ одинъ, и онъ, пожавъ плечами, пересталъ возражать.

Начались поѣздки за городъ, гдѣ устраивалась стрѣльба въ цѣль... Лучше всѣхъ отличались Яковъ и Соловьевъ, соперничавшіе другъ передъ другомъ. У Вари тоже выходило недурно.

Одна Елена Дмитріевна отставала и совѣстливо оправдывалась:

— Въ принципѣ, вотъ, противъ вооруженной борьбы ничего не имѣю. А не выходитъ... Вѣрно, не бывать воронѣ ястребомъ...

— Какая вы ворона!—грохоталъ Соловьевъ.—Старенькая мышка вы изъ революціоннаго подполья...

Всѣмъ было весело...

Возвращались домой утомленные, но довольные.

VIII.

Въ страстной четвергъ дворникъ Москалевыхъ Матвѣй пришелъ поговорить съ Петромъ Сидоровичемъ. Онъ конфузливо жался въ передней, нѣсколько разъ обтиралъ ноги о коверъ, мялъ шапку и виновато опускалъ глаза. Марья Өедоровна попыталась разспросить, въ чемъ дѣло, но Матвѣй пробурчалъ что-то себѣ подъ носъ и сказалъ, что обождетъ

барина... А когда ему предложили пройти въ кухню — напиться чаю, порывисто отказался.

— Постою здѣсь... Чего мнѣ сдѣлается? Мы къ этому привычны...

Яковъ тоже попробовалъ вступить съ нимъ въ разговоръ, но, задавъ два-три вопроса и получивъ неопредѣленные уклончивые отвѣты, нашелъ, что Матвѣй въ дурномъ расположенiи духа, и больше его не безпокоилъ.

Петра Сидоровича пришлось ожидать довольно долго, и его тихiй дребезжащiй звонокъ раздался какъ разъ въ ту минуту, когда Матвѣй было совсѣмъ собрался уходить, обѣщая навѣдаться къ вечеру.

Онъ посторонился, чтобы дать Петру Сидоровичу пройти, откашлялся и выпрямился. Потомъ досталъ носовой платокъ и сморкался съ такимъ видомъ, точно дѣлалъ серьезное и трудное дѣло.

На Петрѣ Сидоровичѣ была надѣта шуба съ бобровымъ воротникомъ и бобровая шапка... Раздѣвался онъ медленно и солидно, тяжело отдуваясь, и на вискахъ, вѣроятно отъ напряженiя, послѣ того, какъ онъ разоблачился, выступили набухшiя синiя жилки.

— Баринъ, я къ вамъ... — выступилъ изъ угла Матвѣй, видя, что въ темнотѣ его не замѣчаютъ.

— Ну, что? Опять что-нибудь напуталъ?

— Да вотъ... выходитъ такое дѣло...

— Какое дѣло? Говори.

Петръ Сидоровичъ предполагалъ, что какiе-нибудь пустяки, и готовился разсердиться, что Матвѣй медлилъ.

— Тебя спрашиваютъ, или не тебя? Не торчать же мнѣ передъ тобой въ передней.

У Матвѣя вырвался подавленный вздохъ.

— Сойти мнѣ отъ васъ, баринъ, надо... Ищите себѣ кого другого... Выходитъ, значитъ, такъ... Вы ужъ не обезсудьте... Говорили мнѣ, чтобы не упреждалъ; побить грозились... А я пришелъ, хотѣлъ безъ обиды.

Онъ стоялъ подавленный и обезкураженный, и въ его голосѣ слышались слезы и робкое извиненiе... Говорить ему стоило большого труда, и онъ напрягалъ всѣ свои силы, чтобы выдержать удивленный взглядъ Петра Сидоровича, раскраснѣвшагося отъ неожиданности.

— Нашелъ, что ли, другое мѣсто? — сердито спросилъ старикъ Москалевъ.

— Никакъ нѣтъ...

— Такъ что же?

Матвѣй окончательно растерялся... Сказать приходилось самое главное и обидное. Въ мозгу у него шла напряженная

работа, какъ бы выразить все поскладнѣе и помягче, чтобы не обидѣть хозяина, отъ котораго онъ, какъ совершенно искренне думалъ про себя, никогда не видѣлъ ничего худого.

— Говорятъ въ народѣ разное... Стращаютъ... Будто у васъ въ домѣ пропаганда заведена и все такое... Можетъ, и зря болтаютъ, языки ни у кого не завязаны... Но по нонѣшнимъ временамъ, сами посудите... Потомъ господа студенты къ вамъ ходятъ, барышни тоже всякія... Ну, другой посмотритъ и скажетъ...

— Тебя, Матвѣй, подучилъ кто? Говори прямо.

— Я самъ боюсь... Учить некому.

— Матвѣй!.. Не ври... Мы съ тобой не враги... И все равно я тебя хорошо знаю. Говори: кто подучилъ?

Матвѣй беззвучно и безпомощно прошепталъ:

— Мамаша, значитъ, и подруги ейныя, которыя къ намъ завсегда ходятъ. Вѣрите или нѣтъ: загрызли онѣ меня съ утра до ночи. Спать ляжешь—и то спокою нѣтъ. Мать стращаетъ: уходи, молъ, и больше никакихъ, или ты не сынъ мнѣ... Голубчикъ, баринъ, простите, виновенъ я передъ вами.

Онъ сдѣлалъ движеніе, точно былъ готовъ опуститься на колѣни. Петръ Сидоровичъ прикрикнулъ, чтобы этихъ глупостей не было, быстро заходилъ взадъ и впередъ, а потомъ подошелъ къ самому лицу Матвѣя и, болѣзненно улыбнувшись, сказалъ:

— Такъ уходишь, братъ? А?

Матвѣй ожидалъ совсѣмъ другого, и опять ему захотѣлось броситься въ ноги барину. Ужъ очень жаль стало стараго Москалева... Даже на минуту мелькнула мысль: не объявить ли, что остается... Но тутъ вспомнилась мать, и онъ съ покорностью подтвердилъ:

— Ухожу, Петръ Сидоровичъ... Нѣтъ никакой возможности. Вѣрите, или нѣтъ.

— Ты или дуракъ, или подлецъ!—вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, неестественно громко закричалъ Москалевъ.—Пошелъ вонъ! Разговаривать съ тобой не хочу.

Со старикомъ сдѣлалось что-то въ родѣ припадка. Щеки его побагровѣли, видно было, какъ въ жилахъ стучитъ кровь... Онъ трясся и не могъ закрыть ротъ. Конвульсіи пробѣгали по всему лицу. Въ груди клокотала огромная обида, нанесенная неизвѣстно за что. И то хотѣлось жаловаться и плакать, какъ ребенку, котораго обидѣла неумѣлая мать, то кричать на Матвѣя и напомнить всѣ его вины... Сильно билось сердце... И старикъ все ходилъ, ходилъ, постукивая по паркету твердыми каблуками.

— Позови его ко мнѣ...—приказалъ онъ Дунѣ.

Матвѣй съ прежнимъ виноватымъ, но упрямымъ видомъ сталъ у дверей, не осмѣливаясь войти въ залу.

— Я тебя не виню... Матери слушаться—это сыновній долгъ... Потомъ, гдѣ тебѣ понимать все это... Умные и образованные пастыри не понимаютъ... Съ тебя, слѣдовательно, и спрашивать нельзя,—грустно заговорилъ пришедшій въ себя Петръ Сидоровичъ...—Видимо, наговорили, а говорить не запретишь... Люди зло къ намъ имѣютъ... Но мы не худые людей, Матвѣй?

— Не худые, —радостно согласился дворникъ.

— Удерживать я тебя, конечно, не стану... Не люблю насильно принуждать даже собственныхъ дѣтей... Каждый своей жизни хочетъ. Въ гостяхъ, какъ говориться, хорошо, а дома все лучше... Иди, братъ, на всѣ четыре стороны. Только въ другомъ мѣстѣ тебѣ такой воли не дадутъ... Скрутятъ такъ, что мое почтенье... Все равно, какъ въ солдаты, попадешь.

— Это вы вѣрно, Петръ Сидоровичъ...

— Ну, значитъ, разстаемся по хорошему. Хотѣлъ разсердиться, и стоило, да характеру не хватаетъ... Завтра получишь разсчетъ... Приходи утречкомъ.

Матвѣю хотѣлось спросить одну вещь. Онъ замялся.

— Что тебѣ еще?

— А вы, баринъ, не разобидѣлись на меня?

Петръ Сидоровичъ устало махнулъ рукой.

— На всѣхъ обижаться, такъ давно въ гробу лежать надо... Такъ-то, сударь. А теперь ступай вонъ. Некогда мнѣ.

Послѣдніе два дня передъ Пасхой шла спѣшная уборка комнатъ... Мылись окна и двери, выколачивались ковры, метлой собирали паутину по угламъ и чистыми салфетками обтирали иконныя ризы. Дѣло какъ-то не спорилось, точно мѣшали посторонніе думы—чужія уличныя думы, омрачавшія наступающій праздникъ. Въ каждое движеніе вкрадывалась неопредѣленная грусть, что вотъ дѣлаешь все, какъ обыкновенно, будто ничего не можетъ случиться, а вдругъ произойдетъ то особенное и страшное, о чемъ всѣ говорятъ, и тогда не надо ни прибранныхъ комнатъ, ни свѣжихъ занавѣсокъ, ни выколоченныхъ ковровъ. Марья Ѳедоровна утратила способность замѣчать мелкія упущенія и слѣдила за тѣмъ, какъ управлялись няня и Дуня, нехотя, съ огорченнымъ и усталымъ видомъ... Ей казалось, что все рѣшительно идетъ не такъ, какъ слѣдовало бы по настоящему, какъ шло въ прежніе годы, и никакими замѣчаніями теперь уже не поможешь... Поздно... Было время—не смотрѣли... Сами, значитъ, виноваты... Ну, и молчать надо... Она не могла отвѣтить, если бы ее спросили, что именно не такъ, но, когда сидѣла и думала,

ей представлялось, что она одна все знаетъ и сумѣла бы помочь, если бы только обратились за ея совѣтомъ во время... И было печально видѣть, какъ Яковъ бродитъ изъ комнаты въ комнату, нигдѣ не находя себѣ мѣста, какъ Лиза цѣлый день сидитъ у окна и все время думаетъ про своего Петрова... На Варю Марья Ѳедоровна старалась не обращать вниманія; эта—давно уже отпѣтый человѣкъ. Но и съ Варей произошла какая-то перемѣна, точно она къ чему-то готовилась, провѣряла себя и старалась держаться отъ всѣхъ въ сторонѣ.

„Нѣтъ, имѣть семью—мысленно разсуждала Марья Ѳедоровна—съ ума сойти можно... Ростишь, ростишь, смотришь во всѣ глаза, а потомъ не твой ребенокъ это... Слова сказать нельзя..."

Разговлялись всѣ вмѣстѣ... Яковъ сидѣлъ сумрачный и молчаливый... Варя тоже... Старикъ Москалевъ пытался создать подобіе праздничнаго настроенія, занималъ жену разсказами, но изъ этого ничего не выходило. Смѣялся онъ одинъ. И всѣ облегченно вздохнули, когда Марья Ѳедоровна, сославшись на усталость, встала изъ-за стола.

— Никогда не забуду этой Пасхи, — сказала она Петру Сидоровичу въ спальнѣ.—Все у насъ не какъ у людей... Не даромъ другіе смѣются: въ Москалевыхъ, говорятъ, пошелъ!

— Ну, что-жъ... Москалевы мы и на самомъ дѣлѣ... Что же тутъ худого?

— Не притворяйся... Самъ знаешь...

Для праздника они рѣшили не спорить, и разговоръ на этомъ и окончился.

Утромъ Дуня сіяла въ новомъ кокетливо сшитомъ платьѣ и накрахмаленномъ передникѣ... Приходили поздравлять съ праздникомъ: новый дворникъ, церковный сторожъ Филиппъ, полотеры и приказчики изъ лавокъ. Петръ Сидоровичъ, приглашая ихъ въ столовую выкушать по рюмки водки, озабоченно справлялся:

— Не слыхать ли, ребята, чего?

— Покуда нѣтъ... Будто еще тихо... Пьяныхъ много... Вотъ завтра, что пошлетъ Господь... Кое-гдѣ поговариваютъ.

Быстро опрокидывали рюмки, жевали бутерброды и, желая всего хорошаго, прощались.

Днемъ пріѣхалъ Фундаментскій съ причтомъ... Хриплые голоса пѣли: „Христосъ Воскресе..." Марья Ѳедоровна послала Дуню позвать Якова и Варю, но они оба наотрѣзъ отказались... У нихъ въ это время сидѣли Соловьевъ и Елена Дмитріевна... По отзывамъ Соловьева, городъ имѣлъ обычный пасхальный видъ... Правда, въ одномъ переулкѣ въ него

бросили камнемъ, да мѣстахъ въ двухъ еще встрѣтились кучки подозрительныхъ личностей.

— Погрома не будетъ,—увѣренно заявилъ онъ.—Ручаюсь.

Вечеромъ Варѣ захотѣлось пройтись... Якову тоже надоѣло сидѣть дома, и они, въ сопровожденіи Соловьева и Елены Дмитріевны, пошли на одну изъ окраинъ города... Было какъ-то нервно весело... Чувствовалось, что идутъ по враждебно-настроеннымъ переулкамъ и улицамъ, и что можетъ произойти столкновеніе. Варя преувеличенно-громко смѣялась, Соловьевъ вторилъ ей и набрался, въ концѣ концовъ, такой смѣлости, что предложилъ руку... Елена Дмитріевна рядомъ съ Яковомъ казалась маленькой и безпомощной, и слова, которыя она говорила, выходили тоже маленькими и безпомощными... Смѣясь, она прятала лицо въ муфту и спотыкалась... Какой-то рослый парень плечомъ со всего размаха толкнулъ Якова, а потомъ потрясъ воздухъ крикомъ: „Сволочь!" Яковъ посовѣтовалъ ему быть осторожнѣе... У воротъ стояли женщины, закутанныя въ платки, дворники и еще какіе-то субъекты. Они что-то говорили насчетъ Якова, смѣялись надъ Еленой Дмитріевной, что туда же лѣзетъ, и старались не давать дороги.

Яковъ съ беззаботнымъ видомъ напѣвалъ вполголоса: „Что день грядущій мнѣ готовитъ?..." и просилъ Елену Дмитріевну, въ случаѣ чего нибудь, написать на его могилѣ— „Говорила тебѣ я: ты не ѣшь грибовъ, Илья"... Потомъ, въ шутку, принялся увѣрять, что по всѣмъ даннымъ долженъ сдѣлаться индивидуалистомъ. Впереди грохоталъ Соловьевъ... Варя вставляла замѣчаніе, что, пожалуй, индивидуализмъ самое послѣднее слово человѣческой культуры. Елена Дмитріевна, не понимавшая, что все это продѣлывается исключительно, чтобы посмѣяться надъ ней, робко возражала, съ нѣкоторыми положеніями даже соглашалась, а про себя думала, что вотъ она никогда не измѣнится, и отъ этихъ думъ ей становилось тоскливо и сѣро...

Изъ-за угла навстрѣчу молодежи двинулась небольшая компанія какихъ-то людей... Впереди былъ красивый Братинскій приказчикъ, а на полшага отъ него сгорбленная старушечья фигура.

Яковъ обратилъ Варино вниманіе на эту группу.

— Смотри, сестренка: мать нашего Матвѣя... И съ такой свитой... Вѣрно, въ родѣ патруля.

Варя присмотрѣлась: въ самомъ дѣлѣ, это она.

— Ты мнѣ ихъ только укажи... А дальше ужъ я самъ постараюсь, — заплетающимся голосомъ говорилъ молодой приказчикъ.

Сразу почувствовалось, что ихъ узнали, и что столкно-

веніе неминуемо. Елена Дмитріевна предложила перейти на другую сторону... Никто не разслышалъ, или прямо не хотѣлось уступать... Разговоръ оборвался... Варя выдвинулась впередъ. Прибавилъ шагу и Яковъ.

— Вотъ эти самые... Двое...—громко указала на Москалевыхъ старуха.

Приказчикъ остановился и въ упоръ глядѣлъ на Варю... Варя отвѣтила ему вызывающимъ взглядомъ.

— Они...—опять сказала старуха.

— Ты что-жъ это, барышня, бунтовать вздумала? Или не слыхала, что съ вашимъ братомъ за этакія дѣла бываетъ?

Онъ пялилъ грудь и выступалъ бокомъ, вѣроятно, выполняя всѣ пріемы кулачнаго ухарства. Трое такихъ же, какъ онъ, субъекта держались въ отдаленіи, молча наблюдая начинавшуюся сцену... Настасья остановилась и приняла позу, чтобы всякую минуту можно было вмѣшаться... Соловьевъ потрясъ правой рукой, пробуя силу мускуловъ... Яковъ вспыхнулъ...

— Проходи... Мы тебя не задерживаемъ... Видишь, дорога свободна.

— Я, господинъ студентъ, не съ вами... Мнѣ съ барышней хочется потолковать... До васъ другая очередь будетъ.

Онъ медлилъ... Издѣваться надъ „господами", какъ онъ называлъ ихъ про себя, было большое удовольствіе... Хотѣлось натѣшиться всласть...

— Это моя сестра, и задѣвать ее всякому прохвосту я не позволю.

Варя остановила брата.

— Яковъ, не говори съ нимъ... Видишь: онъ пьяный.

— Пьяный, да поганыхъ дѣловъ не дѣлаю, а ты ехидна... сволочь ты... Въ морду твою плюю... хуже послѣдней...

Онъ не успѣлъ сказать до конца... Яковъ схватилъ его за горло... Наступала рѣшительная минута... Придвинулись и всѣ остальные... Ловкимъ движеніемъ приказчикъ откинулъ Якова и опять началъ наступать на Варю.

Варя быстро выхватила револьверъ.

Она была совсѣмъ спокойна и только чуточку поблѣднѣла. Собой владѣла она въ эту минуту до такой степени, что даже обернулась къ Еленѣ Дмитріевнѣ и глазами попросила отойти ее дальше... Та безсознательно послушалась, прижалась къ стѣнѣ и въ ужасѣ закрыла лицо руками. Муфта упала на панель... Яковъ, подчиняясь Вариной рѣшимости, стоялъ и ждалъ. Соловьевъ тоже.

— Вы насъ пропустите, или нѣтъ?—отчетливо спросила Варя. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на ея лицѣ... Она держалась прямо.

— Барышня, ты лучше брось свою игрушку, или я ее у тебя вышибу... Все равно бока мы вамъ наломаемъ... Потому, вотъ здѣсь такой человѣкъ есть, — приказчикъ указалъ на старуху,—слѣдить за вами поставленный... Лучше подчинись безъ разговору... Хуже будетъ.

Варя не двинулась... Онъ неудачно попробовалъ дать ей подножку.

— Въ послѣдній разъ говорю, что стрѣлять буду.

Между ними кинулась старуха...

— Крови еще нашей хочетъ... Бейте ее вѣдьму... Чего она?

Настасья кричала, подбирая все болѣе и болѣе бранныя слова... Стала собираться толпа, сочувственно слушавшая старуху.

Варя ничего не видѣла... Она вся горѣла... Кто-то надвинулся на нее... На секунду остановился... Она подняла руку... Видно было, какъ изъ толпы отдѣлилось нѣсколько человѣкъ и пошли въ обходъ.

Неожиданно грянулъ сухой короткій выстрѣлъ. Она сама не замѣтила, какъ спустила курокъ. Мелькомъ видѣла, что старуха выпрямилась, а потомъ грохнулась всѣмъ тѣломъ.

— Убили!—раздался чей-то голосъ.

Приказчикъ неестественно широко расширилъ глаза и шарахнулся въ сторону.

— Они стрѣляютъ...—растерянно крикнулъ онъ.

На толпу напала паника... Всѣ бросились бѣжать.

Варя повернулась къ своимъ.

— Пойдемте,—спокойно сказала она.

За ними была темная пустая улица. Варя шла въ серединѣ между Яковомъ и Соловьевымъ. Елену Дмитріевну усадили на извозчикѣ и отправили домой... Она вся тряслась.

Никто ничего не говорилъ... Шли медленно, не оглядываясь назадъ, точно ко всему готовые.

IX.

Варю посадили въ тюрьму... Дѣло объ убійствѣ старухи было обставлено такимъ образомъ, что возникъ сложный судебный процессъ. Мѣстныя власти постарались создать соотвѣтственную обстановку, набрали разныхъ подозрительныхъ свидѣтелей и вели слѣдствіе въ томъ направленіи, что Яковъ и Варя первыми задѣли толпу, надругались надъ ея патріотическими чувствами, и что Варя выстрѣлила безъ всякой необходимости... Говорили, что дѣломъ заинтересовалось одно изъ высшихъ чиновныхъ лицъ Петербурга, и

что лицо это телеграммами сносилось со слѣдователемъ, руководя его дѣйствіями въ нужномъ для администраціи направленіи.

Петръ Сидоровичъ имѣлъ видъ человѣка, только что перенесшаго большое несчастіе... Онъ сначала хлопоталъ, потомъ запутался, растерялся и не зналъ, что предпринять... Оставаясь наединѣ, старикъ тихо прохаживался, заложивъ руки за спину, представлялъ себѣ, какъ томится Варя въ тюремной камерѣ, какъ ей тамъ не разрѣшаютъ то одного, то другого, и мысленно называлъ ее „милой доченькой"... У него ни на минуту не возникало вопроса: права Варя, или нѣтъ?.. Онъ зналъ одно, что тюремная жизнь для нея оскорбительна, что ей тамъ, по всей вѣроятности, очень тяжело, думалъ объ этомъ и грустно вздыхалъ, не понимая, къ чему затѣяна вся исторія, когда Варя ни передъ кѣмъ изъ тѣхъ, кто ее вырвалъ изъ дому, все равно не станетъ оправдываться и на всѣ обвиненія отвѣтитъ гордымъ молчаніемъ. Онъ опять называлъ ее „милой доченькой", а когда съ нимъ заговаривали, не сразу могъ понять, чего отъ него хотятъ, долго всматривался въ собесѣдника и медленно, словно отрываясь отъ нужныхъ мыслей, произносилъ: „Вы, мой дорогой, меня?" На лицѣ его появилась растерянная улыбка; всѣ предположенія, которыя приходилось по разнымъ поводамъ высказывать, стали тоскливыми и неувѣренными, и часто, особенно по вечерамъ, онъ мечталъ вслухъ продать всѣ магазины и лавки, отказаться отъ должности церковнаго старосты, гдѣ-нибудь купить землицы и дожить остатокъ жизни вдали отъ безпокойнаго и враждебнаго города.

— Я усталъ... Вѣрно, старость пришла, — оправдывалъ онъ это желаніе передъ Яковомъ и продолжалъ развивать свой планъ ровнымъ, покорнымъ голосомъ, точно извиняясь, что выносить дальше семейныя неурядицы онъ уже не въ силахъ.

Няня находила, что Петръ Сидоровичъ смотритъ въ могилу, а кухарка, неизвѣстно на что, сердилась и при всякомъ удобномъ случаѣ говорила:

— Довели... Могутъ теперь радоваться.

У Марьи Ѳедоровны по цѣлымъ днямъ болѣла голова, и никакія медицинскія средства ей не помогали. Она рѣдко выходила изъ своей спальни, бродила закутанная въ вязанный бѣлый платокъ, какъ скорбная безшумная тѣнь, ничего не говоря и не спрашивая, а когда приходилось сидѣть со всѣми вмѣстѣ за столомъ, у нея было такое чувство, что вотъ она не выдержитъ, разрыдается, отъ чего голова заболитъ еще сильнѣе, и, не дождавшись конца обѣда или чая, уйдетъ къ себѣ. На разспросы Лизы, какъ ея здоровье,

Марья Өедоровна то безпомощно махала рукой, то съ невольной усмѣшкой тихо говорила, что очень хорошо, и просила не безпокоиться. Просиживая въ спальнѣ цѣлые вечера, она смотрѣла остановившимися глазами въ одну точку, думала о разныхъ не касающихся ни мужа, ни дѣтей вещахъ, и ей хотѣлось, чтобы всѣ оставили ее въ покоѣ. Раза два ѣздила она на Колину могилку, грѣвшуюся на апрѣльскомъ солнцѣ, чистенькую и уютную, съ новымъ палисадникомъ, оправляла вѣнки, просила сторожа посадить побольше цвѣтовъ и уѣзжала оттуда на извозчикѣ, усталая и разбитая, но нравственно примиренная. Ѣхала по городу, вспоминала младшую дочь, и ей казалось, что Варя, не та Варя, какую она знала въ послѣднее время, а прежняя тоненькая красивая дѣвочка въ короткомъ гимназическомъ платьицѣ съ блестящими черными глазками, отнята отъ нея по какой-то роковой ошибкѣ, что обѣ онѣ скучаютъ другъ по дружкѣ и, можетъ быть, даже навѣрное, когда-нибудь встрѣтятся, добрыя и любящія, въ неизвѣстномъ мѣстѣ, гдѣ ласковое близкое небо, весенняя тишина и много уютныхъ веселыхъ могилокъ съ маленькими дѣтскими крестами.

О Варѣ въ семьѣ Москалевыхъ говорили заботливо и нѣжно, какъ о родномъ человѣкѣ, которому опоздали помочь въ трудную минуту... Все, связанное съ ея именемъ, бережно хранили; и въ разговорахъ про нее любили дѣлать видъ, что она куда-то далеко уѣхала и непремѣнно черезъ нѣсколько лѣтъ вернется. Лиза часто заходила въ ея комнату, перебирала разныя вещи, вытирала пыль... Ей хотѣлось, чтобы, не смотря на Варино отсутствіе, порядокъ въ комнатѣ былъ обычный... Солнце заглядывало на кровать, покрытую бѣлымъ пикейнымъ одѣяломъ, и на небольшое круглое зеркало въ золоченной рамѣ... Лизѣ становилось грустно, что Варя лишена домашняго уюта, удобной кушетки и книгъ... На улицѣ воздухъ шелестѣлъ, какъ шелковый, жизнерадостно гремѣли извозчичьи пролетки, было шумно, безтолково, но весело.

Можетъ быть, уличное оживленіе настраивало Лизу такимъ образомъ, что у нея просыпалось желаніе передать сестрѣ какія-то особенныя ощущенія... Она представляла себѣ, какъ бы хорошо поговорила теперь съ Варей, если бы та была дома... Она видѣла Варино лицо, и ей мечталось, будто онѣ между собой очень дружны, могутъ долго проводить время вмѣстѣ и мѣняться мнѣніями обо всемъ рѣшительно.

„Много женщины въ тебѣ, Лиза..—точно раздавалсяВаринъ голосъ.—И мнѣ кажется, ты никогда не будешь безжалостной и опредѣленной, какою, по моему убѣжденію, надо

быть каждую минуту... Твоя бѣда, что ты не можешь понять самаго главнаго, и это не позволяетъ тебѣ выйти на настоящую дорогу: безжалостной надо быть именно къ себѣ, къ еще сохранившимся чувствамъ, къ душѣ, сжившейся съ отцомъ, съ матерью и съ ихъ заботами. Я все это надъ собой сдѣлала и, видишь, спокойна... Вы считаете меня черствой и эгоистичной... Я на войнѣ, на суровой войнѣ, и веду себя, какъ сознательный солдатъ... Только и всего"...

Лиза старательно припоминала всѣ случайныя замѣчанія, брошенныя Варей мимоходомъ ей, Якову и другимъ, и на этихъ замѣчаніяхъ строила вымышленные разговоры... И иногда они бывали настолько реальны, что ее охватывала рѣжущая боль.

Сестра, конечно, гораздо лучше, чѣмъ можно было думать о ней прежде, и, если кто виноватъ въ происшедшемъ, то отнюдь не она, а скорѣе они всѣ, не разставшіеся еще со старой жизнью... Лизѣ хотѣлось почему-то принять всю эту вину на себя. Она придумывала, что можно сказать Варѣ, чтобы объяснить, какъ всѣ будутъ къ ней относиться.

Сидѣла и увѣряла себя, что на Вариномъ мѣстѣ иначе поступить было не возможно.

Правда, она считала Варю немного сухой... Всегда ей казалось, что со стариками Варя могла бы поступать мягче, да и самое себя беречь не мѣшало бы... Но теперь она понимала, что Варѣ необходимо было перейти какую-то роковую черту, чтобы потомъ не мѣшать себѣ посторонними сомнѣніями.

И, если бы она получила возможность увидѣться съ Варей, первое, что бы она ей сказала,—была бы просьба дѣлать все то, что сама Варя найдетъ нужнымъ, и не обращать на нихъ вниманія.

„Милая...—шептали ей щемящія ласковыя думы...—тебѣ не стоитъ жить здѣсь, у насъ... Выйдетъ опять что-нибудь тяжелое для всѣхъ. Такіе ужъ тутъ люди... Уѣзжай, непремѣнно уѣзжай въ большой городъ, гдѣ много, какъ ты, большихъ, сильныхъ и красивыхъ душъ... И борьба у васъ тамъ будетъ, сильная и яркая, не вызывающая никакой грусти... А мы останемся у себя, и ты можешь быть увѣрена: ваше дѣло мы продолжимъ... Даже я сдѣлаю все, что смогу"...

„И Яковъ тоже пусть уѣзжаетъ"...—продолжала думать она, переходя на брата.

Съ нимъ, на поверхностный взглядъ, не произошло никакой перемѣны: какъ и до ареста Вари, онъ продолжалъ видѣться съ Соловьевымъ, съ Еленой Дмитріевной и другими комитетскими. Дома почти не сидѣлъ... Заботиться о Варѣ

всецѣло предоставилъ домашнимъ, а когда Лиза спросила его, почему онъ избѣгаетъ даже упоминать о томъ случаѣ, онъ взволнованно отвѣтилъ:

— Я знаю, что остается сдѣлать... Они меня вынудили... Вотъ что... На меня ты можешь положиться... Я раздѣлаюсь съ этими мерзавцами по своему... Больше ничего не разспрашивай. Время покажетъ, кто изъ насъ правъ... Во всякомъ случаѣ, одну вещь я рѣшилъ окончательно.

Яковъ все время чего то ждалъ.—Лиза видѣла это хорошо: недаромъ онъ старался не дать себѣ опомниться, изобрѣталъ разныя дѣла и не оставлялъ ни одной минуты свободной... Приходилъ домой совсѣмъ засвѣтло, рано вставалъ и сразу скрывался... Тѣснѣе другихъ сошелся онъ съ Соловьевымъ. Одинъ вечеръ оба они провели въ Лизиной комнатѣ, не пошли въ столовую пить чай и проговорили почти до утра... Яковъ былъ въ приподнятомъ настроеніи, нервно смѣялся и увѣрялъ, что теперь съ нимъ все покончено...

— Несетъ что-то... Такое чувство, будто захватило дыханіе... Лечу вмѣстѣ съ вѣтромъ, мимо мелькаютъ дома, деревня—протяни руку, ухватись—думаешь объ этомъ, но самъ напередъ знаешь, что ни за что не ухватишься. А быстрота все увеличивается, очертанья отдѣльныхъ предметовъ сливаются въ одинъ туманный фонъ... Темнѣетъ—и точно ночь... А ты летишь и летишь, далеко уже родной городъ, самая жизнь твоя далеко, на нее некогда оглянуться... Крикнешь: прочь съ дороги... Это вмѣсто послѣдняго прости... Поѣздъ желѣзной дороги, продержанный на станціи сверхъ расписанія, обезумѣлъ, торопится наверстать потерянное время, и три глаза его рѣжутъ темень... Кто смотритъ со стороны—тому страшно. А кто ѣдетъ—въ одинъ день живетъ больше, чѣмъ въ годъ... И произойдетъ катастрофа, сумасшедшая катастрофа... Но лучше яркое безуміе, чѣмъ тихое помѣшательство.

Онъ кончилъ, сунулъ руку въ карманъ, досталъ скомканную телеграмму и подалъ ее Лизѣ.

Лиза прочитала.

„Выѣзжай, какъ можно скорѣе... Дѣло улажено. Петровъ".

— Когда?—спросила она.

— Послѣ завтра.

— Надолго?

Яковъ ничего не отвѣтилъ.

Чтобы немножко освѣжиться, Лиза и Яковъ пошли проводить Соловьева. Было блѣдное, голубое небо. Городъ еще дремалъ... Но солнце вставало, и куполъ собора горѣлъ

красноватымъ золотомъ... Отъ утренней прохлады приходилось слегка ежиться.

Соловьевъ запѣлъ грустнымъ, сдержаннымъ баритономъ:

„Много за душу твою одинокую,
Много я душъ загублю.
Я-ль виноватъ, что тебя, черноокую,
Больше, чѣмъ душу люблю?"

Онъ придавалъ какой-то глубокій и вмѣстѣ трагическій смыслъ словамъ этого романса... Лиза внимательно поглядѣла на него... Онъ, кажется, скучаетъ по Варѣ и поетъ это, можетъ быть, о ней... Потомъ она подумала, что, пожалуй, не объ одной Варѣ, а еще и о Яковѣ, о себѣ самомъ, о Петровѣ.

Яковъ шелъ, молча... Онъ слушалъ Соловьева.

Лиза тронула его за рукавъ пальто.

— Ты, Яша, о чемъ-то задумался.

— Нѣтъ, милая... Такъ какъ-то неопредѣленно... Знаешь, бываетъ, что и думъ нѣтъ, а будто—думаешь.

Къ разговору присоединился и Соловьевъ.

— А всетаки хорошо... Грустно и хорошо!

И опять запѣлъ:

Далекò, далеко
Степь за Волгу ушла.

Никому не хотѣлось спать.

В. Башкинъ.

Изъ тюрьмы.

I.

Угрюмый казематъ: съ рѣшеткою окно,
Сырые, сумрачные своды...
Какъ въ склепѣ, душно здѣсь, беззвучно и темно...
Хотя-бъ единый лучъ впорхнулъ гонцомъ свободы!

Лишь утромъ, въ часъ зари, разлившись по стѣнѣ,
Пылаетъ мрачно свѣтъ багровый, —
Гнетущій сводъ горитъ... И въ этомъ зломъ огнѣ
Родится день для пытки новой!..

II.

Тверже, сильнѣе душа моя стала,
Нѣтъ ни единой слезы!..

. . . .

Бѣшеный грохотъ могучаго шквала,
Блескъ и раскаты грозы...
Такъ бы и кинулся бурѣ въ объятья,
Встрѣтилъ бы грудью волну...
Слышу я: „Смѣло, товарищи-братья!..“
Только... въ плѣну я, въ плѣну!

III.

Проходитъ ночь... Какъ море, жизнь кипитъ,
О бурныхъ дняхъ поетъ волна сурово...
Волну утесъ гранитный раздробитъ —
Она грознѣй нахлынетъ снова!

Рѣдѣетъ мракъ... Въ смятеньи духи зла,
Безумны ихъ послѣднія усилья!
Въ лучахъ зари, какъ дымъ, растаетъ мгла —
И свѣтлый день раскинетъ крылья!

Одесса, 1906. **Н. Шрейтеръ.**

ЭЛЬЗА.

Александра Кьелланда. Пер. В. В Мягковой.

Домъ тетки Шпекбомъ былъ извѣстенъ въ округѣ подъ названьемъ Ноева Ковчега. Внизу, на солнечной сторонѣ, въ теплыхъ, уютныхъ комнаткахъ помѣщалась она сама; наверху (домъ былъ двухъэтажный) жила дѣвица Фальбе съ братомъ, а на чердакѣ, по всѣмъ каморкамъ, подъ лѣстницами, за дымовыми трубами, ютился, подъ общимъ именемъ „банды“, разнообразный темный людъ.

Тетка Шпекбомъ слыла женщиной умной; она была докторомъ или, по опредѣленію настоящаго доктора, „знахаркой“.

Его отношеніе, однако, не особенно смущало тетку Шпекбомъ: она имѣла свою постоянную вѣрную практику, и ея искусство доставляло ей не только деньги, но и научную славу.

У тетки Шпекбомъ пользовалась, конечно, не самая аристократическая, но за то самая многолюдная часть населенія. Временами у нея бывало на полномъ попеченіи пять-шесть паціентовъ, размѣщавшихся по маленькимъ альковамъ и за перегородками, которыми изобиловалъ старый домъ. По вечерамъ, по окончаніи работъ, тетка Шпекбомъ отдавала распоряженіе о началѣ врачебнаго осмотра, т. е. о пріемѣ всевозможныхъ посѣтителей.

Если въ ихъ числѣ встрѣчался больной, побывавшій у настоящаго доктора,—окружного врача Бентцена,—маленькіе каріе глазки тетки Шпекбомъ загорались, она потрясала сѣдыми локонами, которые поддерживались гребешками симметрично по три у каждаго уха, и говорила: „Если вамъ не могъ помочь такой ученый мужъ, то чего же вамъ ждать отъ старой, беззубой женщины?“

Начинались длинные переговоры, пока, наконецъ, паціенту ни удавалось ее разжалобить; но разъ она бралась за больного, отъ котораго отказался настоящій докторъ, она про-

являла по отношенію къ нему совершенно исключительную заботливость.

Среди жителей городка, даже въ высшихъ слояхъ ходили многочисленные разсказы о чудесныхъ исцѣленіяхъ тетки Шпекбомъ; стоило, однако, произнести ея имя при докторѣ Бентценѣ, какъ онъ вскакивалъ, выходилъ изъ себя, бранился, хваталъ шляпу и убѣгалъ, красный, какъ ракъ.

Дѣло было вотъ въ чемъ: докторъ Бентценъ слишкомъ глубоко презиралъ невѣжество, чтобы снисходить до простыхъ смертныхъ и давать имъ какія-либо разъясненія. Онъ кратко заявлялъ: „Вы должны дѣлать то-то и то-то", и прописывалъ лѣкарства.

Но если лѣкарство не сразу помогало, — что можетъ случиться съ самымъ лучшимъ изъ лѣкарствъ, — паціентъ отрекался отъ дорогого аптекарскаго снадобья и грубаго доктора, который повертится по комнатѣ, пропишетъ рецептъ и былъ таковъ.

Тогда-то на сцену выступала тетка Шпекбомъ.

Она усаживалась и обстоятельно разъясняла, въ чемъ именно заключается болѣзнь: это, конечно,—не что иное, какъ повѣтріе; напримѣръ, повѣтріе отъ земли или отъ воды, а быть можетъ, и отъ покойника. А то еще бываетъ „кровь перемѣщается" и т. д. въ томъ же родѣ.

Вѣдь это всякому понятно! Лѣкарство тетки Шпекбомъ быстро давало себя знать,—сразу прошибалъ потъ и видно было, что тутъ нѣтъ ни обмана, ни небрежности.

Случалось, конечно, что и лѣкарство не помогало. Но, Господи Боже мой! каждый же знаетъ, что тетка Шпекбомъ не вольна въ жизни и смерти. Но все возможное было сдѣлано, и, во всякомъ случаѣ, это много пріятнѣе, чѣмъ отправиться на тотъ свѣтъ при помощи подозрительной учености доктора... а вѣдь это кой съ кѣмъ случалось! И кромѣ того тетка Шпекбомъ была много, много дешевле.

У нея была помощница въ ея врачебной практикѣ,—молоденькая дѣвушка, по прозвищу „Блошка". Тетка Шпекбомъ взяла ее къ себѣ послѣ того, какъ вылѣчила ее отъ затяжной болѣзни глазъ.

Блошка была сирота. Звали ее Эльзой.

Сдается, что фамиліи у нея не было. Отецъ ея, одинъ изъ мѣстныхъ аристократовъ, не занесъ при ея рожденіи своего имени въ церковныя книги. Послѣ смерти своей матери, служанки, Блошка попала въ дѣтскій пріютъ. Тамъ то она и получила свое прозвище.

Произошло оно отъ темно-коричневаго плаща, который ей подарили однажды на Рождество. Онъ былъ такъ необы-

обыкновенно длиненъ и широкъ, что ребенокъ совершенно утопалъ въ немъ, и, дѣйствительно, походилъ на блоху, что и подало поводъ дать дѣвочкѣ это шутливое прозвище.

Плащъ этотъ оказался изъ такой прочной матеріи, что она никакъ не могла съ нимъ разстаться и, по мѣрѣ ея роста, онъ превращался изъ плаща въ кофточку, потомъ въ блузку и, наконецъ, въ капоръ съ розовыми завязками у подбородка.

Она еще носила этотъ дѣтскій капоръ съ розовыми лентами, когда у нея заболѣли глаза. Докторъ Бентценъ, въ качествѣ пріютскаго врача, лѣчилъ ее безуспѣшно цѣлые полгода, а она, какъ звѣренышъ, лежала въ темномъ углу и кричала отъ боли каждый разъ, когда ее поворачивали къ свѣту.

Наконецъ, дѣвица Фальбе сжалилась надъ ней и обратилась за помощью къ теткѣ Шпекбомъ: отъ этого ли, отъ чего ли другого, но ребенокъ выздоровѣлъ.

Д-ръ Бентценъ торжествовалъ: ему удалось таки побѣдить упорное воспаленіе!

Тетка Шпекбомъ, однако, не смолчала, и вышелъ крупнѣйшій скандалъ. Дѣвица Фальбе должна была отказаться отъ завѣдыванія пріютомъ, къ чему она, впрочемъ, уже давно стремилась. Докторъ Бентценъ былъ взбѣшенъ, и маленькая Эльза должна была поплатиться за свои ясные, здоровые глазки.

Тетка Шпекбомъ взяла къ себѣ ребенка, потому что была добра и жила въ достаткѣ, но отчасти и потому, что здоровые глазенки Эльзы были очевиднымъ доказательствомъ ея врачебнаго искусства; наконецъ, ребенокъ былъ ей нуженъ, чтобы досадить доктору Бентцену.

Ему приходилось ежедневно проходить нѣсколько разъ мимо „Ковчега“, и каждый разъ тетка Шпекбомъ сажала ребенка на окно и подталкивала Эльзѣ голову, чтобы она поклонилась доктору; когда же ей, наконецъ, удавалось вызвать его злобную усмѣшку, тетка Шпекбомъ потрясала всѣми шестью сѣдыми локонами и давала Блошкѣ кусочекъ сахару.

Эльза выросла и превратилась въ тоненькую стройную дѣвушку, бѣлокурую, чуть-чуть блѣдную, но свѣжую и здоровую.

У нея былъ уживчивый веселый характеръ и своеобразная манера придавать всему на себѣ и вокругъ себя чистый и опрятный видъ. Но когда тетка Шпекбомъ захотѣла идти дальше и требовала отъ нея, чтобы она мыла, прибирала и шила,—словомъ, была бы полезна въ домѣ, Блошка оказывалась совершенно непригодной: у нея начинало „все болѣть, вездѣ, и здѣсь, и тамъ“, такъ что добрые совѣты тетки Шпекбомъ и ея горькія слезы пропадали даромъ.

Тетка Шпекбомъ была, какъ сказано, женщина умная и отлично понимала эту болѣзнь, которая неизмѣнно появлялась въ дни уборки и также неизмѣнно исчезала въ воскресенье утромъ. Но, убѣдившись въ неизлѣчимой формѣ болѣзни, она ограничилась тѣмъ, что потрясала сѣдыми локонами и бормотала про себя что-то о „проклятой аристократической крови“.

Больные любили Блошку, хотя она и не была вѣрной или самоотверженной сидѣлкой. Но стоило ей войти или просунуть въ дверь голову, какъ, казалось, боль уменьшалась, и скука исчезала. Тетка Шпекбомъ отлично сознавала, какую роль играетъ въ ея лѣченіи веселый смѣхъ Эльзы.

Это былъ, впрочемъ, совершенно особенный смѣхъ, подобнаго которому никогда раньше не слышали въ Ноевомъ ковчегѣ. Онъ раздавался то на самомъ верху лѣстницы, то въ погребѣ, проникалъ сквозь замочную скважину къ больнымъ, и имъ становилось теплѣе на сердцѣ, многіе смѣялись вмѣстѣ съ ней, и всѣ готовы были отдать что угодно, лишь бы услышать веселый смѣхъ Блошки.

А она и такъ смѣялась отъ всякой или, вѣрнѣе, безъ всякой причины, — какъ случится. У нея были красныя губы, здоровые, крѣпкіе зубы, но лучше всего были ясные глаза, гордость тетки Шпекбомъ, такъ какъ отъ нихъ отказался ученый докторъ.

Ковчегъ тетки Шпекбомъ былъ построенъ менѣе старательно, чѣмъ ковчегъ Ноя. По правдѣ говоря, это была ветхая полуразвалина, которая могла держаться, только опираясь на новый, крѣпче выстроенный сосѣдній домъ. Но такъ какъ ковчегъ,—подобно всѣмъ старикамъ,—не могъ понять, какъ возможно пользоваться поддержкой юноши, то онъ все больше и больше склонялся на сторону, протестуя противъ союза съ новой постройкой, и, наконецъ, угрожающе нависъ надъ крутымъ обрывомъ съ восточной стороны, отъ котораго шла дорога къ гавани и къ пристани.

Стоялъ онъ на углу и былъ выкрашенъ съ улицы въ бѣлый, а со двора въ красный цвѣтъ. Всевозможные изгибы, кривыя линіи, косыя двери, разнообразныя углубленія и выпуклости сочетались въ немъ причудливо и, казалось, избрали этотъ ковчегъ своимъ средоточіемъ. Для новѣйшей архитектуры онъ являлся, во всей своей невозможности, такой же загадкой, какъ и ковчегъ Ноя.

Но во всякомъ случаѣ онъ былъ проченъ, иначе „банда“ давно провалилась бы въ погребъ, благодаря оживленію, царившему на чердакѣ. Ночи были истиннымъ мученіемъ для семьи Фальбе изъ-за непрерывнаго шума „банды“. Днемъ же, по большей части, ни брата, ни сестры не бывало дома.

Она держала женское учебное заведеніе въ лучшемъ квартал҃ѣ города, а онъ тоже не сидѣлъ въ ковчегѣ.

Они были родомъ изъ старинной чиновничьей семьи. Но съ ихъ отцомъ что-то случилось. Молва гласила, что онъ былъ повѣшенъ или разстрѣленъ за кражу. Но это было лѣтъ 20 тому назадъ и совсѣмъ въ другой мѣстности, такъ что никто ничего не зналъ въ точности.

Вѣрно было только то, что его дѣти оставались полу-чужими въ городѣ и жили скромно и уединенно. Школа дѣвицы Фальбе была на хорошемъ счету, хотя ее лично не особенно любили, — она была слишкомъ самостоятельна и оригинальна. Ей было лѣтъ 35, братъ казался на два-на три года моложе. Она была блондинка съ большимъ, съ горбинкой, носомъ и серьезными глазами. Иногда, впрочемъ, она могла такъ привѣтливо улыбаться, что привлекала и удивляла людей, видѣвшихъ ее въ первый разъ.

Христіанъ Фальбе былъ похожъ на сестру. Это былъ красивый мужчина, и крупный семейный носъ шелъ къ нему больше. Носъ этотъ принималъ уже, не смотря на его года, красноватый оттѣнокъ, такъ какъ Христіанъ Фальбе сильно выпивалъ. Если бы онъ жилъ въ большомъ городѣ, изъ него вышелъ бы обыкновенный завсегдатай кафе, но въ маленькомъ городкѣ, гдѣ не принято посѣщать рестораны, приходится пробираться съ задняго хода, а это понемногу пріучаетъ пить.

Конечно, всему городу былъ извѣстенъ образъ жизни Христіана Фальбе, хотя сестра его и воображала, что ей удается все держать втайнѣ. Это была ея постоянная забота, не покидавшая ее съ утра до вечера, а часто и съ вечера до утра. Она совершенно отказалась отъ мысли исправить брата, устала отъ его добрыхъ обѣщаній и тщетныхъ попытокъ привести ихъ въ исполненіе и стремилась только не дать ему окончательно опуститься и скрыть его порокъ отъ людей.

Они знали оба о судьбѣ отца; но у нея семейная гордость обратилась въ энергію, а у него въ безплодное недовольство и озлобленіе. Между тѣмъ, онъ былъ хорошо одаренъ отъ природы и могъ бы стать дѣльнымъ человѣкомъ. Въ свѣтлые промежутки онъ давалъ частные уроки языковъ, но потомъ опять напивался, исчезалъ на цѣлыя недѣли и въ самомъ жалкомъ видѣ возвращался въ ковчегъ.

Сестра зарабатывала на двоихъ. Она клала ему деньги въ кошелекъ, пока онъ спалъ; улыбалась ему, когда онъ вечеромъ возвращался пьяный, готовила ему обѣдъ, покупая все лучшее, что могла найти. Онъ ѣлъ, пилъ и никогда не выражалъ благодарности.

Впрочемъ, это была единственная слабость г-жи Фальбе, и она сама себѣ въ ней признавалась въ часы одиночества. Обыкновенно же у нея было ясное выраженіе лица, она была бодра, независима и неутомимо дѣятельна.

Въ ковчегѣ ее боялись больше, чѣмъ тетку Шпекбомъ, и даже самые смѣлые изъ банды ходили не иначе, какъ на цыпочкахъ по лѣстницѣ мимо дверей г-жи Фальбе.

Лѣстница была крутая, старая, скрипучая, почти отвѣсная наверху, со множествомъ ступеней, по которымъ приходилось долго и медленно взбираться. Однимъ изъ любимѣйшихъ развлеченій Блошки было соскальзывать по периламъ сверху до низу, слегка подпрыгивая на каждомъ поворотѣ, конечно,— только тогда, когда г-жа Фальбе была въ школѣ.

Госпожа Фальбе была всегда ласкова съ Блошкой, не мѣняя, впрочемъ, своей обычной слегка суровой манеры. По вечерамъ, когда тетка Шпекбомъ освобождалась послѣ практики, Эльза шла наверхъ и сидѣла въ комнатахъ у Фальбе, читала или разсматривала картинки, пока дѣвушка поправляла школьныя тетрадки.

Христіанъ приходилъ, сестра бросала на него бѣглый взглядъ и отсылала Эльзу внизъ или приказывала ей остаться.

Христіанъ присаживался, начиналъ съ ней шутить или играть въ шашки, и, когда оба весело смѣялись другъ надъ другомъ, г-жа Фальбе поднимала на нихъ глаза отъ тетрадей и улыбалась своей прекрасной улыбкой.

Однако на чердакѣ у „банды“ Блошка веселилась еще больше. Особенный, таинственный полумракъ царилъ наверху по всѣмъ причудливымъ угламъ и закоулкамъ. Въ сущности, никогда не было въ точности извѣстно, кто тамъ живетъ. Общество мѣнялось безпрестанно. Наконецъ, тамъ осталось всего два или три постоянныхъ жильца, но каждый закоулокъ кишѣлъ людьми, главнымъ образомъ, мужчинами, которые спали, играли въ карты, пили или таинственно перешептывались.

Главнымъ лицомъ на чердакѣ была нѣкая Лена, по прозванью „Куколка“, крупная, сильно сложенная женщина, съ темными волосами, маленькими глазами и необыкновенно большой нижней губой.

Она нанимала отъ себя все верхнее помѣщеніе, что было очень удобно для тетки Шпекбомъ. Впрочемъ, отношенія между обѣими дамами не всегда были гладки.

„Банда“ со своимъ шумомъ и своей музыкой была большимъ неудобствомъ въ домѣ. Кромѣ того, она служила источникомъ дурной славы о ковчегѣ въ цѣломъ городѣ.

Какъ бы тамъ ни было, выселить Куколку было не возможно. Не разъ тетка Шпекбомъ отказывала ей, и Куколка

съѣзжала съ квартиры, но вскорѣ происходило примиреніе, и она возвращалась въ ковчегъ „подобно голубку съ оливковой вѣтвью“, какъ выражался старикъ Ширмейстеръ.

Это былъ спившійся нѣмецкій музыкантъ, много лѣтъ назадъ пріѣхавшій въ Норвегію со странствующимъ оркестромъ. Вначалѣ ему повезло: онъ хорошо владѣлъ скрипкой и, кромѣ того, былъ къ состояніи вполнѣ прилично играть почти на всѣхъ существующихъ инструментахъ.

Благодаря этому, онъ получилъ сперва доступъ въ лучшіе дома города, но малу по малу вышелъ изъ моды, сталъ пить, и, наконецъ, устроился по семейному со своей сожительницей, служанкой Леной, которую онъ нѣжно называлъ „моя куколка“, что и подало поводъ „бандѣ“ оставить за ней это ласкательное прозвище.

Старый музыкантъ настолько опустился, что существовалъ только перепиской нотъ и милостями Куколки. Подъ покатой крышей чердака стоялъ его старый рояль, служившій письменнымъ и обѣденнымъ столомъ, а сзади него, прислонившись къ стѣнѣ, запыленный и заброшенный футляръ со скрипкой.

Когда Эльза оставалась вдвоемъ со старикомъ, ей иногда удавалось уговорить его поиграть на роялѣ; но случалось это очень рѣдко, такъ какъ старый музыкантъ дошелъ до того, что не могъ слышать музыки.

Всего лучше игралъ онъ, если бывалъ слегка выпивши. Но тогда самъ старый рояль, казалось, вздыхалъ и плакалъ, а Блошка, затаивъ дыханіе, сидѣла на краю постели и тоже плакала. Пока у него было, чѣмъ промочить горло, онъ продолжалъ играть и, то напѣвая, то разсказывая, дополнялъ и пояснялъ музыку; онъ возвращался къ своей юности, полной надеждъ, музыки и веселья; вспоминалъ, какъ онъ со студентами геттингенскаго университета игралъ на пирушкахъ, какъ великій Шпоръ положилъ ему однажды руку на голову и сказалъ: „О, этотъ далеко пойдетъ!“

И старикъ сбрасывалъ свѣтло-желтый парикъ, чтобы Эльза могла видѣть голову, на которой покоилась рука великаго маэстро!

— Да, да! далеко пошелъ, старый разиня! — говорилъ онъ самъ себѣ, окидывая взглядомъ свой чердакъ, прокашливался и продолжалъ играть.

А Блошка прислушивалась къ его словамъ, и блестящія картины развертывались передъ ней: изящно одѣтыя дамы и кавалеры, яркій свѣтъ, музыка, розы, кареты, вороные кони, невѣста въ бѣломъ платьѣ, и снова розы, ароматъ которыхъ она, казалось, чувствовала.

Однажды лѣтнимъ вечеромъ окно на чердакѣ было открыто,

и красноватый отблескъ заходящаго солнца падалъ на музыканта, который сидѣлъ за роялемъ съ бутылкой передъ собой и наигрывалъ что-то Эльзѣ.

Глаза его были влажны отъ вина и отъ умиленія,—онъ исполнялъ сонату Моцарта, на особенный старинный ладъ какъ-то мягко, нѣжно и осторожно. Это былъ знакъ особаго вниманія къ Блошкѣ; обыкновенно, какъ бы его ни просили, онъ не соглашался играть классиковъ.

Но онъ замѣтилъ, что Эльза его понимаетъ. Видя, какъ дѣйствуетъ на нее музыка, какъ глаза ея то наполняются слезами, то широко раскрываются, точно передъ какимъ то откровеніемъ, старикъ вздыхалъ и шепталъ про себя: „она тоже далеко пойдетъ!“

За дверьми на чердакѣ послышался странный шумъ и кто-то дернулъ дверь.

— Тра-тра-тра!—это барабанъ!—воскликнулъ музыкантъ и громко заигралъ веселый маршъ.

Дверь открылась, и вошелъ высокій, худой малый въ синемъ мундирѣ съ длинными полами, неся передъ собой барабанъ. За нимъ ввалился громадный толстякъ съ флейтой подъ мышкой.

Стоило взглянуть на его нижнюю губу, чтобы догадаться что это братъ Куколки. Но, въ зависимости-ли отъ игры на флейтѣ или просто отъ его темперамента, губа его была еще толще и отвисала еще ниже.

Въ свое время онъ служилъ экономомъ при городскомъ домѣ трудолюбія, но былъ уволенъ и жилъ теперь, какъ онъ выражался, „въ пансіонѣ сестры“. Въ „бандѣ“ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ „элькононма“ *), и, дѣйствительно, сколько возможно было судить, онъ только пилъ, игралъ на флейтѣ и исполнялъ порученія сестры.

Эти порученія были окружены дымкой таинственности, такъ какъ всегда совершались въ сумеркахъ. Длинный сюртукъ съ двумя рядами пуговицъ былъ туго набитъ, когда „элькономъ“ уходилъ. Когда-же онъ возвращался,—значительно похудѣвшимъ, конечно, относительно,—сестра набрасывалась на него, какъ ястребъ, пока имъ не завладѣлъ кто-либо другой: въ „бандѣ“ носился упорный слухъ, что изъ этихъ экскурсій онъ приходитъ съ деньгами.

Эльза хорошо знала „Элькономa“ и Юргена-барабанщика; она тотчасъ встала и отодвинулась, насколько могла, чтобы дать имъ мѣсто.

Юргенъ-барабанщикъ принесъ для концерта двѣ бу-

*) Отъ слова эль—крѣпкое пиво.

тылки пива и штофъ водки. „Эльконом҆ъ“ таинственно подмигнулъ глазомъ и сказалъ:

— И я тоже послалъ кое-кого.

Это повторялъ онъ каждый разъ, но никто не зналъ, кого и куда онъ посылалъ, хотя не было никакого сомнѣнія, что таинственный посланный никогда не вернется.

Старый музыкантъ бросилъ жадный взоръ на бутылки и объявилъ, что сегодня онъ играть не будетъ.

— Приказъ Куколки, — заявилъ Юргенъ-барабанщикъ съ военной краткостью; и въ ту же минуту она сама просунула голову въ дверь и произнесла непривычно кроткимъ голосомъ: „Ну что-же вы не играете? Быть можетъ, найдется кое-что выпить“.

— Ай, ай, сегодня, кажется, солнышко улыбается!—восклинулъ старикъ, а „Элькономъ“ кивнулъ головой и вытеръ клапаны своего инструмента краснымъ клѣтчатымъ платкомъ; Юргенъ-барабанщикъ предусмотрительно засунулъ въ передній карманъ штофъ водки и погрузилъ бутылки пива въ длинные карманы сюртука: разъ Куколка обѣщалась доставить угощеніе, онъ могъ приберечь свое до слѣдующаго раза.

Концертъ начался съ „Рондо-граціозо“ Фюрстенау. Въ молодости „Элькономъ“, дѣйствительно, могъ его играть. Но съ годами игра его потеряла чистоту, „заволоклась слюной“, а пальцы сдѣлались такъ толсты и неповоротливы, что, играя, онъ держалъ ихъ совершенно отвѣсно.

Юргенъ-барабанщикъ исполнялъ свою партію сдержанно и со вкусомъ, сглаживая подъ сурдинку мелкой дробью тѣ пассажи, когда вмѣсто трелей и руладъ изъ устъ „Элькономa“ вылетали только слюна и хрипѣнье. Старый музыкантъ аккомпанировалъ по своему.

Онъ былъ уже значительно выпивши, почему только и согласился принять участіе въ этомъ тріо, и временами, точно изливая горечь своего униженія, онъ разражался такимъ дикимъ мотивомъ, что покойный Фюрстенау врядъ-ли узналъ-бы свое нѣжное рондо-граціозо.

Куколка прислушалась черезъ дверь и убѣдилась, что они окончательно разошлись; въ ту же минуту въ комнату вошли два молодыхъ человѣка, видомъ напоминавшіе подмастерьевъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Одинъ изъ нихъ былъ кривоглазый, и Эльза знала, что онъ жестянникъ. Другой, еще неизвѣстный юноша, тотчасъ же началъ за ней ухаживать. Эльза предпочла бы сидѣть спокойно и слушать музыку, которую она считала восхитительной; но она уже настолько привыкла, что всѣ мужчины на чердакѣ за ней ухаживаютъ и заигрываютъ съ ней, что это не особенно ее безпокоило.

Наконецъ, появилась и Куколка и заперла за собой дверь; одновременно, точно вынырнувъ изъ-подъ ея юбокъ, появилась еще одна личность, такъ что въ маленькой комнаткѣ стало довольно тѣсно.

Это былъ блѣдный человѣкъ небольшого роста. Нѣсколько времени назадъ [illegible]ѣла его разъ на чердакѣ и вынесла впечатлѣніе, что онъ—особа весьма значительная.

Пока онъ усаживался на скамейкѣ, вплотную около хозяйки, его маленькіе водянистые глаза перебѣгали съ одного лица на другое, оглядѣли всѣ углы, окно въ крышѣ и остановились, наконецъ, на двери, которая была заперта на ключъ и на задвижку.

Лицо его было худо и блѣдно, точно онъ долгое время просидѣлъ въ темнотѣ; свѣтло-бѣлокурые, почти бѣлые, коротко остриженные волосы образовывали глубокіе заливы на вискахъ.

Руки его были бѣлѣе, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ, но ихъ рѣдко можно было видѣть, такъ какъ онъ имѣлъ привычку, садясь, подкладывать ихъ подъ себя.

У него было такое удивительное лицо, что Эльза не могла удержаться чтобы ежеминутно на него не взглядывать. Самое замѣчательное заключалось въ томъ, что при каждомъ взглядѣ она встрѣчала у него новую физіономію. Когда онъ замѣтилъ ея удивленіе, онъ началъ корчить гримасы и, наконецъ, состроилъ такую страшную рожу, что Эльза слегка вскрикнула и хотѣла встать.

Но тогда онъ тихонько про себя разсмѣялся, показавъ при этомъ свои желтые зубы. Затѣмъ онъ началъ шептаться съ Куколкой, и изъ рукъ въ руки стали передаваться какіе-то предметы, которыхъ Эльза не могла разсмотрѣть; въ таинственномъ разговорѣ принимали участіе и оба молодые человѣка. Каждый разъ, когда музыка замолкала, Куколка подбадривала играющихъ восклицаніями, они наскоро подкрѣплялись и продолжали играть.

Но какъ разъ въ серединѣ великолѣпнѣйшаго аллегро, когда флейта „Эльконома“ къ общему удовольствію заливалась руладами и трелями, постучали въ дверь.

Въ одну секунду человѣкъ съ подвижной физіономіей скрылся подъ стуломъ Куколки, и Эльза съ удивленіемъ замѣтила, что въ то же время ея кавалеръ и жестянникъ принялись играть въ карты, колода которыхъ точно съ неба свалилась, и даже горячо спорили изъ-за трефоваго валета.

— Ахъ Юргенъ, какъ же ты барабанишь!—воскликнулъ съ досадой старикъ.—Но чѣмъ больше Юргенъ пилъ, тѣмъ громче звучалъ его барабанъ. Онъ вспоминалъ то славное

время, когда онъ усердствовалъ передъ взводомъ вольной пожарной команды или билъ тревогу на улицахъ, во время пожара.

— Тише! — скомандовала Куколка, когда постучали вторично. Тріо смолкло.—Кто тамъ?—спросила хозяйка недовольнымъ тономъ.

За дверью послышался голосъ.

— Отворите, — сказала успокоенная Куколка, — это госпожа Фальбе.

Подмастерье отодвинулъ задвижку, повернулъ ключъ и открылъ дверь.

Госпожа Фальбе остановилась на порогѣ и обмѣнялась взглядомъ съ Куколкой, которая смотрѣла не особенно дружелюбно. Затѣмъ она сказала спокойно, не обращая вниманія на остальныхъ: „Иди сюда, Эльза! Здѣсь тебѣ не мѣсто“.

Сконфуженная Эльза встала и вышла вмѣстѣ съ ней. Никто изъ „банды“ не посмѣлъ и пикнуть. Когда онѣ сошли внизъ, г-жа Фальбе обняла Эльзу и сказала:

— Милая Эльза, пообѣщай мнѣ, что ты никогда больше не будешь ходить на чердакъ. Ты уже взрослая дѣвушка и сама понимаешь, что тебѣ не слѣдуетъ водиться съ этими ужасными людьми.

Эльза покраснѣла до ушей и въ слезахъ пообѣщала никогда больше не ходить наверхъ къ „бандѣ“. А вечеромъ, когда она раздѣвалась одна въ своей комнаткѣ, она еще разъ самой себѣ повторила это обѣщанье.

„Госпожа Фальбе права; эта „банда“ наверху—дѣйствительно ужасный народъ. Лучше ухаживать за больными тетки Шпекбомъ или сидѣть у Фальбе и читать“.

Но прежде, чѣмъ лечь въ постель, ей захотѣлось взглянуть на свои розы на окнѣ: Блошка очень любила розы. Она ходила за всѣми цвѣтами тетки Шпекбомъ, а въ ея домикѣ не было ни одного окна безъ цвѣтовъ, но за розами смотрѣла она съ особенной заботливостью; когда онѣ начинали цвѣсти, ей дозволялось ставить ихъ въ свою комнату, потому что туда раньше заглядывало солнце.

Теперь было три цвѣтка и четыре полураспустившихся бутона; она наклонилась надъ ними и вдыхала ихъ нѣжный ароматъ. И съ запахомъ розъ передъ ней всплыли опять чудесныя картины: разряженные дамы и кавалеры, свѣтъ, музыка, экипажи, лоснящіяся лошади, и опять музыка, звуки которой долетали до нея издалека.

И когда она легла въ постель, она не думала ни о больныхъ тетки Шпекбомъ, ни о тихой комнаткѣ г-жи Фальбе, но заснула въ мечтахъ о розахъ, о музыкѣ и о бѣлыхъ

атласныхъ платьяхъ съ лебяжьей опушкой вокругъ обнаженныхъ плечъ.

Ей было семнадцать лѣтъ. При всей своей пестротѣ жизнь въ „ковчегѣ“ шла своимъ чередомъ. Тетка Шпекбомъ вела глухую борьбу съ докторомъ Бентценомъ; дѣвица Фальбе возилась со школой и съ братомъ, а наверху „банда“ продолжала свое таинственное существованіе.

Долго Эльза избѣгала посѣщать чердакъ. Но однажды она услышала, какъ играетъ старый музыкантъ, и ею овладѣло желаніе посмотрѣть, одинъ ли онъ у себя,—вѣдь въ этомъ же не было ничего дурного?

Онъ былъ не одинъ, но она всетаки осталась наверху. И мало-по-малу все пошло по старому, только теперь она изо всѣхъ силъ старалась скрыть свои поступки отъ госпожи Фальбе.

Таковъ былъ „ковчегъ“ тетки Шпекбомъ и въ такихъ условіяхъ выросла Эльза, по прозванію Блошка.

II.

— Да, мы должны обсудить, милостивые государи и милостивыя государыни, ту задачу, которая стоитъ передъ нами. Задача не въ томъ, чтобы помочь всему страждущему человѣчеству; намъ возможно дѣйствовать лишь въ ограниченномъ пространствѣ. Хотя я, съ одной стороны, отъ всего сердца присоединяюсь къ высказанной господиномъ консуломъ точкѣ зрѣнія, однако, съ другой стороны, я считаю долгомъ твердо держаться того положенія, что мы не можемъ переступать нашихъ собственныхъ границъ. Весьма возможно, что нужда и,—что для насъ всего важнѣе,— нравственное паденіе молодыхъ дѣвушекъ такъ же велико, а можетъ быть, и еще значительнѣе въ приходѣ св. Павла, чѣмъ въ приходѣ св. Петра. Но я всетаки думаю, что, если мы желаемъ, чтобы наша работа принесла дѣйствительно видимые плоды успѣха, мы должны держаться, такъ сказать, въ предѣлахъ, указанныхъ намъ самимъ Богомъ, а именно, думается мнѣ, въ нашемъ собственномъ приходѣ.

— Ахъ, какъ справедливо то, что вы говорите, господинъ капелланъ,—сказала радостно госпожа Бентценъ.—Такъ точно было со мной, пока я не получила своихъ опредѣленныхъ бѣдныхъ на попеченіе. Сколько я ни раздавала, сколько мы ни тратились, все исчезало безслѣдно, а нищіе такъ и валили, и все клянчили, пока я не приказала служанкѣ просто отвѣчать имъ: „У насъ есть свои опредѣленные бѣдные, которымъ мы и помогаемъ“. По крайней мѣрѣ,

можешь имѣть увѣренность, что недостойный ничего и не получитъ, и видишь невидимые,—нѣтъ, не такъ—успѣшные плоды...—какъ вы сказали, отецъ капелланъ? Вы выразились такъ красиво и точно.

— Видимые плоды успѣха,—отвѣтилъ капелланъ, скромно краснѣя.

— Да, именно такъ,—сказала жена доктора и вполголоса повторила его слова, чтобы ихъ лучше запомнить.

— Я со своей стороны думаю, что мы даже не имѣемъ права помогать и раздавать безъ опредѣленнаго плана,—замѣтила молодая жена полиціймейстера, застѣнчиво опуская глаза.

Капелланъ склонилъ передъ ней голову въ знакъ согласія и напомнилъ, что даже въ Священномъ Писаніи сказано, какъ неправильно отнимать хлѣбъ отъ дѣтей и бросать его псамъ. Затѣмъ онъ еще добавилъ нѣсколько замѣчаній и снова подтвердилъ, что общество для поддержки падшихъ женщинъ, учрежденіе котораго составляетъ цѣль настоящаго собранія, должно строго ограничить свою дѣятельность приходомъ св. Петра.

Коммерціи совѣтникъ консулъ Витъ былъ совершенно съ этимъ согласенъ по существу. Если онъ позволилъ себѣ заговорить, то лишь для того, чтобы вставить въ пренія и свое слово. Онъ хотѣлъ только разъяснить, что его намѣреніе состояло... да... состояло... да... въ общихъ чертахъ выразить... м-да... свое скромное мнѣніе... насчетъ того, какъ должно бороться съ этимъ общественнымъ зломъ.

Капелланъ поблагодарилъ господина консула за тотъ цѣнный вкладъ, который онъ внесъ въ ихъ обсужденія своимъ освѣщеніемъ даннаго вопроса, а затѣмъ пренія закончились, и было принято предложенное капелланомъ названіе „Общество для помощи падшимъ женщинамъ прихода святого Петра“.

Консулъ Витъ погладилъ свои черные усы и украдкой взглянулъ на часы. На этомъ собраніи, гдѣ, кромѣ него и капеллана, не было ни одного мужчины, онъ присутствовалъ по требованію своей жены. На приглашеніе капеллана откликнулся для вышеупомянутой цѣли весь цвѣтъ женскаго общества городка. Консулъ Витъ былъ позванъ ради чести имѣть въ числѣ учредителей самаго богатаго и значительнаго человѣка въ городѣ.

Злые люди находили, что нѣсколько странно видѣть консула Вита именно въ учрежденіи такого рода, такъ какъ, дѣйствительно, въ смыслѣ нравственности онъ не пользовался особенно хорошей славой.

Нѣкоторые видѣли для него извиненіе въ томъ, что кон-

сулъ Витъ поступилъ приблизительно такъ, какъ былъ вынужденъ поступить Лютеръ, по мнѣнію философа Киркегора, а именно жениться на „гладильной doскѣ“. Дѣйствительно, госпожа Витъ была самой безнадежной плоскостью, какую только можетъ представить человѣческое воображеніе.

Другіе находили, что лучшаго она и не заслуживала, такъ какъ весьма понятно, что красавецъ Отто Витъ женился на ней исключительно изъ-за денегъ ея отца, стараго судовладѣльца Рандульфа.

Самъ консулъ, впрочемъ, былъ такъ ловокъ и умѣло льстивъ, такъ ласковъ и сердеченъ, что злая молва къ нему не приставала. Тѣ, кто его хорошо знали, посмѣивались надъ нимъ,—вѣдь онъ былъ рѣшительно неисправимъ; но большинство думало, что онъ не такъ плохъ, какъ утверждаютъ.

Между тѣмъ, совѣщаніе продолжалось своимъ чередомъ, обсудили всѣ предварительныя работы и раздѣлили ихъ между присутствующими. Однако все шло не такъ-то гладко, и капелланъ проявлялъ необыкновенную осторожность и ловкость, маневрируя между дамами такъ, чтобы не обидѣть ни одной.

Прежде всего, онъ замѣтилъ, что многія изъ нихъ желаютъ занять мѣсто секретаря общества. Отчасти это была вина самого капеллана, который расписалъ, какъ интересно и отвѣтственно вести объемистый протоколъ, раздѣленный на рубрики красными и синими чернилами.

Жена полиціймейстера, кажется, была совсѣмъ влюблена въ этотъ большой протоколъ. Каждый разъ, когда заходила рѣчь о секретарствѣ, она останавливала свои красивые глаза на капелланѣ со стыдливо просительнымъ выраженіемъ.

Но въ числѣ присутствующихъ были и другія, еще болѣе достойныя этого отличія. Прежде всего госпожа Витъ, въ изящномъ салонѣ которой происходило собраніе и отъ которой можно было ждать крупнаго пожертвованія. Но отъ нея капелланъ думалъ хитро отдѣлаться, предложивъ ея мужу мѣсто предсѣдателя общества.

Затѣмъ слѣдовало принять въ разсчетъ богатую Фанни Гарманъ изъ Зандгарда. Положимъ, она держала себя такъ, точно кромѣ скуки ничего не выносила изо всей этой исторіи. Но, какъ знать? Если ее обойти, она, пожалуй, тоже обидится.

И еще возникалъ вопросъ, не слѣдовало ли предложить постъ секретаря женѣ старшаго пастора? Пасторъ Мартенсъ принялъ отъ имени своей жены приглашеніе вступить въ общество. Хотя онъ тутъ же прибавилъ, „что его Лена, раздѣляя душой и тѣломъ интересы общества, къ сожалѣнію,

такъ болѣзнннена, что, въ качествѣ женщины тихой, предпочитаетъ проводить время дома, въ своемъ тепломъ гнѣздышкѣ". И на собраніи ея не было.

Капелланъ начиналъ безпокоиться. Сравнительно, онъ былъ еще новичкомъ въ приходѣ, и основаніе общества помощи падшимъ женщинамъ должно было послужить ему вступительной рекомендаціей.

Но трудности уже давали себя знать. Какъ поступить съ должностью секретаря? Пока онъ тщетно искалъ выхода изъ этого положенія, въ дверь постучались, и дѣвица Фальбе вошла въ комнату.

Слегка поклонившись госпожѣ Витъ, она обратилась къ собравшимся со слѣдующей краткой и энергичной рѣчью:

— Я слышала, что здѣсь образуется общество для спасенія молодыхъ дѣвушекъ, а такъ какъ я думала, что будетъ очень много желающихъ, то и поспѣшила порекомендовать вамъ дѣвушку, которую настоятельно необходимо тотчасъ извлечь изъ обстановки, въ которой она живетъ. Вы ее тоже, конечно, знаете, госпожа Бентценъ,—это молоденькая Эльза отъ тетки Шпекбомъ.

Госпожа Бентценъ оправила платье и стряхнула съ него ниточку. Конечно, она ее знаетъ; да и всякому извѣстна эта лукавая дѣвчонка; но должно всетаки сознаться, что...

Многія дамы стали о чемъ-то переговариваться и перешептываться; а консулъ Витъ имѣлъ неосторожность воскликнуть:

— Ахъ, вы говорите о „Блошкѣ", госпожа Фальбе! Да она премиленькая—гмъ, гмъ!

Хотя онъ во время закашлялся, его „гладильная доска" бросила на него уничтожающій взглядъ, а госпожа Гарманъ безо всякаго стѣсненія расхохоталась, едва прикрывшись вѣеромъ. Но дѣвица Фальбе продолжала говорить съ той же силой, описывая соблазны, которымъ подвергается дѣвушка, живя въ „ковчегѣ".

— Какъ это госпожа Фальбе можетъ выносить жизнь въ подобномъ домѣ! — произнесла „гладильная доска", ни къ кому не обращаясь.

Дѣвушка ничего не отвѣтила. Между тѣмъ, никто не возражалъ на ея заявленіе, пока молодая полиціймейстерша не замѣтила:

— Простите, пожалуйста, я здѣсь еще такъ недавно. Но принадлежитъ ли упомянутая молодая дѣвица къ приходу св. Петра?

Этотъ остроумный вопросъ такъ понравился капеллану, что онъ рѣшилъ про себя непремѣнно поручить ей секретарство. Впрочемъ, вскорѣ было доказано, что „ковчегъ" дѣй-

ствительно находится въ приходѣ св. Петра; опять наступила пауза; каждый охотно высказался бы противъ просьбы госпожи Фальбе, но всѣ искали подходящаго къ тому предлога.

Первымъ заговорилъ капелланъ:

— Простите, пожалуйста, госпожа Фальбе, но такъ какъ вамъ извѣстна цѣль нашего общества, то вы, конечно, понимаете, кого именно мы намѣрены спасать. Разрѣшите мнѣ поэтому одинъ вопросъ: падшая ли та дѣвушка, которую вы рекомендуете?

— Этого я не знаю,—краснѣя, поспѣшно отвѣтила госпожа Фальбе, но тотчасъ спокойно добавила:—ей всего семнадцать лѣтъ, и именно потому я и надѣюсь, что ее еще можно спасти. Судя по обстановкѣ, въ которой она выросла, ея паденіе и гибель кажутся мнѣ почти неизбѣжными, какъ это и случается со многими дѣвушками въ ея положеніи.

— Да, сударыня,—но на это я долженъ вамъ отвѣтить, что я совершенно не раздѣляю новѣйшихъ воззрѣній на *неизбѣжность*. Я вѣрю, и я счастливъ, какъ бы ни осмѣивали меня современные философы, я счастливъ вѣрой въ то, что Господь въ своемъ милосердіи можетъ ниспослать спасенье тамъ, гдѣ око человѣческое видитъ лишь неизбѣжный путь къ гибели. Что же касается даннаго случая,—добавилъ капелланъ, окидывая взоромъ присутствующихъ,—я вынужденъ повторить то, что незадолго передъ этимъ я имѣлъ честь изложить собранію,—а именно: сообразно тому, какъ мы всѣ понимаемъ нашъ долгъ, дѣятельность наша должна ограничиться извѣстнымъ приходомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ мы обязаны твердо стоять на томъ, что бы наша работа не выходила за предѣлы спасенія извѣстнаго класса нашихъ ближнихъ. Принципъ этотъ заключается и въ избранномъ нами названіи, которое должна оправдывать наша дѣятельность: общество для оказанія помощи падшимъ женщинамъ прихода св. Петра, т. е. лишь тѣмъ несчастнымъ, которыхъ мы называемъ падшими.

Рѣчь эта была принята всѣми сидѣвшими вокругъ стола дамами съ горячимъ, хотя и нѣсколько скрытымъ изъ приличія одобреніемъ, и съ разныхъ сторонъ послышались восклицанья: „конечно“, „это ясно“, „само собою разумѣется“.

Съ минуту казалось, что госпожа Фальбе дастъ рѣзкій отвѣтъ,—съ ней иногда случались подобныя безтактности. Однако, она сдержалась и ограничилась сухимъ извиненіемъ, въ томъ, „что она ошиблась“,—да, такъ именно она и выразилась.

Послѣ этого она покинула собраніе.

— Вотъ такъ всегда бываетъ съ госпожей Фальбе,—воскликнула госпожа Витъ, когда дверь закрылась.

— Дѣйствительно, съ ней однѣ только непріятности.

— Она такая странная,—пояснила госпожа Бентценъ.

— Я боюсь, что у нея ложное направленіе,—приторнымъ тономъ серьезно заявилъ капелланъ.

— Насколько я знаю,—вставила свое слово полиціймейстерша, — дѣвица Фальбе не состоитъ членомъ ни одного изъ благотворительныхъ обществъ въ городѣ.

— Да, она была вначалѣ въ пріютѣ для дѣтей, — отвѣтила госпожа Бентценъ, – но она была такъ невыносима и властолюбива, а тутъ еще случилась эта исторія со знахаркой.

Эта исторія была тотчасъ разсказана; она, какъ нельзя болѣе, подходила къ случаю, такъ какъ касалась той самой Эльзы, за которую хлопотала госпожа Фальбе. Полиціймейстерша очень настоятельно освѣдомилась о разницѣ въ лѣтахъ между Эльзой и госпожей Фальбе; капелланъ, разду мывая про себя, никакъ не могъ постичь остроумія этого вопроса.

Но только когда появился докторъ Бентценъ (онъ былъ домашнимъ врачемъ консула Витъ) можно было получить точныя свѣдѣнія о скандалѣ.

Когда онъ услышалъ, о чемъ идетъ рѣчь, онъ поднялъ кверху свой красный носъ и началъ цѣлымъ потокомъ словъ разносить „ковчегъ“ отъ вершины до самаго основанія. Это вѣдь позоръ для цѣлаго города. Куколка — это укрывательница краденыхъ вещей, которая держитъ у себя нищихъ музыкантовъ только, чтобы отвести глаза полиціи. Дѣвица Фальбе съ братомъ приблизительно той же закваски. Но когда докторъ дошелъ до тетки Шпекбомъ и до „Блошки“, онъ пришелъ въ такую ярость, что жена должна была его успокоить и тихонько вывести за дверь,—впрочемъ, этимъ у нихъ обыкновенно заканчивалось.

Послѣ этого перерыва оказалось невозможнымъ направить пренія въ настоящее русло. Госпожа Фанни Гарманъ надѣла перчатки, а подъ окномъ давно стояли лошади изъ Зандгарда. Госпожа Гарманъ за все время засѣданія, если и открывала ротъ, то только для того, чтобы зѣвнуть. Время отъ времени она отъ скуки корчила гримасу консулу Витъ, на которую онъ отвѣчалъ тѣмъ же, когда смѣлъ.

Капелланъ, въ сущности, хотѣлъ закончить засѣданіе молитвой, но это ему не удалось. Дамы стали подниматься одна за другой, и ихъ шелковыя платья такъ шумѣли и шелестѣли, что онъ не могъ и заикнуться о молитвѣ.

Кромѣ, того это общество существенно отличалось отъ

многочисленныхъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій города, въ которыхъ вопросы религіи имѣютъ первенствующее значеніе. Большинство присутствующихъ дамъ не принимали въ подобныхъ начинаніяхъ никакого участія, а задача капеллана была именно соединить въ своемъ обществѣ городскихъ аристократокъ, которыя обыкновенно отдѣлывались лишь денежными пожертвованіями.

Однако, въ его намѣренія отнюдь не входило сдѣлать его аристократически замкнутымъ въ противовѣсъ остальнымъ обществамъ въ городѣ. Но онъ былъ того мнѣнія, что въ наше время священники слишкомъ много вниманія удѣляютъ среднимъ классамъ, оставляя безъ всякаго духовнаго воздѣйствія тѣхъ, которые стоятъ на высшихъ ступеняхъ и считаютъ себя представителями истиннаго развитія.

Это мнѣніе онъ и хотѣлъ осуществить на дѣлѣ.

Но, къ сожалѣнію, въ городѣ его не поняли.

Среди безчисленныхъ обществъ и благотворительныхъ учрежденій всякаго рода, шумливыхъ комитетовъ для устройства лотерей по всевозможнымъ поводамъ, и безъ того царило страшное соперничество. Теперь же всѣ они соединились и искоса поглядывали на новаго конкуррента, на это общество избранныхъ и знатныхъ для падшихъ женщинъ прихода св. Петра подъ предсѣдательствомъ консула Витъ.

III.

У тетки Шпекбомъ была также практика въ окрестностяхъ города; и она очень гордилась, если передъ ея крыльцомъ стоялъ какой бы то ни было экипажъ, хотя бы простая телѣга.

Если было мѣсто, Эльзѣ разрѣшалось ѣхать вмѣстѣ туда и обратно. Эти поѣздки были, въ сущности, единственнымъ случаемъ для Эльзы побывать въ деревнѣ. Обыкновенно она не заходила дальше кривыхъ улицъ города; самое большее, если ей удавалось какъ-нибудь раздобыть лодченку, она бралась за весла и каталась немного по рѣкѣ.

Однажды въ августѣ, подъ вечеръ, въ прекрасную погоду она должна была ѣхать съ теткой Шпекбомъ въ деревню. Пришелъ посланный съ кирпичнаго завода консула Витъ, гдѣ жена старшаго мастера была старинной паціенткой тетки Шпекбомъ. „Ковчегъ“ былъ въ волненіи по поводу этого событія, и сосѣдскія дѣти обступили экипажъ, чтобы не пропустить, какъ тетка Шпекбомъ въ него сядетъ. Христіанъ Фальбе стоялъ у окна и кланялся, а вся банда собралась у слухового окошка, изъ котораго было видно какъ тронется

экипажъ, окликала Эльзу и дѣлала ей знаки. Эльза оглянулась, сiяя отъ счастья, и захохотала такъ звонко, что вся улица, казалось, зазвучала отъ ея смѣха.

Солнце свѣтило еще не особенно ярко. Оно сквозило черезъ изсѣро-лиловатый, неподвижный, тяжелый осеннiй туманъ, который вставалъ отъ моря и болотъ и смѣшивался съ темно-сѣрымъ утреннимъ дымомъ, поднимавшимся изъ городскихъ трубъ.

Но когда онѣ выѣхали на пригорокъ, туманъ разсѣялся; только совсѣмъ внизу въ городскихъ садахъ и между высокими деревьями вокругъ церкви повисли клочки его. Стало такъ тепло и свѣтло, что на западѣ можно было разглядѣть сверкающую полосу открытаго моря. Раннее осеннее утро, тихое и нѣжное, простиралось надъ фiордомъ съ его островами и голубыми горами, надъ лугами и желтыми нивами, надъ холмами и зарослями вереска, сплошь покрытаго лиловыми цвѣтами.

Вначалѣ Эльза такъ много смѣялась и болтала, что тетка Шпекбомъ, наконецъ, попросила ее закрыть ротъ: теткѣ Шпекбомъ интереснѣе было поговорить съ кучеромъ о томъ, какъ вообще живется у нихъ въ деревнѣ и много ли больныхъ.

Эльза замолчала не совсѣмъ потому, что этого желала тетка Шпекбомъ: просто у нея мало по малу пропала охота разговаривать.

Она все глубже и глубже чувствовала наслажденiе отъ окружающаго. Она не вскрикивала, увидѣвъ корову, но радовалась тому, какъ она красиво выступаетъ и пощипываетъ свѣжую влажную траву.

Было совсѣмъ безвѣтрено, и поверхность моря, которая вдругъ открывалась въ промежуткахъ между холмами, была гладка, какъ зеркало. Рожь уже золотилась, а овесъ мѣстами въ глубокихъ долинахъ былъ еще зеленъ. Тяжелые короткiе колосья совсѣмъ пригнулись къ землѣ, пришибленные вчерашнимъ вѣтромъ; отовсюду вѣяло тепломъ и изобилiемъ.

Но когда онѣ настолько отъѣхали отъ города, что поля смѣнились тянувшимся по обѣ стороны дороги верескомъ, съ большими лиловыми кистями цвѣтовъ, воздухъ показался Эльзѣ до того удушливымъ, что у нея захватило дыханiе; ей казалось, что грудь ея расширяется и корсетъ становится тѣсенъ.

Красота природы, которую она знала такъ мало, вызывала въ ней чувство, похожее на страданiе, и слезы выступали у нея на глазахъ. Всѣ ея мелкiя прегрѣшенiя всплыли передъ ней: ей казалась, что она недостойна того прекраснаго солнца, которое ее озаряетъ.

Но потомъ она вся вдругъ проникласъ какимъ-то согрѣвающимъ, безграничнымъ блаженствомъ и сразу сдѣлалась такъ весела и спокойна, такъ всѣмъ и за все благодарна, что она охотно выскочила бы изъ экипажа и обняла бы перваго встрѣчнаго, лишь бы поблагодарить за ту радость, за то бьющее черезъ край счастье, которое ее охватило.

Она цѣликомъ отдалась этому ощущенію громаднаго неизмѣримаго счастья, откинулась назадъ, насколько это было возможно въ тряскомъ экипажѣ, и принялась мечтать.

Но это не были уже прежнія мечты о невѣстѣ въ каретѣ, а какой-то новый сонъ—необъятный, чудесный, неопредѣленный и страшный.

Эльза тихонько отстегнула нѣсколько пуговицъ у платья, чтобы добраться до корсета; онъ дѣйствительно сталъ тѣсенъ.

Чѣмъ дальше онѣ ѣхали, тѣмъ больше хотѣлось Эльзѣ попросить въ свою очередь тетку Шпекбомъ помолчать, настолько она была погружена въ мечты, и такъ ей было больно когда ее отъ нихъ отрывали.

Домъ старшаго мастера стоялъ нѣсколько въ сторонѣ отъ остальныхъ зданій кирпичнаго завода; пока тетка Шпекбомъ занималась со своей паціенткой, Эльзѣ захотѣлось поглядѣть внутри эти прекрасныя зданія со множествомъ отдѣленій.

Не вполнѣ еще придя въ себя послѣ своихъ мечтаній, она пошла на заводъ и съ любопытствомъ смотрѣла на все, что было для нея такъ ново и странно; и отъ всего она получала какое-то особенное неожиданное впечатлѣніе.

Она не обращала никакого вниманія на проходившихъ мимо рабочихъ, покрытыхъ потомъ и запачканныхъ глиной, но долго стояла въ удивленномъ созерцаніи передъ большимъ водянымъ колесомъ, приводившимъ въ движеніе глиномятку. Отъ его нижней части, гдѣ лопасти шли вверхъ, летѣли сотни и тысячи водяныхъ брызгъ; онѣ неслись до самаго потолка и падали, свѣтясь, какъ искры, на фонѣ чернаго, крутящагося колеса.

Здѣсь было сыро и прохладно; однообразный звукъ лопастей, ударявшихся о воду, и блестящія брызги, которыя прыгали у нея передъ глазами, навѣяли на нее новыя мечты. Вдругъ ее окликнули: она стояла на дорогѣ и мѣшала пройти рабочему, очень высокаго роста, который, изнемогая подъ тяжестью, несъ запасъ глины въ глиномятку.

Эльза пошла по длинному корридору, въ которомъ на полкахъ гораздо выше ея роста, были, точно книги, разложены кирпичи, далеко, далеко до самаго выхода, гдѣ она различала нѣсколько человѣкъ, казавшихся ей совсѣмъ маленькими и двигавшихся въ яркомъ солнечномъ освѣщеніи.

Сверху, гдѣ въ крышѣ тамъ и сямъ не хватало кирпичей, прорывался солнечный лучъ, прорѣзывалъ воздухъ яркой полосой и ложился на полъ блестящимъ пятномъ. Воробьи, которые свили гнѣзда наверху, безпрестанно чирикая и ссорясь, вели свою неугомонную жизнь. Изъ сосѣдняго корридора долетали звуки молотковъ, которыми утрамбовывали еще сырые кирпичи; откуда-то издалека доносилась заунывная любовная пѣсня какого-то юноши-рабочаго. И среди всей этой суеты терпѣливо и равномѣрно плескалась вода около большого колеса и вертѣла песты, такъ что они скрипѣли и трещали.

Эльза услышала голоса. Изъ любопытства она подошла къ боковому проходу, тамъ стояли два парня и отливали кирпичи. Ей сразу бросился въ глаза тотъ изъ нихъ, который былъ ближе къ столу и наполнялъ формы глиной.

Ему было лѣтъ девятнадцать-двадцать. Черные, какъ уголь, волосы слегка вились на вискахъ. Тяжелыя, чуть чуть синеватыя вѣки были опущены. Но когда онъ оторвался отъ работы, чтобы взглянуть на Эльзу, она увидѣла два темныхъ, почти черныхъ глаза.

Она отвернулась и покраснѣла. Ей показалось, что она въ первый разъ въ жизни видитъ такого красавца.

Надъ верхней губой его нѣжнаго, какъ у дѣвушки, рта пробивался легкій темный пушокъ. И Эльзѣ вдругъ представилось, что весь день она въ мечтахъ видѣла именно этотъ ротъ.

Она прошла немного впередъ по корридору, но скоро вернулась и на цыпочкахъ подошла поближе къ боковому проходу, откуда доносились голоса; одинъ изъ нихъ сказалъ: „Ты, должно быть, ее знаешь,—она, какъ тебя увидѣла, такъ и покраснѣла“.

Свендъ усмѣхнулся. Въ отверстіе между сложенными кирпичами Эльза какъ разъ видѣла его ротъ и все лицо. Потомъ онъ провелъ рукой по лбу, отчего еще болѣе выпачкался въ глинѣ, и отвѣтилъ: „Чертовски хорошенькая!“

„Блошка“ подумала, что онъ выразился неслыханно смѣло, но всетаки была польщена. Быстро прокралась она назадъ, чтобы втихомолку насладиться своимъ торжествомъ.

Однако, вскорѣ ей опять захотѣлось вернуться. Но какъ разъ въ это время раздался обѣденный колоколъ. Рабочіе толпой бросились къ выходу, а оттуда прямо къ морю, чтобы немного помыться передъ обѣдомъ.

За Эльзой прибѣжалъ мальчикъ: она должна была обѣдать съ теткой Шпекбомъ у старшаго мастера.

Послѣ обѣда теткѣ Шпекбомъ пришлось осмотрѣть безчисленное количество больныхъ въ сосѣднихъ домахъ, а

Эльза должна была пойти съ нею. Но она была такъ разсѣянна и небрежна, что тетка Шпекбомъ разсердилась и заявила ей, что она можетъ отправляться, куда ей угодно.

Эльза разсмѣялась и сейчасъ же побѣжала назадъ въ кирпичный заводъ. Было около четырехъ часовъ. Едва Свендъ ее увидѣлъ, какъ заявилъ товарищамъ, что на сегодня онъ прекращаетъ работу. Тѣ хотѣли заставить его подождать, пока онъ не отработаетъ положеннаго количества кирпичей, но онъ отбросилъ форму и вышелъ, чтобы принарядиться.

Товарищи поворчали, но не мѣшали ему. Они знали, что, обычно добродушный, онъ иногда способенъ придти въ ярость. Въ немъ текла кровь бродяги, такъ какъ онъ былъ цыганъ родомъ, и дразнить его было опасно.

Когда черезъ нѣсколько минутъ онъ представился Эльзѣ въ чистомъ воротничкѣ, синей курткѣ и круглой шляпѣ, она его почти не узнала.

Она была въ полномъ восторгѣ отъ его красоты, но, не смотря на это, вскорѣ замѣтила, что онъ гораздо неповоротливѣе и мужиковатѣе, чѣмъ она предполагала, и черезъ нѣсколько минутъ уже почувствовала свое превосходство надъ нимъ.

Она стала его разспрашивать, и онъ предложилъ показать ей весь заводъ. Насталъ его чередъ, и онъ даже посмѣялся надъ ней раза два, когда она была черезчуръ непонятлива.

Они шли вмѣстѣ по длиннымъ корридорамъ, и онъ объяснялъ ей все, что они видѣли. Онъ повелъ ее даже на печку, откуда она могла видѣть обжигавшіеся внизу раскаленные кирпичи.

Это занимало Эльзу, хотя въ этотъ день ей все вообще казалось особенно интереснымъ. Уже идти съ нимъ рядомъ и прислушиваться къ его словамъ—было удовольствіемъ, и именно то, что она наполовину не понимала его объясненій, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало этому чудесному дню съ его новыми впечатлѣніями и мечтами.

За Эльзой опять прислали. Тетка Шпекбомъ справилась съ дѣлами и хотѣла ѣхать въ городъ. Оставалось только повиноваться, и Эльза неохотно направилась къ дому старшаго мастера, передъ которымъ тетка Шпекбомъ уже сидѣла въ экипажѣ.

— Да иди-же, Эльза — воскликнула она съ нетерпѣніемъ.—Уже седьмой часъ, намъ надо быть дома раньше чѣмъ стемнѣетъ.

Эльза набралась мужества:

— Можно мнѣ вернуться въ городъ пѣшкомъ? Такая

хорошая погода!—Тетка Шпекбомъ посмотрѣла на Свенда и лукаво улыбнулась:

— Ага... у тебя, кажется, недурной провожатый... Да, да, ну смотри не заблудись одна и не приходи слишкомъ поздно,—и съ этими словами тетка уѣхала.

Она была дама либеральная и не находила ничего дурного въ томъ, чтобы молодые люди прошлись вмѣстѣ въ такой чудесный вечеръ; при томъ-же ей понравилось лицо Свенда.

Тетка Шпекбомъ направилась по большой дорогѣ прямо въ городъ, а Эльза и ея спутникъ пошли вдоль моря. Дѣвушка радовалась, что ей такъ посчастливилось. Но когда она не безъ кокетства спросила Свенда, хочетъ-ли онъ проводить ее до города, онъ отвѣтилъ, какъ неучъ:

— Ужъ придется!

Это нѣсколько обидѣло „Блошку": она привыкла къ любезнымъ кавалерамъ. Но онъ снова завоевалъ все ея расположеніе, когда перелѣзъ черезъ заборъ дома священника и сорвалъ ей розу съ куста, котораго не было видно изъ дому.

Это была самая обыкновенная свѣтло-красная роза, запоздалая и одиноко висѣвшая на вѣткѣ, но она всетаки еще пахла тѣмъ ароматомъ, который уносилъ Эльзу въ ея мечты.

И когда она шла рядомъ съ юношей, вдыхая запахъ цвѣтка, ею вдругъ опять овладѣло непреодолимое желаніе излить кому-нибудь свою благодарность, разсказать о своемъ счастьѣ. Ей хотѣлось броситься ему на шею, поцѣловать, выкинуть какую-нибудь невѣроятную глупость; но онъ шелъ на почтительномъ отъ нея разстояніи, и взглядъ его былъ такъ холоденъ и серьезенъ, что ей стало совѣстно.

Между тѣмъ, его мучили какъ разъ тѣ же мысли. Какъ ему страшно хотѣлось посидѣть съ ней и непринужденно поболтать въ густомъ верескѣ, но онъ не смѣлъ ей этого предложить.

Послѣ обѣда повѣялъ было легкій вѣтерокъ, но вечеромъ опять царила полная тишина. Фіордъ разстилался гладкій, какъ зеркало. Ясно было видны свѣтлые круги на томъ мѣстѣ, гдѣ нырнула птица, да тянулась длинная, все расширяющаяся полоса за рыбачьей лодкой, плывшей въ Зундѣ на ловлю наваги.

Кругомъ, во всей природѣ, ни звука; мягкая, убаюкивающая тишина, которая окутывала со всѣхъ сторонъ, вызывала желанье говорить шепотомъ, чтобы никто, кромѣ одного, ничего не могъ услышать.

Эльзой опять овладѣло ощущеніе, что ей не хватаетъ

воздуха и что ей тѣсно въ груди. Она не поднимала глазъ отъ своей розы.

Они шли, незамѣтно приближаясь другъ къ другу, пока наконецъ не очутились совсѣмъ плечо къ плечу. Говорить имъ не хотѣлось, но оба дышали коротко и порывисто. Она оступилась и ухватилась за его руку. Онъ прижалъ ея руку къ себѣ, и нѣсколько шаговъ они прошли почти въ полусознаніи.

Но какъ разъ въ это время за ними раздался шумъ колесъ: карета быстро съѣзжала съ пригорка. Кучеръ ихъ окликнулъ, и они поспѣшно соскочили съ дороги каждый въ противоположную сторону.

Это консулъ Витъ возвращался со своего завода. Замѣтивъ Эльзу, онъ велѣлъ остановиться, выскочилъ изъ кареты и схватилъ ее за руку:

— Добрый вечеръ, милое дитя! Вы, вѣрно, идете въ городъ? Ну такъ я васъ подвезу!—Эльза хотѣла отказаться, но онъ почти силой посадилъ ее въ карету. Она тотчасъ узнала богатаго, знатнаго консула и нѣсколько стѣснялась сопротивляться; при томъ-же у нея было неопредѣленное чувство, что для нея большая честь прокатиться въ его каретѣ.

Но какъ только они тронулись, ею овладѣлъ сильный страхъ. Ей казалось, что въ окно кареты она еще различаетъ силуэтъ Свенда, который остался на краю дороги, точно пораженный громомъ; но вскорѣ они спустились съ холма, и онъ совершенно исчезъ изъ ея глазъ.

При томъ же ей пришлось возиться съ консуломъ, который обнялъ ее и хотѣлъ поцѣловать въ шею.

Такое обращеніе не было новостью для Эльзы, и она отлично знала, какой отпоръ надо давать мужчинамъ. Но тутъ былъ особенный случай: не могла-же она оттолкнуть изящнаго консула Витъ, котораго зналъ и которому кланялся цѣлый городъ.

Къ тому-же онъ казался ей такимъ старымъ! Наконецъ, длинный день, съ массой новыхъ впечатлѣній, такъ утомилъ и обезсилилъ ее, что она была въ полусознаніи и не вполнѣ ясно понимала, съ кѣмъ именно сидитъ она въ темной каретѣ; долго думала она объ Свендѣ, и представленія ея спутались, такъ что подъ конецъ осталось только ощущеніе усталости и какой-то счастливой подавленности.

Лѣтомъ консулъ жилъ въ виллѣ на берегу фіорда. Онъ приказалъ кучеру ѣхать во дворъ, самъ же вышелъ съ Эльзой у садовой калитки. Она не хотѣла входить, но онъ крѣпко схватилъ ее за руку.

— О, моя роза!—воскликнула Эльза.

— Пойдемъ, ты получишь столько розъ, сколько захочешь,—шепнулъ онъ ей и повелъ за собой.

Онъ продвинулъ ее впередъ въ узкую аллейку между кустами, гдѣ царилъ полумракъ.

Еще не вполнѣ потерявъ свое почти благоговѣйное къ нему отношеніе, она просила отпустить ее домой; но онъ отвѣчалъ шуткой.

Невдалекѣ отъ дома цвѣло еще нѣсколько рѣдкихъ желтыхъ розъ.

Консулъ поглядѣлъ вверхъ на окно, подкрался къ цвѣтамъ и срѣзалъ ихъ всѣ перочиннымъ ножемъ.

Эльза очутилась съ полными руками розъ. Должна же она была хоть поблагодарить!.. Въ полумракѣ онѣ казались еще красивѣе, у нихъ былъ такой особенный запахъ: и розы и точно не розы... Никогда еще она не видѣла ничего подобнаго.

Но когда консулъ открылъ небольшую дверку въ задней сторонѣ дома, у нея промелькнула мысль, что это можетъ худо кончиться, Она хотѣла убѣжать, но онъ обхватилъ ее обѣими руками, втащилъ въ домъ и заперъ дверь.

IV.

Общество для помощи падшимъ женщинамъ прихода св. Петра начало свою дѣятельность, и полиціймейстерша не мало гордилась своими протоколами. Это была толстая красивая книга, переплетенная въ свѣтло-желтый пергаментъ, съ краснымъ корешкомъ и тисненнымъ золотомъ названіемъ общества.

Въ остальномъ работа общества была еще въ подготовительной стадіи, такъ какъ еще не хватало средствъ для основанія собственнаго заведенія со всѣми необходимыми постройками и приспособленіями. При томъ-же взносы поступали медленно; общее настроеніе было не особенно благопріятно; да и не такъ-то легко было отыскать падшихъ женщинъ въ приходѣ св. Петра.

Но это нисколько не касалось секретаря. Ежедневно съ десяти до одинадцати у нея былъ пріемъ въ ея собственномъ салонѣ. Книга записей лежала развернутой на первой страницѣ, гдѣ ничего не было написано, кромѣ заголовковъ: имя, возрастъ, кѣмъ рекомендована и т. д. Около стояла чернильница съ нарисованнымъ для украшенія гусинымъ перомъ, а рядомъ новая ручка со стальнымъ перомъ для писанія.

На бѣду никто не приходилъ, и достойная дама иногда

проявляла нетерпѣніе. Время отъ времени происходили засѣданія; или капелланъ приходилъ переговорить съ ней по дѣламъ общества. Странно было разговаривать съ молодымъ человѣкомъ о подобныхъ вещахъ, и прекраснымъ глазамъ полицеймейстерши приходилось довольно часто скромно опускаться на протоколъ. Но при этомъ было возвышающее чувство сознавать, что при всей своей чистотѣ, какъ выражался капелланъ, не отвертываешься отъ порока, но дѣлаешь все, что въ человѣческихъ силахъ, для спасенія падшихъ.

Въ „ковчегѣ“ жили по прежнему, какъ умѣли, хотя не всегда такъ, какъ слѣдовало.

Человѣкъ съ подвижной физіономіей показывался нѣсколько разъ, и за этими посѣщеніями неизмѣнно слѣдовалъ нѣкоторый періодъ общаго благосостоянія и добраго расположенія духа сварливой хозяйки.

Вслѣдствіе этого концертныя тріо процвѣтали и на сцену выступалъ не одинъ покойный Фюрстенау, но и Онсловъ, и Калливода, а иногда даже и старичекъ Гайднъ должны были претерпѣвать трели „Эльконома“, барабанъ Юргена и неистовую игру стараго Ширмейстера, который колотилъ по клавишамъ, какъ бѣшеный, и пилъ, какъ истый нѣмецкій музыкантъ.

Осенью Христіанъ Фальбе былъ въ одномъ изъ своихъ сквернѣйшихъ періодовъ, и это такъ заботило его сестру, что она совершенно не замѣчала, насколько Эльза поблѣднѣла и перемѣнилась.

Тетка Шпекбомъ, наоборотъ, прекрасно это видѣла и улыбалась своей хитрой улыбкой: когда молодые люди влюблены, они всегда нѣкоторое время выглядятъ именно такъ.

Съ первой же минуты, какъ она увидѣла вмѣстѣ Свенда и Эльзу, она сказала про себя: изъ нихъ выйдетъ хорошая парочка. Они совершенно подходили другъ къ другу, это тетка Шпекбомъ опредѣлила сразу, а у нея на этотъ счетъ былъ вѣрный глазъ.

И поэтому, когда однажды въ субботу вечеромъ къ ней явился Свендъ, смущенный и неповоротливый, она приняла его исключительно ласково, пригласила сѣсть на диванъ, а сама пошла позвать Эльзу изъ кухни. Но Эльзы тамъ не было; ее нигдѣ нельзя было найти: она исчезла и появилась много спустя послѣ ухода Свенда. Тетка Шпекбомъ слегка пожурила ее, впрочемъ, лукаво улыбаясь; она отлично знала всѣ эти признаки: именно такъ поступаютъ всѣ дѣвушки, когда дѣло для нихъ серьезно.

Въ первые дни Эльза рѣшительно не смѣла поднять глазъ. Она прилежно взялась за работу и не выходила изъ

дому. Но по ночамъ она плакала отъ стыда и страха: каждое утро ждала она, что вотъ-вотъ всѣ все узнаютъ.

Но день проходилъ за днемъ безъ всякихъ приключеній, все шло, какъ обыкновенно, безъ малѣйшаго для нея намека на случившееся, и она начинала привыкать къ мысли, что все это, быть можетъ, и не такъ страшно.

Другая, совершенно новая тревога овладѣла ею, и она уже не могла смѣяться по прежнему. Однако, ея легкомысліе помогло ей вскорѣ справиться съ самыми худшими предположеніями, и мало-по-малу къ ней вернулись ея спокойныя ночи и ясные глаза.

Но она не хотѣла встрѣчаться со Свендомъ. Она краснѣла каждый разъ, когда о немъ вспоминала, и ей было гораздо больнѣе думать о немъ, чѣмъ о комъ бы то ни было.

Нѣсколько разъ видѣла она, какъ консулъ, въ сумерки, проходилъ мимо дома. Но къ своей радости, она замѣтила, что онъ никогда не пробуетъ зайти. За то почти каждый вечеръ, когда тетки Шпекбомъ не бывало дома, появлялась женщина среднихъ лѣтъ, очень ласковая и съ привѣтливой улыбкой. Она постоянно приглашала Эльзу зайти къ ней, говоря, что живетъ у моря, неподалеку отъ набережной, настоятельно прося ее въ то же время ни въ какомъ случаѣ не заикаться теткѣ Шпекбомъ объ ея посѣщеніяхъ.

Но однажды вечеромъ случилось страшное происшествіе. Тетка Шпекбомъ замѣтила въ сѣняхъ чужого мужчину, и такъ какъ онъ, повидимому, старался не быть узнаннымъ, тетка Шпекбомъ рѣшительно отворила дверь въ комнату, гдѣ Эльза сидѣла около лампы.

Одного взгляда на смущенное лицо дѣвушки, когда оказалось, что это консулъ Витъ, котораго она тотчасъ узнала, было достаточно для тетки Шпекбомъ. Она настолько знала консула, что тотчасъ все поняла, и, конечно, у нея не было къ нему ни малѣйшаго почтенія. Поэтому онъ былъ сильнымъ ударомъ вытолкнутъ за двери, сопровождаемый цѣлымъ потокомъ брани и проклятій, и изящный баринъ, съ изысканными манерами, спокойно принялъ все это, радуясь, что еще дешево отдѣлался.

Но затѣмъ тетка Шпекбомъ начала сводить счеты съ Эльзой и кончила тѣмъ, что въ тотъ же вечеръ выгнала ее изъ дому.

— Потому что, будь это кто-нибудь другой,—говорила она,—напримѣръ, хоть этотъ юноша съ завода, она бы и слова не сказала и еще помогла бы имъ устроиться и зажить своимъ домомъ. Никто не можетъ упрекнуть тетку Шпекбомъ въ томъ, что она черезчуръ строга къ молодежи. Но

унизиться до такой старой свиньи, какъ этотъ консулъ Витъ,—нѣтъ, никогда! Если Эльза настолько не дорожитъ собой, то ей не мѣсто подъ крышей тетки Шпекбомъ. Вообще добродушная женщина, разсердившись, приходила просто въ бѣшенство. Такое неслыханное лицемѣріе Эльзы оскорбило и возмутило ее до глубины души. Такъ одурачить ее съ этимъ юношей съ завода, ее, тетку Шпекбомъ, у которой такой вѣрный глазъ на эти дѣла! И вдругъ— этотъ консулъ Витъ! Нѣтъ, тутъ и рѣчи не могло быть: Эльза заплатила ей самой черной неблагодарностью и была самое фальшивое, самое хитрое, самое невыносимое созданье на свѣтѣ.

Эльза очутилась среди темной улицы, раньше чѣмъ успѣла опомниться. Сначала она расплакалась, но потомъ удержала слезы, чтобы обдумать случившееся. Больше всего ее мучилъ вопросъ, смолчитъ ли тетка Шпекбомъ или всѣмъ все разскажетъ?

На улицѣ было холодно, дулъ рѣзкій вѣтеръ, а она была въ одномъ платьѣ. Она рѣшила пойти къ подругѣ, которая жила прислугой неподалеку, и тамъ переждать, что будетъ дальше. Быть можетъ, тетка Шпекбомъ еще и смягчится. Эльза провела ночь у подруги, а на утро пошла къ дому тетки Шпекбомъ, но какъ только та ее замѣтила, сейчасъ же захлопнула передъ ней дверь.

Тогда только Эльза ясно поняла, что ее дѣйствительно выгнали; горе охватило ее съ такой силой, что она была совершенно подавлена этой страшной тяжестью. По самымъ узкимъ и темнымъ уличкамъ пробралась она къ морю и тамъ бродила взадъ и впередъ, рыдая, съ поникшей головой и не видя, куда идетъ.

Тутъ-то она встрѣтила ласковую женщину, которая къ ней нѣсколько разъ приходила.

— Бѣдная, милая Эльзочка,—сказала добрая женщина,—чѣмъ они тебя обидѣли? Пойдемъ ко мнѣ, я живу здѣсь по-близости; тебѣ будетъ у меня хорошо и никто ничего тебѣ не сдѣлаетъ. Пойдемъ, дѣточка!

Эльзѣ было невыразимо пріятно слышать эти ласковыя слова, и она охотно пошла за ней.

Домикъ былъ совсѣмъ маленькій и пріютился между двумя большими зданіями, принадлежавшими консулу Витъ. Женщина привела ее въ уютную комнатку, съ окнами на гавань; рядомъ была выходившая во дворъ спаленка, немного поменьше, но, пожалуй, еще красивѣе.

— Посмотри, ты можешь здѣсь жить столько, сколько захочется,—сказала женщина, лаская ее:—я такъ долго ждала тебя.

Эльза даже не была особенно удивлена. Въ тѣхъ мечтахъ, которыя навѣвала на нее игра стараго музыканта, все происходило еще чудеснѣе. А въ послѣднее время, со всѣми ея сильными потрясеніями и волненіями, сама дѣйствительность была такъ ярка и богата красками, что Эльза ни въ чемъ не усомнилась, ни о чемъ не распрашивала, а просто поплыла по теченію, успокоенная и обрадованная, что отдѣлалась отъ страшнаго чувства безпомощности, которое она испытывала послѣднее время.

Только когда ласковая женщина, подавая ей новые чулки — даже чулки были для нея приготовлены—будто ненарокомъ произнесла имя консула Витъ, точно что-то ужалило Эльзу; она вскочила съ дивана и хотѣла убѣжать.

Но женщина ее не отпустила, а начала съ чувствомъ говорить о добромъ консулѣ и разсказывать о немъ много хорошаго и прекраснаго. А затѣмъ: куда же она пойдетъ?

Эльза легла на диванъ; а когда милая женщина черезъ нѣкоторое время подала на подносѣ, покрытомъ бѣлой скатертью, кофе, яйцо и булку, Эльза встала, чтобы нѣсколько подкрѣпиться, а потомъ развлекалась тѣмъ, что съ интересомъ смотрѣла на лодки, которыя плавали въ гавани.

Всю позднюю осень и зиму прожила здѣсь Эльза, и ей было хорошо. Понемногу она привыкла къ консулу. Онъ былъ ласковъ и добродушенъ. Она только очень рѣдко выходила изъ дому и страшно стыдилась встрѣтиться съ нѣкоторыми изъ своихъ знакомыхъ. Съ другими, напротивъ, она останавливалась, и они осматривали и ощупывали все, что на ней было надѣто; и ихъ зависть поднимала ее въ ея собственныхъ глазахъ.

Госпожи Фальбе она такъ боялась, что убѣгала, если замѣчала ее издали на улицѣ.

Но еще больше боялась она Свенда. Она знала, что онъ переѣхалъ въ городъ, когда осенью закончились работы на заводѣ, и разъ вечеромъ она замѣтила, что онъ идетъ за ней по улицѣ.

Она побѣжала изо всѣхъ силъ домой и заперлась на ключъ. Вскорѣ она услышала, что кто-то трогаетъ замокъ и вполголоса зоветъ ее по имени. Но она притаилась, и онъ ушелъ.

Но черезъ нѣсколько дней, раньше чѣмъ она успѣла оглянуться, онъ стоялъ уже въ ея комнатѣ. Эльза хотѣла было выбѣжать въ спальню и тамъ запереться, но Свендъ стоялъ неподвижно и спокойно осматривался. Онъ очень измѣнился, и лицо его не было такъ красиво, какъ лѣтомъ, когда оно было покрыто загаромъ. Эльза сразу замѣтила, что послѣднее время онъ велъ разгульную жизнь.

— Я все знаю, Эльза,—началъ онъ,—но мнѣ все равно. У меня еще остались отъ лѣтняго заработка сто кронъ. Хочешь ты со мной сейчасъ уйти, мы поженимся и уѣдемъ ко мнѣ на родину въ Арендаль. Мнѣ тамъ обѣщали работу.

Эльза выпустила изъ рукъ дверную ручку. Она больше его не боялась, но отъ стыда опустила голову и сказала:

— Нѣтъ, Свендъ, ты не долженъ этого отъ меня требовать; я этого не могу. Во всякомъ случаѣ, благодарю тебя за то, что ты захотѣлъ это сдѣлать.

Свендъ сѣлъ на стулъ у двери и расплакался, когда увидѣлъ, что Эльза плачетъ. И такъ плакали они вмѣстѣ нѣкоторое время, каждый въ своемъ углу.

Но внезапно Эльзѣ пришла мысль, что кто-нибудь можетъ придти. Она быстро вытерла глаза и попросила его уйти поскорѣе,—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Онъ безсильно и покорно подчинился, хотя заявилъ, что скоро опять вернется.

И онъ сталъ приходить часто, выбирая время, когда имъ не могли помѣшать. Когда она его видѣла, въ ней загорался стыдъ, но съ каждымъ разомъ все слабѣе, пока, наконецъ, она не стала проводить цѣлые часы въ разговорахъ съ нимъ. Со страннымъ, нервнымъ интересомъ прислушивалась она къ его словамъ о томъ, что средства его истощаются. Она подробно разспрашивала его о его товарищахъ и когда узнала, что онъ сошелся съ нѣкоторыми изъ банды, она поняла, что дѣла его очень плохи.

Однако, она его не предупреждала, надѣясь, что еще, быть можетъ, все обойдется безъ особенныхъ непріятностей. Гораздо, гораздо было бы хуже, если бы когда она пала такъ низко, онъ остался бы такъ же чистъ и прекрасенъ, какъ былъ тогда, когда она увидѣла его въ первый разъ.

Въ тотъ день, когда у него оставалось въ карманѣ всего пятьдесятъ кронъ, онъ предложилъ ихъ ей,—полунахально, полузастѣнчиво,—за одинъ единственный поцѣлуй.

Но Эльза съ гнѣвомъ и испугомъ отшатнулась отъ него: ни за что на свѣтѣ не хотѣла она даже дотронуться ни до него, ни до его денегъ.

Свендъ, пристыженный и уничтоженный, былъ похожъ на прибитую собаку. Когда онъ послѣ этого хотѣлъ проскользнуть въ дверь, ей стало его жалко, и она заставила себя поцѣловать его.

Такъ прошла зима.

Когда въ февралѣ и мартѣ дни стали длиннѣе и свѣтлѣе, начали носиться всевозможные слухи, которые въ зимнюю темную пору, казалось, таились до поры до времени, и новая исторія консула Витъ съ шумомъ облетѣла весь городъ.

Консулъ прибѣгъ къ своему обыкновенному средству: онъ поѣхалъ по дѣламъ въ Лондонъ. И однажды къ Эльзѣ явилась ея добрая женщина съ совершенно другимъ лицомъ: на немъ не было ни малѣйшаго слѣда улыбки, и она коротко и ясно заявила, что консулъ уѣхалъ—по меньшей мѣрѣ на годъ,—и что Эльзѣ здѣсь дѣлать больше нечего; она можетъ убираться, куда ей угодно, и не смѣетъ брать съ собой ничего изъ вещей.

Эльза была уже не та, какъ въ то время, когда тетка Шпекбомъ выгоняла ее изъ дому. Она встала и разразилась энергичною бранью. Вышла крупная ссора, которая кончилась тѣмъ, что „ласковая" женщина поклялась, что еще до захода солнца и духу Эльзы не будетъ въ домѣ.

— Какъ охотно, съ какой радостью уйду я отсюда,— отвѣтила Эльза. Это ея давнишнее желаніе; и вся эта исторія ей основательно надоѣла. И такъ какъ Свендъ какъ разъ въ это время поднимался по лѣстницѣ, она воскликнула съ горящими глазами:

— Теперь я пойду съ тобой, Свендъ!

Но Свендъ выглядѣлъ скорѣе смущеннымъ, чѣмъ счастливымъ, и прошепталъ ей уныло:

— У меня нѣтъ ни гроша!

Тогда Эльза расхохоталась, но такимъ смѣхомъ, что онъ раскатился по всѣму дому сверху до низу; и Свенду стало отъ него страшно.

И, сіяющая, точно празднуя какое-то радостное торжество, взяла она его подъ руку и гордо прошла мимо женщины, которая смотрѣла на нихъ съ язвительной улыбкой.

Они отправились на чердакъ къ „бандѣ".

Проходя мимо двери госпожи Фальбе, Эльза остановилась было и задумалась, но это продолжалось только одну секунду.

V.

Красивая полиціймейстерша отмѣнила пріемъ отъ десяти до одиннадцати. Ей это надоѣло.

Подготовительныя работы растянулись до безконечности. Учредивъ общество, капелланъ, казалось, достигъ цѣли и не особенно тревожился о его развитіи и дальнѣйшемъ преуспѣяніи.

На послѣднемъ собраніи онъ, со всеобщаго одобренія, внесъ предложеніе отложить дѣло до осени; теперь лѣто: высокіе покровители разъѣзжаются всѣ на морскія купанья или на дачи; надо ограничиться „незамѣтной работой", какъ

выражался капелланъ, а тамъ осенью, съ Божьей помощью и съ новыми силами, приняться опять за совмѣстный трудъ.

„Незамѣтная“ работа не входила въ разсчеты полиціймейстерши, которая, наоборотъ, жаждала выдвинуться во что бы то ни стало; а случая къ этому не представлялось. Наконецъ, она совсѣмъ перестала открывать толстую книгу протоколовъ, хотя и оставила ее на письменномъ столѣ: вѣдь, во всякомъ случаѣ, это было красивое украшеніе, и всѣ гости интересовались имъ.

Въ одно прекрасное майское утро къ ней въ спальню, между десятью и одиннадцатью, вошла горничная и доложила, что госпожа Фальбе въ гостиной и желаетъ видѣть госпожу полиціймейстершу.

Первымъ движеніемъ уважаемой дамы-патронессы было послать извиненіе, что она принять не можетъ. Но когда она услышала, что дѣло касалось общества помощи падшимъ женщинамъ прихода св. Петра, она быстро облеклась въ изящный туалетъ и вышла въ гостиную. Но она всетаки была нѣсколько не въ духѣ: придти такъ некстати могла только одна госпожа Фальбе.

Также совершенно въ ея духѣ было отнестись съ полнымъ невниманіемъ къ головной боли, на которую жаловалась полиціймейстерша, и сразу перейти къ дѣлу.

— Вы, конечно, помните, милостивая государыня,—такъ начала она,—что нѣсколько времени тому назадъ я рекомендовала въ ваше общество одну молодую дѣвушку. Вы, конечно, припомните, что послужило препятствіемъ къ ея пріему.

Молодая дама сухо наклонила голову.

— Это препятствіе теперь, къ сожалѣнію, не существуетъ,—въ голосѣ госпожи Фальбе звучали суровыя нотки, когда она произносила эти слова,—молодая дѣвушка пошла по торной дорогѣ и при весьма печальныхъ условіяхъ.

Полиціймейстерша не знала, что на это отвѣтить. Она приняла дѣловой видъ, ища предлога, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія; она испытывала инстинктивное стремленіе поступить наперекоръ желаніямъ госпожи Фальбе.

Но вдругъ ей пришло въ голову, что это прекрасный случай выдвинуться. Она была секретаремъ общества, и если учрежденіе и не было совершенно организовано, то она всетаки могла распоряжаться деньгами и одеждой. Она бросила взглядъ на книгу протоколовъ: туда предполагалось вносить имена женщинъ, получающихъ постоянную поддержку отъ общества.

Полиціймейстерша приняла смѣлое рѣшеніе и торжественно развернула книгу.

Твердой, хотя и нѣжной рукой заполнила она, наконецъ, пустыя рубрики на первой строкѣ: имя, возрастъ, кѣмъ рекомендована и т. д., все съ такимъ дѣловымъ видомъ, точно она дѣлала это въ двадцатый разъ.

Когда все было заполнено, госпожа Фальбе сказала:

— Что касается ребенка...

— Ребенка! — воскликнула полиціймейстерша. — Какъ, развѣ есть еще и ребенокъ?

— Будетъ,—отвѣтила спокойно госпожа Фальбе.

Бѣдная дама была съ минуту близка къ обмороку. Но гнѣвъ всетаки взялъ верхъ надъ другими чувствами. Красная, какъ піонъ, съ укоромъ въ глазахъ она поднялась съ мѣста:

— Стыдно вамъ, госпожа Фальбе! Вотъ вы всегда такъ. Вѣдь мнѣ теперь придется все вычеркнуть изъ книги. Она испорчена, совсѣмъ испорчена! — и отъ досады и огорченія достойная дама разразилась слезами.

— Въ чемъ же дѣло?—спросила госпожа Фальбе.

— Ахъ, вѣдь вы же это отлично знали, — всхлипывала полиціймейстерша.—Если есть ребенокъ, то должно обращаться въ общество для нуждающихся рожениць, а не къ намъ... Вѣдь вы это отлично знали... да, вы знали это... я въ этомъ убѣждена.

Госпожа Фальбе улыбалась; улыбалась она, правда, довольно зло, спускаясь съ лѣстницы. Трудно установить, знала ли она объ этомъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, она не пошла въ общество для нуждающихся рожениць.

Она направилась прямо домой, въ „ковчегъ“, и прошла къ теткѣ Шпекбомъ. Обѣ дамы были коротко знакомы и очень уважали другъ друга. Если госпожа Фальбе была въ затрудненіи, какъ помочь какому-нибудь бѣдняку, она знала, что тетка Шпекбомъ всегда что-нибудь для него подыщетъ, даже когда, казалось бы, совершенно нѣтъ исхода.

А тетка Шпекбомъ ставила госпожу Фальбе безпредѣльно высоко, можетъ быть, потому, что она, единственная изъ людей образованныхъ, открыто выказывала уваженіе къ ея врачебному искусству.

Кромѣ того, она старательно подчеркивала, что среди всѣхъ дамъ-благотворительницъ города не было ни одной, которая бы дѣлала столько добра и была-бы больше любима, чѣмъ госпожа Фальбе, хотя у той и у самой было не особенно много, чѣмъ подѣлиться.

Но когда тетка Шпекбомъ теперь услышала, что надо помочь Эльзѣ, она сердито затрясла своими локонами:

— Этой ничто не поможетъ!.. Здѣсь ея кровь сказывается,—я ужъ знаю.

Тетка Шпекбомъ очень тосковала по Эльзѣ, такъ что даже постарѣла за эти полгода. И жаль ей ее было. Но она была черезчуръ суроваго и упрямаго нрава, чтобы когда-нибудь въ этомъ сознаться.

Однако, госпожа Фальбе не испугалась и не отступила: она, насколько возможно, не теряла Эльзы изъ виду, и разсказала, что съ ней было за послѣднее время.

Съ начала года Эльза жила съ тѣмъ юношей съ завода, частью просто безъ пристанища, частью въ нижней части города, на постояломъ дворѣ съ очень плохой славой.

Но онъ былъ лѣнивъ и много пилъ, когда бывалъ въ городѣ. Поэтому Эльзѣ пришлось испытать большую нужду, но, что всего хуже, она въ короткое время такъ излѣнилась, что когда госпожа Фальбе навѣщала ее, желая ей помочь встать на ноги, Эльза упрямо смѣялась, говоря, что она и сама выбьется.

— Вотъ, вотъ...—видите,—вотъ она какова!—бормотала тетка Шпекбомъ.

Но Эльза заболѣла. Вчера госпожа Фальбе застала ее одну—Свендъ уже нѣсколько дней какъ исчезъ куда-то—и все ея упрямство пропало; она смягчилась, плакала и раскаивалась.

Госпожа Фальбе говорила объ Эльзѣ до тѣхъ поръ, пока тетка Шпекбомъ не растрогалась; вечеромъ Эльзу привезли, и она снова очутилась на своей дѣвичьей постели въ маленькой комнаткѣ, которую утреннее солнце заливало своими лучами.

Сначала Эльза не смѣла взглянуть въ глаза теткѣ Шпекбомъ. Но когда она опять привыкла къ старой обстановкѣ, а особенно послѣ того, какъ у нея родилась жалкая, мертвая дѣвочка, прежнія довѣрчивыя отношенія возобновились мало по малу.

Между ними произошелъ длинный разговоръ о прошломъ, который тетка Шпекбомъ заключила такими словами:

— Но если ты снова надѣлаешь глупостей или убѣжишь изъ дому, или хоть разъ взойдешь наверхъ къ Куколкѣ,— между нами все кончено, и навсегда!

Эльза была вполнѣ увѣрена, что ничего подобнаго больше случиться не можетъ,—ей слишкомъ горько дался ея опытъ.

И теперь ей было такъ необыкновенно хорошо. Что касается Свенда, то тетка Шпекбомъ сама пообѣщала помочь имъ жениться и устроиться, если онъ броситъ пить и станетъ работать.

Эльза очень много объ этомъ думала. И когда отъ ухода и хорошей пищи къ ней вновь возвратились силы, она принялась мечтать по старому.

—

Но теперь это были уже не тѣ дѣвичьи неопредѣленныя мечты.

Она не думала больше ни о лошадяхъ, ни о нарядахъ съ лебяжьей опушкой; она хотѣла бы имѣть вблизи отъ кирпичнаго завода небольшой домикъ, въ которомъ она жила бы со Свендомъ; а передъ домомъ росъ бы большой розовый кустъ, похожій на тотъ кустъ въ саду священника. О, какъ памятенъ ей былъ этотъ кустъ! Она могла совсѣмъ ясно представить себѣ даже его запахъ, точно сейчасъ вдыхала его.

Эльза была такъ молода и легкомысленна, что не долго горевала о своемъ мертвомъ ребенкѣ. И когда она поправилась и начала выходить, то почувствовала себя такой счастливой, какъ никогда.

Къ ней вернулась и ея красота: лицо пополнѣло, глаза заблестѣли.

Однажды вечеромъ, какъ разъ, когда тетка Шпекбомъ отправилась къ больнымъ, появился Свендъ.

Эльза очень испугалась. Тетка Шпекбомъ строго запретила ей его принимать; она хотѣла сначала переговорить съ нимъ сама.

Однако, не могла же она его прогнать, да онъ и самъ ни за что не хотѣлъ уходить: они такъ давно не видѣли другъ друга. Эльза успокоилась на томъ, что все разскажетъ теткѣ Шпекбомъ, когда она вернется, а тамъ — будь, что будетъ.

Но она не исполнила своего намѣренія: у нея не хватило присутствія духа, и Свендъ сталъ приходить къ ней раза два въ недѣлю, чаще всего въ субботу вечеромъ.

Эльза никакъ не могла понять, подозрѣваетъ ли что-нибудь тетка Шпекбомъ. Это ее мучило, и всетаки она не могла рѣшиться ей признаться. И чѣмъ дальше, тѣмъ это становилось труднѣе и, наконецъ, она потеряла всякую охоту говорить по душѣ съ теткой Шпекбомъ.

Въ іюлѣ и августѣ было столько солнца, и всетаки лучи его такъ рѣдко заглядывали въ узкую уличку тетки Шпекбомъ.

Эльза сидѣла у окна и смотрѣла на небо и долго думала объ Свендѣ, о кирпичномъ заводѣ и о блестящихъ брызгахъ вокругъ водяного колеса, — и о розахъ священника... О! чего бы не дала она за одну такую розу!..

На слѣдующую субботу Свендъ принесъ ей розу.

— Ихъ множество — сказалъ онъ:—уже съ дороги слышенъ ихъ запахъ. И въ этомъ году онѣ свѣшиваются черезъ заборъ, такъ что и лазить за ними не надо.

Когда онъ уходилъ — около половины девятаго, — чтобы

ихъ не накрыла тетка Шпекбомъ, Эльза пошла проводить его до угла, держа розу въ рукѣ.

Они уже были на улицѣ, и онъ убѣждалъ ее пойти съ нимъ и нарвать розъ, сколько она захочетъ.

Но она этого не хотѣла и въ двадцатый разъ объясняла ему, насколько умнѣе остаться ей возможно дольше у тетки Шпекбомъ и повѣнчаться съ нимъ осенью.

Свендъ терпѣливо слушалъ ее, а между тѣмъ, они шли все дальше и дальше и, наконецъ, очутились на пригоркѣ за городомъ. Но когда онъ увидѣлъ, что ему удалось заманить ее такъ далеко, онъ обнялъ ее и сказалъ:

— Не будь же дурочкой, Эльза! Чего тебѣ сидѣть въ этой темной ямѣ съ больными! Развѣ ты не чувствуешь, какъ здѣсь хорошо и прохладно?

Онъ опять загорѣлъ отъ солнца; горячая цыганская кровь зарумянила ему щеки, и бѣлые зубы сверкали въ полумракѣ. Въ немъ чувствовалась такая сила и рѣшимость, что она не смогла устоять, и онъ, счастливый и беззаботный, быстро пошелъ съ ней впередъ въ тихую, прекрасную лѣтнюю ночь.

— Ну и что же? Развѣ я вамъ раньше этого не предсказывала?—воскликнула тетка Шпекбомъ не безъ горечи, хотя и съ нѣкоторымъ торжествомъ.

— Она просидитъ здѣсь, пока не поправится, а тамъ убѣжитъ. Вѣдь я знаю эту кровь! И кромѣ того, если бы я знала, что ея мальчишка—цыганъ... О, если бы я это знала! Ни за что бы не позволила ему проводить ее въ тотъ злополучный вечеръ.

— Вѣдь, можетъ быть, она еще вернется, — вставила госпожа Фальбе.

— Да, пусть только она попробуетъ,—воскликнула тетка Шпекбомъ съ угрозой.

— Но неужели же вы хотите отъ нея совершенно отказаться?

— О, да, госпожа Фальбе, таково именно мое намѣреніе! И это такъ же вѣрно, какъ то, что я зовусь Каролиной Шпекбомъ! И грѣхъ, и стыдъ оказывать помощь той, которая отъ нея отказывается, когда есть столько дѣйствительно нуждающихся.

— Да, но, пожалуй, всего необходимѣе помощь именно тѣмъ, которые отъ нея отказываются.

— Простите, пожалуйста, госпожа Фальбе, но въ томъ, что вы говорите, нѣтъ никакого смысла. Порой вы тоже бываете черезчуръ умны и учены, точь въ точь, какъ докторъ Бентценъ. Да, т. е., конечно, вы въ тысячу разъ лучше во

всѣхъ отношеніяхъ,—о! безъ всякаго сравненія!—прибавила тетка Шпекбомъ: ей даже страшно стало, что она настолько забылась, что достойнѣйшую госпожу Фальбе могла поставить на одну доску съ такимъ отвратительнымъ существомъ, какъ докторъ Бентценъ.

Зима была тяжела для бѣднаго люда.

Но—всякій это понимаетъ—стоило отыскать какую-нибудь даму благотворительницу, и помощь была обезпечена отъ различныхъ обществъ; помогали дѣйствительно многимъ, и помощь шла на пользу тамъ, куда она достигала.

Но были и такіе, которымъ не удавалось получить пособіе, и многіе, къ которымъ благотворители не желали снисходить: поддержка тамъ, гдѣ нужда соединяется съ порокомъ, можетъ принести только вредъ, и грѣшно отнимать хлѣбъ отъ достойныхъ бѣдняковъ, которые принимаютъ его со слезами и благословеніями.

Эльза ниоткуда не видѣла больше помощи: всѣ мало-по-малу отъ нея отвернулись. Когда она, поздней осенью, вернулась со Свендомъ съ завода, они съ недѣлю прожили шумно и беззаботно на остатки его заработка. И когда деньги вышли, у нихъ не осталось ровно ничего.

Вышло именно такъ, какъ однажды предсказала тетка Шпекбомъ: Эльза и Свендъ подходили другъ къ другу во всѣхъ отношеніяхъ. Оба были одинаково легкомысленны, падки на развлеченія и оба одинаково неспособны что-либо заработать.

Въ этомъ отношеніи Свендъ всетаки былъ лучше, но онъ тотчасъ пропивалъ все, что успѣвалъ заработать.

Эльза перебивалась нѣкоторое время, одурачивая одну за другой дамъ-благотворительницъ. Но когда она перебывала у всѣхъ въ городѣ, то до того всѣмъ надоѣла, что обратиться ей больше было рѣшительно не къ кому.

Тогда она бросила Свенда и пошла за другимъ, у котораго было въ карманѣ нѣсколько шиллинговъ; потомъ вернулась къ нему и снова исчезла, такъ что никто не зналъ навѣрное, гдѣ она.

Даже госпожа Фальбе потеряла ее изъ виду. Но на холостыхъ пирушкахъ полиціймейстеръ приводилъ Эльзу въ примѣръ того, какъ быстро опускаются женщины простыхъ классовъ, если онѣ разъ собьются съ пути. И мужчины, поглядывая задумчиво на бокалы съ шампанскимъ, удивлялись, какъ слабы нравственныя силы народа.

Эльза больше не думала, не мечтала, не стыдилась и не раскаивалась.

Она жила изо дня въ день, кое-какъ перебиваясь, смѣялась и веселилась, когда было что съѣсть и выпить, и уныло бродила по городу, когда бывала въ полной нищетѣ.

Наконецъ, она опустилась до того, что поступила продавщицей въ пивную въ гавани, гдѣ должна была пить пиво съ незнакомыми матросами.

VI.

Въ Рождественскій сочельникъ весь городъ былъ заваленъ работой, и чуть ли не болѣе всѣхъ были заняты дамы-благотворительницы, которымъ надо было распредѣлять подарки между бѣдными.

Но госпожа Фальбе, какъ всегда и во всемъ оригинальничающая и своенравная, старалась раздать немногое, что было въ ея распоряженіи, до праздниковъ, чтобы быть въ этотъ день возможно свободнѣе. Однако, въ сочельникъ ей пришлось быть на ногахъ съ ранняго утра.

Она исходила весь городъ вдоль и поперекъ, рѣшивъ во что бы то ни стало отыскать Эльзу.

Она видѣла ее въ послѣдній разъ больше мѣсяца назадъ. Но въ день всеобщей радости и примиренія бѣдная Эльза не шла у нея изъ головы, и она искала ее по подваламъ и чердакамъ, по всѣмъ дырамъ и грязнымъ угламъ, гдѣ ютились бѣдняки.

Только поздно послѣ полудня, когда она уже совсѣмъ отчаялась въ успѣхѣ, встрѣтила она неожиданно Эльзу на одномъ изъ перекрестковъ.

Часто слышала госпожа Фальбе, какъ быстро исчезаютъ молодость, красота и здоровье у тѣхъ, которыя идутъ по одной дорогѣ съ Эльзой; но никогда еще не видѣла она ничего подобнаго.

Впрочемъ, ее не легко было чѣмъ-нибудь испугать. Она крѣпко схватила Эльзу за руку, когда та хотѣла убѣжать, и сказала такъ спокойно, точно ничего между ними не произошло:

— Добрый вечеръ, Эльза! я рада, что тебя встрѣтила. Пойдемъ къ намъ, поужинай сегодня съ нами вмѣстѣ.

Эльза взглянула на нее. На мгновеніе въ ея большихъ блестящихъ глазахъ сверкнулъ упрямый, злобный огонекъ; но она не выдержала, разрыдалась и, опираясь на госпожу Фальбе, пошла съ ней рядомъ.

Эльза куталась въ большой коричневый клѣтчатый платокъ; голова была не покрыта. Лицо ея похудѣло и пожелтѣло; она шла, согнувшись, и плакала, и, смотря на ея вы-

сохшую, сморщившуюся шею, трудно было повѣрить, что ей еще не минуло девятнадцати лѣтъ. Отъ прежней Эльзы остались только большіе, блестящіе глаза, и чѣмъ сильнѣе она худѣла, тѣмъ они казались громаднѣе.

Она не имѣла силы говорить, хотя и пыталась нѣсколько разъ, и госпожа Фальбе продолжала, не дожидаясь отвѣта:

— Уходя, я пообѣщала Христіану, что приведу тебя съ собой, если найду тебя. Въ шесть часовъ я должна быть дома, а теперь мнѣ надо еще зайти на мельницу къ больному. Мы выпьемъ вмѣстѣ чаю и поѣдимъ рождественской кутьи. Ты переночуешь у насъ, я постелю тебѣ въ гостиной.

Эльза пожала ей руку. Онѣ стояли позади высокой каменной лѣстницы, гдѣ было совершенно темно. Госпожа Фальбе обняла ее:

— Ты должна мнѣ пообѣщать, Эльза, что ты непремѣнно придешь.

— Да, я приду,— отвѣтила Эльза увѣреннымъ тономъ и посмотрѣла ей въ глаза.

— Благодарю тебя, это хорошо съ твоей стороны,—воскликнула радостно госпожа Фальбе:—Иди прямо къ намъ. Слышишь, звонятъ въ церкви, уже шестой часъ; я сейчасъ же иду вслѣдъ за тобой. Христіанъ дома; у насъ такъ тепло и уютно; скажи ему, что я сейчасъ приду.

Съ этими словами она разсталась съ Эльзой. Госпожа Фальбе чуть не летѣла отъ радости.

Эльза медленно пошла въ городъ, стараясь, по возможности, держаться въ тѣни; чтобы попасть въ „ковчегъ“, ей пришлось бы, однако, пройти черезъ лучшую часть города, гдѣ газовые фонари стояли чаще и гдѣ сегодня вечеромъ лавки были особенно ярко освѣщены.

Поэтому она пошла въ обходъ черезъ паркъ и очутилась возлѣ церкви. Одна изъ боковыхъ дверей была отворена; Эльзой овладѣло странное желаніе: она проскользнула въ церковь и сѣла на скамейку возлѣ одной изъ колоннъ.

Сначала она была совсѣмъ оглушена звономъ колоколовъ, доносившимся съ колокольни. Но когда она мало-по-малу къ нему привыкла, ей стало казаться, что она погружается въ широкія, могучія волны звуковъ, уносится вмѣстѣ съ ними подъ высокіе своды и находитъ въ нихъ успокоеніе.

Неподалеку отъ каѳедры виднѣлись двѣ поденщицы, которыя, согнувшись, прибирали церковь; на полу съ ними рядомъ стояла лампочка, и онѣ передвигали ее по мѣрѣ того, какъ шли впередъ; а наверху, на хорахъ, былъ небольшой фонарикъ, поставленный истопниками.

Эльза давно не бывала въ церкви, и теперь необыкно-

венное чувство овладѣло ею въ этомъ таинственномъ полумракѣ, подъ праздничный звонъ колоколовъ.

Еще полчаса назадъ вся она была во власти одной мысли: какъ бы раздобыть чего-нибудь поѣсть, а еще лучше выпить. Уже нѣсколько недѣль она голодала, какъ голодаютъ тѣ, которые питаются кускомъ хлѣба или соленой рыбы, когда она у нихъ есть, а въ остальное время поддерживаютъ свое существованіе пивомъ и водкой.

Сегодня у нея не было ни крошки и ни капли во рту. Но въ эту минуту она ни о чемъ больше не помнила; въ сущности, все забылось еще съ первыхъ словъ, которыя произнесла госпожа Фальбе.

Неужели же былъ еще на землѣ человѣкъ, который могъ говорить съ ней такимъ образомъ! Точно лучъ свѣта озарилъ долгую темную ночь ея приниженнаго существованія.

Воспоминанія о лучшихъ дняхъ, которыя она обыкновенно со страхомъ отгоняла, нахлынули на нее, не причиняя ей, однако, никакого страданія. Она сидѣла въ полутемной церкви и думала о своей маленькой комнаткѣ у тетки Шпекбомъ. Госпожа Фальбе унесла съ собой самую жгучую часть ея позора; ей казалась, что вся она точно вымылась и очистилась, при томъ же она радовалась предстоящему ужину.

Колокола, которые одно время звучали подъ сурдинку и какъ бы доносились откуда-то съ вышины, теперь сильнымъ, оглушительнымъ звономъ наполняли всю церковь. Въ ту же минуту одна изъ поденщицъ отодвинула лампочку дальше вглубь, такъ что стали отчетливо видны всѣ рѣзныя украшенія каѳедры.

И Эльзѣ казалось, что этотъ потокъ звуковъ несется на нее прямо съ каѳедры, какъ нѣкогда неслись оттуда суровыя слова пастора о вѣчномъ судѣ и о геённѣ огненной, ожидающей грѣшниковъ, а она сидѣла рядомъ съ теткой Шпекбомъ, дрожа отъ ужаса. И ей чудилось, что эти жестокія, страшныя слова ожили, забились между каменной рѣзьбой и съ укоризной смотрѣли на нее.

Вдругъ изъ небольшой дверцы на хорахъ вышелъ какой-то человѣкъ, взялъ фонарь и сталъ спускаться внизъ. Длинная черная тѣнь побѣжала по стѣнѣ,—будто злой духъ шелъ схватить Эльзу. Она смотрѣла, какъ онъ приближался; отъ страха у нея подгибались колѣни. Она не имѣла силы подняться со скамьи, точно кто-то крѣпко-накрѣпко привязалъ ее; она была заперта, заперта, одна одинешенька въ церкви, а онъ все шелъ, фонарь въ его рукѣ качался, и колокола гудѣли надъ самымъ ея ухомъ. Обезумѣвшая отъ ужаса, она съ крикомъ вскочила и побѣжала, чувствуя, что онъ слѣдуетъ за ней по пятамъ; тысячи какихъ-то головъ и

острыхъ пальцевъ указывали на нее:—это она... да... да...— Эльза толкнула дверь... она очутилась на улицѣ—она была спасена... спасена, казалось ей, изъ когтей самаго дьявола.

Стояла настоящая рождественская ночь, звѣздная и настолько холодная, что хорошая мѣховая шуба была только впору.

Эльза поспѣшила въ „ковчегъ". Наверху у Фальбе былъ свѣтъ; но она еще не побѣдила страха, овладѣвшаго ею въ церкви, и не осмѣлилась тотчасъ взойти.

Она пробралась во дворъ тетки Шпекбомъ, который знала до мельчайшей подробности. Въ кухнѣ на полкѣ горѣла лампа. Эльза заглянула черезъ окно. Въ кухнѣ никого не было. Ею овладѣло непреодолимое желаніе войти. Очевидно, тетка Шпекбомъ и ея служанка, обѣ вышли. Съ давнихъ поръ помнила она, какъ надо особеннымъ образомъ приподнять щеколду, чтобы она не стукнула.

Все было, какъ раньше. Она знала на кухнѣ каждую вещь съ ея особеннымъ, присущимъ ей запахомъ. На полкѣ стояла тарелка съ буттербродами. Эльза была страшно голодна, но она ни до чего не дотронулась,—она вѣдь должна была сейчасъ получить ужинъ честнымъ путемъ.

Но чтобы не поддаться искушенію, она открыла дверь въ гостиную. Тамъ тоже никого не было.

Газовый фонарь на углу улицы приходился какъ разъ противъ одного изъ оконъ, такъ что зимой въ комнатѣ всегда былъ полусвѣтъ, и Эльза увидѣла на столѣ три или четыре большихъ свертка. Эльза настолько знала весь домашній обиходъ, что тотчасъ догадалась, что это были съѣстные припасы и одежда, которые тетка Шпекбомъ собиралась раздать своимъ бѣднымъ.

Она стала ощупывать свертки, отчасти полу-машинально, отчасти изъ любопытства. Вдругъ что-то выпало на полъ.

Она подняла маленькую мягкую вещичку и стала разсматривать ее при свѣтѣ фонаря. Она оказалась ей хорошо знакома: это былъ ея собственный дѣтскій капоръ, тотъ самый маленькій коричневый капоръ съ ярко-розовыми завязками, который былъ сдѣланъ изъ неизносимаго плаща, давшаго ей прозвище „блошки".

Она не могла вспомнить того времени, когда сама носила этотъ капоръ, но она часто видѣла его въ комодѣ у тетки Шпекбомъ, и каждый разъ тетка Шпекбомъ говорила, что она бережетъ этотъ капоръ для перваго ребенка Эльзы.

Но, значитъ, теперь отъ нея окончательно отказались, если даже ея капоръ, ея единственная собственность на свѣтѣ должна достаться кому-то другому.

Она прижала капоръ къ лицу; но слезы такъ и хлынули

у нея изъ глазъ, когда на нее пахнуло запахомъ стараго комода тетки Шпекбомъ.

Она стояла и плакала надъ своимъ дѣтскимъ капоромъ, все болѣе падая духомъ; какъ вдругъ она услышала чьи-то шаги въ корридорѣ. Она быстро всунула капоръ въ карманъ и тихонько выскользнула обратно тѣмъ же путемъ.

Шелъ, вѣроятно, седьмой часъ, и госпожа Фальбе уже ждала ее. Эльза сдѣлала надъ собой усиліе, открыла дверь на улицу и взошла на лѣстницу. Но у дверей госпожи Фальбе она остановилась и прислушалась. Христіанъ, по обыкновенію, ходилъ взадъ и впередъ, и сквозь замочную скважину можно было разглядѣть, какъ его тѣнь то удалялась отъ стѣны, то приближалась къ ней. Очевидно, госпожа Фальбе еще не вернулась домой.

Вдругъ ей показалось, что онъ направляется къ двери. Она испуганно вбѣжала нѣсколько ступенекъ вверхъ по лѣстницѣ; пока она стояла и прислушивалась, не выйдетъ ли онъ, до нея сверху донеслись звуки, которыхъ она никогда раньше не слыхала.

Это не былъ ни барабанъ, ни флейта, ни рояль, а какіе-то протяжные жалобные звуки, мягкіе и таинственные, точно впитавшіе въ себя все ея страданье и несшіеся къ ней, чтобы ее утѣшить.

Когда она осторожно открыла дверь въ каморку стараго музыканта, онъ стоялъ какъ разъ противъ лампы и игралъ на скрипкѣ.

Свѣтъ падалъ на его маленькое сморщенное лицо; но влажные глаза сверкали страннымъ блескомъ, и онъ встрѣтилъ Эльзу полнымъ достоинства поклономъ.

Онъ выпрямилъ свою дряхлую спину; рука его водила смычкомъ съ нѣсколько натянутой старомодной граціей, а его маленькая и лысая, какъ рѣдька, голова склонилась на бокъ, внимательно ловя звуки скрипки.

Многіе годы не прикасался онъ къ своему любимому инструменту. Но сегодня вечеромъ имъ овладѣло странное настроеніе. Онъ вытащилъ свою скрипку, кое-какъ подтянулъ струны и игралъ теперь о своей юности, о своихъ мечтахъ, своихъ маленькихъ тріумфахъ и большихъ разочарованіяхъ.

Онъ сыгралъ подъ конецъ адажіо Шпора, за которое онъ заслужилъ одобреніе маэстро, и онъ игралъ его чисто и отчетливо, ни разу не сфальшививъ, такъ именно, какъ требовалъ маэстро.

Изголодавшійся переписчикъ нотъ и старый пьяница изчезли. Съ откинутой назадъ головой, съ широко раскрытыми глазами стоялъ онъ при свѣтѣ закопченой керосиновой лампочки, воображая себя не на чердакѣ, а въ высокомъ кон-

цертномъ залѣ, залитомъ огнями и наполненнымъ рядами дамъ и кавалеровъ, слушающихъ его, съ затаеннымъ дыханіемъ. Онъ забылъ горе и нужду, и въ немъ проснулся художникъ; полуугасшая искра въ его душѣ вспыхнула яркимъ пламенемъ, точно тотъ богъ музыки, которому онъ служилъ и которому измѣнилъ, послалъ ему прощенье,—а въ заключеніе пришелъ великій маэстро, положилъ ему руку на голову и сказалъ: „О, онъ далеко пойдетъ!

Со скрипкой подъ мышкой, почти касаясь пола смычкомъ, склонился Антонъ Ширмейстеръ передъ публикой. Потомъ онъ поспѣшно спряталъ скрипку въ ящикъ, заперъ его на ключъ, бросился на стулъ и закрылъ лицо руками. И когда онъ поднялъ глаза, Эльза сидѣла передъ нимъ на сундукѣ у двери, тоже закрывъ лицо руками.

И старикъ поглядѣлъ на дѣвушку, потерпѣвшую, какъ и онъ, крушеніе въ жизни, и печально покачалъ головой.

За дверьми раздался подавленный шумъ, точно нѣсколько человѣкъ старались неслышно взойти на лѣстницу. „Куколка“ просунула голову и потомъ посторонилась, чтобы пропустить остальныхъ.

Вся банда была въ сборѣ. Они всѣ пришли въ надеждѣ, что для нихъ что-нибудь найдется. Поэтому царило всеобщее веселое настроеніе.

Эльза хотѣла было ускользнуть. Вдругъ ее кто-то схватилъ. Это былъ Свендъ.

Они уже не видѣлись нѣсколько недѣль и разстались въ ссорѣ. Но Эльза была въ такомъ состояніи, что сразу смягчилась, увидѣвъ его въ до-нельзя жалкомъ оборванномъ видѣ.

Свендъ это замѣтилъ, сѣлъ съ ней рядомъ на сундукъ и началъ жаловаться, плакаться, давать всевозможныя добрыя обѣщанья и клясться, что онъ исправится, если она опять къ нему вернется.

Эльза сидѣла неподвижно, погруженная въ свои мысли и лишь на половину прислушиваясь къ знакомому голосу и давно извѣстнымъ увѣреніямъ.

Вдругъ за столомъ поднялся шумъ. Жестяныхъ дѣлъ мастеръ вскочилъ и выбранился, и всѣ болѣе или менѣе злобно, въ зависимости отъ степени смѣлости, поглядѣли на Куколку.

Она была такъ далека отъ мысли угощать ихъ чѣмъ-бы то ни было, что, наоборотъ, сама надѣялась что-либо получить отъ нихъ по случаю праздника,—она вѣдь, по правдѣ говоря, довольно часто съ ними дѣлилась, чѣмъ могла...

Она повернулась къ мужчинамъ своимъ громаднымъ грубымъ лицомъ и сказала язвительно:

— Прекрасно! вотъ такъ молодцы! въ рождественскій сочельникъ и ни одной бутылки пива! Фу, стыдитесь!

Тогда они смягчились. Жестяныхъ дѣлъ мастеръ пробормоталъ что-то насчетъ „тяжелыхъ временъ", Юргенъ-барабанщикъ смотрѣлъ въ потолокъ, и даже „Элькономъ" свѣсилъ свою нижнюю губу; при такихъ серьезныхъ обстоятельствахъ онъ не посмѣлъ заявить по своему обыкновенію, что онъ „сейчасъ только послалъ лакея въ лавочку". Только человѣкъ съ подвижной физіономіей усмѣхался про себя. Онъ сидѣлъ возлѣ Куколки и жевалъ миндаль и изюмъ, выплевывая шелуху черезъ столъ.

Теперь Эльза знала его лучше, чѣмъ въ тотъ разъ, когда онъ напугалъ ее. Она встрѣчалась съ нимъ во многихъ мѣстахъ; онъ появлялся и исчезалъ, и никто не придавалъ этому значенія. Она знала, что онъ бѣжалъ два года тому назадъ изъ тюрьмы въ Акерсгузѣ и скрывается отъ полиціи, которая никакъ не можетъ его поймать. Его называли механикомъ, за его умѣнье ловко обращаться съ замками.

Онъ дружески кивнулъ Куколкѣ и сказалъ:

— Ты права. У кого есть глаза и руки и кто въ такой день не можетъ раздобыть себѣ всего, что ему надобно, тотъ не многаго стоитъ.

— Что ты говоришь? — спросилъ жестяныхъ дѣлъ мастеръ.

— О, не могу сказать, чтобы мнѣ особенно повезло, — отвѣчалъ механикъ равнодушно,—но, во всякомъ случаѣ, я сытъ; пообѣдавъ, я даже закусываю лакомствами, какъ знатный господинъ.

Съ этими словами онъ бросилъ на столъ цѣлую пригоршню миндалю и изюму. Молодой человѣкъ, недавно попавшій въ банду, былъ такъ любезенъ, что подалъ нѣсколько штучекъ Эльзѣ, которая продолжала сидѣть на сундукѣ у двери.

Она была такъ голодна, что пришла въ восторгъ отъ ихъ сладкаго вкуса. Она наклонилась посмотрѣть, не осталось ли еще что-нибудь на ея долю, но все уже было съѣдено; каждому, впрочемъ, досталось не больше двухъ-трехъ ягодъ,— какъ разъ столько, чтобы подразнить себя ихъ вкусомъ.

Жестяникъ пробормоталъ что-то насчетъ того, что не каждому дано понимать „механику".

— Да этого и не нужно,—отвѣтилъ механикъ, поворачиваясь къ Эльзѣ и бросая ей на колѣни вѣтку изюму,—туда, откуда я это принесъ, ты можешь войти и выйти съ мѣшкомъ кофе за спиной.

Всѣ взоры обратились на механика, и всѣ горѣли од-

нимъ желаніемъ узнать, гдѣ находится это счастливое мѣсто, хотя всѣ заранѣе были увѣрены, что оно опасно, и что всѣ предпріятія механика связаны съ крупнымъ рискомъ. Поэтому-то никто не рѣшался первый предложить себя ему въ товарищи.

— Гдѣ это?—раздался вдругъ вопросъ.

Это спросила Эльза. Въ сущности, она сдѣлала это только изъ любопытства безъ всякаго опредѣленнаго намѣренія: изюмъ былъ такъ сладокъ, и она такъ давно не ѣла ничего подобнаго.

Человѣкъ съ подвижной физіономіей, который до сихъ поръ переводилъ глаза съ одного на другого, обернулся къ Эльзѣ, бросая время отъ времени немного миндаля или изюму, то для нея лично черезъ столъ, то на столъ, гдѣ его тотчасъ схватывали жадныя руки,—всѣмъ хотѣлось еще и еще этихъ вкусныхъ вещей, которыя обостряли аппетитъ, нисколько его не утоляя.

— Ты хочешь, знать гдѣ это? — весело спросилъ механикъ.—Это ни гроша не стоитъ, могу тебѣ сообщить, дитя мое. Это внизу, какъ разъ противъ дома консула Витъ, у „Эллингсенъ и Ларсенъ". Лавка полнымъ полна народа, и чего только они не накупаютъ! точно сумасшедшіе! Для меня просто загадка, какъ не стыдно этимъ богачамъ такъ наѣдаться, и въ такой вечеръ! Сколько тамъ сахару, варенья, масла и рису—Господи владыко живота моего, какая масса рису!—и прекрасное датское масло, и сыръ, желтый жирный сыръ, который такъ и блеститъ, когда его рѣжутъ...

Всѣ обернулись къ нему и смотрѣли на него въ упоръ, точно глотая его слова, а Эльза подошла совсѣмъ вплотную. Слюна текла у нея, точно она слышала запахъ желтаго жирнаго сыра, который блестѣлъ, когда его рѣзали.

— И тамъ есть еще копченая колбаса, и ветчина, и пиво, и вино,—сотни бутылокъ со сладкимъ крѣпкимъ виномъ; и всего этого ты можешь получить сколько угодно, если только... у тебя есть деньги.

— Чортъ возьми!—воскликнулъ жестяникъ при послѣднихъ словахъ. Поднялся всеобщій ропотъ разочарованія и неудовольствія. Но механикъ дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ и, улыбаясь, спокойно разсказывалъ дальше, а его быстрые глазки перебѣгали отъ одного къ другому и онъ, будто равнодушно, забрасывалъ словцо то тутъ, то тамъ.

— Но, если ты не имѣешь денегъ, то ты не идешь въ лавку,—что тебѣ тамъ дѣлать? Есть, между тѣмъ, и другая дорога, много удобнѣе первой, и пробраться туда не трудно, такъ какъ тамъ нѣтъ ни одной живой души. Но они были

любезны оставить тамъ фонарь, чтобы тебѣ было видно, чего тебѣ надо.

— Гдѣ это? гдѣ?—раздался нетерпѣливый возгласъ. На этотъ разъ заговорилъ Свендъ, цыганскіе глаза котораго пылали.

— Знаешь ты переулочекъ за домомъ госпожи Эллингсенъ? Ближайшій газовой фонарь стоитъ на углу улицы, у банка. За выступомъ, въ темномъ закоулкѣ находится дверь въ подвалъ подъ лавкой.

— Она открыта?—спросилъ жестяникъ.

— Должна бы быть... Я только слегка потрогалъ замокъ, и онъ отскочилъ самъ собой,—пошутилъ механикъ, сдѣлавъ при этомъ нѣсколько значительныхъ жестовъ.

Они смотрѣли на него съ восхищеніемъ, а Юргенъ-барабанщикъ нашептывалъ успокоительно „Эльконому“:

— Такъ что о кражѣ со взломомъ не можетъ быть и рѣчи.

— Но тамъ внизу, въ подвалѣ,—можете повѣрить мнѣ на слово,—какое изобиліе! Стоятъ длинными рядами сахарныя головы; сотнями висятъ окорока и колбасы; а какіе мѣшки съ кофе!—просто не поднять! Но если прорѣзать дырку и отсыпать немного, то его отлично можно вынести. А наверху въ лавкѣ такой шумъ, что ничего не слышно, хоть ура кричи; фонарь стоитъ на верхней ступенькѣ внутренней лѣстницы, по которой спускается и поднимается приказчикъ, когда ему нужно что-нибудь достать. А сколько тамъ вина! Я захватилъ съ собой бутылочку, да я не пью этой марки,—черезчуръ сладко на мой вкусъ. На, попробуй-ка! — и онъ протянулъ Эльзѣ бутылку.

Она сдѣлала одинъ глотокъ, но онъ не далъ ей больше пить,—надо было всѣмъ дать понемножку. И всѣ получили по глотку сладкаго, крѣпкаго напитка. Когда бутылка обошла всѣхъ, Эльзѣ всетаки еще досталось нѣсколько послѣднихъ капель.

Точно огонь пробѣжалъ у нея по жиламъ и зажегъ въ ней жадность, она облизала губы и обвела всѣхъ взоромъ, и, казалось, ея неистовое желаніе подѣйствовало заразительно на остальныхъ. Всѣми овладѣло лихорадочное безпокойство; молодой человѣкъ надѣлъ шапку, точно желая показать, что онъ готовъ къ отходу, и, наконецъ, Свендъ сказалъ, какъ бы ни къ кому не обращаясь:

— Если бы тотъ, кому такъ хорошо извѣстна мѣстность, взялся бы показать намъ дорогу, то...—механикъ обмѣнялся быстрымъ взглядомъ съ Куколкой.

— Разъ мы хотимъ сдѣлать работу чисто, намъ понадобится много народу,—сказалъ онъ и посмотрѣлъ при этомъ на Эльзу.

— Мы пойдемъ съ вами,—сказала она рѣшительно и выдвинула Свенда впередъ.

— Само собой разумѣется, что всѣ мы пойдемъ, если механикъ берется насъ провести, — рѣшилъ жестяникъ и всталъ съ мѣста.

Человѣкъ съ подвижной физіономіей опять совершенно перемѣнился. Въ нѣсколькихъ точныхъ словахъ опредѣлилъ онъ роль каждаго. „Эльконом ъ", Юргенъ-барабанщикъ и молодой человѣкъ должны были сторожить на улицѣ; онъ предназначалъ было ту же обязанность Эльзѣ, но Куколка выразила мнѣніе, что большой платокъ Эльзы отлично пригодится прикрыть и пронести что-нибудь.

Итакъ, было рѣшено, что она должна встрѣтиться съ остальными въ переулкѣ у двери въ подвалѣ и при томъ возможно скорѣе, пока торговля въ лавкѣ еще въ полномъ разгарѣ.

Одинъ за другимъ разошлись всѣ по разнымъ направленіямъ. Свендъ и Эльза послѣдовали за ними.

Проходя мимо двери госпожи Фальбе, она притаилась на минутку между дверью и стѣной; Эльза не чувствовала никакихъ угрызеній совѣсти, ничего, кромѣ жгучаго страха, что ее могутъ остановить и удержать. Воздухъ, которымъ она надышалась среди этихъ людей, и крѣпкое вино сразу разбудили всю ея упрямую непокорную натуру и превратили ее въ жаднаго хищнаго звѣреныша, который стремился на добычу, презирая враговъ и опасность. Безшумная и ловкая, какъ кошка, пробиралась она, увлекая за собой Свенда по самымъ темнымъ мѣстамъ.

Старый музыкантъ опять сидѣлъ одинъ, обсасывая миндальную шелуху.

VII.

— Съ наступающимъ праздникомъ!

— Благодарю васъ, и васъ также!

Всѣ окликали другъ друга, улыбались и кивали головой. Никто не могъ снять шляпу, до того каждый былъ нагруженъ разнообразными свертками.

Въ гастрономическихъ и игрушечныхъ лавкахъ покупатели тѣснились по два въ рядъ, а за прилавкомъ приказчики выбивались изъ силъ.

На улицѣ стояла почти точно такая же густая толпа дѣтей, смотря въ окна, хотя именно въ самыхъ богатыхъ лавкахъ нельзя было ничего разсмотрѣть: благодаря теплу изнутри стекла настолько замерзли, что если и можно было

что-нибудь увидѣть, то только черезъ узенькія полоски, которыя оставляли за собой таявшія капли.

А тамъ-то стоялъ рождественскій дѣдушка съ бѣлоснѣжной бородой и держалъ въ рукахъ елку съ малюсенькими прямыми свѣчечками. Нельзя было представить себѣ ничего прекраснѣе этого дѣдушки! Но дѣвочка, стоявшая тутъ и побывавшая въ лавкѣ, утверждала, что дѣдушка съ елкой былъ обсыпанъ вовсе не настоящимъ снѣгомъ, — хотя онъ блестѣлъ такъ красиво, а просто мелкимъ сахаромъ,—она навѣрное это знаетъ, такъ какъ сама его пробовала.

Это вызвало общее разочарованіе, и всѣ отхлынули къ другому чуду—карусели, которая крутилась сама собой. Здѣсь дѣти стояли такой густой стѣной, что взрослые съ трудомъ находили своихъ малютокъ—а вѣдь всѣмъ пора было торопиться домой. Былъ уже седьмой часъ, въ церкви перестали звонить; надо было спѣшить принарядиться, а тамъ наступало самое пріятное и веселое время!

Хотя развѣ могло быть еще что-нибудь веселѣе, чѣмъ ходить по ярко освѣщеннымъ улицамъ, на каждомъ шагу встрѣчая дружелюбно настроенныхъ людей, которые ежеминутно обращаются другъ къ другу съ пожеланіемъ веселыхъ праздниковъ. Вѣдь не только въ окнахъ можно было увидѣть что-нибудь интересное! И на улицѣ вдругъ случилось прелюбопытное происшествіе: какой-то толстякъ поскользнулся и упалъ: было очень скользко. Всѣ его покупки полетѣли въ разныя стороны! Можно было подумать, что онъ игрушечный торговецъ, до того много было на немъ свертковъ, и всѣ они при паденіи разсыпались.

— Господи Боже мой!—Бѣдняга!—позвольте васъ почистить!

— Вы не ушиблись?

— Такъ, немного,—отвѣчалъ толстякъ, потирая себя то тамъ, то сямъ.

— Очень опасно падать на спину,—замѣтилъ кто-то.

— Особенно полнымъ людямъ,—добавилъ другой.

— Вы должны радоваться, что все еще обошлось такъ благополучно,—вставилъ третій.

— Все хорошо, что хорошо кончается,—заключилъ послѣдній, несомнѣнно самый остроумный изъ всѣхъ.

— Съ наступающимъ праздникомъ!—заговорили всѣ разомъ.

— Благодарю васъ, и васъ также!—отвѣтилъ толстякъ.

Всѣ помогали ему подбирать его покупки, собралась масса народу. Вещи оказались цѣлы, кромѣ тѣхъ, которыя были спрятаны въ заднихъ карманахъ; но тутъ ужъ помочь не было возможности.

— Ну, пойдемте по домамъ!—сказали взрослыя дѣти и взяли маленькихъ дѣтей за руки. Конечно, пора было домой. Тамъ ждало всѣхъ настоящее веселье: елка, подарки, сюрпризы! И при всемъ томъ, такъ хотѣлось продлить эту радость. Такъ пріятно наслаждаться всѣмъ прекраснымъ, ожидая, что самое, самое необыкновенное впереди, а потомъ оно наступитъ и пройдетъ такъ скоро!

Но когда они пришли домой, помылись и пріодѣлись въ честь такого дня, они почувствовали себя совершенно подавленными праздничнымъ настроеніемъ. Напряженное ожиданіе, которое скоплялось недѣлями, даже мѣсяцами мечтаній, достигло послѣдняго предѣла и сосредоточилось на маленькой замочной скважинѣ, которая блестѣла, какъ звѣзда, отъ свѣчей, зажженныхъ на елкѣ, въ сосѣдней комнатѣ.

Только бы открылась дверь... только бы дверь открылась.. вѣдь одна эта дверь отдѣляетъ ихъ отъ великаго и прекраснаго... только эта дверь, которая должна отвориться; кто-то подошелъ къ ней съ той стороны... замокъ щелкнулъ... дверь тронули... дверь поддалась... дверь отворилась... она отворилась широко, настежь... ахъ!

Въ магазинѣ Эллингсена и Ларсена все еще царило оживленіе. Теперь приходили больше мелкіе покупатели, которые тоже дѣлали всѣ нужныя и ненужныя рождественскія закупки. Время отъ времени поднимался тяжелый люкъ въ заднемъ концѣ лавки, и младшій приказчикъ спускался въ подвалъ, чтобы пополнить недостатокъ тѣхъ или иныхъ припасовъ.

Эльза и ея товарищи только что проникли въ подвалъ, когда люкъ открылся. Всѣ тотчасъ выскочили назадъ; одна Эльза осталась на своемъ мѣстѣ, неподвижная отъ страха. Только увидѣвъ ноги спускавшаго приказчика, она опомнилась и спряталась за мѣшки съ мукой.

Она лежала тихо, едва дыша, и чувствовала себя совершенно уничтоженной. Съ рѣзкой до боли ясностью пронеслась передъ ней вся ея жизнь отъ паденья къ паденью, пока не очутилась она здѣсь, на послѣдней степени униженія, между ворами и мошенниками. Она ясно сознавала, что смерть является для нея единственнымъ выходомъ.

Эльза была и безъ того ослаблена голодомъ и лишеніями, а страхъ окончательно сломилъ ее, и она лишилась сознанія.

Приказчикъ, вѣроятно, что-нибудь увидѣлъ или услышалъ у двери, потому что постоянно поглядывалъ въ ту сторону. Но такъ какъ онъ былъ не изъ храбрыхъ, то предпочелъ вновь забраться наверхъ и запереть люкъ.

Механикъ толкнулъ Эльзу. Она не пошевелилась.

— Такъ я и думалъ,—пробормоталъ онъ про себя, приправляя свою рѣчь крѣпкимъ ругательствомъ.—Надо было съ ней связываться!

Съ минуту стоялъ онъ въ недоумѣніи. Свендъ вошелъ съ жестяникомъ. Вдругъ онъ схватилъ съ полки, гдѣ, онъ зналъ, стояли ликеры, бутылку, умѣлымъ ударомъ отбилъ горлышко и влилъ Эльзѣ въ ротъ нѣсколько капель.

Она очнулась, смущенная и испуганная, схватила бутылку и хлебнула изъ нея еще.

— Такъ, такъ, подкрѣпись немного; ты должна спрятать подъ передникъ два окорока и отнести ихъ Куколкѣ.

И съ этими словами механикъ началъ нагружать Свенда и жестяника.

Что это она выпила? Ничего подобнаго она никогда не пробовала. Это было что-то сладкое и крѣпкое, какъ и всѣ ликеры, но съ сильнымъ запахомъ розъ. Ей казалось, что она попробовала настоящихъ розъ, тѣхъ самыхъ, которыя были спутницами всей ея юности, которыхъ она была такъ долго лишена и которыя теперь къ ней снова вернулись... Она пила длинными глотками, вдыхая въ себя ихъ ароматъ.

Точно мягкая, грѣющая одежда облекла ея иззябшіе члены; въ одно мгновеніе голодъ ея исчезъ, она почувствовала силы и оправилась совершенно, а по всему ея тѣлу разливалась пріятная теплота. Ею овладѣла безмѣрная радость; она ничего не помнила и не отдавала себѣ отчета, гдѣ она, но ни малѣйшая тѣнь не омрачала ея радости.

Каждый разъ, когда она отпивала изъ бутылки, ей казалось, что она глубже и глубже погружается въ мягкіе, теплые, розовые лепестки, пока они не сомкнулись совершенно надъ ея головой, и она не закачалась съ ними вмѣстѣ подъ какими-то высокими сводами, гдѣ розы звучали, какъ колокола, а музыка разливалась въ розовыхъ, пахучихъ тонахъ, которые раздѣляли ея горе и спускались къ ней, чтобы ее утѣшить.

Но дверь въ подвалъ открылась извнѣ, и на порогѣ появился блѣдный и задыхающійся „Элькономъ". Приказчикъ навѣрное что-нибудь замѣтилъ, потому что онъ далъ знать въ полицію, и два полицейскихъ были уже на углу, около дома госпожи Эллингсенъ.

Механикъ исчезъ вдругъ, точно провалился сквозь землю. Жестяникъ послѣдовалъ за нимъ, унося съ собой, что успѣлъ захватить; „Элькономъ" бросился прочь; а на улицѣ только издали виднѣлись на углу, у банка длинныя ноги Юргена-барабанщика, который тоже вскорѣ пропалъ.

Но Свендъ не хотѣлъ бросить Эльзу, стоявшую съ пустой

бутылкой. Онъ потащилъ ее за собой въ конецъ переулка, который былъ еще свободенъ.

Вдругъ она остановилась и съ силой прижала руки къ груди. Свендъ взглянулъ на нее: глаза ея блестѣли ярче, чѣмъ когда-либо; губы были окрашены кровью,—она обрѣзалась стекломъ бутылки,—казалось, вся красота ея юности засіяла снова на одно мгновеніе на ея тонкомъ, худенькомъ личикѣ. Свендъ стоялъ, не отрывая отъ нея глазъ: до того она была прекрасна.

Она начала смѣяться, сначала тихо и весело, какъ въ давнія времена, когда и у нея не было печалей, а потомъ все громче и громче, пока не разразилась своимъ прежнимъ хохотомъ, тѣмъ хохотомъ, который раздавался сверху внизъ и снизу вверхъ по лѣстницѣ проникалъ прямо въ людскія сердца. Но смѣхъ этотъ звучалъ все болѣе и болѣе дико, такъ что холодъ и дрожь проникли Свенда до мозга костей.

Свендъ обнялъ ее и старался заставить ее замолчать. Но она снова прижала руки къ груди, лицо ея поблѣднѣло, и съ долгимъ, прерывистымъ вздохомъ выскользнула она у него изъ рукъ и упала лицомъ въ снѣгъ.

Подбѣжалъ полицейскій, и Свендъ бросился въ противуположную сторону.

— Съ наступающимъ праздникомъ!—сказала полицеймейстерша.

— Благодарю васъ, и васъ также, — отвѣтила госпожа Бентценъ.

Обѣ дамы стояли у большого газоваго фонаря противъ подъѣзда консула Витъ. Въ этомъ мѣстѣ, какъ разъ около дома консула, съ одной стороны, и магазина Эллингсенъ и Ларсенъ—съ другой, улица нѣсколько расширялась, образуя нѣчто вродѣ маленькой площади. А такъ какъ это былъ одинъ изъ бойкихъ пунктовъ, черезъ который было почти неизбѣжно проходить, то здѣсь мало-по-малу собралось нѣсколько дамъ, покончившихъ уже съ покупками и подарками; даже госпожа Витъ, которая какъ разъ возвращалась домой, вышла изъ кареты и присоединилась къ группѣ, чтобы обмѣняться праздничными привѣтствіями и поговорить о приключеніяхъ дня.

Здѣсь были не исключительно дамы изъ „Общества помощи падшимъ женщинамъ прихода св. Петра“, но и сотрудницы другихъ городскихъ обществъ; въ началѣ разговоръ шелъ необыкновенно оживленно, затѣмъ онъ сталъ принимать мало-по-малу хвастливый и даже ядовитый оттѣнокъ,

когда дѣло касалось того, чтобы защитить отъ нападокъ собственное общество или похвастаться количествомъ розданныхъ подарковъ. Но всетаки господствующее настроеніе было благодушное: съ дѣлами всѣ покончили, и совѣсть у всѣхъ была покойна.

— Да, вы правы, такъ пріятно справиться со всѣмъ во время,—сказала одна изъ дамъ.

— Дѣйствительно, вотъ ужъ былъ настоящій рабочій день! Я просто себѣ не вѣрила, что когда-нибудь покончу съ моими кофточками; всѣ рѣшительно получили по кофточкѣ; въ этомъ году было даже черезчуръ много кофточекъ.

— По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что дѣйствительно оказали помощь,—заявила госпожа Витъ.

— Посмотрите-ка, видите тамъ госпожу Фальбе? Какъ она мечется!—сказала полицеймейстерша.

— Она всегда такъ.

— Удивляюсь, какъ это она до сихъ поръ не справилась! У нея у самой такъ мало! да и то немногое, что она имѣетъ, она готова отдать первому попавшемуся.

— Я думаю, что она просто ходитъ по бѣднымъ и бранитъ имъ насъ,—вставила госпожа Витъ своимъ рѣзкимъ голосомъ. Оказалось, что давно уже многія ее въ этомъ подозрѣвали, но бѣдные не были особенно словоохотливы, когда ихъ разспрашивали о госпожѣ Фальбе. Тѣмъ временемъ капелланъ тоже присоединился къ группѣ. Лицо его сіяло улыбкой; благодаря торжественному дню, онъ былъ проникнутъ благочестиво умиленнымъ настроеніемъ, и дамы окружили его, чтобы поздравить съ праздникомъ.

— Сейчасъ только прошла мимо насъ госпожа Фальбе.

— Нѣтъ, извините, я должна васъ поправить,—добавила полицеймейстерша. — Она не прошла, а пробѣжала мимо насъ. Мнѣ было такъ жаль на нее смотрѣть! Точно и въ праздникъ она не знаетъ покоя.

— Ахъ, да,—отвѣтилъ капелланъ вкрадчиво.

— Я этому охотно вѣрю. Вѣдь все зависитъ, въ какомъ духѣ мы работаемъ. Если трудъ нашъ не направляется духомъ истины, нѣтъ на него благословенія.

— Да, вы правы, господинъ пасторъ,—воскликнула госпожа Бентценъ.—Вся прелесть рождественскихъ праздниковъ въ сознаніи, что мы исполнили нашъ долгъ и подѣлились, чѣмъ могли, съ бѣдными. Сегодня никто не можетъ жаловаться на судьбу, и такъ пріятно объ этомъ думать, особенно, когда самой хорошо.

— А какъ радостно принести съ собой въ домъ свой благодарность и благословеніе бѣдняковъ, — кротко заклю-

чила полицеймейстерша. Капелланъ съ восторгомъ посмотрѣлъ на хорошенькую женщину. Онъ чувствовалъ себя въ приподнятомъ праздничномъ настроеніи, и ему хотѣлось сказать нѣсколько назидательныхъ словъ обступившимъ его дамамъ, когда докторъ Бентценъ перешелъ къ нимъ черезъ улицу. Старикъ ухмылялся своей ядовитой усмѣшкой, здороваясь со всѣми, и говорилъ:

— Съ наступающимъ праздникомъ, милыя барыни! А какъ разъ напротивъ, у Эллингсенъ и Ларсенъ, крупная кража. Полицейскіе уже схватили двухъ воровъ!

— Кража!.. воровать! Боже мой! Воровать въ рождественскій сочельникъ!..

— Это не возможно! Кто же это, кто?

— Нашли-ли воровъ?

— Это не могутъ быть мѣстные жители, — торжественно заявила „гладильная доска“.

— Это банда изъ „ковчега“ тетки Шпекбомъ!—отвѣтилъ докторъ не безъ злорадства.

Банда,—да это возможно; о бандѣ никто раньше и не вспомнилъ; эти ужасные люди были позоромъ цѣлаго города.

Это извѣстіе произвело очень непріятное впечатлѣніе. Капелланъ отложилъ свою маленькую рѣчь и только вздохнулъ надъ „ожесточившимся сердцемъ“, а затѣмъ всѣ разстались и спѣшно разошлись по домамъ, стараясь забыть о печальномъ происшествіи, нарушившемъ всеобщую праздничную радость.

Полицеймейстерша сказала госпожѣ Бентценъ, когда онѣ вмѣстѣ возвращались домой:

— Подумайте только, какая я разсѣянная! Когда вашъ мужъ сказалъ: банда тетки Шпекбомъ, у меня чуть было не сорвалось: вы говорите о бандѣ госпожи Фальбе.

— Въ этомъ видитъ Богъ, есть своя доля истины, — отвѣтила госпожа Бентценъ и посмотрѣла съ уваженіемъ на молодую женщину.

А тѣмъ временемъ госпожа Фальбе дѣйствительно избѣгала вдоль и поперекъ весь городъ. Она искала Эльзу. Когда она вернулась въ половинѣ седьмого, Христіана не было дома; комнаты были темны и пусты, и Эльза какъ въ воду канула.

Это было горькое разочарованіе для госпожи Фальбе. Она такъ радовалась предстоящему вечеру; ей и въ голову не приходило, что Эльза не сдержитъ своего обѣщанья. Но потомъ она подумала, что, очень можетъ быть, въ шесть часовъ Эльза приходила къ „ковчегу“, но, увидѣвъ темныя

окна, ушла обратно. Она жестоко упрекала себя въ томъ, что задержалась у больной на мельницѣ, и, поймавъ Эльзу, могла ее упустить.

Улицы опустѣли. Передъ окнами магазиновъ, которые понемногу запирались, виднѣлись два-три нищихъ ребенка, дрожавшихъ отъ холода. Только въ мелочныхъ лавочкахъ еще толпился народъ.

Когда консулъ Витъ возвращался домой, нагруженный покупками,—онъ всегда дѣлалъ женѣ своей дорогіе подарки,—онъ встрѣтилъ трехъ полицейскихъ, которые несли что-то длинное и черное.

— Что у васъ тамъ такое, Ганзенъ? — спросилъ консулъ.

— О, это Эльза, „Блошка",—господинъ консулъ!

— Гмъ!.. Она... она умерла?

— Нѣтъ, кажется, только пьяна до безчувствія... Съ наступающимъ праздникомъ, господинъ консулъ!

— Благодарю васъ, васъ также! — отвѣтилъ консулъ и пошелъ дальше.

Чѣмъ тише становилось на улицахъ, тѣмъ веселѣе было въ домахъ, и смѣхъ и дѣтскіе возгласы иногда вырывались наружу и звучали въ тишинѣ морозной ночи; а госпожа Фальбе все еще бѣгала по улицамъ, воображая, что на каждомъ перекресткѣ видитъ коричневый платокъ Эльзы.

Наконецъ, она встрѣтила полицейскаго, который, казалось, тоже кого-то искалъ, и разсказалъ ей, что банда совершила кражу, и что Эльза была съ ними.

Усталая и уничтоженная, пошла госпожа Фальбе домой. Въ сущности, не разъ приходилось ей переживать подобныя разочарованія; но это было самое жестокое: она такъ любила Эльзу.

Когда сестра не вернулась къ шести часамъ, какъ обѣщала, Христіанъ вышелъ изъ дому. Но въ этотъ вечеръ онъ не нашелъ себѣ товарищей для выпивки, все было пусто и холодно. Сердитый и недовольный, вернулся онъ домой.

Сестра ничего не сказала, но поставила ужинъ на плиту. Онъ былъ готовъ, надо было только его подогрѣть.

Пока она накрывала на столъ, онъ мучилъ ее упреками и злыми насмѣшками, а когда она принесла рождественскую кашу, та оказалась пригорѣвшей, потому что она забыла ее помѣшать.

Все было такъ неуютно и непривѣтливо, какъ только возможно,—а съ какой радостью ждала она этого вечера! Нѣкоторое время она мужественно крѣпилась, но когда слезы неудержимо хлынули изъ ея глазъ, она положила голову на руку и громко разрыдалась.

Съ минуту братъ молча глядѣлъ на нее.

Онъ никогда еще не видѣлъ въ такомъ удрученномъ состояніи свою сильную духомъ сестру. Онъ раскаивался въ своемъ поведеніи и хотѣлъ ее какъ-нибудь утѣшить.

— Вотъ видишь, Августа, всѣ твои начинанія приносятъ только разочарованье и горе. Если тебѣ такъ необходимо возиться съ этими нищими, то почему ты не поступаешь, какъ всѣ остальныя дамы. У каждой изъ нихъ есть свои опредѣленные бѣдняки, которымъ она и помогаетъ, не заботясь объ остальныхъ. Но ты расточаешь то немногое, что ты имѣешь, людямъ, которые часто этого совсѣмъ не заслуживаютъ, и этимъ, быть можетъ, ты приносишь больше вреда, чѣмъ пользы.

— Нѣтъ, Христіанъ, такъ я никогда поступать не стану,— сказала твердо госпожа Фальбе и подняла голову:—и я не хочу имѣть назначенныхъ бѣдняковъ. Пусть другія откупаются отъ своей совѣсти тѣми крохами, которыя онѣ бросаютъ; пусть онѣ возвращаются домой со спокойнымъ сознаніемъ, что онѣ исполнили свой долгъ, когда оказали благодѣяніе нѣсколькимъ достойнымъ того бѣднякамъ, которые благословляютъ ихъ, какъ онѣ утверждаютъ. Я вижу, что пропасть несчастья человѣческаго никогда не заполнится, сколько бы мы туда ни бросали. И это сознаніе есть единственная награда, которую мы въ правѣ ожидать за свои добрыя дѣла; и оно-то и влечетъ насъ изъ одного вертепа въ другой, къ самымъ удрученнымъ и обремененнымъ нуждой, гдѣ, мы знаемъ это заранѣе, ждетъ насъ новое страданіе и новое разочарованіе. Одному я всетаки вѣрю: деньги, милостыня, всякое благодѣяніе всегда приносятъ свою долю добра, и я радуюсь, когда ихъ имѣю. Но все золото міра можетъ сдѣлать менѣе, чтобы заполнить ту пропасть, которая отдѣляетъ счастливыхъ отъ несчастныхъ, чѣмъ одна капля истиннаго человѣческаго состраданія. И если у тебя нѣтъ ни одного куска, которымъ ты бы могъ съ ними подѣлиться, но если у тебя есть хоть искра этой сердечности, то не бойся разочарованія, смѣло спускайся все ниже и ниже къ обездоленному человѣчеству и не ищи никакой награды. Потому-то завтра я встану пораньше и начну съ того мѣста, гдѣ я сегодня остановилась.

Когда она кончила, братъ подошелъ къ ней.

Братъ и сестра рѣдко проявляли другъ къ другу особенную нѣжность; но теперь онъ обнялъ и поцѣловалъ ее.

И онъ что-то прошепталъ ей на ухо. Она такъ часто слышала эти самыя обѣщанія и знала, что у него нѣтъ уже силъ ихъ исполнить.

Но на этотъ разъ она ему повѣрила. Она взглянула на него со своей прекрасной улыбкой и поблагодарила его.

Потомъ они снова сѣли за столъ и плакали, и смѣялись, и болтали такъ, какъ много лѣтъ тому назадъ.

Кутья, правда, пригорѣла, но всетаки, какъ она была вкусна!

VIII.

Была настоящая рождественская ночь, тихая и ясная. Легкія бѣлыя облака проносились, точно крылья ангеловъ, мимо звѣздъ, а мѣсяцъ, который взошелъ поздно, серебрилъ недавно выпавшій снѣгъ и темно-синій фіордъ.

Надо всѣмъ городомъ носился тонкій запахъ жаренаго гуся и пунша; точно пѣніе церковнаго хора, раздавался сладкій храпъ всѣхъ тѣхъ, которые спали съ обремененными желудками.

Дѣти спали, утомленныя отъ счастья, и имъ снились лакомства и оловянные солдатики.

Взрослые спали безпокойно, метались во снѣ, и имъ казалось, что жирный гусь усѣлся къ нимъ на грудь и мажетъ жиромъ у нихъ подъ носомъ.

Но крѣпче всѣхъ спала Эльза.

— Думаю, что хоть въ рождественскую ночь можно было бы меня оставить въ покоѣ,—сказалъ сердито докторъ Бентценъ, выходя изъ тюрьмы. — Что она напьется, это я вамъ заранѣе могъ сказать; а что она мертва,—видитъ каждый ребенокъ. Въ слѣдующій разъ подождите лучше до утра, милѣйшій Ганзенъ.

— Извините, пожалуйста, господинъ докторъ, но мнѣ приказано тотчасъ констатировать смерть,—отвѣчалъ покорно смотритель. Онъ еще стоялъ на порогѣ.—Съ наступающимъ праздникомъ, господинъ докторъ!

Докторъ пробормоталъ что-то и поспѣшилъ къ своей мягкой постели по пустыннымъ улицамъ. Былъ трескучій морозъ, и рѣзкій сѣверный вѣтеръ дулъ съ гавани.

Тѣмъ временемъ мѣсяцъ мало по малу завладѣвалъ всѣмъ городомъ и окрестными холмами, все осматривалъ своимъ равнодушнымъ окомъ, сначала съ одной, потомъ съ другой стороны и, покончивъ съ однимъ предметомъ, клалъ на него черную тѣнь и спѣшилъ къ слѣдующему.

Такъ добрался онъ до тюрьмы, заглянулъ въ рѣшетчатое окно и увидѣлъ Эльзу, лежащую на скамейкѣ у стѣны.

Платье ея было разстегнуто на груди, потому что докторъ слушалъ ея сердце, и одна рука свѣсилась до самаго пола.

Ротъ былъ полуоткрытъ и казался большимъ и чернымъ отъ запекшейся крови.

Подъ холодными лучами мѣсяца она была безобразна, ужасно безобразна.

Красоту у нея отняли, а затѣмъ не много теряла она съ жизнью; и сама она, уходя изъ нея, не оставляла по себѣ пустоты. Правда, гдѣ-то ждала ее тарелка пригорѣвшей рисовой каши, вообще же не было у нея своего мѣста въ жизни; и она могла уйти изъ нея, никого не обезпокоивъ.

Было тихо въ большомъ каменномъ домѣ. Только время отъ времени среди ночи раздавались скрипъ замка, стукъ отворяемой двери и звукъ шаговъ, замиравшихъ въ длинныхъ корридорахъ. Это приводили вновь пойманнаго члена банды.

Полицеймейстеръ, въ порывѣ усердія, рѣшилъ засадить всю банду, составлявшую такъ долго позоръ добродѣтельнаго города.

Но имъ не удалось заполучить того, кто былъ имъ всего нужнѣе.

Механикъ, руку котораго во всемъ этомъ подозрѣвала полиція, исчезъ безслѣдно, точно сквозь землю провалился.

Точно также нельзя было найти предлога засадить подъ замокъ Куколку, такъ какъ ее нашли въ семь часовъ спящею сномъ праведницы на собственной постели.

Когда схватили Свенда, онъ спросилъ объ Эльзѣ.

Узнавъ, что она умерла, онъ пришелъ въ такую ярость,— въ немъ заговорила его цыганская кровь,—что вступилъ въ драку съ тюремщиками и полицейскими, такъ что ему пришлось надѣть кандалы.

И опять все стихло въ большомъ каменномъ домѣ, а мѣсяцъ продолжалъ свой обходъ. Долго оставался онъ у Эльзы; было тамъ что посмотрѣть. Это вѣдь лежалъ эпилогъ цѣлой человѣческой жизни, цѣлая исторія, хотя, впрочемъ, исторія старая.

Ничто не было забыто, все было на мѣстѣ: ея платокъ, ея платье, ея стоптанные башмаки и тѣ лохмотья, которыя она носила вмѣсто бѣлья; даже въ карманѣ у нея лежалъ ея коричневый капоръ съ розовыми завязками. Больше у нея ничего не было. Отъ дѣтской шапочки до ея послѣднихъ лохмотьевъ, все было на лицо. Все, что сопровождало ее въ жизни, въ ея постепенномъ паденіи, все соединилось здѣсь, въ тюрьмѣ; даже розы были тутъ. Морозъ рисовалъ ихъ на стеклѣ за рѣшеткой, и, казалось, рука его дрожала... отъ холода или отъ страданья?..

Подъ скамейкой скреблись и пищали двѣ мыши; потомъ одна изъ нихъ пробѣжала черезъ камеру и исчезла. Часы на церковной башнѣ пробили пять; звуки долго стояли въ блестящемъ, отъ луннаго свѣта, холодномъ, утреннемъ воздухѣ. Мѣсяцъ медленно уносилъ свой лучъ вверхъ по стѣнѣ, черезъ окно, и, уходя, набросалъ густое, мягкое покрывало мрака и забвенія надъ спящей Эльзой.

И мѣсяцъ пошелъ дозоромъ дальше, смотря на землю своимъ холоднымъ, равнодушнымъ окомъ, а ночь кралась за нимъ, боязливо прикрывая тѣнью всѣ ея злыя тайны, скрытыя въ нѣдрахъ.

Но, наконецъ, тяжелая, промерзлая земля точно съ болью освободилась отъ мѣсяца, и солнце заиграло на позолоченномъ въ честь Господа шпилѣ церкви. И всѣ колокола города возвѣстили праздничнымъ трезвономъ наступленіе рождественскаго утра.

Дѣти повскакивали въ однѣхъ рубашенкахъ, чтобы поиграть новыми игрушками, или чтобы съѣсть сладкій кусочекъ, для котораго вчера вечеромъ не нашлось мѣста.

Всѣ взрослые нарядились и пошли въ церковь. Зимнее солнце весело играло въ разноцвѣтныхъ стеклахъ большого мозаичнаго окна на хорахъ, бросало косые лучи мимо престола и посылало съ хоръ цѣлый потокъ свѣта, окрашеннаго въ зеленый, красный, золотистый цвѣта. Вся церковь точно была озарена праздничной улыбкой, согрѣта яркимъ, прекраснымъ рождественскимъ настроеніемъ.

Въ этомъ духѣ и сказалъ свою проповѣдь пасторъ Мартенсъ.

Прежде всего онъ напомнилъ, что Рождество—не только всесвѣтлый дѣтскій праздникъ, праздникъ мира и любви; больше всего, прежде всего это — праздникъ религіи, въ которомъ каждая радость, каждое наслажденіе имѣетъ свое глубокое основаніе, свой глубокій смыслъ. И когда онъ перешелъ къ тексту Священнаго Писанія на этотъ день, онъ особенно остановился на томъ благоговѣйномъ впечатлѣніи, которое съ дѣтства оставляетъ въ насъ праздникъ Рождества; и онъ яркими красками изобразилъ передъ своими внимательными прихожанами трогательный образъ младенца Христа въ пещерѣ и поклоненіе ему пастуховъ и волхвовъ... Точно въ дѣтскомъ умиленіи посылалъ онъ съ каѳедры нѣжныя, сердечныя слова...

И если бы гдѣ-нибудь въ каменной рѣзьбѣ готическаго собора нечаянно застряло жестокое слово прежнихъ проповѣдей объ адѣ и страшномъ судѣ, то на сегодняшній день его бы совершенно и безслѣдно изгнали. Всѣ суровые образы религіи скорби и отреченія были на этотъ день старательно

забыты; а Тотъ, чье изображеніе висѣло тутъ же, Кто былъ пригвожденъ къ кресту и замученъ, о Томъ помнили они, какъ о прелестномъ ребенкѣ, лежащемъ въ ясляхъ.

Слезы выступали на глазахъ у добрѣйшаго пастыря Мартенса, и слезы заставили дрожать его голосъ: во всемъ этомъ было столько невыразимо трогательнаго. Наконецъ, въ томъ, что на свѣтѣ казалось ничтожнѣйшимъ и презрѣннѣйшимъ, *въ томъ* заключалась истинная высота, истинное величіе... о, это вносило въ душу такое успокоеніе и такую радость... Вѣдь, значитъ, никто не имѣетъ права роптать на свое жизненное назначеніе, если всѣ „послѣдніе будутъ первыми", если всѣ, всѣ униженные и оскорбленные, становятся избранниками Божьими!.. Какое счастье, какое большое счастье знать это. О, если бы всѣ мы могли съ дѣтскимъ сердцемъ обратиться къ Младенцу въ Виѳлеемскихъ ясляхъ!

Пасторъ Мартенсъ говорилъ съ истиннымъ вдохновеніемъ. Въ его прекрасномъ голосѣ дрожали ноты восторга... Когда онъ дошелъ до заключительной молитвы, которую онъ зналъ наизусть, онъ сталъ сверху разсматривать своихъ прихожанъ. Онъ тотчасъ нашелъ богатаго стараго судовладѣльца Рандульфа, — тестя консула Витъ, — который стремился стать первымъ въ ряду жертвователей. Здѣсь еще царилъ „благочестивый, христіански-прекрасный" обычай, какъ выражался пасторъ Мартенсъ, лично вручать свое пожертвованіе своему духовному руководителю.

И пасторъ Мартенсъ мечталъ о большихъ толстыхъ конвертахъ съ банковыми билетами; о сверткахъ серебряныхъ монетъ; впрочемъ, онъ не отвергалъ и лепты вдовицы, — вѣдь даже и скромная мѣдь звучитъ не дурно, когда ее смиренно приносятъ въ даръ Господу.

Эта была одна изъ его лучшихъ проповѣдей, а пасторъ Мартенсъ пользовался заслуженной славой краснорѣчивѣйшаго изъ мѣстныхъ проповѣдниковъ.

Весь приходъ чувствовалъ себя невыразимо легко, дѣтски-радостно. Полицеймейстерша слегка наклонилась впередъ и сказала госпожѣ Бентценъ, что она только что увидѣла въ толпѣ шапочку съ шотландскимъ верхомъ, которую она сама сшила и подарила къ празднику,—и видъ этой шапочки доставилъ ей столько удовольствія!

Госпожа Бентценъ обернулась къ ней и кивнула головой:

— Мнѣ кажется, что всѣ мы—одна семья.

Желтое зимнее солнце продолжало, между тѣмъ, свою игру съ разноцвѣтными лучами. Оно взяло у быка св. Луки коричневое пятно и налѣпило его прямо въ лицо пономарю, который, въ парадномъ облаченіи, сидѣлъ за скромнымъ столикомъ, куда стекались пожертвованія.

И косые лучи разбрелись по всей церкви, зажигая то тамъ, то сямъ сіяніе вокругъ чьей-нибудь головы.

Но никто не ошибался, святыхъ здѣсь не было: каждый имѣлъ свои недостатки, и всѣ ихъ знали. Скорѣй нашлись бы такіе, у кого было черезчуръ много грѣховъ на совѣсти; но, Господи Боже мой,—кто же станетъ считаться съ ближнимъ своимъ въ такой день! Каждый былъ такъ въ себѣ увѣренъ, такъ собой доволенъ, такъ любвеобиленъ и дѣтски благочестивъ. Всѣ улыбались другъ другу и тѣснились на скамейкахъ, чтобы всѣ могли помѣститься. Было удивительно мило, когда знатный консулъ Витъ всталъ и предложилъ свое мѣсто старенькой теткѣ Шпекбомъ.

Дѣйствительно, выдался прекрасный праздничный день, и при томъ же церковь была натоплена, такъ что можно было обходиться безъ мѣховыхъ мѣшковъ для ногъ.

Мысль невольно обращалась къ длинному ряду предстоящихъ праздничныхъ дней и веселыхъ многолюдныхъ вечеровъ.

Хотѣлось что-нибудь предпринять, хорошенько прогуляться въ морозный солнечный день и, вернувшись домой съ хорошимъ аппетитомъ, еще въ сѣняхъ почувствовать запахъ жареной курицы.

Съ высокихъ, залитыхъ солнцемъ сводовъ спускалось на прихожанъ радостное, какъ спокойная совѣсть, праздничное настроеніе.

Вдругъ вся церковь наполнилась громкими звуками. Органистъ игралъ праздничный гимнъ широкими, торжествующими, полными аккордами.

И когда началось пѣніе, весь приходъ подхватилъ его разомъ, сильно и весело; большинство даже не заглядывало въ молитвенникъ: это была старинная прекрасная рождественская пѣснь:

Забудь печаль и счастливъ будь
Въ день Рождества Христова!

Выработка республиканскихъ идей во Франціи.

Исторія торжества демократіи во Франціи полна не однимъ драматическимъ интересомъ. Французская нація исчерпала, можно сказать, арсеналъ всевозможныхъ средствъ политической борьбы, добывая республику. И общественному дѣятелю любой страны здѣсь можно найти много и положительныхъ, и отрицательныхъ уроковъ. До какой степени эта мысль о развитіи республиканскаго строя занимаетъ общественное мнѣніе страны, видно изъ серьезнаго интереса, удѣляемаго мыслящими людьми этому вопросу, и количества книгъ, прямо или косвенно посвященныхъ ему. Я позволю себѣ рекомендовать читателю два сравнительно недавнихъ труда, касающіеся республиканской эволюціи Франціи и взаимно дополняющіе другъ друга: я говорю объ «Исторіи республиканской партіи во Франціи съ 1814 по 1870 г.» Жоржа Вейля и о «Республиканской партіи въ эпоху іюльской монархіи» И. Чернова *). Оба сочиненія, сказалъ я, дополняютъ одно другое: дѣйствительно, въ то время, какъ Вейль останавливается больше на внѣшней политической исторіи, на борьбѣ партій и лицъ, И. Черновъ изображаетъ преимущественно внутреннюю исторію, борьбу идей и эволюцію теорій. Вмѣстѣ взятые, оба труда даютъ возможность читателю схватить существенныя черты процесса демократизаціи страны со времени Реставраціи и вплоть до того момента, когда во Франціи установилась Третья республика, которая, несмотря на всевозможныя внутреннія и внѣшнія затрудненія, оказалась самымъ долголѣтнимъ и самымъ живучимъ прави-

---

*) Georges Weill, Histoire du parti républicain en France de 1814 à 1870; Парижъ, 1900.—I. Tchernoff, Le parti républicain sous la Monarchie de Juillet. Formation et évolution de la doctrine républicaine; Парижъ, 1901. Только что вышла книга того же И. Чернова, являющаяся продолженіемъ первой: Histoire du parti republicain le Second sous Impire; Парижъ, 1906. Этой исторіи республиканской „партіи при второй имперіи“ я еще, къ сожалѣнію, не успѣлъ видить, но она, повидимому, представляетъ большой интересъ.

тельствомъ за все столѣтіе. На послѣдующихъ страницахъ я буду часто обращаться къ двумъ этимъ трудамъ, оставляя, конечно, за собою право пользоваться другими сочиненіями всякій разъ, какъ того потребуетъ наилучшее развитіе мысли.

Послѣ бурь революціи и кровавой эпопеи первой имперіи, возрожденіе республиканскихъ идей вызвано было той самой системой политической реакціи, которая почти на первыхъ же порахъ охарактеризовала Реставрацію, обѣщавшую сначала строгое соблюденіе конституціонной хартіи, а вскорѣ своими притѣсненіями заставившую населеніе забыть военный деспотизмъ Наполеона. Создавалась легенда, которая въ теченіе столькихъ лѣтъ давила на свободное развитіе страны и рисовала Наполеона «шпагой революціи» и поборникомъ демократическаго режима. Забыто было его всегдашнее отвращеніе къ свободнымъ учрежденіямъ, отвращеніе, котораго онъ не могъ скрыть даже въ періодъ Ста дней, когда обстоятельства заставляли его играть въ либерализмъ. Не говорилъ-ли онъ черезъ нѣсколько дней по своемъ побѣдоносномъ возвращеніи вожакамъ либеральной партіи: «Да, нація хочетъ или *думаетъ, что хочетъ* трибуну и парламентъ... Вкусъ къ конституціямъ, преніямъ, рѣчамъ, *какъ кажется*, вернулся... Но вѣдь этого хочетъ только меньшинство. А народъ или, если хотите, масса хочетъ только меня одного» *).

Но бѣлый терроръ и вообще вся политика репрессалій, ознаменовавшая царствованіе Людовика XVIII и Карла X, не только, какъ было сказано, реабилитировали въ глазахъ большинства націи имперію, но и подготовили почву для союза бонапартистовъ и республиканцевъ. Тайныя общества, заговоры и возстанія, фатально вызывавшіеся гнетомъ власти, заключали въ своихъ рядахъ людей съ различными политическими идеалами. И это наглядно выражалось въ томъ, что конспираторы и инсургенты въ моментъ рѣшительнаго дѣйствія шли зачастую при параллельныхъ крикахъ: да здравствуетъ конституція! да здравствуетъ императоръ! да здравствуетъ республика! Такъ, общество французскихъ карбонаріевъ «Друзья истины» было основано молодыми республиканцами, по большей части студентами (въ него вошли либеральные депутаты вродѣ Лафайета, Манюэля). Но, почти не имѣя связей въ народѣ, оно, главнымъ образомъ, разсчитывало на армію, которая питала настоящій культъ къ императору, особенно, когда до Франціи донеслась вѣсть о его смерти.

Въ неудавшихся возстаніяхъ въ 1822 г.,—какъ въ Бельфорѣ, такъ и въ Сомюрѣ—играли важную роль военные, главнымъ образомъ унтеръ-офицеры, но подъ предводительствомъ отдѣльныхъ высшихъ начальниковъ, напр., генерала Бертона, бывшаго благо-

---

*) См. Théophile Lavallee, Histoire des Français, т. 5 (Парижъ, 1884), дополненный и продолженный Frédéric Lock'омъ, стр. 51.

роднымъ и энергичнымъ борцомъ за свободныя учрежденія. Знаменитые «четыре сержанта изъ Ла-Рошели», оставшіеся до сихъ поръ легендарными героями въ памяти народа, принадлежали, какъ показываетъ самое названіе ихъ, къ военному сословію. Вошедшіе въ центральную «венту» карбонаріевъ, благодаря знакомымъ парижскимъ студентамъ, они были душою военнаго заговора, который, по мысли организаторовъ, долженъ былъ связываться съ инсуррекціоннымъ движеніемъ, подготовляемымъ Бертономъ. Дальше «свободы» ихъ политическіе идеалы не простирались. Съ этимъ крикомъ они умерли на эшафотѣ. И лишь одинъ изъ нихъ, Бори, казненный послѣднимъ, присоединилъ къ этому восклицанію слѣдующія слова, брошенныя громкимъ голосомъ въ толпу народа: «помните же, что сегодня правительство проливаетъ кровь вашихъ сыновей». Интересно, съ другой стороны, что когда одинъ изъ сообщниковъ генерала Бертона, нѣкто Соже, крикнулъ подъ гильотиной «да здравствуетъ республика», то вся пресса, и реакціонная, и либеральная, отмѣтила это восклицаніе съ видимымъ удивленіемъ. До такой степени французы, кромѣ членовъ тайныхъ организацій, успѣли забыть это столь громкое четверть вѣка тому назадъ слово. Вообще, даже и сами заговорщики избѣгали во время судебныхъ преній произнесенія этого термина. Когда одинъ изъ студентовъ судился судомъ исправительной полиціи за крикъ «да здравствуетъ республика» и сказалъ небольшую объяснительную, довольно блѣдную рѣчь по этому поводу, то его защита произвела цѣлую сенсацію среди молодежи, и республиканцы впослѣдствіи съ гордостью цитировали его, какъ предшественника.

Любопытна идейная дѣятельность конспираторовъ, которые, кромѣ непосредственной революціонной борьбы, жадно работали надъ своимъ теоретическимъ развитіемъ. Тутъ встрѣчаешь черты, напоминающія умственное броженіе въ «кружкахъ саморазвитія» нашей молодежи. Въ то время французская учащаяся молодежь занималась преимущественно философіей исторіи, политической экономіей, государственнымъ правомъ и вообще, какъ замѣчаетъ Вейль, тѣмъ кругомъ предметовъ, которому Огюстъ Контъ даетъ названіе соціологіи. Нѣкоторые изучали естественныя науки. Но преобладающее большинство интересовалось общественными вопросами. Наиболѣе читаемыми авторами были сначала Руссо, Кантъ, Бентамъ, нѣсколько позже Адамъ Смитъ, Гердеръ, Нибуръ, Вико и т. д. Послѣ 1823 г., когда конспиративная дѣятельность была временно подавлена правительствомъ, пылкая революціонная молодежь съ особенной жадностью набросилась на занятія общественными науками. И это понятно: люди долга и убѣжденія, ставившіе жизнь на карту ради торжества своихъ идеаловъ, страстно искали научнаго обоснованія своей дѣятельности. Изъ этихъ занятій они извлекали, главнымъ образомъ, общія свободолюбивыя стремленія. Республиканскія идеи стали распространяться лишь въ послѣдніе годы Реставраціи, когда поя-

вились нѣкоторыя сочиненія, написанныя съ этой новой точки зрѣнія. Что касается до соціализма, то, напримѣръ, Сэнъ-Симонъ стоялъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ съ карбонаріями. Но, за исключеніемъ отдѣльныхъ идей, вліяніе сэнъ-симонизма на молодежь было пока почти не замѣтно. Изъ болѣе пожилыхъ политическихъ дѣятелей было одинъ-два человѣка, предчувствовавшихъ всю важность соціальнаго вопроса. Вейль упоминаетъ объ извѣстномъ Войе д'Аржансонѣ, который былъ префектомъ при Наполеонѣ и не побоялся вступить въ пререканія съ императоромъ по поводу произвольныхъ актовъ послѣдняго, затѣмъ былъ либеральнымъ депутатомъ при Реставраціи и пользовался славою энергичнаго оратора-демократа. Вотъ что читаемъ мы, между прочимъ, о немъ въ трудѣ Вейля:

«Д'Аржансонъ возвѣстилъ наступленіе новой экономической науки, не той, которую восхваляли либеральные банкиры въ родѣ Казиміра Перье, но «науки соціальной справедливости, предназначенной когда-нибудь научить весь родъ человѣческій, безъ различія странъ и націй, какимъ образомъ онъ долженъ сгруппироваться, вступить въ ассоціацію, подѣлить между собою дары природы и затѣмъ управляться внутри каждаго общества». По этому поводу онъ привелъ фразу одного депутата, возбудившую гнѣвъ всей палаты: «Во Франціи есть больше людей, у которыхъ нѣтъ хлѣба, чѣмъ людей, у которыхъ слишкомъ много пшеницы». Д'Аржансонъ все больше и больше укрѣплялся въ своихъ соціальныхъ идеяхъ, сначала нѣсколько неопредѣленныхъ, но въ концѣ концовъ сложившихся въ коммунизмъ. Между его друзьями въ палатѣ лишь одинъ понималъ его: то былъ Босэжуръ, который взошелъ на трибуну, чтобы показать, какъ Франція раздѣляется на 500.000 «ядущихъ» и 30 милліоновъ «ядомыхъ» *).

Остальные коллеги не обращали никакого вниманія на мнѣнія д'Аржансона. Даже знаменитый ораторъ оппозиціи, генералъ Фуа, въ отвѣтъ на приглашеніе д'Аржансона заняться этими вопросами, заявилъ, что это будетъ совершенно безполезный трудъ, потому что все равно никто ничего не пойметъ. И какъ было людямъ привилегированнаго владѣнія и капитала понимать д'Аржансона, который съ такой безпощадной ясностью вскрывалъ сущность современнаго строя. Обратите вниманіе хотя бы на слѣдующую мысль:... «Эти разнаго рода богатства составляютъ большей частью непосредственные или косвенные результаты труда вашихъ ближнихъ, результаты, попавшіе въ ваши руки путемъ обмана, завоеванія или же актовъ, названныхъ законами, лишь благодаря злоупотребленію словами. Трудъ, который распахивалъ, чеканилъ, изготовлялъ, могъ стать вашимъ лишь посредствомъ рабства, крѣпостничества и неравной борьбы трудящихся, лишенныхъ всякаго

*) Weill, стр. 20.

законнаго покровительства, противъ привилегированныхъ монополистовъ, назначающихъ заработную плату въ зависимости отъ своей безпощадной жадности. Признаемъ же, что собственность въ своемъ настоящемъ состояніи лишена всякой законности и не поддерживается никакой моральной санкціей» *). Не мѣшаетъ прибавить для характеристики настроенія тогдашней передовой буржуазіи, что, когда въ 1825 г. одного рабочаго осудили за безпорядки во время стачки, то никто изъ либеральной партіи не согласился придти къ нему на помощь. Такимъ неинтереснымъ субъектомъ или, можетъ быть, даже извергомъ показался всѣмъ этимъ либеральнымъ господамъ осужденный пролетарій. Сама книжка Буонаротти о заговорѣ Бабефа, отпечатанная въ 1828 г. въ Брюсселѣ и имѣвшая впослѣдствіи такое вліяніе на ростъ соціально-политическихъ идей во Франціи, осталась здѣсь неизвѣстною вплоть до іюльской революціи.

Интересно, однако, что уже въ это время вырабатывалось понятіе объ общественной солидарности, хотя пока исключительно съ политической точки зрѣнія. Появился даже странный неологизмъ, вскорѣ ставшій популярнымъ въ извѣстныхъ сферахъ: я говорю о словѣ «коллектизмъ», который былъ, очевидно, родоначальникомъ современнаго «коллективизма» и до нѣкоторой степени указывалъ на близкій къ послѣднему кругъ идей. Объ этомъ терминѣ говоритъ въ своихъ «Документахъ по исторіи конспирацій партій и сектъ» (1831) Ф. де-Корселль, цитируемый Вейлемъ и Черновымъ. Послѣдній авторъ даетъ слѣдующую цитату изъ Корселля, сопровождая ее кой-какими комментаріями отъ себя: «Изученіе явленій политической жизни должно познакомить насъ съ ея интимнымъ элементомъ, коллектизмомъ, т. е. совокупностью соціальныхъ наклонностей, которыя, въ извѣстныхъ положеніяхъ, заставляютъ насъ неотразимо дѣйствовать на пользу массъ, точно такъ же, какъ при другихъ обстоятельствахъ, личный инстинктъ управляетъ нами въ интересахъ нашего сомосохраненія». Корселль цитируетъ въ качествѣ новаго это опредѣленіе, которое, видимо, пытается на новой почвѣ примирить два элемента права: право коллективности и право индивидуума. Тутъ видно было стремленіе остановиться на среднемъ терминѣ между крайнимъ индивидуализмомъ и исторической фатальностью, подчинявшею, по взглядамъ школы доктринеровъ, человѣка обществу и прошлому **).

Республиканское движеніе замѣтно усилилось въ послѣдніе годы

*) Это замѣчательное мѣсто находится въ „Разныхъ доктринахъ и мысляхъ" д'Аржансона. Не имѣя подъ рукою подлинника, я цитирую его по своему переводу наиболѣе выдающихся вещей этого автора въ сборникѣ „Политическихъ памфлетовъ" Франціи, который долженъ скоро появиться въ печати (стр. 232).

**) Tchernoff, стр. 39.—Ср. Weill, стр. 18, прим. 1 (слово „коллектизмъ" было, кажется, впервые употреблено нѣкіимъ Амаромъ въ 1820).

Реставраціи. Появляются историческіе труды Лорана и Роша, написанные съ республиканской точки зрѣнія. Возникаетъ (въ 1829 г.) демократическая газета «Трибуна» (собственно «La Tribune des departements»), тонъ которой поразилъ въ то время рѣзкостью либеральную оппозицію. Публицисты этой газеты издѣваются надъ «политиками салоновъ» и ихъ «сплетнями» и возвѣщаютъ, что время этихъ господъ прошло, а наступило время «патріотовъ». Для тѣхъ, кто знаетъ терминологію Великой французской революціи, было ясно, что рѣчь идетъ о республиканцахъ. «Трибуна» даже гордилась, что она замѣнила такое «неясное и безцвѣтное» слово, какъ «либералъ», гораздо болѣе «опредѣленнымъ» словомъ «патріотъ». Въ томъ же 1829 г. появилась другая республиканская, еще болѣе смѣлая газета, носившая названіе «Молодой Франціи», въ которой можно уже было прочесть слѣдующее опредѣленіе республиканства en toutes lettres: «Подъ республиканствомъ я разумѣю ту жажду равенства и справедливости, то общее презрѣніе ко всѣмъ отличіямъ, не вытекающимъ изъ личныхъ заслугъ, ту потребность контроля всѣхъ дѣйствій правительства, наконецъ, то сознаніе достоинства человѣка и гражданина, которое заставляетъ сопротивляться произволу и возмущаться при одной мысли о деспотизмѣ» *).

Какъ наиболѣе живая и энергичная партія, республиканцы постарались войти въ сношенія со всѣми элементами оппозиціи для того, чтобы придать имъ болѣе опредѣленный характеръ и стать авангардомъ всей арміи недовольныхъ. Такъ, они проникли въ либеральное общество «Aide-toi, le ciel t'aidera», названіе котораго можно близко перевести русской поговоркой «На Бога надѣйся, а самъ не плошай» и цѣлью котораго была организація избирательной агитаціи. Когда было образовано сравнительно либеральное министерство Мартиньяка, умѣренные члены оппозиціи предложили было распустить это общество: партія доктринеровъ съ Гизо во главѣ, та самая партія, относительно которой была впервые пущена остроумная фраза, что она вся могла бы умѣститься на одномъ канапэ, полагала, что либерализмъ окончательно добился своихъ цѣлей, и что дальше обществу незачѣмъ было существовать. Но именно республиканцы, вошедшіе въ составъ этой организаціи, настояли на ея сохраненіи и были поддержаны болѣе передовыми либералами. Боевое министерство реакціи и зажима, сформированное вскорѣ Полиньякомъ и смѣнившее предшествовавшій кабинетъ, было яснымъ указаніемъ на то, что правительство снова вступало въ борьбу съ націей. Тактика республиканцевъ оказалась, такимъ образомъ, дальновиднѣе тактики умѣренныхъ и аккуратныхъ поборниковъ свободы. Республиканцы, впрочемъ, пока не добивались внѣшняго престижа въ упомянутомъ обществѣ и, на самомъ-то дѣлѣ играя роль главной движущей пружины его, уступали

*) Weill, стр. 24.

первыя мѣста конституціоннымъ либераламъ, за которыми, какъ за вывѣской, имъ лучше было преслѣдовать свои болѣе радикальные планы.

Мало того: принимая участіе въ оппозиціонной агитаціи, стараясь обострить борьбу конституціоналистовъ противъ власти, республиканцы не порвали совсѣмъ и при концѣ Реставраціи съ революціонными пріемами, которыми ознаменовано было, какъ мы видѣли, начало 20-хъ годовъ. Несмотря на недостатокъ историческихъ документовъ, касающихся дѣятельности тайныхъ обществъ съ 1825 по 1830 г., мы знаемъ въ общихъ чертахъ, что эти организаціи не перестали существовать, и что студенты-республиканцы сумѣли даже въ это время завербовать кой-какихъ рабочихъ и посѣять въ ихъ средѣ ненависть къ Бурбонамъ. Серьезные уличные безпорядки, которые разразились въ Парижѣ 19—20 ноября 1827 г. по поводу торжества либераловъ на выборахъ, не обошлись безъ участія и, вѣроятно, руководства членовъ республиканскихъ тайныхъ обществъ. Въ первый разъ послѣ Фронды, когда народъ возсталъ противъ Мазарина (26-го августа 1648 г.), парижане построили баррикады,—которыя, кстати сказать, отнынѣ вплоть до 70-хъ годовъ истекшаго столѣтія будутъ популярнымъ тактическимъ пріемомъ уличной революціи и которыя позже снова выплывутъ на сцену лишь въ современной Россіи. На этихъ баррикадахъ былъ раненъ солдатской пулей 22-лѣтній Бланки, который на всю жизнь свою остается человѣкомъ заговора и революціонной энергіи *).

Во время іюльской революціи ярко вырисовывается разница между республиканцами и болѣе умѣренными элементами оппозиціи. Когда назначеніе Полиньяка главнымъ министромъ было—и справедливо—истолковано общественнымъ мнѣніемъ, какъ приготовленіе къ coup d'Etat, противники правительства стали готовиться къ борьбѣ. Но въ то время, какъ умѣренные либералы намѣревались противоставить насилію одни легальныя средства, напр., отказъ платить налоги въ случаѣ нарушенія хартіи, и каждый изъ нихъ взапуски добивался—какъ замѣчаетъ Каррэль,—мало опасной чести «чисто конституціоннаго сопротивленія», республиканцы, хотя участвуя и въ такой оппозиціонной политикѣ, далеко не отвергали возможности и даже—при извѣстныхъ условіяхъ—необходимости революціоннаго дѣйствія. Они первые постарались поднять народъ. И между тѣмъ, какъ значительная часть либеральной буржуазіи проводила время въ разговорахъ и колебалась между ненавистью къ правительству Бурбоновъ и опасеніемъ широкаго возстанія рабочихъ, пылкая республиканская молодежь, студенты и политехники, обратились съ боевымъ кличемъ къ массамъ и въ нѣсколько ча-

*) Вейль (стр. 27) полагаетъ, повидимому, что то былъ дебютъ Бланки. Но его біографъ сообщаетъ, что онъ уже раньше былъ раненъ сабельнымъ ударомъ два раза, во время апрѣльскихъ и майскихъ манифестацій того же 1827 г. См. Gustave Jeffroy, L'Enfermé; Парижъ, 1897, стр. 38—39.

совъ успѣли побѣдить ихъ видимое равнодушіе и увлечь за собой. Республиканцы показали примѣръ отчаяннаго героизма и вездѣ были въ первыхъ рядахъ. Но, кромѣ этого чисто личнаго дѣйствія, они обнаружили замѣчательное пониманіе психологіи толпы и въ ея рядахъ нашли достойныхъ помощниковъ своего гражданскаго мужества. Та самая масса, которая вначалѣ казалась занятою своими будничными, но насущными интересами, и мало думала о хартіи, вскорѣ была втянута въ эту чисто политическую борьбу буржуазіи съ королевской властью и поразила, какъ мы увидимъ, интеллигентныхъ вожаковъ движенія своимъ безкорыстнымъ идеализмомъ.

Въ блестящей «Исторіи десяти лѣтъ» Луи-Блана есть любопытныя иллюстраціи этого быстраго измѣненія въ настроеніи народа. Въ самомъ началѣ движенія, въ ночь съ 26-го на 27-е іюля, между почтарями на большой дорогѣ Фонтенебло происходилъ такой разговоръ насчетъ только-что опубликованныхъ ордоннансовъ, возвѣщавшихъ правительственный coup d'Etat:

«— А вчера вечеромъ парижанамъ было здорово таки досадно. Ни палаты, ни газетъ, ни свободы печати.

«— Правда!—возразилъ другой.—А по моему, тѣмъ лучше. Былъ бы хлѣбъ по два су, да вино по четыре, такъ мнѣ наплевать на все прочее» *).

А 28-го іюля, когда побѣда явно уже клонилась на сторону народа, сражавшагося при крикахъ «да здравствуетъ хартія», происходили сцены такого рода. Героическій Шаррасъ, выгнанный нѣсколько мѣсяцевъ назадъ изъ политехнической школы, привелъ въ ратушу часть инсургентовъ, которые только что взяли приступомъ одну изъ казармъ. Онъ обратился къ генералу Лафайету съ просьбой сказать ему, какое порученіе дать двумстамъ волонтерамъ, которые дожидались приказа отъ вожаковъ возстанія. Лафайетъ отвѣтилъ: «Пускай мирно разойдутся по домамъ; они, конечно, нуждаются въ отдыхѣ». Шаррасъ замѣтилъ генералу, что много этихъ храбрыхъ людей не найдетъ, возвратившись къ себѣ, и куска хлѣба. «Ну, такъ выдайте имъ по пяти франковъ на брата»! Приказъ этотъ былъ переданъ рабочимъ.—«Мы сражаемся не изъ-за денегъ», вырвался общій крикъ изъ этихъ голодныхъ ртовъ. А у самыхъ богатыхъ изъ этой толпы не было на себѣ и на десять франковъ бѣлья и одежды» **).

Достаточно извѣстно, чѣмъ кончилась іюльская революція. Республиканцы, которые бросали народу лозунгъ «да здравствуетъ

*) Louis Blanc, Histoire de dix ans; Парижъ, полное иллюстрированное изданіе 1881 г., т. I, стр. 31.

**) Lous Blanc, стр. 74.

хартія», чтобы не очень испугать наконецъ-то рѣшившихся на возстаніе умѣренныхъ либераловъ; и народъ, который жертвовалъ жизнію ради этого не совсѣмъ ему понятнаго, по словамъ Луи-Блана, требованія,—оба были оттерты на задній планъ конституціонной буржуазіей. Благодаря безхарактерности великодушнаго, но легкомысленнаго и тщеславнаго Лафайета, благодаря проискамъ и интригамъ крупнаго мѣщанства, восторжествовала не республика, а младшая вѣтвь Бурбоновъ въ лицѣ Людовика-Филиппа, герцога Орлеанскаго, отнынѣ французскаго короля. Республиканская молодежь принуждена была подчиниться совѣтамъ выдающихся вожаковъ либерализма и отложить осуществленіе своихъ политическихъ идеаловъ на будущее. Въ словахъ наиболѣе мыслящихъ и энергичныхъ представителей республиканской партіи звучали ноты худо скрываемаго разочарованія и желанія скорѣйшаго реванша. Когда Дювержье-де-Гораннъ, одинъ изъ будущихъ главъ династической оппозиціи, сталъ благодарить Годефруа Кавеньяка за самоотверженіе, проявленное республиканской партіей, молодой республиканецъ съ свойственной ему прямотой отвѣтилъ: «Вы напрасно благодарите насъ; если мы и уступили, такъ потому, что у насъ не было достаточно силъ. Черезчуръ трудно было дать понять народу, который только что сражался при крикѣ «да здравствуетъ хартія», что его первымъ же актомъ послѣ побѣды должно было быть вооруженное движеніе съ цѣлью уничтоженія этой самой хартіи. Но позже дѣло пойдетъ не такъ» *).

Послѣдующая исторія царствованія Людовика-Филиппа была, такъ сказать, символически выражена въ поведеніи толпы, слушавшей чтеніе первой рѣчи герцога Орлеанскаго, принявшаго пока титулъ главнаго намѣстника королевства: «все, что было молодо и безъ опредѣленныхъ занятій, — замѣчаетъ нѣкій очевидецъ-монархистъ,—свистало и требовало республики, и сюда же приставали разные проходимцы и люди съ разстроенными дѣлами». Если, дѣйствительно, вы вспомните, что въ устахъ орлеанистовъ эти эпитеты раздавались всѣмъ гражданамъ, которые не принадлежали къ буржуазной олигархіи, насчитывавшей въ странѣ не болѣе 166.000 избирателей, то вы поймете, что внѣ «легальной страны», — какъ говорилось въ то время,—осталась вся остальная Франція, и что эта Франція упорно боролась противъ іюльской монархіи. Всѣ легальныя средства употреблялись, конечно, націей въ этой борьбѣ. Но когда сопротивленіе буржуазнаго правительства требованіямъ реформъ приняло, послѣ первыхъ мѣсяцевъ колебаній, деспотическій, безжалостный и надменный характеръ, то противъ монархіи, выросшей изъ революціоннаго возстанія, фатально были пущены въ ходъ революціонныя же средства борьбы. Дѣйствительно, ни въ одно, можно сказать, царствованіе не было такого числа волненій,

*) Weill, стр. 31.

инсуррекцій, заговоровъ, тайныхъ обществъ и покушеній противъ короля и членовъ королевской семьи.

Вотъ перечень главнѣйшихъ безпорядковъ и возстаній: въ 1831 г., разгромъ архіепископскаго дома и церкви Сэнъ-Жермэна-Лоссерруа (14 февраля), безпорядки по поводу возстанія Польши (10 марта), сильнѣйшая инсуррекція ткачей въ Ліонѣ (21-23 ноября); въ 1832, безпорядки въ Греноблѣ по случаю запрещенія бала (12 марта), холерные безпорядки въ Парижѣ (26 марта), крупное возстаніе на похоронахъ республиканскаго генерала Ламарка (5-6 іюня); въ 1834, вторичная инсуррекція въ Ліонѣ, которая длилась цѣлые пять дней (10-14 апрѣля) и вызвала параллельное движеніе въ Парижѣ (13-14 апрѣля); въ 1839, возстаніе заговорщиковъ подъ предводительствомъ Бланки и Барбэса (12-13 мая); въ 1840, безпорядки, вызванные насильственнымъ подавленіемъ стачки различныхъ корпорацій парижскихъ рабочихъ (5-7 сентября); въ 1841, серьезныя волненія во многихъ городахъ Франціи по случаю неумѣлаго циркуляра министра финансовъ: въ Тулузѣ (5-13 іюля), Бордо (14 августа), Лиллѣ (26 августа), Маконѣ (9 сентября), Клермонъ-Ферранѣ (9-12 сентября), и т. д. Кромѣ того надо упомянуть возстаніе, произведенное въ 1832 г. въ Марселѣ сторонниками герцогини Беррійской (30 апрѣля) и двѣ попытки Луи Бонапарта: въ 1836 г., въ Страсбургѣ (31 октября), и въ 1840, въ Булони (6 августа).

Что касается до покушеній на короля, то они слѣдуютъ тоже одно за другимъ: въ 1835 г., адская машина корсиканца-авантюриста Фіески (28 іюля); въ 1836 г., выстрѣлъ изъ ружья Алибо, сына бѣдняковъ, но получившаго кой-какое образованіе (25 іюня), и приказчика Мёнье (27 декабря); 1840 г., выстрѣлъ изъ карабина полотера Дармэса (15 октября); въ 1841 г., покушеніе пильщика Кениссэ противъ королевскихъ принцевъ (13 сентября). Къ этимъ политическимъ покушеніямъ надо присоединить чисто личныя покушенія на короля—оба въ 1846 г.—бывшаго дворцоваго лѣсника Леконта, изъ двухстволки (16 апрѣля), и полупомѣшаннаго фабриканта стальныхъ издѣлій Вири, изъ пистолета (29 іюля).

Политическія организаціи, сначала гласныя, затѣмъ, по мѣрѣ проведенія правительствомъ репрессивныхъ мѣръ, смѣняющіяся тайными, въ свою очередь становятся одной изъ дѣятельныхъ формъ борьбы съ олигархіей. Такъ, одно за другимъ и отчасти одновременно функціонируютъ: уже знакомое намъ общество «На Бога надѣйся, а самъ не плошай», пережившее Реставрацію и продолжавшее свою дѣятельность при Людовикѣ - Филиппѣ; «Ассоціація для защиты личной свободы и свободы печати»; «Ассоціація для свободнаго и дарового обученія народа»; общество «Друзей народа»; общество «Правъ человѣка». Эти ассоціаціи возникли большею частію въ бурные іюльскіе дни 1830 г. и полегли подъ ударами реакціоннаго закона объ обществахъ, обнародован-

наго въ апрѣлѣ 1834 г., и такъ называемаго «большого процесса» апрѣля 1835 г., для котораго власти арестовали 2.000, по большей части ничѣмъ не связанныхъ между собою лицъ, а обвиняли 164,— пріемъ, напоминавшій тактику русскихъ властей во время нашего «большого процесса», и т. д.

Но тогда выступаютъ на сцену тайныя общества, исторія которыхъ до сихъ поръ, впрочемъ, довольно спутана и представляетъ не мало пробѣловъ. Какъ бы то ни было, когда легальная дѣятельность стала почти невозможной, и сама печатная пропаганда была поставлена въ очень узкіе предѣлы сентябрьскими законами 1835 г. противъ прессы, организація заговоровъ увлекла наиболѣе энергичныхъ республиканцевъ. Такъ, возникаютъ тайныя общества «Семей», «Временъ года», «Демократическихъ фалангъ», «Рабочихъ равенственниковъ» и т. д.

Вообще, изучая исторію Іюльской монархіи, вы приходите къ заключенію, что въ этой борьбѣ олигархическаго правительства съ націей была затрачена масса живыхъ общественныхъ силъ, которыя пошли исключительно на преодолѣніе того, что называется въ механикѣ вреднымъ сопротивленіемъ, а между тѣмъ, при нормальныхъ условіяхъ могли бы оказать величайшія услуги мирной культурной работѣ. Такъ въ рукахъ неразумнаго машиниста, который, забивая предохранительные клапаны, борется съ упругостью пара, вмѣсто того, чтобы пустить его въ дѣло, и самая лучшая машина разлетается въ куски, разнося повсюду смерть и разрушеніе. Люди, на которыхъ всею тяжестью своею обрушивалась буржуазная олигархія, были наиболѣе энергичными, наиболѣе безкорыстными и самоотверженными гражданами. И даже тѣ фанатики идеи, насильственныя дѣйствія которыхъ возбуждали порицаніе людей мирнаго прогресса, отличались какъ разъ свойствами, крайне полезными всему обществу, ибо героизмъ и беззавѣтная преданность идеалу составляютъ удѣлъ очень немногихъ. Нечего уже говорить о тѣхъ постоянныхъ и, такъ сказать, естественныхъ вождяхъ народа во время возстаній вродѣ «вѣчнаго узника» (Бланки) или «Баярда революціи» (Барбэса), личность которыхъ реабилитирована заднимъ числомъ даже буржуазными историками. Но и тѣ люди, которые на собственный страхъ хватались за самыя отчаянныя средства борьбы и вызывали наиболѣе рѣзкую критику своихъ поступковъ, обнаруживали такую силу воли и энергію убѣжденія, что остается только сожалѣть объ ослѣпленіи и эгоизмѣ тогдашнихъ руководителей Франціи, не умѣвшихъ утилизировать для блага всей страны активный характеръ этихъ фанатиковъ.

Обратите вниманіе на показанія хотя бы Алибо, какъ ихъ заноситъ въ свою «Исторію десяти лѣтъ» Луи-Бланъ, рѣшительно предпочитавшій, однако, мирную пропаганду насилію и особенно рѣзко возстававшій противъ политическихъ покушеній. Одно время, когда Паскье, президентъ палаты пэровъ, превращенной на это

время въ высшій трибуналъ, допрашивалъ подсудимаго, у послѣдняго вырвались рыданія при упоминаніи о семьѣ:

«*Паскье.* Огорченіе, которое вы обнаруживаете, вытекаетъ, повидимому, изъ добраго чувства. Что вызываетъ у васъ такое сильное волненіе?

«*Алибо.* Человѣческая природа.

«*Паскье.* А также мысль о томъ злѣ, которое вы причинили родителямъ, и о томъ горѣ, въ которое долженъ погрузить ихъ вашъ поступокъ. Не такъ ли?

«*Алибо.* Правда.

«*Плескье.* Но въ такомъ случаѣ не должно ли это чувство привести васъ къ тому, чтобы искренностью своихъ показаній вы постарались смягчить ужасъ, внушаемый вашимъ преступленіемъ?

«*Алибо.* Но вѣдь это король виновникъ моего преступленія; это онъ сдѣлалъ изъ меня убійцу, онъ причинилъ горе моему отцу» *).

И далѣе: «Алибо предсталъ передъ судьями столь же далекимъ отъ слабости, какъ и отъ надменности. Легкое облако печали оттѣняло его лобъ; и, однако, легко было видѣть, что обвиняемый сохранилъ въ цѣлости ту сильную и неумолимую вѣру, которая и сдѣлала его убійцей. На вопросъ президента, съ какихъ поръ онъ задумалъ свой пагубный планъ, Алибо отвѣчалъ: «съ тѣхъ поръ, какъ король поставилъ Парижъ въ осадное положеніе и какъ вздумалъ управлять вмѣсто того, чтобы царствовать; съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ приказъ избіенія гражданъ на улицахъ Ліона и возлѣ монастыря Сэнъ-Мерри въ Парижѣ. Его царствованіе кроваво и позорно. И я рѣшилъ убить короля». Таковъ былъ мрачный фанатизмъ этого человѣка, таково его неумолимое рѣшеніе. Начались свидѣтельскія показанія, и изъ нихъ обнаружилось, что съ полической экзальтаціею, доходившею до ярости, Алибо соединялъ необыкновенную нѣжность нравовъ и характера, глубокую чувствительность, мужественную честность и то внутреннее пламя, которое толкаетъ человѣка на постоянныя жертвы» **).

Интересна характеристика другого политическаго убійцы, которую даетъ Эліасъ Реньо въ своей «Исторіи восьми лѣтъ», составляющей продолженіе «Исторіи десяти лѣтъ» Луи-Блана и столь же отрицательно относящейся къ политическимъ покушеніямъ:

«То былъ бѣдный полотеръ, по фамиліи Дармэсъ, сорока трехъ лѣтъ отъ роду, изъ Марсели, жившій одиноко и въ нуждѣ, отличавшійся экзальтированнымъ воображеніемъ и рѣдкой рѣшительностью.

«Когда при допросѣ, сейчасъ-же послѣ покушенія, его спросили, какая его профессія, онъ отвѣтилъ: конспираторъ.—Но вѣдь это не профессія,—отвѣчали ему.—Ну, въ такомъ случаѣ скажите, что

*) Louis Blanc, l. c., т. II, стр. 834—835.
**) l. c., стр. 835.

я живу своимъ трудомъ.—Кто могъ васъ толкнуть на такое ужасное преступленіе? Есть у васъ сообщники?—Я самъ единственный свой сообщникъ. Я рѣшилъ убить величайшаго тирана древнихъ и новыхъ временъ, какой только существовалъ на землѣ.—Но не раскаиваетесь-ли вы теперь въ томъ, что замыслили и исполнили такое гнусное покушеніе?—Я раскаиваюсь лишь въ томъ, что не успѣлъ... И, однако, я держалъ короля въ своихъ рукахъ,—прибавилъ онъ,—я былъ вполнѣ увѣренъ въ своемъ дѣлѣ... Если бы только не разорвало карабинъ... Да, я черезчуръ сильно зарядилъ его: пять пуль, восемъ картечинъ» *).

Среди всѣхъ этихъ возстаній, заговоровъ, покушеній, вызванныхъ узкою и деспотическою политикою буржуазной олигархіи, неуклонно, хотя не безъ тяжелыхъ жертвъ, развивался республиканскій идеалъ съ его демократическими требованіями. И прежде всего вырабатывался взглядъ на необходимость расширенія политическихъ избирательныхъ правъ народа вплоть до всеобщей подачи голосовъ, равно какъ измѣнялось отношеніе прогрессивной интеллигенціи къ массамъ.

Интересно, что критика программы доктринеровъ со стороны крайнихъ монархическихъ партій доставила довольно цѣнные аргументы именно республиканцамъ. Такъ, еще наканунѣ іюльской революціи, «La Gazette de France», полемизируя съ умѣренными либералами, которые требовали отъ короля подчиненія націи, выражаемой парламентомъ, очень удачно отмѣчаетъ слабый пунктъ доктринеровъ и показываетъ всю половинчатость ихъ политической системы:

«Тѣ, кто ссылается на принципъ верховенства народа, замаскированный неясными фразами насчетъ обязательнаго для короля уваженія къ требованіямъ страны, не могутъ видѣть это мнимое верховенство въ практикѣ выборовъ, потому что у этихъ выборовъ есть свой принципъ и свои правила, но принципъ этотъ находится вверху; а внизу они стоятъ безъ всякой связи съ народомъ и лишены всякаго разумнаго основанія. У палатъ нѣтъ связи съ народомъ, ибо выборы отдѣлены отъ массъ кругомъ привилегій. У

---

*) Elias Regnault, Histoire de huit ans; Парижъ, новое иллюстрированное изданіе безъ даты (1882?), стр. 165.—Кстати, этотъ характеръ мрачной и непоколебимой энергіи отличалъ и нравственную физіономію солдата-патріота Лувэля, который убилъ при реставраціи герцога Беррійскаго (13-го февраля 1820 г.). Въ своемъ послѣднемъ словѣ на процессѣ онъ „не только оправдывалъ свое преступленіе, но даже (?! Н. К.) смерть Людовика XVI; онъ сравнивалъ себя съ Брутомъ и прославлялъ себя за тотъ свирѣпый фанатизмъ, который побудилъ его умертвить человѣка, предназначеннаго вступить на престолъ“. Беру эти строки у монархиста Michaud, Abrégé chronologique de l'histoire de France; Парижъ, 1840, 2-е изд., стр. 854 (книга интересная тѣмъ, что въ лѣтописной формѣ даетъ факты и новости дня, документы, выдержки изъ газетъ и т. п.).

нихъ нѣтъ и разумнаго основанія, ибо они покоятся исключительно на произвольныхъ базисахъ собственности; относительно исключенія не-собственниковъ нельзя привести никакого другого резона, кромѣ того, что авторъ хартіи и авторы закона пожелали такъ въ интересахъ правительства, установленнаго хартіей» *).

Если вдуматься въ эти возраженія, то приходится признать, что съ точки зрѣнія логики они неотразимы. И если сопоставить съ ними ту, если можно такъ выразиться, надменную и вызывающую несправедливость, которую доктринеры сознательно проводили чрезъ всю свою систему, словно гордясь своимъ презрѣніемъ къ массамъ, то можно понять, что работа мысли у искреннихъ и чуткихъ республиканцевъ должна была болѣе или менѣе быстро придти къ демократическому требованію всеобщей подачи голосовъ. Доктринеры утверждали съ Гизо, что теперь выросли «новые и сильнѣйшіе интересы»—интересы верховъ буржуазіи—и приглашали власть «вступить въ союзъ исключительно съ ними». Они пытались доказать съ Ройе-Колларомъ, что именно этотъ единственный «классъ интересовъ» долженъ быть «возведенъ въ рангъ общественной власти», такъ какъ онъ отличается, молъ, свойствомъ, «независимо отъ числа лицъ «этой категоріи», выражать всѣ другіе интересы общества съ желательнымъ совершенствомъ». На столбцахъ своего органа они съ апломбомъ заявляли, что «единственнымъ реальнымъ верховенствомъ» считаютъ «верховенство разума»; и, отожествляя его съ классовыми стремленіями буржуазіи, многозначительно прибавляли: а если противъ этого высшаго начала массы будутъ возставать, то «возстанію противъ закона противоставляютъ вооруженный разумъ: штыки».

Противъ этой теоріи возмутились всѣ искренніе демократы, увлекаемые логикою событій и внутреннею эволюціею мысли въ сторону республиканскихъ идеаловъ. И революціонный пылъ народа во время іюльскихъ дней являлся въ глазахъ этой все растущей категоріи людей самымъ побѣдоноснымъ аргументомъ противъ исключенія массъ изъ активной политической жизни. Замѣчательно, что сейчасъ же послѣ іюльской революціи Арманъ Каррэль, бывшій въ то время еще монархистомъ и оставшійся консервативнымъ республиканцемъ, пишетъ о народѣ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ, можетъ быть, даже преувеличивая его инициативу:

«О, какъ мы были несправедливы! Мы полагали, что народъ не интересуется конституціонными вопросами. А между тѣмъ именно народъ совершилъ все въ послѣдніе три дня. Его не убѣждали рѣчами, его не возбуждали и не толкали; онъ повиновался своимъ собственнымъ чувствамъ и инстинктамъ; онъ былъ могучъ и ве-

---

*) № отъ 1-го мая 1830. Цитировано у Чернова, стр. 11—12.

ликъ. Это онъ побѣдилъ; и для него должны быть всѣ результаты борьбы»' *).

Можно судить уже по одному этому, съ какой энергіей и быстротой развивались среди демократической интеллигенціи симпатіи къ народу, въ которомъ люди прогресса увидѣли въ то время могучій факторъ политическихъ преобразованій. Оставляя въ сторонѣ сложныя и взаимно-переплетающіяся явленія тогдашней идейной и общественной борьбы, мы можемъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ указать на эволюцію республиканскаго міровоззрѣнія, составляющую задачу этой статьи. Допускавшаяся политическими системами степень непосредственнаго участія массъ въ общественномъ преобразованіи составляетъ, говоря вообще, признакъ большей или меньшей демократизаціи всѣхъ этихъ республиканскихъ программъ. Но этотъ пунктъ осложняется, уже не говоря о всемъ прочемъ, еще и тѣмъ обстоятельствомъ, насколько центръ тяжести этихъ программъ переносился въ чисто-политическую или же соціальную область людскихъ отношеній.

Мы знаемъ, напр., что среди соціалистическихъ теорій, которыя распространялись во время іюльской монархіи, сэнъ-симонизмъ и фурьеризмъ отличались своимъ равнодушіемъ къ политическимъ формамъ власти, хотя съ той разницею въ оттѣнкахъ, что первый носилъ больше авторитарный характеръ, а второй опирался на естественную игру страстей и потребностей. Во всякомъ случаѣ, эти обѣ школы мало заботились о непосредственной реформѣ политическихъ учрежденій. Съ другой стороны, возрожденный книгой Буонаротти бабувизмъ стоялъ въ близкой связи съ традиціями Великой французской революціи и выдвигалъ на передній планъ политическій переворотъ для произведенія коренныхъ соціальныхъ преобразованій въ духѣ коммунизма. Но онъ мало довѣрялъ для совершенія такого переворота самому народу, «мнѣнія котораго вырабатывались при режимѣ неравенствъ и деспотизма», и считалъ необходимой временную диктатуру друзей народа. Въ свою очередь Пьеръ Леру, вышедшій изъ школы сэнъ-симонизма и основавшій свою собственную, уже далеко не безразлично относится къ представительной формѣ правленія и къ республикѣ, а видитъ въ нихъ наиболѣе годныя средства для осуществленія соціалистическихъ идей. Мы могли бы указать еще на нѣсколько теоретиковъ и практиковъ соціализма, разно относившихся къ вопросу о политической революціи. Таковъ Луи-Бланъ, у котораго вмѣшательство сильной государственной власти, основанной на всеобщей подачѣ голосовъ, является оружіемъ мирнаго установленія соціалистическаго строя. Таковъ Кабэ, которому нѣкоторыя колебанія въ выборѣ политическихъ средствъ (онъ говорилъ то о диктатурѣ, то о все-

---

*) Писано Каррэлемъ 30-го іюля 1830 года и цитировано у Вейля, стр. 61.

общей подачѣ голосовъ) не мѣшаютъ энергично подчеркивать необходимость совершенно мирнаго учрежденія коммунизма. Таковъ Бланки, который отодвигаетъ планъ коренного соціальнаго преобразованія въ неопредѣленное будущее и прежде всего рекомендуетъ «революціонное дѣйствіе» для того, чтобы разбить современныя формы власти, но разбить при помощи людей инициативы, облеченныхъ фактической диктатурою. Таковъ Прудонъ, который страннымъ образомъ то сходится, то уходитъ въ противоположную сторону отъ Бланки, стремясь тоже къ разрушенію всякой власти, но пропагандируя замѣну ея чисто экономической организаціей взаимно связанныхъ интересовъ.

Всматриваясь въ программы этихъ реформаторовъ, мы не можемъ не замѣтить, что, въ какой бы пропорціи ни соединялись въ этихъ системахъ политическія и соціальныя требованія, въ общемъ интересы массъ, т. е. громаднаго большинства человѣчества, и ихъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ общественной жизни составляютъ центръ тяжести программъ. Равнодѣйствующая соціалистическихъ направленій мысли проходитъ, во всякомъ, случаѣ, именно чрезъ массы и увлекаетъ насъ въ сторону республиканскаго идеала, далеко отъ узкаго міра того «класса интересовъ», тѣхъ политическихъ привилегій, о которыхъ съ такимъ самодовольствомъ распространялись крупная буржуазія и ея пророки, доктринеры.

То же самое явленіе демократизаціи замѣчается и въ планахъ чисто политическихъ реформаторовъ, замѣчается, можетъ быть, съ еще большею яркостью, благодаря тому обстоятельству, что, относясь отрицательно къ кореннымъ соціальнымъ преобразованіямъ, эти демократы стремились исключительно къ политическому прогрессу, видѣли его въ возможно свободной игрѣ политическихъ же учрежденій и не осложняли ее соображеніями объ умѣстности соціальной диктатуры. Разумѣется, подъ давленіемъ измѣняющихся обстоятельствъ борьбы съ олигархіей, эти демократы склонялись то больше въ сторону мирной пропаганды своихъ идеаловъ, то, наоборотъ, больше въ сторону революціонной дѣятельности и конспиративныхъ плановъ. Или, вѣрнѣе, среди нихъ начинали усиливаться—всегда существовавшія вмѣстѣ—то болѣе умѣренныя, то болѣе крайнія фракціи. Но въ общемъ политическая эволюція привела ихъ къ республиканскому идеалу и, путемъ постепенно расширявшихся требованій, ввела въ ихъ программу, почти какъ догматъ, верховенство народа и всеобщую подачу голосовъ. Каждая фракція республиканской партіи пробѣгаетъ въ большой или меньшей мѣрѣ кругъ этого развитія. И скорость такого движенія увеличивается по мѣрѣ того, какъ іюльская монархія превращается, по остроумному выраженію Ламартина, въ правительство-«тумбу», въ правительство-барьеръ, преграждающее путь всякому прогрессу. Такъ, если даже оставить въ сторонѣ крайнія боевыя силы республиканцевъ, уходившія цѣликомъ въ организацію возстаній и

заговоровъ, и остановиться на открыто дѣйствующей парламентарной республиканской партіи, то эту эволюцію въ болѣе или менѣе чистой формѣ можно прослѣдить на каждой изъ республиканскихъ фракцій.

Арманъ Каррэль, напр., самый выдающійся представитель консервативнаго республиканства, приходитъ, какъ мы видѣли, къ этимъ воззрѣніямъ отъ монархическихъ принциповъ, остается сначала врагомъ всякихъ соціальныхъ реформъ и даже вычеркиваетъ слово «пролетарій» въ статьяхъ сотрудниковъ своей газеты. Но подъ конецъ своей короткой жизни, прерванной пулею Эмиля-де-Жирардэна, онъ уже смущается положеніемъ современнаго общества и предвидитъ «соціальную революцію» *). Старшій Гарнье-Пажэсъ, братъ будущаго члена временного правительства и наиболѣе блестящій выразитель умѣренной—или, употребляя мѣткій анахронизмъ Чернова, «оппортунистской»—фракціи, требуетъ въ палатѣ расширенія выборнаго начала, болѣе правильнаго распредѣленія налоговъ, постепенныхъ реформъ, чтобы «удовлетворить массы», «удовлетворить бѣдный классъ». Онъ высказывается сначала рѣшительно противъ всякаго революціоннаго дѣйствія, противъ конспирацій. Но, послѣ вота палатою закона объ ассоціаціяхъ, и онъ становится на путь энергичнаго сопротивленія, бросая въ лицо депутатамъ обѣщаніе «не повиноваться ихъ закону, чтобы повиноваться своей совѣсти». Наконецъ, Франція демократическихъ республиканцевъ, въ лицѣ Франсуа Араго и особенно Ледрю-Роллэна, выставляетъ въ политической области требованія всеобщей подачи голосовъ, а въ экономической требованія «организаціи труда» (терминъ, употребленный впервые Араго), «организаціи кредита», мѣръ, «осуществляющихъ истинное равенство и переводящихъ рабочихъ изъ состоянія наемниковъ въ состояніе членовъ ассоціаціи». Это отнюдь не мѣшало такимъ крайнимъ республиканцамъ очень рѣзко относиться къ тогдашнимъ собственно соціалистическимъ теоріямъ: «я ненавижу коммунистовъ», говорилъ Ледрю-Роллэнъ, называвшій себя, однако, согласно терминологіи эпохи, «демократомъ-соціалистомъ». Кстати сказать, эта фракція, носившая въ то время или нѣсколько позже сокращенную кличку «демоксоковъ» (говорю это со словъ нынѣ уже умершихъ Лефрансэ и Эли Реклю) и соотвѣтствовавшая современнымъ радикаламъ-соціалистамъ съ ихъ восхваленіемъ частной собственности, съ ихъ межеумочными экономическими программами,—эта фракція и была причиною того, что авторы «Манифеста коммунистической партіи» не пожелали назвать себя соціалистами, а предпочли терминъ «коммунистовъ». Но, съ другой стороны, и говорить нечего о томъ, что демократы-соціалисты казались олигархическому большинству парламента чудищами политическаго утопизма. И, напр., уже упо-

*) Tchernoff, l. c., стр. 138.

мянутый Ледрю-Роллэнъ встрѣтилъ въ палатѣ такой отпоръ своимъ предложеніямъ избирательной реформы, свободы собраній и т. п., что отчаялся добиться хоть чего-нибудь отъ парламентской дѣятельности и рѣшилъ перенести агитацію въ самое страну и на улицу.

Мы знаемъ, какъ упорно «палата удовлетворенныхъ»,—одна изъ кличекъ тогдашняго парламента,—отвергала самые скромные планы улучшеній, и съ какимъ близорукимъ и надменнымъ самодовольствомъ правительство іюльской монархіи наткнулась на имъ же самимъ отточенное лезвіе, превративъ парламентскую оппозицію въ знаменитое «давленіе извнѣ» (pression du dehors,—выраженіе, соотвѣтствующее англійскому pressure from without, которое и по другую сторону Ламанша обозначаетъ тотъ же самый политическій пріемъ воздѣйствія населенія на правительство) при помоши реформистскихъ банкетовъ, а это послѣднее движеніе въ побѣдоносную революцію. Февральская революція поставила націю лицомъ къ лицу съ тѣми жгучими политическими и соціальными вопросами, которые назрѣвали въ сознаніи страны подъ давящею покрышкою олигархіи и, наконецъ, цѣлымъ снопомъ обрушились на участниковъ и современниковъ переворота словно изъ жерла вулкана, произведя страшное возбужденіе умовъ. И дѣйствительно, эта катастрофа производила впечатлѣніе цѣлаго стихійнаго катаклизма. Если во время царствованія «короля-гражданина» республиканскіе и, вообще, демократическіе идеалы сдѣлали большой шагъ впередъ, то сама внезапность практическаго приложенія ихъ, въ связи съ непродуманностью многихъ существенныхъ деталей и слабой пропорціей вполнѣ сознательныхъ революціонеровъ, должна была въ очень скоромъ времени подорвать начавшееся прогрессивное движеніе. Присоедините къ чисто политическимъ затрудненіямъ громадную трудность возникшаго параллельно соціальнаго вопроса; книжный и сектантскій характеръ тогдашняго соціализма; роковое столкновеніе буржуазіи и пролетаріата въ іюньскіе дни,—и вы поймете, что февральская революція словно затѣмъ только и дала мимолетное торжество республикѣ, чтобы отбросить Францію снова на полвѣка назадъ, къ учрежденіямъ имперіи и осудить ее на болѣе, чѣмъ двадцатилѣтнюю подготовку къ болѣе свободнымъ учрежденіямъ Третьей республики.

Цѣлый рядъ недоразумѣній характеризовалъ движеніе, выросшее изъ февральской революціи. Такъ, демократическія стремленія пріобрѣли въ теченіе іюльской монархіи такую силу, что всѣ партіи подписывались теперь подъ этой программой, но стараясь путемъ софизмовъ связать съ нею свои особыя цѣли. И наиболѣе демагогическая партія, партія бонапартистовъ, побѣдила въ этомъ турнирѣ-маскарадѣ. Республиканскому идеалу давалось лишь чисто внѣшнее удовлетвореніе путемъ выбора президента. А скоро вер-

ховенство народа вылилось въ каррикатурную форму плебисцита. Легенда императорской эпопеи золотила цѣпи новаго политическаго рабства, нависшаго надъ страной. Идея сильной правительственной власти или диктатуры на пользу народа, пропагандировавшаяся частью соціалистовъ, была отклонена отъ своего первоначальнаго смысла и выродилась въ чистый цезаризмъ. Сама буржуазія, привыкшая къ политическому господству, поддерживала, съ другой стороны, эту императорскую диктатуру и поступалась сознательно въ пользу ея властью, лишь бы обезпечить себѣ спокойствіе въ соціальной области. Третье сословіе, испуганное выступленіемъ на историческую сцену четвертаго, немедленно же послѣ іюньскихъ дней вступило на путь все крѣпчавшей и крѣпчавшей соціальной реакціи, которая естественно должна была выразиться въ реакціи политической, такъ какъ имущіе и правящіе классы неизмѣнно пользуются современнымъ государствомъ, какъ орудіемъ противъ пробуждающихся къ сознательной человѣческой жизни массъ.

Въ другой своей болѣе спеціальной работѣ, посвященной «ассоціаціямъ и секретнымъ обществамъ при Второй республикѣ (1848—1851)», Черновъ такъ изображаетъ отправный пунктъ этой реакціи: ... «Затѣмъ наступили майскіе и іюньскіе дни, смыслъ которыхъ не былъ понятъ въ то время никѣмъ. Люди очутились лицомъ къ лицу съ рабочей массой, которой до того времени не замѣчали. Тогда и не подозрѣвали всей глубины работы, совершавшейся въ умахъ трудящихся. Рабочихъ мелькомъ видали раньше въ дыму баррикадъ, когда, съ ружьемъ на плечѣ и рискуя своей жизнью, они становились на сторону оппозиціи, чтобы сразиться сначала съ Карломъ X, потомъ съ Людовикомъ-Филиппомъ, Рабочихъ защищали въ 1834 г., на апрѣльскомъ процессѣ, но послѣ 1848 г. вдругъ эти самые рабочіе вздумали требовать организаціи труда, права на трудъ, уничтоженія налога на напитки. Они доходили даже до того, что предлагали новую соціальную экономію. Тогда-то симпатичные блузники показались буржуазіи въ новомъ свѣтѣ. Провинціальная печать разсказывала, что рабочіе распиливали живыми національныхъ гвардейцевъ, что на нѣкоторыхъ баррикадныхъ бойцахъ были найдены билеты съ надписями: «право на одну аристократку изъ Сэнъ-Жерменскаго предмѣстья». Значитъ, слѣдовало вступить въ борьбу съ ними, чтобы спасти общество» *). И, какъ всегда, буржуазія съ особой свирѣпостью бросилась на закрытіе клубовъ, ассоціацій и всякаго рода обществъ, которыя по необходимости должны были уходить въ подполье и становиться тайными. А разъ ставъ на этотъ путь,

*) I. Tchernoff, Associations et sociétés sous la Deuxième République (1848—1850), d'après les documents inédits; Парижъ, 1905, стр. 8—9 „Введенія“.

перепуганное французское мѣщанство покатилось по этой наклонной плоскости репрессій и докатилось до императорскаго цезаризма, который спряталъ не только соціальную, но и буржуазную республику въ карманъ и охватилъ однимъ желѣзнымъ кольцомъ преслѣдованія и рабочій классъ, и либеральные верхи... Словомъ, все било въ одну точку, чтобы придать прочность режиму Второй имперіи. И въ заключительной главѣ своей первой книги И. Черновъ справедливо характеризуетъ положеніе дѣлъ, обусловившее царствованіе Наполеона III, словами:

«Консервативныя силы вступили въ коалицію, готовыя для защиты своихъ интересовъ отречься даже отъ свободы. И надо было долгое рабство, горькія разочарованія, причиненныя окончательнымъ и трагическимъ паденіемъ Второй имперіи, чтобы измѣнить это состояніе умовъ, и чтобы заставить буржуазію придавать настоящую цѣну свободѣ и допускать послѣднюю, даже если бы она должна была привести къ послѣдовательному осуществленію соціальнаго равенства» *).

Исторія дальнѣйшей выработки республиканскихъ и демократическихъ идеаловъ въ самомъ процессѣ борьбы съ имперіей и составляетъ переходъ къ установленію Третьей республики. Снова, какъ при Первой имперіи, потянулись послѣ бурь революціи «годы молчанія», какъ удачно называетъ эту эпоху Вейль. И снова за этимъ періодомъ наступила, опять-таки по выраженію этого автора, пора «пробужденія республиканской партіи». Снова, въ первый періодъ имперіи, политическія покушенія составляютъ фатальный отвѣтъ націи на невыносимыя условія гнета. И снова, какъ только представляется возможность пропаганды, республиканцы обращаются къ массамъ, сознавая, что какъ ни какъ, а въ нихъ, въ этихъ массахъ, заключается, въ концѣ концовъ, источникъ живыхъ силъ, необходимыхъ дли поддержанія истинныхъ демократическихъ учрежденій.

Теперь надо было внушить народу, ставшему, по крайней мѣрѣ, теоретически, властелиномъ своихъ судебъ, что настоящая демократія возможна лишь тогда, когда она сознательно будетъ относиться къ управленію страной. И Вейль такъ изображаетъ этотъ процессъ политическаго народнаго просвѣщенія:

«Наученные зрѣлищемъ 1848 г., люди либеральной демократіи заботились болѣе, чѣмъ прежде, о томъ, чтобы провести свои идеи, свои теоріи въ народъ, который обладалъ теперь правомъ голоса. Это можно было попытаться сдѣлать путемъ школы и книги. Великій воспитатель народа, Жанъ Масэ, создалъ Лигу обученія; онъ сдѣлалъ это, не выказывая явно никакого враждебнаго отношенія къ правительству, но съ твердымъ намѣреніемъ служить либераль-

---

*) Histoire du parti républicain sous la monarchie de Juillet, стр. 464.

ной демократіи и освободить ее одновременно отъ личной власти и церковнаго владычества. Тотъ же духъ проникалъ маленькіе томики «Полезной библіотеки», коллекціи книжечекъ въ 50 сантимовъ, которыя не отказывались писать для народа самые знаменитые демократы... Ничего въ этой коллекціи не могло испугать имперію; но все служило къ тому, чтобы распространять научныя и либеральныя идеи. Такимъ образомъ, республиканская литература при имперіи представляетъ собою безпрерывную «Пѣснь пѣсней» въ честь свободы» *).

Но параллельно съ этимъ чисто-культурнымъ движеніемъ и все усиливаясь, по мѣрѣ того, какъ слабѣла имперія, велась политическая пропаганда въ народѣ, какъ со стороны демократовъ, отливавшихъ лишь слегка розовымъ оттѣнкомъ въ соціальныхъ вопросахъ, такъ со стороны преемниковъ великихъ соціалистовъ, ознаменовавшихъ своею умственною и практическою дѣятельностью первую половину XIX-го вѣка. Новый и болѣе реальный, менѣе книжный фазисъ рабочаго движенія отмѣчался возникновеніемъ «Международнаго общества», которое проникало своими развѣтвленіями и во Францію и здѣсь вербовало высоко-талантливыхъ представителей массъ. Въ послѣдней исторической главѣ своей, уже столько разъ цитированной нами книги объ «Исторіи республиканской партіи во Франціи», Вейль даетъ живую картину этого общаго движенія. Но для того, чтобы схватить во всей сложности этотъ процессъ распространенія республиканскихъ идей при Второй имперіи, полезно обратиться къ другой работѣ уже упомянутаго Вейля, а именно къ его «Исторіи соціальнаго движенія во Франціи». Здѣсь читатель найдетъ много документовъ, касающихся одной чрезвычайно важной стороны этого процесса: замѣшательства, которое было внесено въ правильную выработку республиканскихъ идеаловъ той цезаристской демагогіей, той,—если я позволю себѣ употребить этотъ анахронизмъ,—императорской зубатовщиной, что сбивала съ толку въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ рабочій классъ Франціи, пока, наконецъ, здравый смыслъ трудящихся и проницательность ихъ вожаковъ не положили конца постыдному заигрыванію абсолютизма съ рвущимся къ свѣту и свободѣ пролетаріатомъ. На третьемъ брюссельскомъ конгрессѣ Интернаціонала (сентябрь 1868 г.), сторонники примиренія съ Имперіей были встрѣчены крайне холодно. Рабочій классъ отвергалъ своихъ непрошенныхъ покровителей. Или, какъ говоритъ Вейль, «для Интернаціонала начинался новый періодъ; скоро онъ долженъ былъ потерять свой характеръ чисто рабочаго общества самообразованія, открытаго самымъ различнымъ системамъ соціальныхъ реформъ, чуждаго всякимъ политическимъ партіямъ. Но въ то же самое время эта ассоціація, которая до тѣхъ поръ была

*) Weill, стр. 462.

во Франціи лишь генеральнымъ штабомъ безъ арміи, начинала завоевывать многочисленные голоса среди трудящихся массъ» *).

Мы знаемъ, какъ эта могучая политическая эволюція была прервана разгромомъ имперіи, нашествіемъ нѣмцевъ и гражданской войной. Но каковы бы ни были взгляды относительно хотя бы общаго историческаго значенія движенія 18-го марта 1871 г., навсегда памятнаго міру труда подъ именемъ Коммуны, за нимъ остается, во всякомъ случаѣ, крупная заслуга, признаваемая всѣми безпристрастными изслѣдователями этой эпохи: оно сохранило для Франціи фактически установившуюся 4-го сентября 1870 г. республику и позволило странѣ заняться дальнѣйшей выработкой республиканскихъ идеаловъ. Только не забывая этого важнаго историческаго вывода, мы можемъ съ чистою совѣстью подписаться подъ заключительными строками книги Вейля, обращенными къ современнымъ демократамъ:

«Политическіе дѣятели, которые имъ наслѣдовали, хорошо сдѣлаютъ, если поищутъ въ ихъ жизни и будутъ подражать тѣмъ чертамъ гражданскаго мужества, настойчивости, безкорыстія, какія позволили республиканской партіи перенести пятьдесятъ лѣтъ преслѣдованій и завоевать всю Францію» *).

И невольно передъ нашими глазами развертывается словно античный бѣгъ съ факелами, участники въ которомъ безпрестанно передаютъ другъ другу свѣточъ жизни и прогресса человѣчества.—

Et quasi cursores vitai lampada tradunt!

Н. Е. Кудринъ.

---

*) Weill, Histoire du mouvement social en France; Парижъ, 1905, стр. 113.

**) Weill, Histoire du parti républicain, стр. 530.

АНДРЕЙ ФЕСТЪ.

Романъ изъ крестьянской жизни.

Людвига Тома. Пер. съ нѣм. З. А. Венгеровой.

X.

Типографщикъ Шюхель почувствовалъ себя въ центрѣ событій съ того момента, какъ онъ назвалъ свой „Нусбахскій Еженедѣльникъ“ органомъ баварскаго крестьянскаго союза.

Онъ примкнулъ къ этой партіи не вполнѣ по доброй волѣ. Двадцать лѣтъ тому назадъ наборщикъ Адольфъ Шюхель, протестантъ, женился на овдовѣвшей собственницѣ единственной нусбахской газеты и перешелъ въ лоно католической церкви. Съ этого дня ему жилось очень хорошо. Духовенство оцѣнило рвеніе новообращеннаго католика и высказывало свое благоволеніе не только на словахъ. Шюхелю оказана была сильная поддержка и помощь. Его газету всюду рекомендовали и заботились объ ея успѣхѣ. Молодые горячіе католики давали ему интересныя полемическія статьи, и отъ времени до времени въ „Еженедѣльникѣ“ выступали очень видныя особы.

Въ литературномъ отдѣлѣ газеты появлялись часто произведенія высокопоставленныхъ членовъ церкви. Деканъ Мецъ описывалъ, напримѣръ, свое путешествіе въ Лорето, патеръ Шейбле—свое странствованіе въ Іерусалимъ и т. д. Кромѣ того, Шюхель зарабатывалъ много денегъ изданіемъ молитвенниковъ и назидательныхъ произведеній. У него печатались также олеографіи святыхъ, поминальные листки, и по прошествіи пятнадцати лѣтъ онъ пріобрѣлъ солидное состояніе. Ему очень нравилась патріархальная, сытая жизнь баварцевъ, пріятно отличавшаяся отъ быта его средне-франконской родины. Онъ сталъ понемногу жирѣть и походить на всѣхъ нусбахскихъ жителей—по крайней мѣрѣ, внѣш-

нимъ образомъ. Въ духовномъ отношеніи онъ мнилъ себя выше другихъ, и это служило ему утѣшеніемъ.

Все шло, такимъ образомъ, прекрасно до тѣхъ поръ, пока не умерла внезапно жена его, Іоанна Шюхель. Это событіе повлекло за собой и другія, благодаря которымъ прежній ревностный сторонникъ католической церкви сталъ постепенно отпадать отъ нея и „Нусбахскій Еженедѣльникъ" превратился въ органъ крестьянскаго союза.

Все дѣло было въ томъ, что Адольфъ Шюхель слишкомъ рано овдовѣлъ. Онъ еще не былъ достаточно старъ, чтобы отказаться отъ всѣхъ радостей христіанскаго брака и противостоять соблазнамъ, встрѣчающимся на пути у состоятельныхъ людей. Послѣ смерти жены, онъ обратился къ своимъ родственникамъ въ Ансбахѣ съ просьбой найти ему особу для завѣдыванія его хозяйствомъ. Они нашли подходящую дѣвушку, и вскорѣ Софія Шнелль вступила въ домъ Шюхеля. Она была молода, красива и имѣла округленныя формы, которыя нравятся вдовцамъ. Черезъ полгода она сдѣлалась женой владѣльца типографіи. Это кажется очень простымъ и естественнымъ. Но тутъ было одно обстоятельство, запутывающее дѣло. Софія Шнелль, ставшая женой Шюхеля, была протестанткой и ни за что не хотѣла мѣнять свою вѣру; получился, такимъ образомъ, смѣшанный бракъ, а когда появился на свѣтъ ребенокъ, то, по непреклонной волѣ матери, былъ окрещенъ въ евангелическую вѣру.

Всѣ отношенія Шюхеля, его издательства и его газеты къ католической церкви тѣмъ самымъ прекратились. Прошли времена, когда въ газетѣ появлялись описанія благочестивыхъ странствованій. Прекратились и заказы на изображенія святыхъ и поминальные листки. Шюхелю все это далеко не было безразлично, и, если бы зависѣло только отъ него, онъ бы навѣрное смирился передъ силой, которая можетъ брать и отнимать. Но передъ волей его жены всякая попытка къ примиренію оказывалась тщетной. Пока ему оставалось только утѣшеніе, что жители Нусбаха все равно должны читать его газету за неимѣніемъ другой. Но и эта увѣренность скоро покинула его. Одинъ предпріимчивый швабъ, Симонъ Гефеле изъ Равенсбурга, основалъ новую газету подъ названіемъ „Нусбахскій Указатель". „Цѣль газеты—быть выразительницей истинныхъ убѣжденій католическаго населенія, для того, чтобы ересь, прикрывающаяся маской католичества, не могла болѣе распространять свои зловредныя лжеученія": такъ гласила программная передовица новой газеты. По всей вѣроятности, она была написана не бывшимъ пекаремъ Гефеле, а авторомъ путешествія въ Лорето. Война была объявлена, и у Шюхеля были плохіе

виды на успѣхъ. У него не было сильныхъ соратниковъ, и онъ самъ не имѣлъ возможности сражаться съ открытымъ забраломъ. Ему приходилось щадить духовенство и такъ направлять удары, что они не могли попадать въ дѣйствительнаго врага. Это уменьшало на половину его силы.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находился Симонъ Гефеле. Его знамя весело развѣвалось по воздуху, и на его сторонѣ сражались всѣ силы небесныя.

Три года длилась неравная война одного противъ многихъ. Шюхель приходилъ въ полное отчаяніе. Онъ уже почти не могъ больше отклонять ударовъ, которые сыпались на него. Безграничная грубость пекаря соединялась съ находчивостью и коварствомъ духовенства, помогавшаго ему травить врага, и противъ этой коалиціи Шюхель ничего не могъ сдѣлать. Но его спасъ возникшій въ это время крестьянскій союзъ. Шюхель сразу пріобрѣлъ партію, программу и сотрудниковъ. Среди обывателей, примкнувшихъ тотчасъ же къ новому движенію, было много желающихъ высказывать свои мысли. Имъ очень улыбалась возможность метать громы и молніи, не выдавая себя. Въ „Еженедѣльникѣ“ Шюхеля стали появляться интересныя статьи; рѣзкость ихъ была необычайна — и, наконецъ, швабскій пекарь, истощивъ всѣ свои попытки противодѣйствія, долженъ былъ заявить, что изъ чувства приличія не желаетъ отвѣчать въ такомъ же тонѣ.

„Нусбахскій Указатель“ не могъ, однако, ограничиваться однѣми благопристойными статьями; его дерзкіе враги заставляли его, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю слѣдовать за ними на арену грубой политической полемики. Городской священникъ Ротъ пробовалъ задушить противника историческими знаніями и всѣми ухищреніями тонкой діалектики. Онъ каждый разъ заявлялъ, что судорожныя усилія его противниковъ доставляютъ ему огромное наслажденіе, и что онъ не можетъ не смѣяться отъ души надъ неотесанностью стиля, которымъ его враги выражаютъ свои спутанныя мысли.

Но какъ часто ни повторялъ Гефеле, что авторы статей въ „Еженедѣльникѣ“ не могутъ оправиться отъ сокрушительныхъ ударовъ, все же онъ принужденъ былъ, въ виду новыхъ низкихъ выходокъ съ ихъ стороны, поднять вопросъ, совмѣстимо ли съ благочестіемъ католическихъ семей выписывать „Нусбахскій Еженедѣльникъ“. Черезъ нѣсколько времени противъ ученаго Альбана Рота выступилъ въ „Еженедѣльникѣ“ человѣкъ, съ которымъ онъ не былъ въ силахъ бороться: сапожныхъ дѣлъ мастеръ Яковъ Прантль. Родители предназначали его къ духовному званію,

и онъ шесть лѣтъ учился въ классической гимназіи въ Фрейзингѣ. Но дальше четвертаго класса онъ не пошелъ, такъ какъ не обнаружилъ никакихъ способностей къ наукамъ. Умственное развитіе его подвинулось только впослѣдствіи, когда онъ занялся честнымъ ремесломъ и, подобно своему отцу, сталъ изготовлять обувь для нусбахскаго населенія. Когда онъ сидѣлъ на своемъ высокомъ табуретѣ и пришивалъ передки къ стелькѣ проволочной ниткой или округлялъ подошвы, постукивая молоткомъ, то мысли его возвращались къ прошлому, къ тому времени, когда онъ еще составлялъ латинскія фразы и изучалъ странные знаки греческаго алфавита. Теперь въ немъ снова проснулась любовь къ книгамъ и наукамъ, и онъ тщательно берегъ тѣ жалкія крохи, которыя остались у него въ памяти. Въ записной книжкѣ, куда онъ вписывалъ мѣрки своихъ заказчиковъ, красовалось на первой страницѣ его имя, написанное греческими буквами: Πραντλ, σχουστερ. Постепенно изъ памяти его изглаживалось воспоминаніе о томъ, что онъ самъ бросилъ учиться, и онъ уже былъ твердо убѣжденъ, что его ученой карьерѣ помѣшали превратности судьбы или разныя враждебныя вліянія. Онъ сталъ чувствовать ненависть къ человѣчеству, которое обувалъ своими издѣліями, и сдѣлался строгимъ судьей событій и людей. Его подмастерья и ученики наслушались много разсужденій о государствѣ и церкви и о всякихъ властяхъ. Въ словахъ его звучало глубокое презрѣніе къ признаннымъ авторитетамъ, когда онъ обсуждалъ близкія и далекія событія, и въ душѣ его накопилось много яда именно потому, что ему приходилось большею частью таить свои мысли про себя. Поэтому онъ съ такой радостью и съ такимъ рвеніемъ взялся за перо, когда, наконецъ, получилъ возможность высказывать свои взгляды въ „Нусбахскомъ Еженедѣльникѣ“.

Онъ писалъ страннымъ стилемъ. Въ то время, когда онъ учился въ гимназіи, было въ модѣ какъ можно больше растягивать періоды, подпирая ихъ придаточными предложеніями, когда они готовы были рушиться, и поддерживая ихъ падающій духъ союзами и предлогами. Яковъ Прантль вполнѣ овладѣлъ этой формой. Она отвѣчала его привычкѣ скрывать сущность своихъ мыслей, или же указывать на нее намеками. Она отвѣчала также обилію его знаній, нуждающихся въ возможности развѣтвляться во всѣ стороны. Такимъ образомъ, возникали тѣ удивительныя статьи о пагубномъ взаимодѣйствіи государства и церкви—статьи, приносившія городскому священнику Альбану Роту много безсонныхъ ночей. Онъ находилъ въ нихъ въ какомъ-то пестромъ хаосѣ всѣ утвержденія, которыя уже были опро-

вергнуты католическими писателями въ многотомныхъ произведеніяхъ. Теперь же они выступали въ „Нусбахскомъ Еженедѣльникѣ“ такъ свѣжо и бодро, точно только что появились на свѣтъ, а не были похоронены уже десятки лѣтъ тому назадъ. Для священника Рота началась мучительная работа; на первыя ошибки онъ только указывалъ съ насмѣшливымъ состраданіемъ, слѣдующія онъ уже болѣе сердито высмѣивалъ, но вскорѣ задача стала ему не по силамъ.

Ложь, намѣренныя искаженія, лжеученія вырастали, какъ грибы. Онъ не зналъ, какъ справиться со всѣмъ этимъ. Слѣва, справа, спереди, сзади появлялись неистребимые ядовитые грибы. Не возможно было бороться противъ врага, который снова ставилъ на ноги свое разбитое войско и съ улыбкой велъ его опять въ бой, продѣлывая это съ несокрушимымъ спокойствіемъ. Ничего нельзя было подѣлать противъ неуязвимости таинственнаго публициста, который въ каждомъ новомъ номерѣ начиналъ съ того, что казалось поконченнымъ въ предыдущемъ.

Альбанъ Ротъ глубоко раскаивался въ томъ, что началъ полемику съ авторомъ статей, въ которыя безъ всякаго смысла вставлены были странныя греческія слова и которыя неизмѣнно начинались фразой: „Какъ уже сказалъ нѣкогда великій римлянинъ“.

„Еженедѣльникъ“ извлекалъ большую пользу изъ этой бурной полемики. Онъ расходился теперь въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ даже въ періодъ своихъ первыхъ успѣховъ. Газета стала пріобрѣтать во всемъ округѣ новыхъ друзей и сотрудниковъ. Учитель изъ Гильгертгофена писалъ тамъ лирическія изліянія о природѣ подъ псевдонимомъ „Тихаго наблюдателя“, фермеръ Ванингеръ изъ Арнбаха, тоже скрываясь подъ псевдонимомъ, доказывалъ во всеоружіи историческихъ знаній, что причина всѣхъ золъ злополучный союзъ съ Сѣверной Германіей. И рядомъ съ нимъ ландратъ Шрейбельгуберъ писалъ рѣзкія статьи противъ народныхъ представителей центра. Кромѣ нихъ писали еще многіе другіе. Содержаніе статей не обнаруживало глубокой политической мудрости. Все это были нѣсколько безпомощныя попытки возбудить общественное мнѣніе противъ авторитета властей. Но и эти попытки имѣли значеніе уже потому, что возбуждали въ крестьянахъ интересъ къ чтенію. Прежде чтеніе было большой рѣдкостью. Послѣ окончанія воскресной школы большинство крестьянъ уже никогда больше не читали за неимѣніемъ времени. Если же зимой, въ праздникъ, кому-нибудь и приходило въ голову почитать, то онъ бралъ висѣвшій на стѣнѣ календарь и вполнѣ удовлетворялся этимъ чтеніемъ.

Въ деревнѣ, правда, было нѣсколько людей, которые выписывали газету, но это считалось чѣмъ-то совершенно необыкновеннымъ, и всѣ въ округѣ знали объ этомъ. Теперь же многіе стали интересоваться тѣмъ, что происходитъ на свѣтѣ. Кто не хотѣлъ тратить деньги на покупку газеты, тотъ садился въ трактирѣ ближе къ свѣту и три раза въ недѣлю читалъ, какъ Яковъ Прантль изобличалъ церковь и какъ въ газетѣ доставалось „русской лисицѣ“.

Первая цѣль, которую преслѣдуетъ всякая политическая партія, создавая свою газету, была достигнута. Единомышленники могли столковаться и объединиться. Ихъ кругъ все болѣе и болѣе разростался. Когда въ Гибингѣ читали о томъ, что въ Гильгертсгофенѣ держатся того же мнѣнія, какъ и у нихъ, о нуждахъ крестьянства, то это усиливало довѣріе другъ къ другу, и всѣ начинали надѣяться, что при общемъ согласномъ дѣйствіи можно будетъ достичь перемѣнъ къ лучшему. Кромѣ того, изъ газеты въ точности узнавали объ успѣхахъ крестьянскаго движенія въ нижней и въ верхней Баваріи.

Стали поговаривать о томъ, что пора бы устроить собраніе въ Нусбахѣ и примкнуть къ союзу. Въ Шашахѣ подали первый примѣръ, основавъ сельскій союзъ. Въ Цильгофенѣ послѣдовали этому примѣру. Но всетаки отдѣльными попытками ничего путнаго нельзя было достичь. Нужно было удостовѣриться, дѣйствительно ли всюду достаточно вспахана земля, чтобы могла взойти хорошая жатва.

И вотъ, въ „Еженедѣльникѣ“ появилось слѣдующее воззваніе:

„Дорогіе товарищи, крестьяне и горожане! Наступилъ день, когда члены рабочаго сословія должны соединиться вокругъ общаго знамени и перестать равнодушно смотрѣть, какъ угнетаютъ народъ тѣ, которые живутъ на счетъ крестьянъ и ремесленниковъ. Что крестьяне и ремесленники тѣсно связаны въ своихъ интересахъ, это ясно каждому здравомыслящему человѣку. Мы всѣ знаемъ, что въ нусбахскомъ округѣ крестьяне составляютъ главный источникъ доходовъ для промышленности, такъ что улучшеніе сельско-хозяйственныхъ условій должно выгодно отразиться на всѣхъ.

„Соединимся же, товарищи, чтобы сообща искать, въ чемъ источникъ зла.

„А узнать это не возможно иначе, какъ устраивая собранія; на нихъ каждый сможетъ провѣрить свои взгляды, а своей многолюдностью они внушатъ уваженіе врагу. Приходите же всѣ для предварительнаго обсужденія, которое состоится въ трактирѣ „Звѣзда“, въ воскресенье, 16 декабря, въ два

часа дня; тамъ можно будетъ условиться относительно главнѣйшаго.

„Приходите всѣ, у кого есть время и кому дороги интересы трудящагося класса и нашей родины, Баваріи. Въ соединеніи сила, какъ уже сказалъ нѣкогда великій римлянинъ".

Это воззваніе имѣло всюду большой успѣхъ; глыбу сдвинули съ мѣста, и она покатилась.

— Ну вотъ, дождались!—сказалъ окружной начальникъ, съ бѣшенствомъ кинувъ газету на столъ.—Начнется исторія и въ моемъ округѣ. Пусть-ка теперь явится ко мнѣ кто-нибудь изъ этихъ умниковъ. Эти попы думаютъ, что они надъ всѣми господа, а на самомъ дѣлѣ не могутъ справиться съ кучкой крестьянъ въ своемъ собственномъ округѣ. Пусть-ка теперь начнутъ попрекать меня,—я ихъ отчитаю.

Онъ сердито позвонилъ и велѣлъ вошедшему служителю позвать дежурнаго чиновника.

— Читали вы воззваніе въ „Еженедѣльникѣ"?—спросилъ онъ, когда на его зовъ явился чиновникъ Шиллингеръ.

— Читалъ.

— Это написалъ Шюхель?

— Нѣтъ, господинъ окружной начальникъ, не Шюхель. Навѣрно я не могу сказать кто, но подозрѣваю сапожника Прантля.

— Вотъ какъ. Дѣйствительно, по стилю, можно предположить, что авторъ сапожникъ.

— Позвольте вамъ доложить, что Прантль членъ крестьянскаго союза. Передовыя статьи съ греческими и латинскими словами, по слухамъ, тоже принадлежатъ ему.

— Да вѣдь онъ, кажется, по уши въ долгахъ?

— Да, дѣла его не блестящи. Его уже разъ описывали.

— Хорошъ политикъ! Онъ пишетъ о людяхъ, которые живутъ насчетъ рабочихъ и ремесленниковъ. Это, очевидно, говорится про бюрократію.

— Да, господинъ окружной начальникъ. Онъ ругаетъ начальство во всѣхъ кабакахъ. Онъ былъ таковъ съ тѣхъ поръ, какъ я его знаю.

— Я это запомню. А скажите, неужели хозяинъ „Звѣзды" дастъ свое помѣщеніе для собранія?

— Еще бы, съ удовольствіемъ дастъ.

— Зачѣмъ это ему? Онъ вѣдь очень богатый человѣкъ. Съ какой стати онъ возится съ ними?

— Осмѣлюсь доложить вамъ, господинъ окружной начальникъ, что теперь всюду одно и то же. Куда ни явишься, вездѣ разсуждаютъ о политикѣ. Нельзя спокойно выпить кружку пива. Виммеръ, купецъ Кольбъ, всѣ они вообража-

ютъ себя необыкновенно умными людьми. А Шюхель, такъ тотъ прямо воображаетъ, что его газета имѣетъ мiровое значенiе.

— Знаю я этихъ нусбахцевъ. Имъ бы только не работать, весь день пить пиво и болтать зря.

— Крестьяне очень измѣнились, господинъ окружной начальникъ. Совсѣмъ не то стало, что прежде. Прежде можно было сказать имъ все, что угодно, а теперь сейчасъ грозятъ, что пропечатаютъ въ газетѣ. Вотъ вчера, напримѣръ, вышла исторiя съ Пойнтнеромъ изъ Цильгофена. Изъ-за его новой конюшни. Планъ еще у окружного архитектора. Я ему это сказалъ, а онъ сейчасъ же сталъ ругаться, кричать, что такъ нельзя, что онъ уже въ маѣ далъ планъ, что подходитъ зима и нельзя будетъ строить. Потомъ сталъ грозить, что намъ влетитъ, если это еще долго протянется.

— Вотъ какъ? Ну, я еще сумѣю ихъ скрутить и передъ такими угрозами не спасую.

— Вы мнѣ сказали вчера, господинъ окружной начальникъ, чтобы я приготовилъ вамъ дѣло о выборѣ старшины въ Эрльбахѣ. Я положилъ это дѣло вамъ на столъ.

— Хорошо. Кстати, знаете вы новаго старшину?

— Какъ же. Это Фестъ, который надѣлалъ намъ столько хлопотъ при размежеванiи поля. Въ „Еженедѣльникѣ" писали по поводу его избранiя, что онъ членъ крестьянскаго союза.

— Ахъ, вотъ оно что. Ну, хорошо. Вы можете идти, Шиллингеръ.

Отенедеръ подошелъ къ окну и посмотрѣлъ внизъ на торговую площадь. Былъ базарный день. Передъ ратушей разставлены были длинные ряды мѣшковъ съ зерномъ. Покупатели переходили отъ одного къ другому, вынимали горсточки зеренъ, нюхали и тщательно разсматривали, потомъ начинали толковать съ крестьянами, пожимали плечами и проходили мимо. Иногда только они били по рукамъ, и это означало, что торгъ заключенъ.

Виммеръ суетился больше всѣхъ. Среди крестьянъ у него было много знакомыхъ, и онъ съ ними весело здоровался и, уходя, еще оглядывался на нихъ, весело улыбаясь. Дальше на площади стояли телѣги, нагруженныя до верху капустой. Подлѣ нихъ толпились нусбахскiя хозяйки и отчаянно торговались. Дѣло подходило къ зимѣ, и пора было ставить кадки съ капустой въ погребъ. А тутъ представлялся случай купить кстати и картофель, который продавался на базарѣ.

На рынкѣ была страшная толкотня. Слышенъ былъ только гулъ голосовъ, въ который врывался отъ времени до времени громкiй визгъ, когда кто-нибудь изъ крестьянъ пока-

зывалъ покупателю поросенка, безцеремонно поднимая его за хвостъ.

— Однако торговля идетъ своимъ чередомъ, — думалъ Отенедеръ, —несмотря на вѣчныя жалобы и недовольство.

Онъ взглянулъ на пивную противъ его дома. Тамъ уже стояло нѣсколько крикуновъ, и среди нихъ, конечно, сапожникъ Прантль и прежній сторонникъ церкви, Адольфъ Шюхель. Что это они шушукаются съ крестьянами? говорятъ, размахиваютъ руками. Какая наглость вести свою игру открыто, на площади, на глазахъ начальства!

Начальникъ округа сѣлъ къ письменному столу и пододвинулъ къ себѣ дѣло, лежавшее на столѣ. На синей обложкѣ выведено было круглымъ писарскимъ почеркомъ: „Дѣло о выборахъ въ Эрльбахѣ". Отенедеръ закурилъ сигару, сталъ пускать дымъ въ воздухъ и взялся за чтеніе.

Первый листъ: протоколъ выборовъ за подписью окружного ассесора. Въ протоколѣ значилось, что избранъ въ старшины Андрей Фестъ, въ помощники ему Клойберъ и т. д. Второй листъ: просьба священника Бауштетера о томъ, чтобы начальникъ округа не утвердилъ избранія Феста.

Отенедеръ сильнѣе затянулся сигарой и прочелъ нѣсколько отдѣльныхъ фразъ: „нельзя, чтобы во главѣ католической общины стоялъ такой человѣкъ", „долгъ духовнаго пастыря запрещаетъ безучастно терпѣть это". Онъ взглянулъ на помѣченное внизу число: Эрльбахъ, 19 ноября. А выборы были 18-го. Поторопился же онъ, чортъ возьми!

Третій листъ: вторичное настоятельное посланіе священника Бауштетера съ просьбой не утверждать избранія Андрея Феста. Помѣчено 21 ноября. „Я долженъ сдѣлать важное сообщеніе о томъ, что въ бумагахъ моего покойнаго предшественника я нашелъ настойчивое предупрежденіе", и т. д.

Листъ четвертый: протоколъ окружного управленія въ Нусбахѣ 24 ноября. Явился священникъ Яковъ Бауштетеръ и заявилъ, что его долгъ, какъ духовнаго пастыря... и такъ дальше. Одновременно передалъ документъ, запись умершаго священника Маврикія Хельда и попросилъ вернуть бумагу.

Листъ пятый: копія представленнаго Бауштетеромъ документа. Оригиналъ возвращенъ ему по его просьбѣ: „Эрльбахъ 16 іюля 1889 года. Сегодня приходилъ ко мнѣ вторично крестьянинъ Іоганнъ Фестъ и горько жаловался на дурное обращеніе съ нимъ его сына. Онъ показалъ мнѣ страшные слѣды побоевъ".

Отенедеръ прочелъ это обвиненіе очень внимательно и покачалъ головой.

— Очень странно, — проговорилъ онъ. — Зачѣмъ онъ это записалъ? Если въ деревнѣ знали, то записывать было не-

чего. Если никто не зналъ, то священникъ долженъ былъ радоваться, что, по крайней мѣрѣ, эта печальная исторія не получила огласки.

Листъ шестой: почтительное сообщеніе священника Якова Бауштетера о томъ, что среди населенія раздаются серьезные протесты противъ избраннаго старшины. Помѣчено 28-мъ ноября.

Листъ седьмой: настойчивыя жалобы противъ Андрея Феста, предъявленныя послѣ выборовъ нѣкоторыми эрльбахскими жителями. Они просятъ объявить выборы несостоявшимися въ виду того, что прежде не были извѣстны выяснившіяся потомъ обстоятельства. „Нижеподписавшіеся воспитаны въ католической вѣрѣ и устрашены тѣмъ, что во главѣ общины будетъ стоять открытый врагъ церкви".—Гм, вотъ оно что! Эта фраза исходитъ, очевидно, изъ дома священника.—„Нижеподписавшіеся настоятельно просятъ принять предупредительныя мѣры противъ ссоръ и дракъ въ общинѣ, ибо уже теперь Андрей Фестъ хватаетъ за горло вѣрующихъ христіанъ и пугаетъ ихъ всякими угрозами, а потомъ еще хуже станетъ. Слѣдуютъ подписи восьми человѣкъ: Гирангля, Гейтнера, и другихъ.

— Восемь человѣкъ. Не мало это; вѣрно, стоило труда Бауштетеру.

— А это еще что? Донесеніе помощника старшины Клойбера. „Въ дѣлѣ и т. д. сдѣлана была попытка примиренія. Среди переговоровъ старшина Фестъ до того вышелъ изъ себя, что схватилъ крестьянина Гирангля за горло и сталъ его душить".

— Гм... Наконецъ, что-нибудь положительное. Разъ дѣло дошло до рукопашной, то ужъ можно принять мѣры.

Отенедеръ снова подошелъ къ окну. Внизу все еще стоялъ сапожникъ Прантль. Онъ поднесъ сжатый кулакъ ко лбу и, очевидно, старался говорить какъ можно убѣдительнѣе. Окружной начальникъ сказалъ про себя: „Не мѣшаетъ натянуть повода, чтобы они почувствовали власть надъ собой. Я откажу въ утвержденіи выборовъ".

XI.

Сильвестръ Мангъ былъ тихій и скромный человѣкъ. Онъ подчинялся волѣ тѣхъ, которые имѣли право требовать отъ него послушанія, и мало думалъ о своихъ собственныхъ желаніяхъ. Онъ не задавался вопросомъ, по душѣ ли ему духовное призваніе, такъ какъ зналъ, что обязанъ изучать богословскія науки. Такъ было рѣшено съ самаго начала,

когда старая Вероника Мангъ обѣщала своему шурину, богачу Шпанингеру изъ Пазенбаха, что ея маленькій Сильвестръ посвятитъ себя духовному призванію и съ Божьей помощью сдѣлается священникомъ.

Сильвестръ часто вспоминалъ тотъ день. Мать его быстро выбѣжала изъ комнаты, чтобы сейчасъ же разсказать сосѣдкѣ о рѣшеніи, которое преисполняло ее гордостью. Потомъ она пошла съ мальчикомъ къ портному заказать два костюма, изъ нихъ одинъ черный, по особому желанію шурина, для того, чтобы сразу видно было, что мальчикъ предназначается для духовнаго званія. И какъ всѣ восхищались и удивлялись, когда черный сюртукъ былъ, наконецъ, готовъ! Онъ спускался Сильвестру ниже колѣнъ; шовъ, который долженъ былъ бы быть на плечѣ, очутился среди груди, и рукава доходили до конца пальцевъ. Ясно было, что сюртукъ слишкомъ длинный и широкій, но портной заявилъ, что такъ и должно быть, что узкіе сюртуки никакого виду не имѣютъ и не годятся для ученаго молодого господина.

Вероника Мангъ отъ души радовалась и смѣялась, глядя на своего маленькаго сына въ широкомъ сюртукѣ. Послѣ того Сильвестръ явился въ новомъ сюртукѣ къ старому священнику Маврикію Хельду засвидѣтельствовать свое почтеніе. Тотъ тоже засмѣялся при видѣ новоиспеченнаго богослова и сказалъ: — Ты уже похожъ на члена консисторіи. Только не падай духомъ—discendo crescimus—мы ростемъ, учась. Такъ что когда этотъ сюртукъ тебѣ станетъ узокъ, ты уже будешь совсѣмъ ученымъ человѣкомъ". Въ память объ этомъ посѣщеніи Маврикій Хельдъ подарилъ Сильвестру одну изъ своихъ любимыхъ книгъ: „Картины природы" Форстенрейхера, и сдѣлалъ на первой страницѣ надпись, въ которой поучалъ мальчика терпѣнію и трудолюбію и просилъ не забывать своего духовнаго учителя Маврикія Хельда.

И Сильвестръ часто думалъ о добромъ священникѣ. Черезъ нѣсколько времени Хельдъ спросилъ его, чувствуетъ ли онъ въ себѣ достаточно силы для духовнаго призванія — для того, чтобы идти безъ сожалѣній по одинокому пути. Сильвестръ съ легкимъ сердцемъ далъ утвердительный отвѣтъ. Учиться онъ любилъ, а о томъ, что будетъ послѣ школы, онъ не думалъ, развѣ только иногда мечталъ о наступленіи каникулъ, о прогулкахъ въ зеленомъ лѣсу вмѣстѣ со священникомъ Хельдомъ.

Священникъ подробно разспросилъ его, знаетъ ли онъ растенія и звѣрей и научился ли онъ чему-нибудь изъ книги Форстенрейхера. Сильвестръ съ честью выдержалъ экзаменъ. Онъ самъ очень полюбилъ книгу, въ которой все

было такъ хорошо и интересно описано. Потомъ онъ долженъ былъ дать точный отчетъ о ходѣ своихъ школьныхъ занятій, и старикъ слушалъ съ улыбкой его восторженныя рѣчи о пріобрѣтенныхъ научныхъ знаніяхъ.

— Это хорошо, parvule,—говорилъ онъ.—Хорошо, если твой пылъ и дальше не остынетъ. Потомъ вѣдь ученіе станетъ болѣе сухимъ, придется погрузиться въ догматику и гомилитику. Такъ ты тогда не забудь теперешнихъ пріятныхъ занятій. Люби книги: онѣ наши лучшіе друзья.

Сильвестръ вспоминалъ часто и съ особеннымъ удовольствіемъ одну воскресную прогулку съ Хельдомъ въ августѣ мѣсяцѣ. Они шли по полямъ по направленію къ Беблингу, глядя на спѣлую золотистую рожь. Маврикій Хельдъ снялъ шляпу и поглядѣлъ сверкающими глазами на прекрасный Божій міръ.

— Я люблю,—сказалъ онъ,—представлять себѣ Іисуса Христа именно среди полей, когда Онъ ходилъ, благословляя поля; легкое дуновеніе проносилось надъ колосьями, и они благоговѣйно склонялись передъ Сыномъ человѣческимъ, передъ заступникомъ, который благословилъ бѣдныхъ и преградилъ богатымъ входъ въ царствіе небесное. Самое великое благо, которое Онъ намъ даровалъ, это то, что Онъ благословилъ жизнь и трудъ бѣдныхъ. Люди сами этого не знаютъ—въ особенности тѣ, которые излагаютъ Его ученіе князьямъ и властителямъ міра. И ты меня сегодня не можешь понять, parvule. Когда-нибудь тебѣ станетъ ясна глубина мудрости, и ты познаешь, какъ древнее проклятіе превратилось въ благословеніе. Ѣшь свой хлѣбъ въ потѣ лица: въ этихъ словахъ заключена великая мудрость.

Сильвестръ дѣйствительно не понималъ тогда старика, но вѣрилъ, что въ томъ, что онъ говоритъ, заключается истина. Онъ всей душой любилъ стараго священника, и въ первый разъ въ жизни испыталъ большое горе, когда мать написала ему въ Фрейзингъ, что священникъ Хельдъ умеръ послѣ тяжкой болѣзни.

Это произошло черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того памятнаго воскресенья.

Когда Сильвестръ вернулся домой на Пасху, онъ прежде всего пошелъ на кладбище. Тамъ, на великолѣпной мраморной доскѣ красовалось имя Маврикія Хельда, а подъ нимъ вырѣзаны были слова: „онъ жилъ исключительно мыслями о Богѣ и находилъ утѣшеніе только въ молитвѣ“.

Этотъ пышный памятникъ поставила его состоятельная сестра. Но Сильвестру памятникъ не понравился, въ особенности не удовлетворяла его надпись. Онъ хорошо зналъ, что веселый и бодрый Хельдъ вовсе не искалъ утѣшенія

исключительно въ молитвенникѣ. Онъ часто слыхалъ отъ него хвалы земной жизни, которую только дураки считаютъ никуда негодной. Одинъ ревностный патеръ, состоявшій помощникомъ Хельда, питалъ даже сильныя сомнѣнія въ томъ, дѣйствительно ли священникъ Хельдъ часто читаетъ молитвы. Онъ, правда, бралъ молитвенникъ въ карманъ, когда шелъ въ садъ, но рѣдко вынималъ его оттуда. У Сильвестра не было непочтительныхъ сомнѣній относительно набожности его учителя, но онъ чувствовалъ, что банальныхъ похвалъ недостаточно для того, чтобы разсказать потомству о высокихъ душевныхъ качествахъ стараго священника. Слѣдовало написать на его памятникѣ, что онъ ни къ кому не питалъ вражды, во всѣхъ искалъ добра и любилъ бѣдныхъ по завѣту Христа. Вотъ что было бы вѣрно и полезно для эрльбахцевъ.

Сильвестръ, къ великому своему огорченію, замѣтилъ, что какія-то тайныя вліянія старались очернить память Маврикія Хельда уже въ первые мѣсяцы послѣ его смерти. Даже мать Сильвестра покачивала съ сомнѣніемъ головой, когда онъ восхвалялъ умершаго, и говорила, что все это прекрасно, но что неизвѣстно, былъ ли покойный ревностнымъ христіаниномъ?

Онъ вскипѣлъ и спросилъ, откуда она это взяла. Старая Вероника Мангъ съ трудомъ смогла его успокоить. Она сказала, что таково ея личное мнѣніе. Она не желаетъ говорить ничего дурнаго про добраго стараго священника, но всетаки она припоминаетъ, что когда старикъ Паулиманъ хотѣлъ дать тысячу марокъ на одну католическую миссію, то Хельдъ его отговорилъ и сказалъ, что лучше эти деньги отдать на больницу. Вотъ почему она и выразила сомнѣніе въ его благочестіи. О томъ, однако, что слухи о безбожіи Хельда шли отъ новаго священника, она не сказала. Но Сильвестръ самъ объ этомъ догадался, такъ какъ мать его говорила какъ разъ то, что онъ слышалъ отъ другихъ. Ему тяжело было впервые въ жизни увидѣть, какъ люди неблагодарны и какъ поверхностны ихъ сужденія. Онъ вернулся въ Фрейзингъ очень разстроеный. Тамъ тоже онъ чувствовалъ потерю учителя. Именно въ послѣднее полугодіе, которое онъ проводилъ въ гимназіи, ему особенно недоставало совѣтовъ его стараго друга, также какъ недоставало его одобренія послѣ выдержаннаго окончательнаго экзамена. Онъ бы съ бо́льшей радостью посвятилъ себя духовному призванію, если бы у него былъ передъ глазами примѣръ старика Хельда, если бы онъ могъ обращаться къ нему за поддержкой.

А теперь, когда онъ вернулся домой послѣ окончанія

гимназіи, все вышло совсѣмъ по иному. Онъ пошелъ въ домъ священника, и, когда онъ проходилъ мимо розовыхъ кустовъ въ саду, ему казалось, что онъ видитъ стараго сѣдаго Хельда и слышитъ его привѣтливый голосъ: „вотъ и ты, parvule,—будто бы говоритъ онъ:—вотъ ужъ на тебѣ пестрая студенческая шапочка, и сюртукъ тоже сталъ впору, и учености въ тебѣ много. Salve, confrater in litteris“.

Но дорогія уста учителя замкнулись навсегда, и глаза, улыбавшіеся съ такой добротой, потухли. Другіе глаза, холодные, съ зеленоватымъ отблескомъ, глядѣли на Сильвестра, и равнодушный суровый голосъ спросилъ:

— Такъ это вы здѣшній студентъ? Я слышалъ о васъ. Вы хотите стать священникомъ?

— Да.

— Мнѣ говорили, что мой предшественникъ оказывалъ вамъ поддержку?

— Да, я ему многимъ обязанъ.

— Онъ вамъ помогалъ и деньгами?

— Нѣтъ.

— Я спросилъ объ этомъ, потому что я, къ сожалѣнію, не смогу помогать вамъ въ этомъ смыслѣ.

— Благодарю васъ, я и не нуждаюсь.

— Вашъ родственникъ, Шпанингеръ изъ Позенбаха?..

— Да, онъ платитъ за мое ученіе.

— Ну да, конечно, вамъ не нужна помощь въ такомъ случаѣ. Я это говорю къ тому, что къ намъ часто обращаются съ просьбой о поддержкѣ. Въ Брейтенау, гдѣ я былъ священникомъ, мнѣ приходилось отъ времени до времени помогать двумъ нуждающимся студентамъ. Когда возможно, это вѣдь охотно дѣлаешь. Что-жъ, вы здѣсь остаетесь все время каникулъ?

— Да.

— Такъ мы, надѣюсь, будемъ часто видаться въ церкви? А пока всего хорошаго.

Зеленоватые глаза слѣдили за Мангомъ во время разговора. Они скользили вверхъ и внизъ по его лицу и сейчасъ же отворачивались, какъ только встрѣчались съ его глазами. Потомъ въ рукѣ Сильвестра очутились холодные влажные пальцы, и сейчасъ же выскользнули безъ пожатія.

Сильвестръ попрощался и ушелъ. У него были слезы на глазахъ, когда онъ уходилъ изъ дома, полнаго пріятныхъ воспоминаній. Онъ чувствовалъ себя одинокимъ и покинутымъ, и это чувство не оставляло его въ теченіе послѣдующихъ недѣль. Онъ разсѣянно слушалъ, когда его мать говорила ему о прекрасномъ будущемъ, о радостномъ днѣ, когда Вероника Мангъ подойдетъ подъ благословеніе своего

сына священника, о большомъ священническомъ домѣ, въ которомъ Вероника Мангъ проведетъ остатокъ дней и о счастливой смерти, которая станетъ удѣломъ Вероники Мангъ, если на то будетъ соизволеніе Господне. Онъ невольно улыбался, когда старуха загадывала на годы впередъ и рѣшала вопросъ: слѣдуетъ ли будущему священнику заниматься самому обработкой земли, или же лучше сдать ее въ аренду.

Онъ улыбался, слушая ее, но у него было не весело на душѣ.

Потомъ Сильвестръ очутился одинъ въ большомъ городѣ. Изъ его школьныхъ друзей большинство осталось въ Фрейзингенѣ, а тѣ, которые переѣхали въ Мюнхенъ, щеголяли въ разноцвѣтныхъ лентахъ своихъ корпорацій и едва здоровались, встрѣчая невзрачнаго Манга. Нѣкоторые товарищи пытались завербовать его въ одинъ изъ католическихъ союзовъ, но его не влекло ни къ кутежамъ, ни къ политиканству этихъ юнцовъ. Ни въ одну изъ семинарій онъ также не вступалъ, несмотря на желаніе матери. Старая Вероника, собственно, не имѣла понятія о воспитательныхъ преимуществахъ этихъ учрежденій, но ей нравился костюмъ семинаристовъ. Много лѣтъ тому назадъ, въ Эрльбахѣ жилъ одинъ воспитанникъ семинаріи, и когда онъ ходилъ въ развѣвающемся платьи по главной деревенской улицѣ, Вероника Мангъ смотрѣла на него изъ окна съ благоговѣніемъ и мысленно представляла себѣ, какъ ея сынъ будетъ когда-нибудь ходить въ такомъ же платьи. Но ей пришлось подавить свое желаніе, потому что Сильвестръ былъ противъ семинарской жизни и предпочиталъ жить на свободѣ. Онъ поселился въ четвертомъ этажѣ, въ квартирѣ вдовы чиновника, Корнеліи Роттенфуссеръ, и она часто удивлялась скромному образу жизни юноши, который по цѣлымъ вечерамъ сидѣлъ дома и читалъ. Въ первые дни академической свободы, онъ не могъ противостоять соблазну и накупилъ книгъ, отъ чтенія которыхъ его остерегали въ гимназіи. По словамъ учителей, произведенія невѣрующихъ поэтовъ могутъ возбудить сомнѣнія и тревогу въ юныхъ душахъ. Только въ зрѣломъ возрастѣ, обладая твердо укрѣпившейся вѣрой, можно безнаказанно ихъ читать. Имена Лессинга, Виланда, Клейста, считались опасными въ Фрейзингенѣ; Шиллеръ тоже не былъ въ большомъ почетѣ, а Гёте считался язычникомъ.

Теперь Сильвестръ погрузился въ запрещенное до того чтеніе. Душа его преисполнилась восторгомъ, къ которому примѣшивалось только одно тяжелое чувство. Почему руководители его ранней юности такъ враждебно относились къ этимъ поэтамъ? Сильвестръ не находилъ въ нихъ ничего

того, въ чемъ они ихъ упрекали, и онъ не могъ понять, зачѣмъ они ищутъ дурное въ красотѣ и какъ они находятъ его?

Къ этому присоединились другія разочарованія; онъ не относился съ чрезмѣрно придирчивой критикой къ словамъ учителей, но чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ наукой, которая подступаетъ къ вѣчнымъ тайнамъ съ сухими выводами, и затѣмъ останавливается на полъ-пути, призывая вѣру. Это было тяжкимъ испытаніемъ для его честности, которая противилась самообману.

Такимъ образомъ, у Сильвестра было много, о чемъ пораздумать, когда онъ сидѣлъ въ своей маленькой комнаткѣ. Думалъ онъ также о тяжести одиночества для молодого сердца.

Но судьба послала ему вскорѣ друга. Когда онъ нанималъ комнату, то спросилъ у хозяйки, разрѣшитъ ли она ему играть немного на скрипкѣ ежедневно. Госпожа Роттенфуссеръ сказала, что ничего противъ этого не имѣетъ, и что, вѣроятно, старый революціонеръ тоже не будетъ протестовать.

Оказалось, что такъ она называетъ старика, который нанималъ сосѣднюю комнату. Онъ когда-то участвовалъ въ революціи, и стойкость убѣжденій лишила его возможности продолжать государственную службу, на которой онъ состоялъ до того; теперь онъ ни съ кѣмъ не знается, но, по словамъ хозяйки, вовсе не сердитый, а, напротивъ того, добродушный и милый человѣкъ.

Хозяйка пошла спрашивать его, и господинъ Шратъ — такъ звали революціонера—заявилъ, что съ удовольствіемъ будетъ слушать музыку, въ особенности, если его сосѣдъ не совсѣмъ начинающій скрипачъ. Съ этихъ поръ Сильвестръ часто игралъ и въ теченіе долгаго времени ничего не слышалъ о своемъ сосѣдѣ.

Однажды зимой онъ возвращался изъ университета домой. Въ ночь передъ тѣмъ шелъ дождь, а потомъ подморозило такъ, что наступила гололедица. Вдругъ Сильвестръ увидѣлъ передъ собой стараго господина, который на каждомъ шагу скользилъ и стоялъ на мѣстѣ, не рѣшаясь сдѣлать ни шагу. Онъ протянулъ ему руку и провелъ его по опасному мѣсту. Передъ домомъ, въ которомъ жилъ Сильвестръ, старый господинъ остановился и поблагодарилъ молодого человѣка. Тогда оказалось, что онъ-то и есть революціонеръ, живущій рядомъ съ Сильвестромъ.

Первое знакомство было заключено, и, когда Сильвестръ начиналъ играть, Шратъ слушалъ изъ своей комнаты и высказывалъ свое мнѣніе, обнаруживая большое пониманіе му-

зыки. Это привело къ болѣе оживленнымъ сношеніямъ. Шрату нравились искренность и простота Сильвестра, который въ свою очередь чувствовалъ расположеніе къ старику съ такимъ веселымъ, бодрымъ лицомъ. Въ немъ жилъ какой-то несокрушимый духъ молодости, какъ во всѣхъ борцахъ бурной эпохи, создавшей новую Германію. Подъ его бѣлыми волосами еще кипѣли страсти, и за всю жизнь онъ не научился разсуждать холодно и практично.

Однажды вечеромъ Шратъ сталъ разспрашивать своего молодого друга о его родинѣ и родителяхъ. Когда оказалось, что Сильвестръ родомъ изъ Эрльбаха, Шратъ сказалъ, что бывалъ тамъ въ гостяхъ у своего друга, Маврикія Хельда. Услышавъ это имя, Сильвестръ вскочилъ со стула, горячо заявилъ, что любилъ покойнаго священника, какъ отца, и возбужденно спросилъ:

— Такъ онъ былъ вашимъ другомъ? Гдѣ вы съ нимъ познакомились?

— Это я вамъ разскажу въ другой разъ, господинъ Мангъ. Сегодня слишкомъ поздно, но, если вы завтра зайдете ко мнѣ вечеркомъ, я вамъ разскажу длинную исторію.

Въ слѣдующій вечеръ Сильвестръ пошелъ къ Шрату, комната котораго имѣла необыкновенно уютный видъ при вечернемъ освѣщеніи. Длинная стѣна у двери заставлена была книжными полками; между двумя окнами стоялъ большой письменный столъ, а надъ нимъ висѣли старыя гравюры, въ свѣтло коричневыхъ рамкахъ съ черными ободками. Между ними висѣли въ овальныхъ рамкахъ литографическіе портреты людей въ старинныхъ костюмахъ. Особенно вызывающій видъ имѣлъ портретъ человѣка, который скрестилъ руки на груди и спустилъ на лобъ шляпу съ широкими полями. На шляпѣ развѣвалось широкое перо. Подойдя ближе, Сильвестръ прочелъ надпись: „Фридрихъ Гекеръ своему другу и соратнику Гансу Шрату на память о 20 апрѣля 1848 года“.

— Гансъ Шратъ былъ мой братъ,—сказалъ старикъ.—А теперь сядьте, пожалуйста. Я попрошу мадамъ Роттенфуссеръ принести намъ чаю.

Сильвестръ сѣлъ на диванъ, надъ которымъ висѣлъ рядъ силуэтовъ; всѣ они большей частью изображали молодыхъ людей въ пестрыхъ шапочкахъ. Хозяйка зажгла спиртовую лампочку и поставила на нее чайникъ; Шратъ набилъ свою длинную трубку и, окутывая себя облаками ароматнаго дыма, началъ свой разсказъ:

— Я обѣщалъ вамъ,—сказалъ онъ,—длинный разсказъ о томъ, какъ я подружился съ ученымъ богословомъ Маврикіемъ Хельдомъ. Тогда, впрочемъ, онъ еще не готовился въ

священники. Это было въ блаженной памяти 1848 году. Хорошее это было время, чтобы тамъ о немъ ни писали! У всѣхъ были тогда горячія сердца. Теперешней разсудочности не было у тогдашнихъ людей, но я полагаю, что они были мудрѣе, чѣмъ теперешніе практики: эти не корчатъ презрительныя гримасы, а у нихъ безнаказанно отнимаютъ ту небольшую частицу свободы, которую обрѣли для нихъ ихъ отцы... Ну, да несите же чай. Онъ изъ Фукіана, какъ увѣряетъ мой пріятель Шпорнеръ.

Сильвестръ сталъ пить чай и внимательно слушать старика, который часто останавливался и выпускалъ дымъ въ промежуткахъ.

— Это было сорокъ шесть лѣтъ тому назадъ. И какъ разъ столько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я сидѣлъ со студентомъ Хельдомъ въ пивной и говорилъ о свѣтломъ будущемъ. Онъ былъ еще выше васъ, худой, коренастый, здоровый, родомъ изъ крестьянской семьи близь Тельцена. Онъ не любилъ много говорить и, кажется, внутренно смѣялся надъ друзьями, которые дѣлили между собой міръ. Конечно, происходило тогда и много не серьезнаго, какъ, напримѣръ, мюнхенская революція, устроенная съ вѣдома епископа. Свобода носилась тогда въ воздухѣ. Такой весны міръ уже съ тѣхъ поръ не видалъ. Всѣ люди чувствовали, что вмѣстѣ съ почками распустится еще нѣчто другое — и вся молодежь чего-то радостно ждала.

Про нашихъ добродушныхъ старыхъ баварцевъ говорили потомъ, что и они почувствовали крылья, когда дыханіе свободы разнеслось по свѣту. Но это очень преувеличенно, господинъ Мангъ. На самомъ дѣлѣ, если они иногда и набирались храбрости и рѣшались, напримѣръ, освистывать своего высокаго повелителя, то это дѣлалось во славу святой церкви.

Такъ вернемся же къ нашему Маврикію Хельду. Онъ слушалъ наши широковѣщательныя рѣчи и молчалъ. Онъ не страшился послѣдствій чрезмѣрныхъ увлеченій, не осуждалъ увлекающихся друзей, а только изъ скромности воздерживался самъ отъ громкихъ словъ. Когда же его чувство справедливости возмущалось противъ чего-нибудь, то онъ выказывалъ себя далеко не трусомъ.

Старикъ очистилъ трубку и снова набилъ ее.

— Такимъ доказательствомъ его храбрости было поведеніе Хельда въ одинъ памятный день въ началѣ февраля. День былъ прекрасный, теплый, только вѣтренный. Лавочники закрыли лавки и сновали по Людвигштрассе съ университетской молодежью. Бюргеры ходили по улицамъ и ждали, не случится ли чего-нибудь. И, дѣйствительно, нѣчто случилось. Изъ

зданія университета вышла корпорація алемановъ—вы знаете, что эта была лейбъ-гвардія знаменитой Лолы Монтесъ. Конечно, они были негодяи, что и говорить—уже потому, что съ молоду думали объ устройствѣ карьеры.

Но почему при видѣ этихъ незрѣлыхъ пажей, народъ пришелъ въ бѣшенство, почему почтенные старцы повынимали изъ кармановъ ключи отъ воротъ и стали свистать, это не такъ легко объяснить. Вѣдь и до того, и послѣ честные люди выносили безъ протеста видъ гораздо болѣе гнусныхъ королевскихъ холоповъ. Но тогда мнѣ казалось, что такъ и слѣдуетъ дѣйствовать. Я тоже кричалъ pereat и старался протолкаться впередъ. Нѣкій графъ Гиршбергъ, изъ корпораціи алемановъ, вынулъ шпагу, когда къ нему стали слишкомъ близко подступать. Онъ хотѣлъ изобразить собой испанца. Тогда поднялся оглушительный крикъ, и стали раздаватся слова, которыя не дышали любовью къ династіи Вительсбаховъ. Испанцы бросились бѣжать, и мы направились дальше къ королевскому саду.

Вдругъ, среди рычащей толпы появилась сама Лола Монтесъ, та, на которую была направлена вся ненависть возбужденной толпы. Женщина она была безстрашная и относилась съ такимъ презрѣніемъ къ буржуазной пошлости, что я впослѣдствіи чувствовалъ къ ней нѣкоторое уваженіе. Я стоялъ тогда не болѣе, чѣмъ въ шагахъ десяти отъ нея и видѣлъ, какъ сверкали ея глаза. Справа и слѣва отъ меня наклонились до земли честные бюргеры, но на этотъ разъ не изъ благоговѣнія, а чтобы подобрать съ земли камни и грязь. Около меня стоялъ толстый господинъ и, нагнувшись, поднялъ комъ грязи. Онъ размахнулся, чтобы вѣрнѣе попасть въ цѣль, но такъ и не успѣлъ бросить: кто-то выбилъ у него комъ изъ руки со словами:

— Бросать грязью въ женщину—какъ вамъ не стыдно!

Вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, набросилась на произнесшаго эти слова.

— Онъ тоже изъ свиты Лолы! Долой его!

Но имъ пришлось очень скоро убѣдиться, что съ крестьянскимъ сыномъ изъ Тельцена труднѣе справиться, чѣмъ съ женщиной. Маврикій Хельдъ—это былъ онъ—не пострадалъ отъ буйства толпы, такъ что драматизмъ моего разсказа не возрастетъ къ концу; но вы можете судить по этому примѣру, что вашъ другъ умѣлъ смѣло отстаивать то, что считалъ правымъ, даже противъ толпы враговъ. И это качество онъ сохранилъ навсегда.

— Вы часто съ нимъ встрѣчались послѣ того?—спросилъ Сильвестръ.

— Нѣтъ, не часто. Я нѣкоторое время былъ замѣшанъ

въ разныя дѣла, и могъ только компрометтировать своихъ друзей, видаясь съ ними. Маврикій этого не боялся, но я самъ не хотѣлъ навлекать на него преслѣдованія. И такъ у него было достаточно возни и непріятностей съ моимъ братомъ Гансомъ,—вотъ это надъ вами его портретъ—въ красной шапочкѣ. Хельдъ поставилъ на карту все свое будущее изъ-за него и чуть было не потерялъ ставки. Гансъ былъ на нѣсколько лѣтъ старше меня и жилъ въ Линдау, гдѣ только что началъ свою медицинскую практику, когда разгорѣлась революція. Изъ Линдау недалеко въ Констанцъ, и, когда Гекеръ поднялъ мятежъ въ апрѣлѣ, мой Гансъ и, поѣхалъ къ нему. Онъ участвовалъ въ битвѣ при Кандернѣ, помогъ разстрѣлять генерала Гагерна и убѣжалъ вмѣстѣ съ другими въ Швейцарію. Въ слѣдующемъ году онъ буйствовалъ въ Пфальцѣ, пока тамъ не водворили порядка прусскія войска. Братъ мой былъ заочно приговоренъ къ смертной казни—но не пугайтесь: онъ умеръ всего два года тому назадъ въ Женевѣ, зажиточнымъ человѣкомъ. Но тогда бы пруссаки разстрѣляли его. Ихъ вѣдь для этого позвали.

Но онъ не дался въ руки и прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Страсбургѣ. Вдругъ на него напало непреодолимое желаніе вернуться домой. Это была страшная глупость. Не понимаю, какъ въ то время могло тянуть въ Баварію?

Полиція выслѣдила въ Мюнхенѣ моего Ганса, но я былъ во-время предупрежденъ, и въ тотъ же вечеръ увезъ его. Въ монастырѣ Рейтбергѣ жилъ въ то время нашъ общій другъ Хельдъ въ качествѣ духовника францисканокъ. Всякій другой на его мѣстѣ призадумался бы, но Маврикій безъ малѣйшаго колебанія пріютилъ у себя бѣглецовъ и черезъ нѣсколько дней переправилъ Ганса черезъ границу. А для того, чтобы тирольцы не препятствовали Гансу свободно пропутешествовать по ихъ богобоязненной странѣ, онъ надѣлъ на него монашеское платье. И Гансъ дѣйствительно добрался цѣлъ и невредимъ до Роршаха. Всюду его встрѣчали съ почтеніемъ, благодаря его платью.

Но для его спасителя наступили непріятные дни. Полиція все узнала, и отъ Хельда потребовали объясненій. Онъ не долго изворачивался, сейчасъ же про все разсказалъ — а это было опасно въ то время. Если вы удивлялись, почему такой ученый и замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ священникъ оставался до конца своей жизни въ Эльбахѣ, то теперь вамъ понятна причина. Люди, стоящіе у власти, не забываютъ. Такъ не забудемте же и мы его, нашего друга, Маврикія Хельда. Это былъ настоящій человѣкъ. А затѣмъ, спокойной ночи, господинъ Сильвестръ.

Сильвестръ и Шратъ подружились. Одиночество не сдѣлало Шрата угрюмымъ, и не было у него также привычки старыхъ людей хвалить прошедшее и презирать настоящее. Ему пріятно было незамѣтно, безъ ученаго педантизма, влiять на молодую душу, и задача его въ данномъ случаѣ была не трудная. Сильвестръ обладалъ яснымъ умомъ и не противился развивающему влiянію своего стараго друга. Шратъ хотѣлъ исправить тѣ ложныя понятія, которыя вселило въ Сильвестра клерикальное воспитаніе. Онъ внутренно удивлялся, до чего пагубна клерикальная система воспитанія, какъ она лишаетъ умъ всякой свободы. Порвавъ съ настоящимъ, она уже не можетъ черпать живыхъ силъ изъ прошлаго, и только боязливо заботится о соблюденіи границъ, въ которыхъ духъ человѣка долженъ заглохнуть. Это особенно ясно обнаруживалась въ преподаваніи исторіи. Тутъ все дѣлалось для того, чтобы предотвратить пониманіе правды и въ будущемъ. Прививаемые ученикамъ предразсудки были такъ тѣсно переплетены между собой, что каждый изъ нихъ могъ быть искорененъ только при разрушеніи всего зданія.

И предразсудки эти такъ глубоко вкоренились, что Сильвестръ съ необыкновеннымъ упрямствомъ сопротивлялся своему другу, когда тотъ нападалъ на систему обученія исторіи въ Фрейзингенѣ. При этомъ онъ по добротѣ сердца снисходительно относился къ мнѣніямъ Шрата, приписывая рѣзкость ихъ понятному озлобленію. Въ кротости Манга была, впрочемъ, нѣкоторая доля высокомѣрія: онъ всетаки былъ зараженъ вліяніемъ людей, которые всю жизнь придерживаются установленныхъ разъ навсегда мнѣній и съ пренебрежительной улыбкой отказываются признать что-нибудь другое.

Шратъ замѣтилъ, съ какимъ самомнѣніемъ молодой богословъ оградилъ себя предразсудками и насколько чувствовалъ себя сильнымъ за этимъ укрѣпленіемъ. Это не удивляло старика; онъ понималъ, что девять лѣтъ, проведенныхъ подъ началомъ клерикальныхъ учителей, не могли не оказать вліянія на юношу. Хорошо еще, что они окончательно не задушили его отзывчивости. Шратъ поэтому не сердился, но только старался почаще выманивать Сильвестра изъ его твердыни на ровное поле, гдѣ легче было сражаться съ нимъ. Онъ доказывалъ ему, большей частью, въ шутливомъ тонѣ, что наши знанія вовсе не останавливаются тамъ, гдѣ нить ихъ обрываютъ въ Фрейзингенской духовной академіи. Онъ постепенно отучилъ его отъ самодовольства и возбудилъ въ немъ желаніе познать истину.

Сильвестръ съ каждымъ днемъ все болѣе переставалъ относиться къ старику только снисходительно и съ чисто

юношескимъ пыломъ перешелъ къ восторженному поклоненію. Онъ увидѣлъ, что Шратъ глубоко понимаетъ и любитъ людей и поэтому имѣетъ право смѣяться надъ мнимыми величинами. Онъ стоялъ твердо на высотѣ и могъ поэтому относиться добродушно и къ заблужденіямъ. Его свободный духъ оказалъ вліяніе и на Сильвестра, сглаживая односторонность его семинарскаго воспитанія.

Первые годы университетской жизни прошли очень быстро для Сильвестра. Онъ усердно посѣщалъ лекціи. Онъ еще не чувствовалъ полнаго отчужденія отъ своего призванія, но о своемъ будущемъ уже не думалъ съ радостной увѣренностью. Въ немъ укрѣплялось только чувство долга, отъ котораго нельзя было отказаться.

Вскорѣ случилось одно происшествіе, оказавшее на него сильное вліяніе. Одинъ изъ его учителей, вѣрующій католикъ, издалъ книгу, которая подверглась жестокимъ нападкамъ. Ультрамонтанская пресса осыпала его руганью, профессоръ отвѣтилъ въ очень достойномъ тонѣ, и споръ возбудилъ общій интересъ. Многіе стали на сторону профессора и хвалили его за твердость. Слушатели его были всецѣло на его сторонѣ, главнымъ образомъ, изъ личной преданности ему, изъ преклоненія передъ его славой и мужествомъ.

Но вдругъ ему было предложено высшей церковной властью отречься публично отъ своихъ убѣжденій, которыя онъ защищалъ съ такимъ успѣхомъ, и принести покаяніе.

Онъ подчинился этому требованію.

Его повиновеніе и громкія похвалы, которыя ему стали расточать прежніе противники, оттолкнули отъ него Сильвестра. Онъ потерялъ вѣру въ авторитетъ властей, которыя требовали такого шага, а также потерялъ уваженіе къ наукѣ, согласившейся подчиниться.

Какъ могъ ученый признать ложность убѣжденій, выработавшихся путемъ долгихъ, ревностныхъ исканій? А если онъ не былъ убѣжденъ въ томъ, что заблуждался, какъ могъ онъ по приказу отказаться отъ своихъ взглядовъ?

— Его убѣжденія ничего не стоили,—сказалъ Шратъ,— и нечего жалѣть объ его отреченіи, такъ же какъ и о немъ самомъ. Глупо только, что церковь въ восторгѣ отъ побѣды. Ей нѣтъ никакого основанія радоваться тому, что въ ея рядахъ нѣтъ больше настоящихъ борцовъ.

Въ этотъ періодъ духовнаго роста, самомнѣнія, а также внутреннихъ терзаній и произошло событіе, вслѣдствіе ко-

тораго будущее стало казаться ему тѣмъ болѣе мрачнымъ, чѣмъ болѣе свѣтлымъ представлялось ему настоящее.

Сильвестръ Мангъ полюбилъ всей душой красивую дѣвушку, которую встрѣтилъ у себя на родинѣ. Счастье ласково освѣтило его маленькую комнатку и манило его взоры вдаль, туда, гдѣ въ благоуханномъ саду цвѣли самые прекрасные цвѣты и зрѣли дивные плоды для человѣка, котораго обрекла на одиночество не своя, а чужая воля. Онъ теперь готовъ былъ повернуть назадъ безъ малѣйшаго раскаянія и сталъ строить воздушные замки. Ни одинъ изъ нихъ не походилъ на тѣ, которые стояли по цѣлымъ днямъ передъ глазами Вероники Мангъ и по ночамъ представлялись ей во снѣ. Въ этихъ мечтахъ вовсе не рисовалось ему жилище священника съ прекраснымъ садомъ, съ амбаромъ и конюшней на дворѣ, со сводчатыми корридорами, домашними алтарями и лампадками, съ видомъ на сельскую церковь.

Воздушные замки Сильвестра построены были всѣ въ одномъ стилѣ, расположены были въ узкихъ улицахъ, и изъ воротъ ихъ струился пріятный ароматъ свѣже-изжареннаго кофе. И, глядя на нихъ, Сильвестръ то погружался въ печаль, то снова преисполнялся радостью. Такъ грустно становилось ему, что онъ по цѣлымъ днямъ ходилъ молча, и такъ радостно, что онъ утромъ напѣвалъ, спускаясь съ лѣстницы, и къ обѣду поднимался, тоже напѣвая. А иногда онъ бралъ подъ мышку футляръ со скрипкою и проходилъ мимо хозяйки, совершенно не замѣчая ея присутствія.

— Что это съ господиномъ Мангомъ?—спрашивала вдова Шрата. — Вчера у него были заплаканные глаза, а сегодня онъ опять поетъ. Вѣдь вы его другъ, господинъ Шратъ. Неужели онъ вамъ ничего не говоритъ?

— Нѣтъ, и я думаю, что онъ и дальше будетъ таить про себя свои чувства. Страданія его я могъ бы описать вамъ стихами латинскаго поэта Горація, но вѣдь вы ихъ не поймете.

И вотъ наступилъ день, когда госпожа Софія Шпорнеръ, которая признавала только трезвую дѣйствительность, остановила постройку воздушныхъ замковъ и закрыла благоуханный садъ, такъ что мысли Сильвестра уже не могли гулять тамъ на просторѣ.

Наступилъ вечеръ, когда Сильвестръ пришелъ въ комнату своего друга и сѣлъ съ усталымъ, измученнымъ видомъ. Шратъ похлопалъ его по плечу.

— Вы хотите сегодня мнѣ кое-что разсказать, не-

правда ли? — я вамъ помогу. Ее зовутъ Трудхенъ, и она дочь почтеннаго Михаила Шпорнера; это дѣвушка съ веселыми глазами, которая въ послѣднее время стала сильно интересоваться музыкой.

— Откуда вы знаете, что...

— Не трудно было догадаться. Въ послѣднее время вы такъ увлекались пѣніемъ и были такъ разсѣянны, даже когда изрѣдка заходили ко мнѣ.

— Я вамъ вѣрно кажусь очень смѣшнымъ?

— Искреннее чувство никогда не кажется смѣшнымъ.

— Да, но смѣшно было забыть, кто я.

— Вы студентъ, и можете еще стать, чѣмъ захотите.

— Священникомъ я не буду; это рѣшено — и не только по той причинѣ, какую вы предполагаете. Я уже давно чувствую, что не смогу преодолѣть себя.

— Не довѣряйтесь настроеніямъ, Сильвестръ, и, во всякомъ случаѣ, серьезно вамъ совѣтую не бросать, сломя голову, ученія. Останьтесь, по крайней мѣрѣ, этотъ семестръ на богословскомъ факультетѣ. Не такъ просто все это,—вамъ еще придется не мало бороться.

— Этого я не боюсь.

— Во всякомъ случаѣ, не торопитесь. Прежде всего уясните себѣ, чего вы хотите. Я полагаю, что вы благоразумны и не предаетесь иллюзіямъ относительно молодой барышни, которую мы съ вами знаемъ.

— Я знаю, что все кончено.

— Предаваться отчаянію нечего, — сказалъ старикъ съ улыбкой.—Но кончено ли, или не кончено, во всякомъ случаѣ, это не должно играть роли. Нужно трезво обсудить будущее. Поэтому прежде всего мой совѣтъ: оставайтесь до конца семестра на богословскомъ факультетѣ.

— Но вѣдь мое рѣшеніе твердо.

— Вполнѣ вамъ вѣрю. И всетаки послушайтесь меня. У васъ остается четыре мѣсяца, чтобы все это обдумать, а при вашей молодости такая потеря времени не играетъ роли. И другія соображенія тоже за это. Подумайте о семьѣ Шпорнеровъ. Если вы вдругъ уйдете съ богословскаго факультета, это сейчасъ же и приведутъ въ связь съ вашими отношеніями къ семьѣ Шпорнера.

— Да, это вѣрно.

— Ну, значитъ, мы относительно главнаго согласны. Все остальное еще есть время обсудить. Нужно вѣдь рѣшить, будете ли вы искать какое-нибудь другое занятіе.

— Я еще ничего не рѣшилъ.

— Нѣтъ необходимости сейчасъ же рѣшать. Важно

только одно: не избирайте занятія, которое вамъ не по душѣ, только ради заработка. Все лучше, чѣмъ это. Лучше, напримѣръ, поступить въ контору или въ какое-нибудь торговое заведеніе, гдѣ вы сразу будете имѣть работу.

— По моему, тоже это самое лучшее.

— Но вѣдь я не говорю, чтобы вы поступили въ магазинъ наслѣдниковъ Шпорнера...

Долго они еще сидѣли и бесѣдовали въ этотъ вечеръ. Преодолѣвъ первую неловкость, Сильвестръ сталъ очень словоохотливо говорить о своихъ дѣлахъ, и старикъ охотно его слушалъ, давая ему также хорошіе совѣты на ближайшее будущее. Сильвестръ сообщилъ, что ему тяжело пользоваться средствами своего родственника въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, Шратъ отвѣтилъ, что можно пособить дѣлу. У него есть старый пріятель, вернувшійся изъ Америки: онъ говорилъ, что нуждается въ домашнемъ учителѣ для своего внука. Если это мѣсто еще свободно, то Сильвестръ можетъ его получить. Но если даже оно занято, то можно будетъ найти что-нибудь другое, такъ что унывать нечего.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ Шлиссельбургскихъ мотивовъ.

I.

Склонясь задумчиво, рукой
Песокъ я здѣсь перебираю,
И увлекаюсь я мечтой
И въ міръ иной перелетаю.
Вдали отъ стѣнъ тюрьмы глухой
Песокъ мой прежде разстилался,
На берегу рѣки большой
Онъ на просторѣ красовался.
Кругомъ стоялъ сосновый лѣсъ,
Вѣтвями темными качая,
А необъятный сводъ небесъ
Сіялъ, весь берегъ озаряя.
И день, и ночь съ рѣчной волной
Тамъ золотой песокъ шептался,
Въ полдневный зной и въ часъ ночной

Съ ней поцѣлуями мѣнялся...
Теперь же съ грустью о волнѣ
И о просторѣ онъ вздыхаетъ
И берегъ свой рисуетъ мнѣ
И въ міръ свободы увлекаетъ.
И мнится мнѣ —то берегъ Цны,
Зеленый сводъ сосны душистой,
То синій валъ морской волны
И берегъ Крыма золотистый...

II.

Библія.

Книга прекрасная! Повѣсть народная
Краткаго блеска, немногихъ побѣдъ
И безконечная лѣтопись скорбная
Горя, страданій и бѣдъ!
Въ мукахъ томленія, въ скорби паденія
Древній народъ, какъ живой, возстаетъ...
Кончено все—для него нѣтъ спасенія:
Чаша полна—и онъ гибель найдетъ!
Онъ же, разбитый, несчастный, отверженный,
Въ прахъ предъ людьми и предъ Богомъ поверженный,
Все еще вѣритъ и все еще ждетъ.
Вѣритъ съ надеждою, ждетъ съ упованіемъ,
Что за тяжелымъ и долгимъ страданіемъ
Часъ его славы и блеска придетъ!
Чудная повѣсть! Въ ней сердцемъ страдающій
Кроткій покой обрѣтетъ:
Жгучее горе въ душѣ изнывающей
Смолкнетъ, на время заснетъ...
Власть непонятная, сила волшебная
Древнимъ словамъ этой книги дана;
Въ мукѣ народной есть сила цѣлебная—
Сердце больное врачуетъ она.

В. Н. Фигнеръ.

Литературные наброски.

(М. Горькій—„Дѣти солнца". Скиталецъ—„Полевой судъ". Л. Андреевъ—„Христіане").

У автора «Дѣтей солнца» все та же война съ россійскою интеллигенціей,—война, которая еще не стала тридцати-лѣтнею, но уже давно сдѣлалась больше, чѣмъ семилѣтнею. Только въ литературной техникѣ этой войны замѣтны нѣкоторыя перемѣны. Авторъ «Дѣтей солнца» не бичуетъ, какъ бывало, а предпочитаетъ изображать «объективно» (какъ въ «Разсказѣ Филиппа Васильевича»); такимъ образомъ, оцѣнка дѣтей солнца должна быть сдѣлана на основаніи, такъ сказать, фактовъ отъ жизни.

Въ чьихъ-то воспоминаніяхъ о Бисмаркѣ разсказывается, что, по собственному признанію Бисмарка, онъ одинаково не могъ бы обойтись и безъ чувства любви къ своей женѣ, и безъ чувства ненависти къ Виндгорсту, тогдашнему вождю католическаго центра, принудившаго Бисмарка, въ концѣ концовъ, «идти въ Каноссу». Только такое реагированіе на два фронта вполнѣ устраивало желѣзнаго канцлера, обезпечивая ему необходимый разрядъ для всей душевной энергіи.

Въ свое время автору «Дѣтей солнца» въ этомъ отношеніи тоже посчастливилось: въ лицѣ русской интеллигенціи у него тоже оказался свой собственный Виндгорстъ, прочно и надолго обезпечившій за нимъ возможность душевнаго разряда по двумъ направленіямъ: въ сторону безоговорочной симпатіи къ однимъ — что «внизу» (сначала это были босяки и рабочіе; теперь, главнымъ образомъ, рабочіе) и такой же безоговорочной вражды къ тѣмъ, кто успѣлъ выбраться на «верхъ», т. е. къ такъ называемой интеллигенціи. Съ этими верхними людьми онъ воюетъ вплоть до «Дѣтей солнца» и ихъ онъ неустанно преслѣдуетъ, какъ своихъ злѣйшихъ враговъ, какъ будто въ нихъ, какъ въ «Красномъ цвѣткѣ» у Гаршина, собрались всѣ тягчайшія причины, создавшія русское «дно».

О «Дѣтяхъ солнца», когда они шли на сценѣ Драматическаго театра, одинъ изъ рецензентовъ замѣтилъ, что новая пьеса по рѣзкости отношенія къ русской интеллигенціи превзошла все

остальное, что отмѣчено именемъ М. Горькаго, — что это настоящій «плевокъ» въ лицо этой интеллигенціи. Мы думаемъ, что это не вѣрно. Какъ бы рѣзко ни былъ настроенъ въ настоящее время М. Горькій, все, что онъ пишетъ, является значительно смягченнымъ по сравненію съ тѣмъ, что онъ бросалъ въ лицо русской интеллигенціи (въ кавычкахъ) въ первыхъ своихъ разсказахъ. Пусть читатель припомнитъ хотя бы чудовищный эпитетъ «гниды», который нѣкогда былъ присвоенъ этой интеллигенціи, какъ цѣлому,—въ «Ѳомѣ Гордѣевѣ» устами фельетониста Ежова.

Вотъ цѣликомъ это своего рода стихотвореніе въ прозѣ:

— Я собралъ бы остатки моей истерзанной души и вмѣстѣ съ кровью сердца плюнулъ бы въ рожи нашей интеллигенціи, чор-ртъ ее побери! Я бъ имъ сказалъ: букашки! вы, лучшій сокъ моей страны! Фактъ вашего бытія оплаченъ кровью и слезами десятковъ поколѣній русскихъ людей, о! гниды! Какъ вы дорого стоите своей странѣ! Что же вы дѣлаете для нея? Превратили ли вы слезы прошлаго въ перлы? Что дали вы жизни? Что сдѣлали? Позволили побѣдить себя... Что дѣлаете? Позволяете издѣваться надъ собой...

Онъ въ ярости затопалъ ногами и, сцѣпивъ зубы, смотрѣлъ на Ѳому горящимъ, злымъ взглядомъ, похожимъ на освирѣпѣвшее хищное животное.

— Я сказалъ бы имъ: вы! Вы слишкомъ много разсуждаете, но вы малоумны и совершенно безсильны и—трусы всѣ вы! Ваше сердце набито моралью и добрыми намѣреніями, но оно мягко и тепло, какъ перина, духъ творчества спокойно и крѣпко спитъ въ немъ, и оно не бьется у васъ, а медленно покачивается, какъ люлька. Окунувъ перстъ въ кровь сердца моего, я бы намазалъ на ихъ лбахъ клейма моихъ упрековъ, и они, нищіе духомъ, несчастные въ своемъ самодовольствѣ, страдали бы... о, ужъ тогда они страдали бы! Бичъ мой тонокъ, и тверда рука! И я слишкомъ люблю, чтобъ жалѣть!

Усилить образность характеристики, по сравненію съ Ежовской характеристикой, можно, развѣ только прибѣгнувъ къ литературнымъ терминамъ какого-нибудь потусторонняго міра. Уже по этой причинѣ, намъ кажется, «Дѣти солнца» не въ состояніи ошеломить зрителя-читателя какой бы то ни было технической неожиданностью въ характеристикѣ. Но «Дѣти солнца» не могли быть исключительнымъ «плевкомъ» въ лицо русской интеллигенціи (читатель волей-неволей долженъ примириться съ обиліемъ стильныхъ словечекъ, когда рѣчь идетъ о М. Горькомъ и о русской интеллигенціи) по совершенно другимъ причинамъ: русская «интеллигенція»—интеллигенція въ цѣломъ — давно исчезла со страницъ, подписанныхъ авторомъ «Ѳомы Гордѣева», смѣнившись «мѣщанами» и «дачниками», *явно* изображающими только часть этой интеллигенціи. Остальное художникъ предпочиталъ не договаривать.

Намъ уже приходилось отмѣчать эту своеобразную недоговоренность въ послѣднихъ произведеніяхъ М. Горькаго. Причины ея не трудно видѣть. Когда человѣкъ, «сцѣпивъ зубы», выкрикивалъ

свои обвиненія противъ дорого стоющихъ своей странѣ букашекъ, это было цѣлостно и сильно, но, главное, очень кратко и потому неуязвимо. Эта недоговоренность и составляла главное преимущество въ положеніи Ежова. Онъ сыпалъ бранными словами, которыя — по поговоркѣ—ни въ какія ворота не лѣзутъ, а читатель долженъ былъ дорисовать въ своемъ воображеніи все остальное, что могъ Ежовъ кровью своего истерзаннаго сердца намазать на коллективномъ лбу русской интеллигенціи. И читатель, подкупленный и захваченный яростнымъ возбужденіемъ Ежова, соглашался дорисовывать все, что не досказалъ Ежовъ, не требуя отъ него никакихъ фактическихъ доказательствъ, что задержка въ превращеніи слезъ прошлаго въ перлы настоящаго на самомъ дѣлѣ произошла не иначе, какъ по винѣ боровшихся букашекъ.

Повѣрилъ, конечно, дѣтищу своей творческой фантазіи и самъ авторъ «Ѳомы Гордѣева».—«Я слишкомъ люблю, чтобы жалѣть». Относительно него это болѣе, чѣмъ справедливо, и потому, естественно, должна была оправдаться и первая половина фразы Ежова: «бичъ мой тонокъ, и рука моя тверда». Виноватые должны были въ этомъ убѣдиться самымъ ощутительнымъ образомъ. Весь талантъ, вся ѣдкая страстность рѣзко-настроеннаго человѣка были привлечены къ дѣлу обличенія и бичеванія бездѣльниковъ новѣйшей русской исторіи—alias—русской интеллигенціи въ ея цѣломъ.

Попытки бичевать, однако, кончились несомнѣнной неудачей. По той особенности художественнаго творчества М. Горькаго (видѣть лишь то, что желательно), о которой намъ приходилось упоминать въ предыдущей замѣткѣ о М. Горькомъ, и которую онъ самъ недавно такъ скульптурно увѣковѣчилъ фразой: пріятно видѣть своихъ враговъ уродами,—сатирическіе портреты не могли удаться автору «Мѣщанъ» и «Дачниковъ». Они не могли не быть слишкомъ подчеркнуты,—скажемъ точнѣе: слишкомъ грубы и не искусны. Такими они, какъ извѣстно, и были.

Но не это было самымъ угрожающимъ для художественныхъ замысловъ сатирика-драматурга... Для него самого не могло не стать, въ концѣ концовъ, яснымъ, что русская интеллигенція въ цѣломъ (а онъ хотѣлъ бы бичевать ее именно въ цѣломъ, не допуская никакихъ исключеній) неизмѣнно ускользаетъ изъ-подъ ударовъ его бича, оставляя на долю его писательскаго гнѣва только какихъ-то никчемныхъ «мѣщанъ», «дачниковъ» да еще сомнительныхъ дѣтей солнца. При всей писательской склонности автора «Тюрьмы» и «Разсказа Филиппа Васильевича» закрывать глаза и не видѣть того, что онъ не хочетъ видѣть,—всетаки не могло не стать яснымъ, что ни въ одну изъ этихъ презрительныхъ рамокъ, заготовленныхъ русской интеллигенціи враждебнымъ настроеніемъ автора, русская интеллигенція *въ цѣломъ* войти не можетъ и не войдетъ, хотя бы для этой цѣли были использованы всѣ исключительные художественные рессуры М. Горькаго. Нужна была какая-то существенная

поправка. Ее и сдѣлалъ — впервые въ категорической формѣ — авторъ «Ѳомы Гордѣева» въ своихъ фельетонахъ въ «Новой Жизни». Онъ категорически заявилъ, что терминъ «мѣщане» не предполагаетъ какой-нибудь общественной необычной категоріи въ родѣ «нашей интеллигенціи, чтобы ее чортъ побралъ» у фельетониста Ежова. Мѣщане автора «Замѣтокъ о мѣщанствѣ» — по его словамъ — тѣ самые, которыхъ 40 лѣтъ назадъ безпощадно правдиво изображалъ «огромный и яркій Помяловскій» и надъ которыми «зло и мѣтко посмѣялся Слѣпцовъ устами Рязанова». Такимъ образомъ, и у автора «Замѣтокъ» подъ мѣщанами впредь неправильно разумѣть нѣчто большее, чѣмъ группу людей, связанныхъ въ одно психологическое цѣлое безнадежнымъ мѣщанствомъ мысли и чувства.

Но читателя «Замѣтокъ» ожидало нѣчто большее. Ему пришлось читать, себѣ не вѣря, о «рыцаряхъ» русской интеллигенціи: настоящее—и на этотъ разъ не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ — стихотвореніе въ прозѣ, посвященное русской интеллигенціи въ ея недавнемъ историческомъ прошломъ. Ѣдко высмѣивая литературныхъ мѣщанъ такъ называемой эпохи великихъ реформъ, доказывавшихъ «въ стихахъ и въ прозѣ», что

Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить:
У ней особенная стать,
Въ Россію можно только вѣрить,

авторъ «Замѣтокъ о мѣщанствѣ» въ приподнятомъ тонѣ, который ему такъ удается, рѣзко противополагаетъ имъ тогдашнихъ рыцарей, которые, какъ въ легендѣ, «бились на смерть со змѣемъ»:

Ко времени вынужденнаго народомъ освобожденія его отъ крѣпостного права и кстати—отъ земли, въ нашей странѣ, какъ это извѣстно, образовался небольшой, но энергичный слой людей сильныхъ духомъ и внутренно свободныхъ. Это была смѣлая вольница „кто съ борку, кто съ сосенки“,—неудачныя дѣти духовенства, уроды изъ дворянскихъ семей, блудные сыновья чиновниковъ, только что рожденные фабрикой рабочіе— все умные, здоровые, веселые работники, бодрые, какъ люди, проснувшіеся на разсвѣтѣ яснаго майскаго дня. Полные молодой жаждой жизни, красивой и свободной—они увидѣли предъ собой жизнь, устроенную ихъ отцами, и съ презрѣніемъ, съ гордой насмѣшкой отвернулись отъ нея — тѣсной, скучной, нищенски бѣдной содержаніемъ, формами и красками, нагло и грубо построенной на непосильномъ трудѣ ограбленнаго, темнаго народа...

.... Буйная молодость дерзко и весело пѣла отходную остаткамъ крѣпостного строя и зорко присматривалась, ища свое мѣсто въ жизни.

А правительство, освободивъ народъ, тотчасъ же усердно занялось разведеніемъ чиновниковъ, ковкой звеньевъ новой цѣпи для народа. Къ разночинцамъ оно относилось подозрительно и враждебно: люди, которые не хотѣли быть чиновниками, были излишни и вредны для него. Было ясно: если интеллигентъ разночинецъ хочетъ жить, онъ долженъ встать ближе къ народу, опереться на него и увеличить свою дружину за его счетъ. Интеллигентъ понялъ это, пошелъ въ народъ сѣять среди него „разумное, доброе, вѣчное“...

Разумѣется, наше правительство не могло допустить на нивѣ народной никакихъ посѣвовъ, кромѣ тѣхъ, которые укрѣпляли бы легенду о неземномъ происхожденіи его власти. И вотъ началась безпримѣрная въ исторіи, эпическая борьба горсти смѣлыхъ людей съ чудовищемъ, которое похитило свободу и зорко, жадно стережетъ ее...

Эта битва была красива, какъ старый рыцарскій романъ, она родила много героевъ и пожрала ихъ, какъ Сатурнъ своихъ дѣтей. Герои погибли. Участь героевъ—всегда такова, и не будемъ оскорблять память героевъ сожалѣніемъ о гибели ихъ...

Это были стойкіе, крѣпкіе люди, но исторія поставила ихъ между холодной наковальней и тяжелымъ молотомъ. Много они хотѣли поднять, много сдвинули съ мѣста и надорвались въ усиліяхъ разбудить народъ,—онъ до этой поры не видѣлъ ничего добраго отъ господъ и не повѣрилъ имъ, когда они безкорыстно принесли ему ученіе о свободѣ, равенствѣ, братствѣ.

Тѣ, кому лгали столѣтія, не могли научиться вѣрить въ годы...

Со всѣмъ тѣмъ читатель, конечно, не приглашается ни къ какимъ распространительнымъ толкованіямъ. Безпристрастіе въ прошломъ и безпристрастіе въ настоящемъ, это, конечно, болѣе, чѣмъ трудно для автора «Дѣтей солнца».—Онъ готовъ примириться съ «рыцарями» въ прошломъ—подобно тому, какъ римская церковь не такъ давно примирилась съ Джіордано Бруно по поводу его 400-лѣтняго юбилея. Пересмотрѣвъ дѣло, папа Левъ XIII объявилъ его невиновнымъ и возстановилъ во всѣхъ правахъ сожженнаго на кострѣ. Но это примиреніе въ прошломъ, конечно, не означало, что Бруно былъ бы желаннымъ сыномъ римской церкви, если бы ожилъ въ моментъ своей реабилитаціи. — Нѣчто подобное имѣетъ мѣсто и относительно автора «Замѣтокъ о мѣщанствѣ».

Послѣ многократной характеристики и историческаго, и современнаго мѣщанства въ русской литературѣ и русской жизни,—для читателя ясно только, что «мѣщанинъ въ устахъ Горькаго является какой то неуловимо универсальной категоріей, отъ причастности къ которой, какъ отъ тюрьмы и сумы, никто не можетъ себя считать обезпеченнымъ: въ эту категорію вошли представители «жадной и наглой» внѣшне-культурной массы, способной торжествовать «побѣду грубой силы надъ честью и разумомъ, цинично добивая раненыхъ», но вошелъ и Тургеневъ; въ нее входятъ люди, для которыхъ «капиталъ—идолъ, сила и необоримая власть»; вошли люди, которые любятъ «имѣть удобную обстановку въ своей квартирѣ и въ душѣ», но вошли, съ другой стороны, и Л. Н. Толстой, и толстовцы, которыхъ авторъ «Замѣтокъ о мѣщанствѣ» зло высмѣиваетъ (тутъ же) за самоистязаніе; вошли люди, которые закрытіе «Отечественныхъ Записокъ», какъ вспоминаетъ авторъ, встрѣтили прибауткой:

Пѣла-пѣла пташечка да замолкла!
Отчего-жъ ты, пташечка, пріуныла?

но вошелъ отчасти и Некрасовъ, «лучшій поэтъ тѣхъ дней», ко-

торый, «часто вступая въ общій хоръ лицемѣрно кающихся, фальшиво вторилъ имъ»:

> ... Успѣли мы всѣмъ насладиться
> Что-жъ намъ дѣлать? Чего пожелать?
> Пожелаемъ тому доброй ночи,
> Кто все терпитъ во имя Христа,
> Чьи не плачутъ суровыя очи,
> Чьи не ропщутъ нѣмыя уста,
> Чьи работаютъ грубыя руки,
> Предоставивъ почтительно намъ
> Погружаться въ искусство, науки,
> Предаваться мечтамъ и страстямъ...

По этому поводу авторъ совершенно серьезно спрашиваетъ: «Неужели народу, усыпленному насильно, народу, сонъ котораго ревниво оберегали тысячи вѣрныхъ слугъ Левіафана-государства, неужели этому народу нельзя было пожелать ничего лучшаго доброй ночи? Въ тѣ дни, когда уже многіе били въ набатъ, стараясь разбудить его? Въ тѣ дни, когда герои одиноко погибали въ битвахъ за свободу?»

Въ дальнѣйшемъ, однако, оказывается, что не спасаетъ отъ зачисленія въ мѣщане и отсутствіе стиховъ съ пожеланіемъ доброй ночи. Ибо если мѣщанинъ не написалъ такихъ стихотвореній, то онъ можетъ ихъ написать и, навѣрное, напишетъ «современемъ». Этотъ интересный варіантъ характеристики мѣщанства начинается словами: «справедливость побуждаетъ указать»... Побуждаетъ же справедливость къ указанію, что если, съ одной стороны, «мѣщане,—повторяю,—во что бы то ни стало хотятъ жить въ мирѣ со всѣмъ міромъ, спокойно пользуясь плодами чужого труда и всячески стараясь сохранить то равновѣсіе души, которое они называютъ счастьемъ»,—то, съ другой стороны, «наиболѣе жизнеспособные» изъ нихъ (что значитъ: наиболѣе *жизнеспособные* въ примѣненіи къ только что обрисованнымъ мѣщанамъ?) участвовали и въ освободительномъ движеніи. Но участвовали особеннымъ образомъ, какъ «спортсмэны» и «воры на пожарѣ»: они понимали, что толкутся въ тѣсныхъ развалинахъ старой тюрьмы, выстроенной подневольнымъ трудомъ, у нихъ не было опредѣленной позиціи въ темномъ хаосѣ русской жизни, жизнь ихъ была безцвѣтна и скучна. И они пошли въ революцію охотно, но—какъ спортсмэны англичане ѣздятъ изъ Лондона на Каспій бить дикихъ утокъ. Современемъ мы увидимъ этихъ господъ среди работниковъ революціи, гдѣ они, вмѣстѣ съ госпожами Кукшиными, производятъ непріятный шумъ, вредную суету и путаницу»... Все это такъ, и не можетъ быть иначе, ибо «мѣщанинъ въ политикѣ ведетъ себя, какъ воръ на пожарѣ—укралъ перину, снесъ ее домой и вновь явился на пожаръ гасить огонь, который онъ же самъ тихонько раздувалъ изъ-за угла»...

Послѣ этой продолжительной и достаточно широкой характеристики мѣщанъ въ русской исторіи для читателя опредѣленно вырисовывается только одинъ выводъ: отъ принадлежности къ этой сомнительной категоріи дѣйствительно никто не долженъ считать себя обезпеченнымъ. Рѣшительное исключеніе авторъ фельетоновъ дѣлаетъ только для людей, живущихъ «въ красныхъ корпусахъ фабрикъ и заводовъ»,—въ которыхъ, «подъ гулкій шумъ машинъ, воспитывалась новая, могучая, истинно-жизненная сила, та сила, которой нынѣ всѣ мѣщане обязаны своимъ освобожденіемъ изъ тѣсной клѣтки государства и для которой они готовы создать другую клѣтку попрочнѣе той, гдѣ они сами сидѣли». И больше никакихъ въ поясненіе! Прежде были мѣщане, но были и не мѣщане (среди «бездѣльниковъ» Ежова). А теперь?.. Какъ ни естественъ этотъ вопросъ для публициста-художника, которому «хочется поскорѣе подойти къ поведенію мѣщанства сегодня, въ наши трагическіе дни...», но авторъ «Замѣтокъ о мѣщанствѣ» и «Тюрьмы» обходитъ этотъ вопросъ, мѣшающій ему, художнику, осложнять свою горячую вѣру въ настоящихъ предтечъ новой и счастливой Россіи жгучимъ, но совершенно неопредѣленнымъ чувствомъ вражды къ кому-то, кого онъ не въ состояніи индивидуализировать, но кто во всемъ виноватъ...

II.

Въ какой мѣрѣ нужно Горькому-художнику это чувство вражды къ испытанному старому, своему собственному Виндгорсту, любопытнымъ свидѣтельствомъ являются «Дѣти солнца».

Нѣтъ надобности напоминать, при какихъ условіяхъ они были если не задуманы, то творчески выношены и пережиты авторомъ. Это было вскорѣ послѣ 9 января 1905 года. Весь культурный міръ былъ озабоченъ судьбой знаменитаго писателя, заключеннаго въ казематѣ Петропавловской крѣпости. За тысячи верстъ и миль отъ него собирались митинги протеста, собирались петиціи и возбуждались ходатайства передъ властью, въ рукахъ которой онъ находился... Эти зарубежныя треволненія и соображенія находились въ своеобразномъ контрастѣ съ тѣмъ, что онъ переживалъ самъ, объектъ этихъ преувеличенныхъ опасеній (за границей распространились слухи даже объ угрожающемъ смертномъ приговорѣ). Какъ писатель, онъ жилъ по прежнему своей враждой къ суммарной русской интеллигенціи. Другого, болѣе злаго врага у художника не было и въ казематѣ.

> О, сколько лбовъ широкомѣдныхъ
> Готовы отъ меня принять
> Неизгладимую печать!..

Несомнѣнно, что въ творческихъ условіяхъ, сопровождавшихъ появленіе на свѣтъ «Дѣтей солнца», гораздо больше драматическаго

настроенія, чѣмъ въ самой пьесѣ М. Горькаго, не смотря на обиліе въ ней внѣшнихъ страховъ и неудачныхъ ужасовъ.

Въ противность «Мѣщанамъ» и «Дачникамъ», дѣйствующія лица въ «Дѣтяхъ солнца» не раздѣлены на два враждебныхъ стана, которые

Сшибаясь, рубятся сплеча,

имѣя, въ качествѣ моральныхъ побѣдителей, тѣхъ, къ кому душою принадлежитъ авторъ. Въ «Дѣтяхъ солнца» этого взаимнаго потопленія въ потокѣ бранныхъ (метафизически и буквально) словъ не имѣется: Чепурной только иронизируетъ и недоумѣваетъ, дѣлая исключеніе лишь для своей сестры-купчихи. Авторъ «Дѣтей солнца» почти такъ же объективенъ по отношенію къ дѣйствующимъ въ пьесѣ лицамъ, какъ Филиппъ Васильевичъ («Разсказъ Ф. В.») благожелателенъ по отношенію къ друзьямъ, фигурирующимъ въ его разсказѣ. Безпристрастіе художника доходитъ до того, что по поводу своего главнаго дѣйствующаго лица онъ оговаривается въ спеціальной ремаркѣ, что «въ немъ есть что-то дѣтское, безпомощное и *обаятельное* въ своей искренности».

О томъ, что центральное лицо въ пьесѣ принадлежитъ къ избраннымъ представителямъ интеллигенціи, зритель предупреждается съ самаго начала и при томъ съ разныхъ сторонъ. Лиза, сестра Протасова, вспоминая прошлое, говоритъ: «съ той поры, какъ я помню себя, у насъ въ домѣ всегда звучала музыка и сверкали лучшія мысли міра». Странная купчиха Меланія, сестра Чепурного, въ буквальномъ смыслѣ молится на Протасова. О своей бесѣдѣ съ нимъ она говоритъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Если-бъ вы слышали, что онъ говорилъ тамъ... какъ онъ говорилъ! Мнѣ говорилъ, одной мнѣ, Меланіи Кирпичевой, да! Первый разъ въ жизни со мной такъ говорили... о такихъ чудесахъ... со мной! Борисъ—смѣется... ну, что же Борисъ (со слезами въ голосѣ)? Я вѣдь не говорю, что поняла его мысли, развѣ я говорю это? Я — дура... Лизавета Ѳедоровна, я смѣшная? Голубушка моя... вы подумайте: живешь, живешь, такъ какъ-то, точно спишь... вдругъ—толкнетъ, откроешь глаза—утро, солнце—и ничего не видишь сразу-то, только свѣтъ! И такъ вздохнешь всей душой, такою радостью чистою вздохнешь... Точно заутреня на Пасху“...

Чепурный.

Да чего ты?

Лиза.

Выпейте чаю... сядьте! Вы такъ взволнованы...

Меланія.

Тебѣ не понять, Борисъ! Нѣтъ, спасибо... не буду чаю... я уйду. Вы меня извините, Лизавета Ѳедоровна, я вамъ нервы разстроила... Я пойду... до свиданія! Вы скажите ему,—ушла, молъ, благодаритъ, молъ... Радость вы моя, какой онъ свѣтлый, чудный какой!

Когда скептикъ Чепурной замѣчаетъ по этому поводу: «Чего она? Не понимаю»...—Лиза возражаетъ: «Я понимаю. Когда-то и на меня Павелъ дѣйствовалъ вотъ такъ же... Говоритъ, и съ моихъ глазъ, съ мозга точно пелена спадаетъ... точно ясно все, и такъ стройно, загадочно и просто, ничтожно и огромно!» И если теперь это не такъ для Лизы, то не потому, что братъ ея сдѣлался въ ея глазахъ человѣкомъ меньшаго масштаба, а только потому, что она узнала «настоящую жизнь», которая и не даетъ ей возможности слушать эти красивыя рѣчи со спокойной душой: сейчасъ она способна поддаваться обаянію рѣчей брата, только забывшись, только на нѣсколько минутъ. «Я бы хотѣла вѣровать такъ, о! я бы хотѣла!»—восклицаетъ она тоскливо, слушая его красивыя рѣчи.

Въ чемъ заключаются лучшія мысли міра, которыми живетъ Протасовъ, мы тоже знаемъ. Онъ убѣжденъ, что все зло на землѣ отъ того, что люди боятся смерти. Уничтожить смерть, значитъ освободить человѣчество. И Протасовъ горитъ, какъ выражается о немъ Чепурной, въ своей наукѣ, дышетъ своей «сверкающей» задачей: искусственно приготовить живую матерію, создать жизнь.

Даже обиженный слесарь Егоръ, который въ четвертомъ дѣйствіи будетъ застрѣльщикомъ въ нападеніи на Протасова, въ первомъ дѣйствіи открыто признаетъ исключительность Протасова, какъ личности. «Ты слушай: я тебя уважаю, говоритъ онъ Протасову,—я вѣдь вижу: ты человѣкъ особенный... это я чувствую». «А всѣ эти люди (о присутствующихъ при его бесѣдѣ съ Протасовымъ)—какъ пыль противъ тебя».

И вся бѣда Протасова и остальныхъ претендентовъ на роль дѣтей солнца, что они слишкомъ, по характеристикѣ Лизы, хотятъ жить, не замѣчая ничего грубаго и страшнаго,—слишкомъ удалились отъ слесаря Егора съ его звѣриной логикой и психологіей и отъ дворника Романа, который не прочь заподозрить Протасова не то въ чернокнижничествѣ, не то въ дѣланіи фальшивыхъ бумажекъ. «Вы всѣ—слѣпые,—тревожно и болѣзненно (по ремаркѣ автора) упрекаетъ ихъ Лиза.... «Васъ мало, вы незамѣтны на землѣ... На землѣ замѣтны милліоны, а не сотни... и среди милліоновъ растетъ ненависть. Вы, опьяненные красивыми словами и мыслями, не видите этого»...

Протасовъ.

Ну, ты подумай, кому, за что ненавидѣть меня? Или его? — (художника Вагина).

Лиза.

Кому? Всѣмъ людямъ, отъ которыхъ вы ушли такъ далеко...

Вагинъ (раздраженно).

Чортъ ихъ побери! Не идти же назадъ ради нихъ!

Лиза.

За что? За отчужденіе отъ нихъ, за невниманіе къ ихъ тяжелой, нечеловѣческой жизни! За то, что вы сыты и хорошо одѣты... Ненависть — слѣпа, но вы ярки, васъ она увидитъ!

Вагинъ.

Вамъ идетъ роль Кассандры.

Протасовъ (возбуждаясь).

Подожди, Дмитрій! Ты не права! Мы дѣлаемъ большое и важное дѣло: онъ обогащаетъ жизнь красотой, я—изслѣдую ея тайны... И люди, о которыхъ ты говоришь, современемъ поймутъ и оцѣнятъ нашу работу...

«Нельзя спокойно жить, когда люди не понимаютъ твоей души» (слова Лизы), — съ этимъ предупреждающимъ крикомъ объ опасности и обращается авторъ ко всѣмъ, кто думаетъ съ большимъ или меньшимъ правомъ, что онъ дѣлаетъ большое и важное дѣло, обогащая жизнь красотой или изслѣдуя ея тайны. «Однажды ихъ злоба обрушится на васъ», пророчитъ онъ устами Лизы и изъ каземата Петропавловской крѣпости рисуетъ въ четвертомъ дѣйствіи одинъ изъ сотни поводовъ, которые могутъ привести въ движеніе накопившійся у ожесточенныхъ кротовъ запасъ злобы противъ орловъ, какъ образно выражается Лиза (въ своемъ стихотвореніи):

Орелъ поднимается въ небо,
Сверкая могучимъ крыломъ...
И мнѣ бы хотѣлось, и мнѣ бы
Туда, въ небеса, за орломъ!
    Хочу! Но безплодны усилья!
    Я—дочь этой грустной земли,
    И долго души моей крылья
    Влачились въ грязи и пыли...
Люблю ваши дерзкіе споры
И яркія ваши мечты,
Но знаю я темныя норы,
Живутъ въ нихъ слѣпые кроты.
    Красивыя мысли имъ чужды,
    И солнцу душа ихъ не рада,
    Гнетутъ ихъ тяжелыя нужды,
    Любви и вниманья имъ надо!
Они между мною и вами
Стоятъ молчаливой стѣною...
Скажите—какими словами
Могу я увлечь ихъ за мною?

Какъ извѣстно, дѣйствительность несравнимо опередила воображеніе автора «Дѣтей солнца» и не далѣе, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, инсценировала въ жизни гораздо болѣе сложныя и трагическія столкновенія между «кротами» и какъ разъ тѣми, кто совсѣмъ не претендовалъ, подобно Протасову, на орлиное пареніе надъ лишенною красоты жизнью. Но это уже деталь и при томъ еще съ уклоненіемъ въ сторону отъ нашей непосредственной задачи.

Дѣло въ томъ, что, пока передъ зрителемъ-читателемъ развертываются два первыхъ дѣйствія, на сценѣ назрѣваетъ что-то крупное: тревожное предчувствіе чего-то со стороны Лизы, пессимистическія и остроумныя реплики Чепурного, восторженныя рѣчи главнаго «сына солнца» Протасова,—все это на человѣческомъ фонѣ, составленномъ изъ слесаря Егора, домохозяина Назара Авдѣича, его сына Миши, дворника Романа, образованной горничной Фимы и еще нетронутой городомъ Луши — заражаетъ предчувствіемъ какой-то трагедіи, которая вотъ-вотъ наступитъ и разразится надъ Архимедомъ-Протасовымъ, поглощеннымъ своими «гордыми, огненными мыслями». Но въ третьемъ дѣйствіи вы уже знаете, что ничего этого не будетъ, ибо никакихъ Архимедовъ и никакихъ дѣтей солнца съ огненными мыслями въ пьесѣ не имѣется, да и быть не можетъ. Имѣется же то, что можетъ быть: совсѣмъ не умный Протасовъ и смѣшные люди, которые почему-то на него молятся. Совершенно такъ же, какъ въ «Разсказѣ Филиппа Васильевича», М. Горькій не смогъ достаточно искусно притвориться благодушнымъ Филиппомъ Васильевичемъ, благодушно разсказывающимъ о гнусностяхъ, совершаемыхъ его близкими друзьями, — въ «Дѣтяхъ солнца» онъ также точно не въ состояніи сыграть, съ длительнымъ успѣхомъ, роль объективнаго драматурга, который не вмѣшивается въ то, что происходитъ на сценѣ, и предоставляетъ дѣйствующимъ лицамъ говорить за себя все, что они могутъ и должны о себѣ сказать зрителю, безъ всякаго явнаго авторскаго вмѣшательства.

«Милая твоя голова много думаетъ о великомъ, но мало о лучшемъ изъ великаго—о людяхъ»,—ласково упрекаетъ Протасова его жена. «Онъ со всѣми, кто не умѣетъ говорить о протоплазмѣ, говоритъ, какъ съ дѣтьми», характеризуетъ Протасова Чепурной. Въ этихъ двухъ деталяхъ весь Протасовъ: солнечныя мысли въ головѣ о протоплазмѣ и сверхъ этого совершеннѣйшій нуль. Именно «совершеннѣйшій», а не просто—нуль. У него есть сестра, являющаяся моральнымъ антиподомъ самого Протасова. Пережитый ею, въ качествѣ свидѣтельницы, одинъ изъ россійскихъ погромовъ, оставилъ на ней неизгладимый слѣдъ въ формѣ душевной болѣзни. Лиза нисколько не сомнѣвается, что ее вновь ожидаетъ психіатрическая больница. Когда она упоминаетъ въ разговорѣ о томъ, какъ она попала въ больницу, Чепурной прерываетъ ее словами: «Вамъ бы не вспоминать объ этомъ... Что-жъ больница? Была, и нѣтъ ея...», но Лиза отвѣчаетъ на это однимъ короткимъ словомъ: «будетъ». Сомнительное здоровье Лизы усиленно подчеркивается въ пьесѣ. Ее то и дѣло спрашиваютъ, приняла ли она лѣкарство, выпила ли свое молоко... Очевидно, что не нужно быть «орломъ» въ области мысли, чтобы понимать необходимость чрезвычайной осторожности въ отношеніяхъ къ такому человѣку, какъ Лиза. Само собою разумѣется, что она сама о своей болѣзни можетъ не

забывать и помнить всякую минуту, но никто изъ окружающихъ ея о ней не напомнитъ и, наоборотъ, поскольку это въ ихъ силахъ, постарается заставить не думать обо всемъ, что можетъ сдѣлать положеніе больной обостреннымъ. Все это ясно и все это составляетъ обыденныя правила поведенія въ самой обыденной жизни. Но въ пьесѣ это дѣлаетъ одинъ только ветеринаръ Чепурной. «Со мной всѣ такъ говорятъ... всѣ стараются напомнить мнѣ, что я больна»,—жалуется Лиза, и, конечно, образцомъ непониманія въ этомъ отношеніи является самъ сынъ солнца Протасовъ. Онъ то выражаетъ удовольствіе, что у Лизы «глаза ясные... спокойные»... и «это пріятно видѣть»; то увѣряетъ, что весь ея жизненный пессимизмъ происходитъ отъ того, что «собирается гроза, стало душно» и ея нездоровые нервы реагируютъ на это приближеніе грозы; то спрашиваетъ, вмѣсто «здравствуй»,—«какъ здоровье, Лиза?» и получивъ отвѣтъ: «хорошо», начинаетъ распѣвать, углубленный въ свою работу: «Это чудесно. Это чудесно, это чудесно»... Дважды на протяженіи пьесы онъ доводитъ сестру до того, что она *проситъ* его не напоминать ей объ ея болѣзни. Въ первый разъ она ограничивается просительной «умоляющей» фразой: «Не говори мнѣ о моей болѣзни...», а во второй разъ она умоляетъ объ этомъ «пугливо» (по ремаркѣ М. Горькаго) въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Не говори мнѣ о болѣзни! Не говори... Дайте мнѣ забыть ее... Мнѣ это нужно, необходимо... Довольно... Я тоже хочу жить... Я имѣю право жить!»

Вотъ въ одной изъ характерныхъ подробностей образъ Протасова, который долженъ былъ производить, по предположенію, «дѣтское, безпомощное и обаятельное въ своей искренности» впечатлѣніе... Впрочемъ, все только что отмѣченное въ отношеніи Протасова къ сестрѣ составляетъ блѣдно написанныя мелочи сравнительно съ послѣдней сценой въ «Дѣтяхъ солнца», когда Протасовъ не замѣчаетъ, что Лиза уже находится въ состояніи умопомѣшательства. Онъ, въ изображеніи М. Горькаго, слушаетъ новое стихотвореніе сестры, которое она декламируетъ со странными добавленіями и восклицаетъ: «Какъ это хорошо, Лена! Дмитрій, ты понялъ? Какъ это хорошо!»—пока Дмитрій (Вагинъ) не отвѣчаетъ ему «жестко», по ремаркѣ автора: «А ты понялъ, что она сошла съ ума?» Но орелъ въ области мышленія не вѣритъ (тоже по ремаркѣ М. Горькаго) и обращается за подтвержденіемъ къ женѣ. «Развѣ, Лена?»—спрашиваетъ онъ «обаятельно-искренно».

Третье дѣйствіе рисуетъ Протасова съ другой стороны: уже не въ качествѣ жестокаго, а въ качествѣ невѣроятно смѣшного орла и сына солнца.

Странная купчиха Меланія, какъ уже было отмѣчено, относится къ Протасову съ полу-религіознымъ обожаніемъ. То, что его нельзя ничѣмъ купить, ей, продавшейся когда-то старику-купцу въ жены, кажется чѣмъ-то поражающимъ и граничащимъ съ душевной свя-

тостью. Но Протасовъ, слушая восторженныя слова купеческой вдовы, вмѣсто «формулъ» говорящей «формуловъ», относитъ ея восторги не къ чему иному, какъ къ увлеченію... химіей и біологіей. И онъ совершенно серьезно снабжаетъ ее трактатами по этимъ предметамъ, съ такого рода наставленіями: «...Теперь я дамъ для васъ—физіологію растеній... Но прежде всего и внимательнѣе всего изучайте химію, химію! Это изумительная наука, знаете! Она ёще мало развита, сравнительно съ другими»... и т. д.

О томъ, что для Меланіи важны не химія и біологія, а онъ самъ, химикъ и біологъ, Протасовъ не догадывается даже тогда, когда Меланія однажды, въ порывѣ восторга, цѣлуетъ ему руку. Онъ продолжаетъ недоумѣвать даже и тогда, когда Меланія бросается передъ нимъ на колѣни, обнимая его ноги и прося «спасти» ее—полюбить ее, хотя бы въ такой мѣрѣ, какъ любятъ собакъ. Начинается форменный водевиль между переведеннымъ съ нѣмецкаго языка гелертеромъ и сочиненною русской купчихой.

Меланія (встаетъ на колѣни).

Святой человѣкъ, спаси рабу!

Протасовъ (изумленно).

Какъ вы сказали? Встаньте... Зачѣмъ вы?

Меланія (обнимаетъ его ноги).

Утопаю въ грязи... въ подлости своей утопаю; подай руку! Кто лучше тебя на землѣ?

Протасовъ (испуганъ).

Позвольте... такъ—я упаду *). И—не цѣлуйте *брюки...* что вы?

Меланія.

Сдѣлала я поступокъ, изгадила себѣ душу, — очисти. Кто кромѣ тебя это можетъ?

Протасовъ (стараясь понять).

Вы—сядьте... т. е. встаньте! Теперь—сядьте, да! Что вы хотите?..

Меланія.

Возьми меня къ себѣ! Позволь около жить, только бы видѣть тебя каждый день... слышать тебя... Я—богата, все возьми! Выстрой себѣ кабинетъ для науки твоей... башню выстрой! Взойди на высоту и живи... а я внизу, у двери, день и ночь буду стоять, и никого къ тебѣ не пущу... Всѣ мои дома, земли—все продай... и все возьми себѣ!

Протасовъ (улыбаясь).

Позвольте... *это, однако, идея!* Чортъ побери! *Какую можно устроить лабораторію!..*

Меланія (рада).

Да, да! И возьми меня, чтобы я всегда видѣла тебя... Не говори со мной, не надо! Только посмотри на меня иногда... только улыбнись мнѣ! Была бы у тебя собака... вѣдь ты улыбался бы ей... ласкалъ бы ее иногда?.. такъ вотъ я буду вмѣсто собаки!

Протасовъ (озабоченъ).

Подождите... зачѣмъ же такъ? Это странно... не нужно! Я, знаете, сильно пораженъ... *развѣ я могъ ожидать, что васъ такъ увлечетъ наука?..*

Меланія (не слушая).

Вѣдь я глупая, я—тупая, какъ бревно! Книжки твои—не понимаю я... Ты думаешь, читала я ихъ?

---

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

Протасовъ (теряется).

Нѣтъ? Но что же тогда?..

Меланія.

Милый! Цѣловала я книжки... Взгляну въ нее, а тамъ такія слова— никто, кромѣ тебя, и понять ихъ не можетъ... И цѣлую...

Протасовъ (смущенъ).

Вотъ отчего пятна на переплетахъ... Но зачѣмъ же цѣловать книги? *Это уже какой-то фетишизмъ...*

Меланія.

Пойми, люблю тебя! Такъ хорошо около тебя, чисто, ясно! Божій человѣкъ, люблю тебя...

Протасовъ (негромко, пораженный).

Позвольте... т. е., какъ это?

Меланія.

Какъ собака! Не могу я говорить,—молчать могу... и много лѣтъ молчала, а у меня съ души кожу сдирали...

Протасовъ

(у него возникаетъ надежда, что онъ ошибся *).

Вы... извините меня!—Я не могу поймать вашу основную мысль... Можетъ быть, вамъ... болѣе удобно поговорить объ этомъ съ Леной?..

Какъ это ни трудно допустить, но Протасовъ все еще не понимаетъ, что заставляетъ Меланію цѣловать его брюки. Только когда она произноситъ фразу: «А какъ буду я съ тобой... какъ будешь ты моимъ», онъ почти догадывается:

Протасовъ (немного раздраженъ).

Что-о? Какъ это—моимъ? (Смотритъ на нее и почти со страхомъ) Меланія Николаевна... нужно объясниться! Вы извините меня... *я ставлю вопросъ прямо... Вы можетъ быть влюбились въ меня?*

Меланія подтверждаетъ, что, дѣйствительно, «можетъ быть», на что Протасовъ, нервно бѣгая по комнатѣ, бормочетъ въ отвѣтъ: «Я, конечно... очень благодаренъ... очень тронутъ... Но, къ сожалѣнію... вѣдь я женатъ...»

Разсказавъ вслѣдъ за тѣмъ весь инцидентъ своей женѣ, Протасовъ совершенно успокаивается.

Но судьба посылаетъ ему еще одинъ случай обрисовать себя.— Происходитъ холерный бунтъ. Какой-то докторъ, преслѣдуемый озвѣрѣлой толпой, забѣгаетъ въ домъ къ Протасову и приводитъ за собой толпу. Толпа и бьетъ Протасова взамѣнъ доктора, оправдывая всѣ тревожныя предвидѣнія Лизы. Нужно, однако, сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Въ это утро Протасовъ по разсѣянности ходилъ въ калошахъ и снялъ ихъ, когда на это обстоятельство обратила вниманіе его жена. Было это какъ-разъ передъ погромомъ.—Объ этомъ онъ съ сожалѣніемъ и вспоминаетъ, когда приходитъ въ себя отъ нанесенныхъ ему побоевъ.

---

*) Читатель, вѣроятно, замѣтилъ, что во всей сценѣ нѣтъ ни одной реплики Протасова, которая не сопровождалась бы особою авторскою ремаркой. Авторъ, повидимому, все еще опасался, что его сынъ солнца не достаточно умѣетъ говорить то, что нужно автору.

Протасовъ:

Я очень успѣшно защищался, — жалко, что ты не видала этого! И, знаешь, Лена, напрасно я давеча снялъ калоши... я бы ихъ калошами!

Вагинъ (съ улыбкой Еленѣ).

Вы видите, онъ совершенно здоровъ..

Протасовъ (горячится).

Калошами, по глупымъ рожамъ...

Въ утѣшеніе Протасову остается только то обстоятельство, что онъ не болѣе карикатуренъ и несуразенъ, чѣмъ остальныя дѣйствующія лица въ пьесѣ: Лиза, напоминающая дерево, которое скрипитъ,—больная среди здоровыхъ, но единственная представительница здоровыхъ мыслей о существенномъ въ человѣческихъ отношеніяхъ; фанатикъ охры и киновари—Вагинъ, какъ его именуетъ Чепурной,—зарисовывающій этюды даже въ моментъ полученія извѣстія о самоубійствѣ человѣка, близкаго тѣмъ людямъ, среди которыхъ онъ находится *); кротъ-слесарь Егоръ; звѣроподобный идіотъ дворникъ, который «съ удовольствіемъ», по ремаркѣ автора, констатируетъ, что кто-то заплакалъ («Гляди, барыня-то заплакала. Чего она?»), при случаѣ «молча, сосредоточенно, безъ раздраженія» бьетъ по головамъ людей, заканчивая все это черезъ нѣсколько минутъ—когда избитые имъ всѣ ожили, как въ народномъ театрѣ маріонетокъ — угощеніемъ побитыхъ водкой... Интереснѣе другихъ ветеринаръ Чепурной. Его душевный кризисъ остается мало ощутимымъ вплоть до символической поѣздки въ Могилевскую губернію. Но онъ всетаки достаточно простъ, естественъ, по порученію автора разсказываетъ очень остроумные каламбуры и парадоксы, среди которыхъ нѣтъ ни сомнительныхъ вещей, разсказываемыхъ орломъ Протасовымъ на ухо своей женѣ, ни юмористическихъ экскурсій Назара Авдѣева въ область ассенизаціи, донынѣ—до «Дѣтей солнца»—не использованную въ области художественнаго слова.

Въ цѣломъ впечатлѣніе отъ длинной карикатуры въ четырехъ дѣйствіяхъ, и при томъ карикатуры далеко не изъ интересныхъ и тонкихъ.

Герои «Дѣтей солнца» и «Разсказа Филиппа Васильевича» съ полнымъ правомъ и въ общихъ интересахъ—какъ самого художника, такъ и художественной литературы—могли бы сказать своему изобразителю: «бей, но не изображай! пользуйся хотя бы всѣмъ лексикономъ Ежова, но не изображай—ни въ качествѣ доброжелательнаго Филиппа Васильевича, ни въ качествѣ «объективнаго» драматурга. Ибо послѣднее, въ литературномъ отношеніи, горше перваго».

---

*) Когда Меланія спрашиваетъ его: „Какъ это вы можете?"—Вагинъ отвѣчаетъ вопросомъ: „А вы дышите? Не дышать—не умѣете?" Такимъ образомъ, воздержаться въ теченіе получаса отъ зарисовыванія этюдовъ все равно, что полчаса не дышать.

III.

«Полевой судъ» появился въ печати почти одновременно съ шуточной характеристикой творчества г. Скитальца въ слѣдующей «дружеской пародіи» г. Куприна:

Я колоколъ! Я пламя! Я таранъ!
Безбреженъ я и грозенъ, точно море!
Я твердый дубъ! Я мѣдный истуканъ!
Я барабанъ въ литературномъ хорѣ!
Я вихрь и градъ! Я молнія и страхъ!
Дрожите же, наперстники тирановъ!
Я утоплю васъ всѣхъ въ моихъ стихахъ,
Какъ въ лужѣ горсть презрѣнныхъ таракановъ!

Эта «дружеская пародія», въ общемъ вѣрно передающая общій тонъ поэзіи г. Скитальца, нисколько не характерна для «Полевого суда». Здѣсь характерно какъ разъ обратное; здѣсь нѣтъ никакихъ гремящихъ и грозящихъ мотивовъ: читателю приходится—почти не читать, а слышать поэтичную до музыкальности элегію о загнанной правдѣ, о давней и пока безъисцѣльной тоскѣ русскаго народа. «Много снится людямъ сновъ золотыхъ, много райскихъ видѣній проплываетъ надъ спящей душой человѣка, но крестьянскій сонъ всегда одинъ: крестьянину снится земля. Въ его душѣ вѣчно живутъ черныя думы о сѣрой землѣ».

Для «сѣраго, нищенски убогаго» села Селитьбы, о которомъ разсказываетъ авторъ «Полевого суда», золотые сны на время перестали быть черными думами: неожиданно для видѣвшихъ золотые сны нашлась подлинная, давно утерянная, жалованная грамота самого царя Алексѣя Михайловича, незыблемо утверждавшая «на вѣки вѣчные» права на окружающую чужую землю не за кѣмъ инымъ, какъ за потомками тогдашнихъ жалованныхъ людей, теперешнихъ мечтателей о «своей» землѣ и хозяйской, а не батрацкой долѣ. Но кончилось все тѣмъ, что на спокойномъ языкѣ оффиціальныхъ документовъ называется усмиреніемъ крестьянскихъ безпорядковъ.—Это и составляетъ тему разсказа г. Скитальца.

Авторъ не бытописатель и не объективный, по мѣрѣ силъ, изобразитель того, что произошло. Въ его передачѣ самого событія со всѣми его свирѣпыми подробностями нѣтъ: передъ вами только самъ художникъ, случайно оказавшійся около мѣстной мужицкой Голгофы и вновь переживішій все то, что было совсѣмъ недавно и что уже давно позабыто, за многочисленностью аналогичныхъ эпизодовъ изъ хроники русскаго суда... Только въ творческомъ воспоминаніи, не свободномъ отъ горечи сознанія:

И погромче насъ были витіи
Да не сдѣлали пользы перомъ...

только въ этой субъективной формѣ и проходитъ передъ читателемъ то, что было чуть не на дняхъ и что уже не могло не быть давно забыто, въ своихъ индивидуальныхъ подробностяхъ и исключительныхъ особенностяхъ.

... «Мѣста здѣсь все заповѣдныя,—лѣса дремучіе, и стоятъ заросшія лѣсомъ горы все такими же дикими, какъ и сотни лѣтъ назадъ»... «высоко въ небѣ громоздятся скалистыя верхушки горъ, похожія на зубчатые хребты сказочныхъ чудовищъ или развалины замковъ, а старыя сосны, качаясь отъ вѣтра, гулко поютъ буйныя пѣсни или угрюмо шепчутъ другъ другу жуткія разбойничьи сказки»... «И такъ хорошъ, такъ цѣломудренно хорошъ этотъ благодатный край, столько въ немъ глубокаго покоя, привѣтливой ласки и нѣжной грусти, такою дышетъ онъ думой и силой, ширью и волей, что хочется позавидовать людямъ, живущимъ здѣсь, что невѣроятнымъ и невозможнымъ кажется въ краю этомъ горе людское».

Ничто не измѣнилось для Селитьбы и когда пало крѣпостное право. «Мужики пошли на малый надѣлъ и оказались безъ клочка земли, окруженные владѣніями графа».

«И превратились они въ «рабочія руки» графскихъ имѣній, обрабатывая барскую землю послѣ воли такъ же, какъ и до воли».

«Воля» какъ будто прошла мимо Селитьбы, не коснувшись ея... Только съ новой силой стала оживать полу-сказка о пропавшей царской грамотѣ, которая на вѣки вѣчные могла бы установить истинныхъ земельныхъ хозяевъ въ этомъ «благодатномъ краю». И какъ въ сказкахъ-же, нашлась эта пропавшая грамота, носившая «тяжелую именную царскую печать» и «собственною «высокою» рукою подписанное давно ушедшее въ глубину вѣковъ царское имя».—Сонъ сбывался на яву. Голодные и холодные люди стали добиваться возстановленія самой несомнѣнной, самой подлинной, въ глазахъ ихъ, правды. Двадцать лѣтъ тянулись эти хлопоты. И никто не могъ ихъ убѣдить, что безсильна что-либо измѣнить ихъ жалованная грамота.

Больше 400 лѣтъ насчитываетъ на своемъ вѣку Селитьба,— «сѣрое, печальное, нищенски-бѣдное село... среди роскошно-величавой природы». Еще при Грозномъ пришли сюда новгородскіе ушкуйники, прогнали отсюда какое-то басурманское племя и стали границей царства Московскаго. Подвиги воинственной Селитьбы оцѣнилъ царь Алексѣй Михайловичъ и всю прилегающую къ Селитьбѣ долину даровалъ имъ въ вѣчное владѣніе. «И долго жили они среди непроходимыхъ дебрей, скрытые отъ чужой жизни горами и лѣсомъ, и долго никто не зналъ о нихъ». Но крѣпостное право отыскало ихъ и ввело въ колею. А при Екатеринѣ жалованные царской грамотой люди «вмѣстѣ съ землей, съ тѣломъ и душой» стали простой собственностью, въ свою очередь пожалованной въ «майоратное» вѣчное владѣніе блестящему, великолѣпному графу

и всему его потомству. «Царская грамота» стала не нужной, ее забыли, потеряли. Осталась только глухая, не истребимая, не забываемая легенда о ней»... которую они нашли и которую такъ цѣнили.

«Жила въ нихъ тоска по старой, вѣчной, огромной божеской правдѣ, но не находили они словъ и образовъ, чтобы выразить эту тоску».—Но вѣдь между божеской правдой и правдой по закону не можетъ быть никакой непереходимой грани. Въ этой «неправомѣрной» увѣренности потомки бывшихъ вольныхъ и жалованныхъ людей Селитьбы рѣшились на героическое средство. Они рѣшили судиться, какъ судились ихъ прадѣды. Они рѣшили сдѣлать неправду явной, рѣшили созвать окольныхъ людей на «полевой судъ» и въ присутствіи ихъ предложить графскому управляющему оспорить ихъ право на землю такими же безспорными документами, какими они сами владѣютъ. «И тогда—какъ рѣшатъ окольные люди, такъ и будетъ: коли присудятъ землю графу—покориться и разойтись, а присудятъ мужикамъ—то запахать ее тутъ же, торжественно, всѣмъ селомъ: пусть тогда графъ судится и самъ доказываетъ свое право».

Окольные люди рѣшили дѣло въ пользу Селитьбы:

— Ваша!—въ одинъ голосъ грянули окольные люди».

— А коли на-ша-а,—торжествующе продолжалъ Башаевъ (одинъ изъ выборныхъ), все повышая и повышая свой звонкій голосъ и возбужденіемъ своимъ заражая толпу:—коли она, матушка, на-ша, то какъ же повелите вы сдѣлать намъ, господа окольные люди? Па-ахать?

— Пашите!—загрохотало поле.

И четыреста пахарей уже приступили къ дѣлу».

«Гигантскими буквами начертали они на родимой землѣ свою правду, свой крикъ о справедливости. И казалось имъ, что этотъ крикъ пронесется могучимъ набатомъ и разбудитъ всю Россію».

Развязка исторіи не заставила себя ждать...

Пріѣхалъ губернаторъ. Пріѣхалъ и велѣлъ схватить зачинщиковъ...

„Тутъ же, на захваченной землѣ, положили ихъ.
Молча и покорно легли они на родную землю...“

. . . .

А потомъ былъ еще судъ. Люди, которыхъ судили, 20 лѣтъ добивались суда. И въ залѣ судебнаго засѣданія они ожидали этого желаннаго для нихъ суда. «Казалось, что не ихъ судятъ, а они пришли судить».

Но ихъ судили за нарушеніе другой невѣдомой имъ правды, и они вернулись назадъ въ тюрьму. Они шли, понуривъ головы, ни на кого не глядя, и было что то недоумѣвающее въ ихъ согбенныхъ спинахъ и тяжелыхъ движеніяхъ. Казалось, что они все еще не вѣрятъ въ подлинность произведеннаго надъ ними суда и уно-

сятъ въ своей разочарованной душѣ неистребимыя древнія сказки и фантазіи и какую-то не обнаруженную тайну о поискахъ божеской правды. И казалось, что, опять не найдя ея, они теперь снова идутъ на самыя дальніе, самые тяжелые поиски...

Такъ кончилась пережитая въ памяти художника, 20 лѣтъ тянувшаяся, «безконечная, старая, обыкновенная, всѣмъ надоѣвшая исторія мужицкой темноты, глупости и упрямства».

Останавливаясь на чисто литературной сторонѣ «Полевого суда», приходится особенно подчеркнуть ту гармонію между содержаніемъ и художественной внѣшностью, которую художнику удалось выдержать на протяженіи всего произведенія (только 3—4 строки о земскомъ начальникѣ во время «усмиренія» принадлежатъ изобразителю событія въ подлинныхъ чертахъ, а не человѣку, который субъективно переживаетъ то, что было—и, конечно, только въ самыхъ существенныхъ, самыхъ важныхъ подробностяхъ того, что нельзя было забыть). Художественная красота и искренность одновременно чувствуются и въ краскахъ разсказа, и въ горечи сказки о людяхъ, которые безропотно гибнутъ въ своихъ поискахъ «божеской правды» и все вѣрятъ, что ихъ «крикъ о справедливости пронесется могучимъ набатомъ и разбудитъ Россію».

IV.

«За окнами падалъ мокрый, ноябрьскій снѣгъ; а въ зданіи суда было тепло, оживленно и весело для тѣхъ, кто привыкъ ежедневно, по службѣ, посѣщать этотъ большой домъ, встрѣчать знакомыя лица, раскрывать все ту же чернильницу и макать въ нее все то же перо». Для тѣхъ, кто привыкъ здѣсь бывать, «весело, тепло и уютно».

«Пили, разговаривали, ѣли. Если встрѣчались пасмурныя лица, то и это было хорошо: такъ нужно въ жизни и особенно тамъ, гдѣ изо дня въ день разыгрываются «судебныя драмы». Вотъ въ той комнатѣ застрѣлился какъ-то подсудимый; вотъ солдатъ съ ружьемъ; гдѣ то бренчатъ кандалы». — «Весело, тепло, уютно»,— христіанамъ г. Андреева, давно привыкшимъ фабриковать столько-то лѣтъ каторги, столько-то лѣтъ тюремнаго заключенія...

Передъ нами разнаго положенія люди, не сомнѣвающіеся, что они христіане, и это слово представляется имъ чѣмъ-то въ родѣ термина для заполненія соотвѣтствующей графы въ статистическихъ таблицахъ, для чего то распредѣляющихъ людей по разнымъ рубрикамъ и въ томъ числѣ по принадлежности къ тому или иному вѣроисповѣданію или вѣроученію. И вдругъ передъ ними оказывается проститутка, которая заявляетъ, что она не христіанка, потому что она проститутка, а если не христіанка, значитъ, и присягать не можетъ, не можетъ и дать обѣщанія показывать, въ ка-

чествѣ свидѣтельницы, «по чистой правдѣ». Ни примѣръ другихъ проституто къ-свидѣтельницъ, готовыхъ спокойно принять требуемую судомъ присягу, ни уговоры предсѣдателя суда, ни увѣщанія священника, приводящаго къ присягѣ, не убѣждаютъ Карауловой, что она подлинная и несомнѣнная христіанка. Всѣ убѣжденія приводятъ къ выясненію того обстоятельства, что въ глазахъ Карауловой она сама, Караулова, конченный человѣкъ и при жизни, и послѣ смерти:

...Вы ходите въ церковь?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ? Почему же?

— Какъ же я, такая, пойду въ церковь?

— Но у исповѣди и у св. причастія бываете?

— Нѣтъ.

. . . .

— Ну а Богу то вы молитесь, конечно?

— Нѣтъ. Прежде молилась, а теперь бросила.

Когда священникъ упоминаетъ объ евангельской блудницѣ, которая была прощена, когда покаялась,—Караулова отвѣчаетъ:

— Такъ она покаялась; а я развѣ каялась?

— Но наступитъ часъ душевнаго просвѣтлѣнія, и вы покаетесь.

— Нѣтъ. Развѣ когда старая буду или помирать начну, тогда покаюсь,—да ужъ это какое покаяніе? Грѣшила, грѣшила, а потомъ взяла да въ одну минуту и покаялась. Нѣтъ ужъ, дѣло конченное.

Что для нихъ «такихъ» на самомъ дѣлѣ все кончено, подтверждаетъ и другая проститутка-свидѣтельница, изъ числа равнодушныхъ къ вопросу о присягѣ.

Въ дальнѣйшемъ Караулова разсказываетъ мимоходомъ, совершенно спокойно, какъ о нормальной мелочи ея жизни,—о томъ, какъ ее въ «домѣ» шуточно вѣнчали съ «гостемъ»: «вмѣсто вѣнцовъ надъ головой ночныя вазы держали, вмѣсто свѣчекъ пивныя бутылки донышками кверху, а за попа другой гость былъ, надѣлъ мою юбку наизнанку, такъ и ходилъ. А она—Караулова показала на плачущую Кравченко—за мать мнѣ была, плакала, разливалась, какъ будто въ серьезъ». — «Она поплакать то любитъ»,- прибавляетъ Караулова относительно Кравченко, которая и сейчасъ—въ судѣ—слушая, плачетъ.

Всѣ эти эпизоды о людяхъ, живущихъ своимъ позоромъ и заранѣе отказывающихся отъ мысли божескаго прощенія и отъ надежды избыть свою душевную безпросвѣтность хотя бы за предѣлами могилы, — всѣ эти эпизоды на фонѣ христіанъ, которымъ «тепло, весело и уютно», останавливаютъ и держатъ читателя въ напряженномъ вниманіи, какъ это часто удается г. Андрееву.

Но въ то же время все это такъ сильно и ясно, что прихо-

дится жалѣть о тѣхъ безполезныхъ дополненіяхъ, къ которымъ прибѣгаетъ дальше г. Андреевъ. Естественно, напр., что въ связи съ только что упомянутымъ разсказомъ о вѣнчаніи, дальнѣйшія сообщенія со стороны Карауловой о томъ, что она избѣгаетъ ходить мимо церкви; о томъ, что не умѣетъ молиться и что ей незачѣмъ молиться, и т. д. являются мало значительными. Въ этомъ желаніи подавить читателя массой подробностей, г. Андреевъ не замѣчаетъ даже, что нѣкоторыя изъ ново-сообщаемыхъ имъ подробностей устраняютъ возможность основного событія въ разсказѣ. Такъ Караулова, въ дальнѣйшемъ изображеніи, говоритъ о себѣ: «Нѣтъ у меня ни стыда, ни совѣсти: прикажете голой раздѣться, раздѣнусь, прикажете на крестъ наплевать, наплюю». Но вѣдь что нибудь одно изъ двухъ: или Караулова, не считающая себя въ правѣ клясться крестомъ и евангеліемъ, не въ состояніи и «наплевать на крестъ»; или же, если она способна на это, то она способна и принять присягу, по меньшей мѣрѣ такъ же равнодушно, какъ и ея товарки.

Но не въ этомъ главный ущербъ, съ которымъ приходится считаться читателю «Христіанъ».—Художественной задачей автора было изображеніе самихъ христіанъ, сгруппированныхъ около признанія Карауловой, на всякіе лады, но одинаково по-христіански реагирующихъ на необычный по мотивамъ отказъ отъ присяги. Сама же Караулова въ замыслѣ автора является скорѣе эпизодическимъ, чѣмъ центральнымъ въ разсказѣ лицомъ. Для читателя «Христіанъ» естественно какъ-разъ обратное. Остановившись съ напряженнымъ чувствомъ ожиданія около образа Карауловой, въ нѣсколькихъ рѣзкихъ чертахъ удачно намѣченной г. Андреевымъ, читатель долженъ отвлечься къ лицамъ, которыя ее слушаютъ и среди которыхъ не оказывается ни одного лица, по степени своей жизненности напоминающаго Караулову: все только *схемы* людей, которымъ должно бы быть «весело, тепло и уютно» въ судѣ, и у которыхъ упорный отказъ Карауловой отъ присяги долженъ отнять то, чѣмъ единственно дорожатъ: чувство нормальнаго теченія вещей и душевнаго уюта, вытекающаго изъ чувства своей собственной приспособленности. Но именно этого-то впечатлѣнія они, при всей своей подчеркнутости, и не производятъ.

Въ длинной сценѣ, по аналогіи вызывающей въ памяти сцену суда надъ Масловой въ «Воскресеніи», мы поочередно знакомимся, какъ относятся къ заявленію Карауловой чуть не всѣ присутствующіе на судѣ. При этомъ говорятъ съ разрѣшенія предсѣдателя суда, говорятъ безъ разрѣшенія, вставляютъ пряные анекдоты, которые предсѣдатель не всегда успѣваетъ прервать прежде, чѣмъ они доведены до точки. Такимъ образомъ, кромѣ отношенія къ Карауловой со стороны оффиціальныхъ представителей христіанъ, мы узнаемъ, какъ относится къ ней сперва одинъ присяжный засѣдатель, похожій на старика-раскольника, который разспраши-

ваетъ Караулову о томъ, кто ее соблазнилъ и сколько ей за это заплатилъ. Узнавъ, что обольстителемъ былъ старикъ купецъ, заплатившій всего 10 рублей, присяжный засѣдатель соглашается, что Караулова и впрямь не христіанка, такъ какъ всего «за 10 рублей душу діаволу продала и тѣло опоганила»... Одна изъ свидѣтельницъ-проститутокъ пытается на это возразить, но, прерванная предсѣдателемъ, успѣваетъ только сказать, что «бываетъ, старички и больше даютъ», ссылаясь на примѣръ одного изъ посѣтителей ихъ «дома»—степеннаго старика, какъ разъ напоминающаго самого присяжнаго засѣдателя.—Потомъ читатель узнаетъ, какъ относится къ Карауловой другой присяжный засѣдатель—«необыкновенно большой и толстый купецъ», который «весь состоитъ изъ системы шаровъ и полушарій». Ѳтотъ находитъ, что Караулова должна считать себя христіанкой ради обезпеченія покоя и безопасности такихъ христіанъ, какъ онъ. «Вотъ ты нынче присягу отказываешься принимать: не христіанка я, а завтра воровать по этой же причинѣ пойдешь... ежели вашъ братъ да еще отъ вѣры отступится, тогда хуть на свѣтѣ не живи».—Оппоненткой выступаетъ та же свидѣтельница Пустошкина и парируетъ нападеніе присяжнаго засѣдателя замѣчаніемъ, что «и толстые которые... не всѣ честные бываютъ», и въ доказательство приводитъ случай, какъ одинъ «толстый въ родѣ ихъ» (присяжнаго засѣдателя) хотѣлъ уйти изъ «дома», не заплативши («въ заднюю дверку хотѣлъ уйти,—спасибо застрялъ»). Этотъ эпизодъ Пустошкина успѣваетъ разсказать цѣликомъ, и предсѣдатель останавливаетъ ее только на попыткѣ перейти къ дальнѣйшему доказательству, что неисправный плательщикъ, о которомъ она разсказала, «были жуликъ», хоть «и толстые»...—Затѣмъ узнаемъ, какъ относится къ заявленію Карауловой еще третій такъ же внѣшне-*юмористически* нарисованный присяжный засѣдатель, который начинаетъ съ упрека Карауловой въ томъ, что она «умаляетъ сущность христіанства, сводя его къ понятію грѣха и добродѣтели, хожденію въ церковь и обрядамъ».—«Ликъ Христовъ—вотъ основаніе и точка. Небо раскрылось послѣ обрѣзанія, и нѣтъ ни грѣха, ни добродѣтели, ни богатства. Прерывистый, задыхающійся шепотъ—вотъ эмбріонъ всѣхъ сфинсковъ...»—заканчиваетъ онъ, прерванный замѣчаніемъ предсѣдателя, что онъ, предсѣдатель, такъ же, какъ и спрошенная Караулова ровно ничего не понимаетъ изъ того, что говоритъ присяжный засѣдатель.

Затѣмъ на сцену выдвигается полицейскій приставъ, того участка, въ которомъ находится «ихній домъ»—свидѣтельницъ проститутокъ: онъ проситъ у предсѣдателя разрѣшенія «уединиться со свидѣтельницей», гарантируя, что онъ «живо» устроитъ дѣло и «она присягу сейчасъ приметъ».

Наконецъ, говоритъ и защитникъ подсудимаго по разбиравшемуся дѣлу, который вспоминаетъ, что прокуроръ-то по затрону-

тому вопросу о приведеніи Карауловой къ присягѣ высказался, а онъ, защитникъ, еще не высказался.—Онъ «поворачивается къ присяжнымъ, окидываетъ ихъ свѣтлымъ и открытымъ взоромъ и внезапно глубоко задумывается, опустивъ голову. Обѣ руки его подняты на высоту груди, глаза крѣпко закрыты, брови сморщены, и весь онъ имѣетъ видъ не то смертельно влюбленнаго, не то собирающагося чихнуть». Наконецъ, защитникъ рѣшается прекратить свою задумчивость. «Изъ состоянія задумчивости, описываетъ г. Андреевъ, защитникъ выходитъ очень медленно, по частямъ; сперва упали безсильно руки, потомъ слегка пріоткрылись глаза, потомъ медленно приподнялась голова, и только тогда, словно противъ его воли, изъ устъ выпали проникновенныя слова: Г.г. судьи и г.г. присяжные засѣдатели!»

За всѣми этими анекдотами (такъ квалифицируетъ ихъ предсѣдатель суда) и тщательной разработкой фона, въ «Христіанахъ» оказывается отодвинутымъ образъ, остановившій вниманіе читателя: образъ отреченнаго человѣка, который живетъ въ увѣренности, что даже смерть принесетъ не покой, а только перемѣну ада—метафорическаго на землѣ на подлинный, въ церковномъ смыслѣ, за могилою. И эта утрата впечатлѣнія отнюдь, какъ мы видѣли, не компенсируется другими равноцѣнными въ художественномъ отношеніи образами христіанъ.

Схематическіе образы христіанъ только оттѣсняютъ образъ обезпокоившей ихъ женщины, но сами отъ этого не становятся значительными. Они настолько не живы, что было бы возможно предположить намѣренную карикатурность, намѣренное искаженіе этихъ образовъ со стороны художника, если бы одной изъ особенностей г. Андреева не было стремленіе усилить тонъ: нерѣдко—за предѣлы своего собственнаго замысла. Вѣдь несомнѣнную ложку дегтю г. Андреевъ, незамѣтно для себя, прибавляетъ даже и въ явно трагическій замыселъ своей не-христіанки. Когда вышедшій изъ задумчивости «по частямъ» защитникъ произноситъ очень красивую рѣчь, возвеличивающую (вмѣсто Карауловой) «большой и красивый образъ, который у него мелькнулъ въ головѣ и заставилъ почувствовать холодъ въ пальцахъ» («Вы видѣли ее здѣсь спокойною, чуть ли не улыбающейся, но знаете ли вы, сколько горькихъ слезъ пролили эти глаза въ ночной тишинѣ, сколько острыхъ иглъ жгучаго раскаянія и скорби вонзилось въ это изстрадавшееся сердце!»)—все значеніе этой рѣчи приводится къ нулю новымъ категорическимъ отрицаніемъ со стороны Карауловой всякихъ смягчающихъ обстоятельствъ. «И не плакала я вовсе и не каялась», упорно стоитъ на своемъ Караулова, прибавляя: «Какое же это покаяніе, когда то же самое дѣлаешь?» При этомъ Караулова, въ подтвержденіе сказаннаго, зачѣмъ-то показываетъ суду деньги, полученныя «за это» и еще болѣе ненужно заявляетъ, что вообще у нея своего ничего нѣтъ: и тѣло не ея, и... животъ не

ея: «А въ животѣ у меня что?—Портвейнъ да пиво, да шоколадъ, гость вчера угощалъ,—выходитъ, что и животъ не мой». Едва ли эту опись содержимаго въ животѣ Карауловой можно считать чѣмъ нибудь, кромѣ «ложки дегтю» къ серьезно и искренно задуманному образу не-христіанки.

Но христіане такъ многочисленны и такъ выдержаны въ манерѣ шаржа, что читателю почти хочется объяснить это намѣренностью со стороны автора, и этимъ внести извѣстную систему въ свои впечатлѣнія отъ сильно задуманной вещи г. Андреева. Но эта догадка едва ли способна объединить впечатлѣніе отъ «христіанъ» въ нѣчто болѣе стройное и цѣльное. Если допустить, что въ христіанахъ говорятъ не сами христіане, а художникъ, изобличающій то, что скрытно живетъ въ душѣ этихъ христіанъ, то прежде всего не понятно, неужели все, что могъ художникъ возразить за своихъ изуродованныхъ людей, исчерпывается анекдотами о «степенномъ» и о «толстомъ» посѣтителяхъ «дома», такъ счастливо оказавшихся похожими на обоихъ присяжныхъ засѣдателей? Конечно, *въ живой дѣйствительности* Пустошкина и ея товарки, нужно думать, на самомъ дѣлѣ не сумѣли бы ничего возразить, кромѣ того, что и «толстые которые—не всѣ честные бываютъ». И для реалиста-художника это можетъ быть законной подробностью въ картинѣ. Не таково положеніе художника, о которомъ предполагается, что онъ рисуетъ не то, что было, а то, чего не было. Но если онъ рисуетъ не подлинную дѣйствительность, значитъ — онъ рисуетъ самого себя, свое собственное отношеніе въ этой подлинной дѣйствительности. И естественно, что авторское отношеніе къ изображаемымъ лицамъ должно быть исключительно цѣннымъ по силѣ и внутренней энергіи.

Только въ этомъ случаѣ читатель можетъ, въ извѣстной мѣрѣ, примириться съ тѣмъ, что художникъ заслонилъ своею личностью изображаемыхъ имъ людей и отнялъ у читателя возможность самому видѣть, самому понимать и самому судить. Но именно этого и нѣтъ у автора «Христіанъ». То, что говорятъ христіане г. Андреева, слишкомъ карикатурно для того, чтобы быть похожимъ на подлинную дѣйствительность, и въ то же время слишкомъ блѣдно и слишкомъ бѣдно внутреннимъ огнемъ — для намѣренной карикатуры.

На нашъ взглядъ, авторъ «Христіанъ» все тотъ же чрезмѣрный въ обрисовкѣ художникъ, у котораго и раньше мрачно развеселившіяся стѣны «шаловливо» роняли камни, которые «дробятъ головы и расплющиваютъ тѣла» («стѣна»), а у душевно больныхъ, пораженныхъ ужасомъ и безуміемъ войны, это ужасъ и безуміе чувствуется во всемъ—каждый палецъ руки у такихъ несчастныхъ трясется «въ *безнадежномъ* живомъ, безумномъ ужасѣ». Если у г. Андреева въ разсказѣ должна быть драма, она превращается почти въ космическую трагедію, которую переживаетъ даже окру-

жающая природа; если у г. Андреева въ разсказѣ должны быть маленькіе душой люди въ родѣ его христіанъ, они непремѣнно должны быть жалко-забавными вплоть до каждаго пальца на рукѣ, вплоть до выхода изъ задумчивости по частямъ и внѣшняго сходства съ системой шаровъ и полушарій.

Мы уже отмѣтили до странности необходимое художнику слово «весело», которое онъ нѣсколько разъ повторяетъ. Этимъ словомъ начинается разсказъ, и оно, ясно, должно было подсказать читателю общій тонъ, господствующій у «Христіанъ». Прежде всего, однако, оказалось, что авторъ поторопился съ этой желательной ему фразой, такъ какъ впослѣдствіи, послѣ долгаго промежутка времени, когда значительная часть острыхъ эпизодовъ, связанныхъ съ отказомъ отъ присяги Карауловой, уже разыгралась, авторъ замѣчаетъ: «Получалось что-то нелѣпое... Не то падалъ авторитетъ суда, не то просто становилось весело»... Но, если *становилось* весело, значитъ раньше не было весело? И, дѣйствительно, никому не было весело, за исключеніемъ развѣ только ремесленника въ публикѣ, «радостно» шептавшаго въ началѣ: «Вотъ такъ загвоздила» (о Карауловой), да еще защитника, «только что позавтракавшаго въ буфетѣ:» горячей ветчиной съ горошкомъ, по детальному указанію автора... Слово «весело» не характерно, въ изображеніи самого же художника, и для момента, когда инцидентъ съ отказомъ Карауловой отъ присяги оказался оправленнымъ въ успокоительныя рамки законности, т. е. нормальнаго порядка вещей. «Черезъ полчаса, въ образцовомъ порядкѣ и тишинѣ, совершается судъ. Правильно чередуются вопросы и отвѣты; прокуроръ что-то записываетъ; репортеръ съ дѣловымъ и безстрастнымъ лицомъ рисуетъ на бумажкѣ какіе-то замысловатые орнаменты». Всѣ, въ изображеніи автора, находятся въ рамкахъ ремесленной нормы; всѣ ее отбываютъ, и даже самъ подсудимый говоритъ въ свою защиту какую-то тягучую канитель... Далеко не «весело», и тѣмъ не менѣе художникъ не случайно, а нѣсколько разъ употребляетъ это описательное слово, не чувствуя противорѣчія между словомъ, которымъ онъ пользуется, и тѣмъ, что онъ изображаетъ... Совсѣмъ не весело, и тѣмъ не менѣе разсказъ кончается тою же самой фразой: «Горитъ электричество. За окнами тьма. Весело, тепло, уютно».

Объ этомъ разладѣ между замысломъ и яркими средствами художественнаго исполненія читателю приходится особенно пожалѣть, когда рѣчь идетъ о такомъ крупномъ и оригинальномъ замыслѣ, какъ «Христіане».

А. Е. Рѣдько.

„Для людей“.

I.

Я напомню читателямъ нѣсколько строкъ изъ «Пошехонской старины», именно то мѣсто, гдѣ Никаноръ Затрапезный разсказываетъ о будничной и казовой сторонѣ помѣщичьей жизни въ крѣпостное время. Будничная жизнь Затрапезныхъ была сѣра, грязна, скучна и голодна. Надъ ней стонъ стоялъ отъ вѣчной ругани, затрещинъ и отъ свиста розогъ. Въ то же время помѣщики усиленно заботились о томъ, чтобы другіе видѣли, такъ сказать, только одно сіяніе.

«Хотя въ нашемъ домѣ было достаточно комнатъ, большихъ, свѣтлыхъ и съ обильнымъ содержаніемъ воздуха,—говоритъ Никаноръ Затрапезный,—но это были комнаты парадныя; дѣти же постоянно тѣснились: днемъ—въ небольшой классной комнатѣ, а ночью—въ общей дѣтской, тоже маленькой, съ низкимъ потолкомъ и въ зимнее время, вдобавокъ, жарко натопленной. Тутъ было поставлено четыре-пять дѣтскихъ кроватей, а на полу, на войлокахъ спали няньки. Само собою, не было недостатка ни въ клопахъ, ни въ тараканахъ, ни въ блохахъ. Эти насѣкомыя были какъ бы домашними друзьями... Прибавьте къ этому прислугу, одѣтую въ какую то вонючую заплатанную рвань, распространявшую запахъ, и вы получите ту невзрачную обстановку, среди которой копошились съ утра до вечера дворянскія дѣти». Дѣтей и прислугу держали впроголодь. «За обѣдомъ подавались кушанья, въ которыхъ главную роль играли вчерашніе остатки. Иногда чувствовался и запахъ лежалаго». «Совсѣмъ свѣжій обѣдъ готовился лишь по большимъ праздникамъ да въ тѣ дни, когда наѣзжали гости. На случай нечаянныхъ пріѣздовъ нѣсколько кушаньевъ *получше* приготовлялись особо и хранились въ погребѣ. Пріѣдетъ нечаянный гость—бѣгутъ на погребъ и несутъ оттуда какое-нибудь заливное или легко разогрѣваемое: вотъ, дескать, мы каждый день такъ ѣдимъ» *)!

Приведенныя строки имѣютъ не только частный характеръ, но вѣрно изображаютъ также исторически установившееся отношеніе правительства къ русскому народу. Какъ и помѣщики Затрапезные, правительство меньше всего стѣснялось по отношенію къ «своимъ». Оно жило и живетъ, главнымъ образомъ, для «людей», для Западной Европы. Предъ «своими» всякія церемоніи счита-

*) М. Е. Салтыковъ, „Полное собраніе сочиненій“ (изд. четвертое), т. XII, стр. 25—29.

лись и считаются излишними, только бы не провѣдала Европа. Помпадуръ, выбивающій собственноручно зубы, забывшій всѣ русскія слова, кромѣ крѣпкихъ и неприличныхъ,—старается обворожить заѣзжаго «знатнаго иностранца», ослѣпляетъ его своею «просвѣщенностью» и всячески втираетъ ему очки. Министръ, не церемонящійся ни съ народной казной, ни съ элементарными правами личности, — нанимаетъ корреспондентовъ мелкихъ иностранныхъ газетъ и диктуетъ имъ панегирики... самому себѣ. На обманѣ и хвастовствѣ была построена вся наша внѣшняя политика; тогда какъ внутренняя зиждилась и зиждется на обманѣ и на грубомъ насиліи. Если «Европа», не смотря на всѣ принятыя мѣры предосторожности, всетаки узнавала кое что, тогда пускались въ ходъ «опроверженія», поражавшія своею наглостью. Въ 1889 г. произошла въ Якутскѣ ужасная катастрофа, которую пора, наконецъ, повѣдать русской публикѣ. Исторія была до такой степени потрясающая, что про нее узнала Западная Европа. Англійскія газеты помѣстили рядъ энергичныхъ передовыхъ статей. И вотъ, въ одномъ изъ ежемѣсячныхъ журналовъ появилось «опроверженіе». Никакой бойни политическихъ ссыльныхъ въ Якутскѣ не было,—говорилось въ опроверженіи,—да и быть не могло, потому что политическихъ тамъ нѣтъ. По русскимъ законамъ ссылка въ Якутскую область существуетъ только для уголовныхъ преступниковъ, сибиряковъ по происхожденію.—Такой законъ дѣйствительно существуетъ, но составители «опроверженія», конечно, знали, что онъ не соблюдается и что не только въ Якутскъ, но и въ отдаленнѣйшіе округа, какъ Колымскій, ссылаются постоянно безъ суда десятки молодыхъ людей. Авторы «опроверженія» сознательно лгали. Такой же поразительный фактъ сознательной неправды далъ намъ года три тому назадъ К. П. Побѣдоносцевъ въ полемикѣ по дѣлу народнаго образованія въ Россіи, которую онъ велъ въ «North American Review».

Стремленіе «втереть очки» иностранцамъ при полной и открытой безцеремонности съ «своими», т. е. съ народомъ,—отличительная черта русскаго начальства съ незапамятныхъ временъ. «Изъ обычаевъ Московскаго двора временъ великаго князя Василія Ивановича мы имѣемъ описаніе посольскаго пріема и торжественнаго обѣда во дворцѣ. Въ день представленія значительныхъ пословъ запирались лавки и мастерскія; жители толпились на дорогѣ, по которой проѣзжали послы; толпы увеличивались еще дворовыми людьми боярскими и ратными людьми, которыхъ собирали къ этому случаю изъ окрестныхъ волостей: это дѣлалось для того, чтобы дать посламъ высокое понятіе о многочисленности народонаселенія, о могуществѣ великаго князя» *). Полагалось, что если посла сторо-

*) С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, т. I (второе изданіе), стр. 1674.

жить покрѣпче, то онъ увидитъ только то, что ему хотятъ показать. «Когда пріѣхалъ (при Иванѣ IV) новый литовскій посолъ, князь Збаражскій, то его велѣно было держать въ совершенномъ оцѣпленіи; приставы получили наказъ: беречь накрѣпко, чтобъ дѣти боярскія и боярскіе люди и торговые люди мимо посольскаго двора не ходили и на дворъ не входили, и не говорили бы съ посольскими людьми. Лошадей поить на посольскомъ же дворѣ, а на рѣку поить не отпускать; если же станутъ говорить, что прежде лошадей паивали на рѣкѣ, а въ колодцахъ вода дурна, лошади не пьютъ, то приставамъ отвѣчать: колодцы хорошіе лучше рѣчной воды; прежде паивали на рѣкѣ, да у водопоя люди посольскіе съ здѣшними людьми всегда дерутся и лошадей теряютъ; если же посольскіе люди никакъ не захотятъ поить лошадей на дворѣ, то посылать ихъ къ рѣкѣ съ приставами, къ особому прорубю и беречь, чтобъ никто съ ними не говорилъ» *). Затрапезные думали, что гость такъ и повѣритъ, что у нихъ «всегда такъ ѣдятъ». Такимъ же образомъ, въ Московскомъ государствѣ предполагалось, что при системѣ охраны посолъ увидитъ только блескъ, богатство и мудрость государя, о чемъ и отрапортуетъ. Послы, однако, были не менѣе проницательны, чѣмъ гости, пріѣзжавшіе къ Затрапезнымъ. Въ іюлѣ 1584 г., напримѣръ, Сапѣга, въ своемъ письмѣ изъ Москвы къ папскому легату Болоньетти, такъ изображаетъ особу новаго царя и положеніе дѣлъ въ Москвѣ: «Великій князь малъ ростомъ; говоритъ онъ тихо и очень медленно; разсудка у него мало, или, какъ другіе говорятъ и какъ я самъ замѣтилъ, вовсе нѣтъ. Когда онъ, во время моего представленія, сидѣлъ на престолѣ во всѣхъ царскихъ украшеніяхъ, то, смотря на скипетръ и державу, все смѣялся» **). Пословъ не могъ ослѣпить придворный блескъ. Они замѣчали тиранію. «Образъ правленія у нихъ (московитовъ),—говоритъ Флетчеръ,—весьма похожъ на турецкій, которому они, повидимому, стараются подражать, сколько возможно, по положенію своей страны и по мѣрѣ своихъ способностей въ дѣлахъ политическихъ. Правленіе у нихъ чисто тиранническое: всѣ его дѣйствія клонятся къ пользѣ и выгодамъ одного царя и, сверхъ того, самымъ явнымъ и варварскимъ образомъ. Это видно изъ... угнетенія дворянства и простого народа, безъ всякаго при томъ соображенія ихъ различныхъ отношеній и степеней, равно какъ изъ податей и налоговъ, въ коихъ они не соблюдаютъ ни малѣйшей справедливости, не обращая никакого вниманія какъ на высшее сословіе, такъ и на простолюдиновъ. Впрочемъ, дворянству дана несправедливая и неограниченная свобода повелѣвать простымъ или низшимъ классомъ народа и угнетать его во всемъ государствѣ, куда бы лица

*) Соловьевъ, т. II, стр. 479.
**) С. М. Соловьевъ, т. II, стр. 551.

этого сословія ни пришли» *). Отъ иностранныхъ наблюдателей не могла скрыться грубость нравовъ. «Видя грубые и жестокіе поступки съ ними всѣхъ главныхъ должностныхъ лицъ и другихъ начальниковъ, московиты такъ-же безчеловѣчно поступаютъ другъ съ другомъ, особенно съ своими подчиненными и низшими» **).

Все искусство жизни для «людей», для показа, т. е. для Зап. Европы постигнуто было въ полномъ объемѣ гораздо позже, при Екатеринѣ II. «О ней можно сказать,—пишетъ французскій историкъ,—что она изобрѣла или, во всякомъ случаѣ, ввела въ политику неизвѣстный дотолѣ двигатель—*рекламу*... Бисмаркъ, въ этомъ отношеніи, является только подражателемъ. До него Екатерина имѣла своихъ «рептилій», которыхъ прикармливала секретными фондами. Черезъ посредство своихъ «пресмыкающихся» Екатерина обнародовала «сообщенія» и «разъясненія», оффиціальный характеръ которыхъ былъ болѣе или менѣе ловко скрытъ» ***). Послѣ нея «рептильями» дѣлали только жалкихъ, ничтожныхъ писакъ. Екатерина умѣла превратить въ своихъ рекламистовъ такихъ людей, предъ которыми въ Европѣ трепетали и преклонялись. Вольтеръ начинаетъ одно изъ первыхъ писемъ къ Екатеринѣ стихами:

„Minerve, propice à la terre,
Instruisit les grossiers humains,
Planta l'olivier de ses mains,
Et battit le dieu de la guerre
Cependant elle disputa
La pomme due à la plus belle;
Quelque temps Paris hésita,
Mais Achille eût été pour elle".

«Вы не сѣверное сіяніе,—говоритъ Вольтеръ въ письмѣ отъ 2-го декабря 1767 г.—Вы, безъ сомнѣнія, самая яркая звѣзда на сѣверномъ небѣ. Ни Андромеда, ни Персей, ни Калисто не могутъ сравняться съ вами... Все, что выходитъ изъ подъ вашего пера, содѣйствуетъ вашей славѣ. Мы втроемъ (т. е. Вольтеръ, Дидро и Даламберъ) сооружаемъ вамъ алтарь. Вы насъ превратили въ идолопоклонниковъ». Вольтеръ подписывается «Le prêtre de votre temple» ****). Подъ другимъ письмомъ, уснащеннымъ еще болѣе крутой и грубой лестью, Вольтеръ подписывается «старымъ болтуномъ». Фернейскій философъ былъ ловкій придворный; но Екатерина II умѣла превратить въ своего рекламиста даже такого серьезнаго, строгаго человѣка, какъ Дидро *****). Екатерина II

*) Флетчеръ. „О Государствѣ Русскомъ", стр. 19 (изданіе 1867 г.).
**) Ib., стр. 112.
***) K. Waliszewski, „Le Roman d'une Impératrice", Paris, 1903, p. 303.
****) Voltaire, „Oeuvre complètes" (компактное изданіе 1827 г.) v. V, p. 652.
*****) „Rien de plus singulier, говоритъ издатель полнаго собранія сочиненій Дидро,—qu'une liaision entre un Diderot et une Catherine II, entre

возвела въ стройную систему принципы Затрапезныхъ. Для «людей», для Зап. Европы писался «Наказъ». Для «дома», въ то же время, роздано было 40.0000 крестьянъ.

«Противно христіанской религіи и правосудію обращать въ рабство людей, которые всѣ родятся свободными,—писала «для заграницы» Екатерина.—Свобода—душа всѣхъ вещей: безъ тебя все мертво... Мы нуждаемся въ населеніи, а не въ опустошеніяхъ... Власть безъ довѣрія народнаго ничего не значитъ для того, кто хочетъ быть любимымъ и славнымъ... Всего больше ненавижу я конфискацію имущества виновныхъ; ибо кто на землѣ можетъ отнять у дѣтей и всѣхъ нисходящихъ наслѣдство, которое они получаютъ отъ самого Бога? Не знаю, мнѣ кажется, всю мою жизнь я буду чувствовать отвращеніе къ чрезвычайнымъ суднымъ коммиссіямъ, особенно секретнымъ. Зачѣмъ отнимать у обыкновенныхъ судовъ дѣла, подлежащія ихъ вѣдѣнію» *). Эти мысли «для людей», къ свѣдѣнію рекламистовъ. Для домашняго обихода—практикуется закрѣпощеніе Украйны и Шешковскій. Слѣдуетъ отмѣтить еще одну черту. Феодалы Зап. Европы кошмаромъ долго давили мирное населеніе; но въ прошломъ ихъ были эпизоды, говорившіе воображенію. Въ гербахъ баронскихъ и графскихъ родовъ мы видимъ эмблемы, говорящія про бои съ сарацинами, про исканіе идеала по собственному усмотрѣнію, а не по приказу начальства. Въ гербахъ русскихъ «феодаловъ», бывшихъ «въ случаѣ» въ XVIII вѣкѣ тоже помѣщены мечи и львиныя головы, но только по недоразумѣнію... Правда, фавориты смотрѣли на свое дѣло, какъ на государственную службу. «Ланской, — пишетъ наивно фонъ-Гельбигъ,—въ тотъ же день получилъ приказаніе занять тѣ комнаты, въ которыхъ помѣщался Корсаковъ... Ланской не связывалъ себя ни съ кѣмъ, жилъ только для своей службы и приносилъ себя въ жертву своимъ «обязанностямъ» и до такой степени добросовѣстно, что погибъ. «Съ нѣкотораго времени,—продолжаетъ фонъ-Гельбигъ,—онъ сталъ прибѣгать къ возбуждающимъ средствамъ и лѣтомъ 1784 г., послѣ пріема сильныхъ возбудительныхъ средствъ»—умеръ **). Потомки людей, такъ своеобразно понимавшихъ служеніе родинѣ и получавшихъ за службу милліоны (Ланской «прослужилъ» три года и обошелся Россіи въ семь милліоновъ руб.), теперь огнемъ и мечемъ смиряютъ русскій народъ.

II.

Зачѣмъ «прикармливали» у насъ иностранныхъ хвалителей? Почему предъ «Европой» старались показаться всегда въ полномъ

---

l'honnête et fier fils de l'artisan et la meurtrière couronnée, entre l'autocrate absolue et l'emansipateur des esprits".

*) Георгъ фонъ-Гельбигъ, „Русскіе избраннники", стр. 461.

**) С. М. Соловьевъ т. VI, стр. 190.

парадѣ, тогда какъ съ «своими» никогда не церемонились и не церемонятся? Причины были трояки. Во-первыхъ, такое же тщеславіе, какъ у Затрапезныхъ. Во вторыхъ, у русскаго правительства всегда имѣлось какое-нибудь такое зазорное дѣло, которое во чтобы то ни стало необходимо было скрыть отъ другихъ народовъ («своимъ» можно было зажать ротъ угрозами). При Екатеринѣ II, напримѣръ, такимъ щекотливымъ дѣломъ было сперва событіе 7 іюля 1762 г., и черезъ два года—шлиссельбургское происшествіе. «Когда прошло первое безпокойство относительно важности и обширности заговора Мировича, явился неотвязчивый и мучительный вопросъ: что скажутъ? Особенно, что скажутъ на этомъ Западѣ, гдѣ о русскихъ дѣлахъ имѣютъ такъ мало понятія, не хотятъ и не могутъ вникать въ ихъ подробности, судятъ по первому впечатлѣнію и судятъ обыкновенно криво, зложелательно? Повѣрятъ ли, что Мировичъ дѣйствовалъ не по собственному побужденію? Дѣйствительно, на Западѣ... пошли недоброжелательные толки насчетъ участія Екатерины въ дѣлѣ» *). Въ подобномъ случаѣ иностранные рекламисты сослуживали большую службу. Въ концѣ XIX и въ началѣ XX вѣка дѣлъ, которыя нужно скрыть отъ Европы, накопилось такъ много, что за границей появились даже спеціальныя изданія съ цѣлью обѣлять репутаціи и «опровергать».

Наконецъ, третьей и самой важной причиной, почему правительство, не церемонившееся дома, старалось ослѣпить «Европу», былъ вопросъ о займахъ. Секретъ ихъ у насъ постигли уже очень давно. Такъ, напримѣръ, въ 1662 г. въ Англію отправились Прозоровскій и Желябужскій, чтобы поздравить Карла II съ вступленіемъ на престолъ и чтобы попросить денегъ. «Послы говорили, чтобы королевское величество велѣлъ бы великому государю дать взаймы ефимковъ 10000 пудъ, а великій государь велитъ заплатить товарами, пенькою и поташемъ погодно, какъ будетъ положено въ договорѣ. Королевскіе бояре отвѣчали, что это дѣло великое, скоро его рѣшить нельзя, а король на отпускѣ самъ сказалъ Прозоровскому: «Я вседушно бы радъ помочь любительному моему брату, да мочи моей нѣтъ, потому что я на королевствѣ вновѣ, ничѣмъ не завелся, казна моя въ смутное время вся безъ остатку раззорена, и нынѣ въ большой скудости живу, а какъ Богъ дастъ на своихъ престолахъ укрѣплюсь и съ казною сберусь, то буду радъ и послѣднее дѣлить съ великимъ государемъ вашимъ». Заемъ у короля не удался. Обратились къ лондонскимъ купцамъ за 31000 ефимковъ. Желябужскій предложилъ условіе, что уплата будетъ произведена въ Архангельскѣ пенькою и поташемъ; купцы отвѣчали, что дадутъ, но пусть поговоритъ прежде съ воеводою лондонскимъ (лордомъ-мэромъ). Воевода отвѣчалъ: «Радъ я рабо-

*) С. М. Соловьевъ, т. VI, стр. 188.

тать великому государю, стану говорить торговымъ людямъ, кто что захочетъ дать, а иное и самъ дамъ, что могу». Заемъ, однако, не удался. Великій резидентъ, на просьбу Желябужскаго «порадѣть великому государю и промыслить ефимковъ» отвѣчалъ: «Теперь нельзя давать взаймы; у Архангельска въ торгахъ стала неправда и неповольность; если дать взаймы, то почитай за пропалое. И прежде платежъ бывалъ займамъ худъ, а теперь и спрашивать нечего по нынѣшнимъ торгамъ и товарамъ, добывать мнѣ ефимковъ негдѣ и дѣла мнѣ до этого нѣтъ». Нѣсколько разъ потомъ посылалъ Желябужскій къ воеводѣ и купцамъ, покуда, наконецъ, тѣ отвѣтили: «Ефимковъ вамъ дать нельзя; у насъ и такъ много въ долгахъ пропадаетъ на московскихъ людяхъ, а сыску въ тѣхъ долгахъ нѣтъ». «По чьему-нибудь нерадѣтельному умыслу не хотите дать ефимковъ,—отвѣтилъ Желябужскій,—да и говорите затѣйное дѣло». Не смотря ни на какія увѣщанія со стороны Желябужскаго, купцы рѣшительно отказали въ ефимкахъ *).

Мы видимъ тутъ прототипъ нынѣшнихъ исканій денегъ у французкихъ и нѣмецкихъ банкировъ. Нужно прибавить только, что банкиры, кромѣ громадныхъ процентовъ, требуютъ гарантію въ видѣ созыва думы **), а вершители нашей политики измышляютъ, какъ бы втереть очки и своимъ, и чужимъ, т. е. какъ бы собрать такую «думу», которая бы ничего общаго съ представительнымъ собраніемъ не имѣла ***).

---

*) С. М. Соловьевъ. т. III, стр. 528—530.

**) См. „La Revue“ за январь 1906 г., а также „Matin“ за 15, 16 и 17 января.

***) Удастся ли обмануть банкировъ? Повѣрятъ ли они, что та дума, которую собираютъ при помощи жандармовъ и губернаторовъ, дѣйствительно представляетъ страну и дастъ какія-нибудь гарантіи? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ передовая статья въ газетѣ англійскаго капитала, въ „Times“. „Защитники русской бюрократіи увидятъ въ новомъ указѣ исполненіе обѣщанія, даннаго 17 октября. Съ другой стороны, большинство населенія относится къ указу совершенно равнодушно. И это обстоятельство вполнѣ понятно... При наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ двухстепенные выборы очень мало отражаютъ дѣйствительное желаніе страны. Къ сожалѣнію, этихъ „наиболѣе благопріятныхъ условій“ нѣтъ. Правительство всѣми силами препятствуетъ свободѣ выборовъ и, безъ сомнѣнія, будетъ дѣлать это и дальше. Оно беззастѣнчиво хватаетъ всѣхъ возможныхъ либеральныхъ кандидатовъ въ думу. Аресты производятся въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что всѣ тюрьмы теперь переполнены. Правительство грубо попрало свои собственныя слова о неприкосновенности личности: громадныя партіи людей ссылаются теперь въ Сибирь административнымъ порядкомъ... Такими мѣрами правительство разсчитываетъ подобрать послушную думу по собственному идеалу. Если мы вспомнимъ всю политику Витте, то не трудно понять, что созывъ думы—только комедія. Правительство желаетъ выпутаться изъ затруднительнаго финансоваго положенія. Громадный внѣшній заемъ является абсолютно необходимымъ; но банкиры поставили условіемъ созывъ думы и признаніе ею всего государственнаго долга. Удовлетворятся ли банкиры одною коме-

Необходимость иностранныхъ займовъ была понята въ Россіи уже въ XVII вѣкѣ. Въ XX вѣкѣ вся внутренняя и внѣшняя политика ея стала держаться исключительно на займахъ. «Русскій Неккеръ-Бунге началъ эру дефицитовъ, — говоритъ П. Н. Милюковъ въ своей замѣчательной книгѣ «Russia and its Crisis», вышедшей недавно въ Америкѣ. — Русскій Калонь-Витте явился съ намѣреніемъ доказать, что Россія имѣетъ еще кредитъ. Доказалъ это онъ безпрерывными займами и чрезмѣрнымъ увеличеніемъ государственнаго долга. Нашъ Калонь, желая доказать, что нація имѣетъ деньги, увеличивалъ налоги и выжалъ изъ умирающаго отъ голода народа билліонъ рублей «свободныхъ остатковъ». «Задача была отнюдь не легка,—продолжаетъ П. Н. Милюковъ въ другомъ мѣстѣ.—Золотой запасъ не трудно держать при благопріятномъ балансѣ заграничныхъ платежей, но это условіе никогда не существовало въ Россіи. Правда, торговый балансъ, благодаря запретительнымъ пошлинамъ, въ общемъ благопріятенъ намъ, то есть экспортъ превышаетъ импортъ. Но даже и это превышеніе замѣтно уменьшилось въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ послѣ запретительнаго тарифа 1891 г. Повидимому, протекціонизмъ все возможное уже совершилъ, и дальнѣйшее увеличеніе пошлинъ не въ состояніи больше понизить спросъ на заграничные фабрикаты. Въ теченіе пяти лѣтъ послѣ введенія золотого обращенія, годичный вывозъ превышалъ ввозъ въ среднемъ только на девяносто шесть милліоновъ руб. Это ни въ коемъ случаѣ не можетъ покрыть расходовъ Россіи за границей. Двойная сумма, то есть 186 милліоновъ руб. золотомъ необходима только для того, чтобы уплатить проценты по иностраннымъ займамъ. Затѣмъ слѣдуютъ расходы русскихъ путешественниковъ за границей. Число послѣднихъ возрасло съ 112 тысячъ до 195 тысячъ. Расходы эти, самое меньшее, равны 60 милліонамъ рублей. Около двѣнадцати милліоновъ рублей уплачивается иностраннымъ вкладчикамъ. Расходы правительства за границей не могутъ быть меньше шестнадцати мил. р. Это еще не всѣ расходы Россіи за границей, но они превышаютъ тѣ 186 мил. руб., которые она получаетъ за свой экспортъ. Покрыть недостающій остатокъ изъ золотого запаса было бы невозможно, не компрометтируя всю денежную систему. Единственнымъ благоразумнымъ средствомъ является увеличеніе экспорта, но для этого потребовался бы протекціонизмъ въ области сельскаго хозяйства, продукты котораго только и вывозятся за границу. Всѣ остальныя средства были бы только палліативами или того еще хуже: представляли бы только напрасную трату денегъ. Правительство вначалѣ пыталось привлечь иностранное золото путемъ предложенія

діей и дадутъ ли они деньги за высокіе проценты,—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, правительство думаетъ, что опытъ стоитъ продѣлать". (Times, March 2, 1906, p. 9, столбецъ 6).

иностранцамъ помѣстить ихъ сбереженія въ русскія предпріятія. Это удалось, но только на короткое время. Правительство предложило необыкновенно выгодныя условія и обезпечило вкладчикамъ высокіе дивиденды. Съ этой цѣлью потребовалось повышеніе налоговъ. Такое повышеніе имѣетъ свой предѣлъ, который былъ достигнутъ. Дальнѣйшее увеличеніе налоговъ явилось невозможнымъ. Если бы даже удалось повысить налоги, они не содѣйствовали бы притоку золота. А между тѣмъ только золото было необходимо. Единственнымъ средствомъ для полученія золота представлялось заключеніе новыхъ внѣшнихъ займовъ и продажа за границей русскихъ бумагъ отвержденнаго государственнаго долга. И къ этимъ средствамъ правительство вынуждено было прибѣгнуть, чтобы сводить свой заграничный балансъ. Государственный долгъ достигъ колоссальной цифры въ шесть милліардовъ рублей (цифра относится къ началу прошлаго года. Теперь долгъ равенъ 8.113,246,618 руб.). Проценты по этому долгу составляютъ больше, чѣмъ 250 милліоновъ руб. За десять лѣтъ (1893—1903 г.) бюджетъ удвоился. Налоги тоже удвоились. Поглотивъ всѣ доходы населенія, эти налоги уничтожаютъ теперь самый корень его существованія» *).

При такой финансовой политикѣ нужно много изворотливости, гораздо больше, чѣмъ потребовалось мольеровскому Донъ Жуану, чтобы отдѣлаться отъ своего кредитора Диманша. Тамъ нужно было только «заговорить» кредитора и выпроводить его; нашимъ же Калонямъ необходимо было, кромѣ того, каждый разъ просить у Диманша, т. е. у иностранныхъ банкировъ, новыхъ денегъ. Съ этой цѣлью Калоню понадобилась цѣлая организованная система рекламированія. Нужно было найти за границей людей, которые, по круглому невѣжеству своему въ русскихъ дѣлахъ или по мотивамъ совершенно другимъ, взялись бы скрыть отъ Зап. Европы факты, извѣстные всей Россіи. Необходимо было найти за границей же литераторовъ, которые систематически доказывали бы, что «Калонь» — спаситель Россіи, величайшій, мудрѣйшій и геніальнѣйшій государственный дѣятель ея. Кое съ кѣмъ изъ этихъ профессіональныхъ рекламистовъ я познакомлю теперь читателей.

III.

Въ 1902 г. вышла въ Лондонѣ любопытная книга Генри Нормана «All the Russias», вся посвященная прославленію русскихъ финансовъ вообще и С. Ю. Витте въ частности. Книга поражаетъ, съ одной стороны, необыкновенной авторитетностью тона, съ другой—удивительнымъ извращеніемъ самыхъ обыкновенныхъ фак-

*) Paul Milyoukov, „Russia and its Crisis“, Chicago, 1905, p.p. 468—472.

товъ. Походило на то, что Нормана снабдили абсолютно извращенными цифровыми данными, а авторъ не счелъ нужнымъ провѣрить врученныя ему въ канцеляріи таблицы хотя бы по такимъ альманахамъ, какъ «Statesman's Yearbook». Норманъ взялъ необыкновенно высокій тонъ въ воспѣваніи С. Ю. Витте и сейчасъ же сорвался. Англійская печать указала на поразительные промахи. Норманъ сдѣлалъ въ своей книгѣ столько грубыхъ и нелѣпыхъ ошибокъ, что кто-то изъ критиковъ высказалъ предположеніе, что надъ авторомъ «пошутили въ канцеляріи». Вскорѣ Норманъ сталъ издавать журналъ, всецѣло посвященный восхваленію русскихъ финансовъ. Его еще разъ выписывали въ Петербургъ, гдѣ водили въ подвалы государственнаго казначейства и не только показывали ему мѣшки съ золотыми слитками, но даже разрѣшили снять фотографіи. Все это имѣло цѣлью убѣдить Европу, что денегъ у насъ много. Англійская печать, оцѣнивая потомъ статью Нормана о посѣщеніи казначейства, указала, что культурныя страны знаютъ болѣе совершенный способъ убѣдить весь міръ въ прочности своихъ финансовъ. Вмѣсто того, чтобы водить иностранца въ свои подвалы и показывать ему золотые слитки, культурное правительство сзываетъ народныхъ представителей, которые провѣряютъ бюджетъ. Правительство, которому прятать нечего, опирается на довѣріе гражданъ, а не на славословія иностранца. Норманъ теперь какъ то стушевался. Графъ Витте теперь нашелъ себѣ въ Англіи другого восторженнаго поклонника, талантливаго и экспансивнаго. Норманъ не знаетъ ни звука по-русски. Новый поклонникъ — отличный лингвистъ и владѣетъ въ совершенствѣ русскимъ языкомъ. Норманъ былъ въ Россіи только наѣздомъ и видѣлъ только канцелярію министерства финансовъ да подвалы казначейства. Новый поклонникъ долго жилъ въ различныхъ мѣстахъ Россіи, знаетъ ея литературу. Я говорю про блестящаго корреспондента «Daily Telegraph» и «Contemporary Review»—Диллона. Талантливый публицистъ пишетъ о Россіи уже много лѣтъ. Начиная съ 1889 г., въ писаніяхъ Диллона можно наблюдать любопытную эволюцію. Предъ нами разнородное отношеніе къ Россіи. Въ статьяхъ, печатавшихся въ «Fortnightly Review» и вышедшихъ въ 1892 г. отдѣльной книгой *), Диллонъ является крайнимъ руссофобомъ. Онъ съ одинаковой ненавистью относится къ русскому правительству и къ русскому народу. Въ книгѣ много блестящихъ страницъ, встрѣчаются вѣрныя характеристики; но въ общемъ, какъ мы увидимъ дальше, «Russian Characteristics»—злобный памфлетъ. Затѣмъ мы видимъ новый фазисъ въ отношеніи Диллона къ Россіи. Предъ нами — защитникъ русскаго народа и ненавистникъ русской бюрократіи. Когда-то Диллонъ подошелъ къ русскому народу съ мѣркой, указанной въ про-

*) E. B. Lanin, „Russian Characteristics", London (Chapman and Hall), 1892.

писной морали, и вынесъ приговоръ: «виновенъ и не заслуживаетъ снисхожденія». Въ книгѣ «Maxim Gorky, His Life and Writings» (London 1902) Диллонъ глумится надъ филистерами, строго осуждающими все, выходящее изъ ихъ узенькой мѣрки. Въ этомъ фазисѣ развитія Диллонъ посылалъ въ «Daily Telegraph» блестящія корреспонденціи, въ которыхъ описывалась отчаянная борьба русскаго общества съ правительствомъ. Диллонъ стоялъ на сторонѣ общества. Описывая земскіе съѣзды, Диллонъ восторгался ихъ стройностью и политической зрѣлостью общества. Корреспонденціи «Daily Telegraph», описывавшія «кровавое воскресеніе», взволновали весь міръ и вызвали всюду взрывъ страшнаго негодованія, проявившагося въ Англіи въ рядѣ митинговъ. Негодованіемъ вызвано жгучее стихотвореніе Свинберна, начинающееся словами:

„Peace on his lying lips, and on his hands
Blood, smiled and cowered the tyrant, seeing afar
His bondslaves perish“ и т. д.

Затѣмъ въ послѣднее время предъ нами новый фазисъ развитія. Диллонъ снова превращается въ обличителя русскаго общества; но беретъ подъ свою защиту правительство или, точнѣе, гр. Витте. Диллонъ превращается въ пѣвца главы русскаго кабинета. Остановимся на каждомъ изъ намѣченныхъ фазисовъ. Диллонъ, или «Ланинъ», въ своей книгѣ «Russian Characteristics» доказываетъ положеніе, что правительство довело русскій народъ до полной нравственной деморализаціи. По словамъ автора, со времени Ивана Грознаго правящіе классы въ Россіи проявили двѣ тенденціи: съ одной стороны, по возможности держать народъ на рубежѣ голода, съ другой — всѣми силами отупить его невѣжествомъ и водкой. Быть можетъ, все это дѣлалось безъ опредѣленнаго плана, «но убитому разбойникомъ прохожему безразлично, что въ сущности у него отняли жизнь случайно, такъ какъ хотѣли только ограбить» *). Авторъ рѣзкими штрихами набрасываетъ картину голода въ 1891 г. «Черный хлѣбъ составляетъ въ Россіи главный предметъ питанія. И когда хлѣба нѣтъ, тогда народу ѣсть нечего. Рожь сперва замѣняется различными ингредіентами. Лебеда, мякина, солома, кора, древесные листья составляютъ «основу» голоднаго хлѣба, къ которой примѣшивается небольшая доля муки... Скотина въ деревняхъ тоже голодаетъ и пропадаетъ. Лошадей предлагаютъ за рубль или за 1 р. 50 к. Такъ какъ покупатели не находятся, то скотину выгоняютъ на произволъ судьбы въ поле. Жеребята походятъ на отощавшихъ собакъ. Ихъ предлагаютъ по 10 — 15 коп. Десятки лошадиныхъ труповъ валяются по дорогамъ и отравляютъ воздухъ. Тысячи голодныхъ, больныхъ цынгой крестьянъ бродятъ по деревнямъ въ поискахъ хлѣба для женъ и дѣтей, которыхъ, быть мо-

*) „Russian Characteristics“, p. 2.

жетъ, больше не увидятъ. Обезумѣвшіе отъ голода, крестьяне плачутъ въ церквахъ и обѣщаютъ поставить свѣчу передъ образомъ, когда опасность минуетъ. Дѣти лежатъ въ агоніи на большихъ дорогахъ... А пѣвцы самодержавія, указывая на умирающихъ, восклицаютъ съ тріумфомъ: «Кто можетъ сравниться въ терпѣніи и смиреніи съ этимъ народомъ? Онъ не бунтуетъ, но кротко видитъ перстъ Божій во всемъ. Господь далъ и Онъ же взялъ. Святой народъ страстотерпецъ».

Авторъ описываетъ тотъ ужасъ, который внушаетъ народу чиновникъ. «Говорятъ, Яковъ I грозилъ своему коню, если онъ не смирится, послать его «къ пяти стамъ королямъ нижней палаты, гдѣ его живо укротятъ». Ни лошадь, ни человѣкъ, ни собака не могутъ существовать подъ властью десятка тысячъ царьковъ, подѣлившихъ Россію между собою *). Человѣкъ, стремящійся улучшить положеніе массъ, читающій евангеліе крестьянамъ — можетъ подвергнуться самымъ серьезнымъ наказаніямъ. За то безопасно можно открывать публичные дома, совращать молодыхъ дѣвушекъ или дѣтей». Авторъ хорошо знаетъ русскую бюрократію. Онъ наблюдалъ ее въ Петербургѣ и въ провинціи. Диллонъ знаетъ бюрократа-правителя, бюрократа-воспитателя. «Русскія гимназіи напоминаютъ громадныя вѣялки: назначеніе ихъ выбрасывать зерно и удерживать плевелы въ учебныхъ заведеніяхъ». Какъ всѣ англичане, Диллонъ съ ужасомъ и отвращеніемъ отмѣчаетъ полицейскую службу педагоговъ. «Инспекторы посѣщаютъ квартиры учащихся, даже тогда, когда они живутъ у своихъ родителей, осматриваютъ ящики и шкафы, перечитываютъ письма». Авторъ отмѣчаетъ, что начальство привилегированныхъ учебныхъ заведеній снисходительно смотритъ на шалости воспитанниковъ, даже когда онѣ носятъ патологическій характеръ, за то безпощадно къ малѣйшему проявленію либерализма. Но увлекающійся авторъ быстро забываетъ всякую мѣру и отъ обличенія бюрократіи переходитъ къ рѣзкимъ нападкамъ на русское общество. Любопытно, что въ своихъ обвиненіяхъ авторъ опирается на авторитетъ слугъ той же бюрократіи, которыхъ только что обвинялъ во всякихъ мерзостяхъ. Вотъ, напримѣръ, жесточайшій и огульный выпадъ противъ всѣхъ русскихъ профессоровъ. Диллонъ цитируетъ «извѣстнаго русскаго журналиста», описывающаго такъ профессоровъ провинціальнаго университета. «Одинъ изъ профессоровъ живетъ съ двумя женщинами, женами своихъ коллегъ. Другой путемъ шантажа обольстилъ опереточную актрису. Третій профессоръ развратничаетъ въ мѣстномъ кафѣ-шантанѣ въ обществѣ веселыхъ женщинъ. Съ цѣлью добыть деньги, профессоръ поддѣлываетъ векселя». «Извѣстный русскій журналистъ» узналъ про все это, когда плылъ на пароходѣ по Волгѣ. Кто же этотъ Катонъ русской литературы, на высокій авто-

---

*) „Russian Characteristics", p. 11.

ритетъ котораго опирается Диллонъ въ своихъ обобщеніяхъ?... Г. Буренинъ. Характеристика профессоровъ взята, какъ значится въ выноскѣ, изъ «Новаго Времени» за 15 мая 1891 г. А вотъ безпощадная характеристика всего студенчества, при чемъ Диллонъ опять опирается на русскій авторитетъ. «Новое поколѣніе студентовъ — пьяная свора шалопаевъ (a drunken band of ne'er-do-weels), усиленно посѣщающая трактиры и публичные дома, ночью студенты буянятъ на улицахъ и избиваютъ прохожихъ». Все это народъ, поражающій своимъ невѣжествомъ. Желаете ли вы знать, на чей авторитетъ опирается Диллонъ при огульной ругани всего студенчества? На аттестаціи «Новороссійскаго Телеграфа», глупой и бездарной охранительной газеты, скончавшейся, не смотря на правительственную субсидію, отъ недостатка подписчиковъ. Авторъ составляетъ безконечный обвинительный актъ противъ русскихъ, напирая, главнымъ образомъ, на безнравственность ихъ. «Факты», приводимые Диллономъ, таковы. «Въ 1888 г. на сценѣ была поставлена дѣтская пьеса,—говоритъ Диллонъ,—въ которой съ большимъ реализмомъ воспроизведена жизнь женщинъ петербургскаго полусвѣта и выставлены были нравы кухарокъ и горничныхъ, кутящихъ ночью со своими любовниками-пожарными. Нашелся одинъ лишь отецъ, запротестовавшій противъ пьесы и заявившій, что она не для дѣтей. Но широко распространенная газета «Московскій Листокъ» подняла на смѣхъ заявленіе этого господина. Газета замѣтила, что дѣтей нужно охранять не отъ деморализаціи, а отъ слишкомъ строгаго пуританства отцовъ. Ошибочно думать, что наши пьесы должны носить только характеръ идеализма. *И если пьеса имѣетъ задачей изобразить легкіе нравы и пр., то въ этомъ большого вреда еще нѣтъ*» (курсивъ принадлежитъ Диллону) *). Авторъ ни словомъ не оговаривается, что это за «widely read journal «Moscow Listok».

«Въ глазахъ русскихъ въ десяти заповѣдяхъ не существуетъ грѣха, которому нѣтъ прощенія... Какъ бы низко ни пали мужчина или женщина, общество никогда не отвернется отъ нихъ окончательно. Скомпрометированные люди могутъ всегда возвратиться и занять свое прежнее мѣсто. Человѣкъ, причинившій вамъ непоправимое зло, разрушившій ваши самыя задушевныя желанія, отравившій вамъ существованіе, — черезъ нѣсколько мѣсяцевъ явится къ вамъ, какъ ни въ чемъ не бывало, увѣренный, что все прошлое забыто» **). Обличитель Россіи въ особенности безпощаденъ, когда дѣло касается половой нравственности. Въ книгѣ есть особая глава, которая такъ и называется «Sexual Morality». Въ защитѣ нравственности, предписанной намъ катехизисомъ, Диллонъ сходится вполнѣ съ другимъ англійскимъ журналистомъ,

*) „Russian Characteristics", p.p. 93—94.
**) Ib. 102.

профессія котораго систематически восхвалять нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Я говорю о Стэдѣ. Лѣтъ десять тому назадъ появился въ Англіи талантливый романъ Холъ Кэйна—«The Christian». Въ романѣ есть такая сцена. Герой Джонъ Стормъ, религіозный фанатикъ, является ночью къ героинѣ-актрисѣ, только что возвратившейся съ дербійскихъ скачекъ.

— Небо меня послало убить тебя!—говоритъ Стормъ.

— Нѣтъ, чтобы любить меня!—шепчетъ героиня и бросается на шею Сторму, котораго любитъ съ дѣтства. Глава кончается. Слѣдующая начинается приблизительно такъ. «Джонъ Стормъ, шатаясь, оставилъ квартиру Глори въ три часа утра». И вотъ за это мѣсто Стэдъ обрушился на романъ, обвиняя его въ безнравственности. Профессіональный славословъ все допытывался у романиста, что дѣлали герой и героиня въ промежуткѣ между двумя главами. Такого же суроваго Катона русское общество имѣетъ въ лицѣ Диллона. Нравственность или, точнѣе, безнравственность русскихъ, по мнѣнію автора, можно охарактеризовать словами Гиббона, описывающаго Галлію временъ Меровинговъ: «Трудно найти гдѣ-нибудь больше пороковъ и меньше добродѣтели». Безнравственность въ Россіи, не сопровождается ни угрызеніемъ совѣсти, ни осужденіемъ общества. Развратъ такое же нормальное явленіе въ Россіи, «какъ бракъ или какъ корь» *). «Даже не знающій языка иностранецъ, если онъ живетъ нѣкоторое время въ Россіи, можетъ себѣ составить ясное представленіе о томъ, какая глубокая пропасть раздѣляетъ русское представленіе о нравственности отъ западно-европейскаго. Иностранцу нужно только присмотрѣться къ тому, что дѣлается кругомъ... Улицы русскихъ городовъ поражаютъ невѣроятнымъ развратомъ». Дѣти могутъ всегда наблюдать отвратительныя картины, отравляющія, какъ анчаръ. «На улицахъ, въ паркахъ, на площадяхъ и даже въ церквахъ свершаются преступленія противъ десяти заповѣдей и даже тѣ мерзости, которыя спеціально оговорены во Второзаконіи. Если полицейскій замѣчаетъ мерзостную сцену, то онъ только крикнетъ на виновниковъ, чтобы они убрались дальше, при чемъ полицейскій выражается такъ, что даже самый грубый французскій реалистъ постѣснился бы записать эти слова. Подобныя сцены отравляютъ воображеніе дѣтей и пробуждаютъ въ нихъ болѣзненное и преждевременное любопытство относительно вещей, которыхъ они не должны еще знать» **). Развратная и гнилая атмосфера русскихъ улицъ ворвалась даже въ женскія учебныя заведенія. Диллонъ, ссылаясь на авторитетъ русскаго журналиста, возводитъ на воспитанницъ русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній невѣроятно грязныя обвиненія. Кто же тотъ строгій блюститель нравственности, котораго ци-

---

*) ib. p. 287.
**) ib, p. 291.

тируетъ Диллонъ?—Князь Мещерскій и его газета «Гражданинъ». Опираясь на авторитетъ «Новаго Времени», негодующаго по поводу паденія нравовъ, авторъ заявляетъ своимъ читателямъ, что въ Россіи отцы водятъ своихъ пятнадцатилѣтнихъ сыновей въ публичные дома «съ воспитательной цѣлью». «Я знаю даму, которая черезъ три недѣли послѣ замужества оставила молодого супруга и ушла къ возлюбленному, съ которымъ прожила два года *въ семьѣ его родныхъ* (курсивъ Диллона). Потомъ дама возвратилась къ своему мужу, съ которымъ счастливо живетъ до настоящаго момента, пользуясь уваженіемъ всѣхъ знакомыхъ». Безнравственность русскихъ, по увѣренію Диллона, сильнѣе всего опредѣляется по героинямъ русской литературы. Русскія женщины восторгаются и подражаютъ «Аннѣ Карениной, Еленѣ Толстаго, Иринѣ Тургенева, Наташѣ Достоевскаго и Катеринѣ Островскаго» *). Во всѣхъ другихъ странахъ, — продолжаетъ Диллонъ, — такихъ героинь безпощадно предали бы остракизму. Любопытна одна черта: Диллонъ хорошо знаетъ русскую литературу, поэтому, конечно, ему извѣстно, что ореоломъ въ Россіи окружена тургеневская Елена изъ «Наканунѣ», а не Елена Безухая изъ «Войны и Мира». Конечно, съ точки зрѣнія такого борца за нравственность, какъ Стэдъ, и Елена, являющаяся къ Инсарову,—свершаетъ нѣчто ужасное. Но Диллону хорошо извѣстно, что въ Россіи никто не смотритъ на жену Пьера, какъ на героиню, которой можно подражать. Такимъ образомъ, предъ нами уже не просто неразборчивый увлекающійся публицистъ, обобщающій единичные факты, почерпнутые изъ сомнительныхъ источниковъ (Диллонъ не брезгуетъ даже «Книгой о Женщинахъ» г. Вопросительнаго знака), а человѣкъ, сознательно говорящій неправду. Диллонъ, отстаивающій грудью десять заповѣдей, забываетъ, что въ числѣ ихъ есть одна, воспрещающая ложное свидѣтельство. О томъ, какъ ополчается Диллонъ въ защиту заповѣдей, можно видѣть хотя бы по слѣдующей выдержкѣ: «Пожелавшій и взявшій чужую жену пользуется уваженіемъ; его любятъ и довѣряютъ ему, какъ будто бы онъ остался вѣренъ своей женѣ. Если нѣтъ какихъ-нибудь исключительныхъ обстоятельствъ, друзья человѣка, взявшаго чужую жену, будутъ принимать ее и относиться къ ней съ уваженіемъ» **). Комментируя этотъ фактъ, суровый обличитель нравовъ опять договаривается до нелѣпой и неопрятной неправды. «Мудрено ли,—говоритъ Диллонъ,—что женщины, воспитанныя въ такихъ деморализующихъ правилахъ, когда имъ надоѣстъ работа или профессія горничной,—сознательно ведутъ безнравственую жизнь съ цѣлью получить хорошо оплачиваемое въ большихъ городахъ мѣсто кормилицы». Послѣднія слова набраны курсивомъ. Но русскіе грѣшатъ не

---

*) ib. p. 306.

**) „Russian Characteristics" p. 312.

только противъ седьмой заповѣди. Въ Россіи всѣ обманщики, мошенники и лгуны. Русская коммерція это—грандіозное мошенничество. Еще во времена процвѣтанія Ганзы хорошо знали обычай русскихъ купцовъ, такъ какъ постановлено было не давать имъ въ кредитъ товаровъ и не покупать ничего. Русскіе купцы и тогда уже умѣли посылать за границу воскъ съ кирпичами для тяжести, поддѣльныя шкуры и пр. Нравы нисколько не измѣнились, судя по тому, что англійскіе торговцы отказываются теперь выписывать молочные продукты изъ Сибири, такъ какъ получали бочки, набитыя сибирскимъ льдомъ, покрытымъ тонкимъ слоемъ масла. Но не только русское купечество не добросовѣстно. Ничѣмъ не лучше интеллигенція. «Одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ русскихъ писателей началъ свою карьеру подлогомъ и дерзкимъ воровствомъ, за что онъ былъ осужденъ и посаженъ въ тюрьму. Теперь онъ вращается въ наиболѣе отборныхъ литературныхъ кругахъ... Наиболѣе распространенной въ Россіи газетой является «Новое Время». Между тѣмъ издателя и редактора обвиняютъ въ такихъ дѣяніяхъ, которыя во всякой другой странѣ покрыли бы человѣка несмываемымъ безчестіемъ». О русскихъ ученыхъ можно судить по слѣдующему факту. «Бывшій профессоръ медико-хирургической академіи де-Ціонъ перепечаталъ, какъ свою, статью Тарханова». «Составители популярной энциклопедіи Бурдонъ и Михельсонъ выпустили справочную книгу, которую назвали «Толкователь 115 тысячъ иностранныхъ словъ», между тѣмъ въ книгѣ только 22 тысячи словъ». Читатель видитъ уже, какъ составленъ Диллономъ обвинительный актъ противъ Россіи. Авторъ беретъ одинъ какой-нибудь фактъ, большею частью изъ уличной газетки, широко обобщаетъ его и возводитъ въ категорію. Въ провинціальной газетѣ Диллонъ находитъ анекдотъ про уличнаго «аблаката», укравшаго печку въ камерѣ мирового судьи. Авторъ смѣло обобщаетъ: «вотъ каковы представители адвокатуры въ Россіи». Когда у автора нѣтъ въ запасѣ обвиненій въ уголовномъ преступленіи или въ прелюбодѣяніи, онъ обвиняетъ русскую интеллигенцію въ отсутствіи свѣтскихъ манеръ. Такимъ образомъ, не забытъ анекдотъ про то, какъ Писемскій явился разъ въ частный домъ читать свое новое произведеніе, при чемъ скандализировалъ хозяевъ, такъ какъ у него въ это время сильно болѣлъ животъ.

Довольно, однако, про «Russian Characteristics». Мѣстами книга свидѣтельствуетъ о наблюдательности автора; мѣстами встрѣчаются вѣрныя замѣчанія; но въ общемъ—это злобный, крайне пристрастный и мѣстами—сознательно недобросовѣстный обвинительный актъ противъ всѣхъ русскихъ.

IV.

Послѣ цѣлаго ряда лѣтъ, во время которыхъ Диллонъ былъ то военнымъ корреспондентомъ на о. Кубѣ, то объѣзжалъ Арменію и въ блестящихъ статьяхъ изображалъ невыносимое положеніе армянъ *), авторъ снова попалъ въ Россію. Въ 1902 г. Диллонъ выпустилъ книгу о молодомъ авторѣ, возбуждавшемъ тогда сильное любопытство въ Англіи. Въ этой наскоро слѣпленной книгѣ (Maxim Gorki, His Life and Writings) мы находимъ діаметрально противоположный взглядъ на русскихъ, чѣмъ въ «Russian Characteristics». Остановлюсь на тѣхъ причинахъ, которыми, по мнѣнію Диллона, обусловливается поразительный успѣхъ М. Горькаго. «Въ лѣтописяхъ имперіи нѣтъ другой литературной звѣзды, которая вызвала бы такое же преклоненіе со стороны представителей различныхъ политическихъ партій». Диллонъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что въ Россіи беллетристы оцѣниваются также согласно исповѣдуемымъ ими политическимъ взглядамъ. «Писатель, который вздумалъ бы плыть противъ общаго теченія, бойкотируется или пренебрегается. Примѣромъ можетъ служить Лѣсковъ, который одно время былъ однимъ изъ наиболѣе обѣщающихъ и вліятельныхъ (?!) писателей, но потомъ потерпѣлъ полную неудачу, вслѣдствіе того, что отказался надѣть либеральную ливрею» **). Западно-европейскіе публицисты прикладываютъ къ намъ свою мѣрку. Въ Англіи, напр., беллетристъ или поэтъ могутъ быть искренними консерваторами. Тамъ есть—что охранять. Консерватизмъ тамъ такъ же совмѣстимъ съ независимостью мысли и совѣсти, какъ радикализмъ. У насъ «консерватизмъ» только синонимъ полицейскаго участка. Всѣ наши писатели-консерваторы такъ или иначе связаны съ полиціей или съ охраннымъ отдѣленіемъ. У подавляющаго большинства ихъ въ прошломъ, а зачастую и въ настоящемъ—громадное пятно (напр., у Болеслава Маркевича). Когда въ Россіи станутъ невозможны Мымрецовы, дослужившіеся до дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ и управляющіе министерствами, когда драгонады отойдутъ въ область преданія; когда переведутся генералы *бритья* и *битья*, обрекающіе «мечу и пожару «села и нивы» не хазаровъ, а русскихъ гражданъ; когда правосудіе будетъ означать судъ присяжныхъ, а не административный приказъ; когда свобода совѣсти, слова, личности и сходокъ будетъ дѣйствительностью, а не наглымъ обманомъ; когда кровныя деньги народа не будутъ больше идти въ карманы авантюристовъ, предателей, шпіоновъ и мундирныхъ палачей всякаго рода оружія,—тогда можно будетъ говорить объ искреннемъ и честномъ русскомъ консерватизмѣ.

Возвращусь къ книгѣ Диллона. «Законъ экономіи силъ еще не

*) Авторъ замѣчательный знатокъ армянскаго народа и литературы.

**) „Maxim Gorky, etc“, p. 114.

оцѣненъ въ достаточной степени въ Россіи. Русскій писатель долженъ быть не только духовнымъ, но и политическимъ вождемъ. Подобно Моисею на горѣ, онъ можетъ протянуть руки и бесѣдовать съ Господомъ, но, подобно Навину, онъ не долженъ забывать землю. Ему надлежитъ препоясать чресла и кинуться впередъ, чтобы разбить Амалекитянъ. Въ странѣ Пушкина, Лермонтова и Толстого— высоко цѣнятъ искусство, но публика требуетъ, чтобы кесарю было отдано принадлежащее ему». Горькій представляетъ исключеніе. Хотя политическіе и соціальные взгляды его совершенно опредѣленны, поклонники его принадлежали къ разнымъ классамъ,—говоритъ Диллонъ.

«Нужно замѣтить, впрочемъ,—продолжаетъ Диллонъ,—что моментъ необыкновенно благопріятствовалъ появленію такого таланта (какъ Горькій), который два десятка лѣтъ тому назадъ прошелъ бы совершенно незамѣченымъ... Русская интеллигенція всегда усиленно искала новыхъ путей, чтобы выпутаться изъ сѣтей бюрократіи. Интеллигенція всегда придумывала что нибудь самобытное. Въ Россіи не мало уже панацей отъ всякаго соціальнаго зла, отвергнутыхъ впослѣдствіи съ презрѣніемъ». Одною изъ такихъ панацей, будто бы отвергнутой теперь, Диллонъ считаетъ народничество. «Въ теченіе четверти вѣка, подобно Антею, русская интеллигенція искала силы въ соприкосновеніи съ землей» и вѣрила, что только въ деревнѣ нужно искать всѣ добродѣтели. «Много лѣтъ наиболѣе вліятельные вожди мысли краснорѣчиво проповѣдывали эту дѣтскую вѣру въ землю и въ терпѣливыхъ работниковъ ея. На крестьянъ смотрѣли, какъ на классъ, который какимъ то невѣдомымъ образомъ сохранилъ всѣ затаенныя силы народа... И вотъ наиболѣе усердные апостолы этого страннаго ученія оставили все, что имѣли, и отправились «въ народъ», чтобы тамъ искать обновленія. Профессора, учителя, студенты, писатели отказывались отъ своихъ дипломовъ и титуловъ, порывали съ классомъ, къ которому принадлежали, и уходили въ курныя избы, гдѣ дѣлили радость и горе мужиковъ. Интеллигенція все надѣялась найти тамъ ту благодать, которую слѣдуетъ возвѣстить потомъ всему народу». Движеніе, по аттестаціи Диллона, было искренно и носило мистическій характеръ. Долгое время «полудикій мужикъ» былъ идоломъ культурной части народа. Непростительнымъ грѣхомъ считалось сомнѣваться въ чудотворной силѣ соприкосновенія съ народомъ. Только черезъ много лѣтъ наступило разочарованіе. Интеллигенція увидала крестьянъ въ истинномъ свѣтѣ. Покуда въ русской литературѣ существовало преклоненіе предъ мужикомъ, — заканчиваетъ Диллонъ, — до тѣхъ поръ писатель съ такой пророческой миссіей, какъ Горькій,—не могъ появиться» *). Обратимся теперь къ свидѣтельству такихъ русскихъ писа-

*) Ib., p. p. 116—118.

телей, которые сами пережили это хожденіе въ народъ. Мы увидимъ совсѣмъ не тѣ мотивы, которые съ чужого голоса поетъ Диллонъ. «Если бы молодежь того времени (начала семидесятыхъ годовъ),—говоритъ блестящій писатель съ міровымъ научнымъ именемъ,—была только за абстрактный соціализмъ, она удовлетворилась бы тѣмъ, что выставила бы нѣсколько общихъ принциповъ,—напримѣръ, о желательности въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ коммунистическаго владѣнія орудіями производства, а затѣмъ занялась бы политической агитаціей. Въ Западной Европѣ и въ Америкѣ такъ именно и поступаютъ соціалисты, вышедшіе изъ среднихъ классовъ. Но русская молодежь того времени подошла къ соціализму совсѣмъ инымъ путемъ. Молодые люди не строили теорій соціализма, а становились соціалистами, живя не лучше, чѣмъ работники, не различая въ кругу товарищей между «моимъ» и «твоимъ» и отказываясь лично пользоваться состояніями, полученными по наслѣдству. Они поступали по отношенію къ капитализму такъ, какъ, по совѣту Толстого, слѣдуетъ поступать по отношенію къ войнѣ, т. е. вмѣсто того, чтобы критиковать войну и въ то же время носить мундиръ, — каждый долженъ отказаться отъ военной службы и отъ ношенія оружія. Такимъ же образомъ, молодые люди, каждый и каждая за себя, отказались отъ пользованія доходами родителей. Такая молодежь неизбѣжно должна была пойти въ народъ, и она пошла. Тысячи молодыхъ людей и дѣвушекъ уже оставили дома своихъ родителей и жили въ деревняхъ и въ различныхъ городахъ подъ всевозможными видами. Это—не было организованное движеніе, а стихійное,—одно изъ тѣхъ массовыхъ движеній, которыя наблюдаются въ моменты пробужденія человѣческой совѣсти. Теперь, когда начали возникать небольшіе организованные кружки, готовившіеся сдѣлать систематическую попытку распространенія идей свободы и возмущенія,—самая сила вещей толкнула ихъ на путь пропаганды среди крестьянъ и городскихъ рабочихъ». Это говоритъ человѣкъ, самъ отказавшійся и отъ громкаго титула, и отъ блестящей карьеры, и отъ большого состоянія. «Перовская,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—была «народницей» до глубины души, и въ то же время... ей не было надобности украшать работниковъ и крестьянъ вымышленными добродѣтелями, чтобы полюбить ихъ и чтобы работать для нихъ. Она брала ихъ такими, какъ они есть». «Тамъ и сямъ пропагандисты селились небольшими группами, подъ различными видами, въ городахъ и деревняхъ. Устраивались кузницы, другіе садились на землю, и молодежь изъ богатыхъ семей работала въ этихъ мастерскихъ или же въ полѣ, чтобы быть въ постоянномъ соприкосновеніи съ трудящимися массами. Въ Москвѣ нѣсколько бывшихъ цюрихскихъ студентокъ основали свою собственную организацію и сами поступили на ткацкія фабрики, гдѣ работали по четырнадцати и шестнадцати часовъ въ день и вели въ общихъ

казармахъ тяжелую, непригляднуую жизнь русскихъ фабричныхъ женщинъ. То было великое подвижническое движеніе, въ которомъ, по меньшей мѣрѣ, принимало активное участье отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ». Мы видимъ, что съ самаго момента зарожденія народничество не было хожденіемъ только *въ деревню*, къ крестьянамъ. Хожденіе въ народъ означало въ одинаковой степени хожденіе на фабрику. Даже та молодежь, которая шла только въ деревню, отнюдь не смотрѣла на мужиковъ, какъ на «богоносцевъ», выражаясь терминологіей Достоевскаго. «Въ народъ ходили многіе съ чисто рекогносцировочными цѣлями, облюбовать мѣстечко для поселенія, попробовать свои силы и, наконецъ, просто посмотрѣть на этотъ народъ, о которомъ говорятъ такъ много и который отдѣленъ отъ соціалиста китайской стѣной,—писалъ въ 1874 году въ журналѣ «Община» одинъ изъ участниковъ движенія» (Цитировано Вл. Дебогорій - Мокріевичемъ въ его замѣчательныхъ «Воспоминаніяхъ»).—Если бы большинству наиболѣе серьезныхъ пропагандистовъ задать вопросъ передъ ихъ отправленіемъ въ народъ—какъ они смотрятъ на свою будущую дѣятельность и какую форму пропаганды предпочитаютъ,—отвѣтъ былъ бы, безъ сомнѣнія, такой: надобно не ходить, а жить въ народѣ. «Мнѣ думается теперь,—прибавляетъ Дебогорій-Мокріевичъ, что если бы мы даже и жили среди народа, то и въ такомъ случаѣ едва ли получилось бы больше революціонныхъ слѣдствій, такъ какъ — правду сказать — для революціонной дѣятельности въ народѣ почвы было мало. Уже тогда болѣе безпристрастные изъ насъ приходили къ заключенію, что нашъ народъ далеко не обладаетъ революціоннымъ настроеніемъ... Но, увлеченные своимъ собственнымъ революціоннымъ настроеніемъ, мы закрывали глаза на это обстоятельство и утѣшали себя тою мыслью, что всетаки крестьяне желали передѣла» *). Авторъ полагаетъ, что при нормальныхъ условіяхъ — «движеніе улеглось бы, приняло бы спокойное теченіе и, въ концѣ концовъ, пожалуй, мы оказались бы ничѣмъ другимъ, какъ «крайней лѣвой» нашего обще - земскаго движенія. Осѣли бы мы по деревнямъ, кто въ качествѣ учителя, кто фельдшеромъ, кто ремесленникомъ, и стали бы пропагандировать идеи соціализма. Окружающая дѣйствительность скоро наложила бы печать на нашу пропаганду; мы увидѣли бы кругомъ себя почти поголовную безграмотность (а какая же широкая пропаганда возможна среди безграмотнаго населенія); самъ собою выступилъ бы на очередь вопросъ о распространеніи въ народѣ грамотности и тому подобной культурной дѣятельности. Такъ рисуется мнѣ теперь эволюція нашего движенія, если бы условія русской жизни были сколько - нибудь нормальны, т. е. другими словами, если бы у насъ вмѣсто злого и глупаго правительства оказалось бы умное, которое сумѣло бы

---

*) „Воспоминанія", стр. 114.

правильно взглянуть на движеніе и предоставило его теченіе самому себѣ». Между тѣмъ «Дѣло о пропагандѣ въ 37-ми губерніяхъ» жандармы и прокуроры раздули, и травля приняла невѣроятные размѣры. Тюрьмы наполнились арестованными; за многими гонялись, какъ за звѣрями... Хватали направо и налѣво, правыхъ и виноватыхъ, никого не щадя, ни передъ чѣмъ не останавливаясь. Больной, умирающій,—тащи его»! *) «Хожденіе въ народъ» прекратилось не потому, что молодежь извѣрилась въ крестьянствѣ, которое, будто бы, считала единственнымъ носителемъ всѣхъ добродѣтелей,—а потому, что правительство заморило въ тюрьмахъ цѣлое поколѣніе. Цитированный авторъ насчитываетъ, что въ движеніи участвовало, самое большее, 2 — 3 тысячи человѣкъ. Въ тюрьмахъ же сидѣло гораздо больше. Уцѣлѣвшіе отъ жихаревскаго погрома перемѣнили тактику не въ силу разочарованія въ крестьянахъ, а подъ вліяніемъ совершенно другихъ причинъ.

V.

Новая эра въ Россіи, — говоритъ Диллонъ,—пришла вмѣстѣ съ капитализмомъ. «Капитализмъ сталъ факторомъ въ развитіи страны, факторомъ тѣмъ болѣе важнымъ, что фабричные болѣе объединены и сознательны, чѣмъ крестьяне. Цѣлая сѣть новыхъ желѣзныхъ дорогъ связала отдаленные города и разрушила невидимыя стѣны, препятствовавшія культурѣ проникнуть въ деревни. Плата за проѣздъ по дорогамъ понизилась, металлургическіе заводы выросли всюду, какъ грибы послѣ дождя, значительная часть сельскаго населенія отправилась на заработки въ шахты, внѣшняя торговля тоже сильно развилась». Десятки тысячъ крестьянъ, соблазненные хорошимъ заработкомъ, бросили надѣлы и ушли въ города. Нѣкоторые изъ нихъ нашли кое-какую черную работу, другіе—выбились и пріобрѣли извѣстное благосостояніе.

Но были и такіе, которые были оторваны отъ стараго дѣла и не пристали къ новому. Деморализованные новымъ положеніемъ, они брошены были въ одну кучу съ слабыми въ физическомъ и моральномъ смыслѣ. Образовались кадры, не приспособившіеся ни къ городской, ни къ деревенской жизни. Время создало также и такихъ людей, которые работали только короткими періодами и затѣмъ бродили изъ города въ городъ, наслаждаясь полной свободой. Отъ силъ каждой такой личности зависѣло, добудетъ ли она въ данный моментъ путемъ труда или насилія все необходимое для существованія. Прежде въ деревнѣ каждая такая личность чувствовала себя связанной въ общій пучекъ, звеномъ одной цѣпи. Теперь она почувствовала себя свободной отъ всякихъ узъ, кромѣ

---

*) „Воспоминанія“, стр. 114—116.

мученій голода и жажды. У такихъ людей явилась глубокая ненависть ко всѣмъ представителямъ организованнаго общества, къ земледѣльцу, торговцу, чиновнику, священнику и солдату *). Во всемъ этомъ—нѣтъ ничего новаго для русскаго читателя. Мы узнаемъ въ словахъ Диллона знакомый напѣвъ положеній марксистовъ-доктринеровъ. Мы видимъ ихъ схему. Но читатель, помнящій книгу «Russian Characteristics», недоумѣваетъ, какимъ образомъ народилась стремящаяся къ свободѣ личность въ народѣ, который, по заявленію автора, представляетъ только одну смрадную навозную кучу? Недоумѣніе увеличивается при чтеніи, напримѣръ, такихъ словъ: «Поразительный контрастъ между коснымъ крестьяниномъ и пролетаріемъ новаго типа былъ до такой степени очевиденъ, что даже наиболѣе близорукіе могли оцѣнить важное значеніе новаго явленія. Бродячій рабочій, босякъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, былъ болѣе симпатиченъ новой школѣ политической мысли, чѣмъ тупой и неподвижный крестьянинъ, покорно подчиняющійся своей «планидѣ» и отказывающійся помочь самому себѣ. Кромѣ того, нѣкоторые изъ этихъ сильныхъ парій, въ дѣйствительности, обладали замѣчательными способностями, при помощи которыхъ, при благопріятныхъ условіяхъ, могли бы занять видное мѣсто въ соціальной іерархіи. Они съ презрѣніемъ отвернулись отъ удовольствій, удобствъ и выгодъ цивилизованнаго общества и обмѣняли все это на абсолютную свободу, не скованную уголовнымъ кодексомъ или десятью заповѣдями нравственности... Центральной фигурой всѣхъ произведеній Горькаго является сильно одаренная, гордая и мятежная личность, стремящаяся къ идеальной свободѣ... Такая личность почти лишена инстинктовъ и принциповъ обще признанной морали. Она отрицаетъ всѣ условности, съ презрѣніемъ относится ко всякаго рода фиговымъ листкамъ и не стыдится собственной наготы. Такая личность гордится своимъ человѣческимъ достоинствомъ и тѣмъ, что она дитя природы; она болѣе искренна, чѣмъ «приличные» буржуа, прикрывающіеся маской нравственности и высасывающіе въ то же время кровь изъ своихъ ближнихъ. Воля личности крѣпка, мышцы сильны. Она въ высшей степени чувствительна къ красотамъ моря, неба, степи и лѣса. Личность страстно желаетъ наступленія момента, когда могла бы проявить свою творческую силу. Не только истома южной ночи и ласкающая теплота лѣтняго дня пріятны личности, но также завываніе урагана и громовые раскаты, подобные трубнымъ звукамъ послѣдняго дня». Въ «Russian Characteristics» авторъ доказываетъ, что русскій народъ—крестьяне, купцы, интеллигенція,—словомъ, всѣ классы совершенно выродились. Въ книгѣ о произведеніяхъ Горькаго мы узнаемъ, что сильная протестующая личность не есть что-нибудь новое, а, наоборотъ, это—явленіе, которое можно про-

*) „Maxim Gorky, His Life and Writings“, p. p. 116—122.

слѣдить во всей исторіи русскаго народа отъ легендарныхъ временъ. «Къ такому типу принадлежитъ былинный герой Василій Буслаевъ и Степанъ Разинъ».

Второй фазисъ отношенія Диллона къ Россіи отмѣченъ симпатіей къ народу и глубокой ненавистью къ правящему классу. Къ этому времени относятся корреспонденціи въ «Daily Telegraph», проникнутыя симпатіей къ освободительному движенію. Никто не далъ англійскимъ читателямъ такой яркой картины земскихъ съѣздовъ, какъ Диллонъ. Талантливый авторъ изо дня въ день доказывалъ, что русское общество давно уже созрѣло для конституціоннаго строя. Авторъ не находилъ достаточно сильныхъ выраженій для изображенія продажной, тупой, глупой и жестокой бюрократіи. Вся Англія содрогнулась отъ ужаса, читая корреспонденціи Диллона о «кровавомъ воскресеніи». Диллонъ вѣрно оцѣнилъ факторы, создавшіе русско-японскую войну, и въ числѣ первыхъ предсказалъ возможность пораженія Россіи *). Въ то время, какъ Генри Норманъ въ своемъ журналѣ «World's Work» авторитетно предсказывалъ, на основаніи «самыхъ точныхъ данныхъ», полный разгромъ Японіи, заключеніе мира на развалинахъ Токіо и возможное превращеніе страны Восходящаго Солнца чуть ли не вассальное государство,—Диллонъ писалъ: «Положеніе дѣлъ напоминаетъ скорѣе событія 1854 г., а не 1812 г. То, что случилось въ серединѣ прошлаго вѣка, можетъ повториться теперь». Въ мартѣ 1904 г. въ Англіи всѣ были подавлены еще обаяніемъ военной мощи Россіи и немногочисленностью японскихъ силъ. Тогда еще не знали, что русскіе полководцы одерживаютъ побѣды только надъ собственнымъ народомъ. Англія знала, что на одной сторонѣ—имперія, могущая выставить пять милліоновъ солдатъ, а на другой—«армія, состоящая изъ крошечныхъ, слабосильныхъ, желтыхъ человѣчковъ». И вотъ въ это время Диллонъ писалъ, что, хотя «русскій солдатъ и не нуждается въ похвалахъ, такъ какъ подвиги его достояніе исторіи», но бюрократическая машина такъ испорчена, что побѣда Японіи вполнѣ возможна. Слѣдуетъ помнить, что въ то время въ Англіи многіе предполагали, что Японія начала войну въ припадкѣ отчаянія, безъ всякой надежды на побѣду, подъ впечатлѣніемъ агрессивной политики Россіи.

Но вотъ наступили переговоры въ Портсмутѣ, а вмѣстѣ съ ними отношенія Диллона къ Россіи вступили въ третій фазисъ. Диллонъ поѣхалъ въ Америку, какъ представитель своей газеты. «Daily Telegraph» превратился въ органъ С. Ю. Витте. Каждый день Диллонъ по телеграфу сообщалъ, что русскій представитель—государственный геній, что Россія крѣпка только имъ. Никогда еще, кажется, ни одинъ государственный дѣятель не жилъ такъ для галлереи,

---

*) См. „Japan and Russia", Contemporary Review, March, 1904. Статья написана черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія войны.

какъ С. Ю. Витте въ то время. Русскій представитель заявилъ американскимъ репортерамъ, что онъ высоко цѣнитъ значеніе прессы и, если бы не Японія, онъ сообщилъ бы газетамъ мельчайшія подробности переговоровъ. Русскіе государственные дѣятели за границей страшно любятъ играть въ либерализмъ. Передъ американской прессой расшаркивался тотъ самый государственный дѣятель, при которомъ теперь русскую печать скрутили въ бараній рогъ! Для иностранцевъ—широкая, заискивающая улыбка; для своихъ—нахмуренныя брови и сжатый кулакъ Для иностранной галлереи—готовность подѣлиться съ нею (на словахъ, конечно) государственной тайной, для своихъ—запрещеніе газетъ и журналовъ, тюрьма для писателей, а главное, безсовѣстный обманъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ... Мнѣ не нужно напоминать читателямъ о дальнѣйшихъ событіяхъ ужаснаго года. Теперь у насъ народъ избавленъ по манифесту отъ тѣлеснаго наказанія, покуда казаки не изобьютъ нагайками или покуда мѣстный начальникъ не прикажетъ высѣчь мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей. Печать у насъ свободна, покуда журналъ или газету не закроютъ. Личность неприкосновенна, покуда г. Дурново или генералъ-губернаторъ не пошлютъ по своему распоряженію пробовать морошку въ Пинегу или юкалу—въ Средне-Колымскъ. Личность неприкосновенна, покуда начальникъ карательнаго отряда не прикажетъ разстрѣлять. За нами признана и свобода сходокъ, если г. приставъ одобритъ рѣчи ораторовъ. У насъ есть суды, покуда начальство не отдастъ судей, слѣдователей и даже прокуроровъ подъ надзоръ административной власти. Наша «эра реформъ» выразилась исключительно въ томъ, что правительство переняло у Западной Европы обычаи, преданные тамъ забвенію: «les missions bottées», драгонады и Варѳоломеевская ночь—у Франціи, способъ расправы съ Нидерландами и «Кровавый совѣтъ» — у Испаніи, Кровавую баню — у Швеціи. Передъ «своими» правительство не церемонилось. Оно устраивало поголовныя сѣченія, убивало безъ суда, выжигало деревни, набивало тюрьмы, ссылало административнымъ порядкомъ тысячи людей, отдавало судъ подъ контроль администраціи, разрушало артиллеріей и облагало контрибуціей русскіе же города, и это непосредственно послѣ торжественнаго объявленія четырехъ свободъ! Главная забота его состоитъ въ томъ, чтобы тамъ, за границей, гдѣ можно достать столь необходимыя для завоеванія русскаго народа «ефимки», — ничего не узнали. Но расправа съ Россіей приняла такой характеръ, что скрыть ее больше нельзя. Про подвиги г. Дурново, ген. Дубасова, Орлова, полковника Римана и другихъ кричитъ весь культурный міръ. Въ Англіи, въ Америкѣ, во Франціи, всюду печать и общество негодуютъ, ужасаются, протестуютъ. Правительству нужны друзья, которые защищали бы его и во всемъ обвиняли бы пострадавшій русскій народъ. И вотъ за это неблагодарное дѣло взялся Диллонъ. Въ «Daily Telegraph»

изо дня въ день появлялись статьи (то въ видѣ корреспонденцій, то въ видѣ интервью съ гр. Витте), въ которыхъ Диллонъ доказывалъ, что по Сенькѣ и шапка: русскій народъ получилъ то, что заслужилъ. Я не буду дѣлать выдержекъ, такъ какъ эти безпримѣрныя по безстыдству и цинизму своему статьи in extenso были переданы по телеграфу въ Россію и появились во всѣхъ газетахъ.

Цѣль моей статьи, конечно, не «обличать» Диллона. Въ концѣ концовъ,—что для него Россія? Диллонъ—блестящій, талантливый поверхностный и безпринципный иностранный журналистъ, для котораго смута и страданія нашей родины—только интересный и сенсаціонный матеріалъ. Я хотѣлъ только указать на тѣхъ, которые скрываются за Диллономъ. У нихъ нѣтъ даже мужества сознаться открыто въ своихъ дѣяніяхъ, что они должны были бы сдѣлать, если считаютъ все учиненное ими—государственной необходимостью. Стоящіе за плечами Диллона, кромѣ того, сѣютъ развратъ всюду. Они страшны не только драгонадами, кровавыми банями и попраніемъ элементарныхъ человѣческихъ правъ, но и тѣмъ, что тайно прибѣгаютъ къ подкупу, инсинуаціи и къ наглой клеветѣ, чтобы посѣять раздоръ въ рядахъ своихъ противниковъ. Послѣднее обстоятельство слѣдуетъ теперь особенно помнить русскому обществу.

Діонео.

Что думаетъ деревня?

(Впечатлѣнія очевидца).

I.

Чѣмъ ближе дѣло идетъ къ веснѣ, тѣмъ все болѣе и болѣе жадное вниманіе всѣхъ сосредоточивается на случайныхъ вѣстяхъ изъ деревни: какъ теперь настроенъ тотъ таинственный незнакомецъ изъ романовъ г-жи Радклифъ, съ которымъ Базаровъ отождествлялъ русскаго крестьянина? Да, что въ настоящее время думаетъ сѣрый русскій мужикъ, какъ понимаетъ онъ «освободительное движеніе», какъ относится къ нему? И, конечно, главнымъ образомъ интересно мнѣніе не представителей крестьянской интеллигенціи («сознательныхъ» крестьянъ, по терминологіи деревни), а мнѣніе и настроеніе всей деревенской сѣрой массы, рядовыхъ мужиковъ. Повсемѣстныя аграрныя движенія—это отвѣтъ самой жизни на поставленные выше вопросы, но отвѣтъ только частичный: въ настоящее время въ деревнѣ напряженно работаетъ мысль не только на почвѣ аграрно-экономической, но и въ области вопросовъ по-

литическихъ, правовыхъ, этическихъ... Все пришло въ броженіе, въ движеніе, и отыскать равнодѣйствующую всѣхъ этихъ силъ далеко не такъ просто, какъ это, быть можетъ, кажется со стороны.

Автору настоящей статьи въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ пришлось стоять довольно близко къ русской деревнѣ сѣверо-восточнаго района, а въ послѣдніе полъ-года—быть частымъ посѣтителемъ и гостемъ-участникомъ многихъ крестьянскихъ бесѣдъ, собраній, митинговъ, особенно частыхъ въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ минувшаго года. Предлагаемая статья представляетъ изъ себя общее резюме вынесенныхъ авторомъ за послѣднее время впечатлѣній изъ глухой деревни.

Мѣсто дѣйствія—сѣверная часть Юрьевскаго уѣзда Владимірской губерніи, глухой медвѣжій уголъ, представляющійся, однако, чрезвычайно удобнымъ для наблюденій, ибо на небольшомъ сравнительно пространствѣ трехъ-четырехъ волостей здѣсь сосредоточены самыя разнообразныя формы экономическихъ отношеній. Сѣверный уголъ Юрьевскаго уѣзда, Аньковская волость, граничитъ съ Ярославской губерніей; населеніе—типичные «ярославцы», парализующіе малоземелье отхожими промыслами и бойкими промышленными предпріятіями. Въ сосѣдней Мирславльской волости—иная картина: здѣсь малоземелье вынуждаетъ крестьянъ идти на фабрику (Иваново-Вознесенскъ) и вліяніе послѣдней уже замѣтно въ этомъ районѣ. Наконецъ, Глумовская волость отдѣлена широкой лѣсной полосой отъ двухъ предыдущихъ и опять-таки представляетъ изъ себя нѣчто совершенно иное: здѣсь типичные «владимірцы»; здѣсь хроническое малоземелье и наибольшее обостреніе аграрнаго вопроса и въ то же время здѣсь же (въ деревняхъ Грибаново, Теряево, Глумово и др.) цѣлый рядъ кулаковъ-крестьянъ, имѣющихъ по нѣсколько сотъ десятинъ, а потому и держащихъ въ рукахъ цѣлую округу. Все это разнообразіе экономическихъ условій дѣлаетъ эту мѣстность какъ нельзя болѣе удобной для знакомства съ тѣмъ «что думаетъ деревня?», что думаетъ о современномъ положеніи вещей крестьянинъ изъ глухого медвѣжьяго угла.

«Бесѣды» крестьянъ начались уже съ середины лѣта минувшаго года: по тридцати, по сорока человѣкъ собирались они «послушать газету», а кстати и обмѣняться всякими вѣстями, предположеніями, слухами, которыми полна была атмосфера. Когда вмѣстѣ съ осенью пришли въ деревню извѣстія о какихъ-то «митингахъ» въ Москвѣ и Петербургѣ, то сами собой начали организоваться и большія крестьянскія собранія по селамъ и деревнямъ. Именно сами собою: ничто не можетъ быть ошибочнѣе мнѣнія рептильной прессы, по которому всѣ крестьянскіе митинги устраивались по наущенію крамольной интеллигенціи... Первые митинги въ началѣ октября (въ селѣ Бережкѣ) организовались такъ: по воскресеньямъ къ обѣднѣ народъ собирался изо всей «вотчины», т. е. церковнаго прихода, изъ 6—7 деревень; послѣ обѣдни въ чайной и около нея собира-

4*

лось 300—400 человѣкъ, обсуждавшихъ новости дня (начало первой всеобщей забастовки въ Москвѣ, перерывъ сообщенія, забастовки и пр.). Недѣлю-другую спустя крестьяне стали уже устраивать специальные митинги и собранія.

Первое спеціальное собраніе, на которомъ пришлось мнѣ быть, происходило 22-го октября и было особенно интересно тѣмъ, что крестьянская молодежь и крестьяне, затронутые вліяніемъ фабрики, были здѣсь въ меньшинствѣ; громадное большинство составляла сѣрая масса, старики, люди стараго закала, сначала вполнѣ враждебно относившіеся къ самому факту собраній и даже къ манифесту 17-го октября: «какая такая свобода? что за союзы и собранія? ничего намъ этого не нужно. Намъ прежде всего земли бы побольше... да чтобъ земскихъ начальниковъ всѣхъ отставить»... Въ отвѣтъ на это одинъ «сознательный» крестьянинъ объяснилъ, что всѣ эти требованія осуществимы только на почвѣ началъ манифеста 17-го октября. Его выслушали съ большимъ вниманіемъ и немедленно послѣ этого загорѣлись споры—конечно, по вопросу о землѣ.

Прежде всего выступилъ ораторомъ одинъ изъ молодыхъ крестьянъ села *Бережка*, побывавшій не задолго передъ тѣмъ во Владимірѣ и попавшій тамъ случайно на одно собраніе интеллигенціи и рабочихъ, обсуждавшихъ вопросъ о булыгинской думѣ въ связи съ выясненіемъ партійныхъ программъ. Онъ объяснилъ значеніе выборной системы, пользу всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія и вредъ для широкой массы крестьянства четырехстепенной булыгинской системы; затѣмъ разсказалъ о разныхъ партіяхъ и объ ихъ отношеніи къ крестьянскому вопросу. «Вотъ когда я былъ во Владимірѣ на собраніи, то вышелъ говорить одинъ человѣкъ: я, говоритъ, соціалистъ, и наша партія стоитъ за то-то и за то-то; всю землю, говоритъ, надо отдать всѣмъ трудящимся земледѣльцамъ и подѣлить между ними уравнительно по справедливости; пусть земля будетъ общая, а пользоваться ей будутъ всѣ трудящіеся. А потомъ вышелъ другой человѣкъ: я, говоритъ, тоже соціалистъ, и наша партія думаетъ совсѣмъ иначе; не въ землѣ, говоритъ, дѣло, а въ фабрикѣ... Ну, словомъ сказать, этотъ совсѣмъ противъ нашего брата говорилъ! Я думаю такъ: не былъ ли онъ отъ партіи помѣщиковъ? А тоже говоритъ — соціалистъ!»... Тутъ одинъ изъ интеллигентовъ разъяснилъ собранію существенную разницу между двумя партіями, соціалъ-демократовъ и соціалъ-народниковъ, послѣ чего собраніе занялось детальной разработкой земельнаго вопроса.

Интересно, что наиболѣе консервативные «старики» давали на этотъ вопросъ наиболѣе радикальные отвѣты; такъ, напримѣръ, какой бы то ни было выкупъ за землю они отвергали совершенно. Крестьянинъ села *Скомова* заявилъ, что при общей разверсткѣ всей земли каждый помѣщикъ получитъ свою долю, такъ какъ раз-

верстка будетъ всесословная; старикъ крестьянинъ села *Лобцова* высказалъ наиболѣе крайнее мнѣніе: «никакой земли при разверсткѣ помѣщикамъ давать нечего — довольно они насосались! А вотъ какъ надо сдѣлать: землю — отобрать у помѣщиковъ и дать крестьянамъ, а всѣ налоги—съ крестьянъ сложить на помѣщиковъ»... Однако столь радикальный проектъ не встрѣтилъ сочувствія въ собраніи даже среди крайнихъ лѣвыхъ его элементовъ. Какъ бы то ни было, но идея принадлежности всей земли трудящемуся на ней классу—идея вѣковая, не погасшая даже при апогеѣ крѣпостного права («мы господскіе, а земля наша»—характерная крестьянская поговорка тѣхъ временъ, часто приводимая Герценомъ). На томъ собраніи, однако, о которомъ идетъ рѣчь, идея эта не обсуждалась подробно, такъ какъ время заняли дебаты на болѣе практическую тему — какую землю нужно взять крестьянамъ, на какихъ условіяхъ и сколько этой земли нужно на душу? По заявленію самихъ крестьянъ 3½ дес. на душу составляютъ въ нашихъ мѣстахъ тотъ максимумъ, для обработки котораго нужно уже работать сверхъ силъ; при нормальномъ, не сверхсильномъ, «человѣческомъ» трудѣ, средняя семья изъ пяти душъ (отецъ, мать, взрослые сынъ и дочь и малолѣтокъ) обработаетъ не болѣе 10-ти десятинъ въ случаѣ посѣва льна, и не болѣе 13-ти дес. при посѣвѣ овса. Предлагалось поэтому добиваться надѣленія всѣхъ крестьянъ землей по 3 дес. на душу (пахотной); однако большинство возстало противъ такой нормировки по количеству, указывая на разницу земель по качеству. Поэтому въ томъ пунктѣ приговора, составлявшагося на этомъ собраніи, который относился къ земельному вопросу, было высказано только слѣдующее: «требуемъ безвозмездной передачи намъ, крестьянамъ, и всѣмъ трудящимся на землѣ въ потѣ лица—всѣхъ казенныхъ, государственныхъ, церковныхъ и имъ подобныхъ земель, а также и помѣщичьихъ, чтобы въ общемъ у каждаго было столько земли, чтобы она давала возможность жить безбѣдно и *оправдывать наши семейства*». Послѣднее выраженіе означаетъ собою въ нашемъ углу возможность всю зиму питаться *своимъ* хлѣбомъ и отъ стараго хлѣба до новаго ни у кого его не занимать и не покупать; какъ извѣстно, въ настоящее время «оправдывать свои семейства» даже въ урожайные годы могутъ только зажиточные крестьяне.

Это собраніе длилось шесть часовъ подрядъ; уже поздно вечеромъ народъ разошелся по своимъ деревнямъ, намѣтивъ предварительно мѣсто и время слѣдующаго собранія.

Слѣдующее собраніе привлекло массу народа изъ дальнихъ деревень, верстъ за 20—25; было больше молодежи фабричнаго района, но не мало и старозавѣтныхъ стариковъ. На этомъ собраніи земельный вопросъ обсуждался крестьянами уже съ чисто теоретической точки зрѣнія, и дебаты были особенно интересны тѣмъ, что «сознательные» крестьяне въ нихъ почти не принимали

участія, а высказывала свои наболѣвшія и годами складывавшіяся мысли лишь «сѣрая» масса. Земля—ничья, земля—Божья: эту идею русскій крестьянинъ всасываетъ въ себя съ молокомъ матери; нарушеніе этого принципа онъ дѣйствительно считаетъ «великимъ грѣхомъ», и потому всякая соціальная революція въ русской крестьянской массѣ всегда будетъ основываться на религіозномъ—въ широкомъ смыслѣ—фундаментѣ. Слишкомъ долго было бы приводить всѣ собранные мною по этому вопросу матеріалы — крестьянскія письма, записи рѣчей, отдѣльныя статьи крестьянъ, написанныя ими же самими. Ограничусь только сообщеніемъ трехъ статей по этому вопросу одного стараго крестьянина, типичнаго русскаго самородка, уже давно (по его словамъ лѣтъ 10—15 тому назадъ) «своимъ умомъ» пришедшаго къ ниже изложеннымъ мыслямъ. Это—крестьянинъ Владимірской губерніи, Юрьевскаго уѣзда, Глумовской волости, деревни Зубатова—Иванъ Максимовичъ Назаровъ; ему теперь за 50-тъ лѣтъ; за всю жизнь никуда не выѣзжалъ дальше ближайшаго уѣзднаго города; за послѣднее время много читалъ все безъ разбора, начиная съ исторіи Иловайскаго и кончая исторіей философіи Фулье (!). Это безпорядочное чтеніе, отразившееся на внѣшней формѣ его статей (терминологія и т. п.), натолкнуло его на мысль—попытаться самому изложить свои давно выношенныя мысли въ связной формѣ. Въ результатѣ появились три статьи по земельному вопросу: первая написана въ октябрѣ, вторая — въ ноябрѣ и третья—въ концѣ декабря минувшаго года. Статьи эти были неоднократно читаны мною на крестьянскихъ собраніяхъ и всегда сопровождались шумными одобреніями слушателей и замѣчаніями вродѣ: «вотъ вѣрно сказалъ Иванъ Максимовъ!..» «Что у насъ на умѣ, то у него на языкѣ!..» и т. п. Намъ кажется, что излагаемыя ниже эти три статьи являются цѣннымъ *историческимъ* документомъ: въ нихъ ярко и вѣрно отражена коллективная мысль милліоновъ неизвѣстныхъ намъ Назаровыхъ; ихъ можно поэтому считать показателемъ того, какъ настроена и что думаетъ теперь о землѣ «сѣрая» русская деревня.

II.

Первая статья озаглавлена «*Остатокъ варварства*» и разсматриваетъ вопросъ о частной земельной собственности съ точки зрѣнія, главнымъ образомъ, экономической. «Было время—такъ начинаетъ Иванъ Назаровъ эту статью—когда человѣкъ былъ собственностью другого человѣка. То было время варварства, но это отошло въ исторію прошлаго: теперь человѣкъ не можетъ пріобрѣсть въ собственность другого человѣка. Но остатокъ варварства существуетъ до сихъ поръ: это—въ частной земельной соб-

ственности». Чтобы доказать это основное положеніе своей статьи, Назаровъ разсматриваетъ отношеніе между не имѣющимъ (или имѣющимъ мало) земли земледѣльцемъ и имѣющимъ пахотную землю, покосъ или лѣсное угодье землевладѣльцемъ. Первый изъ нихъ — лишенъ «благихъ даровъ природы», а потому и принужденъ покупать ихъ у второго по очень высокой цѣнѣ, «напримѣръ, пахотную землю покупать по двадцати рублей за одну десятину» (здѣсь, конечно, «покупать» имѣетъ значеніе нанимать). Допустимъ, что первый арендуетъ у второго одну десятину пашни и предоставимъ продолжать Назарову: «но вотъ владѣлецъ земли и пахарь написали условіе: «цѣна двадцать рублей, срокъ платежа—такой-то мѣсяцъ, такой-то день»,—но пахарь съ урожаемъ и рынкомъ или базаромъ договориться не можетъ. Въ концѣ концовъ пахарю приходится собрать все то, что дала ему земля, и продать и отдать землевладѣльцу, да еще прибавить свой трудъ, пашню и сѣмена ему же. Стало быть, пахарь во все то время, въ которое обрабатывалъ эту землю, состоялъ рабомъ землевладѣльца, землевладѣлецъ же въ это время состоялъ рабовладѣльцемъ, злымъ варваромъ».

Болѣе подробно Назаровъ останавливается на покосѣ, относительно котораго приводитъ слѣдующую небезъинтересную расцѣнку: покосъ заарендованъ людьми, не имѣющими своей пашни и покоса, за извѣстную цѣну, напримѣръ, такая-то пожня за тридцать рублей; предположимъ, что накошено десять возовъ (надо замѣтить, что всѣ приводимыя далѣе цифры вполнѣ точно соотвѣтствуютъ экономическимъ условіямъ Глумовской волости). «Стоимость воза три рубля—трава на корню; срѣзать траву, высушить и поднять въ стога—работа эта будетъ стоить за каждый возъ два рубля; значитъ, за возъ три рубля деньгами и два рубля добавляется работой, итого пять рублей. Разстояніе отъ базара или рынка двадцать пять верстъ; все равно—везти ли на рынокъ сѣномъ, или кормить скотину на рынокъ: какъ по тому, такъ и по другому съ базаромъ договоръ заранѣе не сдѣлаешь. А между тѣмъ, съ покосовладѣльцемъ уже сдѣланъ договоръ—ему отдай тридцать рублей за пожню; его цѣна устойчива, а твоя нѣтъ. Въ такомъ случаѣ покосонанимателю придется отправить сѣно на базаръ, продать возъ по пяти рублей, а можетъ быть и дешевле, а можетъ быть и по шесть рублей. Пусть по шесть. Тогда покосонаниматель получитъ обратно три рубля, отданные имъ за траву, и два за уборку и одинъ рубль за провозъ на рынокъ». Тутъ повторяется та же исторія: покосовладѣлецъ состоитъ рабовладѣльцемъ, покосонаниматель—рабомъ, такъ какъ онъ получаетъ три рубля отъ воза сѣна за счетъ своего личнаго труда, а покосовладѣлецъ получаетъ три рубля отъ воза сѣна за счетъ чужого труда. Если бы покосонаниматель имѣлъ свое луговое угодье, тогда онъ получилъ бы за свой личный трудъ цѣликомъ по шести рублей

отъ воза сѣна; покосовладѣлецъ тогда принужденъ бы былъ приложить свой личный трудъ или не получить ничего за чужой трудъ...»

Наконецъ, то же самое повторяется и относительно лѣсныхъ угодій; о нихъ, по мнѣнію Назарова, не стоитъ даже и говорить, ибо всякій знаетъ «какъ владѣльцы лѣсовъ высасываютъ кровь изъ населенія. Лѣсные рабочіе это—первые рабы лѣсовладѣльцевъ; они тяжело работаютъ и получаютъ небольшую заработную плату, а кромѣ того принуждены брать у хозяина въ счетъ заработка предметы потребленія по очень высокой цѣнѣ, терпѣть штрафы, недополучки и всякій произволъ лѣсовладѣльца; установить законность нѣтъ никакой возможности: всю эту мѣстную бѣдноту матеріальныя условія заставляютъ гнуться передъ жестокой волей лѣсовладѣльца. Все остальное мѣстное населеніе должно ѣхать къ лѣсовладѣльцу за предметами необходимости—за дровами и лѣсными матеріалами, везти добытыя кровавымъ потомъ денежки, послѣ чего оставаться полубосыми, полунагими, полуголодными. Что же послѣ этого представляютъ изъ себя лѣсовладѣльцы или частные землевладѣльцы, какъ не варваровъ-поработителей, захватывающихъ чужой трудъ? Это все равно, какъ отвратительные пауки съ кровожаднымъ злорадствомъ выжидаютъ неизбѣжныхъ своихъ жертвъ...»

Вотъ въ чемъ заключается, по мнѣнію Назарова, «остатокъ варварства» въ частной земельной собственности: всякая частная земельная собственность есть, по его выраженію, «замаскированное рабство», превосходящее по своей жестокости открытое рабство недавняго прошлаго. Дѣйствительно, продолжаетъ Назаровъ, прежде «рабъ утрачивалъ свой трудъ на рабовладѣльца, но послѣдній же и содержалъ его, хотя рубищемъ, но все же покрывалъ его тѣло, а также и кормилъ его, хотя бы гнилымъ хлѣбомъ или даже тѣстомъ, но все же содержалъ; да и тѣло человѣка-раба всецѣло принадлежало рабовладѣльцу, который и берегъ его въ силу своихъ экономическихъ интересовъ. Теперь обратимся къ современнымъ замаскированнымъ рабовладѣльцамъ и рабамъ. Теперешній рабъ нанимаетъ землю у собственника, по контракту назначается время платежа безъотсрочно, а потомъ пашетъ и сѣетъ. Потомъ приходитъ время уборки; земля ничего не уродила, хоть пахарь и радъ бы убрать въ пользу землевладѣльца—конечно, на своемъ рубищѣ и хлѣбѣ, котораго у него нѣтъ; ни гнилого хлѣба, ни тѣста, какъ это кормили рабовладѣльцы своихъ рабовъ. Тутъ приходится босоногимъ полунагимъ мальчуганамъ стрѣлять отъ лачуги къ лачугѣ, выпрашивать милостыню. Но землевладѣлецъ не хочетъ взять обработаннаго пахаремъ съ его земли товара, такъ какъ онъ не отвѣчаетъ стоимостью той цѣнѣ, которая назначена за землю; поэтому пахарю нужно товаръ везти домой, дообработать и продать и отдать цѣ-

ликомъ землевладѣльцу. Конечно, этой суммы не хватитъ; землевладѣлецъ обращается къ властямъ, по суду требуетъ доплаты; исполнители законности являются, продаютъ овецъ или корову и вручаютъ недоплату землевладѣльцу. Бѣдный замаскированный рабъ! Онъ не только пожертвовалъ своимъ рабскимъ трудомъ на обработку той земли, которую нанималъ у землевладѣльца на своемъ рубищѣ и милостинныхъ кускахъ, но и еще добавилъ свою корову! Безсердечное бичеваніе! Какъ противно было открытое, такъ же мерзко и прикрытое рабство въ земельной собственности...»

Итакъ, несмотря на то, что рабство давно уничтожено, осталась во всей силѣ худшая форма «замаскированнаго» рабства, донынѣ тяготѣющаго надъ народомъ. И народъ теперь понялъ это—такъ заканчиваетъ Назаровъ свою статью: «народъ понялъ; онъ пришелъ къ сознанію, что такую жизнь не Богъ создалъ, а чортъ сковалъ. Пора бы и отцамъ народа придти къ тому сознанію, что народъ понялъ все. Налѣпить паутину на глаза теперь не возможно, Народъ понялъ, что капиталисты, собственники земли и лѣса, владѣютъ его собственнымъ трудомъ, отъ котораго ему не останется ничего. А это и есть варварство рабовладѣльчества»... И къ этимъ «отцамъ народа» Назаровъ обращается съ заключительными словами: «да, подумайте, господствующіе классы, разберитесь въ этомъ вопросѣ!..» «...Братцы! по закону божію мы должны одинаковое имѣть на землю право! Всѣ благіе дары природы должны принадлежать вообще всей человѣческой семьѣ; если признаемъ за собой право на землю, то за остальными нужно признавать такое же право»...

Послѣднія слова являются логическимъ переходомъ ко второй статьѣ, въ которой вопросъ о частной земельной собственности разсматривается преимущественно съ этико-правовой точки зрѣнія. Заглавіе статьи—«*Естественный законъ природы и естественное право*»; что понимаетъ Назаровъ подъ такими терминами — видно съ самаго же начала статьи:

«Въ силу какого закона дуетъ вѣтеръ, гремитъ громъ, идетъ дождь, течетъ вода, а также бываетъ зима и лѣто, день и ночь?—въ силу естественнаго закона природы. Естественный законъ природы простирается также и на человѣка: почему человѣкъ спитъ и ѣстъ, и пьетъ?—въ силу естественнаго закона природы, который былъ положенъ при сотвореніи природы самимъ Богомъ»...

Въ силу этого «естественнаго закона природы» люди не могутъ существовать безъ ѣды, безъ питья, безъ сна, а также безъ топлива, безъ одежды и обуви; однако—продолжаетъ далѣе Назаровъ нить своего разсужденія—человѣкъ, подчиняясь естественному закону природы, неизбѣжно приходитъ въ соприкосновеніе съ интересами другихъ людей; только сонъ и питье изъяты изъ этого ряда, ибо «человѣкъ можетъ спать самъ собой, не затрагивая интересовъ

другихъ, а также и пить, такъ какъ воды хватитъ въ изобиліи»... Все остальное — пища, одежда, топливо — неизбѣжно сталкиваетъ интересы каждаго съ интересами всѣхъ, при чемъ всѣ люди должны быть удовлетворены: «такъ какъ по естественному закону природы всѣ люди одинаковыя имѣютъ потребности, то отсюда вытекаетъ одинаковое для всѣхъ людей естественное право»... Но пища, одежда, топливо и пр. получаются, только какъ продукты труда, а именно получаются изъ растительнаго царства и изъ царства животныхъ. Чтобы получить необходимыя потребности изъ царства растительнаго, для одежды, обуви и пищи, нужно копать и пахать землю; чтобы получить необходимыя потребности изъ царства животныхъ, нужно имѣть домашнихъ животныхъ, для которыхъ необходимо имѣть выгоны и пастбища, а также и укосные луга, съ которыхъ бы получать запасы корма на зиму»... Отсюда вытекаетъ одинаковое для всѣхъ людей естественное право на землю, выгоны, пастбища и укосы; а такъ какъ нельзя существовать безъ жилища, безъ топлива и вообще безъ «деревянныхъ подѣлокъ», то отсюда слѣдуетъ одинаковое для всѣхъ естественное право на лѣсъ.

Итакъ, право каждаго на всѣ «благіе дары природы» теоретически обосновано; болѣе того, такъ какъ потребности людей въ общемъ одинаковы, то отсюда слѣдуетъ, что «ни одинъ человѣкъ не долженъ имѣть земли, луга, выгона, пастбища или лѣса больше того, чѣмъ всѣ другіе его братья, подобные ему по природѣ и потребностямъ люди»...

Такова теорія; на практикѣ же мы видимъ другое: небольшая кучка людей захватила огромное количество земли въ частную собственность (какъ представляетъ себѣ этотъ захватъ Назаровъ— мы увидимъ изъ его третьей статьи); захватъ этотъ лишилъ «благихъ даровъ природы» всѣхъ остальныхъ людей. Справедливо ли это?—нѣтъ, такъ какъ здѣсь нарушено естественное право, покоящееся на естественномъ законѣ природы, и нарушено при томъ небольшой кучкой на погибель громаднаго большинства. «Но подумайте, господа землевладѣльцы, — обращается авторъ къ этой группѣ, — куда же дѣваться этимъ людямъ, несправедливо лишеннымъ дара божія, земли, вопреки естественному закону природы и естественному праву? На это, пожалуй, отвѣтить не затруднятся господа землевладѣльцы; они скажутъ: «пусть обрабатываютъ нашу землю исполу»; т. е. въ такомъ смыслѣ: владѣлецъ дастъ землю, не имѣющій земли дастъ свой трудъ на обработку земли, а потомъ получившійся урожай подѣлятъ пополамъ. Но подумайте, господа землевладѣльцы: вѣдь не имѣющій земли получитъ половину урожая за свой личный трудъ, ему бы слѣдовало получить и весь урожай, такъ какъ онъ произведенъ его трудомъ, а безъ его труда урожай не былъ бы произведенъ; но вы за что получите половину урожая, господа землевладѣльцы? Вы, пожалуй, скажете, что за землю? Но вѣдь вы землю произвести никогда не могли, создать ее, сдѣлать,

увеличить тоже не могли! А можетъ быть вы при рожденіи своемъ извлекли землю изъ утробы матери своей? — въ такомъ случаѣ у васъ и явилась бы своя собственная земля, за которую вы и въ правѣ получать половину урожая... Нѣтъ, господа, нѣтъ! Земля есть даръ Божій всей человѣческой семьѣ! Получка половины урожая за землю — тоже, что получка разбойника, пришедшаго къ мирному жителю и сказавшаго ему: «давай мнѣ хлѣба, овса, сѣна и золота! а не дашь, такъ я приду со своими молодцами да и самъ возьму!» Приходится давать всего, дрожа за свою жизнь... Нѣтъ, господа, землевладѣльцы, нѣтъ! Земля была землей до васъ, тѣмъ же будетъ и послѣ васъ. Въ силу какого закона мирный житель даетъ всего разбойнику, въ силу того же самаго даетъ неимущій земли половину урожая землевладѣльцу.

«Народы, или лучше сказать отцы народовъ! посмотрите на животныхъ,—тѣ и то нравственнѣе васъ: по сколько головъ ходятъ въ одномъ табунѣ—по сто, по двѣсти, даже по тысячѣ, но всѣ они мирно щиплютъ одну и ту же травку; довольно отогнать одной другую на пять, на десять шаговъ, а потомъ опять продолжаютъ мирно щипать ту-же травку. Если животное прогонитъ отъ своего рыла другое на два, три, четыре, пять шаговъ, то тамъ уже признаетъ за нимъ такое же право, какъ и за собою: всѣ они получаютъ сколько кому надо. Да посмотрите, отцы народовъ, не только на домашнихъ, но и на дикихъ, не только на травоядныхъ, но и на хищныхъ животныхъ, даже и на птицъ, напримѣръ, гусей, утокъ: всѣ они живутъ большими обществами, и хотя они твари и немыслящія, но признаютъ другъ за другомъ одинаковое естественное право на всѣ благіе дары природы, и не издаютъ законовъ, но твердо и неуклонно подчиняются естественному закону природы. Но отцы народовъ, и не только свѣтскіе, но и высокопреосвященные златоносцы, не только сумѣли обойти и извратить ученіе Христа: «иже имѣетъ двѣ ризы, да отдастъ неимущему» и другія евангельскія истины и естественный законъ природы и естественное право, но даже отняли у людей самый высочайшій даръ Божій—свободу слова, заставили людей быть безгласными, какъ раба. Отцы народа создали такіе законы, по которымъ люди не могли бы иначе мыслить, писать и говорить, какъ только то, что угодно тѣмъ же попечителямъ народа. Нѣтъ, господа! это все противно естественному закону природы и естественному праву!

«Да, если животныя другъ за другомъ признаютъ одинаковое естественное право, то за то человѣкъ далеко обошелъ ихъ своими хитро придуманными законами. Животное прогнало отъ своего рыла другое на три—пять шаговъ и довольно; но человѣкъ гонитъ сто семдесятъ другихъ человѣковъ отъ себя за десять, за пятнадцать, за двадцать, даже за тридцать верстъ; это огромное пространство онъ считаетъ своимъ, къ которому не прикладывалъ ни физическаго, ни умственнаго труда и которое въ силу есте-

ственнаго закона природы съ каждымъ годомъ приращиваетъ свои богатства. На этомъ огромномъ пространствѣ много богатствъ прирастаетъ, но много ихъ и пропадаетъ; лѣса растутъ и подсыхаютъ и представляютъ изъ себя такую трущобу, въ которую и войти не возможно: тутъ подсохли и свалились деревья разныхъ возрастовъ, много стоитъ сухихъ, которыя не успѣли еще свалиться, но потомъ тоже свалятся... Сколько тутъ гніетъ и пропадаетъ добра безъ пользы! а также пропадаютъ безъ пользы лѣсные ручьи, лога, логовины: всѣ они зарощены кустарникомъ, бурьяномъ, завалены валежникомъ. Все это могло бы быть вычищено и могло бы представиться хорошими покосами, съ которыхъ бы получалась не одна тысяча возовъ сѣна. Но увы! все это и милліоны возовъ свалившагося лѣса пропадаетъ только потому, что одинъ человѣкъ прогналъ другихъ сто семьдесятъ человѣковъ, которые въ силу естественнаго закона природы одинаковое должны имѣть съ нимъ естественное право. Тогда всѣ одинаково были бы сыты и теплы и про всѣхъ бы хватило...

«О, какъ человѣчество озвѣрѣло и одичало! Человѣчество должно бы издавать законы на основахъ естественнаго закона природы и на основахъ естественнаго права, и тогда въ такихъ законахъ человѣчество нашло бы миръ и упокоеніе. Но человѣчество сумѣло обойти этотъ святой свѣтильникъ, фонарь, не только въ языческомъ, но и въ христіанскомъ мірѣ; оно выковало такую цѣпь законовъ, которые небольшой кучкѣ даютъ и позволяютъ все, огромнымъ же массамъ не даютъ и не позволяютъ ничего. Но есть обличитель: это—естественный законъ природы, по которому всѣ люди одинаковыя имѣютъ потребности, а отсюда и вытекаетъ одинаковое для всѣхъ людей естественное право»...

Такъ кончается вторая статья, изъ которой мы позволили себѣ буквально привести большую часть, ибо именно здѣсь мы находимъ глубоко-интересное этическое обоснованіе народнаго воззрѣнія на несправедливость частной земельной собственности. Какъ могла возникнуть подобная несправедливость?—это уже вопросъ исторически-правовой, и въ высшей степени интересно послушать, какъ рѣшаетъ этотъ вопросъ по своему крайнему разумѣнію «сѣрый» крестьянинъ, вооруженный учебникомъ русской исторіи Иловайскаго (!). Результаты, какъ мы это сейчасъ увидимъ—самые неожиданные; читатель ихъ найдетъ въ третьей и послѣдней статьѣ Назарова, озаглавленной: «*Первые владѣтели русской земли. Незаслуженная награда. Заслуга безъ наградъ*»; статья эта — своеобразная философія русской исторіи, центральнымъ пунктомъ которой является мысль объ исторической незаконности частной земельной собственности въ Россіи.

«Въ отдаленныя времена глубокой древности—такъ начинается эта статья—люди, тѣснимые другъ другомъ, заходятъ въ лѣсную глушь теперешней Россіи; люди эти, какъ передаетъ исторія, были

разныхъ народностей, изъ которыхъ къ нашему времени составилась одна русская народность. Народы эти были такъ же свободны, какъ вѣтеръ: дичь въ лѣсу, зерно въ полѣ, плоды на деревьяхъ, рыба въ рѣкахъ и озерахъ—все принадлежало имъ. Но вотъ начинаются распри и раздоры между первыми владѣтелями русской земли. Это дало поводъ къ призванію князей изъ-за моря, отъ варяговъ; они пришли со всѣмъ своимъ племенемъ, которое называлось Русь, изъ котораго составилось военное сословіе или каста, называемая дружиной»... И далѣе въ статьѣ идетъ подробный пересказъ первыхъ трехъ вѣковъ русской исторіи строго «по Иловайскому»; освѣщеніе фактовъ, однако, всецѣло принадлежитъ самому Назарову. Онъ подчеркиваетъ, что съ призваніемъ князей народъ утратилъ волю, «за народомъ осталась только тѣнь свободы—это вѣчевыя сходки», которыя, однако, были мало по малу уничтожены князьями.

Что же дали народу князья и дружинники? По мнѣнію Назарова, они раззорили Россію и привели ее на край гибели. «Княжескіе рода размножились, а такъ-же и рода дружинниковъ; пошли раздоры и междоусобныя войны, которымъ не было конца. Князья воевали другъ съ другомъ не только при помощи своихъ дружинниковъ, но и при помощи народа, который принужденъ былъ отвоевывать интересы своего князя; въ случаѣ неудачи народъ расплачивался своей собственной шкурой, потому что народъ побѣжденнаго князя подвергался погромамъ и уводился въ плѣнъ, обращался въ холопство, рабство, со всѣмъ своимъ будущимъ потомствомъ, какъ князьями побѣдителями, такъ и ихъ дружинниками. Отъ такихъ безпорядковъ народъ раззорялся и бѣдствовалъ»... Вотъ что *дали* русской землѣ князья и дружинники; но за то они *взяли* отъ народа и землю, и волю. «Земля понемножку стала *окняжевываться* и *обояриваться*, то есть князья начинаютъ дѣлать захватъ земли въ свою собственность; то же право получаютъ отъ нихъ дружинники. Такимъ образомъ, явились крупные и мелкіе землевладѣльцы помѣщики. Съ утратой земли народъ все еще считался какъ бы свободнымъ—онъ имѣлъ право перехода отъ одного помѣщика къ другому; но это все равно: что тому, что другому не миновать платить за землю частью урожая. Какая можетъ быть свобода для людей, не имѣющихъ своей земли? Тутъ нѣтъ и тѣни свободы, тутъ порабощенъ цѣлый народъ цѣлому военному сословію; только воля въ томъ, что могъ каждый рабъ перевести себя изъ рабства господина въ рабы къ другому господину. Но и это понемногу утрачивается—по давности жительства на одномъ мѣстѣ при одномъ помѣщикѣ, или при задолженности помѣщику: въ такихъ случаяхъ переходы не позволялись.

«Такую страшную награду получило военное сословіе или каста—княжескіе дружинники! За какую услугу? Ни за какую!.. Князья, призванные народомъ для отправленія правосудія (а не для ото-

бранія земли народа и не для того, чтобы передать ее въ руки дружинниковъ) своими раздорами и междоусобными войнами довели народъ до такихъ страданій и отчаяній, что онъ не могъ переносить: онъ расходился съ кіевской земли куда попало; то же повторилось въ періодъ сѣверно-восточный. Князья обезсилили Россію своими раздорами, пролили кровь ея народа въ междоусобныхъ войнахъ. Сосѣди видѣли это; кто не брезговалъ случаемъ поживиться русскимъ добромъ, тотъ бралъ все, что хотѣлъ—хлѣбъ, скотъ, золото, плѣнниковъ; князья же не хотѣли этого видѣть и слышать—имъ некогда было: они сводили счеты между собой. Князья не только не могли или не хотѣли защитить народъ отъ сосѣдей, они даже часто сами заводили въ свою землю своихъ враговъ одинъ противъ другого—то варяговъ, то печенѣговъ, въ кіевскій періодъ; въ сѣверо-восточный періодъ сколько разъ заводили татаръ, какъ великихъ своихъ благодѣтелей; но эти приливы и отливы чужеземцевъ всегда были сопряжены съ народными погромами и плѣнниками»...

Таковы, по мнѣнію Назарова, итоги удѣльнаго періода русской исторіи: раззореніе русской земли дружинниками и «незаслуженная награда» за это—переходъ всей земли въ собственность этихъ же самыхъ дружинниковъ, позднѣе образовавшихъ собою служилое дворянство. Въ московскомъ періодѣ эта награда становится, по выраженію Назарова, еще «страшнѣе», такъ какъ дворяне-помѣщики получаютъ въ собственность не только землю, но и народъ. Сперва московскіе князья и цари оказали Россіи нѣкоторую услугу—объединили ее, освободили отъ татарскаго ига, избавляли отъ самовластія мелкихъ князей, и вообще «мало поддавались по пути къ народному безправію»; но вотъ явился Борисъ Годуновъ «и сдѣлалъ на этомъ пути сразу огромный скачекъ: онъ прикрѣпилъ крестьянъ къ землѣ тѣхъ помѣщиковъ, на которой они находились. Послѣ этого помѣщики получили народъ въ рабство; они могли продавать и покупать людей, какъ домашнихъ животныхъ. Эта страшная награда не только не заслужена, но и не законна: не заслужена потому, что они—помѣщики, княжескіе дружинники—не спасли Россію отъ варварскихъ нашествій, какъ, напримѣръ, отъ татаръ; незаконна потому, что первоначально рабство на землѣ явилось такъ: во-первыхъ, во время голода родители продавали своихъ дѣтей, во-вторыхъ, въ рабство обращались военно плѣнные. Но Борисъ Годуновъ, во-первыхъ, не терпѣлъ голода и не былъ отцомъ всѣхъ русскихъ людей, а во-вторыхъ, всѣ русскіе люди не были военноплѣнными Бориса»...

Какъ-бы то ни было, но беззаконіе совершилось, и крестьяне окончательно утратили и землю, и волю; исконныя права крестьянъ произвольно попирались помѣщиками. Такъ, напримѣръ, замѣчаетъ Назаровъ, согласно канонамъ, духовенство должно избираться прихожанами; но мѣстные крупные помѣщики добивались отъ еписко-

повъ постановленія во священники своихъ холоповъ, черезъ которыхъ и извлекали изъ народа лишніе доходы. «Да, ставленный священникъ—какое слово правды ученія Христова могло исходить отъ него къ человѣку, котораго онъ былъ собственностью, рабомъ? То же самое и къ народу, котораго онъ могъ учить и наставлять только тому, что было выгодно его господину»...

Потянулись вѣка крѣпостного права. Какъ могъ вынести его народъ? Народъ, отвѣчаетъ Назаровъ, «былъ доведенъ до конца умственнаго отупѣнія, вслѣдствіе котораго и былъ потомъ способенъ переносить надъ собой такія страшныя надругательства»... И онъ приводитъ рядъ мѣстныхъ воспоминаній и преданій объ ужасахъ крѣпостного права. Такъ, напримѣръ, помѣщикъ Демидовъ въ селѣ Турабьевѣ и прилегающихъ къ нему деревняхъ (Юрьевскаго уѣзда, Владимірской губерніи) ввелъ въ своихъ помѣстьяхъ jus primae noctis; другой помѣщикъ ввелъ такой обычай: драть арапникомъ на своей конюшнѣ по опредѣленному числу человѣкъ въ день—«есть виновные или нѣтъ, а чтобы положенное количество было выдрано»... Другіе травили собаками крестьянскихъ дѣтей; такъ, напримѣръ, въ сельцѣ Грибановѣ (того же уѣзда) помѣщикъ Хилковъ затравилъ собаками крестьянскую дѣвочку; «псарь Миркидошка Сѣдой, явившись на мѣсто травли, находитъ оглоданнаго ребенка еще живымъ, беретъ его и ударяетъ о березу»...

«Вотъ до чего былъ доведенъ первый владѣтель своей земли, народъ!—восклицаетъ Назаровъ.—Если бы исходить всю Россію, изъ конца въ конецъ, собрать народныя преданія о народныхъ поруганіяхъ, то ихъ столько бы набралось, что не могли бы вмѣстить этихъ книгъ многія библіотеки... Да, народъ призвалъ князей съ ихъ дружиной для отправленія правосудія, а также и для защиты своей земли отъ набѣговъ и раззореній сосѣднихъ народовъ, а не для того, чтобы эти избранные его правители обезправили и обезземелили его, перваго владѣтеля земли, не для того, чтобы поставили его въ рабское положеніе плѣнника! Нѣтъ! въ въ этомъ нѣтъ закона, его не видно тутъ—тутъ одинъ произволъ и насиліе»!..

Таковы итоги московскаго періода русской исторіи. Но вотъ является Петръ, а вмѣстѣ съ нимъ, по мнѣнію Назарова, на историческую сцену выступаетъ и самъ русскій народъ. Петръ создаетъ крестьянскую регулярную армію, дѣлаетъ рекрутскіе наборы, опирается не на дружинниковъ, а на весь народъ—и Россія покоряетъ полъ-міра; шведы побѣждены; русскіе вышли «къ европейскому свѣту», затѣмъ «покорили черноморскіе берега, присоединили Польшу, покорили Кавказъ, Закавказье, Средне-азіатскія владѣнія, побѣдили Наполеона»... Такимъ образомъ, *самъ народъ* возвелъ Россію на степень могущественной державы, раздвинулъ предѣлы государства и далъ странѣ внутренній міръ: «вотъ въ этой великой, первоклассной державѣ никто не страшится иностранныхъ

погромовъ, какъ это было при княжескихъ дружинникахъ: въ ней купцы спокойно, безопасно торгуютъ; духовенство, монашенство воспѣваютъ Господа, даровавшаго имъ миръ; военная каста, княжескіе дружинники, то есть теперешнее дворянство, съ наслажденіемъ попивало кровь изъ безправнаго народа»...

Всѣ они—и купцы, и дворяне, и духовенство—благоденствуютъ за счетъ крестьянства, за счетъ народа, который изныває тъ въ мучительномъ рабствѣ и который въ то же время строитъ и устрояетъ Россію. И какъ бы отъ лица всего крестьянства Назаровъ обращается къ «господствующимъ классамъ» со слѣдующими словами: «Да, насъ здѣсь четыре сословныхъ брата—крестьянство, купечество, дворянство, духовенство; да, сословные братья, вы должны видѣть мою заслугу предъ царемъ и предъ вами: до сихъ поръ я, крестьянство, одно несло военную службу, купечество и духовенство облегчено—вовсе не служило въ войскѣ, а дворянство служило только по охотѣ. Поэтому и выходитъ такъ, что весь этотъ путь, который проѣхала Россія отъ страны, раззоренной междоусобицами, до степени первоклассной державы, она проѣхала на одномъ крестьянствѣ»...

Такова громадная заслуга крестьянства, заслуга (по выраженію Назарова) «передъ царствующимъ домомъ и остальными сословіями»... И если въ оное время дружинники безъ всякой заслуги получили громадную, «страшную» награду—землю и людей, то какую же награду должно было получить крестьянство, кровью своей спаявшее Россію, сдѣлавшее ее могущественной державой? И получило ли оно ее? «...Скажите же, отцы народа,—спрашиваетъ Назаровъ,—какую награду получило крестьянство, то есть народъ, за такія огромныя заслуги, которыя удивляли весь міръ»?.. На этотъ вопросъ самъ Назаровъ даетъ два предполагаемые отвѣта: наградой крестьянства могутъ назвать прежде всего освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, т. е. возвращеніе крестьянамъ части прежней *воли*; во-вторыхъ, такой наградой могутъ счесть отдачи крестьянамъ надѣльныхъ отрѣзковъ за выкупъ, т. е. возвращеніе части *земли*. Назаровъ рѣшительно отвергаетъ правильность и перваго, и второго рѣшенія. «Вы, можетъ быть, скажете: что же, какъ не награда, уничтоженіе крѣпостного права царемъ-освободителемъ?—Это вовсе не награда. Царь-освободитель только снялъ тѣ цѣпи съ народа, которыя незаконно наложилъ на него Борисъ Годуновъ; такимъ образомъ, царь-освободитель уничтожилъ то беззаконное поруганіе надъ священною личностью человѣка, которое создалъ Борисъ Годуновъ. Вы скажете, что царь-освободитель далъ въ награду народу надѣльную землю, взятую у помѣщиковъ за выкупъ.—Это тоже не награда. Въ надѣльной землѣ была продана за двойную цѣну половина той вещи пра-правнуку, которая была взята ни за что у его пра-прадѣда; царь-освободитель уничтожилъ беззаконіе Бориса Годунова, но въ то же время допустилъ неза-

конность выкупа надѣльной земли. Какъ сказано выше, земля была достояніемъ народа, но князья и ихъ дружинники лишили народъ права собираться на вѣчевыя сходки; такимъ образомъ безправный народъ не могъ удержать своей земли, на которую дѣлали беззаконное посягательство князья и ихъ дружинники. Вотъ видите, не только часть земли безъ выкупа долженъ бы получить народъ, но и всю землю цѣликомъ, со всѣми лѣсами и покосами, какъ исконное свое достояніе»... «...Да, въ уничтоженіи крѣпостного права можно видѣть уничтоженіе беззаконія, а въ надѣленіи землей *за выкупъ*—попущеніе незаконности, но въ томъ и другомъ нѣтъ награды за народныя заслуги»... Но народъ такой награды и не ждетъ, и не желаетъ: онъ ждетъ только справедливости, возврата исконнаго своего достоянія; наградить же народъ нельзя ничѣмъ, ибо заслуги его *невознаградимы* (разумѣется, Назаровъ говоритъ здѣсь не только о матеріальной, но и о нравственной невознаградимости). «Народныя заслуги предъ государями императорами и другими сословіями невознаградимы. Если бы отцы народа отдали бы народу всю землю, и тогда не было бы награды, а только бы возвратили народу его исконное достояніе. За народныя заслуги не можетъ быть наградъ, ихъ не возможно подыскать»...

Выводъ ясенъ: «народныя заслуги» не были оцѣнены; безправный, рабскій народъ не дождался даже простой справедливости отъ «господствующихъ классовъ», загребавшихъ жаръ его руками. Для кого же народъ работалъ? Что заставляло его проливать свою кровь? Кому это было на пользу?

«...Вы скажете, читатель,—говоритъ Назаровъ,—для чего же народъ проливалъ свою кровь въ жестокихъ войнахъ съ сосѣдями, запечатлѣлъ окраины Россіи своими могильными курганами? Я могу сказать только то: для чего, много столѣтій подъ рядъ, посрединѣ арены римскаго амфитеатра, по равному числу, партія на партію, сражались смертнымъ боемъ гладіаторы, при огромномъ стеченіи публики, которая запруживала весь амфитеатръ?.. Въ самыхъ дорогихъ ложахъ находились правители Рима, какъ-то: императоры, диктаторы, консулы, благородные патриціи съ ихъ матронами... Если двѣ партіи по пяти человѣкъ истребятъ другъ друга въ смертномъ бою, то служители желѣзными крючьями извлекаютъ обезображенные трупы, затѣмъ засыпаютъ пескомъ лужи крови, а потомъ уже вводятъ двѣ партіи по десяти человѣкъ. Эти двадцать жизней падутъ, какъ первыя; затѣмъ двѣ партіи по двадцати человѣкъ,—и съ этими повторится то же; и это повторялось много столѣтій. Вы скажете: для чего все это?

«Отвѣтъ простой: въ этомъ находили для себя удовольствіе римляне, всемірные владыки, побѣдители. Теперь зададимся вопросомъ: какая разница между римскими гладіаторами и нашими солдатами, которые были до царя-освободителя?..» Отвѣчая на этотъ вопросъ, Назаровъ дѣлаетъ слѣдующую характерную экскурсію

въ область русской исторіи начала XIX-говѣка. «Наполеонъ—заявляетъ Назаровъ—въ 1808 году покорилъ Польшу и тутъ же уничтожилъ крѣпостное право; затѣмъ въ 1810-омъ году покорилъ королевство Прусское, и въ этотъ-же 1810-ый годъ Наполеонъ продиктовалъ прусскому королю уничтожить крѣпостное право. Значитъ, въ обѣихъ этихъ странахъ крѣпостное право уничтожилъ Наполеонъ, да при томъ на цѣлое полустолѣтіе раньше нашего. Намъ извѣстно, что Наполеонъ былъ въ Москвѣ въ 1812-омъ году, въ которой былъ побѣжденъ русскими войсками, а потомъ съ позоромъ былъ выгнанъ изъ Россіи беззавѣтно храбрыми русскими войсками. Ну, а если-бы Наполеонъ былъ не побѣжденъ въ Москвѣ, если-бы Наполеонъ остался такимъ же побѣдителемъ въ Россіи, какимъ онъ былъ въ Пруссіи и въ Польшѣ, тогда онъ непремѣнно поступилъ бы такъ же въ Россіи, какъ поступилъ въ Пруссіи и въ Польшѣ: крѣпостное право тутъ же бы было уничтожено... Но мы знаемъ, что русскіе солдаты побѣдили армію Наполеона и этимъ сами завоевали на спину своихъ братьевъ, крѣпостныхъ крестьянъ, палку рабовладѣльцевъ, господъ помѣщиковъ, на цѣлыхъ сорокъ восемь лѣтъ. Теперь ясно, для чего народъ проливалъ свою кровь: онъ проливалъ ее за свое безправіе. Наши солдаты завоевывали для своихъ братьевъ, крѣпостныхъ крестьянъ, рабское безправіе, а для господъ помѣщиковъ—безграничный произволъ рабовладѣльцевъ. Но если русскіе солдаты въ жестокихъ смертныхъ бояхъ приносили свою жизнь въ жертву рабовладѣльческаго произвола господъ помѣщиковъ, то за то какое удовольствіе имѣли эти господа помѣщики, когда читали газеты въ своихъ имѣніяхъ про самоотверженіе солдатъ!..» «Теперь, читатель—не безъ ядовитости заключаетъ Назаровъ,—сами рѣшите, какая разница между римскими гладіаторами и русскими солдатами, которые сражались въ отечественной и крымской войнахъ? Гладіаторы сражались для удовольствія римлянъ, всемірныхъ владыкъ, побѣдителей, а солдаты сражались для удовольствія рабовладѣльцевъ, господъ помѣщиковъ...»

И такъ шло дѣло до тѣхъ поръ, пока войны были для насъ удачны; проигранная крымская кампанія дала въ результатѣ освобожденіе измученному народу. «Крымская война—заявляетъ Назаровъ—была для насъ несчастіемъ потому, что не имѣла благопріятнаго конца, какъ отечественная; но послѣ этого несчастья было уничтожено крѣпостное право, послѣ этого несчастья явилась народу тѣнь свободы, путь къ полусвѣту и къ полузнанію, путь, по которому народъ прошелъ до турецкой войны, въ которой показалъ себя достойнымъ защитникомъ своихъ братьевъ по крови и по вѣрѣ, южныхъ славянъ. Но вотъ послѣ этого народъ снова побрелъ по пути полу-свѣта и полу-знанія, до нашего времени. Вдругъ расходится среди народа слухъ, что началась война на Дальнемъ Востокѣ съ Японіей. Народъ всколыхнулся, принялъ

возбужденное состояніе. Призываютъ запасныхъ въ дѣйствующую армію. Разговоръ среди крестьянъ:

Первый. За что я пойду воевать? Самъ-пять, жена, трое дѣтей; одна душа—полъ-десятины въ полѣ—въ трехъ поляхъ...

Второй. А я безземельный, дворовый; живу портняжествомъ. Шить одежду, я думаю, и японцамъ надо, а воевать мнѣ тоже нѣтъ нужды...

Третій. Кто имѣетъ десятки тысячъ десятинъ, тому есть за что, тотъ и шелъ бы воевать...

Четвертый. Тутъ сдѣлано такъ: у кого много земли, тотъ будетъ дома сидѣть да газеты читать, а ты и поди!..

Пятый (фабричный). А меня на что туда? У меня ничего нѣтъ... Ну, да все равно, гони! Я и тамъ при первомъ удобномъ случаѣ уйду въ англійскія колоніи, а если перехватятъ японцы—сдамся, а воевать не буду!..

(Расходятся: проходитъ полицейскій).

«И въ самомъ дѣлѣ: пораженіе сухопутныхъ армій, бунты на эскадрѣ, уничтоженіе всей русской морской силы, а тамъ полтора-ста тысячъ военноплѣнныхъ русскихъ въ Японіи—что-же все это значитъ? А потомъ бунты въ собственныхъ портахъ, мятежи по всей Россіи, бой на баррикадахъ въ Москвѣ—что все это значитъ?..»

И отвѣтъ, который дается Назаровымъ на этотъ вопросъ, является въ то-же самое время общимъ резюме ко всѣмъ его тремъ вышеизложеннымъ статьямъ:

«Отвѣтъ простой: на землѣ нѣтъ ничего постояннаго, все идетъ и измѣняется. Періодъ безправнаго, рабскаго, слѣпого повиновенія прошелъ безвозвратно. Еще разъ повторю: народъ призвалъ князей съ ихъ дружинниками для отправленія правосудія и для защиты страны отъ набѣговъ сосѣднихъ народовъ, а не для того, чтобы князья обезземелили его, перваго владѣтеля земли, не для того, чтобы князья передали его землю дружинникамъ; этотъ захватъ народной земли—незаконный и насильственный. Если народъ проситъ передать землю въ его руки, то онъ проситъ уничтоженія беззаконія и насильства. Отцы и попечители народа! услышьте гласъ народа, избавьте отъ грабежа и насилія, которые онъ терпитъ отъ земельной собственности, передайте народу даръ небеснаго Отца!..»

III.

Таково воззрѣніе русскаго крестьянства на частную земельную собственность... Въ статьяхъ Назарова ясно и рельефно выражена если не мысль, то чувство большинства представителей деревни; мы имѣемъ право на такое обобщеніе, ибо и самъ Иванъ Назаровъ—крестьянинъ уже стараго поколѣнія, типичный

рядовой крестьянинъ, стоявшій всю свою жизнь внѣ всякихъ просвѣтительныхъ вліяній, уже давно пришедшій къ основнымъ положеніямъ своихъ статей (и только недавно ихъ сформулировавшій, что отразилось на формѣ изложенія). Кромѣ того, сдѣлать подобное обобщеніе позволяетъ намъ и указанный выше фактъ восторженнаго отношенія крестьянскихъ массъ къ неоднократно читаннымъ имъ мною статьямъ Назарова.

Этими статьями резюмируется и исчерпывается точка зрѣнія крестьянскихъ митинговъ и собраній на теоретическую сторону вопроса о частной земельной собственности; но именно эта сторона вопроса совсѣмъ не дебатировалась на собраніяхъ; слишкомъ уже элементарна для каждаго крестьянина та мысль, что вся земля должна принадлежать земледѣльцу. Центръ тяжести споровъ сосредоточивался на формахъ владѣнія землей, послѣ того, когда она вся отойдетъ къ крестьянству, какъ къ классу «сидящему на землѣ». На собраніи 13-го ноября въ селѣ *Лобцовѣ* самими крестьянами былъ ребромъ поставленъ вопросъ о томъ, какъ «распорядиться» съ землей? Одинъ изъ мелкихъ земельныхъ кулаковъ, крест. дер. *Ксты* выступилъ съ предложеніемъ раздѣленія всей земли по душамъ въ вѣчное подворное владѣніе, но не встрѣтилъ поддержки въ собраніи; наоборотъ, ему не дали договорить до конца, и отъ лица всего собранія ему возражалъ одинъ старикъ изъ дер. *Бурачихи*: «Подворное вѣчное владѣніе—для насъ одинъ зарѣзъ. Вотъ въ нашей деревнѣ передѣляемъ землю по ревизскимъ душамъ—оно и выходитъ безъ мала на одно и то же, что подворное владѣніе,—а что въ томъ хорошаго? Вотъ у насъ иная дѣвка 5 душъ земли имѣетъ, а иной парень идетъ на сторону, такъ какъ всего-то у него 1/2 души земли... Такъ и со всѣми будетъ, если всю землю подѣлить навѣки»... Эта рѣчь была встрѣчена утвердительнымъ гуломъ собранія: «вѣрно, вѣрно!..» «Не по Божьему это выйдетъ...» «Лѣтъ черезъ двадцать тогда, гляди, сожмутъ всѣхъ въ кулакъ богатѣи...» и т. п. Тутъ же рѣчь зашла и о манифестѣ 3-го ноября, о покупкѣ земли черезъ крестьянскій банкъ и о правительственномъ сообщеніи отъ 3-го ноября (о переходѣ надѣльныхъ земель, согласно «Положенію о выкупѣ и въ отмѣну закона 14-го декабря 1893 г.,—въ полную крестьянскую собственность начиная съ 1 янв. 1907 г.). Къ послѣднему закону собраніе отнеслось вполнѣ отрицательно, предполагая, очевидно, въ немъ выраженный implicite тотъ же переходъ частной собственности на землю и опасаясь одинаковаго результата—концентраціи земель въ рукахъ кулаковъ. Что же касается дѣятельности крестьянскаго банка, то нечего и говорить, что отношеніе къ ней крестьянъ безусловно отрицательное, особенно тамъ (напр., въ Глумовской волости), гдѣ черезъ посредство крестьянскаго банка цѣлый рядъ имѣній перешелъ въ руки крестьянъ. Но томъ собраніи, о которомъ идетъ рѣчь, одинъ молодой крестьянинъ произнесъ настоя-

щую филиппику противъ крестьянскаго банка; по моей просьбѣ онъ потомъ записалъ свои слова (довольно близко) и принесъ мнѣ цѣлую маленькую статейку о крестьянскомъ земельномъ банкѣ, подписавшись характернымъ псевдонимомъ: «Молодой, не вытерпѣвшій крестьянинъ...» Это крестьянинъ лѣтъ 21—22, имѣетъ брата на фабрикѣ самъ постоянно читаетъ газеты («Сынъ От.», «Русс. Вѣд.»), что и отразилось на его слогѣ. Вотъ эта статейка.

Нѣсколько словъ о крестьянскомъ земельномъ банкѣ.

Правительство объявило, что операціи крестьянскаго земельнаго банка будутъ расширены. И мѣропріятіемъ этимъ будто бы будетъ устранено то крестьянское малоземелье, которое такъ чувствительно стало за послѣднее время, что привело крестьянъ къ такимъ аграрнымъ волненіямъ и безпорядкамъ. Но неужели правительство не можетъ или не хочетъ понять и вникнуть въ настоящія нужды крестьянскаго населенія? Вѣдь такими ничтожными мѣрами въ настоящее время вовсе не возможно удовлетворить нужду крестьянина, да при томъ еще крестьянина раздраженнаго... Вѣдь не всѣ же землевладѣльцы согласны будутъ продать свои собственности; эти господа не такъ-то легко откажутся отъ удовольствія тянуть сокъ, силы и кровь изъ крестьянскаго населенія. Ну, да допустимъ, что нѣкоторые землевладѣльцы и продадутъ свои участки крестьянамъ, то опять же таки воспляшутъ эти дармоѣды, а никакъ не крестьяне... Ну какая же тутъ будетъ помощь крестьянской бѣдѣ? Тутъ будетъ только одно раззореніе и безъ того уже обнищалаго крестьянина.

Какая тутъ страшная картина представится передъ взоромъ даже простого наблюдателя!—Изъ одной половины крестьянъ по прежнему будутъ тянуть сокъ и кровь землевладѣльцы, а другая половина крестьянъ, воспользовавшись помощью крестьянскаго земельнаго банка и купивъ въ вѣчность по жалкому клочку земли, благодаря этой услугѣ и якобы «отеческой опекѣ и заботливости», обязана будетъ платить въ это «благотворительное» учрежденіе годовъ 50 такія огромныя суммы, что будетъ плечамъ и спинѣ жарко!.. И какой коварный правительственный замыселъ скрывается въ этомъ благотворительномъ для крестьянъ учрежденіи! Въ настоящее время у крестьянъ купленной земли мало, вся она еще находится въ рукахъ немногихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, а потому и противоположность интересовъ находится между небольшой кучкой обирохъ и дармоѣдовъ и массой крестьянъ. Но если это благотворительное учрежденіе просуществуетъ годовъ двадцать или тридцать, то противоположность интересовъ окажется уже и между крестьянами, такъ какъ нѣкоторые крестьяне, купившіе клочекъ земли и почти уже выкупившіе ее не захотятъ

уступить ее даромъ... И вотъ тогда уже крупные землевладѣльцы и правительство будутъ какъ за каменной стѣной, только и скажутъ, поглядывая на насъ: грызитеся, молъ!..

Но если бы попечители и отцы народа хотѣли отъ всей души и чистаго сердца помочь народу, то надо помогать уже не такими ничтожными и при томъ гнусными благотворительностями. Въ настоящее время пора бы уже и даже крайне необходимо произвести въ Россіи такую земельную реформу, чтобы каждый житель получилъ земли по равному количеству. Сдѣлать это необходимо и въ силу простой справедливости. Ради этого и такъ уже много пролито невинной крови и принято много горя и мученій, и конца имъ не видно; а потому, пока есть время, надо бы рѣшить съ этимъ вопросомъ и предотвратить еще большія бѣды и несчастія. Надо бы уже правительству пойти навстрѣчу народнымъ требованіямъ и желаніямъ...

Если же правительство опять поведетъ прежній образъ дѣйствій и, значитъ, пойдетъ въ разрѣзъ съ желаніемъ народа, то изъ этого выходитъ, что правительство хочетъ войны съ народомъ, и озлобленный народъ, потерявши всякое довѣріе и уваженіе къ правительству, будетъ уже другими средствами добиваться своихъ правъ. Солдаты уже начинаютъ колебаться, а нѣкоторые уже стоятъ на сторонѣ народа, и, при такихъ натянутыхъ отношеніяхъ правительства съ народомъ, для перваго можетъ выступить на очередь уже вопросъ шкурный...

«Молодой, не вытерпѣвшій крестьянинъ»...

Въ этой статейкѣ съ полной ясностью и очевидностью отражается отношеніе крестьянства къ покупкѣ земли въ собственность отъ землевладѣльцевъ; отъ всякой покупки крестьяне категорически отказываются. Какая ужъ тутъ можетъ быть рѣчь о покупкѣ отдѣльныхъ земель, если подавляющее большинство крестьянъ не хочетъ ничего слышать о выкупѣ всей земли, основываясь при этомъ на мотивахъ чисто этическаго характера? Въ одномъ изъ приговоровъ, написанномъ въ селѣ *Скомовѣ*, дважды подчеркивается твердое рѣшеніе крестьянства, ни въ коемъ случаѣ землю «не отнюдь выкупать»... Это «*не отнюдь*» по отношенію къ выкупу — убѣжденіе всѣхъ и каждаго въ деревнѣ.

Но въ только что приведенной статейкѣ есть болѣе интересный пунктъ, по поводу котораго произошли глубоко характерные дебаты и на собраніи 13-го ноября. Это—указаніе на немедленную необходимость такой земельной реформы въ Россіи, «чтобы каждый житель получилъ земли по равному количеству»... Именно, послѣ этихъ словъ «молодого, не вытерпѣвшаго крестьянина», поднялся старикъ изъ деревни *Пинагорь* съ такимъ предложеніемъ. «Земля, братцы, пусть будетъ вся общественная, только дѣлитъ ее пусть не сельскій сходъ, а волостной, а еще лучше — уѣздный. Скажемъ такъ: пошлемъ мы отъ каждаго сельскаго схода одного

уполномоченнаго въ уѣздный городъ (Юрьевъ-Польскій); соберется ихъ тамъ столько, сколько сходовъ въ уѣздѣ, примѣрно человѣкъ двѣсти-триста. Вотъ они и обсудятъ, и увидятъ — гдѣ земли мало, гдѣ много, отъ кого взять, кому дать. А лѣтъ черезъ пять, шесть, десять опять соберутся и опять всю землю передѣлятъ»... Такимъ образомъ, идея соціализаціи земли по областямъ непосредственно родилась въ народномъ сознаніи; выступившій слѣдующимъ ораторомъ одинъ изъ присутствовавшихъ интеллигентовъ только подробнѣе развилъ эту мысль и разсказалъ о различныхъ теоріяхъ соціализаціи и націонализаціи земли. Интересно, что всѣ симпатіи присутствовавшихъ крестьянъ оказались на сторонѣ соціализаціи, такъ какъ, очевидно (и это выяснилось изъ преній), большинство опасалось централизованной власти въ вопросѣ о передѣлѣ земель при націонализаціи и потому стояло за областное начало — уѣздъ и губернію. Но тутъ же самими крестьянами была высказана необходимость новаго областного дѣленія — по формамъ экономическихъ отношеній; напр.: «пусть Аньковская волость отойдетъ тогда къ Ярославской губерніи — они люди отхожіе и торговые, у нихъ и дѣлежъ земли другой будетъ», и т. п.; опускаю подробности споровъ о преимуществахъ націонализаціи, напр., въ вопросѣ о переселеніяхъ *).

На слѣдующемъ собраніи 20-го ноября въ селѣ *Скомовѣ* собралось до 600 крестьянъ изъ окрестныхъ деревень; такъ какъ среди нихъ было десятка три-четыре, побывавшихъ на всѣхъ предыдущихъ митингахъ, то эта группа лицъ уже выдѣляла изъ себя рядъ «лидеровъ», толковыхъ, иногда даже талантливыхъ ораторовъ. Поэтому собраніе прошло въ громадномъ порядкѣ и оказалось весьма содержательнымъ; прежде всего были повторены, объяснены и еще разъ формулированы основныя положенія предыдущихъ собраній. Передача земли безъ выкупа трудящемуся на на ней классу, соціализація земли, уравнительное землепользованіе, передѣлы черезъ 5—10 лѣтъ—вотъ краткое резюме тѣхъ положеній, которыя повторялись (и принимались) на каждомъ собраніи; но каждое собраніе вносило и отъ себя кое-что новое. На этомъ собраніи 20-го ноября первый изъ новыхъ ораторовъ, крестьянинъ деревни *Наталихи*, затронулъ вопросъ — какъ на практикѣ провести уравнительный передѣлъ; мысль его была такова: немедленно по отчужденіи всѣхъ земель въ пользу всѣхъ трудящихся не производить перваго передѣла, а сначала общими силами, путемъ соглашенія выборныхъ отъ обществъ, расцѣнить всю землю, раздѣлить ее по качеству на разряды: «сперва расцѣнка, а потомъ разверстка, вотъ какъ я думаю, ребята»... Если же сразу развер-

*) Надо замѣтить, что термины «соціализація» и «націонализація» не покрываютъ собою того содержанія, которое вкладывалось крестьянами въ рѣчи о раздѣлѣ земли; употребленіе здѣсь этихъ терминовъ вполнѣ условно.

стать (по приблизительнымъ подсчетамъ), то не миновать всякихъ кляузъ и взятокъ *)... Съ ораторомъ всѣ согласились, что, конечно, разверстка должна произойти послѣ расцѣнки, но ему возражали, что никакія «кляузы» въ такомъ «общественномъ» дѣлѣ невозможны: «каждый будетъ подъ глазами всѣхъ и права у всѣхъ будутъ одинаковы»... «Нѣтъ, братъ, тѣ времена прошли! Съ помѣщика грошъ, а съ меня рубль возьмешь—шалишь! этого больше не будетъ»... и т. п. Этимъ вопросъ былъ исчерпанъ.

Новый ораторъ, старый крестьянинъ изъ села *Тукова*, сразу возбудилъ глубокій интересъ и жадное вниманіе всей толпы слушателей; смыслъ его рѣчи былъ тотъ, что соціализація земли есть *палліативъ*, и что черезъ 15—20 лѣтъ опять будутъ малоземельные крестьяне, и «опять всѣ мы будемъ въ кулакѣ у кулака»... Пусть вся земля будетъ передана народу, пусть будетъ уравнительное землепользованіе, пусть будутъ передѣлы земли лѣтъ черезъ 5—10, пусть на душу причтется, напримѣръ, по 3 десятины. «Теперь, примѣрно, такъ: у меня семья въ 5 душъ и у тебя семья въ 5 душъ; я мужикъ бѣдный, ты—богатый; у тебя и плугъ-скоропашка, и двѣ лошади, и корова, и овцы, и всякая снасть, а у меня лошаденка ледащая, я сохой землю ковыряю, а можетъ я и вовсе безлошадный. Тебѣ причтется 15 десятинъ и мнѣ 15 десятинъ — да что мнѣ въ нихъ толку? Развѣ мнѣ съ моей снастью въ силу ихъ обработать? Да я и половины того не выработаю, что ты, да къ тебѣ же еще и за хлѣбомъ весною приду. Значитъ, братцы вы мои, не въ одной землѣ тутъ дѣло: дай мнѣ землю, да дай и силу ее обработать. А ежели я безлошадный? Или возьмемъ такъ: у меня въ первый же годъ лошадь пала и изба сгорѣла—тутъ какъ быть? И опять таки я со всей своей землей могу попасть въ лапы къ тому же кулаку, который и теперь изъ меня кровь сосетъ»!.. Эта рѣчь и была основной темой всего собранія 20-го ноября; болѣе десяти человѣкъ отвѣчали на нее, предлагали свои мнѣнія и соображенія—какъ устроить такъ, «чтобы кулакомъ въ деревнѣ и не пахло» и чтобы деревенская бѣднота была избавлена отъ необходимости сама своей рукой накидывать себѣ на горло петлю—обращаться къ кулаку. Особенно выдѣлилось мнѣніе четырехъ крестьянъ. Первый предлагалъ всеобщее обязательное страхованіе скота и построекъ въ томъ собраніи выборныхъ отъ крестьянъ, которое будетъ собираться отъ всего уѣзда (см. выше); другими

---

*) Чтобы понять причину недовѣрія крестьянъ Юрьевскаго уѣзда Владимірской губерніи ко всякимъ „кляузамъ" при расцѣнкѣ земли, надо обратиться къ статьѣ юрьевскаго земскаго гласнаго С. В. Бунина въ № 5 „Русской Мысли" за 1905 г. Поднятый г. Бунинымъ вопросъ о переоцѣнкѣ земель въ Юрьевскомъ уѣздѣ вскрылъ передъ крестьянами цѣлую кучу „кляузъ" по фальшивой расцѣнкѣ земли наиболѣе вліятельными помѣщиками; пониженная расцѣнка помѣщичьихъ земель компенсировалась повышенной расцѣнкой земель крестьянскихъ...

словами, онъ предлагалъ своего рода взаимную круговую поруку отъ несчастныхъ случаевъ, но круговую поруку между членами всего волостного, уѣзднаго и даже областного крестьянства, а не только между членами одного сельскаго общества. «Какъ думаете, православные, во всемъ, значитъ, нашемъ уѣздѣ будетъ крестьянскихъ дворовъ тысячъ двадцать—тридцать? Я такъ думаю—будетъ. Примѣрно сказать — пала у меня лошадь: собирай съ каждыхъ двухъ-трехъ дворовъ по копѣйкѣ! А ежели не съ уѣзда, а съ губерніи—еще лучше! Собирать придется хоть и часто, да по малу—и выйдетъ оно совсѣмъ по божьему!..»—Второй ораторъ—старозавѣтный, сѣрый, даже неграмотный крестьянинъ села *Дубровки*, самъ того не подозрѣвая, чуть ли не буквально предложилъ теорію Прудона о народномъ банкѣ съ его безвозвратными ссудами. Третій высказалъ мысль о необходимости уравнительныхъ передѣловъ не только земли, но и живого и мертваго инвентаря («снасти», по мѣстному выраженію): «пусть и весь скотъ, и всѣ плуги, всѣ жнейки, все дѣлится вмѣстѣ съ землей»... Это предложеніе вызвало и смѣхъ, и негодованіе: «а ну-ка подѣли семь плуговъ на сорокъ дворовъ! Эхъ ты, голова съ затылкомъ! *Мою* лошадь, да чтобъ я на передѣлъ отдалъ!..» и т. п. Когда же ораторъ договорилъ свою мысль, требуя общественнаго производства работъ такъ, чтобы «все было общественное—тогда не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ и кулаку негдѣ будетъ завестись», — то собраніе отнеслось къ этому еще болѣе отрицательно; въ изобиліи посыпались почти буквально тѣ же возраженія, которыя когда-то дѣлалъ Иванъ Ермолаевичъ Глѣбу Успенскому: «Нешто это возможно! нестаточное это дѣло! тутъ никакихъ способовъ нѣтъ! сообща работать — это не выйдетъ! какъ можно! снасть разная, лошадь разная, навозъ разный, и трудъ, по мужику глядя, разный — тутъ какъ быть?.. Нѣтъ, не выйдетъ! у одного одинъ характеръ, у другого другой!.. Вотъ если-бъ всѣ люди ангелами были, тогда сдѣлай милость!..» И тѣ самые крестьяне, которые возставали противъ подворной земельной собственности, явились въ этомъ эпизодѣ наиболѣе яркими выразителями индивидуалистическихъ хозяйственныхъ тенденцій.—Наконецъ, послѣдній изъ ораторовъ-крестьянъ, говорившій уже въ самомъ концѣ затянувшагося собранія, высказалъ ту мысль, что, конечно, даже переходъ всей земли народу будетъ палліативомъ, если будетъ вполнѣ изолированнымъ фактомъ; но если переходъ этотъ будетъ сопровождаться широкимъ ростомъ школьнаго дѣла, просвѣщеніемъ массъ, уничтоженіемъ попечительной опеки надъ крестьянствомъ,—то дѣло можетъ принять и другой оборотъ. «Вотъ тутъ говорили, что какъ ни устраивай дѣлежъ земли, когда она вся будетъ наша, а все-таки бѣднаго мужика безпремѣнно кулакъ слопаетъ. Что и говорить—жить всѣ ровно, какъ по божьему, мы только и будемъ въ царствѣ Божіемъ; но только все это, господа-собраніе, одни напрасные разговоры... Я думаю такъ: когда вся земля будетъ наша

и когда дѣлить мы ее будемъ поровну, то и тогда изъ нашего брата будутъ и таланные и безталанные, и толковые и безтолковые, и богатые и бѣдные; но объ этомъ намъ теперь и толковать нечего. Вотъ у меня теперь семья самъ-шесть, по $^1/_4$ десятины надѣльной, три десятины покупаю (т. е. арендуетъ. И. Р.) по 20 руб., обложенія въ годъ плачу съ души рублевъ 15; ежели же мнѣ дадутъ земли хоть по десятинѣ на душу, да раза въ три убавятъ налоги—Господи, Боже мой! неужто не станетъ мнѣ свободнѣй? Такъ я, такъ и другіе... А чтобы потомъ насъ опять-таки кулакъ не слопалъ—надо намъ школъ побольше, а земскихъ начальниковъ поменьше: дай намъ воли, дай книжку понять, такъ мы и сами съ кулакомъ управимся! А коли все же найдутся неудачливые въ нашемъ крестьянскомъ дѣлѣ, —такъ ихъ тогда не должно быть много. Я думаю такъ: прòцентовъ 10 будетъ у насъ мужиковъ богатѣевъ, прòцентовъ 70 насъ смогутъ оправдывать свои семейства, а если остальные прòценты и уйдутъ на фабрику—то и имъ, и намъ хорошо; на фабрикѣ тогда цѣны будутъ дороже, потому что народу меньше, а совсѣмъ безъ фабрикъ и намъ нельзя: куда мы тогда продавать будемъ ленъ? гдѣ достанемъ, примѣрно, спички, табакъ, ситецъ и другіе прòдукты?» (прòцентъ, прòдуктъ — таково мѣстное произношеніе этихъ словъ)... И такой взглядъ на соціализацію земли не какъ на окончательное рѣшеніе соціальной проблемы, а какъ на немедленное осуществленіе неотложныхъ потребностей крестьянства, не какъ на водвореніе царства Божьяго на землѣ, а какъ на осуществленіе возможности «вздохнуть свободно»—такой взглядъ, насколько можно судить, присущъ большинству крестьянства.

Вотъ приблизительно все наиболѣе существенное изъ того, что мнѣ пришлось слышать и записать на деревенскихъ собраніяхъ по вопросу о землѣ. Изъ общаго представленнаго здѣсь резюме видно, что все, служившее предметомъ преній въ журнальныхъ статьяхъ и спорахъ партій по аграрному вопросу, все это наша глухая деревня передумываетъ теперь сама. На чью сторону склоняются ея рѣшенія—это достаточно очевидно; во всякомъ случаѣ, каждый изъ болѣе или менѣе знакомыхъ съ современной деревней можетъ формулировать свои впечатлѣнія очевидца только слѣдующимъ выводомъ: *раньше или позже сѣрая русская деревня справится съ аграрнымъ вопросомъ не только безъ насъ, но даже и вопреки намъ, если мы будемъ отстаивать недостаточно радикальное рѣшеніе этого вопроса.*

Этотъ выводъ вполнѣ опредѣляетъ и отношеніе крестьянства къ различнымъ политическимъ партіямъ, въ настоящее время агитирующимъ въ деревнѣ *). Отношеніе крестьянъ къ соціальной

---

*) Затрогиваемъ здѣсь этотъ вопросъ только мимоходомъ, разсчитывая въ другой разъ подробно подѣлиться своими деревенскими впечатлѣніями по этому поводу.

сторонѣ программъ партій с.-р. и с.-д. ясно изъ всего вышеизложеннаго; что касается партіи к.-д., то она не можетъ имѣть въ деревнѣ сколько-нибудь осязательнаго успѣха изъ-за своей аграрной программы. Программу эту авторъ настоящихъ строкъ неоднократно читалъ и на крестьянскихъ собраніяхъ, и отдѣльнымъ крестьянамъ — всегда и повсюду съ одинаковымъ результатомъ; результатъ этотъ чаще всего уяснялся фразами вродѣ: «нѣтъ, этакъ дѣло не выйдетъ!..» «какъ тамъ хотятъ, а нашего согласія на это нѣтъ»!.. «на это не пойдемъ»!.. «нѣтъ, ужъ къ этой партіи мы не припишемся»!.. и т. п. Характеренъ эпизодъ, происшедшій на громадномъ крестьянскомъ митингѣ въ Юрьевѣ-Польскомъ 31-го окт. м. г. (о митингѣ этомъ были сообщенія въ «Сынѣ Отечества», «Нашей Жизни» и др. газетахъ). На этомъ митингѣ присутствовало около 1500 крестьянъ со всего уѣзда, а въ числѣ ораторовъ выступалъ, между прочимъ, одинъ рабочій с.-р. и одинъ членъ к.-д. партіи. Аграрная программа, формулированная рабочимъ, раздѣлялась, очевидно, всѣмъ собраніемъ; то и дѣло слышались восклицанія: «вѣрно, вѣрно! на другое мы не согласны! этому такъ и быть!» Послѣ этого заговорилъ прис. пов. С., членъ к.-д. партіи. Пока онъ говорилъ о бюрократіи, клеймилъ поработителей народной свободы, развивалъ правовую и политическую сторону программы партіи к.-д. — рѣчь его встрѣчалась знаками одобренія и сочувствія всей толпы; но лишь только онъ перешелъ къ изложенію аграрной программы своей партіи, какъ настроеніе слушателей измѣнилось и послышались отдѣльные голоса: «это дѣло намъ неподходящее!..» «слыхали мы такихъ!..» «эй, баринъ, а сколько у тебя у самого земли-то?..» и т. п. И если въ вопросахъ политическихъ и правовыхъ темная масса крестьянства несомнѣнно склоняется—это надо признать—ближе къ партіи к.-д. (если не правѣе), то аграрная программа этой партіи обрекаетъ ее на полное безсиліе въ деревнѣ *). И, конечно, сущность дѣла гораздо

*) Характерно резюмировалъ свои впечатлѣнія отъ двухъ вышеприведенныхъ рѣчей (на собраніи 31-го окт.) одинъ захолустный крестьянинъ: „кабы къ тому, что говорилъ о землѣ картузъ, прибавить, что говорила о начальствѣ шляпа—вотъ это было бы дѣло! такого человѣка мы бы и въ земскую думу послали!“ И, вѣроятно, для всякаго работавшаго теперь въ глухой деревнѣ ясно, что наибольшимъ успѣхомъ въ крестьянствѣ (*мы говоримъ только про данный моментъ*) пользовалась бы та партія, которая съ революціонной соціальной программой соединила бы „либеральную“ программу политическую... Конечно, существованіе такой партіи—pium desiderium, ибо какъ извѣстно:

Въ одну телѣгу впречь не можно
Коня и трепетную лань...

Но невозможное въ городѣ возможно въ деревнѣ: сама жизнь искусственно устраиваетъ среди крестьянъ ту третью партію, которая не можетъ создаться естественно, партію „к.-р.“, конституціоналистовъ-революціонеровъ; въ общемъ и получается нѣчто средне-пропорціональное между „картузомъ“ и „шляпой“...

глубже, чѣмъ полагаютъ нѣкоторые представители конституціонно-демократической партіи. Крестьянскія требованія «всей земли» основаны не только на экономическомъ базисѣ; не говоря уже о томъ, что видѣть причину этихъ требованій въ некультурности крестьянъ, въ ихъ правовомъ невѣжествѣ, въ ихъ разыгравшемся аппетитѣ, намѣренно раздраженномъ въ цѣляхъ «предвыборнаго уловленія» крайними лѣвыми партіями—еще болѣе близоруко и невѣрно. Достаточно было побывать на рядѣ крестьянскихъ собраній, достаточно ознакомиться хотя бы съ вышеприведенными статьями Ивана Назарова, чтобы видѣть, насколько глубоко базируются земельныя требованія крестьянъ не только на экономическомъ, но и на этическомъ фундаментѣ. Идти противъ такого народнаго убѣжденія, такъ глубоко обоснованнаго — тщетная попытка борьбы со стихіей...

Таковы впечатлѣнія, вынесенныя авторомъ изъ глухой деревни и таковъ отвѣтъ самой дѣйствительности на вопросъ: что думаетъ деревня? Конечно, въ это рѣшеніе нужно внести коррективъ: нельзя обобщать на всю «деревню» впечатлѣнія, вынесенныя изъ одного медвѣжьяго угла одного уѣзда, какъ ни различны въ разныхъ частяхъ его формы экономическихъ отношеній. Народъ въ настоящее время дифференцируется на слои, на партіи, иногда глубоко-несходныя, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, отъ формъ земельныхъ отношеній; но, не обобщая на всю крестьянскую массу полученные выше выводы, можно отнести ихъ, по крайней мѣрѣ, къ большинству русскихъ общинниковъ-крестьянъ, исключивъ отсюда крестьянъ собственниковъ. И познакомившись только съ одной «деревней»—въ буквальномъ смыслѣ,—можно уже съ нѣкоторой степенью вѣроятности заключить о настроеніи деревни вообще. Послѣ же долгаго знакомства съ цѣлымъ райономъ, послѣ участія въ многочисленномъ рядѣ крестьянскихъ собраній за послѣдніе полъ-года, послѣ близкаго общенія съ цѣлымъ рядомъ крестьянъ,—авторъ предлагаемой статьи считалъ себя въ правѣ отчасти обобщить свои наблюденія и говорить, согласно своимъ впечатлѣніямъ очевидца, о томъ, «что думаетъ деревня»...

Ивановъ-Разумникъ.

Гурійское движеніе.

Изъ всѣхъ окраинъ и центровъ, охваченныхъ освободительнымъ движеніемъ, Гурія—чуть ли не единственный уголокъ, гдѣ движеніе противъ гнета и насилія бюрократическаго режима было почти буквально всеобщимъ, гдѣ оно охватило весь народъ, за исключеніемъ немногочисленныхъ феодаловъ, противъ которыхъ оно также было направлено.

На это были свои причины. Уже къ началу девятисотыхъ годовъ соціальное угнетеніе и экономическое обнищаніе гурійскаго крестьянства дошло до крайней степени, а политическій гнетъ и насиліе стали нестерпимы. Въ нѣдрахъ народныхъ назрѣвалъ стихійный протестъ, и революціонная и соціалистическая пропаганда нашла для себя необычайно подготовленную почву въ экономическихъ, соціальныхъ и политическихъ условіяхъ существованія крестьянства. Въ свою очередь эта пропаганда внесла въ народныя массы творческую работу мысли и обратила назрѣвавшій стихійный взрывъ въ планомѣрное движеніе, выставившее опредѣленные лозунги.

Совокупность этихъ двухъ условій придала исключительную силу гурійскому движенію. Въ теченіе двухъ лѣтъ гурійское крестьянство не только вело побѣдоносную борьбу съ бюрократическимъ режимомъ и земельной аристократіей, но и осуществило истинно демократическое мѣстное самоуправленіе и аграрную реформу захватнымъ путемъ. Больше того, оно сохраняло завоеванный демократическій строй въ теченіе двухъ лѣтъ, не смотря на почти безпрерывныя аттаки самодержавнаго режима.

Въ настоящее время, когда реакціонныя волны бушуютъ на всемъ пространствѣ земли русской, на Гурію нагрянулъ новый ураганъ. «Усмиритель» Гуріи, генералъ Алихановъ, расчищаетъ путь «реформамъ» разстрѣлами, висѣлицами и дымящимися развалинами селъ и городовъ, и кто учтетъ, сколько еще прольется искупительной крови, какою цѣною будетъ куплена окончательная побѣда освободительнаго движенія надъ режимомъ гнета и насилія?

Но это—вопросъ будущаго. Вернемся пока къ прошлому — къ гурійскому движенію 1903—5 гг. и его причинамъ. Въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ вниманіе русскаго общества было приковано къ геройской борьбѣ гурійцевъ, въ газетахъ сообщалось много свѣдѣній о ходѣ этой борьбы, но до сихъ поръ, кажется, еще не появлялось болѣе или менѣе цѣльнаго ея изображенія. Въ виду этого попытка изслѣдовать истинныя причины гурійскаго движенія, опре-

дѣлить ту почву, на которой оно происходило, и прослѣдить фазисы его развитія явится, намъ думается, далеко не лишней.

Раньше, впрочемъ, еще два слова. При первой же вспышкѣ гурійскаго движенія бюрократія и реакціонеры всѣхъ оттѣнковъ немедленно завопили о грузинскомъ сепаратизмѣ, о стремленіи гурійцевъ и вообще грузинъ отложиться отъ Россіи и т. д. Была ли хоть какая нибудь доля правды въ этихъ вопляхъ?

Въ теченіе послѣдняго года по вопросу о «грузинскомъ сепаратизмѣ» въ кавказской печати составилась цѣлая литература изъ статей, писемъ, резолюцій, отзывовъ и т. п., исходящихъ изъ самыхъ разнообразныхъ круговъ и сферъ, и для выясненія поставленнаго вопроса будетъ совершенно достаточно весьма немногихъ данныхъ изъ всего обширнаго матеріала, имѣющагося въ нашемъ распоряженіи.

Профессоръ Марръ, объѣхавшій Грузію лѣтомъ 1905 года, несомнѣнно авторитетный свидѣтель, говоритъ въ газетѣ «Разсвѣтъ»:

«Гурійская дѣйствительность есть кость отъ кости, плоть отъ плоти всероссійскаго движенія: въ немъ сейчасъ нѣтъ ничего сепаратическаго или даже мѣстно-національнаго. Увлеченные этимъ движеніемъ, гурійцы съ фанатическою вѣрою въ конечную побѣду,— при помощи, какъ они говорятъ, русскаго народа, исключительно трудящагося русскаго народа, — ждутъ своей участи. Мои наблюденія велятъ мнѣ по совѣсти лишь публично удостовѣрить, что не только въ отдѣльныхъ группахъ, но и во всей массѣ гурійскаго населенія, даже въ наименѣе просвѣщенной и прямо-таки невѣжественной ея части, сильно пробуждено политическое правосознаніе».

Передавая свои наблюденія надъ политическими партіями и кавказской интеллигенціей, проф. Марръ замѣчаетъ: «поразительно, что *нѣтъ ни одной, имѣющей сейчасъ практическое значеніе фракціи, которая не основывала бы своей программы на неразрывномъ единеніи съ Россіей*. И чѣмъ болѣе политическая программа опирается на это тѣсное единеніе съ Россіей (понятно, съ обновленною или обновляемой Россіей), тѣмъ болѣе привлекаетъ она къ себѣ народныя массы».

Но, можетъ быть, этого свидѣтельства недостаточно? Посмотримъ, что пишетъ *націоналистическая* грузинская пресса. «Цнобиссъ Пурцелли», касаясь обвиненій въ сепаратизмѣ, говоритъ:

«Для того, кто хоть сколько-нибудь слѣдилъ въ послѣднее время за гурійскимъ движеніемъ, современныя событія не могли явиться неожиданностью; было ясно, что въ Гуріи разыграется страшная трагедія. Гурійцы были подготовлены къ осуществленію идеаловъ освободительнаго движенія и только ждали начала схватки всероссійскаго трудящагося народа съ современнымъ режимомъ для завоеванія свободы и равенства. Народъ былъ убѣжденъ и заявлялъ вслухъ, что осуществленіе правды на землѣ возможно только при

самодержавіи народа; цѣлый годъ онъ ждалъ сигнала къ всероссійской борьбѣ; всеобщую стачку онъ принялъ за этотъ сигналъ и приступилъ къ активнымъ дѣйствіямъ. Гурійское движеніе имѣетъ только такой характеръ, а не иной — оно служитъ освободительному всероссійскому движенію».

Другая націоналистическая газета «Иверіа» пишетъ:

«Нѣтъ повода вторично завоевывать Гурію, она ни отъ кого не отдѣлялась и даже не думала никогда объ отдѣленіи или отпаденіи. Сепаратическіе замыслы гурійцевъ — вымыселъ бюрократовъ» *).

То же самое говорили и гурійскіе крестьяне Султану-Крымъ-Гирею при посѣщеніи имъ многочисленныхъ сходовъ въ Гуріи: «мы хотимъ того, чего хотятъ всѣ *русскіе* люди, именуемые бунтовщиками, мы хотимъ права сходиться, свободно и по совѣсти высказываться о своихъ дѣлахъ и нуждахъ, намъ нужна свобода печати; мы понимаемъ, что требованіи наши могутъ быть удовлетворены только народнымъ представительствомъ».

Обратимся еще къ заявленіямъ «крайнихъ» грузинскихъ партій. На съѣздѣ, въ Женевѣ, конференція грузинскихъ революціонеровъ вынесла слѣдующую резолюцію: «конференція грузинъ-революціонеровъ отвергаетъ сепаратизмъ, который не является залогомъ соціальнаго прогресса народовъ и утвержденія между ними солидарности, а признаетъ желательной и самой лучшей политической формой существованія Грузіи, это—ея автономію и федеративное объединеніе со всѣми народами государства» **).

Соціалъ-демократія въ Грузіи отвергаетъ и эти формы автономіи и федераціи, какъ буржуазныя, стоя за централизацію власти, о чемъ заявлялось въ грузинскихъ соціалъ-демократическихъ органахъ «Мозгаури» и «Схиви» и бывшей до недавняго времени соціалъ-демократической газетѣ «Баку».

Наконецъ,—и это, пожалуй, самое любопытное,—не только наличность, но и самую возможность грузинскаго сепаратизма совершенно отрицаетъ оффиціальный органъ намѣстника «Кавказъ», который, въ № 10 этого года, въ противоположность болѣе раннимъ писаніямъ, говоритъ буквально слѣдующее:

«Положеніе Грузіи среди другихъ народностей Закавказья, національный характеръ грузинъ и единовѣріе съ Россіей исключаютъ возможность сколько-нибудь серьезныхъ сепаратическихъ стремленій, для которыхъ *нѣтъ ни почвы, ни цѣли, ни смысла*. Для всякаго грузина, умѣющаго думать, ясно, что возможность свободнаго національнаго развитія для грузинъ можетъ быть обезпечена только Русскою Державою при условіи, конечно, справедливаго, корректнаго и доброжелательнаго отношенія со стороны цен-

---

*) Перев. «Новой Жизни» № 9.

**) «Тифл. Лист.» № 9.

тральнаго правительства. И, наоборотъ, отдѣленіе отъ Россіи съ первыхъ же шаговъ поставило бы на карту не только всѣ національныя надежды, но, пожалуй, и самое существованіе грузинской народности, такъ какъ сосѣдство гораздо болѣе могущественнаго магометанскаго міра неизбѣжно вовлекло бы грузинъ въ борьбу съ нимъ; а въ исходѣ этой борьбы сомнѣваться едва ли возможно. При такихъ условіяхъ, устраняющихъ возможность сепаратизма, *введеніе автономіи въ Грузіи не представляло бы ничего опаснаго съ точки зрѣнія русскихъ общегосударственныхъ интересовъ.* Самый крѣпкій цементъ, связывающій различныя части государства,—взаимная выгода,—имѣется здѣсь на-лицо».

Итакъ,—даже по заявленію оффиціознаго органа — не сепаратистскія стремленія были причинами гурійскаго движенія. Гдѣ же были эти причины?

II.

Въ началѣ своего очерка мы уже сказали, что гурійское движеніе возникло на почвѣ соціальнаго и экономическаго угнетенія крестьянства и крайняго обостренія классового антоганизма между феодалами-помѣщиками и полукрѣпостнымъ крестьянствомъ, переросшимъ существующія формы соціальныхъ и экономическихъ отношеній, поддерживаемыхъ бюрократически-полицейскимъ строемъ. Разсмотримъ же соціальныя и экономическія условія существованія гурійскаго и вообще грузинскаго крестьянства.

По провѣреннымъ даннымъ кутаисскаго комитета о нуждахъ сельскаго хозяйства, почерпнутымъ изъ различныхъ оффиціальныхъ изслѣдованій,—пишетъ г. Орестъ Семинъ *),—количество хозяйствъ, испытывающихъ острую нужду въ землѣ, въ Кутаисской губ. составляется изъ *60—70% дымовъ* **) *крестьянъ* и 25% дворянъ. Чтобы сохранить свою хозяйственную самостоятельность, *не менѣе 60% крестьянъ* всѣхъ разрядовъ вынуждены прибѣгать *къ арендѣ помѣщичьихъ земель.* Большой спросъ не могъ, конечно, не повліять на стоимость аренды, которая при господствующей здѣсь испольной системѣ *достигаетъ 60% валоваго дохода*, а иногда, при уплатѣ опредѣленнымъ количествомъ произведеній земли, въ неурожайные годы *превышаетъ валовой доходъ.*

Чѣмъ же объясняется такое острое малоземелье грузинскихъ крестьянъ, вынуждающее ихъ прибѣгать къ арендѣ помѣщичьихъ земель?

Для рѣшенія этого вопроса обратимся къ законодательнымъ нормамъ.

---

*) „Правда“, 1905 г., мартъ.

**) „Дымъ“—нашъ крестьянскій „дворъ“.

При «освобожденіи» крестьянъ въ Грузіи отъ крѣпостной зависимости, впредь до выкупа, на основаніи ст. 3 «Полож. о крест. въ Закавк.», постановлено: «для обезпеченія быта крестьянъ и *для выполненія ихъ обязанностей* предъ правительствомъ *и помѣщикомъ* крестьянамъ предоставляется надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, количество земли, за которое крестьяне отбываютъ установленныя повинности».

Согласно 6, 8, 19, 26, 30, 31, 43 и 46 ст. того же Положенія, крестьяне должны получить отъ помѣщика земли въ надѣлъ: подъ усадьбу 1 кцеву (900 кв. саж.), подъ виноградникъ—отъ 2 до 4 кцевъ и поля—отъ 4 до 8, или 10 кцевъ на дымъ. Но это только въ томъ случаѣ, если, за надѣленіемъ всѣхъ своихъ крестьянъ, у самого помѣщика останется *половина* всѣхъ земель; если же этой половины не останется, то онъ имѣетъ право удержать у себя недостающее количество земли, а крестьянамъ, значитъ, отвести меньшее противъ указанной выше нормы количество земли. Точно такъ же, если у всѣхъ крестьянъ въ общей совокупности оказалось бы болѣе половины всей земли помѣщика, то послѣдній вправѣ взять себѣ излишекъ, при чемъ *выборъ* половины земли, отводимой крестьянамъ и раздѣлъ участка принадлежитъ *помѣщику*, крестьяне же *не имѣютъ права требовать* даже *разграниченія земель* своего надѣла отъ угодій помѣщика.

Но это еще не все. Относительно выгоновъ, сѣнокосовъ и лѣсовъ установлено, что помѣщикъ предоставляетъ крестьянамъ, по «установившимся обычаямъ» и по «добровольному соглашенію», право пользоваться этими угодьями, но съ тѣмъ, что помѣщики сохраняютъ право распахивать эти участки и сдавать ихъ въ аренду другимъ лицамъ; лѣсъ же для хозяйственныхъ надобностей крестьянъ и для построекъ помѣщики не обязаны отпускать безплатно; право охоты какъ на помѣщичьихъ земляхъ, такъ *и на крестьянскихъ* принадлежитъ помѣщику.

Такимъ образомъ, изложенныя законодательныя нормы создали при самомъ «освобожденіи» новую форму крѣпостной зависимости. «Временно обязанные» крестьяне на самомъ дѣлѣ остались по прежнему крѣпостными. Количество земли у нихъ, напримѣръ, въ Лечхумскомъ уѣздѣ, не превышаетъ *2¼ десят. на дымъ* съ населеніемъ въ *9 душъ* обоего пола. Создавъ малоземелье, положеніе о крестьянахъ, стоявшее исключительно на дворянско-классовой точкѣ зрѣнія и принесшее въ жертву помѣщикамъ интересы крестьянъ, какъ видно изъ изложеннаго, оставило множество поводовъ для помѣщичьей эксплуатаціи крестьянъ. Пользованіе выгонами, сѣнокосами, лѣсами законъ обставилъ такими условіями, что крестьяне остались въ полной зависимости отъ помѣщика, и эксплуатаціи крестьянина нѣтъ никакихъ предѣловъ. Казалось бы, что въ этомъ направленіи дальше идти некуда. Но на самомъ дѣлѣ «положеніе о крестьянахъ» пошло еще дальше. Статья 74 предоставляетъ по-

мѣщику право, для приведенія въ исполненіе своихъ хозяйственныхъ предпріятій, требовать отъ крестьянъ *во всякое время обмѣна необходимыхъ ему участковъ*, а ст. 129 того же положенія даетъ право мелкопомѣстнымъ дворянамъ, если у нихъ нѣтъ собственной усадьбы и сада, обратить въ свое непосредственное владѣніе, по своему усмотрѣнію, усадьбу и садъ одного изъ дымовъ крестьянъ.

Такимъ образомъ, ревностная забота самодержавной бюрократіи объ охраненіи частной собственности помѣщиковъ привела по отношенію къ крестьянамъ на практикѣ къ отрицанію собственности, узаконивъ кулачное право и форменный грабежъ помѣщиками крестьянскаго имущества. Гурійская практика знаетъ не мало случаевъ, когда помѣщики, на основаніи 74 ст. Положенія, отбирали у крестьянъ ихъ земли, какъ только видѣли, что упорнымъ трудомъ крестьянинъ повысилъ ихъ доходность.

Но и по полученіи на такихъ условіяхъ «въ надѣлъ» земли, оплачиваемой, какъ увидимъ ниже, крестьянами въ колоссальныхъ размѣрахъ, «временно-обязанный» — глехъ — не избавляется отъ контроля и надзора помѣщичьяго глаза. Ст. 85 положенія гласитъ, что каждый крестьянинъ обязывается засѣвать землю въ опредѣленномъ, по обычаю, размѣрѣ, но не менѣе половины; за оставленіе же земли безъ надлежащей обработки помѣщикъ вправѣ требовать вознагражденіе. Передать надѣльную землю кому-либо другому крестьянинъ, по 82 ст. полож., можетъ *только съ разрѣшенія помѣщика* и съ утвержденія мирового посредника. Не имѣетъ права крестьянинъ также и отказаться отъ надѣла; на основаніи ст. 98 и 121 полож. онъ долженъ *обязательно* раньше пріобрѣсти въ собственность усадьбу и не менѣе двухъ кцевъ полевой земли или же внести помѣщику сумму, равную капитализированному изъ 10% оброку, слѣдуемому съ крестьянина въ пользу помѣщика.

Какъ видно изъ изложенныхъ законодательныхъ нормъ, фактически крестьянинъ остается прикрѣпленнымъ къ помѣщичьей землѣ и уйти съ нея можетъ не иначе, какъ *оплативши свою личную свободу* въ замаскированномъ видѣ, т. е. при обязательномъ выкупѣ усадьбы и 2 кцевъ земли. И это на языкѣ закона называется «временно-обязанное» состояніе по «добровольному соглашенію»...

Посмотримъ теперь, какія повинности лежатъ на «временно-обязанномъ» крестьянинѣ по отношенію къ помѣщику.

Въ пользу послѣдняго временно-обязанный долженъ платить: 1) за усадьбу деньгами отъ 3 до 6 руб.; 2) за виноградникъ и сады отъ $^1/_4$ до $^1/_3$ урожая; 3) за полевую землю — $^1/_3$ урожая; 4) за сѣнокосъ — $^1/_3$ укоса; 5) за лѣсъ по особому соглашенію. Переводя все на деньги, по вычисленіямъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, денежный оброкъ *съ десятины* часто *поднимается до 30 р.* или съ дыма до 70 руб.

Однако эта сумма еще не исчерпываетъ всѣхъ повинностей въ

пользу помѣщика. Хотя, по закону, *дань* и отмѣнена, но крестьяне платятъ ее помѣщику въ видѣ «приношеній»: куръ, поросятъ, ягнятъ, фруктовъ и проч. Учесть стоимость этихъ приношеній нѣтъ никакой возможности. Но намъ извѣстно, что бѣдные глехъ и хизане («пріюченные») часто остаются на праздникъ безъ мяса, отдавъ послѣднюю курицу «баното» (господину) въ подарокъ. Помимо этого, грузинскіе феодалы установили еще особую повинность — «нади», которая состоитъ въ томъ, что помѣщикъ «приглашаетъ» цѣлое село крестьянъ — глеховъ «на помощь», т. е. на обработку помѣщичьихъ полей за «угощеніе».

Повинности въ пользу помѣщика должны быть уплачены даже преимущественно передъ казенными. 163 ст. Положенія гласитъ: «по требованію помѣщика сельское начальство обязано: 1) обратить на пополненіе недоимки доходъ съ принадлежащаго недоимщику недвижимаго имущества и 2) *отдать самого недоимщика или кого-либо изъ членовъ его семейства въ заработки односельскому крестьянину и даже на сторону*». Такого способа взысканій не знаетъ даже наша русская обездоленная и безправная деревня!

Но и этимъ не исчерпываются крѣпостническія тенденціи кавказскаго «положенія о крестьянахъ», облагодѣтельствованныхъ «освобожденіемъ».

Ст. 161 полож. даетъ право помѣщику обратить глеха *въ прямое рабство*. Вотъ что говорится въ этой статьѣ: «*для облегченія крестьянамъ* взноса повинностей, *помѣщику предоставляется* вступать съ ними *въ добровольное (!) соглашеніе* объ опредѣленіи задѣльной платы, по которой *недоимщики должны*, подъ строгимъ наблюденіемъ сельскаго начальства, *отрабатывать на господской работѣ, по указанію помѣщика, накопленныя ими недоимки*»... Такимъ образомъ, «недоимщики» обращаются въ прямыхъ помѣщичьихъ холоповъ и дворовыхъ! Это уже ничѣмъ не замаскированное рабство, открыто устанавливаемое дѣйствующимъ закономъ!..

До сихъ поръ мы говорили о временно-обязанныхъ помѣщичьихъ крестьянахъ — глехахъ. Кромѣ нихъ, въ Грузіи существуетъ еще особый классъ земледѣльцевъ, такъ называемыхъ хизанъ. Это выходцы изъ горъ Осетіи и Мингреліи, поселившіеся съ XVIII вѣка на земляхъ грузинскихъ князей и дворянъ и считающіеся «арендаторами» помѣщичьихъ земель. Положеніе ихъ такое же ужасное, какъ и глеховъ. Кромѣ всякихъ казенныхъ и иныхъ повинностей, они, какъ сидящіе на помѣщичьей землѣ, платятъ «аренду», тоже по «добровольному соглашенію». Вотъ эта «аренда»: «гала» за полевую землю отъ 1/6 до 1/3 урожая и 1/2 покоса; «кулухи» за пользованіе виноградникомъ и садомъ—1/3 приготовляемаго сусла или 1/2 сбора винограда и фруктовъ и «бечара» натуральная повинность—отработка по уговору за право пользованія лѣсомъ, выгономъ, водой. Улучшенія, производимыя на помѣщичьей землѣ, всецѣло остаются въ пользованіи помѣщика. Такъ, напримѣръ, садъ,

насажденный хизаномъ, черезъ 10—15 лѣтъ переходитъ въ пользу помѣщика; иногда хизану оставляется половина. Хизанамъ отводились обыкновенно самыя плохія земли, и въ теченіе долгихъ лѣтъ, путемъ упорнаго труда, они дѣлали эти земли доходными и высококультурными. Тогда помѣщики начинали выселять хизанъ. Послѣдніе обращались къ защитѣ правительственной власти, но самодержавная бюрократія умѣла защищать только дворянскіе интересы. На жалобы хизанъ послѣдовало разъясненіе, что «хизане — простые арендаторы и, какъ таковые, обязаны подчиняться всѣмъ требованіямъ помѣщиковъ или удалиться съ земли». Такъ какъ, однако, неурядица продолжалась, то бюрократія рѣшила въ 1891 г. установить законодательныя нормы; всѣ онѣ были направлены противъ хизанъ, но выселеніе послѣднихъ было обусловлено обязанностью помѣщика уплатить выселяемому двойную стоимость улучшеній, произведенныхъ имъ на помѣщичьей землѣ. Грузинское дворянство усиленно хлопотало объ отмѣнѣ этого правила и добилось своего. Въ 1900 году изданъ былъ новый законъ, по которому помѣщикъ вправѣ всегда удалить хизана съ земли, заплативъ ему только стоимость строеній. Въ Лечхумскомъ уѣздѣ Кутаисской губерніи хизане отбываютъ денежный оброкъ по $2^{1}/_{2}$ р. съ дыма и обязаны работать у помѣщика 42—60 дней. Въ общемъ, по даннымъ сельскохозяйственныхъ обзоровъ Кутаисской губерніи, каждый хизанскій ымъ обязанъ платить помѣщику отъ 60 до 90 р. оброка или по 0—60 руб. съ десятины.

Кромѣ помѣщичьихъ повинностей, и глехи, и хизане несутъ всякаго рода другія денежныя и натуральныя повинности: государственный поземельный налогъ, государственный и земскій губернскій сборы, воинскую повинность, содержаніе сельскихъ канцелярій, духовенства, школъ, жалованье старшинамъ и судьямъ съ помощниками, дорожную повинность, содержаніе прогонныхъ лошадей для доставки чиновниковъ, угощеніе послѣднихъ, содержаніе сборщиковъ податей, хлѣбныхъ амбаровъ, пастуховъ, церковныхъ сторожей, милиціонеровъ.

Точнаго исчисленія всѣхъ этихъ повинностей въ переводѣ на деньги сдѣлать не возможно. Оффиціальныя данныя исчисляютъ ихъ въ слѣдующихъ суммахъ: налоги и сборы 10 р. съ дыма, мірскія денежныя повинности 4 р. 78 к.; что касается натуральныхъ повинностей, то, по даннымъ Кутаисскаго губернскаго комитета, одна дорожная повинность въ Сенакскомъ уѣздѣ въ 1895 г. равнялась 40 руб. на дымъ. Г. Сааковъ вычисляетъ дорожную повинность для всего Закавказья въ 15 руб. на дымъ *).

Другой изслѣдователь, г. Бахтадзе, вычисляя расходы крестьянъ на духовенство, говоритъ, что крестьяне платятъ духовенству трой-

---

*) См. его брошюру „О необходимости введенія земскихъ учрежденій въ Закавказьѣ", стр. 15.

ную дань: по таксѣ за требы, жалованье и натурой. Жалованье—«храмовыя» деньги по 2 р. съ дыма. За обряды по таксѣ: крестины 50 к., погребеніе 3 р., вѣнчаніе 5—7—10 руб.

«При неуплатѣ въ срокъ слѣдуемаго священнику жалованья, въ селеніе,—говоритъ г. Бахтадзе,—обыкновенно посылается нѣсколько низшихъ чиновъ земской стражи, которые пьютъ и ѣдятъ на счетъ крестьянина до тѣхъ поръ, пока вся недоимка не будетъ уплачена».

Особенно тягостны для крестьянъ натуральныя повинности и, главнымъ образомъ, дорожная, отнимающая у крестьянъ не только деньги, но и массу времени, и мѣшающая заниматься хозяйственнымъ трудомъ. Несомнѣнно, что дорожная повинность—общая необходимость, такъ какъ дороги нужны для всѣхъ; между тѣмъ, къ отбыванію ея привлечены одни крестьяне.

Единственнымъ выходомъ изъ даннаго невыносимаго положенія «временно-обязанныхъ» крестьянъ, буквально, закрѣпощенныхъ помѣщикамъ, является выкупъ. Но, согласно положенію о врем. обяз., выкупиться крестьянинъ можетъ только *съ согласія помѣщика.* Само собою разумѣется, что грузинскимъ феодаламъ невыгодно лишиться своихъ рабовъ, и они всячески препятствуютъ этому выкупу, если бы крестьянинъ даже и имѣлъ какими-либо чудесами возможность прибѣгнуть къ нему. Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ крестьяне сами выкупиться не могутъ, а помощи имъ ждать неоткуда. Въ Закавказьѣ нѣтъ даже крестьянскаго банка, при содѣйствіи котораго глехъ или хизанъ могъ бы, хотя бы на тяжелыхъ условіяхъ, ликвидировать свои отношенія къ помѣщику.

Созванный въ 1902 г. Кутаисскій комитетъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности пришелъ къ заключенію, что этому необходимо положить конецъ, установивши «обязательный выкупъ надѣловъ временно-обязанныхъ и хизанъ, при содѣйствіи правительства, на тѣхъ основаніяхъ, кои были установлены во внутреннихъ губерніяхъ, и примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ». Этого платоническаго пожеланія съ присовокупленіемъ растяжимаго понятія «примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ» было достаточно, чтобы грузинскіе феодалы всполошились... Именитые грузинскіе князья и дворяне поспѣшили подать «особое мнѣніе», въ которомъ заранѣе требуютъ уплаты за землю не по существующей доходности, а по *доходоспособности*, которая де возможна въ будущемъ!.. Уже изъ этого факта достаточно ясно, что грузинскіе феодалы слишкомъ далеки отъ желанія, чтобы крестьяне освободились отъ ихъ рабства путемъ выкупа, и потому получить отъ нихъ требуемое закономъ «согласіе» не легко.

Обрисовка экономическаго положенія крестьянина въ Закавказьѣ была бы не полна, если бы мы не коснулись условій кредита, безъ котораго, конечно, немыслимо ни правильное веденіе хозяйства, ни сельско-хозяйственныя улучшенія. При отсутствіи кредитныхъ учрежденій, доступныхъ крестьянину, кредитъ въ де-

ревнѣ исключительно ростовщическій. «Въ среднемъ — говоритъ г. Сааковъ, авторъ доклада о необходимости введенія земскихъ учрежденій въ Закавказьѣ,—25—30% можно считать обычнымъ ростомъ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ взимаютъ нерѣдко и 100%. Хотя законъ и караетъ ростовщичество, тѣмъ не менѣе его искусно обходятъ ростовщики и безнаказанно эксплуатируютъ населеніе». Тотъ же авторъ приводитъ отзывъ бывшаго тифлисскаго губернатора Ширвашидзе объ *«огульной задолженности»* крестьянъ, нерѣдко создающей для нихъ *«совершенную кабалу»* и обращающей крестьянина скорѣе въ работника кредитора, чѣмъ въ самостоятельнаго хозяина».

Выше мы приводили выписки изъ закона, дающаго помѣщику право обратить въ рабство неисправнаго плательщика крестьянина. Полное безправіе временно-обязаннаго крестьянина не менѣе рельефно выступаетъ въ области обычныхъ правовыхъ отношеній. На основаніи примѣчанія къ 394 ст. Уложенія о наказ., «временно-обязанные крестьяне, виновные въ оскорбленіи помѣщика, на землѣ котораго они водворены, или члена его семейства, подвергаются взысканіямъ и наказаніямъ, опредѣленнымъ въ сей (394) и слѣдующей 395 ст.». 395 ст. Улож. гласитъ, что виновный подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на житье въ Сибирь или отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія.

Вотъ тѣ ужасающія, совершенно невыносимыя, соціальныя и экономическія условія существованія грузинскаго крестьянства, на почвѣ которыхъ вспыхнуло въ 1904 году гурійское аграрное движеніе, перешедшее затѣмъ въ общее освободительное движеніе, удивившее всю Россію своей культурностью и замѣчательной планомѣрностью и организованностью.

III.

Выше мы видѣли, что и временно-обязанные, и хизане дошли до крайней степени обнищанія. Каторжный сельско-хозяйственный трудъ пересталъ служить источникомъ самаго скуднаго пропитанія. Доходовъ отъ хозяйства не стало хватать на покрытіе повинностей помѣщику и казнѣ. Впереди былъ одинъ исходъ—кабала у помѣщика, предупредительно предусмотрѣнная закономъ. Мирному отъ природы глеху и хизану ничего не оставалось дѣлать, какъ самому попытаться бороться съ вѣковымъ зломъ, такъ какъ «реформъ» онъ ждалъ и не дождался въ теченіе сорока лѣтъ. И онъ самъ объявилъ себя свободнымъ отъ «временно-обязанныхъ» отношеній къ помѣщику.

Корреспондентъ тифлисской газеты «Возрожденіе», объѣхавшій лѣтомъ прошлаго года Гурію, пишетъ, что крестьянское движеніе *«первымъ дѣломъ»* было направлено противъ помѣщиковъ. Этимъ

послѣднимъ былъ объявленъ бойкотъ, была выведена отъ нихъ, подъ угрозою смерти, вся прислуга. Некому было смотрѣть за помѣщичьимъ скотомъ, некому было таскать для нихъ воду и печь хлѣбъ. Все приходилось дѣлать самимъ помѣщикамъ и ихъ семьямъ». Далѣе слѣдовало прекращеніе взноса денежныхъ и натуральныхъ повинностей помѣщику, подарковъ, приношеній, а также установленіе самими крестьянами нормъ арендной платы и захватъ земли сельскими общинами.

Упомянутый корреспондентъ лѣтомъ 1905 г. засталъ въ Гуріи новые земельные порядки уже установившимися. «Мы сами устанавливаемъ арендную плату, мы сами будемъ всѣмъ распоряжаться, — говорили корреспонденту крестьяне. — Земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатываетъ. Дармоѣдовъ больше не должно быть, всѣ должны работать и всѣмъ будетъ хорошо. Какое тутъ будетъ эртоба, если бездѣльникъ монахъ будетъ въ годъ получать 9 тысячъ рублей, а я не имѣю и 9 абазовъ, чтобы дѣтямъ купить, по крайней мѣрѣ, обувь или платья. Они у меня ходятъ, какъ оборванцы. Сосѣдній князь и хорошо живетъ, и дѣтей воспитываетъ въ школахъ, и при этомъ только «чибухъ» покуриваетъ, а я голодаю, не смотря на то, что и днемъ, и ночью безъ устали работаю и дѣтей своихъ даже въ простую школу не могу отдать. Нѣтъ, міръ устроенъ несправедливо. Насъ только «эртоба» можетъ спасти. Какъ хотите, батоно, идти дальше такъ нельзя! чаша терпѣнія переполнилась!» Въ однихъ мѣстахъ крестьяне просто забирали землю, въ другихъ требовали отъ владѣльцевъ расписки въ «равномѣрномъ пользованіи землею».

Что же дѣлали въ это время помѣщики? Призадумались надъ серьезностью положенія? Признали необходимость немедленной аграрной реформы? Ничуть не бывало... Они организовали дворянскую милицію, прозванную «черной командой», и обратились къ кавказскому правительству съ требованіемъ поддержать силою оружія «непоколебимость экономическихъ отношеній» между помѣщиками и крестьянами и, конечно, возмѣстить всѣ помѣщичьи потери на счетъ виновныхъ. Но запугать крестьянъ имъ не удалось. «Черная команда» изъ дворянской молодежи не устрашила крестьянъ; они ей противопоставили «красную команду», мобилизовавъ крестьянскія дружины. Помѣщики, volens nolens, должны были вступать въ соглашенія съ крестьянами, такъ какъ никакого сопротивленія сами оказать были не въ силахъ. Но на помощь имъ спѣшила правительственная власть. Наши реакціонеры съ «Нов. Временемъ» во главѣ совершенно лживо утверждаютъ, будто правительство графа Воронцова-Дашкова «мирволило революціонерамъ». Наоборотъ, оно не только учредило коммиссіи для взысканія съ крестьянъ помѣщичьихъ убытковъ, но и разослало карательныя экспедиціи.

«Нов. Обозрѣнію» изъ Горійскаго уѣзда сообщали: « На-дняхъ

сюда пріѣхалъ чиновникъ особыхъ порученій при намѣстникѣ свѣтл. кн. П. А. Грузинскій, собралъ помѣщиковъ и крестьянъ и попросилъ ихъ придти въ соглашеніе, предложивъ ограничиться полученіемъ $^1/_4$ дохода тамъ, гдѣ прежде получали $^1/_3$, и $^1/_5$ тамъ, гдѣ получали $^1/_4$. Крестьяне заявили, что они ни на какія уступки не пойдутъ и болѣе $^1/_{10}$ части урожая помѣщикамъ ни въ коемъ случаѣ не дадутъ. Они назначили помѣщикамъ 1-е августа послѣднимъ срокомъ, съ тѣмъ, что, если помѣщики не возьмутъ съ поля урожая къ этому дню, то они, крестьяне, оставятъ ихъ $^1/_{10}$ долю въ полѣ, а свои $^9/_{10}$ возьмутъ себѣ. Свѣт. кн. П. А. Грузинскій еще разъ убѣдительно просилъ крестьянъ уступить, но результатовъ не достигъ. Въ селеніе поставлена *экзекуція* изъ сотни казаковъ. По распоряженію генералъ-адъютанта кн. И. Г. Амилахори прибыла и рота горійскаго полка».

Грузинской газетѣ «Цнобисъ Пурцели» писали изъ Карталиніи: «Крестьяне цхинвальскаго района, верхней Карталиніи и Душетскаго уѣзда *сильно страдаютъ отъ назначенной въ села экзекуціи*. Коммиссіи по выясненію убытковъ землевладѣльцевъ обходятъ деревни, за ними въ деревню вступаетъ экзекуція для взысканія съ крестьянъ убытковъ. У *неимущихъ отбираютъ скотъ и домашнюю утварь для продажи*».

Другой грузинской газетѣ «Иверіа» сообщали изъ Карталиніи же: «По распоряженію администраціи идетъ усиленная борьба съ крестьянами, отъ которыхъ требуютъ выдачи агитаторовъ и главарей движенія. *Достаточно малѣйшаго сомнѣнія*, чтобы то или иное лицо было *задержано*. Задерживаютъ одинаково мужчинъ или женщинъ».

Въ Боржомскомъ уѣздѣ, по словамъ той же газеты, экзекуція крестьянъ происходила слѣдующимъ образомъ: «Казаки прежде всего потребовали съ крестьянъ возмѣщенія убытковъ двор. Ганзіели и кн. Сумбатову. Затѣмъ, и всѣмъ остальнымъ дворянамъ, которые заявятъ объ этомъ. Начальникъ команды заявилъ, что, пока онъ не получитъ расписки отъ всѣхъ пострадавшихъ дворянъ о томъ, что они удовлетворены, до тѣхъ поръ онъ не выведетъ экзекуцію. Тѣмъ временемъ *казаки принялись грабить жителей*. У кого отнимали домашнюю утварь, у кого угоняли быковъ на обѣдъ. Затѣмъ командиръ назначилъ 70 руб. въ день, и крестьяне платятъ эту сумму, пока не удовлетворятъ всѣхъ. А чтобы удовлетворить всѣхъ, нужна крупная сумма... Хотя полковнику Альфтану и сообщено, что *всѣ помѣщики удовлетворены*, но онъ еще *не снимаетъ экзекуціи, и крестьянамъ приходится платить въ день по 70 руб. на содержаніе казаковъ*».

Мы полагаемъ, что нѣтъ надобности продолжать выписку подобныхъ фактовъ; ихъ можно указать сколько угодно, но и приведенныхъ совершенно достаточно для подтвержденія того, что русскія войска и русская «либеральная» бюрократія на Кавказѣ съ

большимъ рвеніемъ защищали классовые интересы грузинскихъ феодаловъ и всѣми способами и средствами возстановляли «прочность отношеній» помѣщиковъ и «временно-обязанныхъ» крестьянъ.

IV.

Установленіе новыхъ земельныхъ порядковъ и борьба съ помѣщиками и кавказскимъ правительствомъ не могла бы происходить успѣшно, если бы гурійскіе крестьяне не захватили въ свои руки власти на мѣстахъ. Поэтому аграрная революціонная реформа шла параллельно съ политической. Гурійскіе крестьяне отстранили назначенныхъ администраціей сельскихъ должностныхъ лицъ и объявили бойкотъ правительственныхъ школъ, судовъ, полицейскихъ участковъ, мировыхъ посредниковъ, священниковъ и прочихъ правительственныхъ агентовъ.

Всѣ эти должностныя лица не только служили интересамъ правительства, но были главной опорой помѣщиковъ и составляли многочисленные кадры прямыхъ эксплуататоровъ населенія. Священникъ въ церкви проповѣдывалъ смиреніе, необходимость рабства и бралъ съ крестьянъ огромные поборы. Выше мы приводили свидѣтельство Бахтадзе, какія экзекуціи угрожали крестьянамъ за невзносъ жалованья священнику. Старшины и полицейскіе выколачивали нещадно налоги и повинности, казенные и помѣщичьи, и брали съ крестьянъ бакшиши. Учителя, выполнявшіе руссификаторскіе планы бюрократіи и содержимые на счетъ крестьянъ, были покорными служителями системы, изгонявшей изъ школы родной языкъ и литературу и внушавшей подростающей молодежи, что она должна забыть свою національность, исторію, нравы, обычаи и все родное. Мѣстная юстиція въ лицѣ мировыхъ посредниковъ только охраняла status quo, и вся ея дѣятельность клонилась къ поддержанію существующаго экономическаго и соціальнаго рабства, а отнюдь не къ соблюденію нелицепріятнаго закона, равнаго для всѣхъ. Такого закона не было. Отсюда понятна та настойчивость и энергія, съ которой гурійскіе крестьяне раздѣлывались съ своими угнетателями.

По постановленію мѣстныхъ комитетовъ или общественнаго суда, крестьянамъ предписывалось не платить духовенству за требы, а также и храмовыя деньги. Священниковъ, прибѣгавшихъ къ помощи полиціи, подвергали наказанію со стороны общественнаго суда. У нѣкоторыхъ изъ нихъ, по предписанію суда, отбирались мѣшки, наполненные приношеніями мірянъ, и содержимое раздавалось бѣднымъ. Особую ненависть питало населеніе къ школамъ и полицейскимъ участкамъ. И тѣ, и другіе закрывались и часто даже разгромлялись, а дѣла уничтожались. Наиболѣе ненавистнымъ чиновникамъ предписывалось въ теченіе извѣстнаго срока перево-

диться въ другія мѣста или выходить въ отставку. Отъ сельскихъ старшинъ отбирались знаки и имъ запрещалось «вмѣшиваться въ общественныя дѣла». Въ мировыхъ учрежденіяхъ въ теченіе двухъ лѣтъ не разбиралось *ни одного дѣла*. Тѣхъ, кто изъ трусости обращался къ мировымъ судьямъ, подвергали наказанію.

Упразднивъ все, что напоминало режимъ насилія и гнета, гурійцы ввели у себя народное управленіе на самыхъ широкихъ демократическихъ началахъ. Администрація, судъ, милиція и полиція безопасности и благочинія была выборная на основѣ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ.

По словамъ непосредственно наблюдавшаго гурійское гражданское устройство проф. Марра, оно заключалось въ слѣдующемъ:

«Гурія совершенно открыто—говоритъ проф. Марръ—раздѣлена на районы, каждый въ вѣдѣніи особаго лица. Районному начальнику, котораго гурійцы называютъ просто «райономъ», подчинены «представители» (цармомадгэнэли). Въ вѣдѣніи каждаго представителя—три селенія. Во главѣ селенія — сотскій (асис-тави, «глава ста»), которому подчинены десятскіе (атис-тави, «глава десяти»). Десятскій стоитъ во главѣ кружка (тцрэ) изъ девяти, самъ онъ—десятый. Онъ сообщаетъ устно каждому члену кружка о предстоящемъ засѣданіи, собираетъ членскій взносъ своего кружка, съ каждаго члена — 10 к. въ мѣсяцъ (раньше было 20 к.), докладываетъ обществу, т. е. жителямъ даннаго села или нѣсколькихъ селъ, смотря по вопросу, на собраніи о жалобѣ кого-либо изъ своего кружка. Бумажное дѣлопроизводство совершенно устранено. Всѣ дѣла ведутся устно. Судъ принимаетъ всякія жалобы и рѣшаетъ дѣла, не взыскивая ни копѣйки. Рѣшеніе приводится въ исполненіе безпрекословно; при неисполненіи общество само выступаетъ противъ ослушника. Судебныя дѣла возбуждаются и по заявленію потерпѣвшаго прямо обществу во время засѣданія... Если дѣло семейное (напр., раздѣлъ братьевъ), братья сами должны устроиться при помощи третейскаго суда. Рѣшеніе такого третейскаго суда недовольною стороною можетъ быть обжаловано передъ обществомъ. Общество въ такомъ случаѣ утверждаетъ или перерѣшаетъ. Въ другихъ случаяхъ само общество выбираетъ коммиссію для разбора того или иного дѣла; рѣшеніе коммиссіи должно получить утвержденіе общества. Общество можетъ отвергнуть рѣшеніе коммиссіи и постановить свое, діаметрально противоположное. Вообще, общество ревниво охраняетъ принципъ народовластія. Предсѣдатель выбирается на каждомъ засѣданіи новый. Имъ можетъ быть любой членъ общества. Дѣла о разбояхъ и грабежахъ, а равно всякій вопросъ, имѣющій общественное значеніе, возбуждаются любымъ членомъ изъ общества, если даже молчитъ потерпѣвшій. Случая замалчиванія какого-либо преступленія не было. Слѣдствіе ведетъ само общество, обыкновенно черезъ выбранную имъ коммиссію. Въ вопросахъ правосудія поселяне очень ревниво относятся

къ дѣлу. Не было преступленія, ни убійства (за исключеніемъ политическаго), ни грабежа, ни воровства, чтобы виновникъ не былъ обнаруженъ».

Такимъ образомъ, народное самоуправленіе фактически осуществляло всю власть—законодательную, исполнительную и судебную. Мы не будемъ подвергать критикѣ общественное устройство гурійцевъ. Это задача будущаго историка освободительнаго движенія на Кавказѣ. Несомнѣнно, что это устройство и функціи различныхъ органовъ самоуправленія создавались и складывались наскоро, подъ вліяніемъ требованій момента, не столько подъ вліяніемъ политическихъ и соціальныхъ идеаловъ населенія, сколько въ силу необходимости приспособляться къ условіямъ борьбы на два фронта—съ помѣщиками и самодержавнымъ режимомъ.

Нѣкоторыя законодательныя постановленія гурійскихъ собраній носятъ на себѣ печать именно потребности момента, временныхъ условій существованія гурійскаго крестьянина, еще не совсѣмъ отвыкшаго отъ помѣщичьяго гнета: такъ, напримѣръ, вмѣстѣ съ установленіемъ обязательныхъ нормъ аренды «во избѣжаніе ихъ нарушенія *секретными условіями* землевладѣльца съ земледѣльцемъ», было установлено, что спеціальная коммиссія отъ общества «сама указываетъ собственнику, *кому* онъ долженъ сдать землю для обработки».

Въ свою очередь судебные приговоры и само теченіе судебнаго процесса часто бывали весьма несложны. Жители Озургетскаго уѣзда, какъ передаетъ «Черноморскій Вѣстникъ», обсуждали мѣры противъ кражъ и насилій въ уѣздѣ. «*Тайной подачей голосовъ были обнаружены всѣ воры, грабители и разбойники*. Общество приняло по отношенію къ нимъ слѣдующее рѣшеніе: нѣкоторыхъ—бойкотировать, другихъ—заставить работать на сельскихъ дорогахъ, составляющихъ натуральную повинность крестьянъ; съ третьихъ взять обѣщаніе не совершать ничего преступнаго съ угрозой въ противномъ случаѣ подвергнуть изгнанію навсегда изъ своихъ селъ». Трудно поручиться, чтобы судебные приговоры, основанные на такомъ несовершенномъ и случайномъ слѣдственномъ актѣ, какъ указаніе воровъ «тайной подачей голосовъ», всегда и вполнѣ гарантировали справедливость приговоровъ, но послѣдніе все же остались чужды кровожадности и грубости. Сравните самосудъ надъ ворами въ русской деревнѣ. Какая огромная разница!

Практика гурійскаго народнаго самоуправленія, во всякомъ случаѣ, показываетъ, что гурійское крестьянство оказалось вполнѣ созрѣвшимъ для демократическаго строя. Народоправство имъ было проведено въ жизнь блестяще, и новая общественная власть оказалась такой моральной силой, о какой не могла и мечтать русская бюрократія. Авторитетъ новой народной власти былъ такъ великъ, а самосознаніе народныхъ массъ стояло такъ высоко, что даже въ тѣхъ сельскихъ обществахъ, гдѣ администрація возстанавливала

старыхъ властей, населеніе, по прежнему, бойкотировало иихъ обращалось къ своимъ избранникамъ.

Подвергнувъ изгнанію все, что напоминало старый режимъ, и осуществивъ демократическое свободное устройство, Гурія жила полной гражданской жизнью. Въ «Гурійскихъ впечатлѣніяхъ и наблюденіяхъ» проф. Марръ пишетъ:

«Въ селахъ идетъ интенсивная общественная жизнь. Собраніе слѣдуетъ за собраніемъ, и удивляешься, какъ крестьяне, обремененные полевыми работами, поспѣваютъ всюду, принимаютъ въ преніяхъ живое участіе и высиживаютъ цѣлые часы, иногда дни, на засѣданіяхъ. Сегодня судъ, завтра обсужденіе принципіальныхъ общественныхъ вопросовъ съ рѣчью знаменитаго странствующаго оратора, послѣзавтра рѣшеніе мѣстныхъ дѣлъ: школьнаго, дорожнаго, земельнаго и т. д. и т. д. На собранія являются женщины наравнѣ съ мужчинами. Собранія происходятъ въ зависимости отъ погоды подъ открытымъ небомъ или въ помѣщеніи, напримѣръ, въ школѣ или церкви. Запоздавшихъ торопятъ звономъ въ церковный колоколъ. Интересъ представляютъ собранія, на которыхъ обсуждаются принципіальные, общественные и даже научные вопросы. И на такія собранія собираются всѣ поселяне и поселянки, хотя активно могутъ участвовать въ нихъ лишь наиболѣе развитые, — обыкновенно, рабочіе изъ города, занимавшіеся самообразованіемъ, и мѣстные интеллигенты. Среди развитыхъ рабочихъ въ деревнѣ— въ высшей степени симпатичные типы, жаждущіе знанія и высоко ставящіе науку независимо отъ ея прикладного, утилитарнаго значенія. На мое удивленіе и замѣчаніе, что такой взглядъ рѣдко встрѣчается и въ интеллигенціи, что наука цѣнится и въ образованномъ обществѣ по степени матеріальной полезности, одинъ изъ такихъ рабочихъ мнѣ замѣтилъ, что иного отношенія отъ современныхъ интеллигентовъ и нельзя ожидать, такъ какъ современные интеллигенты происходятъ отъ буржуазіи или носители буржуазнаго міросозерцанія: естественно, что они и на науку смотрятъ съ буржуазной, утилитарной точки зрѣнія».

VI.

Кавказская бюрократія, какъ и всегда, оказалась совершенно неподготовленной къ такой «неожиданности», какою для нея явилось гурійское движеніе. Вопреки ея ожиданіямъ, обычныя репрессіи не только не достигли цѣли, но и принесли обратный результатъ, сплотивъ народныя массы и противопоставивъ организованному насилію—организованную силу. Послѣ того кавказская бюрократія совершенно растерялась, и вся ея дальнѣйшая политика носитъ слѣды этой растерянности и крайней непослѣдовательности.

Во главѣ гражданскаго управленія намѣстничества стоялъ т.

с. Султанъ-Крымъ-Гирей, либеральный чиновникъ, бывшій земецъ, противникъ репрессій и насилія, а главное—человѣкъ, наблюдающій жизнь не сквозь бумажную призму, а въ дѣйствительности. Онъ выѣхалъ въ Гурію для изслѣдованія движенія безъ солдатъ, безъ стражниковъ, безъ пулеметовъ,—словомъ, безъ всѣхъ обычныхъ атрибутовъ «твердой власти», что вызвало неподдѣльное удовольствіе среди гурійцевъ; имъ было предложено высказаться свободно о своихъ нуждахъ и требованіяхъ; объявлено было и грузинской печати дозволеніе свободно обсуждать гурійскій вопросъ.

Всюду были созваны сельскіе сходы, которые и формулировали свои требованіи. Въ свое время они были опубликованы въ разныхъ газетахъ. Здѣсь мы сдѣлаемъ сводку требованій по разнымъ приговорамъ сельскихъ сходовъ. Вотъ они въ существенныхъ чертахъ: 1) немедленное освобожденіе временно-обязанныхъ крестьянъ съ землею за счетъ государства, возвращеніе отрѣзковъ, отнятыхъ у крестьянъ при освобожденіи ихъ въ пользу помѣщиковъ; уничтоженіе выкупныхъ платежей и возвращеніе уже взысканныхъ; уничтоженіе оброчной системы и возвращеніе крестьянамъ казенныхъ участковъ; возвращеніе имъ-же церковныхъ, удѣльныхъ и казенныхъ земель, свободное и безплатное пользованіе лѣсомъ и пониженіе арендной платы за помѣщичьи земли. 2) Уничтоженіе цѣлаго ряда повинностей, лежащихъ тяжестью на крестьянинѣ, и введеніе подоходнаго налога. 3) Полное упраздненіе сословныхъ дѣленій и обязательное участіе дворянъ въ отбываніи необходимыхъ повинностей; 4) Полное мѣстное самоуправленіе, при чемъ судьи и всѣ чиновники должны избираться народомъ. Далѣе шли общія политическія требованія демократической платформы о политической свободѣ и народномъ представительствѣ.

Султанъ-Крымъ-Гирей выслушалъ всѣ эти требованіи, увѣрялъ въ «благонадежности» кавказской администраціи и отвѣтилъ, конечно, только то, что и могъ отвѣтить, а именно: кое-что будетъ сдѣлано, а прочее, въ томъ числѣ и политическія реформы, не во власти намѣстника. Гурійцы, въ свою очередь, отвѣчали, что они и не разсчитываютъ на удовлетвореніе своихъ требованій нынѣшнимъ правительствомъ, что удовлетворить ихъ можетъ только народное представительство, избранное на демократической основѣ.

Эти переговоры населенія съ правительственною властью собственно и были рѣшающими. Для кавказской бюрократіи должно было стать яснымъ, что мирный договоръ немыслимъ безъ капитуляціи приказнаго строя, но она не сдѣлала этого вывода, не приняла единственно возможнаго для нея рѣшенія—подавленія революціи во чтобы то ни стало, а, растерявшись, пошла на компромиссъ, и одной рукой принялась за реформы, а другой толкала населеніе на вооруженное возстаніе.

Впрочемъ, необходимо замѣтить, что политика «компромисса», «благожелательность» и «миролюбіе» графа Воронцова-Дашкова исхо-

дили не только изъ личной склонности его и помощниковъ намѣстника, но и диктовались обстоятельствами. Во всемъ восточномъ Закавкавьѣ шла армяно-татарская война, на сѣверномъ Кавказѣ не прекращалось брожаніе среди горцевъ, въ городахъ шло политическое движеніе, одинъ Баку поглощалъ 10-тысячную армію, десятки тысячъ были разбросаны по остальнымъ мѣстамъ; для Грузіи, такимъ образомъ, не хватало войскъ. При рѣшимости же населенія до послѣдней степени защищать свою свободу, чтобы подавить гурійское движеніе, распространившееся и на Имеретію, Мингрелію и Карталинію, требовалась цѣлая кампанія. Это-же стало возможнымъ только 10 мѣсяцевъ спустя, въ то время, когда мы пишемъ эти строки, и когда генералъ Алихановъ предаетъ Грузію огню и мечу.

Итакъ, въ началѣ 1905 г. кавказское правительство пошло на компромиссъ: военное положеніе въ Гуріи снято, войска удалены, въ Кутаисъ назначенъ либеральный губернаторъ Старосельскій, фактически осуществлялась свобода грузинской печати и свобода собраній, прекратились аресты и административныя высылки, возстановлено было преподаваніе въ школахъ на природномъ языкѣ учащихся, предприняты работы по введенію земства на Кавказѣ, образована коммиссія по составленію проекта объ обязанномъ выкупѣ временно-обязанныхъ крестьянъ.

Однако, параллельно съ этими реформаторскими дѣйствіями, та же администрація производила эксперименты совершенно противоположные: она учредила коммиссіи по вознагражденію помѣщиковъ, пострадавшихъ отъ аграрныхъ безпорядковъ, и посылала экзекуціи, истязавшія и грабившія населеніе; за случайные грабежи возлагала круговую поруку на сельскія общества; посылая чиновниковъ *изучать* революціонное гурійское самоуправленіе, народные суды и пр., въ то же время пыталась во многихъ мѣстахъ возвращать изгнанныя населеніемъ власти. Такая двойственная политика вызывала только раздраженіе населенія и подрывала всякую вѣру въ реформаторскія потуги бюрократіи, которыя вскорѣ и начали терпѣть одно пораженіе за другимъ.

Начатыя канцелярскимъ путемъ, «реформы» эти заранѣе были обречены на неудачу. Онѣ, въ сущности, сводились къ возстановленію въ краѣ того режима, который господствовалъ до реакціи 80-хъ годовъ, и, конечно, не могли удовлетворить требованій населенія.

Уѣздныя и губернскія совѣщанія о введеніи земства въ восточныхъ губерніяхъ Закавказья не могли состояться во многихъ городахъ въ виду армяно-татарской войны; въ Грузіи же большинство населенія воспользовалось ими, какъ средствомъ агитаціи, и, отвергнувъ цензовые выборы, избирало депутатовъ всеобщей подачей голосовъ, и требовало демократическаго мѣстнаго земства, а не цензоваго изъ комбинацій земскихъ положеній 1864 и 1890 гг. «при-

мѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ», какъ проектировало кавказское намѣстничество.

Такъ же неудачна была и школьная реформа. Администрація отказалась отъ руссификаторской политики въ школѣ, но населеніе этимъ не удовлетворилось,—оно требовало идти дальше въ школьной реформѣ и принять народную школьную программу, иначе же грозило по прежнему бойкотировать правительственныя школы.

Полное пораженіе ждало кавказское правительство и въ его игрѣ на національномъ самолюбіи грузинъ. Послѣ долголѣтняго униженія грузинской національности, кавказское намѣстничество вдругъ проявило особое расположеніе къ грузинамъ и стало назначать грузинскихъ дворянъ и князей на отвѣтственныя должности и важные посты: напримѣръ, генерала Амилахвари бакинскимъ генералъ-губернаторомъ, Такайшвили елисаветпольскимъ и проч. Можетъ быть, это и льстило грузинскимъ феодаламъ, но на крестьянство производило впечатлѣніе совсѣмъ обратное, — оно усматривало въ этомъ заигрываніе съ ненавистными ему феодалами, вѣрными слугами режима гнета и провокаціи.

Наконецъ, важнѣйшая реформа—выкупъ временно-обязанныхъ—не пошла дальше бюрократической коммиссіи, которая не составила даже проекта.

Такимъ образомъ, «либеральное» управленіе кавказскаго намѣстника, перемѣшивавшее въ своей двойственной политикѣ репрессіи съ робкими реформаторскими потугами, было такъ же безсильно умиротворить край, какъ и голицынскій деспотизмъ съ его прямолинейнымъ варварствомъ и гнетомъ. Реформы необходимы были радикальныя и быстрыя, но самодержавно-бюрократическій режимъ на это органически не способенъ, и реформаторскія затѣи смѣнились разстрѣлами и сожженіемъ селъ и городовъ, давъ такой образецъ насилія, который превзошелъ не только голицынскій и плевевскій произволъ, но и все доселѣ мыслимое.

Подводя итогъ нашему изложенію, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) крестьянское аграрное движеніе въ Гуріи, перешедшее въ обще-грузинское революціонное движеніе, оставаясь совершенно чуждымъ сепаратистскихъ тенденцій, выставляло на своемъ знамени тѣ же лозунги, что и русское освободительное движеніе, съ которымъ оно сливается въ одинъ мощный потокъ; 2) гурійское движеніе возникло на почвѣ классового антагонизма полукрѣпостного крестьянства и грузинскихъ феодаловъ, вслѣдствіе крайней степени экономическаго раззоренія крестьянъ помѣщиками и правительствомъ, а также невыносимаго гнета самодержавнаго режима, подавлявшаго законнѣйшія стремленія населенія къ самодѣятельности и культурному самоопредѣленію.

Интенсивность самого движенія, его широта и глубина обусло-

вливаются, съ одной стороны, крайней степенью гнета, царившаго въ Гуріи, и экономическаго обнищанія массъ, а съ другой—значительной высотой сознательности крестьянства, на выработку міросозерцанія котораго оказали могучее вліяніе революціонныя и соціалистическія идеи.

Справедливость требуетъ отмѣтить этотъ самъ по себѣ необычайно интересный фактъ.

Могучее вліяніе соціалистическихъ идей въ гурійскомъ движеніи проф. Марръ объясняетъ тѣмъ, что «соціализмъ открылъ народу такіе горизонты соціальнаго строя, которые утѣшали его безгранично трудовую жизнь развѣ во снѣ или въ сказкахъ»...

Гурійцы видѣли, однако, на яву свѣтлые призраки «сказки». Въ живой реальной жизни они осуществляли не соціализмъ, конечно, но нѣчто такое, что еще недавно было именно «сказкой», что могло лишь грезиться во снѣ, а именно: гражданскую свободу, аграрную реформу и демократическій строй...

И пусть теперь свирѣпствуетъ реакціонное безуміе, но никакому терроризму опричины не удастся уже убить народныхъ стремленій къ политической свободѣ, демократическому строю и соціальному счастью.

Конст. Пономаревъ.

Критика и библіографія.

Д. С. Мережковскій. I. Грядущій хамъ.—II. Чеховъ и Горькій. Изд. Пирожкова. Спб. 1906.

Мы не имѣемъ ни нужды, ни возможности соглашаться или не соглашаться съ очень многимъ изъ того, что говорится въ новой книгѣ г. Мережковскаго. Напримѣръ, когда онъ сообщаетъ, что «каждая изъ трехъ Божескихъ Ѵпостасей есть соединеніе двухъ остальныхъ, такъ что всю полноту Троицы можно выразить символическимъ числомъ 333. Повторенное въ діавольскомъ зеркалѣ, удвоенное 333 даетъ 666. То же отношеніе дуализма, двойственности къ троичности выражается и въ иномъ сочетаніи этихъ символическихъ чиселъ 2 и 3 : 2 дѣленное на 3 = 666...» Мы можемъ только отмѣтить эти соображенія — въ нихъ воплощенъ нынѣшній «аватаръ» г. Мережковскаго—и пройти своимъ путемъ, ибо они въ другой плоскости. Г. Мережковскій тѣмъ свободнѣе движется на этой, не ограниченной законами логики, плоскости, что онъ на ней ни съ кѣмъ не можетъ встрѣтиться. И мы рѣшаемся думать, что даже тогда, когда г. Мережковскій обращается къ г. Бердяеву со словами: «вы, впрочемъ, сами знаете, какая таин-

ственная неодолимая сила и власть въ этомъ троичномъ символѣ: 1, 2, 3», — то онъ ошибается въ г. Бердяевѣ: г. Бердяевъ этого совсѣмъ не знаетъ, хотя можетъ долго и вдохновенно говорить объ этомъ предметѣ и охотно присоединяется къ пареніямъ г. Мережковскаго: «наши съ нимъ желанія тождественны, мы хотимъ разгадать ту же тайну, и потому путь у насъ одинъ». Онъ заблуждается, ибо ирраціональные пути безконечно индивидуальны, пока не пройдены. Но согласны между собой г.г. Мережковскій и Бердяевъ о томъ, *что* есть чортъ, или не согласны, мы позволимъ себѣ не принять участія въ этомъ собесѣдованіи. Есть вопросы по которымъ можно не имѣть опредѣленнаго мнѣнія — и къ таковымъ, полагаемъ, можно отнести старый и спорный вопросъ о томъ, откуда происходятъ вѣдьмы—изъ Кіева или изъ Чернигова. Да и трудно было бы менѣе посвященнымъ судить тамъ, гдѣ все столь смутно для самихъ іерофантовъ. «Въ концѣ концовъ — говоритъ г. Мережковскій — я такъ и не могу понять, совершенно ли мы согласны, или совершенно расходимся».

Во всѣхъ своихъ преображеніяхъ г. Мережковскій сохраняетъ свои черты; по прежнему онъ искрененъ, когда ломается; по прежнему стремителенъ въ своихъ поворотахъ, которые кажутся неожиданными только тому, кто не видитъ глубокаго отсутствія творческой оригинальности въ мысли этого искателя; по прежнему онъ неоснователенъ въ доводахъ; по прежнему склоненъ видѣть глубокое и существенное во внѣшнемъ и случайномъ; по прежнему въ мѣстахъ опасныхъ поступаетъ, какъ сепія: мутитъ воду и ускользаетъ.

Надо, напримѣръ, доказать тезисъ: «О Горькомъ, какъ о художникѣ, именно больше двухъ словъ говорить не стоитъ». Слѣдуютъ доводы: «правда о босякѣ, сказанная Горькимъ, заслуживаетъ величайшаго вниманія, но поэзія, которою онъ, къ сожалѣнію, считаетъ нужнымъ украшать иногда эту правду, ничего не заслуживаетъ, кромѣ снисходительнаго забвенія. Всѣ лирическія изліянія автора, описанія природы, любовныя сцены—въ лучшемъ случаѣ посредственная, въ худшемъ—совсѣмъ плохая литература». Лучше, чѣмъ кто-нибудь, г. Мережковскій понимаетъ, что это пустяки, что, за вычетомъ неудачныхъ «лирическихъ изліяній, описаній природы, любовныхъ сценъ», можетъ остаться еще самое настоящее искусство. И потому онъ начинаетъ мутить воду. Прежде всего онъ устраняетъ противниковъ, съ которыми нѣтъ нужды считаться: способъ простой и испытанный. «Тѣмъ простодушнымъ критикамъ, которые сравниваютъ Горькаго, какъ художника, съ Пушкинымъ, Гоголемъ, Л. Толстымъ и Достоевскимъ, все равно ничего не докажешь». Кажется, такихъ критиковъ не было; а если бы они и были, то, можетъ быть, были и другіе, менѣе «простодушные»? О нихъ проще умолчать. Но вѣнецъ разсужденія впереди: «въ произведеніяхъ Горькаго нѣтъ искусства; но въ нихъ

есть то, что едва ли менѣе цѣнно, чѣмъ самое высокое искусство: жизнь, правдивѣйшій подлинникъ жизни, кусокъ, вырванный изъ жизни съ тѣломъ и кровью. И какъ во всемъ очень живомъ, подлинномъ тутъ есть своя нечаянная красота, безобразная, хаотическая, но могущественная, своя эстетика, жестокая, превратная, для поклонниковъ чистаго искусства не пріемлемая, но для любителей жизни обаятельная». Какъ тонокъ долженъ быть критическій анализъ, отличающій эту «могущественную, обаятельную красоту» отъ какой-то иной, «не пріемлемой для любителей чистаго искусства» Одно изъ двухъ: или г. Мережковскій принадлежитъ къ сонму послѣднихъ; тогда эта красота для него — не красота; или онъ знаетъ, что есть иная, правомѣрная эстетика; но тогда почему же въ произведеніяхъ Горькаго «нѣтъ искусства»? И, наконецъ — лучшее доказательство, какъ увѣренъ въ этомъ самъ г. Мережковскій: «всѣ эти «бывшіе люди», похожіе на дьяволовъ на рисункахъ великаго Гойя, до ужаса реальны, если не внѣшнею, то внутреннею реальностью: *пусть такихъ людей нѣтъ въ дѣйствительности, но они могутъ быть*, они будутъ. Это вѣщія видѣнія вѣщей души».

Что осталось отъ прежнихъ утвержденій? Если Горькій умѣетъ только фотографировать, только «вырывать изъ жизни съ тѣломъ и кровью» ея «подлинники», то при чемъ здѣсь «не внѣшняя, но внутренняя реальность» и «вѣщія видѣнія вѣщей души»? И если это умѣніе творить живые образы, «которыхъ нѣтъ въ дѣйствительности», не есть искусство, то что такое искусство?

Это маленькій эпизодъ, но это портретъ г. Мережковскаго. У него есть свойство, сводящее къ нулю всѣ его искренніе и не лишенныя мысли исканія: у него есть только маленькая честность, честность обывателя, — мы сказали бы — честность по отношенію къ другимъ; но нѣтъ большой честности, честности мыслителя, честности къ себѣ. Оттого его смѣлости хватаетъ только на то, чтобы épater le bourgeois; оттого онъ не хочетъ знать своихъ силъ и своего мѣста; оттого онъ смутенъ тамъ, гдѣ быть яснымъ дѣло чести; оттого во всѣхъ его исканіяхъ нѣтъ настоящаго творчества; оттого онъ не чувствуетъ, что въ роли религіознаго обновителя онъ остается насквозь литераторомъ—и это дѣлаетъ его несерьезнымъ и забавнымъ въ его пророческомъ облаченіи.

Что же есть тотъ Грядущій Хамъ, именемъ котораго названа вся новая книга г. Мережковскаго? Это «міроправитель тьмы вѣка сего»—«грядущій на царство мѣщанинъ»... У этого Хама въ Россіи три лица. Первое, настоящее — надъ нами, лицо самодержавія... Второе лицо прошлое, рядомъ съ нами, лицо православія, воздающаго Кесарю Божье... мертвый позитивизмъ православной казенщины, служащій позитивизму казенщины самодержавной. Третье лицо—будущее—подъ нами, лицо хамства, идущаго снизу—хулиганства, босячества, черной сотни—самое страшное изъ всѣхъ

трехъ лицъ». Эти три начала духовнаго мѣщанства соединились противъ трехъ началъ духовнаго благородства: противъ земли, народа—живой плоти, противъ церкви—живой души, противъ интеллигенціи—живого духа Россіи». Русская интеллигенція окурена въ книгѣ г. Мережковскаго самымъ патетическимъ панегирикомъ. «Русская общественность — вся насквозь благородна, потому что насквозь трагична». 14 декабря — «нашъ Синай». Одного не достаетъ русской интеллигенціи: религіознаго сознанія. Необходимо, чтобы три начала духовнаго благородства и свободы объединились противъ трехъ началъ духовнаго рабства и хамства въ общей идеѣ; такая общая идея возможна только въ религіи. «Ни религія безъ общественности, ни общественность безъ религіи, а только *религіозная общественность* спасетъ Россію». Созданіе этой религіозной общественности—дѣло русской интеллигенціи. «Не даромъ освободительное движеніе Россіи началось въ религіи. Не даромъ такіе люди, какъ Новиковъ, Карамзинъ, Чаадаевъ, какъ массоны, мартинисты и другіе мистики конца XVIII, начала XIX вѣка, находятся въ самой тѣсной внутренней связи съ декабристами». Религіозный огонь «вспыхнетъ на челѣ» русской интеллигенціи — и тогда она перестанетъ быть «только интеллигенціей, только человѣческимъ разумомъ», а станетъ «Разумомъ Богочеловѣческимъ, Логосомъ Россіи, какъ члена вселенскаго тѣла Христова» и прочая, и прочая.

Предположимъ, что эта возвышенная возможность соблазнила русскую интеллигенцію. Что надлежитъ ей дѣлать для достиженія оной? «Надо разорвать кощунственный союзъ религіи съ реакціей»,—отвѣчаетъ основательно г. Мережковскій. Очень хорошо; полагаемъ, что она это и дѣлаетъ, но только дѣлаетъ тѣмъ единственнымъ способомъ, какой здѣсь примѣнимъ. Какъ извѣстно, ни съ однимъ изъ двухъ союзныхъ *г* русская передовая интеллигенція—только о такой говоритъ г. Мережковскій — не связана: ибо поглощена третьимъ; она знаетъ что «кощунственный союзъ религіи съ реакціей» можетъ быть разорванъ только на томъ единственномъ пути, который указала ей исторія европейской мысли и общественности. Первый шагъ на этомъ пути есть свободная церковь въ свободномъ государствѣ. Кто не рвался къ этому освобожденію человѣка отъ кровавой тираніи насилуемой церкви и насилующаго государства болѣе страстно и болѣе самоотверженно, чѣмъ та русская интеллигенція, которая никакъ не могла усмотрѣть въ «философско-религіозныхъ собраніяхъ» надлежащаго способа для разрыва союза религіи съ реакціей. И она уже отвѣтила г. Мережковскому на его призывы — отвѣтила тѣмъ письмомъ покойнаго А. П. Чехова къ г. Дягилеву, которое г. Мережковскій имѣлъ похвальную смѣлость напечатать въ своей книгѣ. «Вы пишите, что мы говорили о серьезномъ религіозномъ движеніи въ Россіи. Мы говорили про движеніе не въ Россіи, а въ интелли-

генціи. Про Россію я ничего не скажу, интеллигенція же пока только играетъ въ религію и главнымъ образомъ отъ нечего дѣлать. Про образованную часть нашего общества можно сказать, что она ушла отъ религіи и уходитъ отъ нея все дальше и дальше, чтобы тамъ ни говорили и какія бы философско-религіозныя общества ни собирались. Хорошо это или дурно, рѣшить не берусь, скажу только, что религіозное движеніе, о которомъ вы пишете само по себѣ, а вся современная культура—сама по себѣ, и ставить вторую въ причинную зависимость отъ первой нельзя. Теперешняя культура это начало работы во имя великаго будущаго, работы, которая будетъ продолжаться, быть можетъ, еще десятки тысячъ лѣтъ для того, чтобы, хотя въ далекомъ будущемъ, человѣчество познало истину настоящаго Бога, — т. е. не угадывало бы, не искало бы въ Достоевскомъ, а познало ясно, какъ познало, что дважды два есть четыре. Теперешняя культура это начало работы, а религіозное движеніе, о которомъ мы говорили, есть пережитокъ, уже почти конецъ того, что отжило или отживаетъ».

Меньше кого бы то ни было на свѣтѣ это письмо могло, разумѣется, убѣдить г. Мережковскаго. Его не соблазнишь «яснымъ познаніемъ», а «дважды два четыре»—не приманка для писателя, мысль котораго различаетъ числа «человѣческое» и «звѣриное».

А. В. Амфитеатровъ. Курганы. Спб. 1905. 370 стр. Ц. 1 р.

Въ этой книгѣ популярный фельетонистъ собралъ свои литературныя—по преимуществу поминальныя—характеристики. Г. Амфитеатровъ не критикъ; но общественные и теоретическіе интересы его разнообразны, литература, конечно, занимаетъ въ нихъ видное мѣсто,—и онъ умѣетъ откликнуться на ея большія и малыя утраты съ той размашистой отзывчивостью, которая такъ характерна для него. Онъ охотно, почти исключительно, пишетъ о людяхъ, съ которыми имѣлъ личныя—по крайней мѣрѣ, письменныя—отношенія, и это согрѣваетъ его характеристики теплотой интимныхъ переживаній; но онъ не втягивается при этомъ въ безсодержательныя воспоминанія, не цитируетъ безразличныхъ писемъ, а говоритъ то, что думаетъ о писателѣ. Если онъ говоритъ при этомъ о себѣ, то не для того, чтобы говорить о себѣ, а для того, чтобы показать, какъ образы писателя могли преломиться въ мысли его живого и думающаго читателя. Г. Амфитеатровъ не долюбливаетъ цеховыхъ критиковъ, и, дѣйствительно, его статьи меньше всего можно упрекнуть въ тѣхъ недостаткахъ, въ которыхъ легко бываютъ повинны критическія замѣчанія профессіональныхъ оцѣнщиковъ литературы. Онъ не создалъ для своихъ литературныхъ статей особаго стиля, онѣ не отличаются отъ прочей его публицистики. Какъ и тамъ, онъ не глубокъ; какъ и тамъ, онъ чутокъ, искрененъ и увлекателенъ. Стихійность всегда увлекаетъ, а въ дарованіи

г. Амфитеатрова есть все хорошее и все дурное, что есть въ стихійности. Онъ непосредственъ въ ощущеніяхъ и въ средствахъ ихъ выраженія; онъ рѣдко бываетъ тонокъ, но за то ему доступна та элементарная простота, которая цѣннѣе тонкости. Онъ часто говоритъ извѣстное, но говоритъ отъ себя, за свой счетъ, въ своихъ словахъ; видно, что онъ не просто воспринялъ и передаетъ это извѣстное, но пережилъ его въ своей мысли. И читатель принимаетъ это извѣстное, какъ нѣчто новое и свѣжее, и пересматриваетъ свое отношеніе къ нему. Это очень важно, и это большое умѣніе. При такой податливости настроенію легко противорѣчить себѣ, и г. Амфитеатровъ какъ будто не боится этого: «совру—простятъ». Онъ и кается съ тѣмъ же порывомъ и той же размашистостью, съ которыми грѣшилъ. «Мой читатель, который знаетъ меня искреннимъ и въ своихъ (моихъ?) ошибкахъ, и въ своихъ раскаяніяхъ, мнѣ вѣритъ, ибо знаетъ, что я переживалъ свою эволюцію нутромъ: тяжело и мучительно, а не потому, что закрылся одинъ журналъ, и редакторъ газеты противоположнаго направленія пригласилъ: бойкое перо! къ намъ пожалуйте! Знаетъ читатель и то, что *умѣю я грѣшить, умѣю и каяться*... А что до антисемитизма восьмилѣтней давности, то... въ дѣтствѣ я раззорялъ птичьи гнѣзда»... Немножко коробятъ эти, несомнѣнно, искренніе строки, которыя своей легкостью идутъ дальше намѣреній автора и какъ будто говорятъ: захочу, еще нагрѣшу, и опять покаюсь. Можно думать, что этого уже не произойдетъ.

Поминальная галлерея г. Амфитеатрова велика и разнообразна: Чеховъ и Лѣсковъ, Михайловскій и Джаншіевъ, актеры и живописцы, музыканты и адвокаты. Въ оцѣнкѣ извѣстныхъ и крупныхъ литературныхъ дѣятелей авторъ остался по преимуществу въ области общепринятаго. Характерно, напримѣръ, что въ отвѣтъ тѣмъ, по утвержденію которыхъ «Михайловскій не творецъ самостоятельныхъ идей, но лишь счастливый толмачъ стараго идейнаго наслѣдства», г. Амфитеатровъ сумѣлъ напомнить только, что «вѣдь и Моисей, когда спустился съ Синая къ стану израильскому, несъ на скрижаляхъ не свои, а продиктованныя ему заповѣди». За то въ характеристикахъ менѣе видныхъ писателей мы находимъ много яркаго и живого; отмѣтимъ замѣтки о Ларошѣ, Шейнѣ, Кичеевѣ.

Елена Миличъ. «На досугѣ» (очерки и разсказы). Берлинъ, 1906 г. Ц. 3 марки (1 р. 50 к.).—**«Изъ міра души»** (стихотворенія). Ц. 4 марки (2 рубля). — **«На жизненномъ пути»** (наброски перомъ). Ц. 1 марка (55 к.). — **«Осенніе вечера»** (стихотворенія). Ц. 2 марки (1 р.).

Среди разсказовъ г-жи Миличъ есть одинъ «У пристани», изображающій юношу, который взялъ девизомъ извѣстное стихотвореніе А. Толстого: «Противъ теченія». Этотъ, впрочемъ, весьма благонравный, молодой человѣкъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ поэтиче-

скимъ боевымъ лозунгомъ и съ рекомендаціями къ важному чиновнику. Но чиновникъ оказался злой и на рекомендацію вниманія не обратилъ. Къ счастію, въ Петербургѣ существуютъ и добрые еще болѣе важные чиновники, которые одолѣли чиновника злого. Юноша мѣсто всетаки получилъ, хотя и не то, какого желалъ...

Такъ представляетъ себѣ г-жа Миличъ юную борьбу «противъ теченія» и первыя житейскія разочарованія «борцовъ»... А вотъ какъ рисуется г-жѣ Миличъ образъ «свободы» («Блаженны алчущіе»). Дѣло происходитъ въ какомъ-то «крошечномъ курортѣ, въ гористой южной Германіи». Курортная публика въ одинъ прекрасный день заинтересовывается двумя фигурами, эффектно появляющимися на горной тропинкѣ. Когда онѣ спускаются въ долину, то одна изъ нихъ оказывается знакомой зрителямъ туристкой американкой, а другая... Впрочемъ, для описанія другой мы охотно уступаемъ слово самому автору: «Высокая стройная фигура былъ юноша, лѣтъ двадцати-четырехъ... Онъ былъ безъ шляпы, густые бѣлокурые волосы спускались легкой волной на плечи; тронутый загаромъ, овалъ лица не носилъ ни бороды, ни усовъ («овалъ не носилъ усовъ»—очень картинно сказано!), легкій пушокъ пробивался едва на немъ, и голубые, открытые большіе глаза смотрѣли какъ-то подѣтски довѣрчиво и наивно»... На семъ юношѣ «не было шляпы, ноги были босыя, въ однѣхъ сандаліяхъ, и главное, — одѣтъ онъ былъ (если только слово одѣтъ примѣнимо вообще къ такого рода костюму)—въ длинную, до земли почти, грубую холщевую рубашку и какой-то напоминающій древніе библейскіе образцы (sic) наброшенный и задрапированный живописно кусокъ такой же бѣлой матеріи. Рубашка глубоко была выкачена у ворота, широкіе открытые рукава ея обнажали при малѣйшемъ движеніи руки до локтя» *)...

По свидѣтельству г-жи Миличъ, курортная публика,—конечно, мѣщанская и вульгарная,—пришла въ негодованіе при видѣ оригинальнаго незнакомца: «такое странное явленіе и такъ одѣтъ! Безъ шляпы, въ сандаліяхъ... да это пусть бы еще... но вѣдь видѣли всѣ: въ рубашкѣ, въ холщевой рубашкѣ и только!» Изъ этихъ негодующихъ разговоровъ для читателя становится совершенно ясной одна щекотливая подробность, о коей г-жа Миличъ не рѣшилась упомянуть прямо отъ своего лица; очевидно, интересный юноша былъ совсѣмъ безъ штановъ...

Въ нашъ вѣкъ условностей и приличій 24-лѣтній балбесъ, разгуливающій безъ штановъ по курортамъ, разумѣется, не могъ не привлечь вниманія наблюдательнаго автора,—и г-жа Миличъ даетъ намъ—правда, слишкомъ краткій—отчетъ о дальнѣйшемъ поведеніи незнакомца. «Онъ» ночевалъ на горкѣ, положивъ на землю толстое одѣяло, которое его уговорили насильно («насильно уговорить» — тоже интересное выраженіе) взять. Онъ проснулся рано и, среди

*) „На досугѣ“, стр. 63.

зеленыхъ кивавшихъ елей, стоя во весь ростъ на горѣ, онъ пѣлъ... пѣлъ утренній благодарный гимнъ природѣ, и молодой, звучный голосъ раздавался съ высоты съ такой силой, и эхо такъ покорно повторяло за нимъ послѣднія, дрожащія чувствомъ нотки»... Послѣ этого видѣли, какъ онъ рвалъ ягоды, прыгая со скалы на скалу, потомъ исчезъ, но вечеромъ появился въ семьѣ американцевъ и разсказалъ свою исторію. Онъ—«сынъ народа» и первоначальное воспитаніе получилъ на кегель-банѣ, гдѣ ему было очень трудно. Неизвѣстно подъ какими вліяніями въ немъ обнаружился вдругъ необычайный талантъ скульптора, необыкновенное стремленіе къ свободѣ и желаніе «отомстить культурѣ и надсмѣяться надъ нею»... Съ этой послѣдней цѣлью онъ навсегда отрекся отъ штановъ, надѣлъ «библейскіе образцы» и пошелъ бродить по свѣту. Цѣль его— далеко на востокѣ, въ Индіи», куда онъ и направляется, не теряя при этомъ надежды, что «современемъ найдется подруга, которая полюбитъ его и пойдетъ за нимъ», не стѣсняясь тѣмъ, что ея возлюбленный не имѣетъ штановъ. И, такимъ образомъ, мечтаетъ юноша,—«мы обновимъ и повторимъ съ нею вмѣстѣ легенду рая». «Высшее же благо (для него) въ этомъ мірѣ—свобода!»

Американцы,—народъ, какъ извѣстно, практичный и навѣрное они засыпали юношу вопросами: почему, напримѣръ, онъ полагаетъ, что «библейскіе образцы» болѣе совмѣстимы съ свободой, чѣмъ хорошо сшитыя брюки? Въ какой именно мѣстности Индіи надѣется онъ «обновить рай» и въ какомъ классѣ ищетъ свою Еву? Къ сожалѣнію, авторъ не сообщаетъ отвѣтовъ юноши. Г-жа Миличъ опять эффектно задрапировываетъ его и отправляетъ въ невѣдомое пространство. «Жизнь проза,—говоритъ она меланхолично,—и надъ иною картиной, пожалуй, лучше, не заглядывая дальше, спустить заблаговременно занавѣсъ». Совершенно вѣрно,—прибавимъ и мы отъ себя...

Мы были бы несправедливы къ г-жѣ Миличъ, если бы сказали, что всѣ безъ исключенія ея разсказы такъ же курьезны и нелѣпы. Нѣтъ, иные изъ нихъ только просто банальны, а нѣкоторые стихи гладки, порой даже довольно красивы. Но всѣ эти произведенія въ общемъ безкровны, безжизненны и надуманы. Жизнь, которую пытается изобразить г-жа Миличъ, есть не жизнь, а какая-то теплица. Все здѣсь искусственно, все какъ-то смягчено, обезличено и даже опошлено. Конечно, и въ теплицахъ можно бы жить довольно спокойно, если бы все это было именно такъ, какъ представляется г-жѣ Миличъ: если бы молодежь, идущая «противъ теченія», негодовала только противъ себялюбивыхъ Пятницкихъ, питая въ то же время благоговѣніе къ добродѣтельнымъ Алексѣямъ Кирилловичамъ, которыхъ «уже замѣтили и прочили на важный государственный постъ»... А если бы стремленіе къ свободѣ дѣйствительно олицетворялось въ незнакомцахъ, кротко поющихъ благодарственные гимны природѣ и не только не требующихъ ничего лишняго, но

еще отказывающихся даже отъ брюкъ, — о, это былъ бы уже настоящій рай на этой землѣ... для жителей теплицъ, конечно...

Къ сожалѣнію, жизнь настоящая, реальная жизнь груба и прозаична. Молодые люди знать не хотятъ уже не только злыхъ Пятницкихъ, но и превосходныхъ сановниковъ Алексѣевъ Кирилловичей, а «сыны народа», отказываясь питаться ягодами на скалахъ, какъ козы,—требуютъ себѣ и увеличенной платы за трудъ, и политическихъ правъ, и хорошихъ брюкъ, и приличныхъ пиджаковъ, и свѣтлыхъ квартиръ, и школъ, и даже... дешевыхъ книгъ для чтенія...

Надо думать, что послѣднее требованіе кажется г-жѣ Миличъ особенно не основательнымъ, и потому надъ своими произведеніями она произвела слѣдующую сложную операцію: она увезла ихъ въ Берлинъ, издала тамъ на очень, правда, хорошей бумагѣ, покрыла дорогой оберткой и, не довольствуясь всѣмъ этимъ, — еще заплатила за обратный провозъ въ Россію и оплатила высокія пограничныя пошлины. Результаты получились блестящіе: книжка «На досугѣ» въ 175 страничекъ стоитъ 1 р. 50 к., а «На жизненномъ пути» (23 странички)—55 к. За книжку такого объема (не говоря уже о содержаніи) «Донская рѣчь», напримѣръ, беретъ только 5 к. Затѣя опять чисто тепличная: похоже на то, какъ если бы кто-нибудь развелъ въ заграничныхъ оранжереяхъ простую луговую траву и затѣмъ привезъ ее въ дорогое отечество, оплативъ пошлиной. Конечно, — такой человѣкъ могъ бы объяснить высокую цѣну своего продукта, но и соотечественники могли бы не менѣе резонно отвѣтить: зачѣмъ же мы станемъ платить вдесятеро, когда такого добра у насъ на гривенникъ даютъ цѣлую охапку. Да еще лучшаго качества, потому что всетаки простая луговая трава лучше травы оранжерейной...

Викторъ Рышковъ. Деньщики („На каторгѣ“, „Пила“, „Магометъ и Маша“—разсказы. „День деньщика Душкина“—комедія). Спб. 1906. Цѣна 75 к.

Мы прочли книжку г-на Рышкова послѣ произведеній г-жи Миличъ, и нужно сказать, что это для г-на Рышкова очень выгодно. Послѣ этихъ туманныхъ образовъ, общихъ мѣстъ ходячей морали и томныхъ взглядовъ,—даже недостатки книжки г-на Рышкова, по реакціи, производятъ сравнительно пріятное впечатлѣніе. Очерки его написаны просто, безхитростно и имѣютъ въ виду совершенно опредѣленную, такъ сказать, конкретную цѣль: авторъ стремится доказать, что институтъ деньщиковъ отжилъ свое время и долженъ быть упраздненъ. Для этого онъ изображаетъ деньщика въ разныхъ положеніяхъ: деньщикъ въ семьѣ, гдѣ „баринъ“ человѣкъ недурной и справедливый, ребенокъ тоже, но барыня очень злая Деньщику — „каторга“. Затѣмъ изображается „баринъ“ педантъ, изводящій деньщиковъ наставленіями („Пила“). Тоже плохо. Далѣе: баринъ очень хорошъ („Магометъ и Миша“),—тогда деньщику до-

стается отъ ротнаго командира за отсутствіе дисциплины и излишнюю фамиліарность съ офицеромъ... Словомъ, какъ говорится: куда ни кинь, все клинъ. Заканчивается книжка комедіей: „День деньщика Душкина“. „Комедія“—названіе слишкомъ громкое. Комедіи собственно нѣтъ, а есть рядъ картинокъ, показывающихъ, что деньщика въ офицерской семьѣ гоняютъ всѣ отъ мала до велика: и самъ офицеръ, и его почтенный родитель, и супруга родителя, и сестра офицера, и его тетка, и племянница, и племянникъ, и гувернантка, и даже старшая прачка съ кухаркой. Все это въ высокой степени справедливо, изображено не особенно ярко, нѣсколько, пожалуй, поверхностно, но не скучно и приводитъ къ правильному заключенію: отдавать человѣка вмѣсто военной службы государству на частную подневольную службу, напоминающую крѣпостную зависимость, — есть совершенное безобразіе и вопіющая несправедливость, несовмѣстимая ни съ общей воинской повинностью, ни съ началами равноправія, столь громко, хотя и чисто платонически провозглашаемыми свыше... Намъ кажется только, что съ этой вполнѣ справедливой моралью авторъ (вѣроятно, не по своей винѣ) нѣсколько запоздалъ. Все это уже не „вопросъ“ ни для общества, ни, кажется, даже для наиболѣе просвѣщенныхъ элементовъ военной среды... Послѣ войны, вскрывшей глубокое неустройство арміи,—разсуждать о недостаткахъ института деньщиковъ — похоже на то, какъ если бы кто-нибудь сталъ обстоятельно доказывать необходимость исправить переднюю въ домѣ, который весь подлежитъ перестройкѣ по новому плану...

Впрочемъ... недавно мы прочитали въ газетахъ о появленіи новаго печатнаго органа военной среды. Сей органъ военнаго самосознанія начинаетъ свою карьеру какъ разъ съ защиты и даже апологіи института деньщиковъ. Рекомендуемъ редакціи пріобрѣсти книжку г-на Рышкова. Хорошій случай ознакомиться съ первоначальной постановкой вопроса въ весьма популярной, можно даже сказать, азбучной формѣ, послѣ чего, быть можетъ, у редакціи явится желаніе прочитать и то, что по этому вопросу писалось въ серьезной военной литературѣ болѣе культурныхъ армій...

Бѣлорусовъ. Изъ пережитого (Библіотека „Свободная Россія“, № 14). Москва, 1906.

Было бы жаль, если бы эта книжка, затерявшись въ массѣ брошюръ, прошла незамѣченной. Литературнаго событія она не составляетъ, но кто не прочтетъ ея, будетъ въ проигрышѣ.

Это разсказы уже не молодого, много пережившаго и сумѣвшаго много видѣть человѣка. Въ нихъ нѣтъ значительнаго художественнаго дарованія, которое создаетъ большіе, устойчивые, многообъемлющіе образы. Но въ каждой строкѣ разсказовъ чувствуется умъ, чувствуется личность. Въ книжкѣ всего семь разсказовъ и немногимъ больше полусотни страницъ, а авторъ сумѣлъ

разсказать въ нихъ о себѣ и о другихъ такъ много, что вы разстаетесь съ нимъ, какъ со старымъ пріятелемъ. И охватываютъ разсказы значительный періодъ времени: больше четверти вѣка. Въ эпоху, когда «графъ Лорисъ-Меликовъ составлялъ проектъ своей конституціи» и когда «дѣйствительность довольно рѣзко расходилась съ надеждами, возбужденными въ части общества обновительными проектами всесильнаго, казалось, министра», — разсказчикъ уже былъ «интернированъ» въ далекомъ поморскомъ городишкѣ, ведя здѣсь энергичную борьбу съ старымъ исправникомъ «княземъ Нюшей». Фигура князя Нюши, который разрѣшаетъ либерализмъ дворянамъ, но не признаетъ его у разночинцевъ, едва намѣчена, но чувствуется во всей жизненности. Потомъ россійская «судьба» загнала разсказчика еще дальше, и онъ сумѣлъ вложить свое содержаніе въ забавный и безхитростный разсказъ о томъ, какъ колонія ссыльныхъ пыталась развести куръ въ Верхоянскѣ. Затѣмъ—обратный путь уже въ наши дни, сперва въ самодѣльной лодкѣ по Ангарѣ, потомъ по желѣзной дорогѣ съ солдатами, возвращающимися съ войны. Авторъ на родинѣ, въ Москвѣ — и трогательно-патетическія мечты его о «сердцѣ Россіи» характерно прерываются тѣмъ бодрымъ и исполнительнымъ звяканьемъ шпоръ, къ которому онъ такъ привыкъ. «Когда изволите ѣхать далѣе?»— «Мы хотѣли дня три».—«Приказано выѣхать сегодня». И въ слѣдующемъ разсказѣ мы уже «дома» въ Бѣлоруссіи, среди ея крестьянъ, соединившихъ старую жажду земли съ новымъ сознаніемъ. Крестьянская молодежь, которую разсказчикъ зналъ дѣтьми, удивила его прежде всего своимъ костюмомъ: «всѣ въ городскихъ штанахъ «господскаго» покроя... Сила деревенскаго консерватизма всего полнѣе выражается въ обрядности и костюмахъ. И я всегда смотрѣлъ на новшество въ одеждахъ, какъ на вещественное выраженіе законченной эволюціи души. Эти суконныя панталоны говорили мнѣ яснѣе, чѣмъ это сдѣлали бы слова, что дѣти лапотниковъ думаютъ: Мы тоже люди!» А наверху, на верандѣ кузена автора, земскаго начальника, гдѣ мѣстное общество за кофе и сигарами занимается—тоже признакъ времени — не анекдотами и хозяйствомъ, а политикой, все полно старыхъ иллюзій, что можно еще наладить, что «улучшеніе положенія крестьянъ должно произойти, но безъ ущерба интересамъ дворянства. Послѣднее въ виды правительства не входитъ». Однако и въ своей средѣ это предположеніе его превосходительства встрѣчаетъ возраженіе. «На чей же счетъ произойдетъ тогда улучшеніе? Нѣтъ, господа, на это разсчитывать нельзя. Но за нами надо оставить превалирующую роль и въ управленіи, и въ земствѣ. Шараповъ даетъ интересную конструкцію прихода, какъ низшей земской единицы, съ обезпеченіемъ вліянія землевладѣльца и духовенства, и крѣпкой властью губернатора надъ земствомъ»... Между тѣмъ, народились новые люди; слой интеллигенціи уже меньше напоминаетъ у насъ «листъ

бумаги, положенный на землю»—и шорникъ Николай Ивановичъ, отправляемый, въ качествѣ запасного рядового, «усмирять» Варшаву, не только это усмиреніе голодныхъ рабочихъ считаетъ для себя невозможнымъ, но и пассивное уклоненіе отъ него. И когда разсказчикъ совѣтуетъ ему «заболѣть какъ-нибудь», Николай Ивановичъ мрачно отвѣчаетъ: «Это, значитъ, пускай другіе-прочіе дѣйствуютъ, а наша хата съ краю?» И чѣмъ дальше, тѣмъ больше масса людей, для которыхъ «хата съ краю» уже не исходъ: она идетъ къ интеллигенціи, чтобы дѣлать съ ней общую работу самоосвобожденія. Самое цѣнное въ этомъ по истинѣ творческая самостоятельность проснувшейся мысли; не даромъ полуграмотная папиросница Шейне-Крейнэ представляется растратившему свою жизнь доктору Козловскому «стезечкой, по которой и онъ могъ бы выйти на дорогу». Правда, эта дорога обоихъ привела въ Якутскую область; но вѣдь бываютъ минуты, когда иной правой дороги и не видно.

Мы имѣли уже случай отмѣтить удачный разсказикъ «У озера»—дневникъ шлиссельбургскаго судьи, вся жизнь котораго въ мрачной и какъ бы мистической зависимости отъ нависшаго надъ ней каменнаго чудовища безжалостной крѣпости.

Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка. Томъ I. Декабристы: М. А. фонъ-Визинъ, кн. Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель (Статьи и матеріалы). Составили: **В. И. Семевскій, В. Богучарскій и П. Е. Щеголевъ.** Съ 3 геліогравюрами. Спб. 1905. IX—495 стр. Ц. 5 р.

За послѣдній годъ наша историческая литература обогатилась рядомъ новыхъ работъ, посвященныхъ декабристамъ. Книга, заглавіе которой мы только что выписали, занимаетъ среди этихъ работъ видное мѣсто и представляетъ значительный интересъ какъ для спеціалистовъ-историковъ, такъ и для широкихъ круговъ читающей публики. По содержанію своему названная книга является сборникомъ біографій и воспоминаній трехъ крупныхъ декабристовъ. Изъ помѣщенныхъ въ ней трехъ статей двѣ — біографіи М. А. фонъ-Визина и барона В. И. Штейнгеля — принадлежатъ В. И. Семевскому, и обѣ эти статьи, при составленіи которыхъ уважаемый историкъ использовалъ не только печатные источники, но и архивныя дѣла, заключаютъ въ себѣ не мало новыхъ и цѣнныхъ свѣдѣній, относящихся къ различнымъ моментамъ дѣятельности декабристовъ. Нѣсколько меньше даетъ въ этомъ отношеніи читателю составленная В. Богучарскимъ біографія кн. Е. П. Оболенскаго, живо и интересно написанная, но не сообщающая чего-либо новаго, такъ какъ авторъ ея ограничился сводкою показаній печатныхъ источниковъ, не прибѣгая къ неизданнымъ документамъ. Въ свою очередь немалую цѣнность представляютъ и матеріалы, включенные въ сборникъ его составителями и заключающіеся въ воспоминаніяхъ тѣхъ же лицъ, которымъ посвящены статьи В. И. Семевскаго и В. Бо-

гучарскаго. Для исторіи декабристовъ записки фонъ-Визина, Оболенскаго и Штейнгеля въ виду той роли, какую эти лица играли въ обществѣ своего времени, являются источникомъ первостепенной важности. Изъ нихъ записки фонъ-Визина и Оболенскаго были уже изданы за-границей и въ Россіи, но заграничныя ихъ изданія давно сдѣлались рѣдкостью, а въ Россіи онѣ были напечатаны съ большими сокращеніями. Въ настоящей книгѣ и тѣ, и другія записки напечатаны подъ редакціей В. Богучарскаго полностью, за исключеніемъ лишь небольшого отрывка изъ записокъ фонъ-Визина, содержащаго въ себѣ описаніе убійства имп. Павла. Что касается записокъ бар. Штейнгеля, то до сихъ поръ въ печати извѣстна была лишь одна редакція ихъ, появившаяся шесть лѣтъ тому назадъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Въ настоящей же книгѣ П. Е. Щеголевымъ, помимо этой редакціи записокъ, напечатана съ рукописной копіи еще другая редакція, заключающая въ себѣ болѣе подробный разсказъ о событіи 14 декабря 1825 г. и о судѣ надъ декабристами. Наконецъ, здѣсь же напечатаны и два письма Штейнгеля изъ Петропавловской крѣпости къ имп. Николаю, изъ которыхъ одно было уже издано и раньше, а другое появляется въ печати впервые.

П. Е. Щеголевъ. Первый декабристъ Владиміръ Раевскій. Изъ исторіи общественныхъ движеній въ Россіи въ первой четверти XIX вѣка (Библіотека „Общественной Пользы", № 4). Спб. 1905. 80 стр. Ц. 30 к.

Заглавіе брошюры г. Щеголева не совсѣмъ точно опредѣляетъ историческую роль того лица, которому посвящена брошюра. Маіоръ В. Ѳ. Раевскій не былъ, строго говоря, «первымъ декабристомъ», онъ былъ только первымъ пострадавшимъ за дѣло декабристовъ. Въ кружокъ лицъ, основавшихъ въ началѣ 1817 года первое тайное политическое общество Александровской эпохи подъ именемъ «Союза Спасенія», Раевскій, насколько извѣстно, не входилъ, но онъ былъ дѣятельнымъ членомъ образовавшагося годомъ позднѣе «Союза Благоденствія», а затѣмъ и замѣнившаго его на югѣ Россіи «Южнаго общества» и явился однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ и ревностныхъ пропагандистовъ тѣхъ идей, какія воодушевляли членовъ этихъ обществъ. Расплата за эту дѣятельность для него наступила раньше, чѣмъ для другихъ. Арестованный, вслѣдствіе павшихъ на него подозрѣній, въ началѣ 1822 года, онъ почти шесть лѣтъ протомился въ различныхъ крѣпостяхъ и, наконецъ, въ 1827 г. былъ отправленъ на поселеніе въ Сибирь, не смотря на то, что всѣ попытки слѣдователей найти противъ него улики и, въ частности, связать его съ событіями 14 декабря 1825 г., остались безуспѣшными. Отрѣзанный такимъ образомъ судьбою отъ своихъ товарищей по тайному обществу, Раевскій остался и для потомства однимъ изъ наименѣе извѣстныхъ декабристовъ. По справедливому замѣчанію его біографа, «онъ забытъ такъ основательно, что съ его именемъ у современнаго читателя, вѣроятно, не связывается никакихъ представленій. Даже спеціалисты упоминаютъ о немъ

вскользь. Между тѣмъ, Раевскій принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые имѣли бы нѣкоторое право на память потомства, а біографія его имѣетъ значеніе какъ для исторіи нашихъ общественныхъ теченій 1818—1822 гг., такъ и для исторіи нашей литературы». Г. Щеголевъ первый попытался заполнить указанный пробѣлъ нашей исторической литературы, собравъ въ одно цѣлое разрозненныя свѣдѣнія о Раевскомъ, и эту попытку надо признать вполнѣ удачной. Въ талантливой брошюрѣ г. Щеголева читатель найдетъ живую и яркую характеристику одного изъ типичныхъ представителей зари русскаго революціоннаго движенія и встрѣтитъ умѣло набросанный портретъ пламеннаго идеалиста Александровской эпохи, счастливо соединившаго въ себѣ твердую волю и глубокія страсти съ поэтическимъ вдохновеніемъ, сумѣвшаго гордо выдержать жестокіе удары судьбы и до конца жизни сохранившаго благородные порывы юности.

Собраніе стихотвореній декабристовъ. Томъ I. Стихотворенія К. Ѳ. Рылѣева, А. И. Одоевскаго, А. А. Бестужева (Марлинскаго) и Г. С. Батенкова, съ ихъ портретами, краткими біографическими очерками и литературнымъ указателемъ. Изданіе И. И. Ѳомина. М. 1906. 319 стр. Ц. 3 р.

Г. Ѳоминъ задался цѣлью познакомить широкіе круги читающей публики съ поэтической дѣятельностью декабристовъ и въ этихъ видахъ предпринялъ изданіе сборника наиболѣе замѣчательныхъ стихотвореній поэтовъ-декабристовъ. Въ первый томъ сборника издателемъ включены стихотворенія Рылѣева, Одоевскаго, Бестужева и Батенкова, при чемъ сюда вошли и нѣкоторыя стихотворенія, до послѣдняго времени имѣвшіяся лишь въ заграничныхъ изданіяхъ, а въ Россіи не появлявшіяся вовсе, либо появлявшіяся въ крайне неполномъ видѣ; въ частности стихотворенія Бестужева впервые появляются въ настоящемъ сборникѣ. Самый подборъ наиболѣе замѣчательныхъ произведеній, по справедливому замѣчанію издателя, всегда носитъ на себѣ печать нѣкоторой субъективности, но, на нашъ взглядъ, подборъ стихотвореній, сдѣланный г. Ѳоминымъ, произведенъ въ достаточной степени тщательно и можетъ дать читателю правильное понятіе о поэтическомъ творчествѣ представленныхъ въ сборникѣ лицъ. Знакомство съ идеями, лежавшими въ основѣ этого творчества, равно какъ и всей вообще дѣятельности декабристовъ, облегчается для читателя книги г. Ѳомина включенными въ нее краткими біографіями поэтовъ и популярнымъ очеркомъ движенія декабристовъ; для тѣхъ же читателей, которые захотѣли бы повести свое знакомство съ декабристами дальше, немаловажную услугу можетъ оказать приложенный къ сборнику указатель литературы о декабристахъ, хотя этому указателю и можно было бы пожелать нѣсколько большей полноты. Съ внѣшней стороны книга г. Ѳомина отличается изяществомъ: приложенные къ ней портреты выполнены очень хорошо, а самая книга напечатана на прекрасной бумагѣ.

А. Менгеръ. Право на полный продуктъ труда. Пер. съ нѣм. подъ редакціей и съ предисл. Н. А. Рожкова. Книгоиздательство „Колоколъ". М. 1905. 221 стр. Ц. 30 к.

То же. Перев. О. Е. Бужанскаго. Книгоизд. „Просвѣщеніе". Спб. 1906. 138 стр. Ц. 30. к.

Проф. Антонъ Менгеръ. Завоеваніе рабочимъ его правъ. Право на полный продуктъ труда въ историческомъ изложеніи. Перев. съ нѣмецк. подъ редакц. и съ предисл. В. В. Битнера. Изд. „Вѣстника Знанія". Спб. 1906. 80 стр.

Гражданское право и неимущіе классы населенія. Сочиненіе **Антона Менгера.** Перев. д-ра А. Я. Лурье. Книгоизд. Т-во „Просвѣщеніе". Спб. 1906. 229 стр. Ц. 45 к.

Антонъ Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ. Переводъ съ нѣмецк. подъ редакц. Б. Кистяковскаго. Изд. С. Скирмунта. Спб. 1905. 357 стр. Ц. 1 руб.

То же. Перев. Л. Жбанкова. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905. 320 стр. Ц. 1 р.

То же. Перев. подъ редакц. В. Г. Шанцера съ предисл. С. Цейтлина. Книгоизд. „Колоколъ". М. 1905. 264 стр. Ц. 50 к.

То же. Перев. Р. Марковичъ. Книгоизд. „Голосъ". Спб. 1905. 288 стр. Ц. 50 к.

Антонъ Менгеръ. Новое ученіе о нравственности. Переводъ съ нѣмецк. подъ редакц. и съ предисл. Проф. М. А. Рейснера. Книгоизд. „Дѣло". Спб. 1906. XX + 89 стр. Ц. 30 к.

То же. Перев. Д. Іолиса. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1906. 92 стр. Ц. 20 к.

Недавно скончавшійся вѣнскій профессоръ Антонъ Менгеръ — интересная и оригинальная фигура среди представителей нѣмецкой академической науки. Ученый юристъ, цивилистъ по спеціальности, заслуженный профессоръ вѣнскаго университета, Менгеръ центромъ своихъ научныхъ изысканій сдѣлалъ разработку основныхъ идей соціализма въ ихъ примѣненіи къ праву. Въ этомъ направленіи онъ проработалъ не одинъ десятокъ лѣтъ и издалъ нѣсколько въ высокой степени интересныхъ и цѣнныхъ научныхъ трудовъ. Четыре изъ нихъ лежатъ теперь передъ нами въ русскихъ переводахъ. Всѣ они органически связаны между собою и представляютъ отдѣльныя части широко задуманнаго плана.

Первою по времени въ ряду этихъ работъ было изслѣдованіе подъ заглавіемъ «Право на полный продуктъ труда», вышедшее первымъ изданіемъ двадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1886 г. Въ этомъ сочиненіи Менгеръ даетъ историческій очеркъ постепеннаго развитія идеи о правѣ работающихъ на полный продуктъ своего труда (и параллельно съ этимъ—о неправомѣрности всѣхъ видовъ не заработаннаго дохода), начиная съ ученій раннихъ англійскихъ и французскихъ соціалистовъ и до послѣдняго времени. Очеркъ этотъ, имѣющій и самъ по себѣ значительный историко-литературный интересъ (особенно въ тѣхъ частяхъ, которыя касаются ранняго соціализма), является вмѣстѣ съ тѣмъ попыткою частичнаго осуществленія общей проблемы юридической разработки соціализма,

уже тогда поставленной Менгеромъ. Въ такой разработкѣ онъ видѣлъ «наиболѣе важную задачу философіи права нашего времени». Направленіе въ эту сторону научной мысли въ области права имѣло въ глазахъ Менгера теоретическое, и высоко практическое значеніе: оно должно было въ значительной мѣрѣ «способствовать тому, чтобы необходимыя измѣненія въ нашемъ правовомъ строѣ произведены были путемъ мирной реформы». «Только послѣ того, какъ соціалистическія идеи будутъ извлечены изъ всей массы политико-экономическихъ и филантропическихъ разсужденій, образующихъ главное содержаніе соціалистической литературы—говоритъ онъ въ предисловіи къ названному труду — государственные люди смогутъ понять, насколько дѣйствующее право должно быть реформировано въ интересахъ страдающихъ народныхъ массъ» («Право на новый продуктъ труда», пер. О. Е. Бужанскаго, стр. V).

По преимуществу практическія задачи преслѣдовало второе изъ перечисленныхъ выше сочиненій Менгера: «Гражданское право и неимущіе классы населенія», появившееся въ 1889 — 1900 г.г. Это—разборъ обнародованнаго тогда проекта гражданскаго уложенія Германской имперіи,—но разборъ съ спеціальной точки зрѣнія. Всѣ правовые институты современнаго государства, по мнѣнію Менгера, построены такъ, что служатъ они преимущественно интересамъ высшихъ, имущихъ классовъ населенія. Въ сферѣ гражданскаго права, въ основѣ котораго лежитъ институтъ частной собственности, это обнаруживается съ особою яркостью. За юридическою практикою слѣдуетъ въ томъ же направленіи и юридическая наука. «Наука гражданскаго права—говоритъ Менгеръ — сдѣлала въ XIX столѣтіи большіе успѣхи въ рамкахъ традиціонныхъ методовъ. Наши юристы не только разработали до мельчайшихъ подробностей систему частнаго права, но, кромѣ того, они собрали и обработали необозримую массу историческихъ источниковъ этойси стемы. Но какъ отражается на благосостояніи народовъ это пышно развившееся право? Что дало оно, въ особенности неимущимъ классамъ народа, которые вездѣ составляютъ громадное большинство? Не смотря на все рѣшающее значеніе этого вопроса, имъ до сихъ поръ не задавался ни одинъ юристъ». Попытку «поставить этотъ вопросъ на очередь и подготовить матеріалъ» для отвѣта на него и представляетъ названная работа Менгера. Поводомъ для нея послужило — какъ упомянуто выше — опубликованіе проекта германскаго гражданскаго кодекса. «Въ юридической литературѣ всѣхъ историческихъ эпохъ—говоритъ Менгеръ — я не берусь найти ни одного законодательнаго труда, который покровительствовалъ бы такъ односторонне интересамъ состоятельныхъ классовъ и обнаруживалъ бы такъ ярко свое пристрастіе, какъ этотъ проектъ».

Въ рядѣ очерковъ Менгеръ разбираетъ съ точки зрѣнія интересовъ неимущихъ классовъ населенія главнѣйшія положенія общей части проекта, а также болѣе или менѣе близко затраги-

вающія названные интересы постановленія семейнаго, вещнаго, обязательнаго и наслѣдственнаго права, проектированныя въ уложеніи. Выступивъ «представителемъ обездоленныхъ классовъ населенія», Менгеръ, ради достиженія практическихъ цѣлей, отказывается отъ принципіальной критики проекта съ точки зрѣнія правовыхъ идей соціализма. Такая критика, говоритъ онъ, была бы легка, но едвали въ данномъ случаѣ цѣлесообразна. «Авторы проекта задавались цѣлью выработать гражданскій кодексъ на исключительно частно-правовыхъ основаніяхъ и поэтому всякая плодотворная критика ихъ труда тоже должна относиться къ этимъ основаніямъ, какъ къ безспорнымъ даннымъ». Въ виду этого Менгеръ считалъ себя вынужденнымъ «ограничить свою задачу разъясненіемъ того, насколько интересы неимущихъ классовъ населенія нарушаются новымъ уложеніемъ или недостаточно ограждаются имъ даже при томъ условіи, если мы будемъ принимать за исходную точку основныя положенія нашего современнаго частнаго права».— Практическіе результаты менгеровской работы, въ смыслѣ измѣненія оспаривавшихся имъ положеній германскаго законопроекта, оказались не особенно значительными. Но это, конечно, не уменьшаетъ ея интереса и значенія для освѣщенія на очень яркомъ примѣрѣ господствующихъ тенденцій въ области современнаго гражданскаго законодательства.

Главная работа Менгера, въ которой онъ задается цѣлью изложить систематически, «въ цѣльной картинѣ, практическія предложенія соціализма, имѣющія въ виду преобразованіе нашего общества»—это «Новое ученіе о государствѣ», вышедшее въ Вѣнѣ въ 1902 году и появившееся уже въ четырехъ переводахъ на русскій языкъ.

„Новое ученіе о государствѣ должно ближе познакомить господствующіе и образованные круги въ Германіи и другихъ странахъ съ кругомъ соціалистическихъ идей, который въ такой полности еще никогда не былъ представленъ".

До сихъ поръ соціализмъ былъ преимущественно ученіемъ отрицательнаго характера. Въ почти необозримой соціалистической литературѣ, начиная съ XVIII вѣка, существующій общественный строй подвергнутъ былъ безпощадной критикѣ. Теперь, когда соціалистическое міровоззрѣніе постепенно приближается къ своему осуществленію, своевременно выдвинуть впередъ другую, положительную, организаціонную сторону работы.

Задачи такого характера и ставитъ себѣ Менгеръ.

„Свое безусловное оправданіе—говоритъ онъ—соціалистическій идеалъ представитъ, конечно, только при полномъ осуществленіи въ одномъ изъ большихъ современныхъ государствъ. Но эта книга, признавая только уже дѣйствующіе въ настоящее время стимулы человѣческой дѣятельности, а также примыкая повсюду къ традиціоннымъ понятіямъ о правѣ и государствѣ и рекомендуя только извѣстныя до сихъ поръ всемірно-исто-

рической практикѣ средства политическаго и соціальнаго преобразованія, стремится до извѣстной степени достигнуть той же цѣли теоретическимъ путемъ".

Менгеръ сопоставляетъ два типа государственныхъ организацій: современное культурное государство, сущность котораго онъ видитъ въ томъ, что «объектомъ государственной дѣятельности являются почти исключительно интересы сильныхъ, а интересы слабыхъ лишь въ очень незначительной мѣрѣ»,—и «новое», соціалистическое или народное трудовое государство. Сущность этого послѣдняго, «сведенную къ наиболѣе общей формулѣ, можно, по мнѣнію Менгера, опредѣлить тѣмъ, что главную цѣль государственной дѣятельности составляютъ индивидуальные интересы большихъ народныхъ массъ». Облечь это общее положеніе въ плоть и кровь, намѣтить тѣ преобразованія, которымъ должны подвергнуться главнѣйшіе институты частнаго и публичнаго права, чтобы служить поставленной выше великой цѣлѣ, и составляетъ задачу «новаго ученія о государствѣ», опредѣляющую собою и общее содержаніе книги Менгера. Съ особою подробностью останавливается онъ при этомъ на частно-правовыхъ институтахъ, опредѣляющихъ организацію экономической и семейной жизни въ народномъ трудовомъ государствѣ. Демократическое преобразованіе публичнаго права, самого строя государства является въ его глазахъ только средствомъ для другой цѣли — именно къ преобразованію въ интересахъ народныхъ массъ собственности и семьи. Въ послѣдней части своего труда Менгеръ разсматриваетъ пути для перехода отъ современнаго правового строя къ народному трудовому государству. Какъ мы уже упоминали, Менгеръ вѣритъ въ возможность мирнаго осуществленія такого перехода, безъ тяжкихъ потрясеній, путемъ ряда постепенныхъ реформъ.

Послѣдній трудъ Менгера, «Новое ученіе о нравственности», выходитъ уже изъ сферы правовыхъ изслѣдованій. Въ немъ Менгеръ пытается обосновать соціалистическую систему морали, соотвѣтственную изложенной въ «Новомъ ученіи о государствѣ» соціалистической системѣ права. Онъ намѣревался вслѣдъ за этой работой выпустить еще народную политику, а затѣмъ теорію познанія, также поставленную на соціалистическую точку зрѣнія. Смерть не позволила ему осуществить этихъ намѣреній, и общій планъ Менгера остался такимъ образомъ не завершеннымъ. Въ законченномъ видѣ мы имѣемъ только ту часть работы, которая касается соціалистической системы права.

Нельзя сказать, чтобы и въ этой части Менгеру удалось вполнѣ справиться съ поставленной имъ грандіозной задачей. Въ его «новомъ ученіи» трудно видѣть дѣйствительный *синтезъ* правовыхъ идей соціализма. Значеніе трудовъ Менгера скорѣе въ широкой *постановкѣ* вопросовъ, нежели въ ихъ рѣшеніи. Менгеръ большой начетчикъ и знатокъ соціалистической литературы и съ безукоризненною добросовѣстностью передаетъ мнѣнія представителей со-

ціалистическихъ ученій по затрагиваемымъ имъ вопросамъ, но собственныя его сужденія, какъ въ области философско-исторической, при анализѣ основныхъ факторовъ общественнаго процесса, такъ и въ практическихъ построеніяхъ, относящихся къ правовымъ отношеніямъ въ «новомъ государствѣ» — оставляютъ читателя далеко не удовлетвореннымъ.

Менгеръ возстаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ односторонности нѣмецкаго, такъ называемаго «научнаго соціализма», съузившаго соціалистическую систему исключительно экономическими рамками и придающаго экономическому фактору не подобающе большое, рѣшающее значеніе во всѣхъ процессахъ общественной жизни. Но самъ онъ впадаетъ въ противоположную односторонность, почти совершенно отрицая всякую зависимость права отъ экономіи. Выводы въ этомъ отношеніи доводятся имъ порой до крайности. Выставленіе религіи и государства простымъ слѣдствіемъ экономическихъ отношеній, читаемъ мы, напр., въ «Новомъ ученіи о государствѣ»—является совершенно произвольнымъ со стороны Маркса и марксизма.

„Скорѣе надо признать, что у всѣхъ народовъ въ болѣе древнія эпохи ихъ существованія рѣшающее положеніе занимала религія, а въ настоящее время государство вліяетъ на народное хозяйство несравненно сильнѣе, чѣмъ наоборотъ. Еще въ XIX-мъ вѣкѣ соперничество домовъ Габсбурговъ, Гогенцолерновъ и Бонопартовъ, т. е. чисто-политическій факторъ оказалось гораздо болѣе дѣйствительнымъ двигателемъ историческаго процесса, чѣмъ всѣ измѣненія въ народномъ хозяйствѣ, происходившія въ это время“.

Видѣть въ правовомъ порядкѣ только юридическое выраженіе существующихъ въ данное время экономическихъ отношеній совершенно ошибочно.

„Въ области права рѣшающимъ моментомъ является скорѣе главнымъ образомъ сила и уже затѣмъ экономическая потребность, насколько она вообще сознана и признана обладателями силы. Съ надежнымъ войскомъ и хорошей полиціей можно основывать и въ теченіе цѣлыхъ столѣтій поддерживать такія правовыя организаціи, которыя стоятъ въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ экономическими условіями“ (перев. Кистяковскаго, стр. 303—305).

Представленіе о силѣ, какъ о главномъ факторѣ историческаго процесса, и наличномъ соотношеніи силъ, какъ опредѣляющемъ моментѣ для каждаго даннаго строя правовыхъ, экономическихъ и моральныхъ отношеній, красною нитью проходитъ чрезъ всѣ работы Менгера. Съ особою очевидностью односторонность этой упрощенной, механической теоріи сказывается въ «Новомъ ученіи о нравственности», отожествляющемъ нравственность съ «приспособленіемъ къ соціальнымъ соотношеніямъ силъ».

Оставляетъ желать весьма много и практическая часть Менгеровскихъ работъ. Мы находимъ здѣсь довольно пеструю смѣсь дѣйствительно смѣлыхъ построеній и глубоко захватывающихъ

сужденій рядомъ съ поверхностными и порою даже плоскими компромиссами. Недостаточно глубокое пониманіе экономическихъ процессовъ сказывается нерѣдко и здѣсь (укажемъ для примѣра хотя бы на разсужденія о такъ называемомъ общинномъ и групповомъ соціализмѣ, очень мало согласующіяся съ современною эволюціею промышленнаго строя въ экономически развитыхъ странахъ). Въ общемъ можно сказать, что, по странной ироніи судьбы, въ работахъ Менгера, усиленно подчеркивающаго односторонне-критическое, отрицательное направленіе соціалистической литературы,—наиболѣе сильною стороною является опять-таки отрицательная критика, а не положительныя построенія.

Не смотря на всѣ указанные недостатки, названные труды Менгера во всякомъ случаѣ являются высоко интересными и поучительными, и мы горячо рекомендуемъ ихъ вниманію читающей публики.

Два слова о русскихъ переводахъ. Менгеру на нихъ посчастливилось—въ количественномъ отношеніи. «Новое ученіе о нравственности» появилось въ четырехъ переводахъ, «Право на полный продуктъ труда» въ трехъ и «Новое ученіе о нравственности» въ двухъ. О качественной сторонѣ переводовъ нельзя сказать того же, что о количественной. Довольно они пестры. Изъ четырехъ переводовъ «Новаго ученія о государствѣ» лучшимъ является безспорно почти безукоризненный переводъ г. Кистяковскаго (изданіе Скирмунта), — а безспорно худшимъ переводъ г. Шанцера, изданный фирмою «Колоколъ». Переводъ этотъ изобилуетъ самыми грубыми ошибками и искаженіями подлинника; мы встрѣчаемъ въ немъ такіе курьезы, какъ, наприм., «буржуазное право» (стр. 67) или «частичное» право (стр. 76)—вмѣсто гражданскаго и частнаго права; извѣстный афоризмъ Канта переводится: «Поступай всегда, такъ, чтобы *максимумъ* (!) твоего поведенія могъ стать всеобщимъ закономъ» (59); и т. д. Перечень такихъ грубыхъ ошибокъ можно бы продолжить до безконечности. Мы считаемъ долгомъ предостеречь читателя отъ этого невѣжественнаго перевода. Переводы гг. Марковича и Жбанкова чужды такихъ грубыхъ погрѣшностей и въ общемъ удовлетворительны. Изъ трехъ переводовъ «Права на полный продуктъ труда» самый полный — въ изданіи «Колокола» (сдѣланный вообще удовлетворительно, если не считать нѣсколькихъ промаховъ вродѣ перекрещенія пресловутаго французскаго историка соціализма Рейбо въ нѣмца Рейбауда); въ изданіяхъ «Просвѣщенія» и «Вѣстника Знанія» опущены цѣнныя историко-литературныя примѣчанія подлинника, и при этомъ г. Битнеръ («Вѣстникъ Знанія») зачѣмъ-то присочинилъ книгѣ Менгера сенсаціонное и не соотвѣтствующее ея содержанію заглавіе «Завоеваніе рабочимъ его правъ». «Новое ученіе о нравственности» имѣется въ изданіяхъ г-жи Поповой и книгоиздательства «Дѣло». Послѣднее снабжено содержательнымъ предисловіемъ проф. М. А. Рейс-

нера, но языкъ его тяжелѣе и неудобочитаемѣе перевода Д. Іолисъ, изданнаго О. Н. Поповой («преизбыточная мораль» и «равнородная сестра», напр. (стр. 89), едва ли удачные термины; впрочемъ, и въ переводѣ Д. Іолиса мы встрѣчаемся съ какими-то «рефлекторными» религіями.

Эдмъ Шампьонъ. Франція наканунѣ революціи по наказамъ 1789 года. Перев. съ франц. М. А. Брагинскаго. Изд. А. И. Иванчинъ-Писарева и Н. Е. Кудрина. Спб. 1906. 224 стр. Ц. 50 к.

Переводъ извѣстной работы Эдма Шампьона появляется какъ разъ кстати. Поговорка «исторія не повторяется» вѣрна только съ ограниченіями. Да, конечно, въ подробностяхъ исторія повторяться не можетъ. Въ историческомъ процессѣ участвуетъ слишкомъ много фактовъ, чтобы можно было ждать повторенія ихъ предшествующихъ, всегда очень сложныхъ комбинацій. Но въ общихъ чертахъ,—а объ этомъ повтореніи только и можетъ идти рѣчь,—въ общихъ чертахъ одинаковыя главныя причины производятъ одинаковыя главныя послѣдствія. И, напримѣръ, современной Россіи, порывающейся разбить оковы феодально-абсолютистскаго строя, есть чему поучиться у «Франціи наканунѣ революціи», когда страна разрывала свою связь съ средневѣковьемъ и вырабатывала новыя формы гражданской и политической жизни.

Небольшая по объему, но очень содержательная книга Шампьона интересна, прежде всего, потому, что автору пришла счастливая мысль нарисовать картину тогдашняго состоянія великой культурной страны на основаніи чрезвычайно богатаго фактическаго матеріала, заключеннаго въ «Наказахъ», или «тетрадяхъ» (cahiers) жалобъ и пожеланій, составлявшихся различными сословіями Франціи при избраніи депутатовъ въ Генеральные Штаты. Всѣмъ, мало-мальски знакомымъ съ исторіей Великой французской революціи, извѣстно, какъ мало изслѣдователи этой эпохи пользовались драгоцѣнными, проникнутыми трепетомъ жизни документами, которые представляютъ собою «Наказы». Основательный Токвиль и столь кичащійся своею ученою точностью Тэнъ, можно сказать, почти не изучали этого неистощимаго склада фактовъ и идей, имѣющихъ первостепенную важность для знанія дореволюціонныхъ порядковъ, съ одной стороны, и для пониманія того настроенія, въ которомъ находилось Франція въ 1789 г.,—съ другой. Или, какъ говоритъ въ предисловіи Шампьонъ, «если бы Токвиль и Тэнъ изучили ихъ (наказы) надлежащимъ образомъ, то они лучше поняли бы причины паденія стараго режима. Тогда они узнали бы, что «нація была подготовлена къ революціи въ гораздо большей степени сознаніемъ испытываемыхъ ею бѣдствій и ошибками правительства, нежели прогрессомъ просвѣщенія».

Эта цитата (изъ Мирабо), которую авторъ «Франціи наканунѣ революціи» ставитъ эпиграфомъ своей книги, является, дѣйствительно, какъ бы лейтмотивомъ всей работы Шампьона. Авторъ умѣло клас-

сифицируетъ по различнымъ рубрикамъ глубоко реальный матеріалъ «Наказовъ» и въ шестнадцати главахъ даетъ, словами самихъ документовъ или же очень удачнымъ резюмэ ихъ, читателю понятіе о важнѣйшихъ сторонахъ стараго режима и о тѣхъ насущныхъ реформахъ, которыми французскіе граждане, стонавшіе подъ игомъ произвола, думали вырвать съ корнемъ тогдашнія злоупотребленія. Кстати, о реформахъ. Пропангадируя необходимость этихъ реформъ, авторы «Наказовъ» зачастую заканчиваютъ изложеніе ихъ пожеланіемъ «революціи»,—но революціи въ смыслѣ мирнаго, хотя и радикальнаго измѣненія условій. Слѣпое сопротивленіе двора и привилегированныхъ сословій придало этой революціи ея классическій, по необходимости насильственный видъ, подъ какимъ великій французскій и, можно сказать, міровой переворотъ перешелъ въ исторію.

Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, что не только высшіе классы, но и третье сословіе были въ началѣ революціи одушевлены глубокой преданностью королю.

«Регламентъ 24-го января и сопровождавшее его королевское посланіе повсюду возбудили чрезвычайное волненіе. Съ ихъ обнародованіемъ вѣра въ монархію возродилась съ необыковенною силою, граничившею съ безуміемъ. Созывъ Генеральныхъ Штатовъ чествовался, какъ актъ неслыханнаго великодушія, несравненнаго благородства. Несчастное населеніе, которое «и мечтать не смѣло объ облегченіи своихъ страданій» и потеряло «уже всякую надежду», приняло этотъ актъ, вынужденный дефицитомъ казначейства, съ чувствами необычайнаго энтузіазма и любви столь же нелѣпыми, сколько и трогательными. «Этотъ примирительный шагъ удваиваетъ любовь французовъ къ священной особѣ короля. Какъ должны мы благодарить добродѣтельнаго монарха за нѣжную заботливость, съ которою онъ обращается къ своему народу съ вопросами о его нуждахъ... Онъ даритъ намъ драгоцѣнное благо — свободу жаловаться. Этотъ великій король одаряетъ свой народъ счастьемъ, о которомъ мы никогда и мечтать не посмѣли бы... Подъ сѣнью этой неожиданной милости, глубоко тронутая королевской добротою, до нея снизошедшей, община съ восторгомъ узнаетъ, что ея королю благоугодно принять ея жалобы... Могли ли бы мы безучастно отнестись къ желанію короля извлечь насъ, такъ сказать, изъ ничтожества, въ которое мы ввергнуты нашею бѣдностью, поднять насъ настолько высоко, чтобы быть услышанными его священною особою? Будучи королемъ нашимъ, онъ не боится снизойти до роли нашего отца». Третье сословіе «слезами умиленія отвѣчаетъ на почетное званіе совѣтника и друга, которымъ Его Величеству благоугодно было удостоить его». «Всѣ только и говорили о милостяхъ короля, всѣ сердца были переполнены ими, и проявленія всеобщей радости, какъ ярки они ни были, все же далеко не могли выразить всей силы испытываемаго чувства» (стр. 214—215). Но придворная камарилья, борясь въ своемъ ослѣпленіи противъ все-

могущаго національнаго порыва къ свободѣ, сдѣлала то, что революція принуждена была къ насильникамъ примѣнить насиліе, и черезъ какіе-нибудь три-четыре года напудренная голова Капета упала у подножія гильотины въ мѣшокъ съ отрубями.

Правящая клика не понимала того, что старый режимъ былъ не возможенъ ни въ своей первоначальной формѣ, ни въ лицемѣрномъ новомъ изданіи. Читайте описаніе тогдашнихъ порядковъ, и вы, дѣйствительно, придете къ заключенію, что нація не могла остановиться ни передъ чѣмъ, чтобы сбросить съ себя невыносимое ярмо гнета, насилія, произвола.

Въ самомъ дѣлѣ, благодаря «этому традиціонному уваженію народа къ своимъ монархамъ, заглушавшему всякій ропотъ», режимъ произвола оставался почти въ полной неприкосновенности. Никакихъ гарантій не существовало ни для личности, ни для имущества. «Деспотическое правительство умножало случаи посягательства на свободу и собственность гражданъ... Сколько возмутительныхъ несправедливостей въ наши дни причиняется одними произвольными арестами! Сколько мужей отнято отъ женъ, невинныхъ людей вырвано отъ семей и отдано во власть мстительныхъ министровъ или ихъ подчиненныхъ... Всѣ классы гражданъ требуютъ личной свободы, которой они лишаются по произвольнымъ распоряженіямъ министровъ, губернаторовъ провинцій, по ложнымъ показаніямъ, по самымъ ничтожнымъ поводамъ... Въ силу этихъ распоряженій, уважаемыхъ гражданъ, отцовъ семействъ арестовываютъ и бросаютъ въ тюрьмы. Нѣкоторые наказы приводятъ свѣжіе, извѣстные и вполнѣ доказанные примѣры этой жестокости». (Третье сословіе Керси, стр. 61). А вотъ жалобы и высшихъ сословій:

«Съ давнихъ поръ раздаются жалобы противъ произвольной власти, которою всякія начальствующія лица пользуются тираннически и безнаказанно... Пусть король откроетъ двери Бастиліи и другихъ государственныхъ тюремъ и допроситъ несчастныхъ, запертыхъ тамъ; онъ, безъ сомнѣнія, былъ бы пораженъ, узнавъ о такомъ громадномъ числѣ жертвъ несправедливости людей, злоупотребившихъ его авторитетомъ».

«Нація не желаетъ болѣе подчиняться произвольной власти... Въ эти послѣднія времена приказы объ арестѣ увеличились до крайности... Излишне повторять, сколько мученій доставили эти приказы; сколько разъ — и при послѣднемъ министерствѣ чаще, чѣмъ когда либо—они служили лишь средствомъ утоленія мести и раздраженія министровъ! Никто, каково бы ни было его общественное положеніе, не гарантированъ отъ ихъ посягательствъ».

«Справедливость и гуманность не позволяютъ терять ни минуты; лишній день заточенія жертвы произвола становится преступленіемъ общества, призваннаго оказывать защиту. Первымъ актомъ объединенной націи должно быть свидѣтельство уваженія

къ свободѣ. Депутаты должны потребовать въ Генеральныхъ Штатахъ образованія комитета, которому будетъ поручено изслѣдованіе тюремъ, изъятыхъ изъ юрисдикціи судовъ. Послѣ этого изслѣдованія надо будетъ просить Его Величество разорвать цѣпи на несчастныхъ, которыхъ привели въ эти ужасныя мѣста ложныя показанія, заговоры, созданные страстями и интригами или легкомысліемъ; послѣ предварительнаго изслѣдованія, которое съ несомнѣнностью покажетъ, до чего можетъ доходить злоупотребленіе этими приказами, называемыми lettres de cachet, да будетъ постановлено ихъ полное уничтоженіе».

«Депутаты приложатъ всю свою настойчивость и всю энергію свою къ тому, чтобы государственныя тюрьмы и другія мѣста заключенія въ Парижѣ и въ каждой провинціи безотлагательно были осмотрѣны коммиссарами, спеціально для того назначенными и уполномоченными освобождать или предавать суду тѣхъ изъ заключенныхъ, которые требуютъ этого» (стр. 62—63).

А эта безподобная характеристика тогдашняго положенія печати и пожеланій въ этой области доведеннаго до отчаянія обывателя:

«Правительство предлагало публицистамъ свободно высказываться по вопросамъ дня; и, не смотря на это, до мая мѣсяца сыпались неожиданныя кары, а король одобрялъ «заботливость, съ которою его парламенты старались помѣшать обращенію въ обществѣ опасныхъ сочиненій». Записка реннскихъ адвокатовъ, подписанная выдающимися гражданами, одобренная многочисленной и уважаемой корпораціей, была сожжена по приказу парижскаго парламента. Никто почти не имѣлъ яснаго понятія о предѣлахъ свободы печати. Всѣ ея требовали, желали даже ея «неограниченности», но спѣшили прибавить: «подъ условіемъ, чтобы владѣлецъ типографіи ставилъ свое имя подъ всѣми печатающимися у него произведеніями и несъ личную отвѣтственность за сочиненіе, не подписанное авторомъ, или принадлежащее неизвѣстному лицу, противъ котораго невозможно учинить преслѣдоваіе, и за все то, что въ этихъ сочиненіяхъ будетъ заключаться противнаго господствующей религіи, общественному порядку и публичной нравственности»... Собственно говоря, наиболѣе смѣлые не шли въ этомъ вопросѣ дальше уничтоженія цензуры. Режимъ печати вообще былъ такъ невыносимъ, что свободой признана была уже одна возможность печатать сочиненія безъ «всякаго разрѣшенія», хотя и съ «рискомъ навлечь на себя строгія преслѣдованія и суровыя кары за всякое печатное произведеніе, оскорблявшее религіовныя догмы, конституцію, тронъ, общественный порядокъ, нравы». «Настойчивымъ ходатайствомъ безграничной свободы» стремятся добиться лишь такого положенія, при которомъ «авторъ сочиненія, каково бы ни было содержаніе послѣдняго, могъ печатать его и предлагать на судъ публики», съ тѣмъ, чтобы уже послѣ напеча-

танія отвѣчать предъ своими естественными судьями, если это сочиненіе заключаетъ въ себѣ предосудительныя вещи (стр. 64—65)».

Знакомыя намъ сцены, знакомыя картины, пожеланія на разстояніи болѣе, чѣмъ 100 лѣтъ, какъ знакомы и нижеслѣдующія пріятности тогдашняго гражданскаго житья-бытья:

«На парижской почтѣ существовало особое бюро, «уполномоченное вскрывать всѣ письма, дѣлать изъ нихъ выдержки и, по собственному усмотрѣнію, предавать даже полному уничтоженію». Письма изъ Нэмура въ Фонтенебло, изъ Орлеана въ Жіенъ и другіе города байльяжа шли черезъ Парижъ для перлюстраціи въ этомъ бюро; вслѣдствіе этого первыя находились въ пути два-три дня, прежде чѣмъ дойти до мѣста своего назначенія, находящагося на разстояніи четырехъ лье. «Не питая никакого довѣрія къ обѣщанію правительства относительно соблюденія тайны частной переписки», дворянство Шатильона-на-Сенѣ требовало передачи почтоваго управленія «всецѣло въ руки Генеральныхъ Штатовъ», назначенія начальниками этого департамента лицъ, абсолютно независимыхъ отъ короны, обязующихся клятвою никогда не вскрывать и не дѣлать распоряженій о вскрытіи, не соглашаться на вскрытіе какихъ бы то ни было писемъ.

«Никто не въ правѣ конфисковать какую бы то ни было собственность безъ вознагражденія, даже во имя общественныхъ интересовъ. Это элементарное положеніе до того игнорировалось, что очень многіе наказы выставляли его, какъ совершенную новость. Нѣкоторые наказы предписываютъ своимъ депутатамъ отвергнуть всякое предложеніе, противорѣчащее этому положенію» (стр. 65—66).

Но мы, хотя и съ сожалѣніемъ, обрываемъ наши цитаты, ибо иначе пришлось бы переписать десятки страницъ. Повсюду натыкаешься на поразительныя совпаденія въ положеніи революціонной Франціи и вошедшей въ полосу революціоннаго же движенія Россіи. Порою просто хочется подставить вмѣсто французскаго имени русское. А порою начинаетъ казаться, что книжка Шампьона представляетъ лишь замаскированный памфлетъ на современные рускіе порядки. И такъ и хочется воскликнуть, обращаясь къ соотечественникамъ: mutato nomine, de te fabula narratur!

Мы усиленно совѣтуемъ нашихъ читателямъ познакомиться съ высокопоучительной по нынѣшнимъ временамъ и вполнѣ доступной по изложенію и цѣнѣ книжкой Шампьона.

Г. О. Арнольдъ-Форстеръ. Права и обязанности юнаго гражданина. Пер. съ англ. подъ ред. В. А. Гольцева. Изд. С. Д. Широкихъ. Москва, 1906. Ц. 35 к

Высота національной культуры опредѣляется, какъ извѣстно, не столько отдѣльными вершинами, сколько ея общимъ уровнемъ. Вотъ почему такъ характерны для этой высоты бываютъ часто не бро-

сающіеся въ глаза факты, не выдающіяся созданія индивидуальнаго творчества, научнаго, художественнаго, нравственнаго, а мелочи, которыя едва ли назоветъ кто-либо въ панегирическомъ исчисленіи народныхъ подвиговъ. Когда въ началѣ минувшей войны наши націоналисты еще пытались увѣрить свою паству, что борьба Россіи съ Японіей есть лишь эпизодъ въ просвѣтительной борьбѣ культурнаго Запада съ варварскимъ Востокомъ, они шумно и вызывающе восклицали: пусть Японія помѣряется съ нами творчествомъ; пусть покажетъ своихъ Тургеневыхъ, Чайковскихъ, Менделѣевыхъ. Какъ извѣстно, практичная Японія этому теоретическому экзамену предпочла реальную защиту своихъ правъ и вмѣсто Тургеневыхъ показала горную артиллерію и искусство владѣть ею. Но она могла принять поединокъ и на иномъ полѣ и заявить, что въ то время, какъ дѣтская книга Форстера, нынѣ лежащая передъ нами, едва ли удостоилась бы въ Россіи не только одобренія ученаго комитета, но и разрѣшенія цензурнаго вѣдомства,—«власти, завѣдующія народнымъ образованіемъ въ Японіи, пріобрѣли большое количество экземпляровъ «Правъ и обязанностей гражданина». Книга эта достигла широкаго распространенія въ японскихъ школахъ». Въ Англіи она въ началѣ второго десятилѣтія своего существованія разошлась въ количествѣ 310 тысячъ экземпляровъ.

Она написана — какъ формулируетъ въ предисловіи Джорджъ Элліотъ—«съ цѣлью научить мальчиковъ и дѣвочекъ, занимающихся въ начальныхъ школахъ, ихъ правамъ, обязанностямъ и преимуществамъ, какъ британскихъ гражданъ» и написана такъ, какъ могъ написать только англичанинъ съ его прозрачностью мысли, простотой выраженія и глубиной самосознанія. Она разсказываетъ дѣтямъ живо, интересно и понятно, что значитъ быть хорошимъ гражданиномъ и что такое ложный патріотизмъ, какъ управляется великая страна, въ которой они живутъ, какъ издаются и какъ исполняются ея законы, какъ ведется ея хозяйство, государственное и общинное, какъ судятъ заподозрѣннаго въ преступленіи, какъ для защиты страны организуется ея армія, какъ обезпечена законами свобода ея гражданъ. Все это выяснено убѣдительно, точно, съ той догматичностью, за которой скрывается непоколебимое убѣжденіе въ правотѣ того, что говорится. Конкретное изложеніе прямо увлекаетъ силой простыхъ историческихъ примѣровъ, подкрѣпляющихъ доводы автора. Надо показать, какъ добыта гражданами свобода: онъ разскажетъ сперва, какъ казнили Томаса Мора и епископовъ Лэтимера и Ридли. «Будьте спокойны, мастеръ Ридли,—сказалъ Лэтимеръ, стоя на кострѣ:—мы сегодня, по Божьей милости, зажжемъ такую свѣчу, которая не потухнетъ никогда». Надо показать, что такое настоящее равенство передъ закономъ: авторъ разскажетъ, какъ судья Гэскайнъ не только не поддался угрозамъ наслѣднаго принца Генриха, но присудилъ его къ тюремному заключенію. «Когда судъ не равенъ для всѣхъ, то это все

равно, что совсѣмъ нѣтъ суда». Здѣсь же самъ король одобрилъ судью. И авторъ убѣжденъ, что такъ же поступилъ бы нынѣшній король; «онъ не похожъ въ этомъ случкѣ на нѣкоторыхъ изъ своихъ предковъ и на нѣкоторыхъ другихъ государей... И пока большинство англійскаго народа будетъ желать, чтобы онъ и его потомки были королями Англіи, до тѣхъ поръ и онъ самъ, и они будутъ пользоваться властью и почетомъ».

Счастливая страна, гдѣ этимъ элементарнымъ истинамъ учатъ малыхъ дѣтей! Имъ надо учить съ дѣтства, ибо воспитывать легче, чѣмъ перевоспитывать. Когда и русская школа сможетъ предъявить запросъ на такой учебникъ гражданственности, тогда, надѣемся, мѣсто книжки Форстера займетъ у насъ самостоятельная работа, болѣе соотвѣтствующая нашему быту и нашему общественному міровоззрѣнію. Въ этой работѣ глава «Каждый долженъ дѣлать сбереженія» будетъ, вѣрно, замѣнена главой: «Чтобы гордиться отечествомъ, старайтесь, чтобы въ немъ были ненужны и невозможны сбереженія».

Ю. И. Гессенъ. Евреи въ Россіи. Спб. 1906. 470 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Производя на первый взглядъ впечатлѣніе законченнаго, систематическаго изслѣдованія о русскихъ евреяхъ, книга г. Гессена на самомъ дѣлѣ не представляетъ собою таковаго: это собраніе статей, по преимуществу историческихъ, различныхъ по важности темъ и глубинѣ обработки и связанныхъ между собою болѣе внѣшнимъ образомъ. Но вопросы, затронутые авторомъ, играютъ столь значительную роль въ русско-еврейской «жизни», матеріалы, имъ самостоятельно обслѣдованные и отчасти впервые опубликованные, такъ интересны, что всякій, кто хотѣлъ бы составить надлежащее представленіе о правовомъ и экономическомъ положеніи русскихъ евреевъ, равно какъ о нѣкоторыхъ сторонахъ ихъ внутренняго быта, конечно, съ пользой обратится къ книгѣ г. Гессена.

Главную часть ея занимаетъ исторія созданія и отчасти практическаго примѣненія знаменитаго Положенія 1804 года — законодательнаго памятника, до сихъ поръ въ значительной степени регулирующаго гражданскую правоспособность евреевъ. Важно не самое содержаніе этого памятника, ибо, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, «среди разнообразныхъ законодательныхъ памятниковъ прошлаго, столь часто отмѣченныхъ несправедливостью и жестокостью, торжествомъ частныхъ узко-эгоистическихъ цѣлей, Положеніе 1804 года отнюдь не выступаетъ въ первые ряды; но врядъ ли какой-либо изъ нихъ, имѣя за собой цѣлый вѣкъ, сохранилъ по настоящій день свою живучесть» въ такой степени: «въ теченіе ста лѣтъ не измѣнялся духъ этого законодательнаго памятника, въ теченіе ста лѣтъ еврей, какъ человѣкъ и гражданинъ, разсматривался стоящимъ «внѣ закона»—закона естествен-

наго, соціальнаго и экономическаго». Мало того: измѣненія были не улучшеніемъ, но ухудшеніемъ положенія: «сто лѣтъ назадъ евреи, хотя и были ограничены въ избирательномъ правѣ, все же принимали участіе въ городскомъ и сословномъ самоуправленіи, неся, между прочимъ, извѣстныя административныя и судебныя функціи,—теперь они совершенно устранены отъ общественно-гражданской дѣятельности... сто лѣтъ назадъ евреевъ поощряли къ землевладѣнію,—нынѣ земля является запретнымъ плодомъ для нихъ; и двери учебныхъ заведеній, открытыя передъ евреями на порогѣ XIX в.—закрылись на исходѣ его».

Очеркъ, посвященный авторомъ цензурѣ еврейскихъ книгъ, позволяетъ достойно присоединить ея подвиги къ чудовищной «histoire anécdotique» общей русской цензуры. Достаточно указать, что изъ молитвенника были исключены приглашенія къ веселью по случаю радостнаго праздника. «Правило, тутъ преподаваемое—писалъ цензоръ—и къ молитвамъ присовокупленное, чтобы во время зимняго праздника ханука для пресыщенія себя ничего не жалѣть, продавать домъ и все имущество на сіи расходы и чтобы, упившись хоть два раза въ день, спать хоть въ шинкахъ, есть противно благонравію и отвратительно».

Особый интересъ возбуждаетъ исторія института «депутатовъ еврейскаго народа». Чтобы «править» евреями, то есть извлекать изъ нихъ возможные доходы, правительство должно было ихъ знать; считаться съ ними, какъ должно, и дать имъ организованное представительство, какого не имѣли другіе, было, конечно, немыслимо. Поэтому и явился ублюдочный «институтъ», организованный для хожденія по начальству. Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка онъ упраздненъ, но слѣды его живы доселѣ въ тѣхъ финансовыхъ нотабляхъ, которыхъ правительство иногда дѣлаетъ безъ всякаго основанія представителями еврейскаго народа и которые своимъ достоинствомъ соотвѣтствуютъ этому сомнительному положенію. Наканунѣ безповоротнаго исчезновенія этого высокаго института обычнаго государственнаго права полезно еще разъ вспомнить о его высокихъ достоинствахъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

Стихотворенія ***А. Надинскаго*** (Воеводкина). Пермь. 1905. Ц. 85 к.

А. Тепловъ. Современныя сказки-басни. Вып. I. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Всеволодъ Бусловскій. Брызги житейскаго моря. Сцены въ трехъ дѣйствіяхъ. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Павелъ Россіевъ. На Дальнемъ Востокѣ. Очерки. М. 1905. Ц. 15 к.

Jean Vagabond. На Пасху. Сборникъ произведеній сибирскаго писателя И. В. Родіонова. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Евгеній Мазепинъ. Волостной писарь. Разсказъ. Кадниковъ. 1906. Ц. 25 к.

М. И. Золотарева. Въ деревнѣ. Пьеса въ 4 дѣйствіяхъ и 6 картинахъ. Новочеркасскъ. 1905. Ц. 25 к.

Василій Якимовъ. Голодъ. Спб. 1906. Ц. 15 к.

Робертъ Швейхель. „За свободу". Романъ изъ крестьянской войны 1525 г. Сокращ. пер. съ нѣмецкаго О. А. Аносовой. Книгоиздательство Е. Д. Мягкова (Первая библіотека № 30). М. 1905. Ц. 50 к.

Гильоменъ. Исповѣдь простого человѣка. Пер. съ франц. Александры Чеботаревской. Книгоиздательство „Дѣло". Спб. 1906. Ц. 70 к.

Волжскій. Изъ міра литературныхъ исканій. Сборникъ статей. Изд. Д. Е. Жуковскаго. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Д. С. Мережковскій. Грядущій хамъ. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Г. О. Арнольдъ-Форстеръ. Права и обязанности юнаго гражданина. Пер. съ англ. подъ ред. и съ предисл. В. А. Гольцева. Изд. С. Д. Широкихъ. М. 1906. Ц. 35 к.

И. Ѳ. Анненскій. Книга отраженій. Изд. бр. Башмаковыхъ. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Посильная помощь. Сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Изд. ред. журналовъ „Свѣтлячокъ" и др. М. Ц. 2 р.

А. П. Чеховъ въ значеніи русскаго писателя-художника. Изъ критической литературы о Чеховѣ. Составилъ Н. Покровскій. М. 1906. Ц. 1 р.

Памяти Чехова. Общество любителей росс. словесности. 1906. М. Ц. 1 р.

„Текущій моментъ". Сборникъ. М. 1906 Ц. 1 р.

А. Н. Потресовъ (Старовѣръ). Этюды о русской интеллигенціи. Сборникъ статей. Спб. 1906. Ц. 1 р. 20 к.

Т. Рибо. Логика чувствъ. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Г. Тардъ. Преступники и преступленіе. Пер. подъ редакціей М. Гернета. М. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Рожковъ. Историческіе и соціологическіе очерки. М. 1906. Ц. 2 р.

Сочиненія ***А. П. Щапова.*** Томъ второй. Спб. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Яковъ Буркгардтъ. Культура Италіи въ эпоху возрожденія. Пер. С. Брилліанта. Книгоиздательство Пирожкова. 2 тома. Спб. 1905. Ц. 5 р.

К. Каутскій, К. Гуго, П. Лафаргъ и ***Э. Бернштейнъ.*** Изъ исторіи общественныхъ теченій. Томъ II. (Библіотека „Общественной Пользы"). Спб. 1906. Ц. 2 р.

К. Марксъ. Собраніе историческихъ работъ. I. Борьба классовъ во Франціи 1848—1850 гг. II. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. III. Революція и контръ-революція въ Германіи. Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ прим. В. Базарова и И. Степанова. Изд. Скирмунта. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Фр. Мерингъ. Исторія германской соціалъ-демократіи. Т. I. Изд. Т-ва Бр. А. и И. Гранатъ и К°. Спб. 1906. Ц. 4 р. 60 к. (за 4 тома).

Поль Луи. Исторія соціализма во Франціи. Изд. А. и И. Гранатъ и К°. М. 1906. Ц. 85 к.

Фридрихъ Энгельсъ. Положеніе рабочаго класса въ Англіи. Пер. съ нѣмецкаго Г. А. Котляра. Изд. Н. Глаголева. Спб. 1906. Ц. 70 к.

Атлантикусъ. Государство будущаго. Пер. съ нѣм. подъ ред. М. В. Бернацкаго. Книгоизд. „Дѣло". Спб. 1906. Ц. 45.

Лиссагоре. Исторія коммуны 1871 года. Пер. съ фр. Часть II. Спб. 1906.

Д-ръ Эдуардъ Давидъ. Соціализмъ и сельское хозяйство. (Библіотека „Общественной Пользы"). Спб. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Адольфъ Вагнеръ. Соціальный вопросъ. Спб. 1906. Ц. 20 к.

Н. Рязановъ. Къ критикѣ программы Россійской Соціалъ-демокра-

тической партіи. Изд 2-е. Спб. 1906. Ц. 1 р.

А. Снарскій. Государственный соціализмъ въ Россіи будущаго. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Эмиль Дёль. Судьба всѣхъ утопій, въ особенности соціалдемократической. Пер. съ нѣм. Спб. 1906. Ц. 15.

А. Штиглицъ. 1905 годъ въ международномъ отношеніи. Спб. 1906.

В В. Святловскій. Профессіональные рабочіе союзы. 2-е изд. Спб. 1906. Ц. 60 к.

Е. М. Дементьевъ. Страхованіе рабочихъ. Отдѣлъ I. Страхованіе на случай болѣзни въ Германіи и въ Австріи (М-во Торговли и мануфактуръ). Спб. 1906. Ц. 3 р.

М. Фридманъ. Наша финансовая система. Опытъ характеристики (Библіотека „Общественной Пользы"). Спб. 1905. Ц. 50 к.

Проф. П. П. Мигулинъ. Русскій автономный центральный эмиссіонный государственный банкъ. Проектъ. Харьковъ. 1906.

Россійскія партіи, союзы и лиги. Сборникъ программъ, уставовъ и пр. Сост. *В. Ивановымъ.* (Изд. Т-ва „Знаніе"). Спб. 1906. Ц. 1 р.

Ю. И. Гессенъ. Евреи въ Россіи. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русскихъ евреевъ. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Изданія книгоиздательства „Кадима": А. Д. Идельсонъ. Марксизмъ и еврейскій вопросъ. Ц. 5 к. *Х. Н. Бяликъ.* Сказаніе о погромѣ. Пер. съ евр. Вл. Жаботинскаго. Ц. 7 к. *Національный вопросъ предъ судомъ соціалъ-демократовъ.* Пер. и вступ. статья д-ра Д. Пасманика. Ц. 12 к. Одесса. 1906.

Д. Гепштейнъ. О радѣтеляхъ еврейскаго пролетаріата (Книгоиздательство „Фрайландъ"). Одесса. 1906. Ц. 5 к.

Л. Зайдеманъ. Правовое положеніе евреевъ въ Россіи. Изд. второе (Спб. Комитета союза для достиженія полноправія евреевъ въ Россіи). Спб. 1906. Ц. 15.

Алибеговъ. Елизаветпольскіе правовые дни предъ судомъ общества. Тифлисъ. 1906. Ц. 30 к.

М. К. Муколовъ. Дѣти улицы. I. Малолѣтнія проститутки. Спб. 1906. Ц. 50 к.

П. А. Некрасовъ. Основы общественныхъ и естественныхъ наукъ въ средней школѣ. Спб. 1906. Ц. 20 к.

Д. Н. Головнинъ. Мысли объ основахъ реформы высшей школы. М. 1906. Ц. 20 к.

Н. Ѳ. Арепьевъ. Родительскіе кружки и союзы. Родительскій кружокъ въ Петербургѣ. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Проектъ реформы духовно-учебныхъ школъ. М. 1906. Ц. 25 к.

Д. С. Мережковскій. Теперь или никогда. О церковномъ соборѣ. Спб. 1906. Ц. 20 к.

Андрей Станкевичъ. Католическая церковь въ современномъ движеніи русскаго общества.

Книгоиздательство „Обновленіе": *Л. Н. Толстой.* Обращеніе къ духовенству. О религіозномъ воспитаніи. Ц. 5 к.—Отвѣтъ Синоду. Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность. Ц. 3 к. Спб. 1906.

Изданія Вятскаго товарищества: *В. Дмитріева.* Первая корреспонденція. Ц. 5 к.—*Н. Е. Кудринъ.* О равноправности женщинъ. Ц. 8 к.—*В. Гаршинъ*: Денщикъ и офицеръ. Ц. 4 к. Изъ воспоминаній рядового Иванова. Ц. 10 к. Сигналъ. Ц. 3 к. Происшествіе. Ц. 6 к. *Татьяна Богдановичъ.* Выборный день въ Германіи. Ц. 5 к. *И. Сиговъ.* Что такое свобода. Ц. 2 к.—*Э. Пименова.* Постоянное войско и милиція. Ц. 3 к. — Единство государства и автономія. Ц. 3 к.—*А. Анненская.* Республика. Ц. 3 к.—*Э. Пименова.* Митинги. Ц. 5 к.—Какъ сицилійскіе крестьяне боролись за свои интересы. Ц. 6 к.—*Эркманъ Шатріанъ.* Исторія одного крестьянина. Пер. съ франц. А. Анненской и Т. Богдановичъ. Ч. 1-я 20 к. Ч. 2-я 20 к. — Спб. 1905—1906.

Библіотека „Свободная Россія": *С. Ѳ. Фортунатовъ.* Основныя начала англійской конституціи. Ц. 10 к. — *И. Н. Игнатовъ.* Печать во Франціи въ прошломъ и въ настоящемъ. Ц. 20 к.— *А. Н. Максимовъ* и *С. Ѳ. Фортунатовъ.* Одна или двѣ палаты. Ц. 10 к.—*П. Н. Милюковъ.* Демократизмъ и вторая палата. Ц. 10 к. — *И. А. Петровскій.* Всеобщее избирательное право и система выборовъ. Ц. 10 к.—*В. Г. Короленко.* Трагедія генерала Ковалева и нравы военной среды. Ц. 10 к.—*А. Пругавинъ.* Вопіющее дѣло (дѣло В. О. Рахова). Ц. 10 к.—*И. Н. Игнатовъ.* Изъ исторіи рабочаго движенія во Франціи. Ц. 10 к.—*М. Соболевъ.* Экономическіе интересы и группировка политическихъ партій въ Россіи. Ц. 10 к. *Давидъ Самойловъ.* Революція 48-го года во Франціи. Ц. 15 к. - Къ исторіи декабристовъ Ц. 10 к.— *М. Богословскій.* Бытъ и нравы русскаго дворянства въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Ц. 15 к. — ***В. Якушкинъ***. Крестьянская реформа 1861 года и русское общество. Ц. 10 к.—М. 1905—1906 гг.

Книгоиздательство „Работникъ": ***Г. Фольмаръ***. Внутренняя политика Германіи и соціалъ-демократія. Ц. 5 к.— ***С Елпатьевскій***. „Безъ образовательнаго ценза". „Газетъ!!!". Уголовные дворяне. Ц. 5 к. — ***Лили Браунъ***. Женщины и политика. Ц. 8 к.—***Мауренбрехеръ***. Интеллигенція и соціалъ-демократія. Ц. 7 к. Спб. 1906.

Книгоиздательство „Молодая Россія": ***К. Качоровскій***. Народное право. Ц. 90 к.—***К. Тарасовъ***. Міровой ростъ и кризисъ соціализма. Ц. 10 к.—***Н. Максимовъ***. Къ критикѣ марксизма. Ц. 10 к.—***П. Вихляевъ***. Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія. Ц. 20 к. — ***И. Грей***. Рабочій вопросъ и земельная реформа. Ц. 25 к.—***Амори***. Стихотворенія. Ц. 10 к.—М. 1906.

Книгоиздательство „Колоколъ": Первая библіотека. ***П. Масловъ***. Критика аграрныхъ программъ. Ц. 10 к.— ***Н. Наумовъ***. Къ аграрному вопросу въ Россіи. Ц. 10 к.—***К. Левинъ***. Первый борецъ за свободу русскаго народа. Ц. 10 к.—***Н. Рыковскій, А. Шрагъ, В. Яковлева***. Рабочая библіотека. Ц. 5 к.—***Этьенъ Бюиссонъ***. Всеобщая стачка. Ц. 15 к. — ***Карлъ Каутскій***. Потребительныя общества и рабочее движеніе. Ц. 10 к. — ***Герцъ***. Условія труда въ Швейцаріи. Ц. 5 к. — ***М. Шиппель***. Профессіональные союзы. Ц. 10 к. — ***Никита Чумаковъ***. О налогахъ. Ц. 5 к —***И. Пововскій***. Мѣстное управленіе въ Англіи. Ц. 15 к. Вторая библіотека: ***К Тарасовъ***. Міровой ростъ и кризисъ соціализма. Ц. 10 к.—М. 1905-906.

Книгоиздательство „Народ. Мысль": ***Танъ***. Дни свободы. Повѣсть изъ московскихъ событій. Спб. 1906. Ц 20 к.

Книгоиздательство „Лучъ":—***Проф. Антоніо Лабріоло***. О социализмѣ. Ц. 6 к. — Организація сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. ***I. К. Прамполини***. Къ крестьянамъ. II. ***Э. Маттіа***. Помѣщики и крестьяне. Ц 8 к.— ***В. Тотоміанцъ***. Фурье и кооперація. Ц. 7 к.

Библіотека „Просвѣщенія": Какъ священникъ сталъ соціалъ-демократомъ. Рѣчь свящ. ***Павла Гере***. Ц. 6 к. — Всеобщее голосованіе въ Швейцаріи. Соч. ***Теодора Курти***. Ц. 7 к.—Буржуазная революція и освободительная борьба рабочаго класса. Соч. ***Г. Грейлиха***. Ц. 8 к.—Спб. 1906.

Книгоиздательство „Дѣло": ***Мих. Оленовъ***. Государство и страхованіе рабочихъ. Ц. 20 к.—***Л. Дюпре***. Государство и роль министровъ въ Англіи. Ц. 60 к.—Спб. 1906.

П. К. Революціонная соціалъ-демократія въ Прибалтійскомъ краѣ. Книгоиздательство Н. С. Щетинина. Ц. 10 к. Спб. 1906.

Платонъ Лебедевъ. Библіотека соціалъ-демократіи. Изд. 2-е. Н.-Новгородъ. 1906. Ц. 15 к.

В. В. Хижняковъ. Начатки политическихъ знаній (справочная книжка). Спб. 1906. Ц. 10 к.

„Земля и Свобода": ***С. Я. Елпатьевскій***. Земля и свобода. Ц. 5 к. — ***П. Лукановъ***. Чего требуютъ крестьяне. Ц. 5 к.—***В. Рюминскій***. Что беретъ государство съ крестьянъ и что оно даетъ имъ. Ц. 5 к. — Спб. 1906.

О великомъ грѣхѣ Л. Н. Толстого. ***И. Сѣдова***. Кіевъ. 1905.

Отто Лангъ. Соціализмъ въ Швейцаріи. Пер. съ нѣм. подъ ред. Г. Плеханова (Библіотека „Общественной Пользы"). Спб. 1906. Ц. 10 к.

Ж. Жоресъ и ***Ж. Гедъ***. Двѣ тактики. Пер. А. П. Вейсбрута. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Издательство О. Н. Поповой.—Образовательная библіотека: ***Антонъ Менгеръ***. Новое ученіе о нравственности. Пер. съ нѣм. Д. Іолисъ. Ц. 20 к.—***Его-же***. Право на полный продуктъ труда. Пер. В. Гефдингъ. Ц. 25 к.—Темы жизни: ***А. Луначарскій***. Очеркъ развитія интернаціонала. Ц. 10 к.—***В. Тотоміанцъ***. Профессіональные союзы рабочихъ. Ц. 5 к.—***А. Ельницкій***. Георгій Валентиновичъ Плехановъ. Ц. 7 к.—Изъ жизни природы и человѣка: ***П. Ю. Шмидтъ***: Жизнь въ волнахъ моря. Ц. 6 к. — Жизнь въ прѣсныхъ водахъ. Ц. 6 к.— Тайны невидимаго міра. Ц. 5 к.—Государство и народы Европы: ***Е. Э. Сно***. Англія. Ц. 10 к. - Германія. Ц. 10 к.— Страна сфинксовъ и пирамидъ. Египетъ. Очеркъ ***Э. Пименовой*** Ц. 15 к. — ***В Измайловъ***. По горячимъ слѣдамъ банкомета. Ц. 3 к.—***Дерманъ***. Георгіевскій кавалеръ. Ц. 5 к.—***Сергѣевъ Ценсонъ***: Забылъ. Ц. 10 к.—Лиза Виноградова. Ц. 10 к.—Медуза Ц. 5 к.— Садъ. Ц. 12 к.– Спб. 1906.

Библіотека „Юнаго Читателя": ***М. Собинина***. На воздушномъ океанѣ. Ц. 20 к. -***Эркманъ Шатріанъ***. Исторія рекрута. Романъ. Пер. Е. Леонтьевой. Ц. 50 к —***Н. Беревинъ***: Страна гранита и озеръ (Финляндія).

Ц. 35 к.—Черезъ страну карликовъ. Ц. 25 к.—Спб. 1906.

Изданія Н. С. Щетинина: ***Поль Геви.*** Торговка счастьемъ. Ц. 3 к. — ***В. І. Дмитріева.*** Послѣднія игрушки. Ц. 4 к.—***А. Килландъ.*** Преступленіе г-жи Нильзенъ. Ц. 3.—Спб. 1906.

Изданія В. С. Спиридонова: ***А. В. Кругловъ.*** Нищіе-богачи. Разсказы. Ц. 50 к.—***Павелъ Россіевъ.*** Стрѣла друга. Сказка. Ц. 15 к. Спб. 1906.

Дѣвушки и женщины. Шекспиръ по Гейне. Въ изложеніи ***И. М. Любомудрова.*** Ковровъ. 1906. Ц. 20 к.

Е. Щепкина. Краткій очеркъ русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до начала XX вѣка. 2-е изд. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Н. Abraham. Сборникъ элементарныхъ опытовъ по физикѣ. Пер. подъ ред. Б. П. Вейнберга. Одесса. 1906. Ц. 2 р. 75 к.

И. Шафровъ. Учебникъ геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ. М. 1906. Ц. 75 к.

А. П. Постниковъ. Элементарный курсъ электротехники. М. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

В. Казанскій. Учебникъ русскаго синтаксиса. Екатеринбургъ, 1904. Ц. 30 к.—Конспектъ русской этимологіи. Екатер. 1905. Ц. 40 к.

Б. И. Голиковъ. Городское училище. Русская Хрестоматія. Ч. I. М. 1906. Ц. 40 к.

И. О. Шабельниковъ. Малютка. Букварь для совмѣстнаго обученія письму и чтенію. М. 1906. Ц 10 к.

В. Н. Сатаровъ. „Родные посѣвы". Третья книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. М. 1906. Ц. 50 к —Задачи, планы, темы, статьи и рисунки для упражненій. М. 1906. Ц. 20 к.

Справочная книга русскаго сельскаго хозяина. Подъ ред. ***В. Г. Котельникова.*** Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1906. Ц. 3 р.

М. А. Галкинъ. Практическій Скотолѣчебникъ. Спб. 1906. Ц. 30 к

И. Клингенъ. Воздѣлываніе кормовыхъ растеній. Ч. 1-я. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Жуки Россіи и Западной Европы. Руководство къ опредѣленію жуковъ ***Г. Г. Якобсона.*** Вып. III. Цѣна за 10 выпусковъ 18 р.

Сельско-хозяйственный сборникъ удѣльнаго вѣдомства. Выпускъ 1-й. Спб. 1905.

П. Отоцкій. Грунтовыя воды. Ихъ происхожденіе, жизнь и распредѣленіе. Часть вторая. Спб. 1905.

Законы о выборахъ въ государственную думу. Изд подъ ред. Н. И. Лазаревскаго. Спб. 1906. Ц. 25 к.

В. Θ Тотоміанцъ. Сводъ свѣдѣній о дѣятельности потребительныхъ обществъ въ Россіи вообще и за 1903 годъ въ частности. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Историческій очеркъ дѣятельности херсонскаго губернскаго земства за 1865—99 гг. Вып. II. Херсонъ. 1905.

Н. Алянчиковъ. Санитарное описаніе д. Отрожекъ, Воронежскаго уѣзда. Саратовъ. 1905.

Внѣшняя торговля по Европейской Россіи за декабь и за весь 1905 годъ (стат. отд. Д-та Таможенныхъ сборовъ). Спб. 1905.

Украинськьй декламаторъ. До свитни огни. Упорядкувовъ ***Б. Гринченко.*** Кыивъ 1906 рокд. Ц. 1 р. 25 к.

Protest. Miesięcznik illustrowany. Styczcú 1906 R.

Slavorum Litterae theologicae. Conspectus periodicus. Annus I. 1905. Progae Bohemorum. 1905.

S. Borodaéwsky. Le credit populaire et la cooperation en Russie (оттискъ).

Первая треть 1906 г.

I.

Наша старая планета, давно спокойно катящая свое круглое тѣло по міровому пространству и давно лишь грѣющаяся въ лучахъ могучаго солнца, лишь оттуда черпая всю жизнь своей поверхности, нынѣ вздумала вспомнить времена безвозвратно минувшей молодости, времена катаклизмовъ и кипучей сомостоятельной дѣятельности... За какой-нибудь мѣсяцъ телеграфъ и почта принесли намъ рядъ потрясающихъ извѣстій изъ всѣхъ концовъ свѣта. Первый громко заговорилъ Везувій, и такъ громко, какъ, на памяти человѣчества повидимому, не говорилъ никогда. Міръ онѣмѣлъ отъ ужаса, читая неаполитанскія телеграммы, но былъ снова еще болѣе того потрясенъ ужасами, обрушившимися на Санъ-Франциско и другіе города тихо-океанскаго побережья Сѣверной Америки, вслѣдствіе неслыханнаго землетрясенія, поколебавшаго цѣлыя тысячи квадратныхъ верстъ...

Эти двѣ катастрофы заслонили собой многія другія: на Азорскихъ островахъ были изверженія и землетрясенія и выступившею волной смыто населеніе цѣлаго острова; въ Мехикѣ задымилось нѣсколько вулкановъ; въ Бразиліи зардѣлась вершина вулкана Поко; проявляетъ безпокойство и зловѣщая Лысая Гора (Mont Pelé) на Мартиникѣ; на Формозѣ рядъ землетрясеній произвелъ огромныя опустошенія; землетрясенія поколебали и восточныя области Индо-Китая (цѣлый городъ исчезъ) и сѣверо-западныя Индіи; волна землетрясеній прокатилась по всей южной Европѣ отъ Кавказа (станція Лабинская) черезъ Балканскій полуостровъ (Сараево), черезъ Италію до Испаніи, колебля почву далеко на сѣверъ (сисмографы показали колебанія почвы въ Гейдельбергѣ, Берлинѣ, Москвѣ, Иркутскѣ); и т. д. Конечно, здѣсь собрано далеко не все.

Что это такое, однако? Просто ли случайное совпаденіе изолированныхъ другъ отъ друга вулканическихъ и сисмическихъ явленій, или между всѣми этими проявленіями внутреннихъ структурныхъ процессовъ земной коры существуетъ генетическая связь? Если бы, по несчастію для человѣчества, послѣднее оказалось справедливымъ, то еще не скоро оно могло бы сосредоточить свое вниманіе на своихъ общественныхъ дѣлахъ. Такіе факты, какъ дѣятельность Везувія въ 1906 году и ужасы землетрясенія на Дальнемъ Западѣ Америки, заслоняютъ собою самые яркія политическія событія. Это мы и видимъ въ послѣдніе мѣсяцы, когда къ перечисленнымъ ужасамъ естественнаго процесса земной

эволюціи прибавились еще такіе потрясающіе факты, какъ катастрофы въ угольныхъ копяхъ въ Лансѣ (Lens) въ сѣверо-восточной Франціи. Не мудрено, если міровое вниманіе сравнительно мало оцѣнило огромныя историческія событія, совершившіяся въ эту первую треть текущаго года. Вотъ ихъ списокъ наскоро:

Въ *Англіи*—выборы, полное торжество либераловъ, совершенно новый курсъ внутренней политики.

Во *Франціи*—сенатскіе выборы, перемѣна правительства въ лѣвую сторону, борьба съ церковью, стачки.

Въ *Венгріи*—примиреніе короны и націи, новое національное патріотическое правительство, рѣшенная избирательная реформа на основѣ всеобщаго и прямого голосованія.

Въ *Австріи*—проектъ избирательной реформы на основахъ всеобщаго голосованія.

Въ *Швеціи*—то же.

Въ *Италіи*—обсужденіе того же. И т. д. и т. д.

Въ *Россіи*:

Продолженіе бѣшеной репрессіи.

Выборы.

Внѣшній заемъ.

Прибавьте къ этому альгезирасскую конференцію и новыя балканскія неурядицы, и вы согласитесь, что, даже не принимая въ разсчетъ геологическихъ катастрофъ, для четырехъ мѣсяцевъ обременительно много крупныхъ событій огромной исторической важности.

II.

Въ 1900 году происходили послѣдніе парламентскіе выборы въ Англіи, въ разгаръ войны въ южной Африкѣ, среди полнаго разгула джингоизма, имперіализма и всякихъ другихъ «измовъ», присущихъ военному времени. Либералы стояли за миръ и потерпѣли на выборахъ полное и рѣшительное пораженіе. Консерваторы на шесть лѣтъ утвердились при власти.

Напомнимъ тѣ памятныя цифры.

Избрано было:

Въ *Лондонѣ*.	
Либераловъ	8
Консерваторовъ	54
Въ *городахъ*.	
Либераловъ	62
Націоналистовъ	11
Консерваторовъ	149
Въ *селахъ* (графствахъ).	
Либераловъ	116
Націоналистовъ	71
Консерваторовъ	190

Въ *университетахъ.*

Консерваторовъ 9

Итого.

Либераловъ 186

Націоналистовъ 82

Консерваторовъ 402

Считая націоналистовъ (ирландцевъ) въ оппозиціи въ союзѣ съ либералами, вся оппозиція располагала 268 голосами противъ правительственныхъ 402. Иначе говоря, правительство Бальфура-Чемберлэна имѣло большинство 134 голосовъ. Это была блестящая побѣда, обезпечившая министерству спокойное управленіе и полную возможность безпрепятственнаго проведенія своей программы.

Значеніе этой побѣды усугублялось, если остановиться на элементахъ, изъ которыхъ слагались представительства оппозиціонныхъ партій и министерской.

Совершенно кельтическія Ирландія и Уэльсъ прислали оппозиціонныхъ депутатовъ — 109 и правительственныхъ только — 25. Полукельтическая полусаксонская Шотландія выставила оппозиціонныхъ представителей —34 и министерскихъ —38. Наконецъ, чисто саксонская и господствующая въ имперіи Англія выбрала оппозиціонныхъ депутатовъ—126, правительственныхъ—339! Это именно Англія отреклась отъ либерализма. Это ея могущественный голосъ былъ поданъ за консерваторовъ и за имперіалистовъ. Пророки, которыхъ вездѣ непочатый край, уже предрекали окончательное исчезновеніе либеральной партіи. Нашлись и малодушные перебѣжчики... Британскій народъ и счастливая звѣзда человѣчества судили иначе.

Здѣсь не мѣсто излагать шестилѣтнюю исторію министерства Бальфура, приведшую его къ катастрофѣ. Главнымъ образомъ, это былъ клерикализмъ Бальфура, протекціонизмъ Чемберлэна, полное бездѣйствіе законодательства по соціальнымъ вопросамъ, — вотъ главныя причины все возроставшаго недовольства. Было и много другихъ. Частные выборы все ярче выказывали это недовольство. Къ концу законодательнаго періода цифры располагались уже иначе. Частные выборы ихъ измѣнили въ пользу либеральной оппозиціи. Вотъ данныя въ моментъ распущенія парламента:

Отъ *Лондона* состояло:

Либераловъ . . . , ... 10

Консерваторовъ. 52

(первыхъ болѣе, чѣмъ въ 1900 г., на . 2)

Отъ *городовъ* въ Англіи:

Либераловъ 46

Націоналистовъ 1

Консерваторовъ 117

(оппозиція усилилась на . . 7)

От *селъ* въ Англіи:

Либераловъ	93
Консерваторовъ	141
(оппозиція усилилась на . .	15)

Отъ *университетовъ* въ Англіи:

Либераловъ	1
Консерваторовъ	4
(оппозиція усилилась на . .	1)

Всего *въ Англіи* оппозиція усилилась на 25. Это немного, потому что въ составѣ *англійскаго* представительства консерваторы всетаки сохраняли подавляющій перевѣсъ. Оппозиція имѣла голосъ противъ 314 министерскихъ, которые располагали большинствомъ въ 163 голоса! Этотъ составъ англійскаго представительства, надо думать, и усыпилъ бдительность консервативной партіи, которая не могла не видѣть своего полнаго крушенія на частныхъ выборахъ въ кельтическихъ составныхъ частяхъ Соединеннаго Королевства. Въ общемъ, въ парламентѣ консерваторы къ моменту распущенія сохраняли—369 мѣстъ, оппозиція же располагала 301, консервативное большинство—68. Вмѣсто 134 только 68, это уменьшеніе почти на половину, это очень серьезное предостереженіе... Утѣшали консерваторовъ надежды, что Англія не дастъ въ обиду кельтамъ. Однако, и Англія не выручила.

Указанные выше сгруппированные признаки предвѣщали либераламъ успѣхъ. Его ожидали опытные государственные дѣятели, но никто не ожидалъ полнаго разгрома консерваторовъ. Повидимому, и для самихъ избирателей это былъ сюрпризъ.

Для всего королевства результаты январьскаго голосованія выразились въ слѣдующихъ цифрахъ:

Въ *Лондонѣ* избрано:

Либераловъ	38
Рабочей партіи	4
Консерваторовъ	20
(консерваторовъ меньше на .	34)

Въ *городахъ*:

Либераловъ	129
Націоналистовъ	13
Рабочей партіи	28
Консерваторовъ	52
(консерв. меньше на . . .	97)

Въ *селахъ*:

Либераловъ	212
Націоналистовъ	70
Рабочей партіи	19
Консерваторовъ	70
(консерв. меньше на . . .	120)

Университеты и теперь, какъ и шесть лѣтъ тому назадъ, прислали десять консерваторовъ. Всего же во всемъ королевствѣ избрано:

Либераловъ	379
Націоналистовъ	83
Рабочей партіи	51
Консерваторовъ	157
S. =	670
Консерваторовъ меньше на. .	245

Партіи ирландская и рабочая, хотя и существуютъ отдѣльно, но поддерживаютъ правительство Кемпбэля-Баннермана, такъ что оно располагаетъ въ палатѣ 513 голосами противъ 157, или большинствомъ 356 голосовъ. Если бы націоналисты соединились съ консерваторами, то министерство всетаки располагало бы большинствомъ 190 голосовъ. Наконецъ, если бы и рабочая партія перешла въ оппозицію, то за тѣмъ либеральное большинство достигало бы 88 голосовъ. Либеральное министерство, такимъ образомъ, можетъ спокойно осуществлять свою широкую программу реформъ.

Мы уже видѣли, что спеціальный интересъ имѣютъ выборы въ предѣлахъ Англіи въ тѣсномъ смыслѣ. Здѣсь январьское голосованіе дало слѣдующіе результаты:

Либераловъ:		
въ Лондонѣ	38	
въ городахъ	96	
въ селахъ	138 =	292
Націоналистовъ:		
въ городахъ	1 =	1
Рабочей партіи:		
въ Лондонѣ	4	
въ городахъ	25	
въ селахъ	16 =	45
Консерваторовъ:		
въ Лондонѣ	20	
въ городахъ	42	
въ селахъ	60	
въ университетахъ	5 =	127

Блокъ либераловъ, націоналистовъ и рабочей партіи (338 противъ 127) имѣетъ большинство — 211; блокъ либеральной и рабочей партіи противъ блока націоналистовъ и консерваторовъ (337 противъ 128) имѣетъ большинство 209. Наконецъ, одни либералы противъ блока трехъ партій (292 противъ 173) всетаки сохраняютъ

большинство 119 голосовъ. Да, Англія выдала консерваторовъ головою.

Большая органическая работа предстоитъ новому британскому парламенту: огромное рабочее законодательство, уже частью поставленное на очередь; школьное дѣло, по которому уже внесенъ важный билль въ отмѣну клерикальнаго бальфуровскаго билля; женскій вопросъ, ирландскій вопросъ, новая избирательная реформа, реформа верхней палаты и т. д.

III.

Прогрессъ и просвѣщеніе одержали въ Англіи крупную побѣду на январьскихъ выборахъ въ парламентъ, побѣду, имѣющую огромное значеніе и для англійской націи, и для всего человѣчества. Менѣе значительную для человѣчества, но еще болѣе важную для самой націи побѣду одержало дѣло прогресса и народнаго права въ Австро-Венгріи. Вы разумѣемъ компромиссъ, заключенный между императоромъ Францемъ-Іосифомъ и венгерскимъ народнымъ представительствомъ. Дѣло еще въ началѣ марта обстояло очень нехорошо. Возрождался абсолютизмъ. Воскресалъ бюрократическій режимъ. Законные чиновники были смѣщены, на ихъ мѣста назначены беззаконно слѣпые слуги правительства. Народные представители были разогнаны грубымъ насиліемъ, новые выборы беззаконно не были назначены... Нація, однако, не поддалась произволу. Она сплотилась вокругъ своихъ вождей, перестала платить налоги и поставлять рекрутъ. Политическая атмосфера становилась все тягостнѣе, и каждую минуту можно было ожидать ужаснаго взрыва. 29 (16) марта истекалъ послѣдній срокъ созыва избирателей, но старый императоръ не дождался этого срока и пошелъ на уступки. 23 (10) марта министръ-президентъ беззаконнаго кабинета Фейервари вступилъ въ переговоры съ вождями націи, а слѣдующій день, 24 (11) марта уже состоялось соглашеніе о возстановленіи законнаго порядка въ глубоко-потрясенной бюрократическими интригами странѣ.

Коалиція оппозиціи согласилась на главнѣйшія принципіальныя требованія императора, которымъ были поставлены слѣдующія условія: должно быть проведено общее избирательное право; военные вопросы не подлежатъ пока обсужденію; въ вопросахъ внутренней политики новое правительство получаетъ полную свободу дѣйствій; соглашеніе относительно экономическихъ вопросовъ предоставляется всецѣло венгерскому и австрійскому парламентамъ, при чемъ, однако, экономическая общность должна быть сохранена до 1917 года. Вновь назначенные государственные чиновники (президенты комитетовъ, королевскіе коммиссары и др.) уступаютъ должности своимъ предмѣстникамъ, но должны получить соотвѣт-

ствующее вознагражденіе. Конституціонная партія Андраши и клерикальная народная партія Зичи, которыя до сихъ поръ противились введенію общаго избирательнаго права, изъявили готовность исполнить это требованіе, чтобы избавить націю отъ абсолютизма.

Кошутъ и Андраши прибыли въ Вѣну. Полоньи, вице-президентъ коалиціонной партіи, уладилъ послѣднія разногласія и недоразумѣнія между императоромъ и коалиціей.

Творцомъ всего сенсаціоннаго и нынѣ осуществленнаго плана примиренія называютъ журналиста Карла Мерэй Хорвата, редактора «Arad és Videke», который въ пропагандированіи идеи общаго избирательнаго права съ самаго начала сыгралъ выдающуюся роль.

Въ теченіе утра 25 марта состоялось совѣщаніе при участіи Фейервари, Андраши, Кошута и Полоньи. Извѣстія о благопріятномъ исходѣ венгерскаго кризиса и о предстоящемъ назначеніи доктора Веккерле главою новаго кабинета вызвали до открытія биржи бурное повышеніе всѣхъ цѣнностей, въ особенности венгерскихъ, 4 процентная венгерская рента повысилась на $1^1/_2$ проц. Были заключены крупныя сдѣлки за счетъ Будапешта.

Императоръ утвердилъ списокъ членовъ кабинета Векерле, въ составъ котораго вошли графъ Андраши, Апоньи, Кошутъ, Полоньи, Зичи. Кабинетъ получилъ названіе «великаго министерства», такъ какъ въ немъ сосредоточены выдающіеся политическіе таланты. Хотя самъ кабинетъ и считаетъ себя временнымъ правительствомъ, тѣмъ не менѣе, по всеобщему мнѣнію, его считаютъ окончательно сформированнымъ и полагаютъ, что онъ просуществуетъ два года, такъ какъ подлежащая нынѣ избранію палата употребить два года для осуществленія реформъ, намѣченныхъ мирнымъ соглашеніемъ между короной и оппозиціей.

Министръ-президентъ Векерле и прочіе члены новаго венгерскаго кабинета принесли присягу 26 марта.

Послѣ принесенія присяги вновь назначенный венгерскій министръ-президентъ Векерле обратился къ императору съ рѣчью, въ которой отъ имени кабинета благодарилъ за назначеніе. Послѣ этого состоялось засѣданіе кабинета, въ которомъ были выработаны проекты, касающіеся производства выборовъ. Проекты эти утверждены императоромъ. Выборы были назначены между 29 апрѣля и 8 мая. Парламентъ соберется 19 (6) мая.

27 (14) марта былъ оффиціально обнародованъ рескриптъ короля на имя барона Фейервари, въ которомъ онъ увольняется отъ должности венгерскаго министра-президента; далѣе напечатаны рескрипты остальнымъ членамъ кабинета, при чемъ министру торговли Вересу и министру внутреннихъ дѣлъ Кристоффи пожалованы высшіе ордена, министру финансовъ Гегедюсу, министру народнаго просвѣщенія Тосту—званіе тайныхъ совѣтниковъ. Тогда же опубликованъ декретъ о назначеніи членовъ кабинета Векерле; затѣмъ слѣдуетъ увольненіе всѣхъ королевскихъ коммиссаровъ и опублико-

ваніе рескрипта, которымъ созывается парламентъ на 19 мая. Одновременно, приказомъ министра внутреннихъ дѣлъ, выборы назначены на срокъ отъ 29 (16) апрѣля по 8 мая.

Въ Будапештѣ министры были встрѣчены съ большими оваціями и восторгомъ. Дома были убраны флагами. У вокзала и на прилегающихъ къ нему улицахъ собрались огромныя толпы народа съ цѣлью оказать восторженный пріемъ прибывающимъ министрамъ По прибытіи послѣднихъ были произнесены привѣтственныя рѣчи, на которыя отвѣчали Векерле, Кошутъ и Аппоньи. Въѣздъ министровъ въ городъ напоминалъ тріумфальное шествіе. Ихъ забросали цвѣтами, лошади изъ экипажей были выпряжены. На всемъ пути слѣдованія министровъ стояли шпалерами огромныя толпы народа. Окна и балконы также были переполнены любопытными, привѣтствовавшими министровъ.

Такъ совершалось возстановленіе конституціоннаго строя въ Венгріи, нападеніе на который задумала было всесвѣтно знаметая австрійская бюрократія. Вдохновившись примѣромъ русской бюрократіи, австрійская полагала воскресить свою славу, но много испытавшій престарѣлый императоръ въ послѣдній моментъ рѣшилъ примириться съ націей и тѣмъ заслужилъ и больше славы, и больше любви, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы продолжалъ поддерживать режимъ произвола и беззаконія.

Новый кабинетъ—чрезвычайно пестрый и заключаетъ мало примиримые элементы. Имѣя своимъ призваніемъ проведеніе демократической реформы избирательнаго права, кабинетъ заключаетъ въ себѣ далеко не демократическихъ членовъ. Вотъ, напр., програмная рѣчь самого премьера Векерле.

Отвѣчая на рѣчь руководителя депутаціи, предложившаго министру-президенту депутатскій мандатъ отъ города Темешвара, Векерле сказалъ, что если не считать нормальнаго рекрутскаго контингента и кредита на его экипировку, уже вотированнаго делегаціями, правительство не взяло на себя никакихъ обязательствъ по проведенію въ парламентѣ законопроектовъ относительно увеличенныхъ контигентовъ рекрутъ. «Что касается отношеній Венгріи къ Австріи и къ иностраннымъ государствамъ, — продолжалъ министръ-президентъ,—то мы, вслѣдствіе внѣшнихъ договоровъ, противныхъ конституціи, но фактически вступившихъ въ силу, очутились въ стѣсненномъ положеніи и принуждены поэтому принять ихъ, если не хотимъ подвергнуть серьезнымъ опасаостямъ наши экономическіе интересы. Въ виду этого во время дѣйствія этихъ договоровъ не возможно провести таможенную черту между Австріею и Венгріею. Одновременно съ этимъ мы употребимъ всѣ силы къ тому, чтобы использовать нашу національную рабочую силу и удержать ее въ странѣ. Мы должны сдѣлать все возможное, чтобы положить начало крупной промышленности. Наиболѣе подходящимъ средствомъ для достиженія экономическаго развитія является уре-

гулированіе условій денежнаго и кредитнаго рынковъ. Непремѣннымъ предварительнымъ условіемъ для этого является прочное обезпеченіе государственныхъ доходовъ на почвѣ производительности государства. Сюда относится соотвѣтствующая нашимъ условіямъ реформа налоговъ въ современномъ духѣ. Урегулированный бюджетъ состлвляетъ основу государственнаго кредита. Въ государствѣ, которому приходится прибѣгать къ иностранному капиталу, государственный кредитъ служитъ масштабомъ для частнаго кредита. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи обнаруживается въ послѣднее время застой и даже регрессъ, которые должны быть устранены. Намъ въ особенности необходимо остерегаться того, чтобы находящіеся въ нашемъ распоряженіи капиталы не были употреблены на эксплуатацію сомнительныхъ иностранныхъ предпріятій, а пошли на полезныя экономическія предпріятія внутри страны. Только послѣдовательное осуществленіе всѣхъ соотвѣтствующихъ предположеній поведетъ насъ къ надежному завершенію дѣла урегулированія нашей денежной системы».

Въ заключеніе министръ-президентъ заявилъ, что проводимая правительствомъ реформа избирательнаго права имѣетъ цѣлью, при сохраненіи неприкосновенности венгерской государственной идеи, привести къ тому, чтобы всѣ слои населенія и, въ особенности, рабочій классъ, получили возможность свободно пользоваться избирательнымъ правомъ, которое будетъ всеобщимъ.

Соціально-экономическія воззрѣнія г-на венгерскаго премьера, обнаруженныя этою рѣчью, болѣе, чѣмъ сомнительнаго достоинства, но онъ призванъ не для насажденія плутократіи, а лишь для возстановленія конституціи со всѣми ея благами и гарантіями и для введенія всеобщаго избирательнаго права. А затѣмъ свободная нація сама сумѣетъ разобраться въ своихъ интересахъ и въ своихъ идеалахъ.

Народное право и народная свобода побѣдили въ Венгріи, у нашихъ сосѣдей съ юго-запада. Да будетъ это хорошимъ предзнаменованіемъ и для насъ...

IV.

Соединенная съ Венгріей въ одну имперію, Австрія тоже задумала избирательную реформу на основахъ всеобщаго голосованія. До сихъ поръ въ Австріи очень сложная система выборовъ. Избиратели дѣлятся на пять курій: землевладѣльцы, города, торговыя палаты, крестьяне и вообще граждане. Въ этой послѣдней (пятой) куріи осуществлено всеобщее избирательное право, но только незначительное число депутатовъ выбирается этой куріей, а громадное большинство—первыми четырьмя сословными куріями. Правительство уже внесло законопроектъ, который очень многихъ

не удовлетворилъ, особенно тѣмъ, что вмѣсто предоставленія самому избирательному корпусу распредѣлить полномочія, въ томъ числѣ и по національнымъ группамъ, онъ пробуетъ предрѣшить это распредѣленіе. Сначала именно съ этой чисто демократической точки зрѣнія подвергся критикѣ проектъ барона Гауга, но затѣмъ противъ него возстали и справа, въ первой линіи галиційскіе землевладѣльцы, составляющіе большинство польскаго представительства въ вѣнскомъ парламентѣ. Если имъ удастся привлечь на свою сторону и представительство землевладѣльцевъ другихъ націй (главнымъ образомъ, чеховъ и нѣмцевъ), то правительственному законопроекту суждено пережить тяжелыя минуты, а можетъ быть и потерпѣть неудачу.

Для насъ, русскихъ, эта позиція, занятая польскими помѣщиками въ вѣнскомъ парламентѣ, интересна и потому еще, что едва ли наши польскіе помѣщики въ Западномъ краѣ много отличаются отъ своихъ зарубежныхъ собратьевъ. Они-то прошли въ Думу въ губерніяхъ Волынской и Минской, благодаря тому, что администрація этихъ губерній не допустила даже переговоровъ крестьянъ съ горожанами объ общемъ спискѣ. Горожанамъ Минской губерніи пришлось войти въ соглашеніе съ землевладѣльцами. Правда, горожане—евреи, этотъ жупелъ нашей администраціи, отъ котораго она и пожелала охранить невинныхъ поселянъ. Если же прошедшіе, благодаря этому административному маневру, польскіе помѣщики похожи на галиційскихъ, то нельзя съ этимъ поздравить ни польскій, ни русскій народъ въ дѣлѣ русско-польскаго соглашенія, которое мыслимо лишь на демократической почвѣ.

Хотѣлось бы думать, что суровыя испытанія исторіи привели польскихъ помѣщиковъ Западнаго края къ болѣе демократическимъ идеямъ и чувствамъ, чѣмъ обнаруживаютъ ихъ собратья въ Галиціи. Вотъ что гласятъ телеграммы «Двадцатаго Вѣка»:

«Минскъ—губ., 15—IV. Выборщики-крестьяне были собраны на монастырскомъ дворѣ и отказались отъ участія въ общихъ выборахъ подъ вліяніемъ духовенства».

«Житоміръ, 15—IV. Усиленными стараніями духовенства предъ баллотировкой крестьяне пристали къ русско-польскому помѣщичьему блоку, замѣнивъ кандидата помѣщика-бюрократа священникомъ. Въ 6 часовъ утра оконченъ подсчетъ. Избранные получили отъ 151 до 132 голосовъ изъ 194. Графы Понятовскій, Грохольскій, Потоцкій, предводители дворянства Андро и Журавскій, священникъ Концевичъ—почти всѣ крайніе реакціонеры, и шесть крестьянъ, намѣченныхъ предварительно жребіемъ, при чемъ четверо—неграмотные, двое—малограмотные. Горожане утверждаютъ, что есть кассаціонные поводы. Подается жалоба. Графъ Потоцкій до баллотировки горожанъ заявилъ, что жертвуетъ тысячу рублей крестьянамъ своего уѣзда. Графа тутъ же качали».

«Крайніе реакціонеры», можетъ быть, для поляковъ и слишкомъ сильно: они, разумѣется, за конституцію. Во всякомъ случаѣ, надо полагать, выбраны крестьянскими голосами на Волыни и благодаря отсутствію крестьянъ на выборахъ въ Минскѣ, отнюдь не демократы...

Грандіозное движеніе ко всеобщему голосованію, охватившее Россію, быстро распространилось и на другія страны, еще не пользующіяся благами всеобщаго избирательнаго права. Кромѣ Австріи и Венгріи, о которыхъ мы только что говорили, выступила Швеція.

Въ сентябрѣ 1905 года происходили выборы въ нижнюю палату шведскаго риксдага и кончились торжествомъ прогрессистовъ. Хотя верхняя палата, избираемая привилегированнымъ меньшинствомъ (очень несообразное учрежденіе, въ родѣ нашего недавно испеченнаго государственнаго совѣта), и сохранила свой сполна консервативный составъ, коалиціонное министерство, проведшее договоръ съ Норвегіей о расторженіи уніи, уступило мѣсто либеральному кабинету Карла Стофа (Staaf). Этимъ кабинетомъ и внесенъ въ настоящее время законопроектъ объ избирательной реформѣ. Въ угоду консерваторамъ верхней палаты, пришлось сдѣлать важныя уступки: исключить изъ состава избирателей всѣхъ лицъ, которыя въ теченіе послѣднихъ трехъ (передъ выборами) лѣтъ были неисправны во взносѣ налоговъ, а такъ же поднять цензъ до двадцати четырехъ лѣтъ. Несмотря на эти уступки, ожидаютъ въ верхней палатѣ встрѣтить оппозицію, поправки и т. п. Можно надѣяться, однако, что, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія и народнаго движенія, привилегированные законодатели принуждены будутъ уступить свои привилегіи и признать единственнымъ источникомъ законодательныхъ полномочій парламента свободно выраженную волю націи, въ формѣ всеобщаго и равнаго избирательнаго права. Въ 1866 году такимъ же образомъ вынуждены были отказаться отъ своего положенія не уполномоченныхъ законодателей палаты, дворянская и духовная.

Корреспондентъ «Le Temps», говоря о шведской избирательной реформѣ, замѣчаетъ, между прочимъ, что «Швеція вышла изъ кризиса ея уніи съ Норвегіей съ горячимъ желаніемъ заняться своими внутренними дѣлами въ смыслѣ ихъ развитія въ прогрессивномъ и демократическомъ духѣ. Несмотря на нѣкоторую горечь, причиняемую шведамъ отпаденіемъ Норвегіи, конецъ этого норвежскаго кошмара, десятки лѣтъ парализовавшаго развитіе шведской общественной жизни, и въ самой Швеціи разсматривается, какъ счастливое пробужденіе». Мы приводимъ эти поучительныя строки, потому что не въ одной Швеціи «ненарушимое единство имперіи» является тормазомъ прогресса и свободы. Эта ненарушимость не должна опираться на принужденіе, ибо это насиліе—палка о двухъ концахъ вездѣ, какъ и въ данномъ истори-

ческомъ случаѣ. Одною стороною угнеталась Норвегія, другою было стѣснено свободное развитіе самой Швеціи.

V.

За эти нѣсколько мѣсяцевъ много пало министерствъ въ Европѣ, много сформировано новыхъ: въ Англіи, Италіи, Испаніи, Венгріи, Греціи, Сербіи, Японіи. Между прочимъ, и во Франціи. Здѣсь пало министерство Рувье. Пало оно внезапно, въ минуту, когда этого не ожидали. При описи церковнаго имущества, предписанной закономъ объ отдѣленіи церкви отъ государства, произошло въ одной деревушкѣ столкновеніе прихожанъ съ войсками. Одинъ изъ демонстрантовъ былъ убитъ. Тамъ, гдѣ цѣнится человѣческая жизнь, это огромное событіе. Тамъ, гдѣ уважается законъ, сопротивленіе его выполненію тоже событіе огромнаго значенія. Данный инцидентъ задѣвалъ обѣ эти стороны государственнаго сознанія просвѣщенныхъ правителей и законодателей. Естественно, что въ палатѣ депутатовъ возникли дебаты по поводу разсказаннаго выше случая. Правительство никто не порицалъ, потому что даже среди правыхъ раздавались голоса, утверждавшіе, что обманъ и подстрекательство мѣстнаго духовенства были всему причиною. Но палату волновали одновременно оба вышеупомянутыхъ чувства: и уваженіе къ человѣческой жизни, и уваженіе къ неприкосновенности закона. Эти два чувства въ данномъ случаѣ были антагоничны и дать одинаковое удовлетвореніе обоимъ было не возможно. Рувье, однако, попытался и возбудилъ неудовольствіе и въ центрѣ, гдѣ Рибо и его единомышленники находили, что онъ недостаточно цѣнитъ человѣческую жизнь, и среди лѣвыхъ партій, гдѣ усомнились, достаточно ли обезпечено точное исполненіе закона въ рукахъ Рувье. Въ результатѣ палата отказала кабинету въ довѣріи, и министерство пало.

Это былъ поводъ. Причина была глубже. Республиканскія лѣвыя партіи не могли предстать предъ избирателями (въ маѣ выборы) съ такимъ безцвѣтнымъ кабинетомъ безъ серьезной программы и безъ популярныхъ именъ. Поэтому низвергнутый совершенно случайно, павшій кабинетъ былъ замѣненъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ по составу министерствъ за послѣднія десять лѣтъ. Радикалъ Сарріенъ, министръ-президентъ, уважаемый и заслуженный дѣятель, является, однако, далеко не первою звѣздою кабинета. Его главными силами являются: министръ финансовъ Пуанкарэ (демократъ), министръ иностранныхъ дѣлъ Леонъ Буржуа (радикалъ), министръ внутреннихъ дѣлъ Клемансо (радикалъ-соціалистъ) и министръ народнаго просвѣщенія и культовъ (исповѣданій) Бріанъ (соціалистъ).

Среди очень трудныхъ обстоятельствъ вступило новое министерство во власть и среди очень трудныхъ обстоятельствъ про-

должаетъ управлять страною. Алгезирсская конференція, русскій заемъ и огромная волна забастовокъ и рабочихъ волненій являлись по очереди угрозою правителямъ французской республики.

Послѣдовательныя соглашенія Франціи съ Англіей, Италіей, Испаніей и Россіей утвердили за Франціей преимущественныя права въ Марокко, и султанъ Феца уже и самъ не видѣлъ другого исхода, какъ склониться подъ французскій протекторатъ. Пораженія русскихъ на дальнемъ востокѣ дозволили Германіи выступить противъ французскаго завладѣнія древней Мавританіей. Мучительно долго тянувшаяся алгезирасская конференція ниспровергла все зданіе французскаго владычества надъ Марокко. Французы, однако, празднуютъ «дипломатическую побѣду», а нѣмцы недовольны. Но вѣдь и японцы были недовольны портсмутскимъ договоромъ, а графъ Витте и его русскіе товарищи тоже праздновали «дипломатическую побѣду»! Конечно, французамъ только не удалось захватить имъ непринадлежавшее, а не потерять свое собственное, но потому-то ихъ побѣда не столь громкая, и Ревуаль не получилъ такихъ наградъ, какъ графъ Витте.

Въ чемъ же заключается побѣда Франціи? Франція проектировала ввести реформы въ Марокко, полицію, юстицію, банки, желѣзныя дороги, гавани, почту, телеграфъ, санитарный надзоръ, упорядоченіе финансовъ и т. д. Этимъ путемъ она мало-по-малу стала бы хозяйкою страны, а французскіе капиталисты ея дѣйствительными владѣльцами. Германія этого не допустила и добилась равенства всѣхъ націй въ дѣлѣ эксплуатаціи Марокко. Едва ли марокканцамъ отъ этого будетъ лучше, но французскимъ капиталистамъ и правителямъ несомнѣнно хуже. Здѣсь Франція все проиграла и ничего не сохранила. Она кое-что сохранила, благодаря Англіи и Россіи, въ слѣдующихъ двухъ вопросахъ: 1) въ учреждаемомъ марокканскомъ банкѣ пай французскихъ капиталистовъ будетъ нѣсколько больше, нежели паи капиталистовъ англійскихъ и нѣмецкихъ, отдѣльно взятыхъ; и 2) инструкторами марокканскихъ полицейскихъ стражниковъ въ нѣсколькихъ портовыхъ городахъ будутъ султаномъ приглашаемы офицеры французскіе и испанскіе, при чемъ, однако, инспекція и контроль будутъ международные. При совершенномъ равенствѣ всѣхъ націй въ другихъ отношеніяхъ и при германскомъ вліяніи въ Фецѣ, эти французскія преимущества являются очень жалкимъ остаткомъ обширныхъ аппетитовъ.

Неужели правда, что за сохраненіе этого остатка Франція согласилась на русскій внѣшній заемъ въ $2^1/_4$ милліарда? Неужели французы воевали бы изъ-за лишняго пая въ марокканскомъ банкѣ или изъ-за лишняго десятка своихъ офицеровъ на службѣ у его величества султана Марокко и Феца? Такъ почему же всюду трубятъ, что графъ Кассини спасъ Францію отъ войны?

Милліарды французы во всякомъ случаѣ дали русскому правительству. Это обстоятельство очень волновало русское общество,

ясно сознававшее, что эта поспѣшность снабженія кабинета графа Витте значительными средствами укрѣпила его реакціонную политику. Гадали, зачѣмъ и почему свободная французская нація, такъ много послужившая дѣлу свободы всего человѣчества, въ данномъ случаѣ вооружила руку произвола и деспотизма противъ права и свободы? Мы видѣли выше, что хотѣли объяснять даже спасеніемъ Франціи отъ войны... Но вѣдь графъ Кассини не спасалъ отъ войны ни Англіи, ни Австріи, ни Голландіи, а деньги охотно дали и эти страны! Именно *охотно* дали. Охотно дали и французы (огромный успѣхъ займа тому доказательство). А дали охотно, потому что очень выгодно было дать. Такихъ условій не предложили бы ни марокканцамъ, ни сіамцамъ. Не посмѣли бы предложить и русскимъ въ обычныхъ условіяхъ, т. е. если бы министерство графа Витте соглашалось бы подождать мѣсяцъ. Не Россія была въ крайности, но лишь министерство. Оно желало во что бы то ни стало получить хоть часть денегъ до Думы. Ему поставили самыя невозможныя, самыя невѣроятныя условія. Оно ихъ приняло. Тогда уже поспѣшили сами банкиры. Имъ тоже надо было поскорѣе закрѣпить неслыханно выгодную сдѣлку. Обѣ стороны имѣли всѣ основанія торопиться и совершенно одинаковое желаніе обойтись безъ Думы.

4 апрѣля состоялся высочайшій указъ на имя министра финансовъ о выпускѣ займа. Этотъ навѣки знаменитый историческій документъ гласитъ:

«Именнымъ Высочайшимъ Указомъ, на ваше имя даннымъ 17 марта 1906 года, предусмотрѣно заключеніе государственныхъ займовъ для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ государственнаго казначейства 1905 и 1906 годовъ, превышающихъ бюджетные рессурсы.

«Согласно представленію вашему, въ комитетѣ финансовъ разсмотрѣнному, признали Мы нынѣ полезнымъ приступить къ совершенію кредитной операціи на русскомъ и иностранныхъ рынкахъ на указанныя выше надобности. Въ сихъ видахъ повелѣваемъ:

I. Выпустить 5% государственный заемъ на нарицательный капиталъ 843.750,000 рублей, равныхъ 2.250,000,000 франковъ, равныхъ 1.818,000,000 имперскихъ германскихъ марокъ,=1.075,000,000 голландскихъ гульденовъ, равныхъ 89.325,000 фунт. стерлинговъ, равныхъ 2.133,000,000 австро-венгерскихъ кронъ, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Заемъ сей вносится въ государственную долговую книгу подъ наименованіемъ «Россійскій Государственный 5% заемъ 1906года».

2. Облигаціи сего займа выпускаются именныя и на предъявителя достоинствомъ въ 500, 2,500 и 5,000 франковъ, считая каждые 500 франковъ=187 рублямъ 50 копейкамъ=404 имперскимъ германскимъ маркамъ=239 голландскимъ гульденамъ=19 фунтамъ стерлинговъ 17 шиллингамъ=474 австро-венгерскимъ кронамъ.

3. Правила, относительно именныхъ облигацій, ихъ перехода отъ одного лица къ другому, ихъ обмѣна на предъявительскія и обратно, имѣютъ быть утверждены вами.

4. Размѣръ ежегоднаго по облигаціямъ дохода опредѣляется въ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ пополугодно; теченіе процентовъ начинается съ 18 апрѣля—1 мая 1906 года.

5. Весь заемъ будетъ погашенъ не позже 18-го апрѣля—1 мая 1956 года. Погашеніе будетъ производиться путемъ ежегодныхъ тиражей. Тиражи будутъ происходить 19-го января—1 февраля каждаго года, начиная съ 1917 года; капиталъ вышедшихъ въ тиражъ облигацій уплачивается въ слѣдующій за тиражемъ срокъ оплаты купоновъ, на погашеніе отчисляется ежегодно, начиная съ 1917 года, 0,82781612% съ нарицательнаго капитала займа съ прибавленіемъ процентовъ на вышедшія въ тиражъ облигаціи.

6. До 18 апрѣля—1-го мая 1916 года не будетъ приступлено къ выкупу, полному или частному, или къ конверсіи настоящаго займа.

7. Уплата процентовъ и выплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ облигаціямъ производится въ Россіи рублями въ учрежденіяхъ государственнаго банка, во Франціи—франками, въ Голландіи—голландскими гульденами и въ Австро-Венгріи—австро-венгерскими кронами, въ мѣстахъ, вами для сего назначенныхъ.

8. Купоны отъ облигацій сего займа сохраняютъ платежную силу въ теченіе десяти лѣтъ съ наступленія сроковъ ихъ оплаты, а тиражныя облигаціи въ теченіе тридцати лѣтъ со срока выплаты по нимъ капитала.

9. Облигаціи и купоны сего займа освобождаются навсегда отъ всякихъ русскихъ налоговъ.

10. Облигаціи настоящаго займа помѣщаются чрезъ посредство избранныхъ вами для сего банкирскихъ домовъ и кредитныхъ установленій.

11. Права и преимущества, предоставляемыя по отношенію къ подпискѣ на облигаціи настоящаго займа держателямъ 5 проц. обязательствъ государственнаго казначейства 1904 года (п. 7 именного Высочайшаго указа министру финансовъ отъ 29-го апрѣля 1905 года) опредѣляются вами.

12. Права и преимущества, предоставляемыя облигаціямъ и купонамъ настоящаго займа по отношенію къ пріему въ уплату таможенныхъ пошлинъ, а также въ обезпеченіе исполненія казенныхъ подрядовъ и платежей, причитающихся казнѣ, опредѣляются вами при самомъ выпускѣ займа.

II. Расходъ по уплатѣ процентовъ по облигаціямъ настоящаго займа въ текущемъ году, а также расходы, связанные съ реализаціей, покрыть изъ выручки займа, въ послѣдующіе же годы назначенія на платежи процентовъ и погашенія по сему займу производить на точномъ основаніи ст. 6 и 8 утвержденныхъ Нами 8-г

марта 1906 года правилъ о порядкѣ разсмотрѣнія государственной росписи доходовъ и расходовъ».

До японской войны русскіе внѣшніе займы заключались изъ 4% и безъ всякихъ стѣснительныхъ обязательствъ въ будущемъ. Настоящій указъ повышаетъ процентъ до 5, навсегда освобождаетъ облигаціи отъ налога и обязывается не погашать и не конвертировать этотъ невыгодный заемъ въ теченіе десяти лѣтъ! И это прямо ужасное паденіе кредита. Однако въ самомъ указѣ только цвѣточки, ягодки—внѣ указа. Тамъ онѣ скромно упомянуты въ видѣ неопредѣленной фразы: «расходы, связанные съ реализаціей, покрыть изъ выручки займа». Эта маленькая фраза заключаетъ въ себѣ сотни милліоновъ выброшенныхъ народныхъ денегъ. «Расходы, связанные съ реализаціей», заключаютъ уступку при подпискѣ (эммиссіонную цѣну), коммиссіонную благодарность банкирамъ, стоимость рекламъ и пр. Единодушное свидѣтельство всѣхъ освѣдомленныхъ органовъ и опубликованныя свѣдѣнія опредѣляютъ выпускъ займа по 88 за 100, т. е. уступку 12% при эммиссіонной операціи. Нѣчто совершенно невообразимое: надо будетъ уплатить 270 милліоновъ, которыхъ не брали, и за нихъ ежегодно еще платить $13^1/_2$ милліоновъ. На такихъ условіяхъ подписываютъ векселя только въ состояніи полнаго отчаянія... Не лучше обстоитъ дѣло съ коммиссіонною благодарностью банкирамъ. Эти готовые къ услугамъ милые посредники получаютъ по $4^1/_2$% коммиссіонныхъ, т. е. 101 милліонъ 250 тысячъ. Этихъ денегъ тоже русская казна не получитъ, тоже должна будетъ платить и по этимъ векселямъ, тоже будетъ процентовъ ежегодно уплачивать свыше 5 милліоновъ... Наконецъ, реклама. О ней находимъ такое извѣстіе (заимствуемъ изъ «XX вѣка»):

«По сообщенію «Tribune», для заключенія займа во Франціи русское правительство потратило семь милліоновъ франковъ на одну только печать, муссировавшую идею займа».

Оставимъ, однако, въ сторонѣ эти «мелкіе» расходы. Остановимъ наше вниманіе только на двухъ крупныхъ, выше указанныхъ. По этимъ двумъ пунктамъ, русская казна не дополучитъ 371 милліонъ 250 тысячъ, а получитъ, вмѣсто 2 милліардовъ 250 милліоновъ, всего 1 милліардъ 878 милліоновъ 750 тысячъ. Именно за эту полученную сумму русская казна будетъ платить $112^1/_2$ милліоновъ, а черезъ десять лѣтъ (ближайшій срокъ для конверсіи) еще 371 милліонъ 250 тысячъ, или по $37^1/_4$ милліоновъ ежегодно, всего ежегодно, безъ «мелкихъ» расходовъ, круглою цифрою 150 милліоновъ ежегодно, или годовыхъ 8%!

Гдѣ можно въ настоящее время безопасно помѣстить деньги на такіе проценты? Въ этомъ, конечно, и все объясненіе, что «свободная нація...» и т. д. Нація тутъ не при чемъ. Банкирамъ и ихъ буржуазнымъ кліентамъ русскіе сановники предложили невѣроятно выгодную операцію. Повидимому, ихъ это сначала смутило: ужъ

слишкомъ невыгодно для русской казны. Но авгуры, конечно, поняли авгуровъ. «Спб. Телеграфное Агентство» честь этой сдѣлки всецѣло приписываетъ графу Витте. Вотъ телеграмма этого агентства:

«Парижъ. 9 апрѣля. Какъ передаютъ здѣшніе банкиры, все дѣло о русскомъ займѣ, послѣ не вполнѣ удачной попытки заключить его въ декабрѣ, взялъ въ свои руки гр. Витте. Затрудненія состояли въ бывшихъ въ Россіи безпорядкахъ, которые болѣе, чѣмъ все остальное, происходящее въ Россіи, смущали весь цивилизованный міръ, въ марокскомъ вопросѣ и въ трудности для графа Витте войти въ словесные переговоры безъ того, чтобы это не огласилось преждевременно. Ходъ устраненія первыхъ двухъ затрудненій извѣстенъ, поскольку это выяснено газетами, послѣднее же препятствіе было устранено свиданіемъ гр. Витте, съ кѣмъ это было нужно, въ началѣ февраля. Тогда были установлены главныя основанія и планъ дѣйствія, и съ тѣхъ поръ гр. Витте до самаго пріѣзда сюда статсъ-секретаря Коковцева былъ въ постоянныхъ письменныхъ сношеніяхъ съ бывшимъ министромъ - президентомъ Рувье и финансовыми дѣятелями».

Въ результатѣ этого «блестящаго успѣха» — новая петля на шеѣ народа!

Чѣмъ это кончится, эти испытанія? «Не робѣй за отчизну любезную, поучаетъ насъ поэтъ, вынесъ достаточно русскій народъ... вынесетъ все, что Господь не пошлетъ, вынесетъ все и широкую ясную, грудью дорогу проложитъ себѣ...» Вѣрую и исповѣдую эту великую заповѣдь великаго поэта, но настоящіе пути еще такъ ужасны, еще такъ безпросвѣтны, такъ далеки отъ ясной и широкой дороги!

Просвѣтъ въ Думѣ... Правда ли?

Вся Россія какъ бы съежилась и замерла въ ожиданіи этой думы: крестьяне ждутъ освобожденія отъ плетей и земскихъ, ждутъ земли и хлѣба; иновѣрцы ждутъ дѣйствительной свободы совѣсти; инородцы—справедливости; истязуемые—конца своимъ страданіямъ, заключенные—освобожденія; сосланные—возвращенія; обиженные—правосудія; вся нація —свободы и права... Способна-ли Дума дать все это? Можно и должно опасаться реакціонеровъ на министерскихъ скамьяхъ: этого и ждутъ всѣ. Кажется мнѣ, однако, что еще болѣе опасны были-бы уступки и компромисы со стороны самой Думы...

С. Южаковъ.

Мимоходомъ.

I.

Карательныя экспедиціи.

Широкимъ потокомъ льется народная кровь въ разныхъ мѣстахъ нашей несчастной страдающей родины, и нѣтъ предѣла жестокости и ухищреніямъ лицъ, власть имѣющихъ, въ изобрѣтеніи средствъ и способовъ уничтоженія своихъ братьевъ. Нельзя исчислить всю бездну народнаго горя, изжитаго за послѣдніе мѣсяцы послѣ того, когда русскій народъ, повѣривъ манифесту 17 октября, вышелъ на улицу и громко сталъ заявлять о своихъ нуждахъ, о своихъ наболѣвшихъ вопросахъ...

«Завоеваніе» Кавказа, разстрѣлы мирныхъ манифестацій въ Петеребургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Минскѣ и множествѣ другихъ городовъ, для перечисленія которыхъ пришлось бы, пожалуй, переписать весь алфавитъ русскихъ поселеній, «усмиреніе» прибалтійскаго края, подавленіе «мятежа» въ Москвѣ, встрѣчныя экспедиціи на сибирской желѣзной дорогѣ генераловъ Меллеръ-Закомельскаго и Ренненкампфа, военныя прогулки генералъ-адъютантовъ по голодающимъ деревнямъ, экзекуціи, насилія, кровь и убійства,—вотъ наша нынѣшняя дѣйствительность, вотъ наша современная жизнь, послѣ того, какъ провозглашены начала сохраненія дѣйствительной силы закона.

Убійства, совершенныя лично полковникомъ Риманомъ изъ собственнаго революера, стрѣльба полицеймейстера Норова въ лежащую въ толпѣ г-жу Измайловичъ, насилія надъ г-жей Спиридоновой, выстрѣлы по командѣ офицеровъ въ спину идущимъ впереди безоружнымъ плѣнникамъ, разстрѣлы привязанныхъ къ кольямъ людей,—таковы почтенныя дѣйствія офицеровъ, высоко держащихъ свою «офицерскую честь», «честь своего мундира», какъ символа рыцарства.

Стрѣльба залпами, пулеметный и артиллерійскій огонь, карательные поѣзда, готовые по первому зову двинуться туда, куда прикажутъ; наконецъ, блиндированные автомобили съ пулеметами во вращающихся башняхъ, заказанные русскимъ правительствомъ за границей для карательныхъ экспедицій, — таковы средства, употребляемыя властями для уничтоженія гражданъ, за которыми только что признана была, на бумагѣ, «дѣйствительная неприкосновенность личности, свобода слова, собраній и союзовъ».

Еще недавно мы возмущались нагайками и сравнительно рѣдкими ударами шашекъ, какъ средствами «усмиренія» и «прекращенія безпорядковъ», а теперь на нашихъ глазахъ совершаются массовыя убійства, казни безъ суда и по суду, искалѣчиваніе на-

шихъ близкихъ, родныхъ, и мы уже не такъ сильно реагируемъ на всѣ эти ужасы, какъ реагировали нѣсколько лѣтъ тому назадъ на удары казацкой нагайки.

Я отнюдь не хочу сказать, что общество притупилось, что оно не чувствуетъ всего ужаса совершающихся насилій и молчаніемъ, бездѣйствіемъ своимъ поддерживаетъ реакцію и бойню.

Нѣтъ, оно горячо чувствуетъ все это, возмущается до глубины души, но... оно занято теперь накопленіемъ силъ. Если правительство, не зная удержу, расточаетъ и уничтожаетъ народныя силы, нужныя странѣ для ея моральнаго и матеріальнаго возрожденія послѣ пережитаго краха, то общество не можетъ быть столь расточительнымъ, ибо ему дороги интересы родины, благо народа, тогда какъ правительствомъ руководятъ лишь своекорыстныя побужденія, — хорошо прокормиться, сорвать побольше съ народа для своего личнаго блага...

Но возвратимся къ карательнымъ экспедиціямъ.

Я не послѣдую за г. Кузьминымъ-Караваевымъ, доказывавшимъ на страницахъ «Руси» незаконность разстрѣловъ безъ суда, ибо нахожу, что вообще смертная казнь дѣло незаконное и по суду, а тѣмъ болѣе по приговорамъ военныхъ судовъ, которые даже и въ неупрощенной ихъ формѣ, а въ обычномъ составѣ—суды только по названію. Что же касается упрощенныхъ военно-полевыхъ судовъ, вводимыхъ, согласно измѣненной редакціи 1301 статьи военно-судебнаго устава, по прихоти и произволу начальника любого карательнаго отряда, пожелавшаго своимъ убійствамъ и разстрѣламъ плѣнниковъ придать форму законныхъ дѣяній, то о нихъ и говорить нечего. Вспомнимъ, что эти послѣдніе суды составляются изъ лицъ, всецѣло подчиненныхъ начальнику карательной экспедиціи, въ нихъ не участвуетъ даже ни одного юриста военно-судебнаго вѣдомства, знакомаго съ юридическими нормами, и мы поймемъ, что это только пародія суда, и разстрѣлы, произведенные солдатами по приговорамъ этихъ военно-полевыхъ судовъ, суть политическія убійства, совершаемыя вооруженной силой страны надъ безоружными плѣнниками, при условіи, что виновность плѣнниковъ въ преступленіяхъ, караемыхъ смертной казнью, не установлена, а войска, совершившія убійства, не отвѣтственны за совершенныя ими политическія звѣрства.

Я не послѣдую также за г. Владиміровымъ, г. Климковымъ и многими безымянными корреспондентами нашей прогрессивной печати въ изложеніи фактовъ, показывающихъ ужасы, чинимые этими карательными экспедиціями.

Я не задаюсь всестороннимъ изслѣдованіемъ этого вопроса. Моя цѣль скромнѣе. Я хочу лишь выяснить значеніе этихъ карательныхъ экспедицій не для страны, не для общества, а для самой арміи, для той вооруженной силы, которая содержится для народа и на средства его.

Участіе арміи въ этихъ карательныхъ экспедиціяхъ прежде всего нарушаетъ тотъ основной принципъ, который ясно выраженъ въ законодательствахъ разныхъ странъ и неоднократно высказывался отъ лица русскаго правительства. Этотъ принципъ: «Армія должна быть безпартійна». Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что армія, вооруженная сила, какъ органъ исполнительной власти, должна быть безпартійна. Вовлеченіе арміи, какъ цѣлаго, въ партійную борьбу, поведетъ, конечно, къ разложенію арміи, ибо всякому понятно, что въ настоящее время отдѣльныя лица, составляющія армію, не могутъ быть чужды интересамъ политическихъ партій, и каждый членъ ея, какъ гражданинъ, живетъ идейными интересами близкой ему по духу партіи и не можетъ не жить таковыми, разъ въ немъ есть живая человѣческая душа и пробудились духовные интересы; а разъ это такъ, разъ въ нѣдрахъ арміи есть люди различныхъ политическихъ убѣжденій и настроеній, то арміи, вовлеченной въ борьбу партій и призываемой постоянно на защиту интересовъ одной какой-либо политической группы противъ группъ оппозиціонныхъ, грозитъ разложеніе, благодаря тому, что при такомъ употребленіи арміи въ ней самой начнется политическая борьба, сведеніе политическихъ счетовъ, изгнаніе изъ рядовъ арміи различныхъ членовъ ея не за ихъ профессіональную непригодность, а за несогласіе въ политическихъ взглядахъ съ взглядами начальника, благодаря чему армія можетъ лишиться многихъ талантливыхъ и свѣдущихъ въ своемъ профессіональномъ дѣлѣ лицъ; съ другой стороны, многіе, видя необходимость входить въ сдѣлку съ совѣстью, снимутъ офицерскій мундиръ и выйдутъ изъ строя, оставивъ свои мѣста болѣе покладистымъ. И я позволю себѣ высказать мысль, что уйдутъ (да и уходятъ) изъ строя наиболѣе честные, отзывчивые на все доброе люди, тѣ, кого не окончательно еще сгубило кадетское воспитаніе и училищная муштра, т. е. тѣ, кто не склоненъ къ молчалинству. А вѣдь не Молчалиными красна наша жизнь, и не въ молчалинствѣ сила и мощь арміи, гдѣ, при современныхъ условіяхъ боя, очень многое зависитъ отъ личныхъ нравственныхъ качествъ, энергіи и рѣшимости начальника и отдѣльнаго бойца. Поэтому искусственный подборъ г.г. Молчалиныхъ въ ряды команднаго персонала арміи можетъ оказать существенный вредъ для выполненія профессіональныхъ задачъ войска, и въ грядущей войнѣ можетъ грозить еще большимъ разгромомъ, чѣмъ тотъ, какой мы пережили въ минувшую войну.

Чтобы уничтожить въ читателѣ всякую тѣнь сомнѣнія въ возможности такого искусственнаго подбора особливо угодныхъ начальству лицъ и вреда его, сошлюсь на авторитетъ генерала Куропаткина, который и самъ былъ не безгрѣшенъ въ этомъ отношеніи.

Въ № 52 «Русскаго Инвалида» напечатано «Прощальное обра-

щеніе генералъ-адъютанта Куропаткина къ офицерамъ I-ой манчжурской арміи». И вотъ что въ немъ, между прочимъ, говорится:

«Мы бѣдны выдающимися самостоятельностью, энергіею, иниціативою людьми. Ищите ихъ, поощряйте, продвигайте впередъ. Вызывайте ростъ этихъ основныхъ для военнаго человѣка качествъ. Люди съ сильнымъ характеромъ, люди самостоятельные, къ сожалѣнію, во многихъ случаяхъ въ Россіи не только не выдвигались впередъ, а преслѣдовались: въ мирное время такіе люди для многихъ начальниковъ казались безпокойными, казались людьми съ тяжелымъ характеромъ и таковыми аттестовывались. Въ результатѣ такіе люди часто оставляли службу. Наоборотъ, люди безъ характера, безъ убѣжденій, но покладистые, всегда готовые во всемъ соглашаться съ мнѣніями своихъ начальниковъ, выдвигались впередъ».

И если это исключеніе независимыхъ, самостоятельныхъ людей изъ рядовъ арміи практиковалось и раньше, то теперь это практикуется уже очень и очень часто. И я могъ бы привести много именъ офицеровъ, поплатившихся службой за неугодные начальству политическіе взгляды.

Искусственный подборъ идетъ, и участіе войскъ въ карательныхъ экспедиціяхъ ему помогаетъ.

Укажу еще на одинъ выходъ изъ строя людей, не выдержавшихъ нравственной коллизіи, которую имъ пришлось переживать. Это самоубійство. Само собою разумѣется, что не Молчалины рѣшаются на такой шагъ....

Итакъ, внутреннее разложеніе арміи и культивированіе подслуживанія начальству—вотъ первые плоды карательныхъ экспедицій для нашей арміи.

Но это не все, хотя и этого одного было бы вполнѣ достаточно для признанія опасности карательныхъ экспедицій для жизни арміи.

Пойдемъ далѣе.

Дешевые побѣдные лавры войскъ, примѣняющихъ противъ безоружныхъ или плохо и лишь въ незначительномъ количествѣ вооруженныхъ людей всѣ новѣйшія усовершенствованія военной техники, начиная отъ магазиннаго ружья, скорострѣльнаго орудія и кончая послѣдней новинкой карательной техники — блиндированнымъ автомобильнымъ пулеметомъ—дѣйствуютъ самымъ развращающимъ образомъ на духъ войскъ и ихъ воинскую пригодность. Обратимся къ недавнему прошлому. Карательная экспедиція русскихъ войскъ въ Китай въ 1900 году дала многимъ сибирскимъ войскамъ побѣдные лавры, а многихъ военачальниковъ увѣнчала титуломъ героевъ-полководцевъ и превознесла ихъ высоко. Но гдѣ же оказались эти герои и храбрыя предводимыя ими войска, когда имъ пришлось встрѣтиться въ серьезномъ бою съ сплоченными, хорошо вооруженными и обученными и идущими во имя опредѣленной идеи японскими войсками на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ еще такъ не-

давно раздавались ихъ побѣдные клики? Ихъ не стало, они отошли. Однихъ общественное мнѣніе низвергло съ неправильно занятаго ими пьедестала, другихъ окрестило мучениками, пріявшими горькую чашу за постоянное содержаніе на положеніи «святой скотины».

Такимъ образомъ, карательныя экспедиціи съ ихъ легкими побѣдами создаютъ въ арміи фальшивое представленіе объ ея военной мощи, что, конечно, можетъ неблагопріятно отразиться въ случаѣ дѣйствительной борьбы съ сильнымъ противникомъ.

Постоянная и повсемѣстная борьба войска съ народомъ, насилія, проливаемая кровь,—все это не можетъ, конечно, не отразиться на взаимныхъ отношеніяхъ войска и народа. Сыны народа, ставъ солдатами, превращаются въ глазахъ того же народа въ палачей, и народъ, вмѣсто того, чтобы видѣть въ арміи защитницу его насущныхъ интересовъ, сначала начинаетъ относиться къ ней съ недовѣріемъ, затѣмъ отворачивается отъ нея и, наконецъ, станетъ ненавидѣть ее. Такого ли конца желаютъ г. г. каратели? Можетъ ли армія, ненавидимая народомъ, стать надежной опорой независимости страны? Можетъ ли одна армія, безъ поддержки со стороны народа, быть сильна противъ внѣшняго врага. Конечно, нѣтъ. Вѣдь силы-то свои черпаетъ она все въ томъ же народѣ, вѣдь духъ арміи есть духъ народа, а если народъ угнетенъ, запуганъ, то это угнетеніе передается и арміи, и она не будетъ дышать отвагой въ минуты встрѣчи съ настоящимъ врагомъ, хотя, повидимому, она была отважна въ борьбѣ съ роднымъ народомъ.

А обычаи войны, освященные международными соглашеніями? Вѣдь если войска, во время внутреннихъ карательныхъ экспедицій, пріучаются убивать и насиловать своихъ безоружныхъ братьевъ, то не будетъ ли это имѣть деморализующаго вліянія на нихъ и не станутъ ли они также убивать и насиловать взятыхъ въ плѣнъ враговъ, т. е. совершать такія дѣянія, которыя кладутъ несмываемое позорное пятно на народъ, причисляющій себя къ числу цивилизованныхъ? Привычка—великое дѣло, и если въ воспитаніи отдѣльнаго человѣка стремятся привить ему хорошія, честныя привычки, то тѣмъ важнѣе развить ихъ въ арміи, этомъ могучемъ факторѣ современной государственной жизни. Мы видимъ, что карательныя экспедиціи прививаютъ войску привычки недостойныя,—привычку насилія надъ безоружнымъ, привычку игнорировать законъ, ставить себя выше закона.

Ну, а если часть дѣйствующихъ лицъ карательной экспедиціи, видя истребленіе людей и имущества, совершаемое ими по приказанію непосредственнаго начальства, вспомнитъ, что и у нихъ есть дома родные,—отцы, жены, братья, и что всѣ они, вмѣстѣ съ имуществомъ своимъ, также подвергаются воздѣйствію какого-нибудь другого карательнаго отряда, не явится ли у нихъ червь сомнѣнія въ справедливости и законности ихъ дѣйствій, а, слѣдова-

тельно, и распоряженія начальства, и не станетъ ли червь этотъ глодать ихъ совѣсть? Что тогда? Вѣдь разъ подорвано довѣріе къ начальству,—начинается разложеніе арміи, деморализація. Вотъ еще одно пріобрѣтеніе отъ карательныхъ экспедицій.

Много, очень много можно было бы высказать по этому поводу, но я ограничусь еще только однимъ послѣднимъ замѣчаніемъ.

Отвлеченіе войскъ въ карательные и экзекуціонные отряды нарушило стройную систему профессіональнаго образованія. Въ настоящее время военное дѣло усложнилось въ значительной степени и необходимо систематическое обученіе для того, чтобы создать бойца, необходима настойчивая работа, чтобы получить начальника, способнаго къ планомѣрной работѣ въ мирное время и осуществленію боевыхъ задачъ—въ военное. Словомъ, разъ вооруженный миръ требуетъ содержанія вооруженной силы, арміи,—то таковая должна быть систематически обучена и именно тому, что придется дѣлать ей въ бою. Участіе въ карательныхъ экспедиціяхъ,—а какая масса войскъ занята теперь этимъ «почтеннымъ» дѣломъ, — не только не даетъ боевого опыта, не только не пріучаетъ дѣйствовать такъ, какъ придется дѣйствовать въ бою, но, напротивъ, отучаетъ отъ всего этого. Въ самомъ дѣлѣ. Кавалерія имѣетъ главной задачей на войнѣ развѣдку; ей надо отыскать врага, скрыто подойти къ нему, изучить расположеніе его и иногда завязать съ нимъ бой, для обнаруженія его силъ. Въ карательныхъ экспедиціяхъ ей просто указываютъ: «Это твой внутренній врагъ, истребляй его». И она истребляетъ безъ разбора направо и налѣво, ей не приходится очень заботиться о скрытности движеній, о развѣдкѣ,—ей не зачѣмъ развѣдывать, и она забываетъ свое главное назначеніе. Артиллерія, обязанная въ бою маскировать свое расположеніе, дабы не быть открытой артиллеріей противника, обязанная на войнѣ дѣйствовать такъ, чтобы нанести врагу пораженіе, по возможности меньше потерпѣвъ отъ него, здѣсь можетъ безнаказанно располагаться на позиціи и дѣйствовать по селеніямъ, не рискуя ничѣмъ, ибо «внутренній врагъ» не имѣетъ артиллеріи и не можетъ бороться съ артиллерійскимъ огнемъ равнымъ оружіемъ. Точно такъ же и пѣхота быстро и открыто идетъ здѣсь на тѣхъ, кого указали ей власти, почти увѣренная въ безопасности. Ей не приходится примѣняться къ мѣстности,— все равно въ неравномъ бою потери ея ничтожны. За примѣрами ходить недалеко. Пріобрѣвшій печальную извѣстность Семеновскій полкъ, какъ видно изъ напечатаннаго въ газетахъ приказа его командира, потерялъ въ Москвѣ всего лишь трехъ нижнихъ чиновъ убитыми и нѣсколько ранеными въ то время, какъ самъ истребилъ много народа. То же и въ другихъ воинскихъ частяхъ.

Опыта войны въ этихъ экспедиціяхъ не получается, а время для обученія теряется и теряется безвозвратно. Армія въ своемъ профессіональномъ обученіи только страдаетъ.

Итакъ, какой же вредъ арміи приносятъ эти карательныя экспедиціи, свидѣтелями которыхъ мы являемся вотъ уже нѣсколько лѣтъ и особенно послѣдніе мѣсяцы?

Подведемъ итоги.

Карательныя экспедиціи вносятъ полную деморализацію въ части, вслѣдствіе того, что вовлекаютъ военно-служащихъ въ политическую борьбу внутри арміи, а также и потому, что подрываютъ въ подчиненныхъ довѣріе къ законности дѣйствій ихъ начальниковъ; онѣ вселяютъ въ частяхъ, благодаря легкимъ побѣдамъ, повышенное представленіе объ ихъ боевой мощи; онѣ развиваетъ антагонизмъ между войскомъ и народомъ, дѣйствуютъ угнетающимъ образомъ на народъ, и это угнетеніе духа народа не можетъ не передаваться и войску; онѣ разрушаютъ обычаи войны и пріучаютъ смотрѣть на безоружнаго плѣнника, какъ на врага, котораго можно убивать; онѣ, наконецъ, отвлекаютъ войска отъ прямого дѣла—подготовки къ войнѣ и пріучаютъ ихъ къ тому, чего въ бою дѣлать не должно...

Если мы прибавимъ къ этому, что, благодаря обостренію политической борьбы въ нѣдрахъ арміи, оттуда уходитъ или изгоняется все смѣлое, самостоятельно мыслящее, энергическое, и арміи грозитъ печать молчалинства на самодовольно поднятомъ челѣ, то мы поймемъ, какой ужасный непоправимый вредъ наносятъ карательныя экспедиціи профессіональному образованію войска, его боевой подготовкѣ, его силѣ и стойкости.

Такимъ образомъ, оставаясь исключительно на военной точкѣ зрѣнія, мы должны сказать, что карательныя экспедиціи и участіе въ нихъ войскъ грозятъ сдѣлать нашу армію совершенно непригодной для исполненія своей единственной задачи—защиты родины и народа отъ иноземнаго ига.

Военный

II.

Историческая справка.

(Вниманію гг. казачьихъ офицеровъ).

Быть можетъ, гг. офицерамъ казачьихъ войскъ, играющихъ нынѣ такую видную роль во внутренней жизни Россіи, будетъ не безынтересно возобновить въ памяти одинъ изъ приказовъ покойнаго генерала Драгомирова, изданный еще 12 лѣтъ назадъ (въ 1894 году). Приказъ этотъ гласитъ:

«По требованію подольскаго губернатора въ іюлѣ сего года отъ казачьей дивизіи были командированы двѣ сотни донского казачьяго полка для содѣйствія гражданскимъ властямъ. По прекращеніи безпорядка, гражданское начальство нашло нужнымъ произвести «экзекуцію» надъ зачинщиками. Начальствовавшій сотнями эсаулъ не постѣснился назначить для исполненія экзекуціи команду казаковъ. Если бы упомя-

нутый начальникъ былъ хоть нѣсколько знакомъ съ «правилами о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ» и *болѣе заботился о соблюденіи собственнаго достоинства, а также о достоинствѣ и чести казачества, то, конечно, не обратилъ бы казаковъ въ команду для порки*: ему было бы извѣстно, что наше дѣло усмирять неповинующихся, а не драть усмиренныхъ. Начальнику 2-й сводной казачьей дивизіи *предлагаю арестовать эсаула на семь сутокъ съ содержаніемъ на гаупвахтѣ* *) за нарядъ команды на экзекуцію. О томъ, что незнаніе и неисполненіе требованій устава гарнизономъ службы даже въ мирное время могутъ повести къ вреднымъ для службы и непріятнымъ для исполнителя послѣдствіямъ, не разъ говорилось. Еще разъ убѣдительно рекомендую ознакомить покороче съ этимъ уставомъ» **).

Это мнѣніе не «штатскаго доктринера». Мы, штатскіе, люди, безъ сомнѣнія, имѣли бы еще много добавить къ этому приказу и, быть можетъ, въ Думѣ, когда-нибудь, будетъ изложена съ должной полнотой гражданская точка зрѣнія, т. е. точка зрѣнія людей, которые своимъ трудомъ содержатъ армію, — на обязанности арміи въ мирное время... Но мы считаемъ не безполезнымъ напомнить этотъ приказъ стараго генерала, являющагося авторитетомъ въ военной средѣ... Интересно: что измѣнилось съ тѣхъ поръ и почему гг. казачьи офицеры такъ легко поступаются теперь «собственнымъ достоинствомъ, а также достоинствомъ и честью казачества», принимая участіе въ экзекуціяхъ, какъ это дѣлалось, напримѣръ, по приказамъ Луженовскаго, Филонова и многихъ, многихъ другихъ представителей «гражданской власти»... Неужели это только потому, что теперь награждаютъ за то самое, за что старый генералъ Драгомировъ сажалъ на гауптвахту и публично срамилъ въ приказахъ?

W.

III.

Заботы добраго пастыря о грѣшной паствѣ.

Томскій епископъ Макарій проявляетъ трогательную заботу о душевномъ спасеніи своей паствы.

Томскій епископъ Макарій извѣстенъ далеко за предѣлами своей епархіи. Всюду, куда проникаетъ газета,—достигли въ свое время отголоски октябрьскаго томскаго погрома и отблески томскаго зарева, а въ связи съ ними звучало и имя томскаго епископа. Въ день, когда толпа хулигановъ, подъ руководствомъ сыщиковъ, обливала керосиномъ и зажигала входы зданія, гдѣ задыхались и горѣли люди, а толпа народа стояла тутъ же въ нѣмомъ

---

*) Курсивы наши.

**) Приказъ обошелъ въ то время всѣ газеты. Мы имѣемъ его въ цитатѣ газ. „Волгарь“, 20 дек., 1894 года, № 305.

ужасѣ и недоумѣніи, — епископъ Макарій, въ нѣсколькихъ саженяхъ, совершалъ богослуженіе... Къ епископу Макарію, въ стѣны храма съ площади прибѣгали смятенные и плачущіе люди, умоляя его выйти къ толпѣ съ крестомъ и словомъ евангелія, чтобы спасти «овецъ его паствы», однѣхъ—отъ страшной гибели, другихъ—отъ еще болѣе страшнаго преступленія. Но епископъ Макарій не внялъ ни этимъ мольбамъ, ни треску пожара, ни крикамъ ярости и ужаса, доносившимся съ улицы. «Яко твердый адамантъ», онъ пребылъ спокоенъ и продолжалъ съ умиленнымъ духомъ молиться, возглашать и воздѣвать горѣ пастырскія руки. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ газетныхъ извѣстіяхъ сообщалось, будто епископъ Макарій единожды всетаки изыде изъ храма и, ставъ на паперти, благословилъ... неизвѣстно кого: умиравшихъ въ огнѣ «козлищъ» или «добрыхъ овечекъ», убивавшихъ и кидавшихъ въ огонь тѣхъ, кто спасался изъ пламени. И затѣмъ паки ушелъ священнодѣйствовать во храмѣ. Предоставляемъ будущимъ историкамъ современной россійской церкви провѣрить сіе «преданіе», а пока считаемъ вѣроятнымъ, что, «твердый въ обрядѣхъ», епископъ просто не прервалъ для сихъ неважныхъ происшествій важнаго священнодѣйствованія, и продолжалъ умиленно возглашать во храмѣ подъ вопли благочестивыхъ убійцъ и стоны избиваемыхъ «грѣшниковъ»... Не достаточно-ли и сей пастырской твердости для внесенія имени еп. Макарія на страницы церковной исторіи?

Теперь епископъ Макарій вноситъ свое имя на скрижали церковной литературы. Просмотрѣвъ «исповѣдныя росписи», томскій владыка съ сокрушеніемъ сердечнымъ усмотрѣлъ, что (въ первый же великій постъ послѣ томскихъ октябрьскихъ событій?) многіе изъ его пасомыхъ не были у исповѣди и причастія, отчего исповѣдныя росписи имѣютъ видъ воистину плачевный. Чтобы не дать столь многимъ душамъ злѣ погибнуть въ своемъ закоснѣніи, епископъ Макарій рѣшилъ принять благопотребныя мѣры. Но, — олѣ времена антихристовы!—какія благопотребныя мѣры остались нынѣ у пастырей казенной церкви, кромѣ обращенія къ свѣтской власти. И вотъ, епископъ Макарій пишетъ нижеслѣдующее посланіе къ «господину начальнику желѣзной дороги».

«Ваше превосходительство, милостивый государь. Усматривая изъ исповѣдныхъ росписей, что не говѣвшихъ и не исполнившихъ долга исповѣди и св. причащенія нынѣ (послѣ октябрьскихъ событій?) особенно много среди чиновныхъ лицъ и служащихъ въ разныхъ учрежденіяхъ, и озабочиваясь исполненіемъ своего пастырскаго долга въ отношеніи къ такимъ членамъ томской православной общины, обращаюсь къ вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшей просьбой оказать мнѣ ваше содѣйствіе приглашеніемъ состоящихъ въ вашемъ вѣдѣніи лицъ къ исполненію христіанскаго долга исповѣди и св. причащенія въ дни текущей четыредесятницы, и распространеніемъ среди нихъ прилагаемыхъ листковъ

«Поговѣйте!» Призывая на васъ благословеніе Божіе, остаюсь вашъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою, Макарій, епископъ томскій».

Мы не знаемъ, конечно, какія мѣры, съ своей стороны, счелъ нужнымъ принять начальникъ дороги, чтобы, слѣдуя пастырскому призыву,—зажечь въ сердцахъ своихъ служащихъ яркое пламя религіознаго усердія. Прежде въ распоряженіи власти были для сего кнуты, плети, колодки, кандалы, заточеніе даже, въ экстренныхъ случаяхъ срубы, отчего благочестіе сіяло паче звѣздъ, и церковь процвѣтала яко кринъ. Въ наши злопагубныя времена, какъ извѣстно, все сіе упразднено и даже, среди другихъ призрачныхъ свободъ, въ гибельномъ истекшемъ году какъ будто провозглашена, между прочимъ, также и свобода совѣсти. Многіе уповаютъ, однако, что и за всѣми сими суетными новшествами, иного благочестиваго начальника можно еще подвигнуть на служеніе церкви: въ его распоряженіи есть, напримѣръ, увольненіе со службы, лишеніе казенной квартиры, денежные штрафы и внушенія... Опытный серцевѣдъ, изучившій грѣшную человѣческую природу, знаетъ, какое благодатное дѣйствіе можетъ произвести въ душѣ иного семейнаго грѣшника хотя бы простая угроза—выкинуть всю семью изъ казенной квартиры наканунѣ свѣтлаго праздника. Очевидно, при нѣкоторой благожелательной ревности начальствующаго,—вѣроисповѣдные списки могли бы значительно наполниться и принять видъ почти прежняго отчетно-бумажнаго благополучія... Что и есть на потребу всякой консисторіи для надлежащаго годичнаго синодскаго отчета...

Какъ уже сказано выше, — намъ неизвѣстно, какое дѣйствіе произвело это пастырское посланіе и подвигнулся ли его превосходительство начальникъ дороги подвигомъ добрымъ на миссіонерскую дѣятельность среди своихъ служащихъ. Насъ только смущаетъ невольное сомнѣніе: не объясняется ли отчасти столь рѣзкое и «особенное» уменьшеніе говѣльщиковъ и исповѣдниковъ въ томской іерархіи той истинно-адамантовой твердостью, какую томскій епископъ проявилъ въ достопамятные октябрьскіе дни? Въ самомъ дѣлѣ,—быть можетъ, одни изъ говѣльщиковъ не явились «за умертвіемъ», будучи убиты менѣе, чѣмъ во единомъ поприщѣ отъ мѣста пастырскаго священнослуженія. Другіе, пожалуй, сидятъ въ тюрьмахъ или скрылись, какъ завѣдомые участники убійствъ. Третьи—оплакиваютъ убитыхъ родичей, четвертые—собственное заблужденіе, и всѣ вмѣстѣ — смущаются тѣмъ равнодушіемъ, какое проявили пастыри, во главѣ съ владыкой Макаріемъ, въ темные дни, когда именно нужно было явить христіанское участіе къ грѣшной жизни, когда, быть можетъ, нѣсколько евангельскихъ словъ могли образумить, прояснить души, вернуть имъ сознаніе любви и правды. Тогда это слово не было сказано... Церковь замкнулась въ своихъ холодныхъ стѣнахъ, оглашаемыхъ только обрядомъ, и теперь, кто

знаетъ,—сколько недавнихъ еще смиренныхъ и простодушныхъ говѣльщиковъ вспоминаютъ евангельское слово: «пастырь добрый душу полагаетъ за овцы» и говорятъ себѣ: гдѣ же были наши пастыри въ дни смятенія и ужаса? Яко облацы безводни, вѣтрогонимые,—такъ они, гонимые лишь вѣтромъ начальственныхъ предписаній, напояютъ насъ сухими обрядами, и не отъ нихъ ждать намъ росы евангельской любви и добрыхъ примѣровъ самоотреченія и братской любви...

Во всякомъ случаѣ, въ этомъ предположеніи есть много вѣроятія. А если такъ, то... поможетъ ли въ семъ затруднительномъ случаѣ его преосвященству, начальнику томской епархіи, его превосходительство начальникъ желѣзной дороги?..

В. К.

IV.

Два памятника

(*Къ исторіи уходящаго режима*).

Всякому, кто пріѣзжаетъ въ Петербургъ и уѣзжаетъ изъ Петербурга по Николаевской желѣзной дорогѣ, кидается въ глаза, на Николаевской площади, противъ вокзала, большое загороженное пространство. Лѣтъ уже, если не ошибаемся, около восьми,—значительная часть площади отнята у публики, уличное движеніе стѣснено, подъѣздъ и подходъ къ вокзалу затрудненъ... На естественно возникающій у всякаго пріѣзжаго вопросъ: въ чемъ тутъ дѣло,—свѣдущій петербуржецъ отвѣчаетъ, что дѣло—въ памятникѣ императору Александру III, который долженъ стоять здѣсь противъ вокзала. Идея памятника состоитъ въ томъ, что у Николаевскаго вокзала предполагается «начало великаго сибирскаго пути»... Завязавшись здѣсь, въ нѣдрахъ Петербурга,—«великій путь» потянулся на востокъ, черезъ Бѣлокаменную (снабжавшую нашихъ полководцевъ цѣлыми вагонами иконъ и хоругвей), потомъ на Сызрань, Самару, Челябинскъ. Потомъ Байкалъ, Забайкалье, Амуръ, потомъ Харбинъ и Владивостокъ. Во Владивостокѣ, кажется, предполагается тоже поставить памятникъ Александру III. Такимъ образомъ, стояло бы по памятнику у конца и начала «великаго пути», съ непредвидѣннымъ первоначально заѣздомъ на югъ, къ Мукдену, Ляояну, Портъ-Артуру... А оттуда рукой подать и до... Цусимы. На южной вѣткѣ, кажется, памятники еще не проектироавлись.

Итакъ,—идея и «величава», и понятна. Непонятно было только, почему площадь остается загороженной такъ долго, цѣлые годы. Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь поставили первое звено неуклюжей загородки и на ней приляпали первое объявленіе,—«великій путь» пережилъ много превратностей: онъ былъ построенъ, потомъ въ значительной части разрушенъ китайцами и хунхузами (съ непонятной яростью кидавшимися на желѣзнодорожную отчетность), потомъ

опять возстановленъ; онъ доставлялъ на Дальній Востокъ войска пушки, интендантскіе припасы, адмирала Алексѣева, генерала Куропаткина, хоругви, иконы, цѣлые вагоны иконъ и хоругвей... Потомъ «великій путь» доставилъ обратно въ Россію намѣстника Алексѣева, со штабомъ, водворившихся на Б. Морской; потомъ поѣхали другіе генералы и адмиралы, въ томъ числѣ и самъ генералъ Куропаткинъ (безъ иконъ и хоругвей) и затѣмъ—все время съ начала и до конца везли по «великому пути» раненыхъ, раненыхъ, раненыхъ—безъ конца... А на Николаевской площади въ Петербургѣ стояла все та же невзрачная городьба, залѣпленная цѣлыми наслоеніями афишъ, объявленій и вывѣсокъ... Памятника императору Александру III какъ не бывало.

Теперь эта загадка получаетъ нѣкоторое разъясненіе. Многимъ (особенно любителямъ «новаго искусства») памятно появленіе на нашемъ художественномъ горизонтѣ скульптора князя Павла или (какъ его называли чаще) Паоло Трубецкаго. Скульпторъ онъ, кажется, изрядный, хотя и ничѣмъ особеннымъ незамѣчательный. Но, во-первыхъ, онъ былъ русскій, ни слова не говорившій по-русски и совсѣмъ не знавшій Россіи. Во-вторыхъ, онъ былъ круглый невѣжда какъ въ литературѣ, такъ и въ теоріи и исторіи искусства, въ чемъ и признавался откровенно; въ-третьихъ,—вылѣпивъ фигуру, онъ ее не отдѣлывалъ, а нарочито оставлялъ всю въ шлепкахъ, такъ что и въ бронзѣ чувствовалась... неотдѣланная глина («Знатоки» говорили, что это «чувствуется жизнь»). Это уже было явно «новое искусство», а въ «новомъ искусствѣ» столь оригинальная фигура, какъ русскій, не знающій по-русски, и художникъ, не имѣющій понятія о теоріи искусства,—есть непремѣнно геній. Такимъ образомъ, и Паоло Трубецкой попалъ въ геніи. Кому же было отдать осуществленіе скульптурной идеи «великаго пути», какъ не новоявленному генію скульптуры?.. И Паоло Трубецкому, князю и диллетанту, отдано было устройство памятника Александру III-му, безъ всякихъ дальнихъ разсужденій, а просто по вдохновенію и приказу, «внѣ конкурса». Паоло Трубецкой тотчасъ же и загородилъ Николаевскую площадь, какъ арену для своего свободнаго творчества, не связаннаго никакими познаніями... Впрочемъ,—и идея «великаго пути» развѣ не была плодомъ диллетантской политики, столь же мало связанной глубокимъ изученіемъ вопроса?

Таково начало устройства памятника одновременно Александру III-му и «великой идеѣ движенія Россіи на востокъ». Судьба идеи завершила свой циклъ Портъ-Артуромъ, Ляояномъ и Цусимой... О судьбѣ памятника г. Б. Б—ій сообщаетъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» слѣдующія небезъинтересныя свѣдѣнія:

«Знаменитый скульпторъ, Паоло Трубецкой (пишетъ онъ) исчезъ изъ Петербурга. Исчезъ (повидимому) навсегда, бросивъ на произволъ судьбы и свою мастерскую на Невскомъ,

и—самое главное—памятникъ Александру III. Этотъ не оконченный памятникъ—онъ никогда и не будетъ оконченъ—обошелся Россіи по самому скромному подсчету въ полъ-милліона. Трубецкой—самый дорогой скульпторъ въ мірѣ, дороже Микель-Анжело, дороже Роджэна.

«Эта некрасивая исторія—мы имѣемъ полное нравственное право назвать ее некрасивой—одна изъ иллюстрацій стараго режима съ его беззастѣнчивыми протекціями и удержу не знающимъ кумовствомъ. По милости своихъ связей, Трубецкой получилъ заказъ на царскій памятникъ внѣ конкурса. Единственный случай и подѣломъ завершившійся скандаломъ. Скандалъ потому, что послѣ восьми лѣтъ, въ теченіе которыхъ Трубецкой водилъ всѣхъ за носъ и потратилъ болѣе пятисотъ тысячъ народныхъ денегъ, рѣшили, наконецъ, вернуться къ конкурсу и отдать памятникъ другому скульптору.

«А Трубецкой... врядъ ли вернется. Что ему дѣлать въ Россіи, этому полуамериканцу, полуитальянцу, съ русской княжеской фамиліей и не умѣющему говорить по-русски?»

Итакъ, вотъ исторія этого памятника или, вѣрнѣе, этого огороженнаго мѣста на Николаевской площади, и вотъ что говорятъ они уму и сердцу обывателя. Тамъ, гдѣ озадаченная публика предполагала нѣкое чудо геніальнаго замысла и скульптуры, «величавое изображеніе великой идеи» (какъ обѣщали услужливыя патріотическія газеты)—оказалось лишь пустое мѣсто, и воспоминаніе о напрасно растраченныхъ народныхъ деньгахъ... Но смѣтливая толпа, не считающаяся съ тонкостями терминологіи, говоритъ прямо, что памятникъ Александру III-му украденъ, какъ былъ обкрадываемъ великій сибирскій путь, а также арміи и флоты, двинутыя во имя «великой восточной идеи»... Но, конечно, это слишкомъ грубо. Паоло Трубецкой вѣроятнѣе всего—не прямой хищникъ, а только самоувѣренный диллетантъ и невѣжда, получившій ходъ, благодаря кумовству и связямъ, съ устраненіемъ всякихъ совѣщаній, всякаго контроля и разумной, знающей критики. Его хватило на то, чтобы, съ развязностью генія «новаго искусства», вылѣпить со шлепками и мазками конную фигурку, которая была-бы хороша на салонномъ каминѣ декадента-мецената. Но для созданія памятника—этого не достаточно. А тутъ еще, вѣроятно, пришлось угождать перемѣнчивымъ вкусамъ случайныхъ цѣнителей, отчего въ общемъ получилась такая кутерьма, изъ которой единственный выходъ—признать деньги растраченными и удрать за границу, по слѣдамъ геніальныхъ политиковъ: «статсъ-секретаря» Безобразова и адмирала Алексѣева... Такимъ образомъ, исполнитель памятника послѣдовалъ за исполнителями самой «идеи»,—совпаденіе, не лишенное значительной доли символизма. Здѣсь Трубецкой, «случайный» геній скульптуры, тамъ Безобразовъ—«случайный» политическій геній. И здѣсь, и тамъ—одно и то же диллетантство.

одни и тѣ же успѣхи фаворитизма «внѣ конкурсовъ» и обсужденій, по впечатлѣнію минуты, по шепоту придворной интриги, по вдохновенію слѣпого случая... Здѣсь пропали только деньги... А тамъ, на поляхъ Манчжуріи, Россія расплачивалась и деньгами, и кровью...

«Эта некрасивая исторія,—говоритъ г. Б—ій,—одна изъ иллюстрацій стараго режима, съ его беззастѣнчивыми протекціями и удержу не знающимъ кумовствомъ». Эта, конечно, справедливо, но г. Б. Б — ій сильно ошибается, утверждая, далѣе, что полученіе Паоло Трубецкимъ заказа «внѣ конкурса» есть «единственный случай, по дѣломъ завершившійся скандаломъ». «Внѣ конкурса» — это основной лозунгъ самодержавнаго режима. На Западѣ, чтобы стать министромъ, необходимо выдержать очень трудный конкурсъ ума, знанія, добросовѣстнаго труда и таланта. У насъ, при самодержавіи,—достаточно свѣтскаго лоска, покладистости и «случайныхъ протекцій». Эта основная черта проникаетъ весь строй и въ послѣднее время завершила свой циклъ въ такой полнотѣ, что ею теперь пропитана вся бюрократическая и военная Россія сверху и донизу... Объявленіе войны и постройка памятника, постройка крѣпости и сооруженіе крейсера,—одинаково зависятъ отъ людей, получившихъ вліяніе «внѣ конкурса», по протекціи, по сплетенію «интригъ», а иногда даже по указанію чуда...

Во всякомъ случаѣ, извѣстна исторія еще одного памятника, гдѣ это «внѣ конкурса», повидимому, сыграло тоже рѣшающую роль. Мы говоримъ о памятникѣ другому самодержцу, Александру II...

Какъ извѣстно, на мѣстѣ трагической катастрофы 1 марта 1881 г. тогда же, т. е. 25 лѣтъ назадъ, рѣшено было построить грандіозный памятникъ - храмъ, который, какъ говорятъ, долженъ былъ выражать идею «тихаго ужаса» и «покаянія». На сооруженіе этого памятника была объявлена всенародная подписка. Имя Александра II, какъ извѣстно, очень популярно въ широкихъ слояхъ народа, не забывшаго, что именно при немъ совершился великій актъ освобожденія крѣпостныхъ. Всѣ проявленія послѣдовавшей за освобожденіемъ реакціи народъ приписывалъ не волѣ царя, а лишь «господамъ», которые тормазятъ благія освободительныя стремленія государя, и самую смерть его украсилъ легендой: «Царя-освободителя», по его мнѣнію, убили будто бы крѣпостники, «враги освобожденія». Пожертвованія на памятникъ стекались изобильно; вскорѣ стало извѣстно, что собранъ милліонъ рублей, и можно приступить къ постройкѣ. Все дѣло было поручено особому комитету при академіи художествъ, подъ предсѣдательствомъ вел. кн. Владиміра Александровича...

Только это и было затѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ извѣстно публикѣ. Въ Западной Европѣ, да и во всѣхъ цивилизованныхъ и культурныхъ странахъ уже одно то обстоятельство, что памятникъ строится на деньги, собираемыя по всенародной подпискѣ,—счита-

лось бы достаточнымъ, чтобы дѣйствія комитета стали достояніемъ гласности. Всѣ жертвователи имѣли бы право знать, что дѣлается на ихъ пожертвованія, каковы гарантіи, что памятникъ будетъ соотвѣтствовать идеѣ и что исполненіе попадетъ въ надлежащія умѣлыя и честныя руки... Въ Западной Европѣ всѣ проекты, представляемые на конкурсъ, стали бы достояніемъ общества, обсуждались бы всесторонне и художниками, и критиками, а день приговора конкурснаго жюри былъ бы днемъ величайшаго интереса къ художественному начинанію, разъ оно было бы дѣйствительно общественнымъ... Не говоря уже, конечно, о полной денежной отчетности.

У насъ, какъ извѣстно, не «Западная Европа», и потому дѣло памятника Александру II пошло тѣмъ же путемъ полной безъотчетности фаворитизма, связей и протекцій. Комитетъ сразу же облекъ все дѣло покровомъ строжайшей канцелярской тайны, и до публики доходили одни смутные слухи. И деньгами, и всѣмъ дѣломъ фактически, какъ говорили, распоряжался конференцъ - секретарь Исѣевъ; рядомъ съ нимъ называли еще художника Клевера, извѣстнаго творца зимнихъ закатовъ съ красными отблесками на льду... Денежная отчетность столь авторитетной коммиссіи, конечно, не была доступна даже обычному бюрократическому контролю, а покоилась вся на «довѣріи». Что касается стороны художественно-технической, то сначала говорили о предстоящемъ конкурсѣ, но вскорѣ эти толки смолкли. Стало извѣстно, что принятъ проектъ, представленный архитекторомъ Парландомъ.

О возникновеніи проекта ходитъ легенда, которую теперь воспроизводятъ газеты *). Разсказываютъ, что въ свое время конкурсъ былъ всетаки объявленъ, и среди проектовъ, представленныхъ въ академію, были нѣкоторые очень хорошіе; коммиссія уже склонялась къ опредѣленному выбору, но... тутъ въ дѣло сооруженія памятника вмѣшалось «чудо»...

«Въ коммиссію явился тогда еще совсѣмъ молодой архитекторъ г. Парландъ съ новымъ проектомъ, происхожденіе котораго совершенно необычайно для конца просвѣщеннаго XIX вѣка. Одному изъ «святыхъ отцовъ» Сергіевой пустыни было въ нощи видѣніе: нѣкій угодникъ показалъ ему во всѣхъ подробностяхъ тотъ самый храмъ, который надлежитъ соорудить на каналѣ. Взволнованный инокъ призвалъ г. Парланда (сей младой зодчій, вѣроятно, приведенъ въ Сергіеву пустынь тоже по чудесному указанію?) и поручилъ ему начертать на картинѣ чудодѣйственно - явленный храмъ во всей неприкосновенности сновидѣнія“...

Таково по легендѣ происхожденіе проекта. Нечего и говорить,— что при томъ богоугодно - елейномъ настроеніи, которымъ много лѣтъ проникнуты наши высшія сферы,—проектъ сновидца-монаха,

---

*) „Двадцатый вѣкъ“, 22 марта, № 18.

въ воплощеніи младого счастливца зодчаго, прошелъ внѣ конкурса... Ибо—кто же посмѣетъ утверждать, что искусство зодчихъ-человѣковъ можетъ соперничать съ небесною архитектурой? Это было бы явное кощунство...

Авторъ цитируемой нами статьи имѣлъ случай обозрѣть (все еще не законченный) храмъ и послѣ этого обозрѣнія пришелъ къ выводу, что «легенда» о проектѣ похожа на правду. «Не можетъ,—говоритъ онъ,—хоть сколько-нибудь образованный художникъ дойти собственнымъ умомъ до такого искаженія всяческой красоты! Да, это сонъ, сонъ какого-нибудь монаха, совершенно невѣжественнаго во всѣхъ художественныхъ смыслахъ. Были въ старину иноки, мало образованные и дѣтски наивные, и по ихъ сновидѣніямъ тоже воздвигались храмы. Но бездарный инокъ нашего времени далеко не наивенъ. Онъ, конечно, получилъ образованіе въ семинаріи и нѣкогда, студентомъ, можетъ быть, посѣщалъ даже выставки. Но главное ядро его образованія, несомнѣнно, получено изъ хромо-литографскихъ, синодскихъ и иныхъ китай-городскихъ изданій, занимающихъ среднее мѣсто между стариннымъ лубкомъ и академической казенщиной 60-хъ годовъ. Сей инокъ, кромѣ того, навѣрное, читалъ за чаемъ газеты, умѣлъ политично бесѣдовать съ Побѣдоносцевымъ и зналъ, что именно можетъ понравиться коммиссіи генераловъ и чиновниковъ, съ владыкою во главѣ... Вообразите затѣмъ, какое видѣніе въ нощи могло явиться подобному иноку, и вы будете имѣть точное понятіе о... созданіи г. Парланда»...

Мы не послѣдуемъ за авторомъ въ его описаніи архитектурныхъ «особенностей» храма на Мойкѣ, такъ какъ художественный приговоръ надъ этимъ созданіемъ генераловъ, владыкъ и иноковъ-сновидцевъ—дѣло близкаго будущаго, когда храмъ, наконецъ, будетъ открытъ для общаго обозрѣнія. Но мы не можемъ пройти мимо другой стороны сего патріотическаго дѣланія. «Достойная удивленія медленность строющихъ (двадцать пять лѣтъ!)... не могла, — по словамъ автора,—не заинтересовать общественнаго вниманія, которое по нынѣшнимъ временамъ, какъ извѣстно, не лишено нѣкоторой доли озлобленности. Вполнѣ естественно и законно, что пытливый человѣческій умъ, по независящимъ обстоятельствамъ лишенный документальныхъ данныхъ для разгадки слишкомъ ужъ загадочнаго явленія, невольно прибѣгаетъ къ гипотезамъ»...

Этими осторожными оборотами рѣчи авторъ подходитъ къ обстоятельству, которое давно уже составляетъ «секретъ полишинеля» не только для заграничной прессы, но также и для образованнаго русскаго общества... Самой, быть можетъ, характерной особенностью того елейно-богоугоднаго и мистическаго настроенія, которое съ такимъ успѣхомъ насаждалось и поддерживалось гг. Побѣдоносцевыми, генералами Богдановичами, кронштадтскими чудотворцами и другими особами свѣтскаго и духовнаго званія, — является не только

легкость, съ какой совершаются воочію чудеса, но и удобство, съ какимъ при семъ случаѣ производятся ловкія хищенія... Нужна ли сухая и грубая отчетность въ дѣлѣ, на коемъ явно почіетъ печать чудеснаго? И вотъ, пока простодушно умиленныя очи толпы обращаются въ сторону чуда,—чьи-нибудь проворныя руки непремѣнно тянутся уже къ чужимъ (чаще всего общественнымъ) кошелькамъ и карманамъ. А если кто въ это время попробуетъ закричать караулъ, то онъ рискуетъ подпасть подъ обвиненіе въ невѣріи и кощунствѣ...

Такъ именно происходило и въ данномъ случаѣ. Въ публикѣ, удивленной необычайной медленностью постройки храма, сначала неувѣренно и робко, потомъ все настойчивѣе передовались слухи о томъ, что въ благодатно-таинственной мглѣ, гдѣ орудовали коммиссія изъ генераловъ и владыкъ, конференцъ-секретари и подрядчики, дѣйствительные статскіе совѣтники и архитекторы, отмѣченные перстомъ провидѣнія,—совершилось чудо, оставляющее далеко позади всѣ чудеса сновидѣній: всенародно собранный капиталъ исчезъ, и строить дальше не на что... И никакому кронштадтскому прозорливцу, нижѐ иноку-сновидцу, ни одинъ старецъ не повѣдалъ въ «тонцѣмъ снѣ» эту изумительную классовую тайну, пока она не обнаружилась самымъ натуральнымъ и прозаическимъ образомъ: накопилась груда неоплаченныхъ счетовъ, платить за работы и матеріалы стало нечѣмъ, кредитъ изсякъ, постройка остановилась... И долго послѣ этого,—цѣлые мѣсяцы и годы, недостроенный храмъ на Мойкѣ, обставленный ветшающими лѣсами, стоялъ безмолвнымъ, но краснорѣчивымъ свидѣтелемъ таинственной и дерзкой хищнической драмы...

Надъ нею и теперь еще виситъ та же таинственная мгла. Въ печати появлялись отъ времени до времени отрывочные слухи. Затѣмъ, газеты сообщили, что—«согласно предложенію дворцоваго вѣдомства, состоялось опредѣленіе судебной палаты о преданіи суду, съ участіемъ сословныхъ представителей, за растрату, подлоги и другія преступленія по должности слѣдующихъ лицъ: бывшаго конференцъ-секретаря императорской академіи художествъ, дѣйствит. статскаго совѣтника Петра Ѳедоровича Исѣева, прослужившаго при академіи 24 года, старшаго дѣлопроизводителя той же академіи Зимина, а также извѣстнаго профессора живописи Ю. Клевера. Все дѣло составляетъ 25 томовъ (!). Свидѣтелей вызывается 159 человѣкъ и два эксперта. Г-на Исѣева будутъ защищать два присяжныхъ повѣренныхъ: В. М. Бобрищевъ-Пушкинъ и М. Ф. Волкенштейнъ».

Если не ошибаемся, это единственное газетное извѣстіе хоть съ нѣкоторой подробностью коснувшееся таинственнаго дѣла, которое затѣмъ опять погрузилось въ пучину обычной россійской безгласности. Мелькнули сообщенія о томъ, что Исѣевъ осужденъ къ ссылкѣ въ Сибирь. Потомъ послѣ продолжительнаго промежутка,

стало извѣстно, что Клеверъ оправданъ... За что осужденъ Исѣевъ и что послужило къ его обвиненію, почему оправданъ Клеверъ и что онъ представилъ въ свое оправданіе, всѣ ли виновные предстали передъ судомъ, или Исѣевъ унесъ въ сибирскія пустыни, какъ козелъ отпущенія, грѣхи еще какихъ-нибудь другихъ членовъ коммиссіи,—все это для общества осталось по прежнему таинственной загадкой. А черезъ нѣкоторое время работы опять двинулись, явились новыя воззванія о пожертвованіяхъ, сняты лѣса, и изъ подъ нихъ показались странно-пестрые куполы...

27-го апрѣля 1906 года, т. е. двадцать пять лѣтъ спустя послѣ трагической кончины императора Александра II-го, въ Петербургъ должны съѣхаться выборные съ разныхъ концовъ русской земли. Тѣхъ, которые пріѣдутъ по Николаевской желѣзной дорогѣ, на первыхъ-же шагахъ встрѣтитъ загороженный пустырь... Это недоконченный и расхищенный памятникъ «великой восточной идеи», уже ликвидированной кровью и страданіями русскаго народа... А когда они станутъ знакомится съ другими достопримѣчательностями столицы, то, конечно, увидятъ на Мойкѣ другой знаменитый памятникъ. Онъ тоже былъ разъ расхищенъ и тоже не доконченъ къ тому времени, когда должна быть ликвидирована сама неограниченная монархія...

И когда, наконецъ, онъ будетъ вполнѣ законченъ, то, въ связи съ странной исторіей своей постройки,—онъ станетъ для будущихъ поколѣній многознаменательнымъ и трагическимъ символомъ уходящаго режима. Говорятъ, будто у императора Николая I, приведеннаго въ отчаяніе картиной повальной безнравственности и воровства, которая раскрылась во время севастопольской кампаніи, вырвались передъ смертью горькія слова: «Этого не сдѣлали бы со мною Бестужевъ и Пестель»!.. То же, съ еще большимъ правомъ могъ бы сказать императоръ Александръ II-й, погибшій трагической жертвой, въ попыткѣ остановить движеніе великой страны, отчасти имъ же призванной къ свободѣ. Онъ погибъ въ борьбѣ съ врагами самодержавія... Но его приверженцы, облеченные особеннымъ довѣріемъ, попытались обокрасть даже его скорбную память...

К.

Наброски современности.

I.

Государственная Дума и связанныя съ нею ожиданія.

I.

Близится срокъ созыва Государственной Думы и въ тотъ моментъ, когда настоящая статья дойдетъ до читателя, открытіе засѣданій Думы будетъ, вѣроятно, уже совершившимся фактомъ. И какъ теперь, такъ и тогда общественное вниманіе, по всей вѣроятности, будетъ въ значительной степени поглощено вопросомъ о томъ, что сдѣлаетъ Государственная Дума, какую роль сыграетъ она въ русскомъ освободительномъ движеніи, послужитъ ли она новымъ и могучимъ толчкомъ для этого движенія или же явится въ немъ несвоевременно пущеннымъ въ ходъ тормазомъ.

Дать немедленно исчерпывающій отвѣтъ на этотъ вопросъ, точно и полно учесть теперь же всѣ могущія встрѣтиться комбинаціи, всѣ возможныя случайности, конечно, не легко. Но нѣкоторыя данныя для рѣшенія поставленнаго вопроса во всякомъ случаѣ имѣются на лицо и на нихъ необходимо остановиться всякому, кто хочетъ строго опредѣлить свое мѣсто въ потокѣ быстро бѣгущихъ событій.

Раньше, чѣмъ пытаться такъ или иначе разрѣшить вопросъ, что будетъ дѣлать Дума, надо, понятно, припомнить, что можетъ дѣлать она, оставаясь въ рамкахъ, созданныхъ для нея правительствомъ. Иначе говоря, надо припомнить дѣйствительный характеръ той русской «конституціи», которая была начата манифестомъ 17 октября и продолжена послѣдующими законодательными актами нынѣшняго правительства, вплоть до законовъ 20 февраля и 8 марта.

Манифестъ 17 октября, вырванный у правительства грозной всероссійской забастовкой, обѣщалъ русскимъ гражданамъ «дѣйствительную неприкосновенность личности», свободу слова, собраній и союзовъ и расширеніе избирательнаго права. Но извѣстно, какъ были выполнены эти обѣщанія. «Дѣйствительная неприкосновенность личности» нашла себѣ выраженіе въ звѣрскихъ погромахъ, организованныхъ властями противъ евреевъ и противъ интеллигенціи, въ безумно-свирѣпыхъ карательныхъ экспедиціяхъ, въ одиночныхъ и массовыхъ разстрѣлахъ, въ переполненіи тюремъ десятками тысячъ заключенныхъ. Свобода слова была сведена къ безпощадному гоненію на всякое свободно сказанное слово, свобода

собраній—къ уничтоженію почти всякой возможности политическихъ собраній. Сколько-нибудь серьезное расширеніе избирательнаго права было создано закономъ 11 декабря только въ городахъ, гдѣ въ число избирателей была включена вся группа квартиронанимателей. Рабочее представительство по этому закону получило чисто фиктивный характеръ, крестьянское—осталось въ томъ же уродливомъ видѣ, какой оно имѣло по закону 6 августа. Многостепенность выборовъ, возростающая вмѣстѣ съ численностью избирателей, раздѣленіе избирателей на отдѣльныя куріи и стойла,—всѣ эти характерныя черты избирательной системы, установленной для Государственной Думы закономъ 6 августа, были сохранены и въ законѣ 11 декабря.

То же самое повторилось и въ области правъ Думы. Манифестъ 17 октября торжественно обѣщалъ «установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій властей». Но даже и эти два обѣщанія, сами по себѣ далеко еще недостаточныя для установленія парламентскаго правленія, послѣдующими законодательными актами правительства были сведены на нѣтъ.

Закономъ 20 февраля наряду съ Государственной Думой поставленъ, въ качествѣ верхней палаты, Государственный Совѣтъ, составляемый наполовину изъ членовъ по назначенію отъ короны, наполовину изъ выборныхъ отъ помѣстныхъ дворянъ, крупныхъ землевладѣльцевъ, крупныхъ промышленниковъ, высшаго духовенства, университетовъ и академіи наукъ. Права этого сословно-бюрократическаго учрежденія вполнѣ приравнены къ правамъ Думы, и манифестъ 20 февраля, оставляя дѣло утвержденія законовъ всецѣло въ волѣ монарха, вмѣстѣ съ тѣмъ постановляетъ «общимъ правиломъ, что, со времени созыва Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, законъ не можетъ воспріять силы безъ одобренія Совѣта и Думы». Но, памятуя изреченіе, согласно которому нѣтъ правила безъ исключеній, правительство и это постановленное имъ «общее правило» обставило такими исключеніями, которыя даютъ полную возможность обойтись безъ правила. «Во время прекращенія занятій Государственной Думы,—говорится въ томъ же манифестѣ 20 февраля—если чрезвычайныя обстоятельства вызовутъ необходимость въ такой мѣрѣ, которая требуетъ обсужденія въ порядкѣ законодательномъ, совѣтъ министровъ представляетъ о ней Намъ непосредственно. Мѣра эта не можетъ, однако, вносить измѣненій ни въ основные государственные законы, ни въ учрежденія Государственнаго Совѣта или Государственной Думы, ни въ постановленія о выборахъ въ Совѣтъ или Думу. Дѣйствіе такой мѣры прекращается, если подлежащимъ министромъ или главноуправляющимъ отдѣльною частью не будетъ внесенъ въ Государственную Думу въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ

послѣ возобновленія занятій Думы соотвѣтствующій принятой мѣрѣ законопроектъ или его не примутъ Государственная Дума или Государственный Совѣтъ». При этомъ созывъ Думы, ея досрочное распущеніе, продолжительность ежегодныхъ занятій и сроки ихъ перерыва опредѣляются указами монарха. Стало быть, если правительство захочетъ издать такой законъ, который завѣдомо не былъ бы принятъ Думой, то сдѣлать это будетъ очень просто: надо только распустить Думу или—еще проще—отсрочить ея занятія, а тамъ уже легко найдутся и такія «обстоятельства», которыя «вызовутъ необходимость» въ мѣрѣ, требующей обсужденія въ законодательномъ порядкѣ, и эта мѣра будетъ принята безъ неудобнаго вмѣшательства Думы. Если же понадобится продлить эту мѣру и при новой сессіи Думы, то остается только позаботиться о томъ, чтобы эта сессія продолжалась менѣе двухъ мѣсяцевъ. Такимъ путемъ можно будетъ сохранять силу любыхъ законовъ въ теченіе неопредѣленно долгаго срока, все время граціозно соединяя видимость «конституціонной» легальности съ незыблемостью самодержавной власти.

Итакъ, правительство остается не стѣсненнымъ Думой и можетъ, соблюдая лишь нѣкоторыя формальности, дѣлать въ сущности все, что ему угодно. Но что же можетъ сдѣлать сама Дума? Можетъ ли она остановить явно преступную и пагубную для народа политику правительства, можетъ-ли помѣшать хотя бы явнымъ незаконнымъ дѣйствіямъ органовъ власти?

Въ конституціонныхъ государствахъ одним изъ могучихъ средствъ контроля парламента надъ политикой правительства является право запроса министровъ депутатами. Право запроса предоставлено и членамъ нашей Думы, но это право особаго рода, какъ и вся наша «конституція»—конституція особаго рода.

Закономъ 20 февраля, повторяющимъ въ этомъ отношеніи Булыгинскій законъ 6 августа, Государственной Думѣ не предоставлено возможности обсуждать цѣлесообразность дѣйствій правительства, и Дума можетъ касаться только закономѣрности этихъ дѣйствій. Правда, Дума можетъ также «обращаться къ министрамъ за разъясненіями, непосредственно касающимися разсматриваемыхъ ею дѣлъ», но въ свою очередь и «министры имѣютъ право отказаться отъ сообщенія думѣ разъясненій по такимъ предметамъ, кои, по соображеніямъ государственнаго порядка, не подлежатъ оглашенію». Съ другой стороны, не особенно широки права Думы и въ области контроля надъ закомѣрностью дѣйствій администраціи. Заявленія о необходимости получить свѣдѣнія и разъясненія по поводу незакономѣрныхъ дѣйствій администраціи могутъ быть заслушаны Думою лишь въ такомъ случаѣ, когда они подписаны, по крайней мѣрѣ, тридцатью членами Думы. Если подобное заявленіе принято большинствомъ членовъ Думы, оно передается соотвѣтствующему министру или главноуправляющему отдѣльною частью, а тѣ «не да-

лѣе одного мѣсяца со дня передачи имъ заявленія либо сообщаютъ Думѣ надлежащія свѣдѣнія и разъясненія, либо извѣщаютъ Думу о причинахъ, по коимъ они лишены возможности сообщить требуемыя свѣдѣнія и разъясненія». Если послѣ того большинство двухъ третей Думы «не признаетъ возможнымъ удовлетвориться сообщеніемъ министра», то дѣло переходитъ черезъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта на высочайшее усмотрѣніе. На этомъ все и кончается. Иначе говоря, предоставленная Думѣ «возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій властей» сводится просто-на-просто къ возможности разговаривать о незаконныхъ дѣйствіяхъ властей, но разговаривать безъ всякихъ послѣдствій. Дума имѣетъ право спрашивать, но министры не обязаны ей отвѣчать. Дума можетъ жаловаться монарху, но министры могутъ давать по этимъ жалобамъ тайныя отъ Думы объясненія тому же монарху. Чье мнѣніе при такихъ условіяхъ будетъ брать верхъ, предсказать не трудно.

Но, быть можетъ, жалобы Думы, даже не доходя до верховной власти, смогутъ во всякомъ случаѣ дойти до страны? Не даромъ же такъ упорно рвавшіеся въ Думу конституціоналисты-демократы торжественно именовали ее каѳедрой, съ высоты которой они будутъ говорить со страною? Бѣда, однако, въ томъ, что люди, прибѣгавшіе къ такому уподобленію, слишкомъ легко забывали тѣ акустическія условія, какими обставлена данная каѳедра. Каждое засѣданіе Думы должно быть объявлено закрытымъ, разъ министръ, къ вѣдомству котораго относится разсматриваемое въ этомъ засѣданіи дѣло, объявитъ, что оно по соображеніямъ государственнаго порядка не должно подлежать оглашенію. Изъ отчета же о такомъ засѣданіи можетъ быть опубликовано лишь то, что найдетъ возможнымъ огласить въ печати министръ, потребовавшій закрытаго засѣданія. Такимъ образомъ о преніяхъ въ Думѣ по сколько-нибудь щекотливымъ для министровъ вопросамъ странѣ придется, пожалуй, узнавать лишь изъ нелегальныхъ изданій.

У Думы есть, однако же, право законодательнаго почина. Быть можетъ, пользованіе этимъ правомъ въ тѣхъ рамкахъ, въ какія оно поставлено правительствомъ, поможетъ Думѣ выйти изъ ея ненормальнаго положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ создать новыя условія жизни для страны? И на этотъ вопросъ въ свою очередь приходится отвѣтить рѣшительнымъ отрицаніемъ. Основныхъ законовъ Дума, какъ мы видѣли, касаться не можетъ, и въ настоящее время, по газетнымъ свѣдѣніямъ, спѣшно вырабатывается новый проектъ основныхъ законовъ, въ который включены всѣ важнѣйшія прерогативы самодержавной бюрократіи, вплоть до назначенія жалованія и пенсій министрамъ. Что же касается до признанаго за Думою права почина въ остальныхъ областяхъ законодательства, то и это право трудно признать особенно серьезнымъ.

Заявленія о необходимости изданія новаго закона или отмѣны

либо измѣненія дѣйствующаго закона могутъ быть заслушаны Думой только въ томъ случаѣ, если они подписаны, по крайней мѣрѣ, тридцатью ея членами, и при томъ слушаются они не раньше, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ ихъ подачи. Если большинство членовъ Думы присоединится къ такому заявленію, то соотвѣтствующій законопроектъ «вырабатывается и вносится въ Думу подлежащимъ министромъ», при чемъ для этой работы не поставлено никакого обязательнаго срока; лишь въ случаѣ отказа министра заняться выработкой законопроекта Дума можетъ выбрать для этой цѣли специальную коммиссію изъ своей среды. Законопроектъ, принятый Думой, но не принятый Государственнымъ Совѣтомъ, признается отклоненнымъ и можетъ быть вновь внесенъ на разсмотрѣніе той же сессіи лишь по высочайшему повелѣнію. Наконецъ, законопроектъ, принятый и Думой, и Совѣтомъ, но не утвержденный монархомъ, не можетъ быть вновь вносимъ на разсмотрѣніе въ теченіе той же сессіи. При наличности такихъ правилъ, очевидно, не приходится черезчуръ высоко оцѣнивать права Думы въ области законодательнаго творчества.

Въ парламентской жизни эти права обыкновенно находятъ себѣ подкрѣпленіе въ правѣ парламента распоряжаться финансовыми средствами страны, уполномочивать правительство на расходованіе этихъ средствъ или же отказывать въ такомъ уполномочіи. Авторы русской «конституціи» предусмотрительно позаботились обезпечить себя и съ этой стороны. Согласно правиламъ 8 марта, проектъ государственной росписи обсуждается Думой не весь, а съ нѣкоторыми любопытными исключеніями. Прежде всего не подлежатъ обсужденію Думы кредиты на расходъ по министерству двора въ суммахъ, не превышающихъ тѣхъ, какія назначены на эти расходы росписью на 1906 годъ, и такія измѣненія этихъ кредитовъ, которыя «обусловливаются постановленіями учрежденія объ императорской фамиліи, соотвѣтственно происшедшимъ въ ней перемѣнамъ». Равнымъ образомъ не подлежатъ обсужденію и кредиты на расходы собственной его величества канцеляріи, такъ же, какъ канцеляріи его величества по принятію прошеній, и на расходы, не предусмотрѣнные смѣтами, на экстренныя въ теченіе года надобности, разъ всѣ эти кредиты назначаются въ суммахъ, не превышающихъ соотвѣтствующихъ суммъ росписи 1906 года. Остальныя статьи, вносимыя въ проектъ государственной росписи, Дума можетъ обсуждать, но именно только обсуждать. «Назначенія на платежи по государственнымъ долгамъ и по другимъ, принятымъ на себя государствомъ, обязательствамъ не подлежатъ сокращенію». Съ другой стороны, «при обсужденіи проекта государственной росписи не могутъ быть исключаемы или измѣняемы такіе доходы и расходы, которые внесены въ проектъ росписи на основаніи дѣйствующихъ законовъ, положеній, штатовъ, росписаній, а также высочайшихъ повелѣній, въ порядкѣ верховнаго управленія послѣдо-

вавшихъ». Иначе говоря, изъ проекта росписи Думой не можетъ быть исключена ни одна статья, имѣющаяся въ росписи на 1906 годъ, и въ дѣйствительное вѣдѣніе Думы предоставлена только одна статья расходовъ—расходы на содержаніе самой Думы.

Но, можетъ быть, Думѣ оставлена какая-либо власть за этими предѣлами? Не имѣя права дѣйствительнаго контроля надъ расходами, не превышающими суммъ росписи 1906 года, Дума, быть можетъ, обладаетъ правомъ помѣшать правительству дѣлать расходы, сколько-нибудь превышающіе эти суммы? И это не совсѣмъ такъ. Во-первыхъ, правительство можетъ и впредь заключать долги, не нуждаясь для этого въ согласіи Думы, а «назначенія на платежи по государственнымъ долгамъ не подлежатъ сокращенію» властью Думы. Во-вторыхъ, къ услугамъ правительства есть и другой путь, заблаговременно заготовленный имъ на этотъ случай. По общему правилу, при неотложной надобности въ экстренныхъ расходахъ, непредусмотрѣнныхъ росписью, такіе расходы могутъ быть производимы лишь съ утвержденія Думы. Но и это «общее правило» снабжено такими исключеніями, которыя совершенно уничтожаютъ весь его смыслъ. «Если—говоритъ ст. 16 правилъ 8 марта—испрошеніе въ порядкѣ, установленномъ для утвержденія росписи, разрѣшенія на производство неотложнаго расхода представляется по краткости времени, въ теченіе коего долженъ быть произведенъ расходъ, невозможнымъ, то необходимый на покрытіе такого расхода кредитъ открывается по постановленію совѣта министровъ. О таковыхъ постановленіяхъ министры и главноуправляющіе отдѣльными частями, по смѣтамъ коихъ означенные кредиты были открыты, вносятъ въ Государственную Думу особыя представленія. Въ случаѣ открытія кредитовъ во время сессіи представленія, оправдывающія неотложность упомянутыхъ ассигнованій, вносятся, по возможности, до окончанія сессіи, а во всѣхъ прочихъ случаяхъ — въ теченіе двухъ слѣдующихъ за открытіемъ новой сессіи мѣсяцевъ. Изъятія изъ сего правила допускаются лишь въ отношеніи кредитовъ, требующихъ тайны, о коихъ представленія вносятся въ Думу по минованіи необходимости въ сохраненіи тайны». Такимъ образомъ правительство можетъ не только производить «неотложные расходы» — а какой расходъ при желаніи нельзя назвать неотложнымъ? — безъ согласія Думы, но и освободить себя на неопредѣленно долгій срокъ отъ объясненія такихъ расходовъ и даже отъ оглашенія самаго факта ихъ производства.

Все сказанное позволяетъ отвѣтить на поставленный выше вопросъ и опредѣлить, что можетъ дѣлать Дума, оставаясь въ рамкахъ «конституціи», созданной нынѣшнимъ правительствомъ. Недаромъ и въ присягѣ, требуемой отъ членовъ Думы, верховная власть по прежнему именуется самодержавной. Дѣйствительно, законы, опредѣляющіе права Думы, по существу очень мало стѣсняютъ дѣйствія правительства. Оно можетъ отвергать законопроекты,

которые Дума найдетъ необходимыми, и можетъ издавать законы безъ согласія Думы. Правда, эти послѣдніе законы будутъ временными, но сколько уже у насъ было временныхъ законовъ, существовавшихъ дольше постоянныхъ. Въ рукахъ правительства остается безконтрольное распоряженіе не только внѣшнею политикой страны, но и всѣми ея военными силами. Правительство можетъ, наконецъ, безотчетно распоряжаться государственными финансами, и отъ него самого зависитъ, больше или меньше продлить срокъ этой безотчетности, какъ отъ него же зависитъ и то, давать или не давать Думѣ объясненія дѣйствій органовъ власти въ дѣлѣ управленія государствомъ. Съ своей стороны, Дума, оставаясь въ предѣлахъ данныхъ ей правъ, не можетъ имѣть сколько-нибудь дѣйствительнаго контроля ни надъ управленіемъ, ни надъ финансами, ни надъ законодательствомъ страны. Однѣ области государственной дѣятельности не входятъ въ компентенцію Думы, на другія эта компетенція распространяется лишь фиктивнымъ образомъ, находя себѣ въ дѣйствительности массу ограниченій, и въ концѣ концовъ Дума, поскольку она останется въ созданныхъ для нея границахъ, сможетъ только разговаривать, при чемъ и эти разговоры будутъ громки лишь постольку, поскольку это дозволятъ министры.

II.

Указанный результатъ, конечно, не можетъ быть достигнутъ такъ легко, какъ это представляется правительству и вопросъ о томъ, что будетъ дѣлать Дума, еще не разрѣшается всецѣло отвѣтомъ на вопросъ, что можетъ она дѣлать, не выходя за границы данныхъ ей правъ. Конфликтъ между ожиданіями населенія и желаніями власти неизбѣженъ и эта неизбѣжность такъ же сознается всѣми послѣ прошедшихъ уже выборовъ въ Думу, какъ сознавалась и до нихъ.

Было время, когда такой конфликтъ представлялся возможнымъ въ болѣе простой и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе острой формѣ. Невѣроятная уродливость избирательной системы, установленной для выборовъ въ Думу, полное отсутствіе всякой свободы предвыборной агитаціи, крайняя ничтожность правъ, предоставленныхъ представительному учрежденію, — все это заставляло людей, наиболѣе дорожившихъ интересами народныхъ массъ и опредѣленностью боевыхъ позицій, указывать, что Государственная Дума является ловушкой, заготовленной для освободительнаго движенія, и приглашать населеніе къ отказу отъ участія въ выборахъ. Этотъ лозунгъ не имѣлъ, однако, полнаго успѣха и его восприняла лишь часть населенія, лишь наиболѣе стойкіе въ борьбѣ слои его, и среди нихъ прежде всего городской пролетаріатъ. Были такіе слои населенія, до которыхъ этотъ лозунгъ вовсе не дошелъ, были и такіе, которые сознательно

возстали противъ него и противопоставили ему горячій призывъ къ избирательнымъ урнамъ, какъ къ орудію наиболѣе дѣйствительной борьбы съ старымъ режимомъ. Эту послѣднюю позицію заняла, главнымъ образомъ, русская оппозиція, отгородившаяся отъ русской революціи и собравшаяся въ ряды конституціонно-демократической партіи. Поддерживаемые этою партіей, выборы въ Думу совершились, и, благодаря этому, неизбѣжный конфликтъ получилъ гораздо болѣе сложный и запутанный характеръ.

На первыхъ порахъ, впрочемъ, эта сложность предстоящаго конфликта была упущена изъ вида очень многими, и прежде всего тѣми, которые наиболѣе горячо стояли за выборы. Благодаря отсутствію другихъ оппозиціонныхъ партій на аренѣ выборной борьбы, конституціонно-демократическая партія смогла собрать въ ряды своихъ избирателей и тѣхъ, кто хотѣлъ свободы, но боялся революціи, и тѣхъ, кто хотѣлъ бы подать голосъ за болѣе крайнія партіи, но не могъ этого сдѣлать за неимѣніемъ ихъ кандидатовъ. При такихъ условіяхъ названная партія собрала на выборахъ неожиданно большое число голосовъ, едва-ли отвѣчающее ея дѣйствительной силѣ въ странѣ, и пріобрѣла для своихъ членовъ такое количество депутатскихъ мѣстъ, которое дѣлаетъ ее наиболѣе сильной партіей въ собирающейся Думѣ. Этотъ результатъ выборовъ на многихъ произвелъ ошеломляющее впечатлѣніе. Въ прогрессивной печати посыпался рядъ статей, полныхъ сладкаго умиленія предъ совершившимся фактомъ, говорившихъ о мирной и безкровной, но тѣмъ не менѣе рѣшительной побѣдѣ, одержанной надъ старымъ режимомъ «подъ тихій шелестъ избирательныхъ бюллетеней», и вмѣстѣ съ тѣмъ послышались горькіе упреки по адресу людей, проповѣдывавшихъ отказъ отъ выборовъ и тѣмъ самымъ помѣшавшихъ лѣвымъ партіямъ и лѣвымъ общественнымъ элементамъ принять участіе въ этой побѣдѣ. Органы самой конституціонно-демократической партіи уже совершенно почувствовали себя побѣдителями и заговорили тономъ будущей власти, предусмотрительно, впрочемъ, пользуясь этимъ тономъ не столько по отношенію къ существующимъ властямъ, сколько по отношенію къ лѣвымъ партіямъ и группамъ.

Когда въ нѣкоторыхъ органахъ прессы были сдѣланы указанія на то, что въ виду характера настоящихъ выборовъ, конституціоналисты-демократы не могутъ считать себя въ Думѣ дѣйствительными избранниками народа и обязаны, прежде всего, добиваться созыва истиннаго народнаго представительства, конституціонно-демократическія газеты поспѣшили отвѣтить на эти замѣчанія въ весьма рѣшительномъ, чтобы не сказать — безцеремонномъ, тонѣ. «Къ сожалѣнію,—писало въ одной изъ своихъ редакціонныхъ статей «Право» — высокомѣрное ослѣпленіе замѣчается не только справа. Никогда еще вопреки поговоркѣ не случалось, чтобы побѣдителей не судили, но нельзя воздержаться отъ нѣкотораго не-

доумѣнія, когда тѣ, кто либо съ полнымъ равнодушіемъ глядѣлъ на бой, либо даже мѣшалъ побѣждать, послѣ одержанной побѣды выступаетъ съ нотаціями и менторскими наставленіями о томъ, какъ слѣдовало сражаться и какъ слѣдуетъ воспользоваться плодами побѣды. Въ своей борьбѣ партія народной свободы, какъ партія, была одинока, если не считать небольшой крестьянской организаціи, соединившейся съ нею. Яростнѣе всего на нее нападали слѣва, не смотря на то, что съ самаго перваго момента своего существованія она призывала всѣ оппозиціонныя силы къ борьбѣ съ единымъ общимъ врагомъ. Сколько лжи, грязной клеветы, доносовъ, брани пришлось услышать тѣмъ, кто готовъ былъ ради этой общей цѣли протянуть руку налѣво! И хорошо извѣстно, что въ хорѣ заревѣвшихъ по этому поводу конституціонно-демократической партіи «анаѳему» отчетливо и громко прозвучали «лѣвые» голоса. Въ прессѣ было уже указано, что въ своей избирательной кампаніи конституціонно-демократической партіи пришлось тратить огромныя усилія въ борьбѣ съ бойкотомъ, который былъ единственнымъ страстнымъ, злобнымъ лозунгомъ этихъ «лѣвыхъ» голосовъ». И, облегчивъ душу всѣми этими «кроткими» словечками, наглядно показывающими, что при желаніи конституціонно-демократическая партія имѣетъ полную возможность обзавестись писателями, по энергіи выраженій и добросовѣстности пріемовъ не уступающими нововременскимъ Меньшиковымъ, редакція «Права» съ неумолимою рѣшительностью заключала: «Партія народной свободы, думаемъ мы, не нуждается въ «посторонней помощи» опекуновъ и совѣтниковъ, всегда готовыхъ читать наставленія... Ей одинаково безразличны внушенія, исходящія какъ справа отъ теряющихъ подъ ногами почву временщиковъ, такъ и слѣва — отъ неисправимыхъ фанатиковъ и доктринеровъ въ шорахъ» («Право», № 13).

Болѣе прилично, но не менѣе рѣшительно отстаивалъ ту же позицію всевластнаго побѣдителя и другой органъ конституціоналистовъ-демократовъ—«Рѣчь». Конституціонно-демократическая партія—писала эта газета 29 марта—поступила бы, по нашему мнѣнію, очень неосторожно, если бы, выбирая свою линію поведенія, стала руководиться чьими бы то ни было внушеніями со стороны. Слѣва ее до сихъ поръ только порицали—болѣе или менѣе рѣзко. Теперь оттуда же считаютъ нужнымъ давать ей совѣты и ставить требованія. По нашему мнѣнію, мѣрка отвѣтственности партіи за ея поведеніе должна заключаться не въ соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи его этимъ указаніямъ со стороны, а въ соотвѣтствіи тѣмъ обязательствамъ, которыя партія приняла передъ избирателями и которыя хорошо извѣстны всѣмъ, какъ изъ ея программы, такъ и изъ ея тактическихъ рѣшеній. Изъ того стоическаго спокойствія, которое партія обнаружила, когда ее осыпали градомъ упрековъ и обвиненій за то, что она хочетъ дѣлать *свое* дѣло, а не чужое, можно вывести заключеніе, что и по отношенію къ непрошеннымъ

совѣтамъ она останется такъ же непоколебима и вѣрна самой себѣ. Теперь ей это дѣлать будетъ гораздо легче, чѣмъ прежде. Прежде, когда рѣчь шла о выборѣ того или иного способа дѣйствій, о постановкѣ той или другой задачи, партія могла руководствоваться лишь мнѣніемъ своихъ членовъ, и выборъ зависѣлъ отъ ихъ большей или меньшей политической проницательности. Теперь мнѣніе партіи освящено одобреніемъ тѣхъ сотенъ тысячъ избирателей, которые послали ея членовъ въ Государственную Думу. Въ этой народной санкціи партія должна отнынѣ черпать свою рѣшимость, свое политическое мужество — и свое сознаніе отвѣтственности». Когда же г. Богучарскій въ еженедѣльникѣ «Безъ заглавія» попытался указать, что, такъ старательно отгораживаясь отъ «непрошеныхъ совѣтовъ», конституціоналисты-демократы въ сущности выбираютъ «совсѣмъ неудобное время для выискиванія какихъ-то основаній для раздѣленія дѣйствующихъ силъ освободительнаго движенія на «избирателей» и «неизбирателей», «Рѣчь» поспѣшила отвѣтить, что она вовсе не проводитъ такого раздѣленія, а, напротивъ, признавая «голосъ «избирателей» за наиболѣе (до сихъ поръ) совершенное и единственное сколько-нибудь правильно констатированное выраженіе голоса страны», отожествляетъ избирателей со страною. И такое отожествленіе достигается очень просто: для того, чтобы получить его, достаточно всѣхъ, голосовавшихъ въ настоящихъ условіяхъ за конституціоналистовъ-демократовъ, признать полными сторонниками программы и тактики этой партіи, а всѣхъ, вольно или невольно не участвовавшихъ въ выборахъ, сбросить со счетовъ. Пожалуй, только не стоило такое отожествленіе противопоставлять «раздѣленію».

Во всякомъ случаѣ разсматриваемое, такимъ образомъ, положеніе представлялось въ высшей степени простымъ. Изъ всѣхъ оппозиціонныхъ группъ и партій одна только конституціонно-демократическая партія избрала вѣрную тактику, пойдя на выборы въ думу. Большинство избирателей отдало свои голоса этой партіи, она одержала побѣду «подъ тихій шелестъ избирательныхъ бюллетеней», слѣдовательно, ей и предстоитъ получить власть и устроить народную жизнь по своей программѣ, не оглядываясь по сторонамъ и не слушая «непрошенныхъ совѣтовъ». Но уже очень скоро изъ-за этой кажущейся простоты выглянуло нѣчто иное.

Прежде всего нѣсколько неожиданно для многихъ восторженныхъ людей выяснилось одно обстоятельство, которое возможно было предвидѣть и заранѣе, а именно то, что «тихимъ шелестомъ избирательныхъ бюллетеней» реальныя побѣды можно одерживать лишь въ тѣхъ странахъ, гдѣ уже завоевана свобода, а не въ тѣхъ, гдѣ ее еще предстоитъ завоевать. Правительство не обратилось въ бѣгство отъ побѣды конституціоналистовъ-демократовъ на выборахъ, а, наоборотъ, ухитрилось въ самый разгаръ этой побѣды, почти передъ самымъ созывомъ Государственной Думы, занять у европейскихъ банки-

ровъ 850 милліоновъ рублей на ростовщическихъ процентахъ и, такимъ образомъ, еще разъ принеся въ жертву интересы русскаго народа, обезпечило себѣ на нѣкоторое время денежныя средства. Въ печати появились было слухи, будто конституціонно-демократическая партія пыталась путемъ сношеній съ видными политическими дѣятелями Франціи помѣшать заключенію этого займа, но партійные органы конституціоналистовъ-демократовъ поспѣшили опровергнуть эти слухи, напоминая кстати, что конституціонно-демократическая партія высказалась противъ «финансоваго бойкота». А «Рѣчь»—этотъ главный органъ конституціоналистовъ-демократовъ, — ближе опредѣляя роль своей партіи въ дѣлѣ заключенія займа, писала слѣдующее: «Если бы обстоятельства въ апрѣлѣ были таковы, каковы они были въ октябрѣ прошлаго года,—т. е., если бы за границей ожидали не начала парламентской борьбы, а революціоннаго взрыва, шансы на успѣхъ котораго трудно разсчитать издали,—то денегъ совсѣмъ бы не дали. Вотъ почему гораздо ближе къ истинѣ тѣ наши «лѣвые друзья», которые укоряютъ насъ, что своей побѣдой мы сдѣлали заемъ вообще возможнымъ, чѣмъ тѣ органы оффиціальной и оффиціозной печати, которые на насъ пытаются возложить вину за невыгодныя условія займа («Рѣчь», 11 апрѣля). Это любопытное признаніе позволяетъ спросить, такъ ли ужъ безошибочна та тактика, которая ведетъ къ такимъ результатамъ, какъ облегченіе займа для правительства Витте-Дурново. У группъ и партій, не участвовавшихъ въ такомъ облегченіи, нѣтъ, думается намъ, большихъ основаній завидовать роли конституціоналистовъ-демократовъ въ этомъ отношеніи.

Такимъ образомъ, дѣйствительность не замедлила показать, что результаты тактики приглашенія населенія къ выборамъ въ Думу на условіяхъ, поставленныхъ правительствомъ, являются гораздо болѣе сложными, чѣмъ это первоначально предполагали защитники подобной тактики. Съ другой стороны, при нѣкоторомъ вниманіи не трудно замѣтить и то, что самая побѣда оппозиціи на выборахъ не такъ ужъ просто укладывается въ рамки побѣды конституціонно-демократической партіи. Съ точки зрѣнія самихъ конституціоналистовъ-демократовъ, разъ они пріобрѣли въ выборной кампаніи положеніе наиболѣе сильной партіи, то именно они и являются побѣдителями, большинство избирателей высказалось именно за ихъ программу и имъ, слѣдовательно, остается проводить въ Думѣ эту программу въ полномъ ея видѣ, какъ политическую, такъ и экономическую и въ томъ числѣ, въ первую голову, аграрную. «Сторонники строгой доктрины—пишетъ по этому поводу «Рѣчь» — будутъ, конечно, утверждать, что настоящіе депутаты не суть истинные представители народа—и никакихъ вопросовъ поэтому разрѣшать не должны. Съ первымъ положеніемъ мы согласны, — такъ какъ первой цѣлью партіи и есть и останется — организація правильнаго народнаго представительства. Но простая справка съ

представительными учрежденіями Запада покажетъ, что отрицать вообще принципіально значеніе нашихъ депутатовъ, какъ всетаки народныхъ избранниковъ, и свести ихъ роль на роль простыхъ протестантовъ было бы смѣшнымъ и жалкимъ доктринерствомъ. Наша избирательная система — неправильна; но одно изъ практическихъ послѣдствій ея недостатковъ есть то, что въ первой русской Думѣ крестьянство будетъ представлено такъ, какъ оно никогда и нигдѣ не было представлено, а реакціонное меньшинство представлено слабѣе, чѣмъ могло бы быть представлено при болѣе совершенной избирательной системѣ. Слѣдовательно, какъ бы мы ни относились къ основамъ избирательнаго права, практически мы должны дорожить составомъ первой русской Думы и предоставить ей самой — использовать себя въ интересахъ тѣхъ прогрессивныхъ силъ, которыя будутъ тамъ представлены» («Рѣчь», 31 марта).

Легко понять цѣль этой тирады, но не такъ легко разгадать смыслъ включенныхъ въ нее аргументовъ. Авторъ приведенной цитаты, къ сожалѣнію, не потрудился указать, какой именно изъ подмѣченныхъ имъ недостатковъ системы выборовъ въ Думу оказался такимъ жестокимъ для реакціи. Я, съ своей стороны, не въ силахъ разгадать этой хитрой загадки, такъ какъ, наоборотъ, полагаю, что названная избирательная система была крайне благопріятна для реакціонныхъ силъ, и если послѣднія на выборахъ всетаки потерпѣли пораженіе, то это только лишній разъ показываетъ, что насъ напрасно пугали ихъ преувеличенными размѣрами. Не легче понять и умиленіе «Рѣчи» передъ результатами, какіе дала избирательная система Булыгина-Витте русскому крестьянству. «Въ первой русской Думѣ крестьянство будетъ представлено такъ, какъ оно никогда и нигдѣ не было представлено»,—говоритъ газета и поясняетъ, что это будетъ практическимъ результатомъ недостатковъ избирательнаго закона. Но вѣдь въ Россіи крестьянство должно бы было имѣть въ правильно организованномъ представительномъ учрежденіи 80% голосовъ, а въ Думѣ будетъ имѣть лишь около 40% голосовъ.

Повидимому, смыслъ этихъ странныхъ аргументовъ сводится къ тому, что правильное народное представительство должно быть само по себѣ—цѣлью болѣе или менѣе далекаго будущаго, а устройство народной жизни въ настоящемъ тоже само по себѣ—дѣломъ нынѣшней Думы. Въ дѣйствительности, однако, правильное народное представительство—не самостоятельная цѣль, а орудіе, и это орудіе какъ нельзя болѣе нужно народу именно въ настоящій моментъ, такъ какъ, быть можетъ, только оно одно сможетъ повернуть русскую жизнь изъ тѣхъ дебрей, въ какихъ она находится, на путь истиннаго развитія народныхъ силъ и, во всякомъ случаѣ, оно выполнитъ эту задачу скорѣе всякого другого. Нынѣшнему же представительству въ лицѣ Государственной Думы такая задача

не по силамъ. Конечно, членовъ Думы можно всетаки назвать «избранниками», но нельзя забывать, что эти избранники выбраны неправильнымъ путемъ, что выбиралъ ихъ не весь народъ и что при ихъ выборѣ отсутствовали условія, обезпечивающія свободу и сознательность избранія.

Какъ велики недостатки избирательной системы, установленной для Думы, и какъ глубоко искажаютъ они характеръ народнаго представительства, хорошо извѣстно. Извѣстно и то, что почти весь городской пролетаріатъ Россіи и значительная часть городской интеллигенціи не принимали участія въ выборахъ. Въ деревнѣ выборы происходили, но часто имѣли весьма оригинальный характеръ. Въ съѣздахъ мелкихъ землевладѣльцевъ въ массѣ мѣстностей участвовали лишь отъ 5 до одного процента избирателей, а то и меньше. Въ Симферопольскомъ уѣздѣ на такомъ съѣздѣ изъ 4,000 избирателей участвовало 83, въ Харьковскомъ уѣздѣ изъ 4,223 избирателей явилось 123, въ Пронскомъ — изъ 662 избирателей приняли участіе въ выборахъ 25; подобныхъ и еще болѣе рѣзкихъ примѣровъ можно было бы привести еще очень много. Выборы отъ волостей проходили болѣе гладко, но вмѣстѣ съ тѣмъ передъ ними, а то и одновременно съ ними, въ деревняхъ совершалась энергическая уборка нежелательныхъ элементовъ. Достаточно припомнить тѣ ярыя преслѣдованія, которымъ подвергся Крестьянскій Союзъ, чтобы наглядно представить себѣ положеніе, въ которомъ должны были очутиться во время выборовъ наиболѣе сознательные элементы крестьянства. Не было недостатка и въ мѣрахъ, принимавшихся противъ отдѣльныхъ лицъ. Въ Покровскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи еще въ январѣ былъ арестованъ крестьянинъ Абакумовъ, намѣченный нѣсколькими волостями выборщикомъ. Въ январѣ же въ одну изъ московскихъ тюремъ былъ доставленъ студентъ изъ крестьянъ, арестованный за то, что былъ избранъ крестьянами уполномоченнымъ на съѣздъ отъ волостей. Въ Путивльскомъ уѣздѣ былъ арестованъ избранный крановецкимъ съѣздомъ уполномоченныхъ отъ волостей въ выборщики крестьянинъ Полунинъ. Въ Суздальскомъ уѣздѣ были арестованы и посажены въ тюрьму оба уполномоченные отъ тумской волости, крестьяне Ершовъ и Шабалинъ. Въ концѣ февраля въ Бутырскую тюрьму былъ доставленъ крестьянинъ Бѣловъ, избранный выборщикомъ изъ деревни Откишино. 21 февраля изъ самарской тюрьмы былъ отправленъ въ ссылку въ Вологодскую губернію крестьянинъ Бугурусланскаго уѣзда, пономаревской волости, Горностаевъ, являвшійся, по словамъ газетъ, несомнѣннымъ кандидатомъ въ выборщики. Въ Лохвицкомъ уѣздѣ 5 марта былъ арестованъ казакъ В[illegible]енко, намѣченный кандидатомъ въ выборщики. Въ Екатеринославскомъ уѣздѣ арестовали гласнаго уѣзднаго земства, крестьянина Мирошниченка, котораго

крестьяне прочили въ члены Думы *). Къ этимъ эпизодамъ, почти на-удачу выхваченнымъ много изъ газетъ, можно было бы прибавить еще длинный рядъ совершенно аналогичныхъ случаевъ. Но давленіе на выборы не ограничилось устраненіемъ тѣхъ или иныхъ опредѣленныхъ лицъ. Это давленіе повело и къ другому, еще болѣе важному результату въ видѣ почти полнаго отсутствія предвыборной агитаціи. Въ городахъ еще была кой-какая агитація, почти исключительно, впрочемъ, сводившаяся къ полемикѣ конституціоналистовъ-демократовъ съ правыми партіями. Въ деревняхъ же въ громадномъ большинствѣ случаевъ вовсе не было предвыборной агитаціи въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не было никакого разбора программъ, никакого состязанія партій.

Если при такихъ условіяхъ большинство на выборахъ всетаки получили прогрессивные элементы, то это, конечно, говоритъ о громадной силѣ освободительнаго движенія, пробившагося даже чрезъ наиболѣе крѣпкія преграды, но достигнутая въ этомъ смыслѣ побѣда является побѣдой оппозиціи вообще, а не можетъ быть присвоиваема въ полномъ объемѣ опредѣленной партіи и опредѣленной программѣ. Дѣйствительно, вся исторія выборовъ, включая сюда и отказы отъ участія въ нихъ со стороны сильныхъ общественныхъ группъ, какъ нельзя яснѣе показала, что громадная масса населенія Россіи страстно стремится порвать съ старымъ порядкомъ, основаннымъ на произволѣ и насиліи, и жадно рвется къ свободѣ. Въ этомъ отношеніи на выборахъ, несомнѣнно, сказалась воля народа. Но выборы не дали и не могли дать выясненія этой воли въ смыслѣ болѣе или менѣе точной программы устройства народной жизни на новыхъ, свободныхъ началахъ,—не могли дать уже потому, что на нихъ не было необходимаго для этого условія въ видѣ спора различныхъ программъ. И было бы, конечно, недобросовѣстно говорить, что такого спора не было, такъ какъ программы, шедшія лѣвѣе конституціоналистовъ-демократовъ. вовсе не выставлялись. Дѣло не въ томъ, что эти программы не выставлялись, а въ томъ, что онѣ не могли быть выставлены. А между тѣмъ мыслимо ли безъ дѣйствительнаго выясненія народной воли рѣшать хотя бы такой вопросъ, какъ аграрный, являющійся основнымъ вопросомъ всей экономической жизни Россіи? Конституціоналисты-демократы, представляющіе собою наиболѣе сильную партію въ Думѣ, имѣютъ свою программу разрѣшенія аграрнаго вопроса путемъ дополнительнаго надѣленія крестьянъ землею, но вѣдь эта программа не обсуждалась на мѣстахъ какъ разъ тѣми, чьи интересы она должна обслуживать, — не обсуждалась крестьянами. И если даже въ Думѣ представители крестьянства—болѣе или менѣе случайные, какъ и всѣ члены Думы,—при-

*) „Нижег. Листокъ", 28 янв.; „Н. Ж.", 2 февр.; „Русь", 4 февр.; „Ниж. Листокъ", 9 и 4 марта; „Н. Ж.", 1 марта; „Русь", 8 и 1 марта.

мутъ такую программу, то явится ли это достаточной гарантіей того, что она будетъ принята крестьянами и на мѣстахъ проведенія ея въ жизнь?

При наличности этихъ условій, которыя съ большею или меньшею силою будутъ давать себя чувствовать во всѣхъ крупныхъ вопросахъ, задача дѣйствій Думы, очевидно, не можетъ быть рѣшена лишь программой и тактикой наиболѣе сильной въ ея стѣнахъ партіи. Избранная по неправильной до уродливости системѣ, въ глубоко иенормальной обстановкѣ, Дума можетъ дѣйствительно служить народному дѣлу лишь постольку, поскольку она всю свою энергію, всѣ свои усилія посвятитъ борьбѣ за созданіе условій, обезпечивающихъ правильное и свободное выраженіе народной воли. На ряду съ этимъ въ Думѣ, понятно, могутъ быть подняты и поставлены и другіе наболѣвшіе вопросы русской жизни, въ томъ числѣ и аграрный, но, если нынѣшняя Дума попытается теперь же дать этимъ вопросамъ рѣшенія, по поводу которыхъ народъ еще не имѣлъ возможности высказаться, то это будетъ съ ея стороны попыткой предвосхитить велѣнія народной воли и такая попытка неизбѣжно окажется связанной, съ рискомъ вызвать тяжелый и чреватый опасностями конфликтъ въ нѣдрахъ освободительнаго движенія.

Говоря это, я, конечно, не предполагаю убѣдить въ правильности такого взгляда конституціоналистовъ-демократовъ. У нихъ нѣтъ желанія выслушивать голоса слѣва, мнѣ въ свою очередь нѣтъ нужды убѣждать въ чемъ-либо тѣхъ, которые видятъ лѣвѣе себя только «фанатиковъ» и «доктринеровъ», а сами настолько чужды «доктринерства», что охотно готовы дать почетное мѣсто въ рядахъ своей партіи г. Кутлеру, пришедшему въ нее непосредственно послѣ окончанія своей «блестящей карьеры» въ кровавомъ кабинетѣ Витте-Дурново. Но если указанный взглядъ на задачи Думы не можетъ быть принятъ конституціоналистами-демократами, стоящими въ этомъ вопросѣ на совершенно иной точкѣ зрѣнія, то тѣмъ болѣе горячихъ защитниковъ можетъ онъ найти себѣ въ другихъ общественныхъ кругахъ, обладающихъ болѣе активнымъ настроеніемъ и склонныхъ къ болѣе принципіальной постановкѣ вопросовъ политической жизни.

Изъ этихъ круговъ мало кто вошелъ въ Думу, такъ какъ они по большей части уклонились отъ участія въ выборахъ. Имъ предстоитъ въ виду этого дѣйствовать главнымъ образомъ внѣ стѣнъ Думы и для такихъ дѣйствій у нихъ есть широкое поприще. Въ настоящій моментъ, когда Дума уже готова собраться, лозунгъ не участія въ выборахъ, конечно, уже потерялъ свой практическій смыслъ, но, какъ мы видѣли, раскаиваться въ этомъ лозунгѣ всетаки не приходится, а тѣ общія соображенія, которыя въ свое время привели къ нему и въ основѣ которыхъ лежала мысль о необходимости немедленно и энергично добиваться правильно организо-

ваннаго представительства со всею полнотою власти, съ тѣмъ, чтобы уже такому представительству передать рѣшеніе всѣхъ вопросовъ народной жизни,—эти общія соображенія и теперь сохранили свою силу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ именно теперь, по мѣрѣ того, какъ выясняется становящеся все болѣе глубокимъ разъединеніе различныхъ элементовъ освободительнаго движенія, эти же соображенія, съ особенною настоятельностью, выдвигаютъ впередъ давно уже ставшую очередною задачу созданія болѣе широкихъ и прочныхъ организацій, близкихъ по настроенію и однородныхъ по программнымъ воззрѣніямъ группъ, стоящихъ на лѣвомъ крылѣ русскаго освободительнаго движенія и, въ частности, принадлежащихъ къ соціалистическому лагерю. Чѣмъ скорѣе будетъ выполнена такая задача, чѣмъ прочнѣе будутъ спаяны эти организаціи, чѣмъ быстрѣе превратятся онѣ въ открытыя и широкія партіи, тѣмъ легче имъ удастся вовлечь въ себя народныя массы и тѣмъ крупнѣе будетъ ихъ роль въ великой революціи русскаго народа. Но появленіе и ростъ такихъ организацій требуютъ времени, а до того даже и простое сближеніе уже существующихъ лѣвыхъ партій и группъ могло бы явиться серьезнымъ противовѣсомъ той чуждой строгой принципіальности политикѣ компромиссовъ, которая, повидимому, найдетъ себѣ многочисленныхъ защитниковъ въ собирающейся 27 апрѣля Думѣ. Будемъ надѣяться, что подобное сближеніе и явится, дѣйствительно, фактомъ ближайшаго будущаго одновременно съ началомъ работъ оппозиціонной Думы и что оно помѣшаетъ наиболѣе умѣ-реннымъ силамъ этой Думы придать ей роль тормаза въ развитіи русской исторіи.

В. Мякотинъ.

Редакторъ-издатель ***В. А. Мякотинъ.***




AP50
.R94
1906
April
RUSSKOE BOGATSTVO.
AP50
.R94
1906
Russkoe Bogatstvo.

